

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Алмазов Михаил Григорьевич

**Московская власть в борьбе с революцией накануне и во время
Декабрьского вооруженного восстания
(октябрь–декабрь 1905 г.)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
кандидат исторических наук, доцент
А.А. Левандовский

Москва – 2020

Содержание.

Введение.....	3
Глава I. Московская власть в борьбе с революцией в «дни свобод» (18 октября – 7 декабря 1905 г.).	
§1. Общественно-политическая ситуация в Москве в «дни свобод» (17 октября – 7 декабря 1905 г.).....	84
§2. Сила и слабость московской власти: формальные возможности и реальный потенциал администрации в «дни свобод».....	96
§3. Меры по борьбе с революцией в «дни свобод» и их результаты.....	158
Глава II. Московская власть в борьбе с революцией во время Декабрьской стачки и вооруженного восстания.	
§1. Декабрьская стачка и восстание в Москве 1905 г.....	267
§2. Административные меры в борьбе с восстанием.....	282
§3. Гражданская и военная власть Москвы в борьбе с восстанием.....	390
§4. История присылки подкреплений в Москву в период Декабрьского восстания.....	463
§5. Администрация, Дума и «мирное» население Москвы перед лицом восстания.....	495
Заключение.....	573
Список источников и литературы.....	578

Введение.

Актуальность исследования. Осень-зима 1905 г. стали трудным временем для русского самодержавия. Вспыхнувшая в октябре 1905 г. Всероссийская политическая стачка, парализовав важнейшие отрасли экономики и став последней каплей в процессе деморализации правительственного аппарата, побудила Николая II подписать Манифест 17 октября, дарующий «незыблемые начала гражданской свободы». Однако расплывчатые формулировки данного документа, совпавшие с широко распространенными ожиданиями глубоких реформ государственного строя, препятствовали водворению «порядка». В результате эпоха «дней свобод», продлившаяся до начала декабря, ознаменовалась рядом масштабных социально-политических катаклизмов: «черносотенными погромами», аграрными «беспорядками», восстаниями в армии и во флоте, созданием Советов – параллельных органов власти. Апострофом революционного процесса стала череда вооруженных восстаний в различных регионах страны, из которых самым масштабным и опасным для государственного строя стало Московское. Больше недели малочисленным дружинникам удавалось выдерживать натиск полиции и войск. Город был покрыт сетью баррикад и даже в центре до 15 декабря жизнь в значительной мере оказалась парализована. Для разгрома «мятежников» центральным властям империи пришлось высылать подкрепления – элитный гвардейский Семеновский полк, при участии которого и удалось подавить последние «революционные очаги» на Пресне и Казанской железной дороге.

Различные аспекты истории Декабрьского восстания привлекали и современников, и потомков. В советское время наибольший интерес вызвали революционеры, а боровшаяся с ними местная власть во главе с вице-адмиралом Ф.В. Дубасовым во многом оставалась «за кадром» повествования. В современный период ситуация начинает меняться, хотя о воссоздании целостной картины действий московской администрации в борьбе с

Декабрьским восстанием говорить пока не приходится. Как представляется, исследование этой темы имеет принципиальное значение в контексте изучения состояния местного государственного аппарата самодержавия и его возможностей в условиях открытого противостояния с революционерами.

Деятельность же московского руководства в предшествующие месяцы издавна уходила на задний план, будучи заслонена грандиозными революционными потрясениями или масштабными реформами существовавшего государственного строя. В отношении администрации Первопрестольной в этот период высказывались мысли либо о ее «скованности» размахом революционного движения масс¹, либо о ее полной бездеятельности². Между тем, как представляется, разбор конкретных действий московской власти в этот период во многом позволяет дать ответ на вопрос, почему стало возможным вооруженное восстание, и оценить возможности власти эффективно противостоять революции в неопределенной политической обстановке.

Кроме того, изучение заявленной темы позволяет выйти на рассмотрение более общих вопросов истории России начала XX века: о качестве системы гражданского и военного управления, об эффективности внутренней политики самодержавия, о взаимоотношениях власти и общественности.

Объектом исследования является московская власть — административно-полицейский аппарат, возглавляемый генерал-губернатором и градоначальником, во взаимодействии с руководством и силами Московского военного округа, городским самоуправлением, населением Москвы и петербургским начальством.

Предметом исследования выступает деятельность власти по подавлению революционного движения.

Хронологические рамки исследования: 18 октября — конец декабря

¹Шатина Н.В. Местный государственный аппарат самодержавия в борьбе с первой российской революцией (На примере Москвы): дис ...канд. ист. наук. М., 1989.

²Ильин С.В. Витте. М., 2012. С. 385.

1905 г., т. е. время от начала «дней свобод» в Москве до окончательной победы власти над Декабрьским восстанием. По мере необходимости в работе будут совершаться экскурсии в более позднее и раннее время для воссоздания либо причин и предпосылок, либо последствий рассматриваемых событий.

Цель и задачи исследования. Цель работы – исследовать комплекс мероприятий, предпринятых московской властью в борьбе с революцией в указанный период.

Для достижения этой цели необходимо решить ряд исследовательских задач:

- Воссоздать социально-политический контекст, в котором разрабатывались и реализовывались исследуемые в работе меры московской власти.
- Выяснить силовой и «личностный» потенциал московского руководства в борьбе с революцией в «дни свобод».
- Рассмотреть конкретные меры, принятые московской властью для противодействия революционному движению в период «дней свобод», и выяснить их результаты.
- Изучить комплекс административных акций, реализованных администрацией Первопрестольной в период Декабрьского восстания, выявить его специфику и последствия.
- Исследовать особенности и итоги взаимодействия гражданской и военной власти в период восстания на всех уровнях.
- Проанализировать процесс сотрудничества московской власти с руководством империи в условиях восстания, в особенности – в деле присылки подкреплений в Первопрестольную.
- Провести исследование взаимодействия гражданской администрации с московской общественностью и населением в целом по вопросам,

касающимся борьбы с восстанием и оптимизации издержек, возникших при этом.

Методологической основой работы стали основные принципы исторического исследования – историзм, научная объективность и системность. В работе использованы общенаучные (исторический, логический) и специальные исторические методы: историко-генетический, историко-сравнительный, проблемно-хронологический.

Научная новизна исследования. В диссертации впервые на основе опубликованных и архивных источников проведено исследование комплекса мер московской власти по борьбе с революцией на протяжении периода от выхода Манифеста 17 октября 1905 г. до завершения Декабрьского вооруженного восстания – времени наивысшего взлета революционного движения и сложнейшего положения местной администрации, обстоятельно изучено силовой потенциал руководства Первопрестольной в данный период, его взаимодействие с командованием Московского военного округа, центральной властью и общественностью города .

Теоретическая новизна исследования заключается в том, что материалы диссертации могут быть использованы для дальнейшего изучения борьбы местного аппарата самодержавия с революционным движением, особенностей региональной администрации начала XX века, внутренней политики за этот период.

Практическая значимость исследования состоит в том, что выводы и материалы диссертации могут быть использованы при разработке общих вопросов по истории революции 1905-1907 гг., внутренней политики начала XX века, а также специальных курсов, посвященных истории Декабрьского восстания, региональной власти и Москвы в указанный период.

Апробация результатов исследования. Основные научные результаты диссертации были представлены на 8 международных и всероссийских научных конференциях, а также опубликованы в 14 научных работах общим

объемом 9,89 п.л., в том числе в 5 статьях в рецензируемых научных изданиях, индексируемых в базах данных Web of Science, Scopus, RSCI и в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по группе специальностей 07.00.00 – исторические науки и археология.

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории России XIX века – начала XX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Степень разработанности темы. Научное исследование заявленной темы начинается после 1917 г. До этого времени осмысление подавления Декабрьского восстания оставалось уделом публицистов. В изучении данной проблематики в отечественной историографии можно выделить советский (конец 1910-х – 1991 г.) и современный (с 1991 г.) периоды. Сюжеты, связанные с разгромом Декабрьского восстания, также активно разрабатывались в зарубежной литературе в 1970-1980-е гг.

Советский период исследования революции 1905-1907 гг. в целом и Декабрьского восстания в частности был чрезвычайно плодотворен³. Интенсивно изучались движущие силы революционного процесса, позиция различных политических организаций, деятельность I и II Государственных Дум и т.д. Пристальное внимание ученых привлекала история подготовки Декабрьского восстания, его ход, участие в нем большевиков⁴. Однако исследований, непосредственно посвященных теме подавления выступления и карательной политике самодержавия, выходило очень немного, что вызывало тревогу самого ученого сообщества⁵.

Собственно, по интересующему нас сюжету в советский период вышло два исследования.

Первая – статья археографа В.Н. Сторожева «Декабрьское вооруженное восстание (По архивным материалам)», увидевшая свет в сборнике

³ Первая революция в России. Взгляд через столетие / Отв. ред. А.П. Корелин и С.В. Тютюкин. М., 2005. С. 5.

⁴ Актуальные проблемы советской историографии Первой русской революции. М., 1978.

⁵ Степанский А.Д. Историография внутренней политики царизма // Актуальные проблемы... С. 256.

«Декабрьское восстание в Москве 1905 г.» под редакцией Н.Н. Овсянникова. Исследователь поднимал такие проблемы, как меры администрации по борьбе с восстанием и их результат, взаимодействие гражданской и военной власти в дни восстания (в частности Ф.В. Дубасова и командира Семеновского полка Г.А. Мина), а также местной администрации и Министерства внутренних дел. Метод археографа заключался в пересказе или дословном приведении ряда документов без глубокого их анализа, однако позволил ввести в научный оборот много архивных материалов (например, переписку Дубасова и Мина во время действий отряда последнего на Пресне). Рассмотрев мероприятия московской власти по борьбе с восстанием, а также положение местного военного аппарата, Сторожев делает вывод о безусловно решающей роли Семеновского полка в подавлении мятежа. На основании переписки военных деятелей⁶ и Дубасова с Петербургом⁷ археограф приходит к выводу о недостаточности военных сил для «усмирения» восстания⁸. Тщательно подобрана Сторожевым серия документов, позволяющих понять технику принятия решения о расстреле училища Фидлера⁹. К сожалению, узость источниковой базы (автор работал только с некоторыми материалами секретного отделения канцелярии генерал-губернатора, Охранного Отделения и штаба Московского военного округа) и «разоблачительная» направленность статей повлияла на некоторые сделанные им выводы. Так, он пишет о неудаче плана создания добровольных дружин при полицейских участках¹⁰, лишь упоминает об одном заседании «Военного Совета» при генерал-губернаторе 15 декабря (не раскрывая его природы) и полагает, что он собрался лишь для принятия решения о занятии железных дорог войсками¹¹.

Второй труд по интересующей нас теме появился лишь спустя почти

⁶ Сторожев В.Н. Декабрьское вооруженное восстание (По архивным материалам) // Декабрьское восстание в Москве 1905 г. (Иллюстрированный сб. статей, заметок и воспоминаний) X Под ред. Н.Н. Овсянникова (История пролетарской революции, сб. 3-й). М., 1920. С. 109-114.

⁷ Он же. Указ. соч. С. 136-138.

⁸ Он же. Указ. соч. С. 114.

⁹ Там же. С. 96-98, 102-107.

¹⁰ Там же. С. 84-86.

¹¹ Там же. С. 90.

семьдесят лет, в 1989 г. Речь идет о кандидатской диссертации Н.В. Шатиной «Местный государственный аппарат самодержавия в борьбе с первой российской революцией (На примере Москвы)». Следует сказать, что эта работа до сих пор является самым подробным и обстоятельным исследованием по заявленной теме. В данном исследовании определены функции административной власти в репрессивной сфере¹², описан механизм борьбы с революционным движением¹³, произведена классификация конкретных мер по подавлению «крамолы»¹⁴ и выявлена их специфика применения по этапам и подэтапам революции¹⁵. В качестве источниковой базы ученым привлечен солидный архивный материал¹⁶. Н.В. Шатина отмечает растерянность администрации в условиях «дней свобод», кратко характеризует меры власти по борьбе с «крамолой» в этот период (особый упор делая на привлечение ею для этой цели «черносотенцев»), касается и ее взаимоотношений с Петербургом (хотя комплексной картины при этом не дает)¹⁷. Более подробно исследовательница останавливается на периоде Декабрьского восстания. Она совершенно правильно отмечает приоритетность военных мер в этой ситуации, в духе ленинской концепции отмечает борьбу местной власти «за войско»¹⁸ (хотя четкого понимания, сколько «надежных частей» участвовало в подавлении восстания, в работе не прослеживается¹⁹). Автор также делает верный вывод о невозможности для генерал-губернатора и градоначальника опираться на полицию, «скованную революционным движением» (правда, анализа состояния сил правопорядка не проведено)²⁰. Довольно подробно охарактеризованы мероприятия, принимавшиеся властью

¹² Шатина Н.В. Местный государственный аппарат самодержавия в борьбе с Первой российской революцией (На примере Москвы): автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1989. С. 12-14.

¹³ Там же. С. 18.

¹⁴ Там же. С. 19.

¹⁵ Там же. С. 19-20.

¹⁶ Там же. С. 8.

¹⁷ Шатина Н.В. Местный государственный аппарат самодержавия в борьбе с Первой российской революцией (На примере Москвы): дис. ...канд. ист. наук. М., 1989. С. 102-117.

¹⁸ Там же. С. 117.

¹⁹ Там же. С. 117, 126.

²⁰ Там же. С. 117.

для подавления восстания как административного, так и военного характера²¹. Однако в работе не содержится анализа процесса и итогов их реализации, равно как и не рассмотрен в полном объеме механизм взаимоотношений администрации с руководством штаба Московского военного округа, самоуправлением и «мирным» московским населением²². При рассмотрении вопроса о создании добровольных дружин исследовательницей повторены выводы В.Н. Сторожева²³. Таким образом, несмотря на все достоинства работы, тему нельзя считать закрытой.

Обратимся теперь к группе работ, специально посвященных вооруженным восстаниям (главным образом Московскому), в которых раскрывается ряд аспектов интересующей нас темы.

В 1920 – начале 1930-х гг., в условиях строительства советской исторической науки, некоторые участники событий 1905-1907 гг. активно включились в процесс поиска и исследования документов революционной эпохи. В этих условиях стали появляться труды большевиков, в том числе и московских. Часть из них носила полумемуарный характер, однако работы были насыщены фактами, добытыми в том числе в архивах²⁴. Ряд из них уже претендовал на статус научного исследования проблемы.

Так, один из известных партийных деятелей, видный участник революции 1905-1907 гг. Е.М. Ярославский выпустил в 1925 г. работу «Декабрьское восстание». В ней он делал довольно важный вывод для интересующей нас темы о спаде революционной активности в войсках Московского гарнизона после подавления восстания Ростовского полка и невозможности их использования революционерами в дни восстания²⁵.

Из числа работ о Московском восстании, принадлежащих перу его участников, наибольшее значение для раскрытия нашей темы имеет

²¹ Там же. С. 117-139.

²² Там же

²³ Там же. С. 130.

²⁴ Таратута В.К. 1905 год и Московское восстание. М., 1925; Мицкевич С.И. Указ. соч.

²⁵ Ярославский Е.М. Декабрьское восстание 1905 г. М., Л. 1925. С. 129.

исследование С.И. Черномордика, члена Московского Комитета фракции большевиков осенью 1905 г., активиста Декабрьского вооруженного восстания, а после победы Советской власти — профессионального историка, члена Истпарта (Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП (б))²⁶, которая получила название «Московское вооруженное восстание в декабре 1905 года» (1926 г.). В этом исследовании Черномордик характеризует период «дней свобод» как время «перегруппировки» классовых сил, в результате чего перед пролетариатом встала насущная задача вооруженного восстания²⁷. Что же касается вопроса об активизации сил контрреволюции, Черномордик приходит к заключению, что самодержавие стало переходить в наступление на революцию еще в конце октября²⁸. Справедливо заключая, что понять событие можно, только встроив его в цепь причинно-следственных связей, историк приводит ценнейший архивный материал, касающийся сюжетов борьбы московской власти с революцией (например, материалы переписки по поводу забастовки почтово-телеграфных служащих²⁹), но не делает при этом каких-либо новых концептуальных выводов³⁰.

Ряд важных заключений делает историк относительно положения и тактики власти в дни восстания. С.И. Черномордик приводит ряд фактов, из которых следует, что московская полиция была в значительной степени неспособна выполнять свои обязанности³¹. По его мнению (основанному на данных Коалиционного совета дружин, сборника «Москва в декабре 1905 г.»), значительная часть и без того немногочисленного московского гарнизона была ненадежна, поэтому властям приходилось держать солдат разоруженными в казармах, предпринять ряд мер по усилению полиции (например, создания и вооружения добровольных дружин), информацию о которых С.И. Черномордик всецело черпает из статей В.Н. Сторожева. В этих условиях до

²⁶ Мицкевич С.И. Указ. соч. С. 439.

²⁷ Черномордик С.И. Московское вооруженное восстание в декабре 1905 года. М.; Л., 1926. С. 3.

²⁸ Там же. С. 25.

²⁹ Там же. С. 39-41.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

известной степени оправдывает артиллерийские обстрелы московских зданий, которые видятся ему «не самодурством озверевшего помпадура», а объективной необходимостью при малых силах гарнизона³². Отмечает историк и очевидец такой важный факт, как преувеличенные представления военно-полицейских сил Москвы о числе дружинников, что рождало панические настроения и во многом подталкивало войска к применению тактики артиллерийских обстрелов³³. Несколько принципиальных замечаний делает автор и о роли власти в ходе восстания. Он полагает, что разгоном митинга в саду «Аквариум» и расстрелом дома Фидлера администрация сделала первый шаг к открытому противостоянию с населением³⁴. По его мнению, в ходе восстания обе силы – революционеры и власть – объективно придерживались определенной тактики – соответственно занять центр и выбить из него противника в районы³⁵. С.И. Черномордик обращает внимание и на тот факт, что в ходе расправы на Пресне многим революционерам, по непредусмотрительности властей, удалось свободно уйти³⁶.

В целом исследователь высказывает мысль о возможности победы повстанцев при условии победы в «борьбе за войско» и при наличии связей с провинцией, что является своеобразным обоснованием взглядов В.И. Ленина, высказанных в статье «Уроки Декабрьского восстания»³⁷.

Кратко рассматривается интересующий нас вопрос в работе участника событий 1905-1907 гг., а впоследствии одного из организаторов советской исторической науки В.И. Невского «Советы и вооруженные восстания в 1905 году» (1932 г.). Как и его предшественники, автор разделяет представление о формировании единого лагеря контрреволюции «от царя до умеренно-прогрессивной партии и либералов включительно», наиболее ярким проявлением чего он представляет «волну еврейских погромов, избиений

³² Там же. С. 204-210.

³³ Там же. С. 125-126.

³⁴ Там же. С. 79, 86.

³⁵ Там же. С. 107.

³⁶ Там же. С. 145-146.

³⁷ Там же. С. 212.

интеллигенции, расстрелы³⁸.» Подробно историк останавливается и на репрессивном законодательстве правительства той поры³⁹. Однако собственно московская ситуация из данного контекста практически не выделяется, что снижает ценность этой работы в плане освещения нашей темы⁴⁰. Что касается оценки роли власти в подавлении декабрьского «мятежа», здесь историк использует упоминавшиеся выше выводы Е.М. Ярославского⁴¹. Кроме того, он отмечает важность сохранения в руках администрации средств связи⁴².

В условиях ужесточения идеологического диктата, в особенности после выхода «Краткого курса истории ВКП (б)», исследователи Декабрьского восстания вынуждены были зачастую изменять свои первоначальные взгляды, более рьяно подчеркивать руководящую роль в нем большевиков. Косвенно это сказалось и на процессе изучения борьбы московской власти с революцией. В качестве примера можно привести мысли С.И. Черномордика, высказанные им в статье «Декабрьское восстание 1905 года», опубликованной в томе 18 «Исторических записок» спустя двадцать лет после выхода его работы. Здесь С.И. Черномордик уже высчитывает численность разоруженных в казармах солдат («более 6 тысяч»), а также делает вывод, будто 700 штыков противостояли двум тысячам вооруженных дружинников (естественно, никакого прямого обоснования этих своих мыслей он не приводит). Подобная ситуация здесь уже прямо объясняется «несомненной заслугой московской реорганизации большевиков». Отсюда вполне логично следовал вывод недостаточной энергии большевиков в «борьбе за войско» как основной причине поражения восстания⁴³.

Подобные взгляды сильно повлияли на дальнейшее развитие представлений о действиях московской власти накануне и в дни восстания.

³⁸ Невский В.И. Советы и вооруженное восстания в 1905 году. М., 1932. С. 233-234.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. С. 239.

⁴² Там же. С. 240.

⁴³ Черномордик С.И. Декабрьское вооруженное восстание 1905 года // Исторические записки. Т.18. М., 1946. С. 32.

Характерным примером может послужить единственное обобщающее исследование по истории вооруженных восстаний в декабре 1905 г. – монография Н.Н. Яковлева «Вооруженные восстания в декабре 1905 года» (1957 г.). Борьба московской власти по предотвращению грядущего восстания вписана исследователем в широкий контекст социально-политической обстановки в стране и мер правительства в целом по предотвращению грядущего восстания. Восприняв концепцию В.И. Ленина при анализе ситуации, сложившейся в Москве и в империи после выхода Манифеста 17 октября, Яковлев приходит к выводу, что образовавшееся равновесие классовых сил неминуемо ставило вопрос о новом сражении между властью и революционным народом⁴⁴. Рассматривая обстановку непосредственно в Москве, исследователь прямо пишет, что «дни свобод» были периодом перехода мирной стачки в восстание⁴⁵. В начале же декабря, «получив политическую и финансовую поддержку иностранных империалистов», самодержавие «первым» перешло в наступление⁴⁶.

Переходя к описанию действия властей Москвы, Яковлев выделяет следующие меры местной администрации, направленные на разгром революционного движения: запрещение «Манифестаций и соборщ» рабочих при поощрении собраний черносотенцев; травля революционных организаций и их деятельности в газетах правых радикалов, использование войск для борьбы с рабочим движением⁴⁷. Однако полного и обстоятельного анализа этих мер и их применения в работе, к сожалению, не содержится⁴⁸. Тем не менее, автор вводит в оборот новые источники (например, частично приводит текст телеграммы московского генерал-губернатора П.П. Дурново управляющему Министерством внутренних дел П.Н. Дурново от 15 ноября 1905 г.⁴⁹).

Что же касается рассказа о роли местной власти в подавлении

⁴⁴ Яковлев Н.Н. Вооруженные восстания в декабре 1905 года. М., 1957. С. 44.

⁴⁵ Там же. С. 91.

⁴⁶ Там же. С. 81.

⁴⁷ Там же. С. 91-93.

⁴⁸ Там же. С. 44-155.

⁴⁹ Там же. С. 130.

Декабрьского восстания, то здесь приводимые факты и выводы мало отличаются от высказанных В.Н. Сторожевым и С.И. Черномордиком: войск в распоряжении генерал-губернатора Ф.В. Дубасова было мало, поскольку «более 6 тысяч» было разоружено и заперто в казармах, в дни всеобщей стачки у рабочих был шанс выиграть «битву за войско». Но и при наличии столь скромных сил, по Яковлеву, местные власти решились перейти в наступление против рабочих (на что указывал и С.И. Черномордик)⁵⁰. Впрочем, Яковлев, опираясь на «одного работника боевой организации МК» РСДРП высказывает мнение, что вскоре власти стали пускать в бой и ненадежные части⁵¹. Характеризует исследователь и изданные генерал-губернатором обязательные постановления. Процесс их реализации остается за рамками работы, однако в отношении объявления о запрещении обывателям держать ворота закрытыми делается вывод, что оно «осталось на бумаге» (без какого-либо обоснования этого)⁵². Автор лишь констатирует факт принятия мер по усилению личного состава полиции⁵³, «по Сторожеву и Черномордику» решает вопрос с созданием добровольных дружин⁵⁴. Автор традиционно рассматривает прибытие Семеновского полка в Москву как панацею для власти⁵⁵. Также большое внимание Н.Н. Яковлев уделяет репрессиям со стороны властей и семеновцев к мирному населению, подчеркивая их роль в революционизировании настроения москвичей⁵⁶.

Подобные воззрения в той или иной степени отражались на содержании вышедших позднее научно-популярных работ по истории Декабрьского восстания⁵⁷.

Влияли они и на концепции, выдвигавшиеся авторами обобщающих трудов по истории первой русской революции.

⁵⁰ Там же. С. 165-166, 182.

⁵¹ Там же. С. 185.

⁵² Там же. С. 178, 181.

⁵³ Там же. С. 178.

⁵⁴ Там же. С. 199-200.

⁵⁵ Там же. С. 202.

⁵⁶ Там же. С. 207-210.

⁵⁷ Васин И.П. Декабрьское вооруженное восстание. М., 1955; Рыженко Ф. Декабрь 1905 г. М., 1980.

Далеко не все из них затрагивали действия местной власти. Так, труд М.Н. Покровского «1905 год» (1930 г.) не уделял этому аспекту проблемы внимания, развивая тему классовой борьбы в ходе конфликта⁵⁸.

В 1940 г. появилась первая и наиболее известная из «классических» обобщающих монографий – труд А.М. Панкратовой «Первая русская революция» (1940, 1951 г.). В данном исследовании относительно ситуации в «дни свободы» развивается ленинская концепция, гласящая, как мы видели, о временном перемирии между классами и обосновывающая необходимость вооруженного восстания для защиты завоеваний пролетариата⁵⁹. Развивается также в работе и положение о мобилизации сил контрреволюции в данный период⁶⁰. Относительно же конкретных сведений о мерах, предпринятых московской властью для борьбы с революционным движением, в работе сообщаются лишь самые общие сведения, например, об аресте членов Центрального бюро съезда почтово-телеграфных служащих⁶¹. При описании Декабрьского восстания даются традиционные сведения, указанные еще авторами книги «Москва в декабре 1905 г.» – о верности правительству 5 тысяч солдат из якобы 15-тысячного гарнизона, о разоружении Астраханского полка генералом Н.Н. Малаховым, о жестоких действиях власти при «усмирении» «мятежа»⁶².

В подобном ключе впоследствии писалось большинство советских обобщающих исследований и пособий для учителей⁶³.

Необходимо отметить, что интересующая нас тема затрагивалась в данный период в ряде работ по истории Москвы. Административный аппарат города, его борьба с революционным движением кратко охарактеризованы

⁵⁸ Покровский М.Н. 1905 год. М., 1930.

⁵⁹ Панкратова А.М. Первая русская революция. 2-е изд. М., 1951. С. 136.

⁶⁰ Там же. С. 149.

⁶¹ Там же. С. 163.

⁶² Там же. С. 166-182.

⁶³ Черменский Е.Д. История СССР. Период империализма (90 гг.). М., 1965; История СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. 1 серия. Том VI. Период империализма. М., 1968; Революция 1905-1907 годов в России. М., 1975; Шацкило К.Ф. Первая революция в России. 1905-1907 гг. М., 1985; Первый штурм царизма. М., 1986.

Н.П. Ерошкиным в коллективном труде «История Москвы»⁶⁴.» Достаточно внимательно действия московской власти отслежены в работе А.С. Чебарина «Москва в революции 1905-1907 гг., правда, принципиально новых фактов монография в оборот не вводит»⁶⁵. В то же время в исследовании сделан важный вывод о растерянности и отсутствии планомерности в действиях власти, направленных на разгром революционного движения, что стало важной предпосылкой начала восстания⁶⁶.

Некоторые мысли по данным сюжетам были высказаны и историками партии. В работе «Очерки истории Московской организации КПСС. Книга 1» (1979 г.) на примере данных о закупке дружинниками-большевиками крупных партий оружия показывается бессилие московской власти⁶⁷.

Большое значение для понимания механизмов подавления восстания имеют исследования государственного аппарата Российской империи. В 1960-1970-е гг., особенно после дискуссии по проблеме классовой природы российского абсолютизма, резко возрос интерес советских историков к проблеме внутренней политики самодержавия в начале XX века в целом и в годы революции в частности, особенностям функционирования российской государственной машины этого периода. В вышедших в это время трудах либо рассматривались государственно-правовые вопросы эволюции русского самодержавия эпохи империализма⁶⁸, либо рассматривался административно-полицейский аппарат империи в целом, правда, без применения к периоду революции 1905-1907 гг.⁶⁹ Единственная монография, которая могла бы что-либо прояснить по нашей теме – работа А.В. Хохлова «Карательный аппарат царизма в борьбе против революции 1905-1907 гг.» (1971 г.) – как раз с этой задачей не особо справилась, из-за довольно узкой источниковой базы по

⁶⁴ Ерошкин Н.П. Административно-полицейский аппарат // История Москвы. Т.5. Период империализма и буржуазно-демократических революций \ Под ред. А.М. Панкратовой. М., 1952. С. 663-675.

⁶⁵ Чебарин А.С. Москва в революции 1905-1907 гг. М., 1953.

⁶⁶ Там же. С. 166.

⁶⁷ Очерки московской организации КПСС. Книга 1. М., 1979. С. 137.

⁶⁸ Васильева Н.И., Гальперин Г.Б., Королева А.И. Первая российская революция и самодержавие. М., 1975; Давидович А.М. Самодержавие в эпоху империализма. М., 1975.

⁶⁹ Шинджелишвили Д.И. Министерство внутренних дел царской России. Омск, 1974.; Он же. Сыскная полиция России эпохи империализма. М., 1974; Ерошкин Н.П. Самодержавие накануне краха. М., 1975.

данному вопросу⁷⁰.

В вышедшей в 1984 г. фундаментальной коллективной монографии ленинградских историков «Кризис самодержавия в России в 1895-1917 гг.», автором главы о внутренней политике царизма в 1905 г. Р.Ш. Ганелиным был поставлен вопрос о выработке карательной политики в «верхах» в период «дней свобод» и во время Декабрьского восстания. Ученый пришел к выводу, что де-факто С.Ю. Витте в это время претендовал на роль главного усмирителя «крамолы»⁷¹. Однако анализа ситуации на местах в этот период в монографии не содержится⁷².

В исследовании деятельности Совета министров в годы Первой русской революции Н.Г. Королева рассматривает ряд сюжетов, имеющих большую ценность для нашего исследования: роль правительства и лично премьера Витте в руководстве подавлением революции, история посылки Семеновского полка в Москву⁷³.

Карательные действия московских властей и присланного в Первопрестольную Семеновского полка нашли отражение на страницах труда советского специалиста по тюремной системе Российской империи М.Н. Гернета. Однако его вывод о тождественности позиций генерал-губернатора Ф.В. Дубасова и управляющего МВД П.Н. Дурново в вопросе о мере наказания для захваченных революционеров представляется спорным⁷⁴.

Привлекал советских историков и вопрос о поведении московского городского самоуправления и «цензовой» общественности в этот период. В трудах Е.Д. Черменского и Ю.Н. Кружаловой обосновывался тезис о поддержке буржуазией и избранной из ее состава Думой действий генерал-губернатора Ф.В. Дубасова⁷⁵.

⁷⁰ Хохлов А.В. Карательный аппарат царизма в борьбе против революции 1905-1907 гг.: автореф....канд. юрид. наук. М., 1975.

⁷¹ Кризис самодержавия в России. 1895-1917. / Отв. ред. В.С. Дякин. Л., 1984. С. 265.

⁷² Там же.

⁷³ Королева Н.Г. Первая российская революция и царизм. Совет министров в 1905-1907 гг. М., 1982. С. 65-75.

⁷⁴ Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т.4: Петропавловская крепость. 3-е изд. М., 1962. С. 123-126.

⁷⁵ Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970. С.209-210; Кружалова Ю.Н.

Очень большой фактический материал о действиях власти содержится в фундаментальном труде К.В. Базилевича, по-прежнему не потерявшем актуальности⁷⁶.

Революционное движение в войсках московского гарнизона, меры власти по борьбе с ним в ноябре-декабре 1905 г. стали предметом рассмотрения в статье А.Б. Мельникова. Автор задействовал солидный материал, в том числе архивный, однако он склонен сильно преувеличивать масштаб и сознательность революционных настроений солдат⁷⁷.

Таким образом, подводя итог развитию советской историографии, мы можем сделать вывод, что советскими историками была проведена колоссальная работа, введены в оборот многие ценные документы. Был сделан большой шаг в изучении таких аспектов заявленной темы, как обстановка в Москве в период высшего подъема революции, воссоздание конкретных мер администрации города против «крамолы», внутренняя политика самодержавия в это время, протестное движение в военных частях Первопрестольной. Однако даже анализ работ, в наибольшей степени затрагивавших нашу тему (труды В.Н. Сторожева, С.И. Черномордика, Н.Н. Яковлева и Н.В. Шатиной), не позволяет утверждать, что на вопрос о действиях московской администрации против революционного движения в «дни свобод» и во время Декабрьского вооруженного восстания был дан исчерпывающий ответ. Более того, даже успешная разработка ряда сюжетов испытала на себе влияние господствовавших идеологических постулатов, восходящих к трудам В.И. Ленина (достаточно упомянуть упрощенную трактовку позиции городской Думы и «буржуазных» партий в ноябре-декабре 1905 г.). Поэтому говорить о закрытии темы в советский период представляется необоснованным.

После 1991 г. (*современный период*) интерес к событиям 1905-1907 гг. в

Московская городская дума в 1905-1912 гг.: автореф. дис....канд. ист. наук. М., 1982. С. 16-17.

⁷⁶ Базилевич К.В. Очерки по истории профессионального движения работников связи, 1905-1906. М., 1925. С. 180-235.

⁷⁷ Мельников А.Б. Революционное движение в московском гарнизоне в период Декабрьского вооруженного восстания // Исторические записки. Т. 49. М., 1954. С. 265-298.

научной среде резко упал. Революционное движение, а равно методы борьбы с ним оказались фактически преданы забвению. Внимание исследователей сфокусировалось на проблемах, ранее действительно изученных недостаточно полно и многосторонне – изменениях государственного строя России в годы революции, реформаторской политике власти в целом, либеральном движении в годы социальных потрясений, персоналиях государственных деятелей и политиков начала XX в.⁷⁸ Так, по интересующему нас сюжету с 1991 г. не появилось ни одной специальной работы. Однако изучение проблематики, тесно связанной с заявленной темой, – политической борьбы в 1905 г., истории полиции, внутренней политики самодержавия в целом, биографий действующих лиц – значительно обогащает представление о борьбе московской власти с революцией.

Социально-политическая история Декабрьского восстания стала предметом рассмотрения в кандидатской диссертации А.С. Вальдина. В данной работе подвергся пересмотру ряд традиционных положений советской историографии: на большом фактическом (в значительной степени архивном материале) утверждается о малой численности дружинников⁷⁹, о неготовности широких масс населения поддержать восставших⁸⁰, о далеких от революционных, скорее близких к индифферентным настроениям в московском гарнизоне⁸¹, воссоздается весьма неоднозначный портрет московской общественно-политической жизни в «дни свобод»⁸².» Относительно интересующей нас темы – репрессивных действий московской власти — отмечается, что в период с октября по декабрь важным фактором назревания социально-политического кризиса являлись «колебания правительства», а также исчезновение «старой полицейской бюрократии», неспособность ее поддерживать порядок на улицах города (хотя этот сюжет воспроизводится без

⁷⁸ Первая революция в России... С. 6-10.

⁷⁹ Вальдин А.С. Социально-политическая борьба накануне и во время Декабрьского (1905 г.) вооруженного восстания в Москве: дис. ...канд. ист. наук М., 2000. С. 151-155.

⁸⁰ Там же. С. 88-89, 132-133.

⁸¹ Там же. С. 76-78.

⁸² Там же. С. 128-129.

особенных подробностей, за исключением неготовности московской полиции к противостоянию революционным методам борьбы)⁸³. Но в целом администрация остается как бы «за кадром» исследования. Приводится лишь разбор версии о восстании как о якобы спланированной провокации административно-полицейского аппарата империи (впрочем, по признанию самого автора, не подтверждаемой имеющимися в распоряжении исследователей документами)⁸⁴. Указывается также на якобы отсутствие растерянности в последние две недели перед восстанием в московских «коридорах власти» (однако этот вывод делается на основании лишь служебной переписки градоначальника Г.П. Медема с петербургским начальством).⁸⁵ Приводится традиционный для советской историографии тезис о революционизировании масс вследствие незаконных и жестоких действий властей в период декабрьской забастовки и начала восстания⁸⁶. Отмечается и понимание генерал-губернатором Ф.В. Дубасовым ущербности тактики войск во время Декабрьского восстания – расстрела домов, однако не сообщается о том, пытался ли вице-адмирал как-то исправить ситуацию. Более того, в работе скорее утверждается обратное – осознание «не отразилось на том, как штурмовали Пресню»⁸⁷.» Вскользь говорится о деятельности Совета с участием общественных деятелей при генерал-губернаторе, который, по мнению А.С. Вальдина, был создан исключительно по инициативе городской Думы⁸⁸. Можно заключить, что цельной картины действий власти по подавлению восстания в работе не содержится, что, нужно отметить, не входило в задачу автора.

В описываемый период появилась также фактически только одна обобщающая монография по теме первой русской революции - «Первая революция в России. Взгляд через столетие» (2005 г.), приуроченная к

⁸³ Там же. С. 104-105.

⁸⁴ Там же. С. 124-126.

⁸⁵ Там же. С. 126.

⁸⁶ Там же. С. 180.

⁸⁷ Там же. С. 149.

⁸⁸ Там же. С. 200.

столетнему юбилею события. Коллектив авторов (А.П. Корелин, С.В. Тютюкин, И.М. Пушкарева, И.А. Христофоров и др.) во многом корректируют старые оценки событий и процессов⁸⁹. Однако по теме действий московской администрации в «дни свобод» в монографии, как и в советских обобщающих трудах, практически нет ничего нового, кроме упоминания отдельных репрессивных акций московской и центральной власти⁹⁰. Более подробно раскрывается механизм борьбы администрации с Декабрьским вооруженным восстанием. Автор соответствующей главы С.В. Тютюкин дает характеристики руководителям Первопрестольной, упоминает об активной помощи В.Ф. Джунковского Ф.В. Дубасову в сфере управления, приводит содержание обязательных постановлений власти (правда, говоря об их реализации, исследователь делает не подкрепленный фактами вывод о том, что они «запугали обывателя» и лишили революционеров его поддержки)⁹¹. Автор довольно высоко оценивает деятельность власти по наведению порядка, констатируя, что к моменту прибытия Семеновского полка в Москве осталось только два очага революционной борьбы – Пресня и Московско-Казанская железная дорога (не упоминая, правда, о других фабричных районах, которые при малой численности гарнизона власти трудно было бы вновь взять под свой контроль)⁹². Имеются в данной главе и факты, воспринятые без пересмотра из советской историографии: так, утверждается о 15-тысячном гарнизоне, из состава которого «лишь примерно десятая часть была надежной⁹³». В целом, из работы можно получить общее представление о действиях московской власти в дни восстания (чего сложно сказать о советских монографиях по истории первой русской революции).

Не стала предметом специального изучения политика московской и в целом местной власти по борьбе со «смутой» на юбилейной всероссийской научной конференции, состоявшейся в сентябре того же 2005 г., материалы

⁸⁹ Первая революция в России... С. 351.

⁹⁰ Там же. С. 318-353.

⁹¹ Там же. С. 367, 370.

⁹² Там же. С. 371.

⁹³ Там же. С. 367.

которой опубликованы в сборнике «Революция 1905-1907 годов: взгляд через столетие: материалы всероссийской научной конференции 19-20 сентября 2005 г.⁹⁴».

Периферийное положение заявленной темы в фокусе исследовательских интересов наглядно демонстрирует энциклопедия «Россия в 1905-1907 гг.», увидевшая свет в 2016 г. Статья за авторством А.Н. Кураева, посвященная Декабрьскому восстанию, по сути представляет собой компиляцию сведений из более ранних статей А.С. Вальдина (соответствующих по выводам его диссертации) и монографии «Первая революция в России...». В ней приводятся известные исследователям факты, некоторые же положения не соответствуют действительности (например, о прибытии в Москву 15 декабря ряда полков, которые уже на момент восстания находились в Первопрестольной)⁹⁵.

Скромным было и отражение темы борьбы московской власти с революцией в 1905 г. и в коллективных трудах по истории России периода правления Николая II, например в монографии «Россия в начале XX века», вышедшем под редакцией А.Н. Яковлева. Главный упор автором соответствующей главы Ю.А. Петровым делался на воссоздание фактической канвы Декабрьского восстания, которое характеризовалось как проявление гражданской войны; действия власти преимущественно оставались за кадром повествования, за исключением трех сюжетов – штурма Пресни, действий администрации по оказанию денежной помощи и пострадавшим и сотрудничеству ее с городской Думой (рассматриваемом почти всецело на основе работ Ю.С. Воробьевой, о которых будет сказано ниже). К сожалению, при освещении этих тем был допущен ряд неточностей (например, о выдаче властью средств исключительно военным и полицейским)⁹⁶.

Более значительных успехов добились историки в исследовании

⁹⁴ Революция 1905-1907 годов: взгляд через столетие: материалы всероссийской научной конференции 19-20 сентября 2005 г. М., 2005.

⁹⁵ Россия в 1905-1907 гг. Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Журавлев. М., 2016.

⁹⁶ Россия в начале XX в. / Под ред. А.Н. Яковлева. М., 2002. С. 379-392.

смежных сюжетов.

Недавно появилось исследование, посвященное важному аспекту проблемы, – состоянию московской полиции. Речь идет о монографии В.И. Гурьева «Московская полиция 1881-1917 гг.». В ней рассматривается ряд сюжетов, имеющих значение при раскрытии нашей темы. Автор характеризует деятельность московской полиции в условиях октябрьских и декабрьских событий, причем отмечает отсутствие в ее составе подразделений, специально подготовленных к действиям в условиях массовых беспорядков⁹⁷. Отмечает В.И. Гурьев и чрезвычайную загруженность полиции вследствие возложения на нее задач «по соблюдению административных, санитарных и противопожарных норм, правил торговли, технических и архитектурных стандартов»⁹⁸. Указывает автор и на малочисленность полиции по отношению к московскому населению – 2-3 сотрудника на тысячу человек⁹⁹. Кроме того, исследователь отмечает такой важный фактор, как недостаточность финансирования стражей правопорядка, особенно в условиях возросшей нагрузки в годы революции¹⁰⁰. Демонстрирует автор и автономность местных жандармских подразделений от полиции, однако подчеркивает тесную связь последней с Московским Охранным Отделением¹⁰¹. Показывает автор и низкие возможности карьерного роста для сотрудников полиции, что, по его мнению, объясняло сильную «текучесть кадров», особенно среди городских¹⁰². В.И. Гурьев также приводит характеристику градоначальника Г.П. Медема, делая вывод, что последний был совершенно не готов к борьбе против революционного движения¹⁰³. Делает историк и общий вывод о несовершенстве механизма назначения кандидатов на должность главы московской полиции, при котором опыт полицейской службы был «вовсе не

⁹⁷ Гурьев В.И. Московская полиция 1881-1917 гг. СПб., 2014. С. 53.

⁹⁸ Там же. С. 80.

⁹⁹ Там же. С. 89.

¹⁰⁰ Там же. С. 95-106.

¹⁰¹ Там же. С. 109-119.

¹⁰² Там же. С. 224.

¹⁰³ Там же. С. 53, 55.

обязателен¹⁰⁴.» Таким образом, В.И. Гурьев дает довольно цельную картину основных черт московской полиции 1880-1910-х годов, однако полноценной характеристики ее положения в 1905 г. в работе не имеется.

После 1991 г. появилось немало исследований, посвященных системе политического сыска в России в целом и в Москве. Интересующий нас сюжет в них не затрагивается, но они помогают представить круг проблем, стоявший перед охранкой в масштабах страны, а также содержат характеристики его руководителей (например, П.И. Рачковского)¹⁰⁵. Весьма любопытна в контексте нашего исследования недавно вышедшая монография С.В. Медведева, посвященная деятельности С.В. Зубатова во главе Московского Охранного Отделения, так как ставит важные в ракурсе нашего исследования вопросы о финансировании московской политической полиции о качестве ее агентуры¹⁰⁶.

Затрагивался в современной историографии вопрос и о военном аспекте подавления Декабрьского восстания. Ему посвящена диссертация А.И. Куксина «Боеготовность русской армии и военно-окружной аппарат в начале XX века (1904-1913 гг.): По материалам Московского военного округа», защищенная в 2001 г. в МПГУ. Отдельная глава диссертации посвящена участию войск МВО в подавлении Декабрьского восстания. Автор приводит обширную фактуру о действиях войск (к сожалению, не всегда точную), приходит к справедливому выводу о фактическом превращении Дубасова в главнокомандующего (но не обращается к динамике этого процесса и методам контроля генерал-губернатора над военными). Подробно, хотя на наш взгляд, не вполне точно рассматривается процесс посылки военных подкреплений в Москву из Петербурга и позиции ключевых фигур руководства империи (Николая II, П.Н. Дурново, великого князя Николая Николаевича) в ходе

¹⁰⁴ Там же. С. 222.

¹⁰⁵ *Перегудова З.И.* Политический сыск в России (1881-1917). М., 2000; *Овченко Ю.Ф.* Московская охранка на рубеже веков. 1880-1904 гг. М., 2010; *Он же.* Безопасность империи: (политический розыск-средство обеспечения безопасности Российского самодержавия, 1880-1917 гг.). М., 2012; *Брачев В.С.* Мастера политического сыска дореволюционной России. СПб, 2002.

¹⁰⁶ *Медведев С.В.* Эксперимент Зубатова. Легализация рабочего движения в первые годы XX в. М, 2019. С. 90, 96.

подавления восстания. Касается автор и чисто политических аспектов борьбы московской власти с восстанием (например, издания генерал-губернатором обязательных постановлений), но освещает их поверхностно. В целом, несмотря на ряд верных наблюдений, данная глава диссертации Куксина не раскрывает темы военного аспекта подавления восстания¹⁰⁷.

По теме подавления революции 1905 г. во всероссийском масштабе недавно увидела свет богатая в фактическом отношении статья С.В. Куликова, кратко затрагивающая и борьбу Ф.В. Дубасова с аграрными беспорядками в Черниговской и Курской губерниях¹⁰⁸. Однако в концептуальном плане историки в целом остались на рубежах, достигнутых в позднесоветский период. В солидной работе историко-биографического характера «Сергей Юльевич Витте и его время» Б.В. Ананьича и Р.Ш. Ганелина (1999 г.) фактически повторены и несколько развиты выводы, сделанные по этой теме Ганелиным еще в труде «Кризис самодержавия в России в 1895-1917 гг. (1984 г.)»¹⁰⁹. Мысль о сотрудничестве Д.Ф. Трепова и Витте в деле подавления революции также обосновывается им же на страницах коллективного труда «Власть и реформы. От самодержавной к советской России» (1996 г.)¹¹⁰. Однако к изучению заявленной темы эти выводы имеют косвенное отношение. При этом нельзя сказать, что политическая история России эпохи 1905 г. в целом не привлекает внимание современных ученых: попыткой нового осмысления политического кризиса в России накануне и во время Первой русской революции стала монография А.В. Островского, увидевшая свет после смерти автора¹¹¹.

Новые тенденции проявились при освещении отношений власти с городской Думой в 1905 г., расстановки сил в ее рядах. Л.Ф. Писарькова в

¹⁰⁷ Куксин А.И. Боеготовность русской армии и военно-окружной аппарат в начале XX века (1904-1913 гг.): По материалам Московского военного округа: дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. С. 115-155.

¹⁰⁸ Куликов С.В. Карательные экспедиции в период Первой российской революции 1905-07 // Россия в 1905-1907 гг. Энциклопедия. М., 2016. С. 378-407.

¹⁰⁹ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 2000. С. 325.

¹¹⁰ Власть и реформы От самодержавной к Советской России. 2-е изд. М., 2006. С. 468.

¹¹¹ Островский А.В. Самодержавие или конституция? На пути к Манифесту 17 октября 1905 г. // Россия. Самодержавие. Революция. В 2-х тт. Т.1. М., 2020.

своей монографии демонстрирует последовательную оппозиционность немалой части гласных вплоть до Декабрьского вооруженного восстания. Отмечает она и тот факт неоднозначной оценки московскими гласными действий Ф.В. Дубасова по подавлению московской «смуты»¹¹².

Современные труды по истории РСДРП и ПСР – главных противников московской администрации – раскрывают их силовой и организационный потенциал, что важно при оценке возможностей сторон в декабрьской схватке¹¹³. Ценные сведения о работе II съезда (Делегатского совещания) Всероссийского Крестьянского союза и действиях его участников после репрессий власти содержит монография Д.А. Колесниченко, вышедшая посмертно¹¹⁴.

Существенные сдвиги произошли и в изучении состояния организаций «ревнителей порядка» в 1905 г. В неоднократно переиздававшемся труде С.А. Степанова дан глубокий анализ «черносотенных» погромов (включая убийство Н.Э. Баумана) и сделан убедительный вывод об отсутствии их целенаправленной организации со стороны властей в масштабах империи¹¹⁵.

На современном этапе развития отечественной историографии появились биографические описания персоналий, участвовавших в деле подавления Декабрьского восстания. Наибольшую активность проявила Ю.С. Воробьева, выпустившая очерк о деятельности Ф.В. Дубасова во время восстания¹¹⁶, а также статью и монографию, где рассматривала действия московского городского головы Н.И. Гучкова в этот период¹¹⁷. В целом, данные работы стали шагом вперед, способствуя избавлению от стереотипов советской историографии. Однако они не лишены недостатков: своих героев Ю.С. Воробьева рисует людьми долга, затушевывая их неоднозначные

¹¹² Писарькова Л.Ф. Городские реформы в России и Московская Дума. М., 2010. С. 404-410.

¹¹³ Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Марксисты и русская революция (1905-1917 гг.). М., 1996; Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. М., 1996.

¹¹⁴ Колесниченко Д.А. Всероссийский Крестьянский союз в 1905-1907 гг. М., 2006.

¹¹⁵ Степанов С.А. Черная сотня: что они сделали для величия России? М., 2013.

¹¹⁶ Воробьева Ю.С. Федор Дубасов в декабре 1905 года // Вестник архивиста. 2001, №4-5. С.360-367.

¹¹⁷ Она же. Меж двух огней: Николай Гучков в декабре 1905 года // Муниципальная власть. 1998. №2. С. 96-98; Она же. Н.И. Гучков — городской голова. М., 2009. С. 40-47.

поступки во время восстания (например, ничего не говорится о нежелании Н.И. Гучкова помогать мужчинам Пресни)¹¹⁸. Кроме того, в статьях можно встретить ряд фактических неточностей (например, говорится о создании лишь одного Совета при генерал-губернаторе)¹¹⁹.

А.Ю. Дунаева в монографии о В.Ф. Джунковском описала его действия в дни восстания, а также кратко охарактеризовала положение московской полиции на рубеже 1905-1906 гг.¹²⁰

Интересные, хотя и не всегда бесспорные замечания были сделаны в других биографиях Витте, появившихся в постсоветский период. А.П. Корелин и С.А. Степанов указывали на крайнюю сложность установления диалога между главой «объединенного правительства» и общественностью после выхода Манифеста 17 октября вследствие резкой оппозиционности последней; приводили ценные свидетельства о стремлении Витте использовать процесс подавления Декабрьского восстания в своих целях. Однако работа содержит и ряд неточностей при освещении нашей темы: например, о регулярном информировании Витте императора о московских событиях (чего в реальности не было)¹²¹. С.В. Ильин, представивший свое жизнеописание премьера первого российского «объединенного правительства» в серии «Жизнь замечательных людей», уделил большое внимание событиям Декабрьского восстания и роли в них Витте. Помимо общей характеристики действий Дубасова, в работе можно найти подробный рассказ об артиллерийском обстреле Пресни 17 декабря 1905 г., а также упоминание о роли главы Совета министров в скором отзыве Семеновского полка в столицу (хотя о том, в какой степени решающим было участие премьера, в книге не говорится). В то же время о ряде интересующих нас сюжетов в биографии повествуется упрощенно и с рядом неточностей (например, рассказ об артиллерийском обстреле Пресни строится исключительно на материалах

¹¹⁸ Она же. Н.И. Гучков — городской голова. С. 46.

¹¹⁹ Она же. Федор Дубасов. С. 364.

¹²⁰ Дунаева А.Ю. Реформы полиции в России начала XX века и Владимир Федорович Джунковский. М., 2012. С. 102-103, 117-118.

¹²¹ Корелин А.П., Степанов С.А. С.Ю. Витте — финансист, политик, дипломат. М., 1998. С. 151, 212-213.

рапорта начальника артиллерии Гренадерского корпуса генерал-лейтенанта В.И. Гиппиуса, который всячески стремился оправдать собственные действия)¹²².

Вопрос о вкладе управляющего МВД П.Н. Дурново в дело подавления Декабрьского восстания поставил его современный биограф А.П. Бородин. При раскрытии данной темы автор задействовал достаточно широкий круг источников, в основном личного происхождения (включая дневник Дубасова), однако его вывод о решающей роли главы МВД, сделанный главным образом на основе воспоминаний представителей высшей бюрократии, слабо причастных к процессу разгрома московского «мятежа», представляется нам не соответствующим реальному положению дел¹²³. Работа также содержит значительный объем сведений о политическом имидже главы МВД, применяемых им методах борьбы с революцией, положении в стране, что важно для понимания контекста событий¹²⁴.

Современный петербургский исследователь К.О. Макаров затронул вопрос об участии в восстании социальной группы – московского студенчества – и репрессиях против нее, рассмотрев в своей статье судьбу студентов А. Григорьева и Г. Моисеева, расстрелянных солдатами Семеновского полка. Автор широко использует архивные материалы, однако не делает общих выводов о характере репрессий на излете Московского восстания¹²⁵.

Следовательно, в постсоветский период в изучении интересующего нас вопроса достигнуты определенные успехи. Был по-новому переосмыслен ряд сюжетов, получивших предельно идеологизированное освещение в советской науке (ход революционного движения, сотрудничество администрации с

¹²² Ильин С.В. Витте. 2-е изд. М., 2012.

¹²³ Бородин А.П. Петр Николаевич Дурново. «Русский Нострадамус». М., 2013. С. 158-163.

¹²⁴ Там же. С. 136-206, 236-253.

¹²⁵ Макаров К.О. «Мы жили убеждением, что никто причастный к мятежу не должен быть пощажен»: расстрелы студентов солдатами лейб-гвардии Семеновского полка в дни Декабрьского восстания 1905 г. в Москве // Петербургские военно-исторические чтения. Межвузовская научная конференция. С.-Петербург, 16 марта 2018 г. Сб. науч. ст. / Ред. кол.: А.Б. Николаев (отв. ред. и сост.), Д.А. Бажанов. СПб., 2019. С. 55-68.

общественностью Первопрестольной), произошел настоящий прорыв в исследовании вопросов, ранее слабо затрагиваемых учеными (изучение системы политического сыска, «черносотенного» движения, воссоздание биографий лидеров «лагеря контрреволюции»). Однако ряд аспектов нашей темы (реконструкция цельной картины взаимодействия московской администрации с командованием МВО, механизма реализации карательных мероприятий, взаимодействия с общественностью) так и не получил разработки. Более того – не было создано работ, дающих цельную картину процесса борьбы московской администрации с революцией накануне и во время Декабрьского восстания. Идеологические штампы советской эпохи в некоторых случаях сменялись новыми недостаточно критичными оценками, частично почерпнутыми из источников личного происхождения (о более гуманном отношении генерал-губернатора Ф.В. Дубасова к «мятежникам» по сравнению с его ближайшими сотрудниками и петербургским начальством; о решающей роли управляющего МВД П.Н. Дурново в разгроме Декабрьского восстания). Данные обстоятельства позволяют говорить о сохранении актуальности темы.

В *зарубежной историографии* интересующий нас вопрос в полном объеме не получал специального рассмотрения¹²⁶. В то же время учеными разрабатывался ряд сюжетов, принципиально важных для понимания заявленной темы, – социально-политическая история Декабрьского восстания, отдельные меры власти по борьбе с революционным движением, ситуация в московском гарнизоне и в русской армии в целом в 1905 г.

Наиболее подробно освещает заявленные в данной диссертации сюжеты исследование американского историка Дж. Сандерса «The Uprising of December 1905», вышедшее в 1987 г. Работа основана на широчайшем круге источников, в том числе материалах из ГА РФ и РГВИА. Автор поставил себе

¹²⁶ Зырянов П.Н., Шелохаев В.В. Первая русская революция в американской и английской буржуазной историографии. М, 1976; Марушкин Б.Б., Иоффе Г., Романовский Н. Три революции в России и буржуазная историография. М, 1977; Изрицкий Ю.И., Романовский Н.В. Критика буржуазной историографии трех революций в России. М., 1975.

целью ответить на вопрос о предпосылках Московского восстания. Он делает принципиально важный для нашей темы вывод о стихийности восстания, о том, что принимавшие решение о его начале революционеры стали заложниками собственных концепций и тактики¹²⁷. Довольно подробно автор останавливается на характеристике состояния властей, затрагивая состояние полиции, связи администрации с «черносотенцами», отдельные аспекты взаимодействия гражданского и военного руководства, личностные качества московских высших чиновников¹²⁸. В итоге историк приходил к справедливому выводу о невозможности местной власти контролировать ситуацию, что и стало одной из предпосылок восстания¹²⁹. Но при этом анализ ряда аспектов борьбы власти с революционерами недостаточно глубок и подробен и не рассматривается в динамике развития, а ряд выводов (например, о бездействии руководителей Первопрестольной как единственной причине бурного развития почтово-телеграфной забастовки) представляется спорным.¹³⁰

Ряд аспектов интересующего нас вопроса затрагивался в работах иностранных ученых, посвященных родственной тематике.

Л. Энгельштайн в исследовании «Moscow, 1905. Working-Class Organization and Political Conflict» (1982 г.), посвященном движению московского пролетариата, кратко охарактеризовала ряд циркуляров градоначальника Г.П. Медема эпохи «дней свобод»¹³¹, высказана мысль о недоверии московского общества к полиции в это время¹³², оценена позиция Медема как противника произвола правых фанатиков и в то же время продемонстрирована двойственность поведения его подчиненных¹³³. Упомянуто также о резко оппозиционном настроении городской Думы по отношению к власти в конце октября 1905 г. (что, на взгляд автора, радикально

¹²⁷ Sanders J. The Uprising of December 1905. N. Y., 1987. P. 510-711, 812-813.

¹²⁸ Ibid. P. 510-711.

¹²⁹ Ibid. P. 812.

¹³⁰ Ibid. P. 535, 582.

¹³¹ Engelstein L. Moscow, 1905. Working-Class Organization and Political Conflict. Stanford, CA, 1982. P. 140, 143, 197, 206, 214.

¹³² Ibid. P. 143.

¹³³ Ibid.

изменилось уже в ноябре)¹³⁴. При анализе ситуации в дни декабрьской стачки и вооруженного восстания подчеркивается, что вице-адмирал Дубасов, новый человек в Москве, не успел принять своевременных мер¹³⁵. Кратко рассматривается ряд мер власти по подавлению восстания и делается вывод (без особенно развернутой аргументации) об их успешном результате, проявившемся к 15 декабря¹³⁶. В самом общем виде указывается на недостаточность войск в распоряжении московской власти¹³⁷.

Важный вывод сделал в своем исследовании сделал Дж. Бушнелл. Анализируя состав армейских частей, участвовавших в подавлении Декабрьского восстания, автор отмечает на катастрофическое сокращение численности московского гарнизона вследствие демобилизации. Кроме того, исследователь отмечает колебания отдельных солдат в сторону поддержки революционного движения лишь до появления первых жертв среди них. Особой надежностью среди всех полков Московского гарнизона, по мнению Бушнелла, отличался Астраханский гренадерский, шефом которого был сам царь. Автором также рассматриваются методы «борьбы за войско» (денежные выплаты, выдача водки и т. п.)¹³⁸.

Общие работы иностранных авторов, как правило, не уделяют большого внимания интересующему нас сюжету. Так, С. Харкэйв приводит довольно стандартные факты и выводы. Полагая, что в дни стачки Дубасов во многом держал в неведении московских революционеров, ибо не вступал с ними до поры в открытое противостояние, он затем пишет о том, что разгон митинга в «Аквариуме» и расстрел училища Фидлера спровоцировали вооруженное восстание¹³⁹. Поддерживает он версию и о ненадежности двух третей московского гарнизона¹⁴⁰. Об отдельных мерах власти (например, о решении о создании добровольных дружин) говорит в своем обобщающем исследовании

¹³⁴ Ibid. P. 145.

¹³⁵ Ibid. P. 197.

¹³⁶ Ibid. P. 214.

¹³⁷ Ibid. P. 206.

¹³⁸ Bushnell J. Mutiny amid Repression: Russian Soldiers in the Revolution of 1905-1906. Bloomington, IN, 1985. P. 129-130.

¹³⁹ Harcave S. The Russian Revolution of 1905. Springfield, OH, 1970. P. 233-235

¹⁴⁰ Ibid. P. 235.

по первой русской революции А. Ашер¹⁴¹.

Таким образом, зарубежным историкам, свободным от необходимости соблюдения «фигур умолчания» (что было свойственно советской историографии), удалось прийти к интересным и свежим выводам при исследовании личностных качеств руководителей Первопрестольной, ряда карательных мер московской власти, революционного движения в целом и особенно в гарнизоне второй столицы Российской империи. Однако при оценивании итогов работы западных исследователей нужно иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, до начала 1990-х годов они имели довольно ограниченный доступ к советским архивам, что резко сужало источниковедческую базу их исследований. Во-вторых, противостояние стран Запада с СССР (рассматриваемым как плод революционного движения) частично обусловили отношение ряда историков к социалистическим партиям (особенно к большевикам) как к силам, любой ценой жаждавшим реализовать свои идеи (особенно это заметно по работе Л. Энгельштайн¹⁴²). Наконец, специально механизм борьбы московской администрации с революцией ими не рассматривался. Поэтому цельной картины действий Дубасова и московской администрации в целом из данных работ получить нельзя.

Подводя итог нашему краткому историографическому очерку, мы можем заключить, что на протяжении XX – начала XXI века отечественными и зарубежными учеными немало сделано в деле разработки интересующей нас темы. Были подробно изучены событийная канва периода «дней свобод» и Декабрьского восстания, внутривластный контекст московской администрации, функционирование административно-полицейского и военного аппарата Российской империи, внесен существенный вклад (особенно в последние годы) в воссоздание биографий руководителей Первопрестольной и лиц, стоявших у кормила власти в империи. Однако ряд сюжетов, непосредственно значимых для раскрытия заявленной темы, не получил удовлетворительного рассмотрения: механизм реализации

¹⁴¹ Ascher A. The Revolution of 1905. Russia in Disarray. In. 2 Vols. Vol. 1. Stanford, CA. 1988. P. 318-322.

¹⁴² Engelstein L. Op. cit. P. 166.

карательных мероприятий московской администрации и его эффективность, взаимодействие военной и гражданской власти на всех уровнях, сотрудничество руководства Первопрестольной с общественностью и петербургским начальством по всему спектру возникавших проблем. Следовательно, ее исследование все еще далеко от завершения.

Источниковая база исследования. Источники, использованные при написании данной работы, условно можно подразделить на четыре группы: законодательные, делопроизводственные, личного происхождения и материалы периодической печати.

Законодательные источники. При работе над темой мы привлекали следующие законодательные материалы: положение «О Главных Начальниках Губерний» (особенно его разделы «Общая инструкция Генерал-Губернаторам» и «Особенные положения»), «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» (14 октября 1881 г.), «Высочайше утвержденное Положение о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных органов» (12 марта 1882 г.), Именной Высочайший Указ, данный Сенату «Об учреждении временного управления Московской столицей» (1 января 1905 г.), Высочайший указ «Об установлении временных мер, в дополнение действующих положений о собраниях» (12 октября 1905 г.), Высочайший Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» (17 октября 1905 г.), Высочайший Указ «О предоставлении местным властям права прибегать к применению чрезвычайных мероприятий в случае прекращения или замешательства в сообщениях железнодорожном, почтовом и телеграфном» (29 ноября 1905 г.), Указ «О временных правилах о наказуемости участия в забастовках, имеющих общественное или государственное значение, а равно в учреждениях правительственных» (2 декабря 1905 г.); материалы книги II Свода военных постановлений.

Нами использованы следующие публикации данных актов: положения «О Главных Начальниках Губерний» – в томе II («Общие Губернские

Учреждения») Своде Законов Российской империи 1892 г. издания¹⁴³; «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», Указ «О предоставлении местным властям права прибегать к применению чрезвычайных мероприятий...», «Указ «О временных правилах о наказуемости участия в забастовках...» – в сборнике документов «Российская монархическая государственность на последнем этапе истории (20 октября 1894 — 3 марта 1917 гг.), вышедшего под редакцией доктора исторических наук, профессора Н.Д. Ерофеева¹⁴⁴; «Положение о полицейском надзоре...», «Об учреждении временного управления Московской столицей» и Указ 12 октября «Об установлении временных мер...» - соответственно: первый - в томе 2 (1882 г.)¹⁴⁵ и два последних — в томе 25 (1905 г.)¹⁴⁶ 3 Полного Собрания Законов Российской империи (1881-1913 гг.). Нами также привлекался вариант Свода военных постановлений 1869 года, изданный в 1907 г.¹⁴⁷

Данные законодательные материалы (большая часть которых принята в условиях острого политического кризиса начала 1880-х гг. и революционных потрясений 1905 г.) дают ценные сведения по вопросу о формальных полномочиях местной администрации (в нашем случае московской) и о методах борьбы с революцией, которые она могла использовать.

Особое место в ряду этих законов занимают два документа - «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» (т. н. «Положение об охране») и Высочайший Манифест 17 Октября. Первый акт, на протяжении десятилетий являясь юридической нормой для применения административных мер в борьбе с революционным движением, сам предоставлял местной власти возможность издания на его

¹⁴³ СЗ РИ. Т.2. СПб., 1892. Ст. 204-262.

¹⁴⁴ Российская монархическая государственность... С. 571-578; 141; 158; 160-164.

¹⁴⁵ 3 ПСЗ РИ Т. 2. № 730.

¹⁴⁶ Там же. Т. XXV. Ч. 1. № 25603; № 26778.

¹⁴⁷ Свод военных постановлений 1869 года. (далее СВП 1869 г.) Ч. I. Военные управления. Кн. I; Кн. II. Военное министерство и состоящие при нем особые учреждения. Военно-окружные управления. СПб, 1893.

основе обязательных постановлений¹⁴⁸ и использовать статьи «Положения о полицейском надзоре¹⁴⁹.» Манифест же 17 октября являл правовые нормы, формально исключавшие широкое применение властью большинства тех положений, что были зафиксированы во многих упомянутых выше документах, что создавало, как мы увидим ниже, заметные трудности для администрации в деле активной борьбы с революцией в «дни свобод¹⁵⁰.»

Также нами были использованы статьи Свода Военных постановлений, где говорится о правах командующих военными округами¹⁵¹. Как представляется, ознакомление с ними необходимо для понимания того, каким прерогативами в отношении местного военного аппарата обладал генерал-губернатор, особенно в дни Декабрьского восстания.

Делопроизводство. Самой большой группой материалов, позволяющих получить представление о действиях московской власти на поле борьбы с революционным движением, является делопроизводственная документация. Эту группу источников, в свою очередь, можно разделить на ряд подгрупп.

В качестве первой из них следует упомянуть комплекс документации распорядительного характера, которая, на наш взгляд, тоже может быть разбита на ряд категорий.

Одной из них можно назвать серию циркуляров и предписаний важнейшего центрального органа управления Российской империи — Министерства внутренних дел и его подразделения, занимавшего «ключевые» позиции в сфере борьбы с революционным движением во всероссийском масштабе — Департамента полиции. Использованные в настоящей работе документы подобного рода отложились в следующих хранилищах: в Центральном Государственном Архиве города Москвы (ЦГА Москвы) — в фондах управления московского генерал-губернатора (Ф.16)¹⁵², канцелярии

¹⁴⁸ Российская монархическая государственность.... С. 573.

¹⁴⁹ 3 ПСЗ РИ. Т. 2. № 730.

¹⁵⁰ Российская монархическая государственность... С. 141.

¹⁵¹ СВП 1869 г. Ч. I. Кн. II. Ст. 17, 20, 27.

¹⁵² ЦГА Москвы. Ф.16. Оп. 95. Д. 74, 261; Оп. 237. Д. 85, 90. Т. 1.

московского градоначальника (Ф.46)¹⁵³, полицейских участков Москвы (Ф.475)¹⁵⁴; в Государственном Архиве Российской Федерации (ГА РФ) в фонде Отделения по охране общественной безопасности порядка при московском градоначальнике (Ф.63) и Департамента полиции МВД¹⁵⁵. Данные документы дают довольно яркое представление о политике центрального руководства страной в «дни свобод» и в период Декабрьского восстания, о колебаниях ее курса, что нашло отражение в распоряжениях по главному «силовому ведомству», а также позволяют сделать вывод о реальных возможностях московской власти активно действовать в свете данных распоряжений.

К этой категории условно можно отнести и выработанное в недрах Департамента Полиции «Положение о московском градоначальстве и столичной полиции», подробно регламентирующее сферу деятельности градоначальника на административно-полицейском поприще, а также штаты и функции московской полиции. В настоящей работе была использована копия данного положения, хранящаяся в фонде канцелярии московского градоначальника в ЦГА Москвы¹⁵⁶.

В качестве еще одной категории в рамках данной подгруппы можно выделить и документы распорядительного характера, исходящие от самой московской власти (градоначальника и генерал-губернатора).

Для начала назовем в их числе обязательные постановления генерал-губернатора и градоначальника, изданные на основании «Положения об охране», отложившиеся в фондах канцелярии московского градоначальника, Отделения по охране общественной безопасности и порядка в ЦГА Москвы и личном фонде вице-адмирала Ф.В. Дубасова в РГА ВМФ¹⁵⁷. Частично эти материалы опубликованы¹⁵⁸. Данные документы дают нам яркое

¹⁵³ Там же. Ф. 46. Оп. 13, 21.

¹⁵⁴ Там же. Ф. 475. Оп. 17. Д. 817.

¹⁵⁵ ГА РФ. Ф.63. Оп.25. Д. 9; 773 Тт. 9-10; 784. Т. 1-2, 785, 871; Ф. 102. 7-е д-во. Оп. 204. Д. 8 Ч. 34.

¹⁵⁶ ЦГА Москвы. Ф. 46. Оп. 14. Д. 30.

¹⁵⁷ Там же. Ф.46. Оп. 14. Д. 20; Ф. 1287. Оп. 1. Д. 9.

¹⁵⁸ Революция без ретуши // Московский архив. Историко-культурный альманах. Вып. 2. Вторая половина

представление о мерах, которые московская администрация считала необходимыми для подавления революционного движения, их адекватности текущему моменту, а также позволяют оценить степень «востребованности» представителями местной власти «Положения об охране».

Говоря об обязательных постановлениях, необходимо упомянуть и воззвания генерал-губернатора Ф.В. Дубасова, с которыми он обращался к московскому населению 12, 16 и 21 декабря¹⁵⁹. В этих «афишах» глава Первопрестольной излагал обывателям историю событий с точки зрения власти и призывал исполнять изданные предписания (а также объявлял о дополнениях к ним). Данные обращения представляют интерес при изучении средств, с помощью которых администрация пыталась воздействовать на «нейтральное» население и косвенно – на революционеров; кроме того, позволяют получить дополнительное представление о качестве исполнения населением выпущенных «правил».

Особый интерес представляют черновые материалы подготовки этих распоряжений и воззваний в период восстания, отложившиеся в фондах канцелярии московского генерал-губернатора в ЦГА Москвы и личном фонде Ф.В. Дубасова в РГА ВМФ¹⁶⁰. Эти предварительные, нередко содержащие множество исправлений заметки позволяют представить процесс разработки обязательных постановлений и обращений к москвичам, поиск наиболее удачных форм воздействия на сознание обывателей, более выпукло обрисовать роль генерал-губернатора Дубасова в руководстве подавлением «мятежа» в целом.

Непосредственно к этим постановлениям примыкают «Приказы по московскому градоначальству и столичной полиции», фиксировавшие ежедневные распоряжения главы администрации и полиции столицы. Данные материалы отложились в фонде канцелярии градоначальника в ЦГА

XIX – начало XX века. М., 2000. С. 446-448.

¹⁵⁹ Там же. С. 444-446, 451-453; *Сторожев В.Н.* Указ. соч. С. 116.

¹⁶⁰ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 87; РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 448.

Москвы¹⁶¹. По нашей теме приказы дают информацию о практическом применении вышеупомянутых обязательных постановлений, частоте их использования, о видах наказаний, которым подвергались обвиняемые в административном порядке, а также о найме новых городских в дни Декабрьского восстания.

Большой интерес представляют собой секретные прибавления к данным приказам. В наиболее полном объеме они отложились в фонде Охранного Отделения в ГА РФ¹⁶². Эти документы содержат сведения об административных наказаниях по политическим мотивам (установление полицейского надзора, запрет разным лицам проживать в Москве), а также о «подключении» московской сыскной полиции к розыску политических преступников. Относительно нашего периода они также помогают понять, как эволюционировала репрессивная политика московской власти в условиях растерянности, охватившей государственный аппарат империи в «дни свобод».

Нельзя не упомянуть и о распоряжениях градоначальника о назначении особых нарядов войск и полиции – основного «силового» средства предотвращения революционных эксцессов. Материалы об этой ежедневной практике сохранились в фонде канцелярии градоначальника в ЦГА Москвы¹⁶³, а со стороны военного ведомства – в фонде штаба МВО (правда, ведомости, хранящиеся в этом архиве, содержат лишь информацию о распределении военных чинов).¹⁶⁴ Документы подобного рода позволяют сделать выводы об обстановке в Москве и связанной с ней географии распределения нарядов; о степени адекватности действий администрации текущей ситуации; предоставляют косвенные сведения о возможностях «силового ресурса» московской власти (это выражается в количестве ежедневно задействованных полицейских чинов, жандармов и солдат, практике оставления наряда еще на одни сутки, количестве солдат, оставленных в казармах), инструкциях,

¹⁶¹ Там же. Оп. 21. Д. 20; Оп. 23. Д. 9.

¹⁶² ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 9.

¹⁶³ ЦГА Москвы. Ф. 46. Оп. 21. Д. 20; 41.

¹⁶⁴ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 386, 575, 576.

которые эти соединения получали от градоначальника и, следовательно, о его видении ситуации и необходимых мер.

В эту же категорию можно включить и распоряжения московского градоначальника о разрешении или запрещении митингов и собраний в Москве. Документация подобного рода собрана в фонде Охранного Отделения в ГА РФ¹⁶⁵. Группа этих материалов позволяет понять отношение московской власти к устройству публичных собраний, а также сделать вывод, какие именно из них она считала недозволёнными.

Нельзя не упомянуть и о такой категории документов «приказного свойства», как распоряжения приставам со стороны Охранного Отделения. Подобные материалы в данном случае представляли собой донесение до исполнителей воли их главного руководителя – градоначальника. Сохранились эти распоряжения в фонде Охранного Отделения в ГА РФ¹⁶⁶. Документы подобной категории дают нам материал о конкретных мерах, предпринимаемых градоначальником по предотвращению революционных эксцессов, например, о запрещении митингов, установлению наблюдения за собраниями рабочих, арестах.

Следующей использованной категорией распорядительной документации являются приказания военного начальства разных уровней (преимущественно командования МВО – командующего войсками, начальника штаба, генерал-квартирмейстера). Данные документы частично опубликованы, большая же их часть хранится в РГВИА¹⁶⁷. Данные материалы являются базовыми при изучении планирования военных действий против «мятежников», а также процесса отправки части солдат гарнизона в действующую армию на Дальний Восток в годы русско-японской войны и последующей демобилизации этих частей (что должно было сказаться на

¹⁶⁵ ГА РФ. Д. 784; 784. Т. 1-2.

¹⁶⁶ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 773. Т. 9-11; Д. 784. Т. 1-2; Д. 785; 785 Т. 1; 833; 839; 870; 871; 912. Т. 1.

¹⁶⁷ *Сторожев В.Н.* Указ. соч. С. 60-207; Из истории Московского вооруженного восстания / Под ред. А.К. Дрезена, Г.Д. Костомарова, А.К. Симоненко. М., 1930; Высший подъем революции 1905-1907 гг. Ч. 1 // Революция 1905-1907 гг. в России. Документы и материалы. Отв. ред. А.Л. Сидоров. М., 1955; РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 386, 389, 390, 575, 576; Оп. 3. Д. 34, 38, 39, 42, 226.

боеспособности боевых сил Первопрестольной).

К этой категории примыкают очень любопытный документы – резолюции императора Николая II на докладе командующего войсками МВО Н.Н. Малахова о восстании в Ростовском полку и начальника управления военных сообщений главного управления Генерального штаба Н.Н. Левашова на телеграмме начальника военных сообщений МВО подполковника Колпакова. Данные материалы отложились в фондах штаба Московского военного округа и Главного управления Генерального штаба в РГВИА¹⁶⁸. Резолюции в источниковой базе нашего исследования занимают достаточно солидное место, являясь важными свидетельствами реакции руководителей Первопрестольной и государства на информацию, получаемую от подчиненных. Но если большая часть их составляет как бы единое целое с документом, откликом на который они являются, то вышеупомянутые образчики были выделены в качестве отдельных документов и доведены до сведения подчиненных. Первый документ проливает свет на реакцию высших сфер на восстание в Ростовском полку и на причины того, что требуемые Малаховым подкрепления так и не были присланы. Кроме того, из него можно получить наглядное представление об отношении Николая II к желательным мерам борьбы с революционным движением в армии. Второй документ служит источником информации при реконструкции истории попытки направить в Москву одно из подкреплений – 3 железнодорожный батальон.

Следующая выделяемая нами подгруппа представляет собой комплекс отчетной документации. Как представляется, в ее составе также можно вычленить несколько категорий.

Первая – массив рапортов и донесений градоначальнику со стороны подчиненных ему чинов московской полиции – участковых приставов. Материалы этой категории содержатся как в ряде дел фондов канцелярии московского градоначальника и управления московского генерал-губернатора в

¹⁶⁸ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 569; Ф. 2000. Оп. 4. Д. 2416. Л. 9.

ЦГА Москвы, так и в фонде Охранного Отделения в ГА РФ¹⁶⁹. Эти документы позволяют воссоздать общественно-политический фон деятельности московских властей, так как содержат сведения о проведении забастовок, собраний, митингов, ходе уличных боев во время Декабрьского восстания, вооружении «добровольных дружин» в этот период; кроме того, с их помощью мы можем ответить на вопросы об эффективности действий упомянутых выше полицейских и военных нарядов (Однако, как представляется, к их известиям этого рода нужно относиться критично, ибо их авторов можно заподозрить в сознательном преувеличении значения собственных действий). Имеются в них и сведения о численности и распределении по промышленным предприятиям фабрично-заводской полиции, что позволяет оценить возможность власти поддерживать на них порядок¹⁷⁰. Более того, рапорты содержат на своих полях не менее ценный материал – резолюции градоначальника по докладываемым вопросам, о значении коих мы уже упоминали. В данном случае они дают нам информацию о непосредственно принимаемых градоначальником решениях, а также о его представлениях о желательных методах борьбы с революцией и личностных качествах.

Второй категорией в описываемой подгруппе являются доклады и донесения Охранного Отделения градоначальнику и генерал-губернатору. Документы, поступившие на имя градоначальника, отложились в фонде Охранного Отделения в ГА РФ¹⁷¹, а на имя генерал-губернатора – в ЦГА Москвы¹⁷². Данные материалы также воссоздают обстановку в Первопрестольной в указанное время и помогают с еще более высокой степенью уверенности решить вопрос об информированности московских властей о происходящих событиях; кроме того, доклады генерал-губернатору содержат сведения о проведении в жизнь обязательных постановлений власти, о произведенных арестах. На многих документах этого рода также можно

¹⁶⁹ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 261; Ф. 46. Оп. 21. Д. 20; ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 773 Т. 9-11; Д. 784 Т. 1-2; Д. 785; 870; 912. Т. 1.

¹⁷⁰ ЦГА Москвы. Ф. 46. Оп. 14. Д. 61.

¹⁷¹ ГА РФ. Ф. 63. Д. 773. Т. IX-X; 784. Т. 1-2, 785, 870.

¹⁷² ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 72, 90. Т. 1, 3, 93.

найти резолюции градоначальника.

К отчетности Охранного Отделения непосредственно примыкают доклады Московского Губернского Жандармского Управления, посылаемые генерал-губернатору. В работе были использованы материалы подобного рода, сохранившиеся в фонде управления генерал-губернатора в ЦГА Москвы¹⁷³. Данные документы предоставляют в наше распоряжение сведения о количестве и существе дел, ведущихся в ГЖУ в интересующий нас период и позволяют сделать вывод о масштабности работы этого органа и потенциальной помощи, которую он мог оказать администрации в деле борьбы с революционным движением.

Третьей категорией документов в данной подгруппе являются ведомости о нарушении обязательных постановлений, присылаемые градоначальником генерал-губернатору. Эти материалы сохранились в фонде управления московского генерал-губернатора¹⁷⁴. Из них мы можем извлечь материал о круге применяемых постановлений, количестве нарушителей, возможном наборе наказаний.

Важной категорией отчетной документации являются донесения командиров отдельных войсковых частей (командующих ротами, полками, дивизиями) начальству (вплоть до императора), частично опубликованные, частично содержащиеся в фондах Главного штаба, Главного управления Генерального штаба, штаба Московского военного округа и Астраханского полка в РГВИА¹⁷⁵. Данные документы позволяют оценить эффективность функционирования нарядов в помощь гражданским властям, рассмотреть взаимоотношения полиции и войск при подавлении «беспорядков» в «дни свобод» и в период Декабрьского вооруженного восстания, оценить действенность войсковых частей против революционеров, более полно

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Там же. Д. 76.

¹⁷⁵ Высший подъем; Из истории московского вооруженного восстания. Документы и материалы / Сост. Г. Костомаров, В. Симоненко, А. Дрезен. М., 1931; Красный архив. 1925. Т. 4-5 (11-12). С.387-397; РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 386, 575, 576; Оп. 3. Д. 34, 40, 42, 226; Ф. 2602. Оп. 2. Д. 546.

представить процесс присылки подкреплений в Москву, а также количество историю отправки части солдат московского гарнизона на Дальний Восток. Подобная информация также содержится в рапорте заведующего запасным дворцовым домом московскому губернскому предводителю дворянства¹⁷⁶.

Чрезвычайно ценными для понимания сюжетов, связанных с историей борьбы московской и имперской власти с революционным движением в указанный период, являются докладные записки генерал-губернаторов П.П. Дурново и Ф.В. Дубасова Николаю II. Частично эти документы опубликованы¹⁷⁷, остальные же отложились в фонде канцелярии генерал-губернатора в ЦГА Москвы и в личном фонде Дубасова в РГА ВМФ¹⁷⁸. Данные источники содержат обширный материал по таким вопросам, как обстановка в Москве и процесс подавления Декабрьского восстания глазами руководителей Первопрестольной; состояние военно-полицейских сил в городе; судьба конкретных просьб, обращенных к императору; история присылки в Москву подкреплений из Петербурга; действия московской административной верхушки в борьбе с мятежом и кадровая политика вице-адмирала; взгляды Дубасова на необходимые, согласно его точке зрения, меры, призванные окончательно разгромить «крамолу» и способствовать ее предотвращению в будущем.

Значимым подспорьем в изучении интересующих нас сюжетов является комплекс донесений (доклады, отчеты, рапорты) руководящих чинов МВО своему «начальству» – Главному штабу, военному министру и самому императору. В отличие от подобных донесений более «низового» уровня, рассмотренных выше, эти бумаги содержат более обобщенную и масштабную информацию о происходящих событиях. Частично данные документы опубликованы, частью хранятся в фондах канцелярии Военного министерства, Главного штаба, Главного управления Генерального штаба и Московского

¹⁷⁶ Высший подъем ...С. 715-716.

¹⁷⁷ Высший подъем... С. 751-753; Адмирал Ф.В. Дубасов – палач или человек чести? // Московский архив. Историко-культурный альманах. Вып. 2. Вторая половина XIX – начало XX века. М., 2000. С. 468-474.

¹⁷⁸ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 553; РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 430. Л. 8-10.

военного округа в РГВИА¹⁷⁹. Эти материалы проливают свет на такие вопросы, как реакция Петербурга на восстание в Ростовском полку, история присылки подкреплений в Первопрестольную, численность московского гарнизона, ход и интенсивность действий войск против революционеров во время восстания, а также отправки части московских вооруженных сил на Дальний Восток во время русско-японской войны и последующей демобилизации личного состава. Кроме того, отчет командующего войсками МВО за 1905 год касается очень важной проблемы – причин массового некомплекта личного состава в войсках округа (помимо отправки солдат в Маньчжурию). Доклады же командования Виленского военного округа Главному управлению Генерального штаба представляют интерес при исследовании истории с отказом командира 3 железнодорожного батальона полковника М.И. Огановского, вопреки приказу начальника управления военных сообщений ГУГШ генерала Н.Н. Левашова, следовать в Москву (причем доклад командующего войсками Виленского округа от 26 ноября 1906 г. излагает версию, демонстрирующую действия Огановского не в лучшем свете).

Чрезвычайно значимой категорией отчетной документации являются докладные записки Николаю II о положении в стране, составлявшиеся Министерством внутренних дел и доверенным лицом императора – дворцовым комендантом Д.Ф. Треповым, который и представлял их царю. Данный комплекс включает как еженедельные записки «о происшествиях» по стране в целом, так и конкретные донесения о ходе московских событий. Частично эти материалы опубликованы, остальная же их часть отложилась в фондах Департамента полиции в ГА РФ и управления дворцового коменданта в РГИА¹⁸⁰. Тематически к ним примыкают такие источники, как доклад царю министра юстиции С.С. Манухина о событиях в Первопрестольной 9-10

¹⁷⁹ Высший подъем...; Из истории московского вооруженного восстания; Революция 1905 года и самодержавие. М., Л., 1928; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 217; Ф. 400. Оп. 3. Д. 2617; Ф. 1606. Оп. 3. Д. 34, 37, 39, 226; Ф. 2000. Оп. 4. Д. 2416.

¹⁸⁰ Высший подъем... С. 37-105; ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1905 г. Оп. 233 а. Д. 1350. Ч. 26; Д. 2540. Т. 2; РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 9, 10.

декабря и черновик доклада управляющего МВД П.Н. Дурново от 15 декабря (первый документ опубликован, второй же хранится в фонде Департамента полиции)¹⁸¹. Эти материалы, основанные на донесениях московской администрации, позволяют найти ответ на ряд принципиально важных вопросов: объем и качество информации, доводимой руководством Первопрестольной до царя и министров; степень осведомленности последних в процессе принятия решений по «московским сюжетам»; воссоздание «имперского» контекста революционных эксцессов, происходивших во второй столице, неизбежно учитывавшийся императором и правительством; история взаимоотношений центральной и московской власти в ходе подавления «мятежа», действия ключевых «игроков» в высшем эшелоне руководства, реализация московской администрацией мер против революции и ее результаты. Следует отметить, что изображаемый в данных документах масштаб революционного движения в Москве и в стране (счет «мятежников» в них идет на тысячи) грешит серьезными преувеличениями, равно как и описания жестокостей, творимых «крамольниками» (например, рассказ об убийстве рабочими Прохоровской мануфактуры «главарей» восстания). Подобные преувеличения основывались как на оценках местных властей, явно преувеличивавший силу и коварство своих врагов, так и активно поддерживались руководством МВД и придворными кругами, видимо, заинтересованными в доказательстве действенности репрессий и несостоятельности главного символа политики уступок – С.Ю. Витте. Эти соображения заставляют относиться к фактам, содержащимся в этих документах, с определенным скептицизмом.

Однако данные записки чрезвычайно важны, коль скоро именно на них основывало свои расчеты в борьбе с «мятежом» руководство империи. Более того, на донесениях Трепова и Дурново сохранились сделанные рукой дворцового коменданта пометы об ознакомлении с ними императора с датировкой (что позволяет более точно реконструировать процесс принятия

¹⁸¹Высший подъем... С. 663; ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1905 г. Оп. 233 а. Д. 1350. Ч. 26. Л. 111.

решений в «верхах») и воспроизведенные им же резолюции главы государства, позволяющие выявить его позицию по ряду вопросов борьбы с «мятежом».

При изучении настроений в «верхах» в период восстания представляет интерес ряд докладов «премьера» С.Ю. Витте императору – о согласовании действий военных и гражданских властей империи, о возвращении Семеновского полка в Петербург после московской экспедиции¹⁸². Данные материалы чрезвычайно значимы для исследования расстановки сил в придворных и правительственных кругах в конце 1905 г. и ее влияния на процесс подавления Декабрьского восстания, в частности на роль Витте в посылке в Москву и возвращении в Петербург Семеновского полка.

В нашем распоряжении также имеется образец категории объяснительной документации – записка бывшего исполнявшего должность начальника Московского Охранного Отделения А.Г. Петерсона о его материальных отношениях с известным сотрудником политической полиции М.Е. Бакаем. И хотя данная история выходит за рамки нашего исследования, приводимые в записке сведения представляют интерес при характеристике личных и профессиональных качеств главы московского политического сыска¹⁸³.

В составе категории отчетности городской Думы мы можем выделить ряд материалов, существенных для изучения нашей темы. Во-первых, следует назвать отчет московской городской управы за 1905 год, опубликованный в 1906 году¹⁸⁴. Он дает нам представление об объемах средств, расходуемых на содержание полиции. Во-вторых, серьезным подспорьем являются доклады московской городской Управы, предоставляющие материал о выполнении московской городской Думой программы по возвращению Первопрестольной к мирной жизни, намеченной ее представителями совместно с

¹⁸² Революция 1905 года и самодержавие... С. 32, 34.

¹⁸³ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 3516.

¹⁸⁴ Отчет московской городской управы за 1905 год. М., 1906.

администрацией¹⁸⁵.

В качестве отдельной категории данной подгруппы можно выделить официальные справки и отчеты, отложившиеся среди документов сенаторской ревизии московского градоначальства, проводившейся с 1907 г. сенатором Н.П. Гариным. Используемые нами документы этой категории частично опубликованы¹⁸⁶, частично хранятся в фондах Н.П. Гарина и сенаторской ревизии в РГИА¹⁸⁷. Они дают нам представление о состоянии московской полиции в интересующий нас период.

Своеобразной формой отчетности можно считать ведомости с данными о числе солдат и офицеров, отправленных на Дальний Восток, отложились в фонде штаба Московского военного округа¹⁸⁸, о количестве людей в частях, расквартированных в Москве на 1905 г., – в фондах Главного штаба и штаба Московского военного округа (причем в составе документов последнего находим данные о численности солдат, участвовавших в подавлении восстания)¹⁸⁹. Эти материалы являются серьезным подспорьем при исследовании боеспособности московского гарнизона. В то же время цифры о числе солдат, находившихся в Москве, судя по данным других источников (особенно личного происхождения), чрезвычайно завышены. Очевидно, органы официального учета в штабе МВО не всегда оперативно реагировали на такие процессы, как убыль военных чинов на Дальний Восток, демобилизация, признание их негодными к военной службе. Следовательно, к данным цифрам следует подходить критически.

В качестве третьей подгруппы в комплексе делопроизводственной документации условно может быть выделена деловая переписка. На наш взгляд, она также может быть разбита на несколько категорий: переписка

¹⁸⁵ ЦГА Москвы. Ф. 179. Оп. 3. Д. 2333. Л. 317-320, 324-325, 470-472 об.

¹⁸⁶ Декабрьское вооруженное восстание 1905 г. глазами сотрудников московской полиции / Публ. И.В. Говорова // Новейшая история России: Междисциплинарный научно-теоретический журнал, 2012. № 2 (4). С. 182-190.

¹⁸⁷ РГИА. Ф. 935, 1393.

¹⁸⁸ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 3. Д. 34, 38, 39.

¹⁸⁹ Там же Ф. 400. Оп. 3. Д. 2673; Оп. 6. Д. 310; Ф. 1606. Оп. 1. Д. 576. Л. 293.

руководителей московской администрации с центральной властью (включая царя), сношения последних друг с другом, обмен посланиями между генерал-губернатором, градоначальником и губернатором Первопрестольной и с представителями прочих ведомств, расположенных в Москве, с частными лицами или организациями, письменные и телеграфные сношения между военными начальниками разного уровня и высокопоставленными правительственными чиновниками. В ряде случаев выделение материалов в подгруппу, отдельную от двух предыдущих, во многом условно, поскольку данные документы выполняют функцию предписания и отчетности.

В первую категорию входит прежде всего «переписка» (употребляем этот термин, хотя речь скорее идет об обмене телеграммами) между московским генерал-губернаторами П.П. Дурново и Ф.В. Дубасовым и градоначальником Г.П. Медемом с одной стороны и управляющим Министерством внутренних дел П.Н. Дурново – с другой (при этом телеграмма Дубасова от 8 декабря о необходимости присылки в Москву команды железнодорожных войск со смысловыми вариациями была адресована управляющему МВД и военному министру, а 11 декабря о необходимости отправки в Москву бригады пехоты – еще и председателю Совета министров)¹⁹⁰. Мы также использовали дело о запрещении надворному советнику Я.П. Суслову издавать газету «Век», которое содержит переписку генерал-губернатора с Главным Управлением по делам печати.¹⁹¹ И использованные нами материалы этого рода главным образом отложились в фондах управления московского генерал-губернатора (ЦГА Москвы) и Охранного Отделения (ГА РФ); переписка Дубасова с главой МВД по поводу подчинения генерал-губернатору войск московского гарнизона после восстания – в фонде Главного штаба в РГВИА¹⁹². Один документ – письмо

¹⁹⁰ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 89. Т. 2. Л. 9, 10; Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве // Власть и общество в Первой русской революции 1905-1907 гг. Документальные свидетельства / Отв. ред. А.А. Чернобаев. М., 2017. С.43, Высший подъем...С. 672-673.

¹⁹¹ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 278.

¹⁹² Там же. Д. 36; 145; 261; 288; Оп. 237. Д. 85, 87, 89 Т. 1, 90. Т. 1, 3; 92, 93; ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 871; Ф. 102. 3-е д-во. 1906. Оп. 204. Д. 8 ч. 34; РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 276.

градоначальника Медема управляющему Министерством внутренних дел П.Н. Дурново – опубликован в сборнике «Царизм в борьбе с первой русской революцией» (1936 г.)¹⁹³, ряд телеграмм и распоряжений главы правоохранительного ведомства в статье В.Н. Сторожева «Декабрьское вооруженное восстание (По архивным материалам)»¹⁹⁴. Интерес представляют и такие документы этой категории, как телеграммы, которыми обменивались генерал-губернатор Дурново и председатель Совета министров С.Ю. Витте, телеграмма и переписка вице-адмирала с главнокомандующим войск гвардии и Петербургского военного округа – великим князем Николаем Николаевичем¹⁹⁵. Весь данный материал представляет большую ценность с точки зрения выяснения взаимоотношений московской администрации с центральной властью; механизма принятия важнейших политических решений; ресурсов, которыми администрация обладала для борьбы с революционным движением; дел, бывших в центре внимания московской администрации; межличностного взаимодействия руководителей Москвы друг с другом, а также их персональных характеристик. Кроме того, обмен телеграфными сообщениями между П.П. Дурново и Витте способствует выяснению роли руководителя Совета министров в деле ареста Центрального бюро II съезда Крестьянского союза и проверке гипотезы самого Сергея Юльевича, высказанной им в мемуарах по этому поводу. Особенную ценность представляют материалы данной переписки периода Декабрьского восстания и времени сразу после него, поскольку позволяют подробнее осветить такие сюжеты, как: состояние военно-полицейских сил Первопрестольной в момент наивысшего напряжения борьбы с «мятежниками», история присылки подкреплений в Москву, взгляды Дубасова и руководства империи на судьбу захваченных «мятежников» и произвол властей предержащих.

При исследовании процесса подавления Декабрьского восстания не

¹⁹³ Царизм в борьбе с первой русской революцией / Под ред. А.К. Дрезена. М., 1936. С. 99-100.

¹⁹⁴ Сторожев В.Н. Указ. Соч. С. 60-207.

¹⁹⁵ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 72; Революция 1905 года и самодержавие...С. 43-44; Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве...С. 42; РГИА. Ф.1656. Оп.1. Д.89; Сторожев В.Н. Указ. соч. С. 70-90.

менее важно учитывать позиции различных группировок в правящих «верхах». Незаменимым источником по реконструкции данного сюжета может послужить переписка руководителей государства. В нашем исследовании она представлена письмами П.Н. Дурново и военного министра А.Ф. Редигера друг к другу. Отпуск и оригинал отношения Дурново Редигеру от 8 декабря отложились в фондах Департамента полиции в ГА РФ и Главного штаба в РГВИА (нами использован последний, так как он содержит пометы, позволяющие проследить его дальнейшую судьбу), остальные же послания – в фонде Главного штаба¹⁹⁶. Данные источники важны при реконструкции истории отправки подкреплений и изучении роли П.Н. Дурново в этом деле, взаимоотношений между правоохранительным и военным ведомствами по вопросу содействия войск гражданским властям по империи в целом (что позволяет воссоздать контекст московских событий), а также выработки решения о подчинении московского гарнизона Дубасову после восстания.

К данной категории примыкает переписка вице-адмирала с правителем империи, частично опубликованная¹⁹⁷. Она позволяет составить более полное представление об истории присылки в Москву подкреплений, о репрессивных мерах московской власти, о выделении императором пожертвования на нужды пострадавших москвичей.

Под следующей категорией мы понимаем деловую переписку между генерал-губернатором, градоначальником и губернатором. Очень часто ее вел не глава Первопрестольной лично, а канцелярия от его имени. Сюда же мы относим обмен посланиями между ними и представителями других ведомств – например, военным начальством. В настоящей работе мы воспользовались документами, главным образом сохранившимися в фондах управления московского генерал-губернатора и канцелярии градоначальника (ЦГА Москвы)¹⁹⁸, отчасти — в фонде Охранного Отделения (ГА РФ)¹⁹⁹. Донесения

¹⁹⁶ ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1905. Оп. 233 а. Д. 1350. Ч. 26. Л. 81; РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2617. Л. 191; Д. 2615, 2616, 2768.

¹⁹⁷ Революция 1905 года и самодержавие... С. 167-168, 181, 184; ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 233. Д. 49. Л. 6, 8.

¹⁹⁸ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 9, 261, 278; Оп. 237. Д. 72; Ф. 46. Оп. 21. Д. 20.

Медема Дубасову от 13 и 15 декабря 1905 г. опубликованы в сборнике «Высший подъем революции 1905-1907 гг.» (хотя второй документ приведен с купюрами, в том числе без резолюции «главного начальника» Первопрестольной)²⁰⁰. Материалы переписки с чинами военного ведомства частично также опубликованы в данном издании²⁰¹, в упоминавшейся статье В.Н. Сторожева²⁰², большое же число подлинников хранится в фондах управления генерал-губернатора (ЦГА Москвы) и штаба Московского военного округа (РГВИА)²⁰³. Переписка Дубасова с командиром Семеновского полка Г.А. Мином приводится нами по статье В.Н. Сторожева, где она была опубликована «без изъятий»²⁰⁴. Данные материалы позволяют полнее представить процесс согласования и принятия решений относительно борьбы с революционным движением, характер межличностных и профессиональных взаимоотношений в стане высших чинов московской администрации, между ними и местной военной властью, точнее выписать их персональные характеристики.

Для целей нашего исследования значима и переписка между военными начальниками различного ранга – от командиров полков до уровня Главного штаба и военного министра. Она содержит информацию об отправке солдат московского гарнизона на Дальний Восток²⁰⁵, о назначении нарядов войск в помощь гражданским властям²⁰⁶, о присылке подкреплений в Москву²⁰⁷. Ценным дополнением к ней являются справки по различным вопросам, позволяющие прояснить ряд вышеприведенных важных сюжетов, имеющих прямое отношение к подавлению «декабрьской революции».

Деловая переписка руководителей Москвы с частными лицами и общественными организациями включает такие документы, как: обмен

¹⁹⁹ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 773. Т. X.

²⁰⁰ Высший подъем... С. 677-678, 685-686.

²⁰¹ Там же. С. 608-625.

²⁰² Сторожев В.Н. Указ. соч. С. 90-130.

²⁰³ ЦГА Москвы Ф. 16. Оп. 237. Д. 85, 89 Т. 2, 90 Т. 1., 90 Т. 3; РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 386, 388, 575, 576.

²⁰⁴ Сторожев В.Н. Указ. соч. С. 140-155.

²⁰⁵ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 3. Д. 32, 38, 40.

²⁰⁶ Там же. Ф. 2602. Оп. 3. Д. 546.

²⁰⁷ Там же. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2617; Ф. 2000. Оп. 4. Д. 2416.

посланиями генерал-губернатора и градоначальника с городским головой; отношения «главного начальника» губернскому предводителю дворянства, письма-приглашения на совещания; доносы и заявления частных лиц генерал-губернатору по поводу расширявшейся революционной деятельности; жалобы частных лиц градоначальнику по поводу действий «черносотенцев»; заявления и ходатайства частных лиц и общественных организаций по разным вопросам (в том числе и анонимного свойства), наконец, обмен посланиями по вопросам благотворительности (включая отчетность канцелярии главы Первопрестольной перед передавшим огромную сумму на подавление восстания главой Московского биржевого комитета Г.А. Крестовниковым). Данные материалы отложились в фондах управления московского генерал-губернатора, канцелярии градоначальника, городского общественного управления (ЦГА Москвы), Охранного Отделения (ГА РФ), в личном фонде Дубасова (РГА ВМФ) и в фонде лейб-гвардии Семеновского полка в РГВИА (при этом послание от заведующего отделением Исторического музея на Пресне П.И. Щукина им самим классифицировано как «донесение»)²⁰⁸. Документы подобного рода позволяют нам выявить отношение властей к публичным собраниям, дают более полное представление об их методах борьбы с революционным движением; демонстрируют их отношение к политическим доносам, помогают проследить взаимоотношения администрации и городского самоуправления, выявить отношение населения Москвы к принимаемым властью мерам и к руководителям Первопрестольной; реконструировать состав лиц, приглашаемых на заседания, посвященные выработке мер борьбы с «мятежом» и возвращению города к обычной жизни.

Переписка между общественными деятелями и военными фрагментарна и приходится в основном на период пресненской экспедиции Г.А. Мина²⁰⁹. В нашем исследовании она представлена письмами городского головы Н.И.

²⁰⁸ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 9, 288, 294; Оп. 139. Д. 174. Т.1, 2 и др.; Оп. 229. Д. 50; Оп. 237. Д. 85, 87, 89. Т. 1-2., 90. Т. 1, 3; Ф. 46. Оп. 20. Д. 21; Ф. 179. Оп. 3. Д. 2333; РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 433, 505; ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 773 Т. 9-10; 784. Т. 1, 785; РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 2669, 2742.

²⁰⁹ РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 2692, 2745; РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 428. Л. 15.

Гучкова и фабриканта Н.И. Прохорова командиру Семеновского полка. Письмо Гучкова дает представление о защите городским головой промышленных предприятий, оказавшихся в зоне боевых действий, послания Прохорова позволяют реконструировать процесс переговоров властей с рабочими его мануфактуры о капитуляции.

Официальная переписка между различными сотрудниками городской Думы и Управы, между ними и благотворительными учреждениями²¹⁰, позволяет лучше судить о расстановке сил в рядах самоуправления, о его вкладе в нормализацию ситуации в Первопрестольной после восстания, об эффективности работы городских благотворительных заведений – попечительств о бедных.

Документация протокольного характера (четвертая подгруппа) представлена в нашей работе несколькими категориями материалов.

Во-первых, в нее входят журналы и стенографические отчеты о собраниях городской Думы²¹¹. Они позволяют выяснить позиции различных групп гласных по отношению к политике власти, а также получить представление о взаимоотношениях администрации и самоуправления.

Во-вторых, сюда входят полицейские протоколы о различных происшествиях, отложившиеся в фондах Охранного Отделения²¹² и канцелярии московского генерал-губернатора²¹³. Данный вид источника содержит информацию о порядке в Первопрестольной, а также о способности полицейской власти его поддерживать.

В-третьих, следует упомянуть и протокольную документацию учреждений, образованных генерал-губернатором Дубасовым в ходе «усмирения» «крамолы» при взаимодействии с городской «общественностью». Речь идет о черновом протоколе (возможно, мы

²¹⁰ ЦГА Москвы. Ф.179. Оп. 3. Д. 2333; Оп. 57. Д. 894.

²¹¹ ЦГА Москвы. Ф. 179. Оп. 22. Д. 289; Стенографические отчеты о заседаниях московской городской думы за 1905 г. М., 1906-1907.

²¹² ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 773. Т. 9-11, 785, 833, 912. Т. 1.

²¹³ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 89. Т. 1.

располагаем лишь его фрагментом) заседания «Гражданского Совета» от 22 декабря (консультативного органа при «главном начальнике» Первопрестольной, состоявшем из представителей администрации и городской верхушки), журналах заседаний Комитета для помощи пострадавшим мирным жителям и воинским и полицейским чинам и журнале заседания Комиссии по борьбе с нищенством и хулиганством, расцветшими пышным цветом на фоне декабрьской всеобщей забастовки и «беспорядков». Данные материалы отложились в фонде управления московского генерал-губернатора в ЦГА Москвы²¹⁴. Они являются базовыми при изучении деятельности этих институций, круга вопросов, поднятых на их заседаниях, и хода их обсуждения, демонстрирующего позиции различных лиц и ведомств.

Близки к протокольной документации и «Дежурные дневники градоначальства», представляющие собой совокупность ежедневных записей, ведущихся специальными чиновниками градоначальства и фиксирующих донесения приставов и распоряжения градоначальника²¹⁵. Данный документ доносит до нас сведения, не сохранившиеся в вышеперечисленных архивных фондах, содержит ценную информацию о состоянии полицейского аппарата столицы в дни Декабрьского восстания.

Определенный интерес для нашего исследования представляет также протокольная документация различных форумов ведущих политических либеральных партий – «Союза 17 октября» и конституционно-демократической. Выявленные источники этой категории опубликованы²¹⁶. Протоколы и стенографических отчеты о заседаниях органов данных политических сил предоставляют в наше распоряжение любопытный материал как об их позиции в происходивших бурных событиях, так и о действиях власти и реакции этих партий на них. Так, протоколы заседаний кадетского ЦК

²¹⁴ ЦГА Москвы. Ф.16. Оп. 95. Д. 261. Л. 458; Д. 550; Оп. 139. Д. 174. Т. 4.

²¹⁵ «Дежурные» дневники московского градоначальства 25 сентября 1905 – 12 января 1906 г. / Подг. Л.И. Лескова, Э.С. Коган // Материалы по истории революции 1905-1907 гг. М., 1967. С. 25-147.

²¹⁶ Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. Т.1. 1905-1911 гг. М., 1994; Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов и заседаний ЦК. Т. 1. 1905-1907 гг. М., 1996; Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 1. 1905-1907 гг. М., 1997; Партии российских промышленников и предпринимателей. 1905-1906 гг. М., 2004.

и материалы первых съездов главной партии русского либерализма дают наглядное представление об ее отношении к обстановке в стране и Первопрестольной в «дни свобод» и в период Декабрьского восстания, о действиях ее представителей в напряженной ситуации, об оценке ими мер правительства и местной администрации и использовании их промахов собственных целях. Документация октябристского ЦК и ее первого съезда позволяет выявить отношение генерал-губернатора Дубасова к данной организации, а также сравнить политику руководства обеих столиц по отношению к общественным собраниям в этот напряженный период с учетом влияния предпринятых ими мер на отношение «Союза 17 октября» к правящему режиму.

Важной группой протокольной документации являются записи заседаний и мемории Совета министров Российской империи за 1905 г., опубликованные ленинградскими историками в 1990 г. Эти материалы позволяют реконструировать позицию центрального руководства по ряду вопросов борьбы с революционным движением, вскрыть в первом приближении противоречия в «верхах», воссоздать контекст московских событий²¹⁷.

Специфичным, но очень ценным является такой вид протокольных материалов, как камер-фурьерские журналы, отложившиеся в фонде 516 РГИА. Они представляют собой запись распорядка дня императора и позволяют определить круг лиц, с которыми он общался, что позволяет пролить свет на процесс принятия решений. Нами использовались черновые камер-фурьерские журналы как не подвергшиеся позднейшей редакции и наиболее информативные по содержанию²¹⁸.

Особую подгруппу делопроизводственных документов представляют собой дневники наружного наблюдения Московского Охранного Отделения, являющиеся фиксацией результатов слежки агентов охраны за

²¹⁷ Совет министров Российской империи, 1905-1906 г. Документы и материалы. Л., 1990.

²¹⁸ РГИА. Ф. 516. Оп. 219/2728. Д. 21.

«неблагонадежными лицами». Хранятся эти материалы в фонде Московского Охранного Отделения в ГА РФ²¹⁹. Данные записи-отчеты, составленные филерами, дают яркое представление о качестве работы политического сыска Первопрестольной, о степени распространения и организованности антиправительственного движения в «дни свобод» (естественно, по результатам наружной слежки об этом можно судить лишь косвенно), о степени информированности властей о росте революционных настроений и их способности оперативно реагировать на получаемые сведения. Следует отметить, что за интересующий нас период (октябрь-декабрь 1905 г.) записи велись филерами крайне неравномерно: достаточно обильные в «дни свобод» (середина октября – начало ноября 1905 г.), они практически исчезают в промежутки между 10 и 21 декабря (т. е. в момент восстания) и довольно скупо ведутся вплоть до 1906 года²²⁰. Подобная особенность красноречиво свидетельствует о возможностях охраны активно бороться с революцией.

Определенный интерес при изучении темы представляют прошения – ходатайства различных лиц в вышестоящие инстанции для удовлетворения каких-либо просьб. Большая часть документов этого вида, представленных в нашем исследовании, представляет собой обращения к власти либо лиц, считавших себя несправедливо арестованными во время репрессивных акций власти (или из родственников) и добивавшихся пересмотра приговора, либо понесших материальные убытки и желавших получить компенсацию. Материалы подобного рода отложились в фондах управления генерал-губернатора и городского самоуправления в ЦГА Москвы, Московского Охранного Отделения и Департамента Полиции в ГА РФ²²¹. На этом фоне явно выделяется прошение полковника Огановского императору, в котором излагается его собственная версия обстоятельств, заставивших его нарушить приказ о движении 3 железнодорожного батальона в Москву²²². Совокупность

²¹⁹ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 45. Д. 10, 11, 14, 336.

²²⁰ Там же.

²²¹ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 261, 494; Оп. 139. Д. 174. Т. 4, Т. 10; Оп. 237. Д. 90. Т. 1, Д. 92, 93; Ф. 179. Оп. 57. Д. 894; ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 795. Т. II, 871.; Ф. 102. 7-е д-во. 1906. Оп. 204. Д. 8 Ч. 34.

²²² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 4. Д. 2416. Л. 73-77.

документов данной подгруппы содержит богатый материал о действиях власти, злоупотреблениях ее агентов, революционном движении, результатах благотворительной деятельности администрации и самоуправления после восстания; в случае с Огановским – о ситуации на железных дорогах, примыкающих к Москве, и о настроении во вверенном ему батальоне. Однако следует помнить, что авторы прошений прежде всего преследовали цель добиться удовлетворения своих ходатайств, поэтому к сообщаемой ими информации (особенно затрагиваемой просителей лично), следует относиться критически.

Наконец, привлекались такие материалы, как обвинительные заключения по делам о восстании Ростовского полка (Московского военно-окружного суда) и о восстании на Пресне (Московского окружного суда)²²³. Они позволяют нам подробно проследить процесс «мятежа» как в этой части, так и в рабочем районе; получить представление о действиях военного и полицейского начальства, а во втором случае – и о степени осведомленности властей об участниках революционного движения.

Источники личного происхождения. Особенный интерес при исследовании «закулисных» сторон деятельности имперской и московской власти в процессе борьбы с революцией, при проверке сведений, содержащихся в официальных документах, представляют материалы личного происхождения. В то же время при работе с ними необходимо учитывать ошибки и неточности, порожденные степенью осведомленности и состоянием памяти их авторов (особенно если речь идет о мемуарах), а также большим субъективизмом данного типа исторических свидетельств.

Источники личного происхождения представлены в нашей работе мемуарами государственных деятелей (В.Ф. Джунковского, С.Ю. Витте и др.), военных (М.С. Тюлина, А.Ф. Редигера, Г.О. Рауха, А.К. Квашнина-Самарина и др.), общественных деятелей и обывателей Первопрестольной (Л.А.

²²³ Высший подъем... С. 620-641, 761-783.

Георгиевского, И.Н. Ржанова) и некоторых участников революционного движения (С.И. Мицкевича, А.В. Горшкова, В.А. Костицына, П.С. Бобровского и др.); дневниками военных и администраторов (Ф.В. Дубасова, А.А. Половцова, В.Г. Глазова, великого князя Константина Константиновича, Г.О. Рауха), представителей общественности (Л.А. Тихомирова, А.А. Киреева, К.Н. Левина, А.Н. Позднякова и др.), письмами Ф.В. Дубасова жене А.С. Дубасовой и В.Ф. Джунковскому, императора Николая II матери – императрице Марии Федоровне, личной переписка Ф.В. Дубасова, А.М. Горького председателю общества «Знание» К.П. Пятницкому.

Воспоминания В.Ф. Джунковского (1865-1938 гг.), написанные уже в годы Советской власти²²⁴, содержат интересный материал по нашей теме. Московский вице-губернатор, а впоследствии и губернатор, Владимир Федорович был весьма осведомленным как по части обстановки в Первопрестольной, так и относительно личных качеств своих «коллег» – генерал-губернаторов П.П. Дурново и впоследствии Ф.В. Дубасова и градоначальника Г.П. Медема. Не находящийся с ними в плохих отношениях²²⁵, губернатор старается быть как можно более умеренным в своих оценках, что повышает ценность данного материала. Однако необходимо отметить, что мемуары Джунковского, очевидно, в силу объективной невозможности для него быть в курсе всех обстоятельств деятельности генерал-губернатора и градоначальника, не содержат упоминания и анализа их конкретных мер по борьбе с «крамолой» в «дни свобод». Куда более подобно будущий товарищ министра внутренних дел описывает период Декабрьского восстания: в его мемуарах содержатся упоминания о собственной роли в механизме борьбы с «мятежом», о реализации изданных генерал-губернатором обязательных постановлений, о составлении проекта Совета с участием представителей общественности, о заседании и сущности данного органа. В то же время «декабрьский» раздел

²²⁴ Перегудова З.И., Пушкарева И.М. Предисловие// Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 1. М., 1997. С. 24-25.

²²⁵ Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 65-66.

мемуаров, писавшийся Джунковским либо на основе воспоминаний, либо хаотичных и неточных записей (вряд ли чрезвычайная занятость способствовала ведению исполнявшим должность губернатора обстоятельного дневника), страдает некоторыми искажениями истины: автор временами неточен в хронологии (в частности, при разграничении событий 9-10 декабря), явно «смешивает» два совещательные органы при генерал-губернаторе.

Созданные в 1907-1912 гг. мемуары С.Ю. Витте, занимавшего в те месяцы пост первого главы «объединенного правительства» – Совета министров – также содержат материал, касающийся обстановки в Москве и действий ее администрации по борьбе с революционным движением. При этом информация по интересующим нас событиям содержится в двух рукописных заметках премьера, созданных в разное время и несколько различающихся по приводимым сведениям²²⁶. По своему обыкновению Витте и в этом случае дает портретные зарисовки главных «действующих лиц» – Дурново и Медема, достаточно желчного свойства в обоих фрагментах²²⁷. Им он противопоставляет образ храброго и по-своему благородного солдата – своего протеже Ф.В. Дубасова²²⁸. Отставной председатель Совета министров нарисовал достаточно мрачную картину московской действительности в «дни свобод», продемонстрировав вызревание открытого восстания против существующего строя при полном попустительстве местной администрации²²⁹. Повествует он и о периоде Декабрьского восстания, подробно рассказывая о своей роли в вызове Семеновского полка в Москву, а также приводит нелестные отзывы Дубасова о состоянии войск и командования МВО, сведения о посещениях генерал-губернатором совещаний у командующего войсками МВО Н.Н. Малахова и невысоких профессиональных качествах московских генералов²³⁰. Содержатся в его

²²⁶ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т.2. Рукописные заметки / под ред. Б.В. Ананьича и Р.Ш. Ганелина. СПб., 2003. С. 285-305, 395-404.

²²⁷ Там же. С. 300-301, 399-400.

²²⁸ Там же. С. 297-300, 395-400.

²²⁹ Там же. С. 169-173.

²³⁰ Там же. С. 301-304, 400-404.

мемуарах и сведения об общей ситуации в империи во второй половине 1905 г.²³¹, и о его взаимоотношениях с вице-адмиралом Дубасовым до восстания²³². Однако недостаточная осведомленность Витте по части собственно московских событий²³³ и откровенная тенденциозность при изложении (так, он из всей администрации только себя показывает деятельным и компетентным) заставляют отнестись критически ко многим сообщаемым им сведениям.

При проведении нашего исследования большую ценность представляет мемуарное наследие высших чинов Министерства внутренних дел – ведомства, непосредственно отвечавшего за борьбу с революцией в масштабах империи.

В воспоминаниях товарища министра внутренних дел в 1905-1906 гг. В.И. Гурко (1862-1927) «Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника» создана широкая картина внутренней политики и общественной жизни России рубежа веков²³⁴. Этот труд, представляющий собой смесь собственно мемуарной прозы и исторической аналитики, содержит массу интересного материала, так или иначе касающегося нашей темы: характеристики ряда вершителей внутренней политики России периода высшего подъема революции 1905-1907 гг. (С.Ю. Витте, Д.Ф. Трепова, особенно П.Н. Дурново и др.), описание придворных интриг, важнейших карательных мероприятий правительства. Однако автор, активнейший участник политической борьбы, человек весьма желчный, не всегда был беспристрастен и не все его свидетельства заслуживают доверия (например, он, вероятно, с целью показать эффективность работы своего шефа Дурново явно преувеличивает полномочия П.И. Рачковского, в период Декабрьского восстания командированного в Москву).

²³¹ Там же. Т. 2.

²³² Там же. Т. 1. Рассказы в стенографической записи. СПб, 2003. С. 295.

²³³ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 74. Л. 184, 201.

²³⁴ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000.

Мемуары директора канцелярии министра внутренних дел в 1902-1906 гг. Д.Н. Любимова (1864-1942), созданные в эмиграции на основании воспоминаний автора, личных заметок и советских сборников документов, содержат интересный материал о обстановке в стране и действиях местных властей в «дни свобод», о политической линии П.Н. Дурново на посту главы МВД, его взаимоотношениям с С.Ю. Витте и Д.Ф. Треповым и сотрудничестве с Ф.В. Дубасовым во время Декабрьского восстания. Особый интерес представляет рассказ о поездке автора в Москву в ноябре 1905 г., предоставляющий информацию о состоянии московской администрации и полиции, их действиях по борьбе с революционным движением, слухи о стремлении управляющего МВД добиться отставки своего однофамильца – московского генерал-губернатора П.П. Дурново²³⁵.

Сведения о курсе П.Н. Дурново на борьбу с революцией, о представлениях о ситуации в Москве в период восстания, распространенных в Петербурге, можно найти в мемуарах начальника Главного управления по делам печати А.В. Бельгарда (1861-1942).²³⁶

Ценны замечания о процессе подготовки Манифеста 17 октября, о последствиях его выхода и положению в петербургских «коридорах власти» можно почерпнуть из воспоминаний других видных чиновников МВД – помощника начальника Главного управления по делам местного хозяйства С.Е. Крыжановского, товарища министра кн. С.Д. Урусова.²³⁷

Воспоминания начальника Петербургского охранного отделения в 1905-1909 гг. А.В. Герасимова (1861-1944) «На лезвии с террористами» изобилуют сведениями о мерах, предпринимаемых Министерством внутренних дел и Петербургским охранным отделением по борьбе с революцией в северной столице (что позволяет провести параллель с работой их московских коллег), о

²³⁵ Любимов Д.Н. Русское смутное время. 1902-1906. По воспоминаниям, личным заметкам и документам. М., 2018.

²³⁶ Бельгард А.В. Воспоминания. М., 2009.

²³⁷ Из бумаг С.Е. Крыжановского. Воспоминания последнего государственного секретаря Российской империи. СПб., 2009; Урусов С.Д. Записки. Три года государственной службы. М., 2009.

взаимоотношениях в правительственных «верхах», о роли П.Н. Дурново в подавлении Декабрьского восстания в Москве и ряду эпизодов, связанных с этим процессом (упоминавшаяся миссия П.И. Рачковского, посылка Семеновского полка). Однако стремление автора продемонстрировать свою ведущую роль в большинстве описываемых событий, в том числе относящихся к разгрому Декабрьского восстания (не подтверждаемую другими источниками), заставляют критически относиться ко многим его свидетельствам²³⁸.

Мемуары министра народного просвещения в кабинете С.Ю. Витте И.И. Толстого (1858-1916), созданные в 1906 г., непосредственно после описываемых событий на основании еще свежих впечатлений автора и некоторых служебных документов, содержат ценную информацию о ситуации в стране, о положении в правящих «верхах», личные характеристики С.Ю. Витте, П.Н. Дурново, Д.Ф. Трепова, а также ряд штрихов к политическому и личностному портрету Ф.В. Дубасова, проливают свет на борьбу в Совете министров вокруг отставки его предшественника – П.П. Дурново и выработки мер против почтово-телеграфной забастовки²³⁹.

В будущем чиновник Главного управления земледелия и землеустройства А.А. Татищев (1885-1947) оставил заметки об участии в качестве секретаря в экспедиции своего родственника Ф.В. Дубасова в Черниговскую губернию в числе генерал-адъютантов, специально командированных для борьбы с аграрными беспорядками. Эти записки в 1935 г. были опубликованы в журнале «Красный архив²⁴⁰.» Они содержат любопытную личную характеристику будущего московского генерал-губернатора, рассказ об используемых им методах усмирения революционного движения. Данные свидетельства принципиально важны при реконструкции опыта подавления революции, накопленного Дубасовым до Московского

²³⁸ Герасимов А.В. На лезвии с террористами // «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска: в 2 тт. Т. 2. М., 2004.

²³⁹ Мемуары графа И.И. Толстого. М., 2003.

²⁴⁰ «Объезд сатрапа» // Красный архив. 1935. Т. 2-3. С. 42-60.

восстания.

Воспоминания чиновника МИД, профессора международного права, а в будущем – товарища министра народного просвещения М.А. Таубе (1869-1961) были надиктованы им в 1954-1956 гг., хранились в Бахметьевском архиве Колумбийского университета и увидели свет в 2007 г.²⁴¹ Они содержат ряд важных штрихов к характеристике Ф.В. Дубасова.

Воспоминания военного министра А.Ф. Редигера (1855-1920) писались им в отставке с 1911 г. и были окончательно завершены в 1918 г.²⁴² Будучи военным чиновником до мозга костей, он не уделял большого внимания общеполитической обстановке. В то же время его записки содержат ценный материал по ряду важных для нашего исследования вопросов: об отправке частей из Европейской России на Дальний Восток и о ее влиянии на ситуацию в оставшихся подразделениях, об обстановке в войсках в 1905 г. и о мерах Военного ведомства к ее улучшению, о взаимоотношениях между командующими округов и военным министром, об истории карательной политики самодержавия зимой 1905-1906 гг. Особенную ценность для нас представляет изложение истории присылки подкреплений в Москву, в частности судьба просьбы об этом командующего войсками МВО Н.Н. Малахова во время восстания Ростовского полка. Приводит Редигер в мемуарах и ряд любопытных личностных характеристик Николая II, Ф.В. Дубасова, великого князя Николая Николаевича и его окружения, Н.Н. Малахова.

Мемуары дежурного генерала штаба МВО М.С. Тюлина (1862-1935 гг.), «написанные для детей и внуков» в годы Советской власти (после 1927 г.)²⁴³, хранятся в фонде Тюлиных в Отделе Рукописей Российской Государственной Библиотеки. Нами использовался четвертый том его записок, охватывающий

²⁴¹ Таубе М.А. «Зарницы»: Воспоминания о трагической судьбе дореволюционной России (1900-1917). М., 2007.

²⁴² Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра: в 2 тт. М., 1999.

²⁴³ НИОР РГБ. Ф. 307. П. 1. Ед. хр. 1. Л. 2.

события 1905-1914 гг.²⁴⁴ Свои мемуары генерал писал исключительно по памяти, поскольку его дневники сгорели во время пожара в имении после того, как он отправился на Первую мировую войну²⁴⁵. По этой причине в его воспоминаниях есть многочисленные неточности (так, события Декабрьского восстания он относит к ноябрю)²⁴⁶. В то же время его мемуары содержат ценный фактический материал: личностные характеристики администраторов и военачальников, сведения о механизме принятия решений военного характера, о настроениях и численности Московского гарнизона, о миссии генерал-лейтенанта Г.К. Штакельберга.

Воспоминания генерал-квартирмейстера штаба войск гвардии и Петербургского военного округа в 1905-1908 гг. Г.О. Рауха (1855-1935?), посвященные событиям 1905-1907 гг., создавались в эмиграции в Константинополе в 1925 г. Их текст хранится в личном фонде генерала эмигрантского периода в ГА РФ²⁴⁷. Воспоминания содержат богатый материал о положении в стране, прежде всего в Петербурге, во время высшего подъема революции, дают представление о мерах, предпринимаемых командованием Петербургского военного округа для стабилизации ситуации (что позволяет провести сравнение с деятельностью командования МВО в эти дни), предоставляют материал по организации карательных экспедиций в конце 1905 г. и роли С.Ю. Витте и П.Н. Дурново в этом деле, а также о сформировавшемся соглашении между управляющим МВД и великим князем Николаем Николаевичем. Есть в них и уникальные сведения, позволяющие пролить свет на вопрос о причинах выдвижения Ф.В. Дубасова на первые роли в деле борьбы с революцией. При этом следует иметь в виду ряд особенностей данного источника, негативно влияющих на его информативность. Во-первых, второй вариант мемуаров о событиях 1905 г. (первый хранится в его личном фонде в РГИА и доведен до начала «дней свобод» в Петербурге)²⁴⁸. Раух писал

²⁴⁴ Там же. Ед. хр. 4.

²⁴⁵ Там же. Ед. хр. 1. Л. 4.

²⁴⁶ Там же. Ед. хр. 4. Л. 13 об. - 14.

²⁴⁷ ГА РФ. Ф. Р6249. Оп. 1. Д. 1-3.

²⁴⁸ РГИА. Ф. 1656. Оп. 1. Д. 87.

по памяти, будучи лишен материалов своего архива, конфискованного большевиками в Петрограде²⁴⁹. Во-вторых, красной нитью в их тексте проходит идея оправдания и возвеличивания своего бывшего шефа, а в момент написания воспоминаний одного из претендентов на русский трон – великого князя Николая Николаевича. Данные обстоятельства обусловили неточность и тенденциозность ряда свидетельств генерала: например, стоит очень критично подходить к деталям излагаемой им истории о посылке Семеновского полка в Москву.

Записки поручика лейб-гвардии Семеновского полка А.К. Квашнина-Самарина (бывшего своеобразным летописцем его действий) о действиях различных частей своего подразделения добавляют несколько любопытных штрихов к политическому «портрету» городского головы Н.И. Гучкова, позволяют точнее представить психологическое состояние офицеров полка и самого Г.А. Мина, их отношение к населению Пресни²⁵⁰.

Отложившиеся в материалах сенаторской ревизии московского градоначальства и опубликованные И.В. Говоровым²⁵¹, записки смотрителя Пресненского полицейского дома Н.А. Бардина довольно подробно и не без иронии описывает состояние полицейской службы в дни восстания, а также содержит сведения об отношении полковника Г.А. Мина к мирному населению.

В воспоминаниях директора лицея цесаревича Николая Л.А. Георгиевского, созданных в начале 1910-х гг.²⁵², содержатся сведения о реакции московской общественности на назначение Ф.В. Дубасова генерал-губернатором.

Очень ценным источником является сборник «Москва в декабре 1905 года», первое издание которого вышло «по горячим следам» событий – в 1906 г. (В диссертации использовалось переиздание 2018 г., снабженное научными

²⁴⁹ ГА РФ. Ф. Р6249. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

²⁵⁰ Из истории Московского вооруженного восстания... С. 138-143.

²⁵¹ Декабрьское вооруженное восстание 1905 г. глазами сотрудников... С. 183-190.

²⁵² РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 456.

комментариями²⁵³). Конкретные авторы, скрывавшие свою личность по политическим соображениям, до сих пор не выяснены, однако из текста явствует, что они принадлежали к РСДРП (к меньшевистскому или даже большевистскому крылу)²⁵⁴. По своему жанру сборник является чем-то средним между мемуарами, публицистикой и историческим исследованием (так, авторы иногда делают попытки сравнивать используемые данные) и представляет собой последовательный рассказ о Декабрьских событиях, основанный на разнообразном материале – устных рассказах, партийной документации, сведений печати, прокламациях, вышедших ранее документальных сборниках. Приводимые свидетельства, в значительном числе случаев уникальные, позволяют получить информацию о ходе событий в различных районах Москвы, настроениях масс городского населения и «стражей порядка» – полиции и войск, о степени стихийности восстания, о состоянии организаций радикальных партий, о реализации обязательных постановлений генерал-губернатора, о действиях властей, в том числе о расправе на завершающем этапе «декабрьской революции». В то же время цели, преследуемые авторами сборника (показать благородство и подвиг революционеров), а также слабая проверка достоверности приводимых сведений, заставляют с осторожностью относиться к ряду сообщаемых фактов (чего только стоят рассказы об огромных потерях, понесенных полицией и войсками при столкновениях с дружинниками, опровергаемых с помощью правительственной документации)²⁵⁵. Изобилуют страницы сборника и многочисленными слухами, курсировавшими в революционной и обывательской среде в период восстания (например, о разоружении и блокировке в казармах огромного числа солдат, о сообщениях генерал-губернатора в Петербург подобного рода, о возможном прибытии подкреплений революционерам из Петербурга). Данные «толки», при их несоответствии действительности, очень важны при воссоздании

²⁵³ Москва в декабре 1905 г. 2-е изд. М., 2018.

²⁵⁴ Там же. С. 6.

²⁵⁵ Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве...С. 65-67; РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 389.

«информационного поля» данного времени, реконструкции логики действий противников администрации и обывательских настроений.

Нами также привлекались мемуары большевиков-дружинников (М.Н. Лядова, З.Н. Доссэра, В.А. Костицына, М.В. Виноградова и др.)²⁵⁶. При отборе источников данной категории мы отдавали предпочтение воспоминаниям, созданным в начале 1920-х годов, когда еще не утвердилась «единственно верная» трактовка событий недавнего прошлого. Поэтому их авторы, рассуждавшие о декабре 1905 г. с высоты прожитых лет, могли быть достаточно откровенны. Данные тексты, хотя и написанные преимущественно по памяти, содержат большой фактический материал о ходе восстания в различных районах Москвы, политике партийных организаций левых радикалов, настроении обывателей и войск, позволяют оценить эффективность мер власти во время подавления восстания глазами их врагов.

На этом фоне выделяются эмигрантские мемуары большевика в 1905 г., а впоследствии меньшевика, министра труда второго краевого Крымского правительства в годы Гражданской войны П.С. Бобровского (1880-1947). Данный текст хранится в его личном фонде в ГА РФ²⁵⁷. Созданные в 1920-е годы на основе личных воспоминаний автора, эти мемуары содержат более свободную рефлексию по поводу правильности большевистской стратегии в целом и во время Декабрьского восстания – в частности, нежели аналогичные памятники, вышедшие в это время в СССР. Довольно подробно автор останавливается на интересующих нас сюжетах – настроении широких масс населения, состоянии партийной организации (причем высказывает на этот счет очень критичные замечания), реализации обязательных постановлений власти, отношении москвичей к репрессивным мерам администрации. Нужно отметить, что его текст содержит уникальные свидетельства – например, о явочной попытке московских властей организовать конную полицию. Большой

²⁵⁶ Декабрь 1905 года на Красной Пресне. М., 1924; На баррикадах Москвы. Сборник воспоминаний, документов и материалов \ Сост. И. Угров и В. Величина. М., 1975; *Костицын В.А.* Декабрьское восстание 1905 г. // Мое утраченное счастье. Воспоминания. Дневники. М., 2017: в 2 тт. Т.2. С. 181-211.

²⁵⁷ ГА РФ. Ф. Р.6400. Оп. 1. Д. 3.

интерес представляют соображения Бобровского о положении социалистических партий в Москве непосредственно после восстания, причине легкости разгрома полицией ячеек этих организаций.

Видный деятель партии большевиков, врач, а в советское время — первый директор Музея Революции С.И. Мицкевич (1869-1944 гг.) написал свои воспоминания в 1934-1940 гг. и выпустил в двух книгах: «На грани двух эпох. От народничества к марксизму» (1938 г.) и «Революционная Москва» (1940 г.)²⁵⁸ (мы использовали материал второго произведения). В этом произведении автор, деятельный участник происходивших событий, неплохо осведомленный, пользовавшийся впоследствии большим количеством документальных материалов,²⁵⁹ создает богатое фактическим материалом и довольно достоверное полотно событий, происходивших в Москве в «дни свобод» и в период восстания. Однако следует отметить, что о действиях власти он знает не так уж много, приводя о ней довольно общие сведения²⁶⁰.

Использовались в литературно обработанные воспоминания бывшего московского рабочего, впоследствии большевика В.А. Горшкова, написанные уже в годы Советской власти и опубликованные в книге «Москва в трех революциях» (1959 г.). В них дается описание действия наряда войск при разгоне «сборища» рабочих²⁶¹.

Воспоминания бывшего городского секретаря Н.И. Астрова и его мемуарный очерк о своем товарище по Думе кадетской партии М.Я. Герценштейне содержат оценку расклада сил в этом органе и его взаимоотношений с администрацией в дни восстания²⁶².

Из привлеченных нами дневников чрезвычайно большое значение имеют заметки московского генерал-губернатора Ф.В. Дубасова о декабрьских событиях. Оригинал их хранится в РГА ВМФ. Дневник был написан от

²⁵⁸ Клюкин В.И. Сергей Мицкевич. 1869-1944. Киров, 1980. С. 110.

²⁵⁹ Там же.

²⁶⁰ Мицкевич С.И. Указ. соч. С. 403-448.

²⁶¹ Горшков В.А. Юность большевика // Москва в трех революциях. М., 1959. С. 13.

²⁶² Астров Н.И. М.Я. Герценштейн в московской городской Думе // Жизнь и гибель Михаила Герценштейна. СПб., 2017. С. 443-450.

третьего лица и активно редактировался вице-адмиралом после отставки. Эти записки представляют собой сухой, протокольный рассказ о ходе восстания, основанный во многом на донесениях градоначальника, губернатора и военных властей. Собственных наблюдений и выводов Дубасова, зарисовок закулисных взаимоотношений в лагере борцов с восстанием, ярких психологических характеристик в дневнике практически нет. Тем не менее он содержит ценные сведения о многих распоряжениях и постановлениях власти, о действиях войск и полиции, о степени информированности генерал-губернатора, об отношениях его с военным руководством Первопрестольной. Особую ценность имеют помещенные в тексте дневника записи сообщений Дубасова управляющему МВД П.Н. Дурново по телефону, позволяющие точнее изучить такие сюжеты, как история присылки воинских подкреплений в Москву, характер информации, сообщаемой генерал-губернатором в Петербург в период восстания, отношение главы Первопрестольной к распоряжениям петербургского начальства, его программа очищения города от «мятежников»²⁶³.»

Дневник императора Николая II (1868-1918) за изучаемый период традиционно мало уделяет внимания взрывоопасной обстановке в Москве и в империи в целом. В основном его автор фиксируется на событиях частной жизни и придворного церемониала. Однако сухие и лапидарные записи последнего императора позволяют получить весьма ценную для нашего исследования информацию: о круге принятых им лиц (включая П.Н. Дурново, А.Ф. Редигера, П.П. Дурново, Ф.В. Дубасова, Д.Ф. Трепова, великого князя Николая Николаевича и т. д.), о степени осведомленности царя о Декабрьском восстании (что напрямую сказывалось на процессе принятия важнейших решений, в том числе об оказании военной помощи). Также вкупе с другими источниками дневник Николая II позволяет пролить свет на политическую борьбу в «верхах» империи и ее влияние на подавление Декабрьского

²⁶³ Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве... С.38-68; РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 454.

восстания²⁶⁴.

В дневнике члена Государственного совета А.А. Половцова (1832-1909), ведшимися на основе кратких записей, содержится информация о карательной политике самодержавия в период «дней свобод» (в частности – о заседании Совета министров 17 ноября 1905 г., посвященному анализу недостатков судебной системы) и об увольнении московского генерал-губернатора П.П. Дурново²⁶⁵.

Дневник двоюродного дяди царя, президента Академии наук и главного начальника военно-учебных заведений, известного поэта великого князя Константина Константиновича (1858-1916) повествуют о положении в придворных сферах в указываемый период, представлениях о Декабрьских событиях в Москве, циркулировавших в высших кругах петербургского общества, о взглядах великого князя Николая Николаевича на перспективы революционного движения в Северной столице²⁶⁶.

Дневник генерал-лейтенанта В.Г. Глазова (1848-1920 гг.), занимавшего во время восстания пост помощника командующего Московского Военного Округа, хранится в РГИА. Нами были использованы дневниковые записи за декабрь 1905 г.²⁶⁷ Сухие, протоколирующие события заметки, сделанные в записной книжке, не содержат ярких психологических характеристик или рефлексии по поводу переживаемых событий. Однако это несколько педантичное отображение событий текущего дня донесло до нас материал о военно-полицейских совещаниях при генерал-губернаторе, позволяющий реконструировать их историю, оценить эффективность этого института, вкупе с другими источниками исследовать его недостатки. Кроме того, дневниковые записи Глазова дают сведения о взаимоотношениях гражданской и военной власти в целом, позиции петербургских военных по отношению к оказанию военной помощи Москве, миссии генерал-лейтенанта Г.К. Штакельберга, а

²⁶⁴ Дневники императора Николая II (1894-1918): в 2 тт. Т. 2, Ч. 1. М., 2013.

²⁶⁵ Половцов А.А. Дневник. 1893-1909. СПб., 2016.

²⁶⁶ Из дневника Константина Романова // Красный архив. 1931. Т. 1. С. 126-151.

²⁶⁷ РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 10.

также содержат отдельные штрихи к личностным характеристикам основных действующих лиц. Бесцветность личности самого Глазова, отмечавшаяся современниками²⁶⁸ и явствующая из дневника, при описании событий предстает «благоприятствующим фактором»: генерал в целом бесстрастно фиксирует события, лишь изредка высказывая собственные оценки и суждения.

Дневник генерал-квартирмейстера штаба войск гвардии и ПВО Г.О. Рауха, охватывающий период с конца ноября 1905 по конец 1906 г. и опубликованный в 1926 г. в журнале «Красный архив», является ценным дополнением к его более обширным воспоминаниям²⁶⁹. Синхронный событиям дневник содержит ценную информацию о позиции командования ПВО во главе с Николаем Николаевичем по поводу помощи местностям, охваченным революционной «смутой», более достоверно, нежели позднейшие воспоминания, описывает историю отправки подкреплений Дубасову, содержит важные сведения о взаимоотношениях в высших «сферах».

Чрезвычайно информативным источником предстает дневник гласного городской Думы Н.П. Вишнякова (1844-1927 гг.)²⁷⁰. Нужно отметить, что его автор, человек довольно консервативных взглядов (он занимал место на правом фланге формирующейся партии «Союз 17 октября») обладал вдобавок весьма желчным характером и резкостью в суждениях, что не могло не отразиться на информационной ценности текста (чего стоят убийственные и не всегда взвешенные характеристики сущности революционного движения или личностей «левых гласных» Думы). Однако его записи, основанные на личных впечатлениях автора, его беседах с многочисленными знакомыми различных политических убеждений, включают поистине бесценные сведения по ряду интересующих нас вопросов: о политической борьбе в самоуправлении, отношении его к власти, о реализации обязательных постановлений генерал-губернатора, деятельности полицейского аппарата

²⁶⁸ Редигер А.Ф. Указ. соч. С. 381.

²⁶⁹ Дневник Г.О. Рауха // Красный архив. 1926. Т. 6. С. 83-109.

²⁷⁰ ЦГА Москвы. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 18, 19.

Москвы, численности гарнизона, настроении рядового населения Первопрестольной и военных, усмирявших «бунт». Весьма интересны также его записи за 1908 г., зафиксировавшие рассказы городского головы Н.И. Гучкова о его переговорах с генерал-губернатором Дубасовым об отсрочке артиллерийского обстрела Пресни 18 декабря и о реакции на выдвижение рабочими-железнодорожниками условий капитуляции 17 же числа. Эти истории позволяют точнее представить взгляды «главного начальника» Первопрестольной и городского головы на подавление «мятежа», более выпукло обрисовать политическую роль Н.И. Гучкова в декабрьских событиях. Кроме того, в дневнике за 1908 г. содержатся сведения о попытках левых гласных Думы – П.А. Столповского и Н.М. Кишкина – выступить ходатаями за рабочих-железнодорожников и реакции Дубасова на их посреднические усилия.

Привлекался нами и дневник известного российского консервативного мыслителя Л.А. Тихомирова за 1905-1907 гг.²⁷¹ Несмотря на особенности характера и мировоззрения ведущего публициста «Московских ведомостей» (в их числе заметное место занимали истеричность и крайне негативное восприятие действительности, обострявшееся в свете очередной неудачи власти, ошибочность ставки на которую за два десятка лет до этого бывший революционер, очевидно, ощущал), благодаря наблюдательности и широкому кругу знакомств знаменитый монархист сумел создать настоящую летопись революционных событий 1905 года в Москве. В его дневнике можно найти информацию об отношении населения к местной власти и ее действиям, сведения о реализации изданных обязательных постановлений и осведомленности о них, о слухах, циркулировавших в связи с незнанием о распоряжениях администрации, о настроениях московской полиции и гарнизона.

В череде дневников московских обывателей видное место занимает хроника декабрьских событий, принадлежащая перу графини Е.Л.

²⁷¹ Дневник Л.А. Тихомирова 1905-1907 гг. // сост. А.В. Репников, Б.С. Котов. М., 2015.

Камаровской²⁷². Нужно учитывать, что обнаруженный исследователями вариант, по всей видимости, является позднейшей редактурой более ранних заметок. Дочь графа Л.А. Камаровского, профессора Московского университета и члена московского отделения ЦК «Союза 17 октября», в силу одного этого факта имевшая широкие связи в среде аристократии и «цензовой» общественности Первопрестольной, она была довольно любознательной девушкой, живо интересовавшейся происходившими событиями. Следует отметить, что несмотря на особенности мировоззрения, делавшей ее отношение к революционерам непримиримым (молодая графиня была убежденной православной верующей и монархисткой), она пыталась оценивать их беспристрастно, даже находя в их деятельности «благородные» мотивы. Все это благоприятствовало созданию ею крайне информативного повествования о ходе «декабрьской революции». Дневник Камаровской демонстрирует широкую палитру настроения московских обывателей как ее круга, так и других социальных слоев; содержит информацию о степени осведомленности населения о репрессивных мерах власти и даже о возможности москвичей знакомиться с ними и выполнять объявленные предписания; повествует об отношении военных к мирному населению и к самой идее революции. В записки также включены сведения о важных эпизодах подавления Декабрьского восстания: о переговорах Н.И. Гучкова и московского губернского предводителя дворянства князя П.Н. Трубецкого с Дубасовым об организации 17 декабря вывода женщин и детей с Пресни и сообщения дворцовым комендантом Д.Ф. Треповым Николаю II ложных цифр о числе погибших дружинников. Кроме того, страницы дневника изобилуют свидетельствами о слухах, подчас фантастичных, циркулировавших среди москвичей. Сообщения о них позволяют реконструировать содержание информационного пространства, в котором существовало население Первопрестольной в дни восстания; при сопоставлении же с другими материалами некоторые из записанных «толков» оказываются довольно

²⁷² Записки графини Е.Л. Камаровской // Власть и общество в Первой российской революции 1905-1907 гг. Документальные свидетельства. М., 2017. С. 68-91.

близкими к истине (например, о методах ведения политического сыска командированным в Москву П.И. Рачковским).

Дневниковые записи московского домовладельца И.Н. Ржанова (по всей видимости, подвергшиеся позднейшей редактуре)²⁷³, человека крайне консервативных взглядов, относившегося с нескрываемой враждебностью к восставшим, дают представление о выполнении обывателями обязательного постановления московского генерал-губернатора о закрытии ворот.

Дневник близкого к придворным кругам публициста-неославянофила А.А. Киреева, обладавшего разветвленной сетью знакомств и пытавшегося оказывать влияние на проводившуюся политику, содержит яркие портретные зарисовки московских генерал-губернаторов П.П. Дурново и Ф.В. Дубасова, полученные неофициальным путем данные о численности войск в империи (в том числе в Москве и Петербурге), рассказ о попытках Д.Ф. Трепова распространить в великосветских сферах сведения о громадных потерях в стане московских революционеров и о своем отношении к сообщавшимся им цифрам²⁷⁴.

Нами также был использован дневник публициста социал-демократического направления К.Н. Левина (1876-1922 гг.), впервые опубликованный в сборнике «Текущий момент» (1906 г.) (мы брали его переиздание в сборнике «Декабрьское восстание 1905 г. в Москве» (1919 г.)²⁷⁵. Данный источник предоставляет сведения о настроениях московского населения, циркулировавших в его среде слухах, об исполнении обязательных постановлений генерал-губернатора и осведомленности населения о них, его реакции на воззвания, издаваемые главой Первопрестольной.

Дневник обывателя Суцевской части А.Н. Позднякова (выходил под

²⁷³ Декабрьское Московское вооруженное восстание в 1905 г.: (7-31 дек. 1905 г. из запис. листков очевидца и наблюдателя) / Излож. старый москвич И.Ржанов. 2-е изд. М., 1909.

²⁷⁴ Киреев А.А. Дневник. 1905-1910 гг. М., 2010.

²⁷⁵ Левин К.Н. Вооруженное восстание в Москве (7-19 декабря 1905 г.) // Декабрьское восстание в Москве 1905 г. Иллюстрированный сборник статей, заметок и воспоминаний. Под ред. Н. Овсянникова (Материалы по истории пролетарской революции. Сборник 3-й). М., 1919. С. 232-261.

инициалами А.Н.П.)²⁷⁶ содержит сведения о состоянии власти в его районе в дни восстания и о настроении населения.

Сходным по типу является дневник пресненского гимназиста из семьи, придерживавшейся консервативных взглядов, Д. Русина, описывающего жизнь в своем и близлежащем районах в период восстания. Из этого документа можно получить наглядное представление о ходе «декабрьской революции» в различных регионах Москвы, о попытках местной власти препятствовать ей²⁷⁷.

Письма императора Николая II к матери Марии Федоровне за осень 1905 – зиму 1906 гг. содержат немало ценного материала. Из них мы более подробно узнаем о реакции императора на политические события этого периода, его отношении к различным политическим мерам, его видении политической обстановки, в частности – его осведомленности о ситуации в Москве в период восстания и ее влиянии на принятие им решений²⁷⁸.

Переписка Ф.В. Дубасова с супругой – урожденной Александрой Сергеевной Сипягиной – не затрагивает периода восстания (в это время жена находилась в Москве с вице-адмиралом). Зато в ней нашли отражение сюжеты, связанные с командировкой мужа для подавления аграрных беспорядков в Черниговскую губернию в ноябре 1905 г. Из писем Дубасова можно представить, как он характеризовал революционное движение, какие формы борьбы с ним считал верными, а также его оценку собственных способностей воздействовать на охваченных «крамольным» настроением людей²⁷⁹.

Письма Дубасова своему бывшему подчиненному – исполнявшему должность московского губернатора В.Ф. Джунковскому летом 1906 г., сохранившиеся в фонде последнего в ГА РФ (в их числе отложилась отправленная вице-адмиралом главе губернии копия его послания новому генерал-губернатору С.К. Гершельману), пусть и мало затрагивают напрямую сюжеты, связанные с подавлением Декабрьского восстания, тем не менее,

²⁷⁶ Декабрьские дни 1905 г. в Москве (Дневник очевидца). Б.м. и г., 1906.

²⁷⁷ Пресня в декабре 1905 г.// Красный архив. 1935. Т. 6. С. 204-209.

²⁷⁸ Переписка императора Николая II с матерью – императрицей Марией Федоровной (1894-1917). М., 2018.

²⁷⁹ РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 751.

представляют интерес в ракурсе настоящего исследования. Прежде всего, они позволяют судить о характере взаимоотношений бывшего московского генерал-губернатора с одним из своих ближайших соратников в период «мятежа». Помимо этого, в одном из этих писем содержится высокая оценка Дубасовым деятельности полицеймейстера московской полиции Юрьева во время Декабрьского восстания, а в письме Гершельману – закулисные подробности о пожертвовании Московским биржевым комитетом средств на борьбу с революцией.²⁸⁰

Переписка Дубасова с Витте представлена в нашем исследовании письмом от 27 декабря, проливающим свет на условия назначения вице-адмирала генерал-губернатором, средства, с помощью которых Дубасов стремился «пробить» в «верхах» свое мнение о предании захваченных «мятежников» гражданскому суду, мнение главы Первопрестольной об оценке своих успехов в Петербурге и желаемое им вознаграждение «за труды» (что добавляет дополнительный штрих к его личностной характеристике)²⁸¹.

Письменные обращения Витте к великому князю Николаю Николаевичу находятся в личном фонде двоюродного дяди царя в ГА РФ (хотя они и были опубликованы в 1926 г. в журнале «Красный архив» в приложении к дневнику генерал-квартирмейстера штаба ПВО Г.О. Рауха, мы предпочли использовать именно архивный вариант, поскольку публикация страдает некоторыми неточностями в передаче текста)²⁸². Эти документы позволяют более выпукло представить позицию Витте в деле возвращения Семеновского полка в Петербург, его роль в проведении карательных мер в целом и методы, применяемые им в придворной борьбе, а также ее влияние на процесс подавления «мятежа».

Письмо Е.Ф. Джунковской – состоявшей при дворе великой княгини Елизаветы Федоровны – своему брату, исполнявшему должность московского

²⁸⁰ ГА РФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 547.

²⁸¹ Революция 1905 года и самодержавие... С. 42-43.

²⁸² ГА РФ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 2; Дневник Г.О. Рауха // Красный архив. 1926. № 6. С. 102-103.

губернатора, от 11 декабря 1905 г. дает красноречиво представление о реакции в придворных и бюрократических «верхах» на обстановку в Москве, позволяет опровергнуть представление о якобы панике в Петербурге по поводу «московской революции». Напротив, из письма «Додо» (как называл сестру Джунковский) очевидна недооценка высшим светом Северной столицы опасности ситуации в Москве, а также стремление Д.Ф. Трепова воспользоваться возникшими обстоятельствами в своих целях²⁸³.

Письмо А.М. Горького председателю Общества «Знание» К.П. Пятницкому от 8 декабря, опубликованное в томе сборника «Высший подъем революции 1905-1907 гг.», дает сведения о наблюдениях автора за настроением и действиями войск²⁸⁴.

Периодическая печать. Материалы периодической печати не являются нашим основным источником, но тем не менее содержат весьма ценную информацию по заявленной теме.

Применительно к периоду «дней свобод» речь идет о номере газеты «Ведомости московского градоначальства и столичной полиции» от 23 ноября 1905 г., выпуске газеты «Правительственный вестник» от 5 ноября 1905 г., о номере «Московских ведомостей» за 15 ноября 1905 г. и ряде выпусков газет, придерживавшихся либерального направления («Русское Слово», «Новости дня», «Вечерняя почта») за ноябрь 1905 г.

В первом случае «Ведомости московского градоначальства...», ежедневная газета, в которой печатались официальные известия и распоряжения градоначальника, опубликовала обязательное постановление Г.П. Медема от 20 ноября «О забастовках»²⁸⁵.

Во втором — в официальной газете «Правительственный вестник», специализировавшейся на правительственных сообщениях, было размещено

²⁸³ Великая княгиня Елисавета Феодоровна. Документы и материалы. 1905-1918 гг. В 2 тт. Т.1. 1905-1913 гг. С. 43.

²⁸⁴ Высший подъем... С. 660.

²⁸⁵ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 14. Д. 20. Л. 3.

запрещение деятельности почтово-телеграфного союза²⁸⁶. Оно позволяет точнее представить позицию центральной имперской власти в деле противостояния почтово-телеграфному союзу.

В третьем – «Московские ведомости», одна из ведущих консервативных газет Москвы того времени, возглавляемая известным деятелем правого толка В.А. Грингмутом²⁸⁷, опубликовала заметку о проведении митинга в театре «Аквариум», который практически превратился в диспут о преимуществах партийных программ между эсерами и социал-демократами, а закончился дискуссией о достоинствах разного вида бомб²⁸⁸. Подобная информация дает нам возможность оценить степень взрывоопасности обстановки, а также информированности власти и ее активности в сложившейся ситуации.

Наконец, ряд леволиберальных изданий («Новости дня», «Русское слово», «Вечерняя почта») опубликовали в ноябре 1905 г. ряд материалов, позволяющих полнокровнее представить как историю борьбы московской и центральной власти с Крестьянским и почтово-телеграфным союзами, так и общественную реакцию на репрессивные меры администрации²⁸⁹.

Применительно к периоду всеобщей стачки и декабрьского восстания нами привлекались материалы газеты «Право» от 18 и 24 декабря, содержащие хронику событий за 7-19 декабря. Мы воспользовались их публикацией в сборнике «Высший подъем революции 1905-1907 гг.²⁹⁰» Они представляют информацию об исполнении обязательных постановлений, о настроениях в городе, о действиях власти (правда, далеко не всегда точную).

Декабрьские номера газеты «Русский Листок» (№ 333, 337-338) содержат заметки о заседаниях «Гражданского Совета» – совещаниях администрации и общественности у генерал-губернатора в период восстания и

²⁸⁶ Правительственный вестник. 5 ноября 1905 г. № 239.

²⁸⁷ Дергачева Л.П. Периодика // Очерки русской культуры. Конец XIX – начало XX века. Т. 1. М., 2011. С. 301.

²⁸⁸ Московские ведомости. 15 ноября 1905 г. № 301; ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Л. 784. Т. 1. Л. 144.

²⁸⁹ Вечерняя почта. 18 ноября 1905 г. № 283 и др.; Новости дня. 30 ноября 1905 г. № 8068; 2 декабря 1905 г. № 8070; Русское Слово. 22 ноября 1905 г. № 338.

²⁹⁰ Высший подъем. С. 692-712.

сразу после него. Помещенные материалы дают представление о проблемах, поставленных на собраниях данного форума, и о ходе их обсуждения. Однако использовать их нужно с осторожностью: очевидно, не владеющие полнотой информации авторы заметок порой смешивали заседания «Гражданского Совета» и других органов при генерал-губернаторе²⁹¹.

Определенный интерес при воссоздании позиции большевистского крыла РСДРП представляют материалы социал-демократической газеты «Новая жизнь» о конференции Северных организаций партии в конце ноября 1905 г. Они демонстрируют повышение «боевого духа» партийных активистов-большевиков, занимавшихся революционной работой в России, их стремление к углублению протестного движения. Любопытно сопоставить подобные воззрения с куда более умеренным мнением В.И. Ленина, высказанным в начале ноября в статье «Наши задачи и Совет рабочих депутатов». Мы воспользовались публикацией заявленных материалов в сборнике «Высший подъем революции 1905-1907 гг.²⁹²».

К этой группе источников можно отнести и сборник очерков, писем в редакцию и заметок корреспондента либеральной газеты «Молва» В.И. Климкова «Расправы и расстрелы²⁹³». В них воссоздается жизнь Москвы в период восстания, содержится информация о реализации обязательных постановлений генерал-губернатора и осведомленности о них населения, о настроениях жителей и солдат, о расстрелах, производимых офицерами Семеновского полка после подавления «смуты».

Близки к материалам собственно периодики публицистические произведения, опубликованные в форме брошюр. Для нашего исследования имеет значение вышедшая в 1906 г. работа В.М. Чернова «Прошлое и настоящее», посвященная оперативному анализу роли партии эсеров в событиях «дней свобод» и Декабрьского вооруженного восстания. В этой

²⁹¹ Русский Листок. 1905. № 333, 337, 338.

²⁹² Высший подъем... С. 5-9, 21-25.

²⁹³ Климков Василий. Расправы и расстрелы: Письма, очерки и наброски спец. кор. газ. «Русь» («Молва»). М., 1906.

брошюре содержится временами весьма тонкий анализ восприятия революционерами карательных действий власти и его влияния на принятие левыми радикалами важнейших решений, хотя при анализе работы следует учитывать ее полемический дух, призванный продемонстрировать верность курса умеренного крыла партии социалистов-революционеров²⁹⁴.

Поводя итог краткому обзору источниковой базы, мы можем сделать вывод, что она достаточно репрезентативна и позволяет раскрыть заявленные аспекты интересующей нас темы.

Положения, выносимые на защиту.

1. В сложной социально-политической ситуации «дней свобод», Декабрьской стачки и восстания преградами на пути активизации карательной деятельности московского административно-полицейского аппарата были недостатки, присущие местной власти империи в целом: малочисленность войск и полиции, необходимость совершенствования политического сыска, неудовлетворительный состав руководителей, отсутствие отлаженного механизма взаимодействия с военными, неоднозначные взаимоотношения с городской Думой. Во многом они являлись порождением серьезных проблем, которые переживал государственный строй: отсутствие правительственного единства; борьба ведомств за финансы; недочеты в работе военного ведомства, порожденные денежным дефицитом и негативными последствиями реформ 1870-х гг.; раскол в рядах российской общественности. Попытки преодоления этих сложностей в чрезвычайных условиях имели разный результат, но в целом не приносили желаемого эффекта по причине глубины выявленных проблем.

2. Центральная власть империи не смогла стать эффективным руководителем своих московских подчиненных. В «дни свобод» в правящих «верхах» царила растерянность, выражавшаяся в посылке на места противоречивых распоряжений, часто усугублявших положение. Постепенно в

²⁹⁴ Чернов В.М. Прошлое и настоящее // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы / Сост. Н.Д. Ерофеев. М., 1996. С. 182-194.

руководстве страны оформилась линия на оказание жесткого отпора протестному движению, олицетворением которой стал П.Н. Дурново. Однако этот переход не был последовательным и сопровождался чередой колебаний и запоздавших репрессий, что на первых порах усугубляло ситуацию. В период восстания недостаточное единство руководства империи, недостатки московского административного аппарата, слабая осведомленность высших сфер о положении в Москве, тяжелая обстановка в стране в целом и придворные интриги снижали возможности Петербурга направлять события в Первопрестольной.

3. Роль личности руководителя местной власти в чрезвычайных условиях оказалась очень велика. В противовес бездеятельному генерал-губернатору П.П. Дурново его преемник Ф.В. Дубасов в период Декабрьского восстания предпринял ряд своевременных мер: сформировал собственную команду, обеспечил относительное единство гражданского и военного руководства, попытался усовершенствовать полицейскую службу, наладил диалог с «благонадежной» частью общественности, пытался сочетать репрессии с пропагандистскими обращениями к населению. Однако роль личности не следует и переоценивать: часть проблем генерал-губернатору не удалось решить в силу их сложности и глубины, другие меры потерпели фиаско из-за его неопытности в административных делах.

4. В период «дней свобод» действия московской администрации из-за указанных факторов отличались паллиативным или нерешительным характером. В результате они не только не достигали цели, но и способствовали формированию в среде революционной и леволиберальной общественности образа слабой и реакционной власти.

5. В период Декабрьской стачки и восстания московская власть смогла действовать более энергично и результативно. Но из-за недостатков административного аппарата это сопровождалось издержками (спасение многих революционеров, расправы плохо контролируемых войск над

населением, массовое незнание москвичей о воззваниях и постановлениях власти, сложность реализации конструктивных решений городской Думы, циркуляция слухов, неблагоприятных для имиджа администрации), что приводило к трагическим последствиям и негативно сказывалось на престиже государственного строя в целом.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка источников и литературы.

Глава I. Московская власть в борьбе с революцией в период «дней свобод» (18 октября – 7 декабря 1905 г.).

§1. Общественно-политическая ситуация в Москве в «дни свобод» (18 октября – 7 декабря 1905 г.).

17 октября 1905 г. император Николай II подписал Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка». Согласно ему, подданные российского царя наделялись невиданным доселе объемом прав: неприкосновенностью личности, свободой слова, совести, собраний и союзов. Кроме того, в тексте Манифеста декларировалось создание законодательного органа — Государственной Думы и дарование «права избрания» в нее «тем классам, которые ныне совсем лишены избирательных прав».²⁹⁵ Принятие данного акта исследователями связывается как с революционными событиями в России осенью 1905 г. (особенно с Всеобщей Октябрьской политической стачкой), так и с логикой преобразовательного процесса, неминуемо ведущего к превращению проектируемой законосовещательной Думы в законодательное собрание.²⁹⁶ Однако желаемого властями успокоения Манифест не принес: менее, чем через два месяца в Москве вспыхнула новая всеобщая стачка, через 2-3 дня перешедшая в стихийное и неорганизованное, но бушевавшее около десяти дней вооруженное восстание.

Что же происходило в Первопрестольной в период с середины октября до начала декабря 1905 г., обычно именуемый «днями свобод»?

Утром 18 октября в московских газетах появился вышеупомянутый манифест²⁹⁷. Однако желаемого властями успокоения он так и не принес. Левые радикалы рассматривали его как первую победу над ненавистным самодержавием. Консерваторы же из различных слоев общества опасались

²⁹⁵ Российская монархическая государственность...С. 141.

²⁹⁶ Власть и реформы...С. 452.

²⁹⁷ Чебарин А.С. Указ. соч. С. 142.

крушения традиционного уклада вследствие возможных реформ²⁹⁸. В условиях политизации населения, вызванной крушением привычных рамок политической жизни в условиях революции, подобные настроения привели к весьма бурному выражению. С 18 по 23 октября на улицах Москвы появилось множество «патриотических манифестаций» и леворадикальных «демонстраций». Учитывая накал страстей, встречи подобных шествий зачастую приводили к трагическим последствиям. Уже 18 числа произошла «свалка» между «манифестантами» и «демонстрантами» у Пересыльной тюрьмы в Бутырках²⁹⁹. Классическую «картину» подобных «встреч» запечатлел пристав 2 участка Тверской части в докладе градоначальнику Медему о событиях 19 октября: «В 31 часа пополудни около Иверской часовни сошлись две партии одна с национальным флагом, другая с красным (сохранена пунктуация источника — М.А.). Ожидалось столкновение, кто-то хотел вырвать красный флаг, кто-то получил удар по лицу. Преобладающей была партия с красными флагами. Скоро партия с национальными флагами отошла к Охотному ряду, а толпа с красными флагами направилась к манежу и Александровскому саду³⁰⁰.» Часто эти столкновения заканчивались применением огнестрельного оружия. Например, это произошло 23 октября, когда путь толпе черносотенцев (по слухам, шедшей разгонять митинг, проходивший у Инженерного училища) преградила большевистская боевая дружина, этот митинг охранявшая.

Данный эпизод получил освещение у большевика С.И. Мицкевича и у оставшегося неизвестным автора, который явно придерживался политических симпатий в духе формировавшегося «Союза русского народа» и «Союза русских людей» и написал возмущенное письмо о произошедшем генерал-губернатору Дурново. Исходя из этих источников, невозможно до конца понять, кто стал зачинщиком конфликта (так, Мицкевич обвиняет «истинно русских людей» в том, что они ударили палкой их делегата, и дружина

²⁹⁸ Первая революция в России... С. 332, 336.

²⁹⁹ «Дежурные» дневники московского градоначальства... С. 56.

³⁰⁰ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 785. Л. 33.

вынуждена была применить оружие, а анонимный приверженец монархической власти, напротив, клеймит «проклятых студентов» (именно так он именует большевистскую демонстрацию), первыми открывших стрельбу против несущего портрет «Государя Императора»), но итог оба описывают одинаково: дружина применила силу, и «союзникам» пришлось срочно ретироваться³⁰¹.

«Патриотически» настроенные москвичи, однако, не ограничивались изъяслением своих верноподданнических чувств и противостоянием демонстрациям «с красными флагами». После Манифеста по Москве прокатился целый ряд избиений и убийств революционеров, студентов, прохожих, напоминавших по своему облику интеллигентов и евреев³⁰². Различные источники свидетельствуют, что добровольные «ревнителю» порядка, чаще всего толпами, преследовали и расправлялись с лицами, заподозренными в «крамоле» (правда, очевидцы из правительственного и консервативного лагерей настаивали, что объекты насилия первыми применяли оружие).³⁰³ Самой известной их жертвой стал, как известно, большевик Н.Э. Бауман, убитый ломовым извозчиком Н.Ф. Михайлиным 18 октября. Его похороны 20 числа вылились в многотысячную демонстрацию, также закончившуюся кровавым финалом: у здания Университета возвращавшиеся с Ваганьковского кладбища демонстранты сперва вступили в схватку с «патриотами» (при этом в источниках, авторы коих придерживались различной идейной направленности, вновь встречается разноголосица по поводу того, кто первым открыл огонь)³⁰⁴, а затем подверглись залповому обстрелу со стороны засевших в Манеже казаков. Пик подобных расправ пришелся на 21–22 октября, когда ревнителю «порядка» ходили по городу и требовали от встречающихся «студентов» выражения лояльности монарху³⁰⁵.

³⁰¹ Мицкевич С.И. Указ. соч. С. 409; ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 9. Л. 32-34.

³⁰² Чебарин А.С. Указ. соч. С. 142; Мицкевич С.И. Указ. соч. С. 407.

³⁰³ Там же; ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 785. Л. 15; «Дежурные» дневники московского градоначальства..С. 70-71; Дневник Л.А. Тихомирова. С. 138, 146-147.

³⁰⁴ Мицкевич С.И. Указ. соч. С. 407-408; Дневник Л.А. Тихомирова. С. 147.

³⁰⁵ Чебарин А.С. Указ. соч. С. 142; Мицкевич С.И. Указ. соч. С. 408; Дневник Л.А. Тихомирова...С.147.

Продолжались в это время и стачки рабочих³⁰⁶. Например, 20 октября на шелкоткацкой фабрике Симоно забастовали все 9000 работников³⁰⁷. Сохранялась и такая принудительная форма организации забастовки, как «снятие» рабочих одного предприятия их «коллегами» с другого (т. е. требование прекратить занятия, часто с применением насилия): 20 же октября помощник пристава 2 участка Пятницкой части капитан Заневский донес градоначальнику, что рабочие аппретурной фабрики Кириллова подошли к ткацкой фабрике Михайлова, «разбили окна» и остановили работу³⁰⁸. Не всегда подобные акции встречали понимание «снимаемых»: рабочие фабрики Лепешкина восприняли такое предложение «толпы» в штыки, в результате чего между пролетариями «произошла свалка³⁰⁹.» Следует также отметить, что часть рабочих встретила появление Манифеста выражением восторженных чувств. По телефонному донесению пристава 2 участка Серпуховской части градоначальнику, на заводе Жако 18 октября собралось до 3000 работников этого и соседних предприятий, после чего собравшиеся отслужили молебен в честь многолетия императорской фамилии, а заводскую администрацию и чинов полиции качали на руках³¹⁰.

Однако в целом ситуация шла к стабилизации: стачка, под влиянием Манифеста и разгула насилия, разыгравшегося на улицах Москвы, шла на убыль³¹¹. Оценив сложившуюся обстановку, 22 октября Московская общегородская конференция РСДРП постановила считать Всероссийскую стачку законченной³¹². Прекратились 23 октября и черносотенные погромы и убийства³¹³.

Но и в последующий до начала декабря период обстановка оставалась достаточно напряженной. Во-первых, резко возросло количество

³⁰⁶ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 773. Т. IX. Л. 29.

³⁰⁷ «Дежурные» дневники московского градоначальства... С. 62.

³⁰⁸ Там же.

³⁰⁹ Там же. С. 58.

³¹⁰ Там же.

³¹¹ Первая революция в России... С. 325.

³¹² Чебарин А.С. Указ. соч. С. 143.

³¹³ Мицкевич С.И. Указ. соч. С. 409.

устраиваемых митингов, собраний и съездов.

В Москве проходила масса митингов, часто имевших политическую «подкладку»³¹⁴. Традиционными местами их проведения стали театры «Аквариум» и «Олимпия», Высшее техническое училище Фидлера на Чистых прудах, Миусское и Домниковское училища, Народный дом на Введенской площади, в доме Омон³¹⁵.

Очень громко на митингах в рассматриваемый период звучали слова открытых противников существовавшего строя. С.И. Мицкевич писал в мемуарах: «Партийная организация (большевиков — М.А.) проявляла в этот период лихорадочную работу: организовывала митинги, лекции»³¹⁶. Эти сведения подтверждаются и очевидцами из враждебного большевикам «лагеря». Московский фабрикант М.И. Карякин написал генерал-губернатору Дурново следующее: «В нашем районе (Лефортово - М.А.) есть Народный театр на Введенской площади, где в настоящее время происходят собрания рабочих. Руководителями этих собраний являются, по всей видимости, члены партии Социал-Демократов, которые, произнося речи, кончают их словами «Долой царя» и заметно, что под формою экономических нужд рабочих, имеются в виду цели политические и самые крайние»³¹⁷. Примерно то же открыто признавала и ведущая консервативная газета - «Московские ведомости» в номере за 15 ноября 1905 г.: «На этих днях в театре Аквариум состоялся платный митинг социал-революционеров (именно так — М.А.). Публики набралось множество. Митинг носил характер диспута между социал-революционерами и социал-демократами»³¹⁸. Таким образом, левые партии довольно активно использовали «ресурс», предоставляемый им провозглашенной Манифестом 17 октября «свободой собраний».

По воспоминаниям Мицкевича, на митинги ходила самая разнообразная

³¹⁴ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 784. Т. 1. Л. 22-22 об., 33, 127, 153; *Мицкевич С.И.* Указ. соч. С. 412.

³¹⁵ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 784. Т. 1. Л. 22-22 об., 33, 153.

³¹⁶ *Мицкевич С.И.* Указ. соч. С. 412.

³¹⁷ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 784. Т. 1. Л. 127.

³¹⁸ *Московские ведомости.* 15 ноября 1905. № 301.

публика: «мелкие ремесленники, кустари, приказчики мясной торговли, служащие пивных, половые трактиров, ломовики, домашняя прислуга, дворники, солдаты, казаки, даже полицейские³¹⁹.» Этот факт подтверждает степень высокой политизации всех слоев населения Первопрестольной.

Происходили съезды и собрания различных политических организаций. Одним из самых ярких и «скандальных» стал II съезд (Делегатское совещание) Всероссийского Крестьянского Союза 6-10 ноября, на котором были приняты решения о наделении крестьян землей, о демократизации государственного строя империи, о созыве Учредительного собрания. На нем также дебатировался вопрос о вооруженном восстании³²⁰.

21-23 ноября в Москве состоялась конференция Северных комитетов (организаций) РСДРП (большевистской ее части), принявшая весьма радикальные резолюции в сфере партийного строительства и тактики (в частности, в качестве прямой цели были признаны организация вооруженного восстания и террора против представителей существовавшего порядка)³²¹. Любопытно, что по ряду вопросов (например, отношение к Советам) они выступали куда более радикально, чем их вождь В.И. Ленин, считавший в этот период, что данные органы должны стать площадкой для совместной борьбы демократических сил против царского правительства³²².

Во-вторых, в этот период активизировался процесс образования и профессиональных союзов (например, ремесленников «золотого дела»)³²³, в немалой степени также способствовавших радикализации настроений населения³²⁴. В качестве образчика объединения подобного рода, носившего главным образом политический характер, можно упомянуть московский профсоюз столяров, в уставе коего в качестве цели провозглашалась «борьба за улучшение как экономического, так и правового и политического положения

³¹⁹ Мицкевич С.И. Указ. соч. С. 414.

³²⁰ Колесниченко Д.А. Указ. соч. С. 151-200.

³²¹ Высший подъем... С. 21-25.

³²² Там же. С. 6, 23.

³²³ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 784. Т. 1. Л. 362.

³²⁴ Первая революция в России... С. 359.

своих членов». Более того, признав «единственной и истинной представительницей всего рабочего класса» РСДРП, и переходя под контроль ее Московского комитета, союз обязывался отчислять в ее пользу 10% финансовых поступлений³²⁵.

В-третьих, в десятых числах ноября происходило формирование из представителей московских рабочих и леворадикальных партий органа власти, параллельного существовавшей администрации – Совета рабочих депутатов³²⁶. 22 ноября состоялось первое заседание этого собрания, призванного стать аналогом знаменитого петербургского Совета, претендовавшего на роль «второго правительства» в столице. Согласно большевистской газете «Новая жизнь», число объединенных им пролетариев составило 80 тысяч. Сочтя это число недостаточным, руководители на заседании 27 ноября решили предоставить право посылки делегатов предприятиям, насчитывавшим 400 рабочих, а также разработать вопрос о присоединении «представителей профессиональных союзов³²⁷.» Впрочем, данный институт, позиционировавший себя органом пролетарской власти, на первых порах довольно трезво оценивал экономическое и организационное состояние рабочего класса, отказавшись от двух столь заманчивых в эти дни требований – проведения 8-часового рабочего дня и устройства новой всеобщей политической забастовки (исключение делалось лишь на случай ареста Петербургского Совета рабочих депутатов или сигнала от него о начале стачки)³²⁸. Тем не менее, Московский и районные Советы в перспективе стояли на пути превращения в координирующий центр левого радикализма в борьбе с правительством (хотя стоит отметить, что этот процесс был далек от завершения).

Продолжались в данный период и стачки. Имели они куда меньший по сравнению с Всеобщей Октябрьской забастовкой масштаб и носили

³²⁵ Высший подъем... С. 582-583.

³²⁶ Там же. С. 572, 580.

³²⁷ Там же. С. 581-582, 585.

³²⁸ Там же. С. 582, 586.

преимущественно экономический характер³²⁹. Так, 9 ноября Московским Охранным Отделением было зафиксировано 11317 бастующих³³⁰. По справедливому наблюдению А.С. Вальдина, к началу декабря накал стачечной борьбы еще более спал: ежедневное число забастовщиков приблизилось к 1,5 – 2 тысячам человек³³¹. Среди требований, выставляемых рабочими, были временами весьма радикальные: введение 8-часового рабочего дня, признание администрацией специальных депутатов от работников, фактически участвовавших в контроле над производством (как это было в начале ноября на фабрике Брокар и на Голутвинской мануфактуре)³³². Борьба за 8-часовой рабочий день (лозунг, по справедливому мнению исследователей, заключавший не только экономический, но и политический смысл³³³) порой приводила к весьма жестким конфликтам работников с предпринимателями (например, к локауту на фабрике Кертинг, расположенной в подмосковном селе Всехсвятском)³³⁴. В то же время, как демонстрируют современные исследования, данное требование выдвигала меньшая часть пролетариев³³⁵.

А в середине ноября Москве суждено было стать ареной сильнейшей забастовки, имевшей политическое звучание, – всероссийской стачки почтово-телеграфных служащих, не сумевших добиться удовлетворения политических и экономических прав от своего руководства – Министерства внутренних дел – и поднявшихся на борьбу, протестуя против увольнения части членов собственного профессионального союза, так и не признанного властью³³⁶. Борьба почтальонов и телеграфистов за свои права поставила как правительство, так и обывателей перед перспективой остаться без корреспонденции. Более того, выступление деятелей союза против правительства вызвало сочувствие представителей других профессий,

³²⁹ ЦГА Москвы. Ф. 475. Оп. 17. Д. 817. Л. 261; ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 773. Т. X. Л. 141.

³³⁰ Высший подъем... С. 569-571.

³³¹ Вальдин А.С. Указ. соч. С. 50-51.

³³² Высший подъем... С. 565-568.

³³³ Первая революция в России... С. 94.

³³⁴ Высший подъем... С. 587, 589.

³³⁵ Вальдин А.С. Указ. соч. С. 54.

³³⁶ Первая революция в России... С. 330.

чрезвычайно важных для функционирования общества. 29 ноября экстренное собрание Союза служащих в кредитных учреждениях Москвы, солидаризировавшись с требованиями бастовавших чиновников почтово-телеграфного ведомства, приняло решения об определении суммы, подлежащей «ежедневному сбору» в банках на помощь стачечникам, и поддерживать их «всеми средствами», имевшимися в распоряжении данной организации³³⁷. Судя по донесению неизвестного сотрудника Ярославско-Костромского банка чиновнику для особых поручений канцелярии московского генерал-губернатора Пигареву, к 1 декабря эти сборы достигли солидных размеров, поскольку проводились в жизнь большинством голосов на собраниях касс взаимопомощи банковских служащих, в результате чего не согласные с подобными мерами не могли ничего сделать³³⁸.

Еще одним компонентом ситуации, сложившейся в «дни свобод» в Москве, стал расцвет оппозиционной, стоявшей на левых позициях печати, бывшей серьезным источником формирования общественного мнения, преимущественно далеко не в пользу существующего порядка. Большевистские газеты «Борьба» и впоследствии «Вперед», меньшевистская «Московская газета», серия марксистских брошюр «Колокола», набор сатирических журналов – «Зритель», «Пулемет», «Сигнал», «Жупел», «Стрелы», «Адская почта», «Жало», «Бурелом», «Яд», «Девятый вал» и другие стали серьезным фактором формирования общественного мнения, и далеко не в пользу существующего порядка³³⁹. Довольно жестко по отношению к власти и консерваторам была настроена и радикально-либеральная пресса (например, газета «Русские ведомости»)³⁴⁰.

Социалистические партии развернули подготовку к вооруженному восстанию, создавая военизированные формирования — боевые дружины. Этот процесс начался еще в ходе сентябрьских забастовок и типографских

³³⁷ Высший подъем... С. 587.

³³⁸ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 261. Л. 154 об. - 155.

³³⁹ Мицкевич С.И. Указ. соч. С. 423; Первая революция в России... С. 332.

³⁴⁰ Дневник Л.А. Тихомирова... С. 166.

рабочих, предшествовавших Октябрьской стачке³⁴¹. Активно их члены проявили себя в первые «дни свобод» во время столкновений с «патриотическими манифестантами» и охраны процессии на похоронах Баумана (согласно авторам сборника «Москва в декабре 1905 г.», в этом шествии участвовало до 450-500 «организованных дружинников»)³⁴². Впоследствии процесс создания вооруженных групп только набрал обороты, причем сбор средств на их формирование и на поддержку будущего вооруженного выступления производился совершенно открыто³⁴³. Нередко дружины существовали на деньги предпринимателей, фрондировавших по отношению к власти и хотевших защититься от возможных «черносотенных» погромов (например, И.Д. Сытина)³⁴⁴. Под этим лозунгом производил сбор средств главным образом на нужды вооруженных формирований и созданный интеллигенцией в конце октября Комитет самообороны³⁴⁵. К началу декабря крупнейшие дружины были сформированы на промышленных предприятиях (на Трехгорной мануфактуре Н.И. Прохорова, мебельной фабрике Н.П. Шмита, на заводе Ю. Гужона, текстильной фабрике Циндель, в типографиях Сытина, Кушнерева и др.), в учебных заведениях (в Университете, в Строгановском училище живописи, ваяния и зодчества, в Лазаревском институте, в Сельскохозяйственном институте в Петровско-Разумовском и т.д.), на железных дорогах (Московско-Ярославско-Архангельской, Московско-Рязанской, Московско-Виндавской), в среде фармацевтов, булочников, городской интеллигенции (так называемая «вольная дружина»)³⁴⁶. Точный состав этих формирований установить сложно из-за слабого учета бойцов и высокой «текучести кадров»³⁴⁷. Для руководства делом организации дружин был образован Коалиционный совет, включивший в свой состав

³⁴¹Москва в декабре 1905 г. ...С. 176.

³⁴²Там же. С. 177-178.

³⁴³ЦГА Москвы. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 18. Л. 32 об., 44; Дневник Л.А. Тихомирова...С. 150; *Мицкевич С.И.* Указ. соч. С. 430.

³⁴⁴*Вальдин А.С.* Указ. соч. С. 113.

³⁴⁵Москва в декабре 1905 г. ...С. 178-179.

³⁴⁶Там же С. 176-178; *Мицкевич С.И.* Указ. соч. С. 430-431. *Васин И.Н.* Указ. соч. С. 16, 23.

³⁴⁷Москва в декабре 1905 г. С.178; *Вальдин А.С.* Указ. соч. С. 154-155.

представителей основных социалистических партий³⁴⁸. Подобный рост вооруженных формирований вызвал энергичную и зачастую беспорядочную скупку оружия, отмеченную многими очевидцами³⁴⁹.

Далеко не благожелательную по отношению к власти позицию заняла оформленная в период Октябрьской стачки конституционно-демократическая партия – главная политическая сила либеральной интеллигенции, еще на своем I съезде 18 октября 1905 г. провозгласившая о недостаточности «свобод», дарованных Манифестом³⁵⁰. И впоследствии, в силу как организационной рыхлости³⁵¹, так и оппозиционности власти, кадеты не взяли на себя роль «благоразумного центра». Характерный обмен мнениями произошел на заседании кадетского ЦК в Москве 23 октября: на предложение Н.В. Тесленко о желательности «не воздерживаться от сношений с властями предрержащими по поводу тревожных событий» и «совещаться с членами Думы (по всей видимости, городской – М.А.) своего толка» последовали скептические реплики Д.И. Шаховского о том, что «делать ничего особен[ного] не следует» (то есть нужно ограничиться партийными и земскими делами) и особенно М.Л. Мандельштама: «Надо умерять, а это мы не в силах³⁵².» Практические же шаги кадетов (несмотря на многочисленные заявления отдельных членов о вражде к левым радикалам), носили весьма оппозиционный характер по отношению к власти: например, при ЦК работала комиссия по содействию забастовавшим рабочим, а в конце ноября Комитет выделил 3000 рублей почтово-телеграфному союзу³⁵³. В целом, в «дни свобод» «либеральная буржуазия», настроенная критически к самодержавию, по словам В.А. Костицына, «охотно жертвовала на вооруженное восстание³⁵⁴.» Партия же умеренных либералов – «Союз 17 октября» – в описываемый период

³⁴⁸Там же. С.179-180.

³⁴⁹Там же. С.178; Дневник Л.А. Тихомирова...С.150.

³⁵⁰Съезды и конференции конституционно-демократической партии...С.31-33.

³⁵¹Вальдин А.С. Указ. соч. С.94.

³⁵²Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии...С.34.

³⁵³Там же. С.44.

³⁵⁴Костицын В.А. Мое утраченное счастье. Т.1. М., 2017. С.36

находилась в зародышевом состоянии³⁵⁵. Впрочем, при взаимодействии с широкими массами населения либералы, принадлежавшие к «цензовой» общественности, терпели неудачу³⁵⁶.

Москву в данный период охватила и волна массового насилия, когда незначительные происшествия порождали неадекватно жестокую реакцию участников. Характерное свидетельство оставил в дневнике Л.А. Тихомиров 29 октября: «сегодня утром на Красносельской улице электричка наскочила на ломового и разбила его... Моментально сбежался народ, стал лупить электричку камнями³⁵⁷». Как считают историки, такое хулиганское поведение была следствием стрессовых ситуаций, в которых представители традиционной культуры (рабочие – вчерашние крестьяне, мещане) оказались вследствие ускоренной модернизации, повлекшей значительное изменение привычных условий жизни и моральных ценностей³⁵⁸. Наряду с подобным «раскрепощением» Первопрестольную охватила вполне банальная уголовщина. Германский консул в Москве Б.К. Кольгас докладывал канцлеру Б. фон Бюлову, что улицы Москвы «по вечерам кишат всяким сбродом».³⁵⁹ Ему вторит Тихомиров, зафиксировавший в дневнике случай совершенно бесцеремонного нападения на консервативного журналиста Серикова, близкого к редактору «Московских ведомостей» В.А. Грингмуту: «...Вчера в 2 часа ночи Сериков проходил около памятника Пушкина, возле аптеки у ресторана. Выскочило 2 человека из двора (проходного), 3 с бульвара. Схватили за горло, заткнули рот шарфом, внесли во двор, растянули на земле и обобрали все, что было: часы, деньги, бумаги³⁶⁰ ...»

Следует отметить, что общественно-политическую ситуацию в «дни свобод» не стоит упрощать. Как отмечают современные исследователи, политическое сознание московского общества было «пестрым и мозаичным»,

³⁵⁵ Партия «Союз 17 октября» ... С. 31-32.

³⁵⁶ ЦГА Москвы. Ф.1334. Оп. 1. Д. 18. Л. 68 об.

³⁵⁷ Дневник Л.А. Тихомирова. С. 149.

³⁵⁸ См. подробнее: *Булдаков В.П.* Красная Смута. Природа и последствия революционного насилия. 2-е изд. М., 2010.

³⁵⁹ РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 6. Л. 90.

³⁶⁰ Дневник Л.А. Тихомирова... С. 158-159.

революционные настроения в среде рабочих явно не превалировали, значительная часть населения была склонна добиваться своих экономических и политических целей мирными средствами, солдаты московского гарнизона в общей массе были далеки от поддержки идеи революции³⁶¹. Примечательно, что даже сила, позиционировавшая себя в качестве наиболее последовательного противника существующего порядка – радикальная интеллигенция – к началу ноября существенно утратила свой наступательный задор: согласно донесению Кольгаса фон Бюлову, что «красные значки и флаги совершенно исчезли» не в результате изменения настроения «борцов за свободу», а вследствие «страха перед размерами и силой противоположной партии»³⁶².» Да и наиболее радикальные участники революционного движения, ратуя за вооруженное восстание, были далеки от назначения конкретной даты его начала и возлагали основные надежды на возвращение большей части армии из Маньчжурии³⁶³.

Однако нельзя не признать, что описанная обстановка была достаточно серьезна и взрывоопасна и требовала от местной власти оперативных и нестандартных решений.

§2. Сила и слабость московской власти: формальные возможности и реальный потенциал администрации.

В свете рассмотренной в предыдущей главе непростой обстановки в Первопрестольной предстоит выяснить «боевой» потенциал московской администрации в деле борьбы с революционным движением. Прежде всего, следует очертить компетенции генерал-губернатора и градоначальника в репрессивной сфере.

³⁶¹ Вальдин А.С. Указ. соч. С. 73, 128-129; Куксин А.И. Указ. соч. С. 102-115.

³⁶² РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 6. Л. 89.

³⁶³ Высший подъем... С. 23; РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 6. Л. 113 об.

По существу, власть генерал-губернатора над Первопрестольной и губернией ничем не была ограничена. Согласно законодательству империи, исполняющий эту должность подчинялся исключительно императору, отвечая буквально за все сферы жизни второй столицы: общественную безопасность и благосостояние, здравоохранение, личный состав местного управления, финансы и многое другое (вплоть до «направления умов»). Более того, в ведении генерал-губернатора находились все чины и части административного управления Москвой и губернией³⁶⁴.

Не менее серьезный властный потенциал находился в руках градоначальника. В его распоряжении находилась вся «московская столица, в пределах городской черты и ведения Московской городской полиции». Как гласило Положение о московском Градоначальстве, подготовленное в самый канун революционных потрясений и в общих чертах получившее законодательное оформление 1 января 1905 г.³⁶⁵, «власть московского Градоначальника, по предметам ведомства его и управления градоначальства и столичной полиции, распространяется на все те местности, которые входят в пределы городской черты или подчинены городской полиции в силу особых распоряжений». В этом документе специально оговаривалось, что «управление столицей в административном и полицейском отношении возлагается на Градоначальника, под главным начальством московского Генерал-Губернатора», причем «в отношении сего управления на Градоначальника распространяются общие узаконения о правах, обязанностях и ответственности Губернаторов».

Как и губернатор, градоначальник числился по штату Министерства внутренних дел и назначался «по непосредственному усмотрению ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА». В случае отсутствия генерал-губернатора, если «исправление его должности не поручено другому лицу», «Московский Градоначальник действует в управлении по правилам своей

³⁶⁴ СЗ РИ. Т. II. Ст. 204-262; *Шатина Н.В.* Указ. соч. С. 31.

³⁶⁵ 3 ПСЗ РИ. Т. 25. Отд. I. № 25603.

должности, на том же основании, как в градоначальствах, не подведомственных главным начальникам».

В отношении органов, находящихся в его компетенции, градоначальнику предоставлялись практически неограниченные распорядительные и контрольные полномочия: «Градоначальнику подчиняются все отдельные части и чины Управления градоначальства и столичной полиции; ему же принадлежит надзор за точностью и правильностью производства дел во всех учреждениях градоначальства и в подведомственных полицейских установлениях³⁶⁶.»

Следует отдельно остановиться на правах московского градоначальника в отношении главной столичной силы правопорядка — полиции. Согласно приводимому Положению, «полицейское управление в городе Москве сосредоточивается в Управлении Градоначальника», равно как и его составные части³⁶⁷. С политической же полицией дело обстояло сложнее. Жандармские управления ни градоначальнику, ни его шефу — генерал-губернатору — не подчинялись, всецело оставаясь в ведении Департамента полиции МВД. Однако разбираемое выше Положение о московском градоначальстве гласит, что «московский жандармский дивизион, во время исполнения обязанностей по наружной полиции, подчиняется Градоначальнику непосредственно», то есть его силы были к услугам московской администрации в деле наведения порядка на столичных улицах³⁶⁸.

Охранное Отделение («Отделение по охране общественной безопасности и порядка»), формально входившее в состав управления градоначальства, «руководствуется в действиях своих по исполнению возложенных на него обязанностей инструкцией, утверждаемою в развитие действующих узаконений Министром Внутренних Дел по соглашению с Генерал-Губернатором³⁶⁹.» Таким образом, непосредственный глава столичной

³⁶⁶ ЦГА Москвы. Ф. 46. Оп. 14. Д. 89. Л. 1 об. - 2; Д. 30. Л. 1-1 об.; *Шатина Н.В.* Указ. соч. С. 37-39.

³⁶⁷ ЦГА Москвы. Ф. 46. Оп. 14. Д. 89. Л. 8 об.

³⁶⁸ Там же. Л. 4.

³⁶⁹ Там же. Л. 5.

полицейскому, которому было придано «кураторство» охранным отделением, по сути дела отказывался отстраненным от непосредственной выработки стратегии его действий, хотя мог отдавать Отделению приказы, использовать его для связи с приставами.

Тем не менее, формально градоначальник и генерал-губернатор обладали очень широкими полномочиями по управлению столицей, руководству ее полицейскими силами, а, следовательно, и по борьбе с нарушителями «порядка». Следует добавить, что центральная власть в беспокойных условиях конца XIX – начала XX вв. стремилась к расширению и этих прерогатив. В литературе неоднократно упоминались и анализировались царские указы 1866, 1876, 1879 гг., расширявшие карательные функции губернаторов и генерал-губернаторов³⁷⁰.

Апофеозом же расширения возможностей администрации в борьбе с врагами существующего порядка стало знаменитое «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», учрежденное Комитетом министров 14 августа 1881 г. и ставшее венцом острейшего «кризиса верхов» империи в 1878-1881 гг. Как известно, данный документ предусматривал введение на определенной территории в исключительных случаях режима либо «усиленной», либо «чрезвычайной» охраны. «Положение об охране», как его принято сокращенно называть, достаточно хорошо изучено в отечественной историографии³⁷¹, так что мы позволим себе остановиться лишь на статьях, определявших круг обязанностей генерал-губернатора и градоначальника (вариант: губернатора) в условиях объявления в местности режима «усиленной охраны», поскольку Москва и Московская губернии жили в этом качестве без перерыва с 1881 по 1917 гг.³⁷²

В рамках полномочий, предоставляемых режимом «усиленной охраны»,

³⁷⁰Федосов И.А., Долгих Е.И. Российский абсолютизм и бюрократия //Очерки русской культуры XIX века. Т. 2. М., 2000. С. 34; Шатина Н.В. Указ. соч. С. 32-33.

³⁷¹Например: Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880-х гг. М., 1964. С. 400-410.

³⁷²История Москвы...С. 667

местная власть могла «издавать обязательные постановления по предметам, относящимся к предупреждению нарушений общественного порядка и государственной безопасности», а за их нарушение — налагать взыскания, «не превышающие трехмесячного ареста или денежного штрафа в 500 рублей» (причем генерал-губернаторам, а в случае их отсутствия — губернаторам и градоначальникам, давалось право «разрешать в административном порядке дела о нарушениях изданных ими обязательных постановлений», и при этом генерал-губернаторы были вправе передоверять принятие решений по этим делам губернаторам, градоначальникам и обер-полицеймейстерам); запрещать собрания любого рода; закрывать торговые и промышленные заведения на время и бессрочно («на все время объявленного положения усиленной охраны»), высылать «отдельных личностей» по согласованию с министром внутренних дел. Более того, в состав компетенций генерал-губернатора входили и такие функции, как передача на рассмотрение военного суда дел, предусмотренных обычным уголовным законодательством, в случае признания этого «необходимым в видах ограждения общественного порядка и спокойствия, для суждения их по законам военного времени», а также требования «рассмотрения при закрытых дверях всех тех судебных дел, публичное рассмотрение коих может послужить поводом к возбуждению умов и нарушению порядка³⁷³.»

Но и на постоянном действии этого «временного положения», превращавшее генерал-губернатора и градоначальника, по сути дела, в вершителей судеб вверенной им губернии, карательные полномочия московской власти не заканчивались. Последним подобным «расширением» компетенций стал Высочайший Именной Указ Сенату от 29 ноября 1905 г., спровоцированный упоминавшейся забастовкой почтово-телеграфных служащих. Ввиду того, что «беспорядки в почтовых и телеграфных сообщениях лишают как центральные, так и местные власти возможности поддерживать между собою необходимые сношения», равно как и опасности,

³⁷³ Российская монархическая государственность... С. 572-575.

представляемой «затруднениями при прекращении железнодорожного движения». Указ гласил, что главам местной администрации – генерал-губернаторам, губернаторам и градоначальникам – «в случаях прекращения железнодорожных, почтовых и телеграфных сообщений, а равно замешательства в правильности сих сообщений», предоставлялось право «собственной властью объявлять означенные местности... в положении усиленной и чрезвычайной охраны³⁷⁴.» (Здесь следует напомнить, что согласно оригинальному тексту «Положения об охране» режим «усиленной охраны» мог вводиться генерал-губернатором при утверждении этого решения министром внутренних дел, а «чрезвычайной» – министром внутренних дел при последующем утверждении Комитетом министров³⁷⁵.) Таким образом, местная власть, в частности московская, получала фактически неконтролируемые диктаторские полномочия по борьбе с революцией.

Из анализа вышеприведенного законодательства вытекает, что московские генерал-губернатор и градоначальник формально обладали широчайшими возможностями поддерживать существующий порядок во вверенной им Первопрестольной. И на первый взгляд, власть неуклонно шла им навстречу в этом направлении, последовательно расширяя их prerogatives, апофеозом чего стал Указ 29 ноября 1905 г.

Однако соответствовал ли закрепленный в нормативных документах порядок реальному положению дел в Москве, сложившемуся после опубликования Высочайшего Манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка» 17 октября? Насколько последовательной была центральная власть в этой ситуации?

Поэтому нужно представить себе силовой потенциал, которым обладали руководители столицы, поскольку без его анализа трудно будет сделать вывод, была ли власть в состоянии справиться с ситуацией и реализовать

³⁷⁴ Там же. С. 159.

³⁷⁵ Там же. С. 572-573.

намечавшиеся ей мероприятия по обузданию революции.

Для начала следует рассмотреть вопрос о численности личного состава полиции и войск (которые все чаще привлекались к исполнению полицейской службы), находящихся в распоряжении генерал-губернатора и градоначальника.

Прежде всего, обратимся к посланию П.П. Дурново своему однофамильцу, управляющему Министерством внутренних дел, от 15 ноября 1905 г.

Непосредственным поводом для создания этого документа была посылка телеграммы от главы МВД, в которой управляющий министерством передавал своему однофамильцу содержание жалобы председателя московского Биржевого комитета Н.А. Найденова на фактическое бездействие власти во время беспорядков на фабриках Лефортовского района и просил «сообщить сведения по содержанию означенной телеграммы и предпринятых мер имеющих последовать от Вас распоряжениях³⁷⁶.» В ответ московский генерал-губернатор начинает оправдываться и одним из его аргументов в пользу собственной невиновности в произошедшем стало утверждение о малочисленности сил «порядка», находящихся под его началом. Количество полицейских (т. е., собственно говоря, «живой силы» для подавления беспорядков) оценивается «хозяином губернии» в 2000 человек, а число войск московского гарнизона – «8000-9000 человек³⁷⁷.» Очевидно, что при населении столицы примерно в 1,6 млн человек³⁷⁸, подобных сил было явно недостаточно для поддержания порядка (тем более, что при формировании основного средства борьбы с революционным движением - «усиленных нарядов» - они бывали задействованы далеко не полностью: П.П. Дурново в том же докладе сообщает своему однофамильцу в министерском кресле о том, что «ежедневно для охраны города выводится половина всего состава

³⁷⁶ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 261. Л. 143.

³⁷⁷ Там же. Л. 147об

³⁷⁸ Перегудова З., Пушкарева И. Предисловие // Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 8.

кавалерии», многозначительно прибавляя, что сей факт «несомненно очень тяжело отзывался на войсковых частях³⁷⁹.»). Более того, из доклада московского генерал-губернатора явствует, что и на эти достаточно скромные силы нельзя положиться в полной мере, поскольку «уже и в настоящее время среди войск московского гарнизона замечается большое неудовольствие по поводу постоянного несения полицейской службы и 13 сего Ноября даже имела место сходка солдат, не повторившаяся на следующий день лишь благодаря принятым военным начальством особым мерам³⁸⁰.» Таким образом, из вышеприведенных сентенций «хозяина губернии» следует единственный вывод: опираясь на наличные военно-полицейские силы, московская власть неспособна сохранить контроль над положением во второй столице.

Обратимся теперь к письму другого важнейшего действующего лица – Г.П. Медема, московского градоначальника, управляющему Министерством внутренних дел П.Н. Дурново от 16 ноября 1905 г. Оценка, данная им своим подчиненным, в целом совпадает с данными его «коллеги»: состав «наружной полиции» градоначальник характеризует как «весьма ограниченный», а «организацию ее розыскной способности» – как «слабую³⁸¹.»

Однако, быть может, оба чиновника, ведшие себя пассивно и потому утратившие контроль над ситуацией, пытались оправдаться перед своим начальником и свалить всю вину на «объективные обстоятельства». Недаром оба послания написаны в одно и то же время (15 и 16 ноября) и оба содержат прошения об отставке³⁸².

Но данные других источников и подсчеты исследователей подтверждают эту картину. По данным Н.Н. Яковлева, в распоряжении московских властей в дни восстания 2,3 тысяч полицейских, 4000 жандармов, 9 пехотных полков по 17 рот в каждом общей численностью 6500 человек, составляющих московский гарнизон, 3 полка драгун, 2 полка донских казаков, гренадерская

³⁷⁹ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 261. Л. 147 об.

³⁸⁰ Там же.

³⁸¹ Царизм в борьбе с революцией... С. 99.

³⁸² Там же. ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 261. Л. 148.

артиллерийская бригада и гвардейская артиллерия³⁸³. Дж. Сандерс оценивал состав полицейских сил Первопрестольной, непосредственно подчиненных градоначальнику, в диапазоне от 1469 до 2218 человек (без жандармского дивизиона, с ним – до 3520) и справедливо подчеркивал, что ежедневный состав «защитников порядка» был нерегулярен³⁸⁴; определенных цифр о состоянии московского гарнизона автор не приводит³⁸⁵.

В нашем распоряжении имеются более точные сведения о состоянии службы правопорядка в Первопрестольной. Начнем с характеристики непосредственной охраны порядка на московских улицах – наружной полиции. По данным документа о ее действиях во время Декабрьского восстания, сохранившегося среди бумаг ревизии московского градоначальства, проводившейся сенатором Н.П. Гариным, при исполнении обязанностей на момент начала «беспорядков» находилось 1865 городских (из 2028), 74 городских резерва (из 150), 264 околоточных надзирателя (из 288), 98 приставов и их помощников (из 126).³⁸⁶

Чем можно объяснить весьма ощутимый некомплект полицейских чинов, особенно низшего командного состава – околоточных надзирателей – и городских? В.И. Гурьев, исследуя динамику штатов московской полиции на рубеже конца XIX – начала XX веков, отмечал, недостаточно полную укомплектованность состава околоточных – на 94%. В качестве возможного объяснения этого явления в его работе можно найти заключение, что младший командный состав в России по европейским меркам получал весьма скромное жалованье (по подсчетам исследователя, разница составляла 25%)³⁸⁷. Это косвенно подтверждается мнением самих московских околоточных, выраженном в петиции С.Ю. Витте от 20 ноября 1905 г.: «жалованье при такой крайней мизерности, 50-58 рублей в месяц, распадается на столовые³⁸⁸.»

³⁸³ Яковлев Н.Н. Указ. соч. С. 118-152.

³⁸⁴ Sanders. J. Op. cit. P. 601.

³⁸⁵ Ibid. P. 651.

³⁸⁶ Декабрьское восстание 1905 г. глазами сотрудников... С. 183.

³⁸⁷ Гурьев В.И. Указ. соч. С. 95.

³⁸⁸ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 90. Т. 1. Л. 206.

Осенью 1905 г., кроме того, произошло существенное падение престижа младшего командного состава московской полиции: градоначальник Медем и генерал-губернатор Дурново распорядились, чтобы околоточные носили погоны, соответствующие не чину, а занимаемой должности. По ироничному замечанию авторов вышеуказанной петиции, «похоронно-траурные погоны бомбардир-наводчика» не просто били по самолюбию и авторитету надзирателей («помощник Пристава, имея чин Коллежского Регистратора, носит погоны Титулярного Советника, а околоточный надзиратель, имея чин Губернского Секретаря, должен носить погоны по должности и отдавать установленную честь чину ниже себя»), но и угрожали самой их жизни («а публика смелей стреляет в нас, полагая, что мы только артиллеристы или пожарные, а не Чиновники 14 класса»)³⁸⁹. Что же касается городских, то приведенные данные явно противоречат мнению В.И. Гурьева, что штат низших служащих полиции был стабильно укомплектован полностью³⁹⁰. Недостаточная численность низших полицейских чинов в рассматриваемое время находит объяснение в донесении капитана А.А. Ползикова, бывшего приставом Сокольнического, затем 2 участка Суцевской части, проводившему ревизию московского градоначальства сенатору Н.П. Гарину. Ползиков сообщает, что в конце 1905 г. был отмечен переход части городских на места ночных сторожей «с большим жалованьем» (выплачиваемым обывателями)³⁹¹. В рядах же приставов существенное опустошение, по всей видимости, произвела русско-японская война: в ходе нее часть была призвана на военную службу с сохранением занимаемых должностей³⁹².

Нельзя не сказать, что Министерство внутренних дел не осознавало необходимость привести московскую полицию в соответствие с запросами времени. В 1902 г. был принят закон об увеличении штатов полиции на 26 %³⁹³. Но и согласно им, по подсчетам В.И. Гурьева, на одну тысячу

³⁸⁹ Там же; РГИА. Ф. 935. Оп. 1. Д. 17. Л. 195.

³⁹⁰ Гурьев В.И. Указ. соч. С. 90.

³⁹¹ РГИА. Ф. 935. Оп. 1. Д. 17. Л. 175.

³⁹² ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 233. Д. 48. Л. 1.

³⁹³ Гурьев В.И. Указ. соч. С. 84.

москвичей приходилось 2-3 полицейских³⁹⁴, что в условиях полуторамиллионного населения было явно недостаточно. А как верно заметил Дж. Сандерс, именно в сентябре – начале декабря задачи полиции в области борьбы с «беспорядками» стали особенно сложными: приходилось разгонять уличные «сборища» и «шествия» (особенно служащих ресторанов в центре города, поскольку это в силу географического положения, по мнению историка, наносило особенный ущерб престижу власти), предотвращать «снятия» рабочих их «коллегами» с других предприятий, бороться со стачками и забастовками (в том числе работников связи), определить свое отношение к «черной сотне» и ее действиям³⁹⁵. Следует также помнить, что столь ограниченному составу полицейских чинов, помимо подавления уличных беспорядков приходилось следить за исполнением административных, санитарных и противопожарных правил, правил торговли, технических и архитектурных стандартов³⁹⁶. Более же быстрый рост численности полиции (что автоматически означало увеличение расходов на ее содержание) встречал на своем пути два весомых препятствия – нежелание источников финансирования тратить на нее больше. Первый из них – городская дума, вплоть до декабря 1905 г. резко оппозиционно настроенная по отношению к правящему режиму, – стремилась всячески сократить расходы на службу «правопорядка» (так, в 1905 г. городская управа выделила на эту цель 1 205 625 рублей, что составило лишь 37,5% содержания). Основная же доля (2006 762 рубля, или 62,5%) падала на казну, однако ведомственные интересы Министерства финансов (желавшего дать как можно меньше денег) и руководства Министерства внутренних дел (придерживавшегося поэтому жесткого режима экономии) не позволяли тратить на московскую полицию больше.³⁹⁷

В качественном отношении полицейская служба Первопрестольной

³⁹⁴ Там же. С. 89.

³⁹⁵ Sanders J. Op. cit. P. 508-576.

³⁹⁶ Гурьев В.И. Указ. соч. С. 80-81.

³⁹⁷ Там же. С. 102.

также оставляла желать много лучшего. Из 1865 городских только треть была вооружена револьверами, что означало абсолютную беспомощность большинства из них при столкновениях с «толпой»³⁹⁸. По верному замечанию В.И. Гурьева, в составе московской службы правопорядка не было специальных подразделений по борьбе с уличными беспорядками: хорошо подходившая для этой цели конная полиция будет организована только в 1906 г.³⁹⁹ Естественно, что в подобных условиях городские все чаще выражали недовольство «бессмысленными нарядами», что отмечал в своем дневнике Л.А. Тихомиров⁴⁰⁰. По свидетельству ревизовавшего московское градоначальство в 1907 г. Н.Ч. Зайончковского, после ухода с поста обер-полицеймейстера волевого и жесткого Д.Ф. Трепова дисциплина в рядах полиции разболталась, некоторые приставы регулярно занимались злоупотреблениями, что создавало нездоровую атмосферу и подрывало авторитет полиции в глазах населения в столь тревожное время (аналогичная информация, правда, о всеобщем взяточничестве со стороны начальства содержится в цитированной петиции околоточных Витте)⁴⁰¹.

Подобные обстоятельства вкупе с «ветром перемен», охватившем Россию после выхода Манифеста 17 октября, способствовали росту политизации полицейских. «Стражи порядка» и даже их помощники – дворники – также поддались духу времени, стали активно посещать митинги и выступать с политическими требованиями (дворники – гарантии неиспользования их в качестве подсобной полицейской силы, городские – освобождения их от производства «политического сыска и арестов»). В историографии отмечены даже попытки создать профессиональные организации в среде городских и дворников⁴⁰². Апофеозом недовольства околоточных стала упоминавшаяся петиция Витте с жалобами в адрес начальства (включая барона Г.П. Медема) и перечнем экономических и

³⁹⁸ Декабрьское вооруженное восстание 1905 г. глазами сотрудников... С. 183.

³⁹⁹ Гурьев В.И. Указ. соч. С. 54.

⁴⁰⁰ Дневник Л.А. Тихомирова... С. 140.

⁴⁰¹ РГИА. Ф. 935. Оп. 1. Д. 5. Л. 27; ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 90. Т. 1. Л. 206-206 об.

⁴⁰² Дневник Л.А. Тихомирова... С. 140.

служебных требований⁴⁰³. Однако, справедливости ради, следует отметить, что подобное настроение сочеталось у полицейских и солдат со стремлением «расправиться» с «жидовской революцией» и недовольством начальством за его нерешительность⁴⁰⁴.

Каково было состояние других подразделений полицейской службы в Первопрестольной? Особенно печальное зрелище являла собой фабрично-заводская полиция. 20 октября 1905 г. помощник градоначальника генерал-майор И.Н. Руднев затребовал у участковых приставов сведения о распределении по фабричным предприятиям чинов данного подразделения службы правопорядка⁴⁰⁵. Полученные данные весьма показательны: так, в типографии печатного и переплетного дела Товарищества Кушнерева, где насчитывалось 570 рабочих-мужчин (с мальчиками – 620), числился 1 младший городской; на фабрике Товарищества Прохоровской Трехгорной Мануфактуры с 3052 рабочими-мужчинами и 2839 женщинами – 1 полицейский надзиратель и 6 городских⁴⁰⁶. Ясно, тем более в условиях отмечаемого исследователями снисходительного отношения многих фабрикантов к леворадикальным агитаторам⁴⁰⁷, фабрично-заводская полиция не могла оказать им должного отпора.

Не в блестящем положении находились и те полицейские подразделения, что не были непосредственно подчинены градоначальнику в повседневных делах – жандармский дивизион (переходил од контроль главы полиции Первопрестольной только во время уличных беспорядков) и жандармская полиция железных дорог.

В историографии существует противоречие относительно значимости жандармского дивизиона в деле поддержания порядка в Москве. В.И. Гурьев, принимая мнение известного деятеля политического сыска России А.П.

⁴⁰³ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 90. Т. 1. Л. 205-206 об.

⁴⁰⁴ Дневник Л.А. Тихомирова... С. 140.

⁴⁰⁵ ЦГА Москвы. Ф. 46. Оп. 14. Д. 61. Л. 9.

⁴⁰⁶ Там же. Л.57 об. - 58, 49 об. - 50.

⁴⁰⁷ Вальдин А.С. Указ. соч. С. 109-110.

Мартынова, что это был «парадный придаток» к московской полиции, доказывает, что достойной заменой конно-полицейской службы дивизион быть не мог в силу малочисленности (500 человек), отсутствия инструкций по борьбе с уличными толпами, недостаточно эффективному взаимодействию с полицейским начальством⁴⁰⁸. З.И. Перегудова оспаривает это воззрение, ссылаясь на роль дивизиона в «подавлении народных волнений»⁴⁰⁹.» Не претендуя на окончательное разрешение этого вопроса, следует отметить, что жандармы, несмотря на активное участие в борьбе с «беспорядками»⁴¹⁰, ввиду малого состава и отсутствия участковой организации (что способствовало бы более оперативному прибытию к месту беспорядков), не могли в условиях первой русской революции претендовать на роль полноценной конно-полицейской стражи.

Наиболее же опасная для властей обстановка сложилась на железных дорогах, где местная жандармская полиция оказалась фактически парализована вследствие энергичных действий организованных рабочих под руководством Всероссийского Железнодорожного союза. По замечанию В.И. Гурьева, это была «обычная полиция», не обладавшая правом производства сыска и плохо взаимодействовавшая с городской службой порядка⁴¹¹. Что она собой представляла в интересующий нас период, можно увидеть из рапорта начальника Московского Губернского Жандармского управления железных дорог подполковника В.И. Смирницкого от 30 ноября 1905 г. По его словам, в условиях успешных массовых забастовок железнодорожников, малочисленная полицейская служба, обладавшая правом лишь формального дознания, не могла ничего сделать: улики в обстановке всеобщего попустительства любителей «платного отдыха» или запуганных руководством ВЖКС (так именует Смирницкий большую часть «несознательных» рабочих) собрать было нереально, еще менее вероятно было воздействовать на «смутьянов»

⁴⁰⁸ Гурьев В.И. Указ. соч. С. 112.

⁴⁰⁹ Перегудова З.И. Указ. соч. С. 126.

⁴¹⁰ Высший подъем... С. 614; Дневник Л.А. Тихомирова... С. 110-140.

⁴¹¹ Гурьев В.И. Указ. соч. С.113.

силой. И хотя сам подполковник распорядился об увольнении тех жандармов, которые решает по примеру полицейских подавать петиции об улучшении своего материального положения, естественно, изменить ситуацию кардинальным образом это не могло⁴¹².

Данные рапорта Смирницкого находят полное подтверждение и в других источниках. Так, к началу Декабрьского восстания на станции «Москва-пассажирская» Московско-Казанской железной дороги состояло всего 6 «нижних чинов» жандармов⁴¹³. До августа 1906 г. железнодорожная полиция не имела внутренней агентуры в рядах служащих и рабочих⁴¹⁴. Более того, именно в 1905 г. она оказалась фактически парализована в деле контроля за собраниями железнодорожников. 8 февраля 1905 г. министр путей сообщения М.И. Хилков, под влиянием стачечной волны на железных дорогах, поднявшейся после Кровавого воскресенья, утвердил правила о выборных от рабочих в мастерских и казенных депо, согласно которым рабочие получили право обсуждать профессиональные вопросы на особых собраниях, повестка коих должна была быть заблаговременно доложена начальнику мастерских. Представители же администрации и жандармской полиции не получали права присутствовать на этих форумах.

Дальнейшая судьба этого закона служит хорошим подтверждением истины, что уступки, данные в период подъема революции, не только не спасают, но наоборот, приводят к еще большему брожению. Так, в мастерских Московско-Курской железной дороги 14 июня 1905 г. рабочие выпроводили с собрания жандармского унтер-офицера Ивана Слепухова, обсуждая в то же время вопросы политического характера. Эти факты сподвигли начальника Московско-Коломенского отделения МЖПУ ж.д. подполковника Фесенко поставить вопрос о четком обозначении права полиции присутствовать на

⁴¹² ГА РФ. Ф. 59. Оп. 1. Д.9. Л. 840-841 об.

⁴¹³ Высший подъем... С. 742.

⁴¹⁴ Политическая полиция Российской империи между реформами. От В.К. Плеве до В.Ф. Джунковского / Сост. Е.В. Щербакова. М., СПб., 2014. С. 69-70.

собраниях рабочих⁴¹⁵. Это ходатайство было поддержано тогдашним московским генерал-губернатором А.А. Козловым и нашло сочувственное отношение в руководстве МВД в лице Д.Ф. Трепова⁴¹⁶. Однако ведомственная несогласованность затянула решение этого вопроса и уведомление о нем московских властей на долгие месяцы. Лишь 14 ноября в Первопрестольной был получен вердикт Министерства путей сообщения. Несмотря на создание «объединенного правительства», руководство ведомства подошло к вопросу исключительно с точки зрения собственных интересов: предложение Фесенко отвергалось, во-первых, с чисто формальной стороны (закон 8 февраля был создан по образцу знаменитого положения о фабрично-заводских старостах 1903 г., где право присутствия администрации также не было предусмотрено), а, во-вторых, из опасений, что столь решительная мера может вызвать новые беспорядки в среде железнодорожников⁴¹⁷. Таким образом, в силу ведомственных разногласий столь насущный вопрос был отложен вплоть до окончания Декабрьского восстания⁴¹⁸, а жандармской полиции железных дорог лишь оставалось быть свидетелями баталий между желавшими обсуждать политические вопросы рабочими и пытавшимся им противостоять железнодорожным начальством⁴¹⁹.

С органами политического сыска, кои должны были служить главным средством борьбы с революцией, дело также обстояло далеко не блестяще. Как справедливо подчеркивают его исследователи, революция 1905 г. вплотную поставила вопрос о преобразовании системы политической полиции, особенно – о создании разветвленной агентурной сети⁴²⁰. Однако московская охранка, на рубеже веков бывшая одним из «флагманов» в данном отношении, к 1905 г. находилась в тяжелом положении. Еще при С.В. Зубатове наметился систематический недостаток ее финансирования⁴²¹. К 1905 г. ситуация не

⁴¹⁵ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 212. Л. 1-1 об.

⁴¹⁶ Там же. Л. 6-6 об., 10 об.

⁴¹⁷ Там же. Л. 7-8.

⁴¹⁸ Там же. Л. 10.

⁴¹⁹ ГА РФ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 9. Л. 787, 791.

⁴²⁰ *Перегудова З.И.* Указ. соч. С. 198; *Овченко Ю.Ф.* *Московская охранка...* С. 152.

⁴²¹ *Медведев С.В.* Указ. соч. С. 96.

изменилась, несмотря на возросшую необходимость в осведомленности и оперативных действиях Отделения. 8 января 1905 г. Департамент полиции выделил на содержание московской охраны «по примеру 1904 года» 112 000 рублей, причем данные суммы политический сыск Первопрестольной получал порционно – по 9333 рубля в месяц⁴²². Уже к весне этих денег совершенно не хватало: 7 апреля московская охранка поступила просила градоначальника о заимообразном возмещении издержки в 11 071 рубль 21 копейку⁴²³. Однако решение главы полиции, так же не обладавшего бездонными финансовыми ресурсами, о выдаче 5000 рублей (суммы, значительно меньше запрашиваемой) привело лишь к дальнейшему потоку просьб о ссудах, причем, согласно экстренной телеграмме руководства Отделения в Петербург от 2 мая, служащие высказали неудовлетворение жалованьем⁴²⁴. На этом фоне нужны были более действенные меры, и градоначальник П.П. Шувалов 19 мая обратился в Петербург с просьбой выделения дополнительных средств как на полное возмещение передержки, так и на собственно агентурные расходы. Однако Департамент из-за скарденности финансового ведомства сумел добиться лишь удовлетворения передержки и 7062 рублей 99 копеек «на усиление розыскных средств Отделения», что в свете расходов охраны было каплей в море⁴²⁵. И в дальнейшем Отделению приходилось существовать на столь скудно выделенные ему средства⁴²⁶. Очень рельефно недостаток денег сказался на службе наружного наблюдения: на пике революционного взрыва 84 филеров явно было мало для такого города, как Москва⁴²⁷.

Не все, видимо, блестяще было и с качеством привлекаемых сотрудников. С.В. Медведев отмечал крайний разброс мнений еще о качестве

⁴²² ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 2. Т. 2. Л. 1.

⁴²³ Там же. Л. 8.

⁴²⁴ Там же. Л. 8, 9, 13.

⁴²⁵ Там же. Л. 16. Только за апрель-июнь 1905 г. на секретную агентуру и филеров было истрачено 24 450 рублей 82 копейки (Там же. Л. 39).

⁴²⁶ Там же. Л. 48 об. Несмотря на бурный всплеск революционного движения осенью 1905 г., расход на розыскные надобности увеличился незначительно – до 27 915 рублей 81 копейки (Там же. Л. 49).

⁴²⁷ Там же. Л. 40-41.

агентуры С.В. Зубатова⁴²⁸.

На данные проблемы, видимо, наслаивался фактор частой смены начальников Отделения: за 1905 г. на данном посту побывало три человека. Как представляется, это затрудняло выдвижение и реализацию необходимых инициатив (в отличие от Петербурга, где именно летом 1905 г. было создано первое «регистрационное бюро» для фиксации приезжавших в столицу)⁴²⁹.

Действие этих факторов сильно подрывало результаты работы Отделения. В качестве примера можно привести степень его осведомленности к декабрю 1905 г. о московских активистах партии социалистов-революционеров: наряду с братьями А.В. и Н.В. Мазуриными в данном перечне значился убежденный большевик Г. А. Алексинский⁴³⁰. Поэтому члены руководства страны – П.Н. Дурново и С.Ю. Витте – во многом справедливо критиковали работу московского политического сыска (причем управляющий МВД – в контексте неудовлетворительной работы охраны политической безопасности страны в целом)⁴³¹. Представляется все же, что мазать совсем черными красками деятельность охраны, добывшей для градоначальника информацию о студенческих сходках, движении в московском гарнизоне⁴³², установить наблюдение за лидерами московских социал-демократов — В.Л. Шанцером, В.В. Шером и другими (правда, не за всеми)⁴³³, все-таки будет некоторым преувеличением).

Таким образом, полицейская служба Первопрестольной была серьезно ослаблена вследствие таких факторов как малочисленность и архаизм ее организации, усиливавшиеся вследствие ведомственных противоречий, мешавших ее модернизации, и проникновению революционных настроений в среду полицейских служителей.

В данной ситуации особое значение в деле поддержания порядка

⁴²⁸ Медведев С.В. Указ. соч. С.60, 64.

⁴²⁹ Перегудова З.И. Указ. соч. С. 130.

⁴³⁰ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 45. Д. 397. Л. 29, 47 об.

⁴³¹ Там же. Ф. 16. Оп. 95. Д. 6. Л.3 7 об.; Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1... С. 179.

⁴³² Высший подъем... С. 577.

⁴³³ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 873. Л. 9-15.

приобретали войска. Но и с ними дело тоже обстояло не лучшим образом. Согласно данным штаба МВО на 1 октября 1905 г., в Москве находился 15261 солдат, из них пехотинцев – 10491⁴³⁴. Впоследствии численность московского гарнизона, по всей видимости, продолжала сокращаться: так, количество нижних чинов Киевского гренадерского полка к 18 ноября составило 1008 человек (в октябре насчитывалось 1422)⁴³⁵. К 25 ноября же численность всех солдат достигла 10939 человек, а пехотинцев – 7075⁴³⁶.

В чем причина такой «кадровой нищеты» военного ведомства? Прежде всего, московский гарнизон был серьезно ослаблен отправкой значительной части личного состава на войну с Японией, вызванной стремлением командующего войсками в Маньчжурии А.Н. Куропаткина и его преемника Н.П. Линевича к созданию численного превосходства русских сил и привлечению в действующую армию более молодых солдат, поскольку запасные, в связи с быстрыми изменениями в военной технике и нерегулярными военными сборами, оказывались фактически непригодными в боевых условиях начала XX века⁴³⁷. Материалы фонда штаба Московского военного округа позволяют оценить масштаб затрат, понесенных гарнизоном Первопрестольной при выполнении этих задач, не получивший до сих пор характеристики в историографии, несмотря на упоминание факта некомплекта московского гарнизона и посылки солдат на Дальний Восток⁴³⁸. В период с сентября 1903 по июль 1904 г. из пехотных полков округа было переведено на Дальний Восток: из Екатеринославского – 373 нижних чина, из Ростовского – 355, из Перновского – 348, из Несвижского – 347, из Киевского – 327, Таврического – 314, Самогитского – 333, Астраханского – 230⁴³⁹. Подобные «посылки», кроме численности, существенно влияли и на качественный состав

⁴³⁴РГВИА. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 1114. Ч. 2. Л. 46.

⁴³⁵Там же.

⁴³⁶Там же. Оп. 1. Д. 576. Л. 308.

⁴³⁷Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX-XX столетий. М., 1973. С. 252; Айрапетов О.Р. На пути к краху. С. 223-224; Редигер А.Ф. Указ. Соч. С. 408.

⁴³⁸Яковлев Н.Н. Указ. соч. С. 153; Sanders J. Op. cit. P. 653-655; Куксин А.И. Указ. соч. С. 114.

⁴³⁹РГВИА. Ф. 1606. Оп. 3. Д. 34 Л. 595, 600-601, 602-603 об. Точных данных о количестве отправленных на Дальний Восток за указанный период солдат Троицко-Сергиевского пехотного полка, также расквартированного в Москве, не сохранилось: имеются лишь сведения, что на февраль 1904 г. было командировано на войну с Японией 185 человек (Там же. Л. 524 об. - 525).

частей: согласно распоряжению Главного штаба от 9 января 1904 г. об очередном выделении солдат на Дальний Восток, командованию МВО следовало отправлять цельные роты, а возникший некомплект пополнять с помощью нижних чинов из других подразделений тех же полков⁴⁴⁰. Учитывая, что значительную часть командиремых составляли солдаты и унтер-офицеры набора 1901-1902 гг. (достаточно «встроившиеся» в полковую жизнь)⁴⁴¹, можно предположить, что данные переводы не лучшим образом сказывались на профессиональных качествах войск.

По мере затягивания боевых действий потребность действующей армии в подкреплениях из тыла только возрастала. В итоге удалось установить, что по распоряжениям Главного штаба и Военного министерства к лету 1905 г. было отправлено на Дальний Восток 5902 солдата.⁴⁴² При этом удар вновь приходился не только по количеству, но и по качеству гарнизона. Например, согласно приказу Главного штаба от 22 марта 1905 г., кандидаты на отправку на фронт японской войны должны были быть «всех сроков службы» 1902, 1903 и 1904 гг. (то есть приходиться на наиболее боеспособную часть гарнизона), а в их число следовало включить не менее 5% унтер-офицеров. Возникавший же некомплект командованию МВО предлагалось погасить как удерживанием на службе отслуживших срочников, так и призывом запасных, причем в распоряжении Главного штаба особо оговаривалось, что из них должны быть избраны «самых старших сроков службы и многосемейные» (очевидно, в целях ограждения действовавшей армии от такого пополнения)⁴⁴³. Нетрудно заключить, что вследствие этого командирования наиболее устойчивые и перспективные в военном отношении солдаты уступали место людям, всячески стремившимся избежать пребывания на службе, а низший командный состав (унтер-офицеры) также лишался части кадров, что объективно ухудшало процесс подготовки и поддержания дисциплины в

⁴⁴⁰ Там же. Л. 4-4 об., 6 -6 об.

⁴⁴¹ Там же. Л. 412 об.-413, 415 об.-416, 417 об.-418, 421 об.-422, 423 об.-424, 426, 430, 432 об.-433, 446 об.-447, 524 об.-525.

⁴⁴² Там же. Д. 39. Л. 140, 144 об. - 145, 655, 716.

⁴⁴³ Там же. Оп. 2. Д. 145. Л. 51-52.

частях. 6 мая же военный министр В.В. Сахаров потребовал скорейшей отправки из МВО на Дальний Восток 5500 молодых солдат срока службы 1905 г., лишив военную защиту Первопрестольной свежих сил⁴⁴⁴.

Последствия столь масштабной траты сил не замедлили сказаться: согласно донесению начальника штаба войск лагерного сбора под Москвой генерал-лейтенанта С.С. Бутурлина от 7 июня, после отбытия требуемых нижних чинов на Дальний Восток в войсках Гренадерского корпуса должно было остаться всего 1039 человек (исключая наряда дежурных и дневальных, полкового караула и подразделений, командированных в наряды для содействия полиции в различные местности Московской губернии; следует также учесть, что Астраханский полк в счет не шел – в это время он пребывал в Ярославле). В лучшую сторону должна была отличаться лишь численность Троицко-Сергиевского полка, не затронутого последней организацией подкреплений для действующей армии: в нем, по данным Бутурлина, для нарядов имелась 1000 человек⁴⁴⁵. После отправки новобранцев в Маньчжурию командование войсками лагерного сбора уточнило численность войск, находившихся в его ведении: в 7 гренадерских полках оказалось 1399 солдат (82 – в Екатеринославском полку, 137 – Ростовском, 80 – в Несвижском, 295 – в Перновском, 165 – в Киевском, 260 – в Таврическом, 200 – в Самогитском), что незначительно превышает первоначальные прогнозы. Кроме того, налицо было 743 нижних чина Троицко-Сергиевского полка⁴⁴⁶.

Очевидно, что стратегические замыслы Куропаткина и его преемника существенно подрывали мощь московского гарнизона и в количественном, и в качественном отношении. Учитывая штатный состав гренадерских полков,

⁴⁴⁴ Там же. Оп. 3. Д. 39. Л. 632-632 об. По словам А.Ф. Редигера, масштабы такого «кадрового голода» маньчжурского военного командования, требовавшего присылки солдат все более молодых возрастов, кроме потерь и становившейся все яснее непригодности «старых запасных» объяснялись нерациональным использованием полученных сил: вместо укомплектования ими старых частей создавались новые, для коих были нужны дополнительные кадры; кроме того, многие строевые нижние чины использовались в качестве вестовых и на «прочие нестроевые надобности» (Редигер А.Ф. Указ. соч. С. 408).

⁴⁴⁵ Там же. Оп. 2. Д. 1112. Л. 440.

⁴⁴⁶ Там же. Л. 441.

входивших в его состав (1766 человек)⁴⁴⁷, вышеперечисленные командировки вырывали из рядов этих частей солидную часть живой силы. Более того, место хорошо обученных срочников и готовых к службе молодых солдат массово занимали давно отвыкшие от тягот лагерной жизни «многосемейные» запасные и отслужившие свой срок нижние чины, то есть люди, стремившиеся поскорее отделаться от выполнения воинской обязанности.

Но и этот контингент очень скоро стал таять. После заключения Портсмутского мира производилась массовая демобилизация призванных в период войны с Японией запасных солдат и отслуживших срочников, во многом обусловленная, по признанию военного министра А.Ф. Редигера, политическими соображениями (как он заявил при личном докладе императору 12 ноября, «войска при этом растают, но мы спасем хоть кадры!»)⁴⁴⁸. Согласно приводимой таблице о численности гарнизона к 28 ноября, только из пехотных частей было демобилизовано (или же подлежало немедленному увольнению) 733 человека призыва 1901 года (при этом сильнее всего страдали Киевский гренадерский (сократился на 107 нижних чинов, осталось 765) и пехотный Троицко-Сергиевский (на 93, осталось 596))⁴⁴⁹.

На некомплект войск, судя по всему, влияли и иные факторы. Во всеподданнейшем отчете о состоянии Московского военного округа за 1905 год его новый глава С.К. Гершельман доносил Николаю II о тенденции набора призывными комиссиями солдат, негодных к военной службе, вследствие чего специальным войсковым комиссиям, созданным по указу 1886 г., приходилось производить увольнения не удовлетворявших требованиям новобранцев уже из полков. Итогом стал устойчивый некомплект в частях округа (около 300 в пехотных полках, до 150 – на саперный батальон)⁴⁵⁰. Эти выводы подтверждаются приказами по московскому гарнизону: за период с января по

⁴⁴⁷ Там же. Ф. 400. Оп. 6. Д. 310. Л. 3 об. - 4.

⁴⁴⁸ Редигер А.Ф. Указ. соч. С. 479.

⁴⁴⁹ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 576. Л. 308.

⁴⁵⁰ Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 217. Л. 3-3 об.

апрель 1905 г. в его частях было «опротестовано» 1767 человек⁴⁵¹. Всего же, согласно ведомости, присланной в Главный штаб командованием МВО летом 1906 г. (к сожалению, там приведены общие цифры о новобранцах 1905 г., без разделения на «весенний» и «осенний» призывы и конкретные подразделения), переосвидетельствованию подверглось 6060 молодых солдат, из которых было «забраковано» 3023 (около половины, 1493 – признаны негодными к военной службе вообще, 1530 – «невозмужалыми»)⁴⁵².

Возникшая в силу вышеперечисленных факторов печальная картина ярко обрисована в донесениях командиров гренадерских дивизий о состоянии вверенных им частей, сделанных по запросу генерал-квартирмейстера штаба МВО С.М. Шейдемана от 8 октября 1905 г.⁴⁵³ Так, начальник 2 гренадерской дивизии генерал-лейтенант С.С. Бутурлин докладывал, что «средний наличный состав» в полках его дивизии достигал 900-950 человек, в других дивизиях ситуация была в целом сходной⁴⁵⁴. В плачевном состоянии находилась не только пехота: так, к началу 1906 г. в саперном батальоне по штату значилось 57 унтер-офицеров и 332 рядовых, а по списку – 18 и 245⁴⁵⁵.

Вышеприведенные данные значительно меньше цифр о численности гарнизона к 1 октября: по всей видимости, в штаб округа были представлены устаревшие сведения⁴⁵⁶. Судя по всему, данные документации о количестве военнослужащих в Москве сильно расходились с действительностью: дежурный генерал штаба округа М.С. Тюлин прямо указывал в мемуарах, что официальная статистика не отражала реального положения в гарнизоне, боевые силы коего к началу Декабрьского восстания были далеки от достаточного числа («30 рот по 50 человек и Сумский и казачие полки»)⁴⁵⁷.

Малочисленность личного состава усугублялась и многообразием

⁴⁵¹ Там же. Ф. 13495. Оп. 1. Д. 185. Л. 1 об. - 77.

⁴⁵² Там же. Ф. 400. Оп. 6. Д. 4916. Л. 13.

⁴⁵³ Там же. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 1113. Л. 16-17, 18-19, 20-21, 22-23, 24-25, 27; Ф. 2602. Оп. 2. Д. 546. Л. 124.

⁴⁵⁴ Там же. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 1113. Л. 29 об.

⁴⁵⁵ Там же. Оп. 1. Д. 388. Л. 140.

⁴⁵⁶ Там же. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 1113. Л. 23; Д. 1114. Ч. 2. Л. 46.

⁴⁵⁷ НИОР РГБ. Ф. 307. К. 1. Ед. хр. 4. Л. 13 об.

обязанностей, возложенных на войска. Н.А. Павловский в упоминавшемся рапорте указывал, что с 23 сентября по 11 октября, т. е. в острейший период роста забастовочного движения в Москве, начала и развития Всероссийской стачки, полки его дивизии вынуждены были иметь весьма существенный «расход», включавший: двухсменный ежедневный караул по отведенному району (в среднем 50-55 человек), домашний наряд с посыльными (130-135 человек), дежурных и дневальных в ротах (128 человек), фельдфебелей, каптенармусов, хлебопеков и кашеваров (60-65 человек), учителей для ожидаемых новобранцев (192 человека), учебную команду (90-95 человек) и конных ординарцев (12-16 человек). Всего, по подсчетам Павловского, в каждом полку на эти надобности направлялось от 662 до 686 нижних чинов.⁴⁵⁸ Во 2 гренадерской дивизии на подобные надобности требовалось около 800 солдат в каждом полку. При этом командир С.С. Бутурлин настаивал на отмене такой специфической для военных людей повинности, как «наряд статистов в театры»⁴⁵⁹.

С течением времени исполнение этих обязанностей не становилось менее обременительным для личного состава, подтверждением чего может послужить упоминавшийся перечень нижних чинов Киевского полка и их занятий, составленный 18 ноября 1905 г. Всего же на исполнение вышеуказанных нужд полк вынужден был выделить 943 человека⁴⁶⁰. Очевидно, что по сравнению с началом октября нагрузка на личный состав еще более возросла. Естественно, что подобное многообразие обязанностей негативно сказывалось на возможности военных оказывать деятельную помощь полиции. Еще в ведомости о численности личного состава к 1 октября значилось, что «в расходе» 2420 нижних чинов⁴⁶¹. Данной цифре вполне соответствовала ситуация, сложившаяся в отдельных полках: так, Н.А. Павловский докладывал, что части его дивизии должны были выставить для

⁴⁵⁸РГВИА. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 1113. Л. 27-27 об.

⁴⁵⁹Там же. Л. 29 об.

⁴⁶⁰Там же. Д. 1114. Ч. 3. Л. 254.

⁴⁶¹Там же. Д. 1114. Ч. 2. Л. 46.

содействия гражданским властям во время подъема стачечного движения в сентябре-октябре от 160 до 320 человек; в целом сходной была ситуация в других частях⁴⁶². Выполнение подобных нарядов оборачивалось немалым напряжением для личного состава частей: полки 1 гренадерской дивизии вынуждены были выделять для полицейских нужд «как готовящих учителей, так и весь состав учебных команд, и даже назначать бывших на дежурствах и дневальных» (что сказывалось на проведении занятий и о «работах портных и сапожников»); во 2 дивизии – «людей, бывших вчера в наряде⁴⁶³.» В начале ноября, по словам начальника штаба МВО барона Е.А. Рауш фон Траубенберга, несение полицейской службы стало еще более затруднительным для войск ввиду массовой демобилизации запасных и посылки части гарнизона для подавления достигших пика аграрных беспорядков⁴⁶⁴.

Сказывался на боеспособности частей и недостаток офицерских кадров: существенная часть штаб- и обер-офицеров московских полков не миновала отправки в другие части. К началу 1905 г. в сформированные в Европейской России запасные батальоны было назначено свыше 90 офицеров разных подразделений московского гарнизона⁴⁶⁵ (часть из них вскоре отправилась на Дальний Восток)⁴⁶⁶. В это время во всех гренадерских полках, судя по специально составленной ведомости, осталось 42 штаб-офицера и 484 обер-офицера, из коих соответственно 4 и 36 значились «выбывшими» на театр военных действий⁴⁶⁷ (видимо, речь шла об офицерах, специально назначенных для сопровождения командированных в Маньчжурию солдат)⁴⁶⁸. Несложно представить, что такая убыль командиров разного ранга, знавших своих солдат и пользовавшихся в их среде авторитетом, негативно влияла на боевую подготовку и дисциплину частей. Более того, данное положение усугублялось обязанностью одних и тех же офицеров вследствие некомплекта постоянно

⁴⁶²Там же. Д. 1113. Л. 27, 29 об., 31; Ф. 2602. Оп. 2. Д. 546. Л. 123 об. - 124.

⁴⁶³Там же. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 1113. Л. 27, 29 об.

⁴⁶⁴Там же. Л. 49.

⁴⁶⁵Там же. Оп. 3. Д. 39. Л. 44 об. – 132.

⁴⁶⁶Там же. Оп. 2. Д. 145. Л. 22, 34, 35.

⁴⁶⁷Там же. Оп. 3. Д. 39. Л. 192.

⁴⁶⁸Там же. Л. 54.

участвовать в руководстве нарядами в помощь полиции, причем, по словам С.С. Бутурлина, «за недостатком младших офицеров» приходилось возлагать эту обязанность на командиров рот и учебных команд – лиц, напрямую ответственных за поведение и выучку солдат⁴⁶⁹.

Неудивительно, что при подобных условиях нижние чины постоянно испытывали недовольство несением полицейской службы. Это отмечали и московские обыватели. Так, еще во время Октябрьской стачки Л.А. Тихомиров записывал в дневнике свой разговор с командиром Ростовского полка Н.П. Симанским, который рассказывал, что «войска измучены и обозлены дурацкой полицейской службой, которой их мучат уже две недели слишком. Вероятно, что они скоро тоже взбунтуются»⁴⁷⁰.» 20 октября, описывая настроение наряда, расквартированного в типографии «Московских ведомостей», публицист констатирует сходную картину: «И начинается разговор — недовольство на тягость нарядов, на бесцельность их»⁴⁷¹.» Это настроение накладывалось на уже обозначенный новый социально-политический «климат» в Первопрестольной, в стране и на «развращающее» влияние агитаторов, с коими ходившим в наряды войскам приходилось ежедневно иметь дело. Эти факторы вкупе со специфически армейскими проблемами стали причинами волнений в московском гарнизоне, кульминацией коих явились события 2-4 декабря в Ростовском полку, «ропот» и участие солдат в митингах в ряде других частей⁴⁷². И хотя командованию МВО удалось справиться с данным недовольством, глубину и зрелость которого советская историография преувеличивала⁴⁷³, сами слухи о «революционном брожении» в московском гарнизоне долгое время оставались факторами радикализации революционных настроений⁴⁷⁴.

⁴⁶⁹ Там же. Оп. 2. Д. 1113. Л. 28, 29. См. также: *Sanders J. Op. cit.* P. 659.

⁴⁷⁰ Дневник Л.А. Тихомирова... С. 128.

⁴⁷¹ Там же. С. 140.

⁴⁷² РГВИА. Ф.1 606. Оп. 2. Д. 1113. Л. 32-32 об.; Высший подъем... С. 616-619; Первая революция в России... С.359-360; *Sanders J. Op. cit.* P. 665-710.

⁴⁷³ Мельников А.Б. Указ. соч. С. 265 -292; Вальдин А.С. Указ. соч. С. 76-78; Куксин А.И. Указ. соч. С. 90-111.

⁴⁷⁴ Декабрь 1905 года на Красной Пресне. С. 10; Костицын В.А. Декабрьское восстание 1905 г. С. 189, 192; *Bushnell J. Op.cit.* P.130.

Суммируя то, что было сказано о состоянии московского гарнизона в «дни свобод», следует признать, что его сложности в деле борьбы с революционным движением обуславливались серьезными кризисными явлениями, переживаемыми и армией, и страной. Неудачная стратегия российского командования в русско-японской войне, требовавшая больших людских затрат и не принеся императорской армии ни одной победы; слабость полицейской службы, заставлявшая военное начальство не только отправлять части на подавление «беспорядков», но и выставлять регулярные караулы для охраны «порядка»; пережитки крепостного прошлого (кои тонко подметил А.Ф. Редигер)⁴⁷⁵, побуждавшие генералов глядеть на солдат как на даровую рабочую силу и использовать явно не по назначению (в ролях как военной «обслуги» – армейских портных, сапожников, хлебопеков, прислуги в офицерских собраниях, так и вовсе по делам, никак не связанным со службой – достаточно вспомнить «наряд статистов в театры», коим тяготилось само командование); неудовлетворительная работа призывных комиссий, комплектовавших полки не способными к солдатской жизни новобранцами, – все эти факторы ослабляли московский гарнизон, делая выполнение нарядов для «содействия гражданским властям» чрезвычайно обременительной задачей, становившейся причиной роста недовольства в самой армейской среде, что грозило потерей контроля над армией и дальнейшей радикализацией революционного движения.

Таким образом, силовой потенциал московской администрации в силу ряда обстоятельств был серьезно подорван и не представлял собой панацеи против революции.

Пытались ли московские власти исправить сложившуюся тяжелую ситуацию с находившимися в их распоряжении военно-полицейскими силами?

⁴⁷⁵ Редигер А.Ф. Указ. соч. С. 513-515.

В первую очередь руководство Первопрестольной было озабочено увеличением численности «стражей порядка». Еще 29 сентября генерал-губернатор Дурново предпринял попытку добиться у командующего МВО Малахова присылки в Москву двух дивизий пехоты, полка драгун, полка казаков и бригады артиллерии. Мнение И.М. Пушкаревой об исполнении этого требования опровергается ответным посланием генерала от 4 октября: в силу малочисленности войск в округе и халатности городских властей при их размещении Малахов лишь затребовал 9 сотен казаков (что, по его подсчетам, равнялось трем казачьим полкам мирного состава), относительно же пехоты командующий МВО адресовал главу администрации к военному министру⁴⁷⁶. Впоследствии генерал-губернатор пытался добиться искомого через управляющего МВД: в упоминавшемся письме от 15 ноября он ставил вопрос об удвоении сил полиции и гарнизона. Это, по его мнению, «значительно облегчит службу войсковых частей», вызывавшихся «в наряды не только для прекращения беспорядков, как это полагается по закону, но главным образом для предупреждения таковых своим присутствием, что всецело составляет обязанность полицейскую»⁴⁷⁷.

Военное руководство также стремилось решительно повлиять на пополнение кадровой убыли в рядах гарнизона. Начальник штаба МВО барон Рауш фон Траубенберг в ноябре 1905 г., сообщая в Главный штаб о предстоящем «немедленном» увольнении запасных 1893-1896 годов и скорейшем – 1897-1898 годов, упоминал о мнении командующего войсками МВО Малахова, что для поддержания порядка в Москве необходимо возвращение 13 и 17 армейских корпусов, а также команд, взятых на войну из гренадерских полков⁴⁷⁸. В своих ходатайствах глава московских военных сил прибегал и к посредничеству специально командированного для борьбы с крестьянскими беспорядками в Тамбовскую и Воронежскую губернии генерал-адъютанта А.П. Струкова. Последний 24 ноября докладывал в записке

⁴⁷⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2615. Л. 868-868 об.; Первая революция в России...С.291.

⁴⁷⁷ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 261. Л. 148.

⁴⁷⁸ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 388. Л. 104.

военному министру Редигеру, что командующий войсками МВО усердно ходатайствует о «скорейшем, по возможности» возвращении 13 корпуса, находит «крайне желательным» прибытие отправленных на войну с Японией «офицеров и нижних чинов», а также не может посредством наличных сил «удовлетворять всем требованиям» губернаторов⁴⁷⁹.

Требование московских властей об усилении полиции центральное руководство удовлетворило. В ноябре 1905 г. Дурново добился выделения для этой цели ассигнования в 19 миллионов рублей⁴⁸⁰. По замечанию Редигера, глава МВД сделал подобный запрос сразу же по получении от него 12 ноября записки о предстоящем увольнении запасных: теперь он не мог рассчитывать на содействие войск⁴⁸¹. Сумел Дурново облегчить положение и собственно московской полиции, добившись принципиального увеличения ее штатов на 1000 человек и введения должностей помощников приставов для резерва, о чем 2 декабря телеграфировал градоначальнику Медему⁴⁸². Но очевидно, что поиск баланса между интересами трех ведомств – внутренних дел, военного и финансов – привел к тому, что судьбоносное решение радикально повлиять на ситуацию уже не могло: был канун Декабрьского восстания. Показательно, что формально Государственный Совет одобрил представление Дурново об увеличении штатов московской полиции уже после «мятежа» – 29 декабря 1905 г.⁴⁸³

С войсками дело обстояло еще хуже: части в округах Европейской России были повсеместно обескровлены отправкой солдат на Дальний Восток и демобилизацией; возвращение же затребованных частей из Маньчжурии (команд гренадер, армейских корпусов) затруднялось малой пропускной способностью Транссибирской магистрали и начавшимся хаотическим возвращением запасных солдат, отпущенных вследствие беспорядков Н.П.

⁴⁷⁹ Там же. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2616. Л. 600.

⁴⁸⁰ Яковлев Н.Н. Указ. соч. С. 76; Sanders J. Op. cit. P. 604.

⁴⁸¹ Редигер А.Ф. Указ. соч. С. 479.

⁴⁸² ЦГА Москвы. Ф. 46. Оп. 21. Д. 113. Л. 19.

⁴⁸³ Российская монархическая государственность... С. 195-196.

Линевичем⁴⁸⁴. Неслучайно, что на записке Струкова напротив пассажа о возвращении гренадер и 13 корпуса Редигер написал: «Долго», а 30 ноября начальник Управления Военных Сообщений Генерального штаба генерал-лейтенант Н.Н. Левашов донес, что установленная самим Линевичем очередь возвращения войск в Европейскую Россию нарушена незапланированным движением 4 Сибирского корпуса и команд запасных, не указанных в ней⁴⁸⁵. Таким образом, слабость путей сообщения и революционные эксцессы в действующей армии было серьезным препятствием для пополнения московского гарнизона требуемыми частями.

Другой задачей для Дурново и Медема была борьба за «нерв войны» – деньги на содержание полиции и воинских нарядов. Как отмечалось, и казна, и городское самоуправление проявляли в деле спонсирования московской службы порядка большую скаредность. Более того, с началом революции резко выросли незапланированные расходы – оплата счетов на питание солдат и полицейских, находившихся в особых нарядах. В.И. Гурьевым, на материалах, относящихся к первой половине 1905 г., установлено, что Министерство финансов и Департамент полиции МВД, от которых зависели выплаты по данному вопросу, склонно было игнорировать расходы московской власти⁴⁸⁶. Внесла ли Октябрьская стачка что-либо новое в отношение петербургских ведомств к этому вопросу?

Уже 21 октября 1905 г. московский генерал-губернатор сообщил в МВД, что отпущенный по требованию бывшего генерал-губернатора Козлова Департаментом полиции 8 июня аванс в размере 13000 рублей «на пищевое довольствие полицейских, жандармских и воинских чинов», находившихся в нарядах, растрочен, за «исключением нескольких сот рублей». В этой связи Дурново просил о выделении до Нового года очередного аванса «хотя бы в размере 5000 рублей», причем глава Первопрестольной обязывался

⁴⁸⁴ Редигер А.Ф. Указ. соч. С. 475-477; Высший подъем...С. 59, 248-249; Революция 1905 года и самодержавие...С. 23.

⁴⁸⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2616. Л. 600, 647-647 об.

⁴⁸⁶ Гурьев В.И. Указ. соч. С. 105-106.

своевременно представить «оправдательные документы» о расходовании как его, так и прежде отпущенных сумм⁴⁸⁷. 29 октября назначенный управляющим министерством П.Н. Дурново согласился предоставить 3000 рублей «в виде дополнительного аванса⁴⁸⁸.» Действовал в этом же направлении и градоначальник Медем: 22 октября он обратился с отношением к Малахову о согласии нового министра финансов И.П. Шипова в телефонном разговоре на прибавку «к положенному от казны приварочному довольствию» по 5 копеек в сутки всем нижним чинам, вызываемым в наряды для содействия администрации⁴⁸⁹.

Упомянутых 3000 рублей хватило ненадолго. Уже 6 ноября Медем, представляя генерал-губернатору Дурново «оправдательные документы» на 6559 рублей 7 копеек для уплаты по счетам «по содержанию войск и полиции» с 1 января по 23 августа, ходатайствовал об отпуске «на тот же предмет» 5019 рублей 77 копеек для уплаты по счетам с 17 октября по 3 ноября. При этом градоначальник возлагал надежды на суммы, «находящиеся в ведении» «главного начальника» Первопрестольной⁴⁹⁰. Дурново спустя три дня донес об обращении барона управляющему МВД, заверив последнего, что никакими деньгами, кроме пересланных 3000 и остатка в 339 рублей 90 копеек, он не располагает. Посему он вновь просил однофамильца как о присылке недостающих 1588 рублей 79 копеек, так и денег «на возмещение расходов до конца сего года⁴⁹¹.»

На сей раз П.Н. Дурново уже проявил некоторое недовольство запросами подчиненных из Первопрестольной: соглашаясь в отношении градоначальнику Медему от 20 ноября выдать «в распоряжение» последнего из финансов Департамента полиции 5 тысяч рублей «на покрытие как произведенных, так и предстоящих до конца года расходов по пищевому довольствию» полиции, жандармов и солдат, находившихся в нарядах, управляющий МВД сообщил

⁴⁸⁷ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 145. Л. 62-62 об.

⁴⁸⁸ Там же. Л. 73.

⁴⁸⁹ Там же. Л. 70.

⁴⁹⁰ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 145. Л. 74.

⁴⁹¹ Там же. Л. 75.

барону, что перерасход «по передвижению и содержанию Воинских команд», призванных для содействия администрации, относится к смете Военного министерства. В этой связи следовало непрозрачное пожелание расходовать отправляемую сумму «исключительно» на жандармов и полицейских, а деньги для воинских нижних чинов испрашивать уже в ведомстве Редигера⁴⁹². В данном пассаже, как в лакмусовой бумажке, проявилась ведомственность высшей русской бюрократии, не преодоленная и созданием «объединенного правительства»: в условиях постоянной борьбы за деньги с Министерством финансов и растущих расходов на службу правопорядка в период высшего подъема революции, глава МВД стремился переложить на «конкурента» – Военное министерство – часть расходов на общее дело борьбы с революционными выступлениями.

Однако принципиальное согласие главного начальника еще не означало автоматического получения Медемом желаемой суммы. Как раз 20 ноября П.П. Дурново отбыл в Петербург, откуда уже не вернулся⁴⁹³, и решение о выдаче градоначальнику сумм забуксовало. Это побудило Медема еще раз, 29 ноября, обратиться в канцелярию генерал-губернатора с просьбой дотсавить ему обещанное ассигнование, поскольку ссужавшие войска и полицию торговцы стали выражать недовольство задержкой уплаты по счетам⁴⁹⁴. Наконец, только 8 декабря, перед началом восстания, уже новый генерал-губернатор Ф.В. Дубасов отправил Медему 3000 рублей на заявленные цели. Однако относительно нужд военных вице-адмирал повторил, вслед за управляющим МВД, ссылку на Свод Законов⁴⁹⁵.

Вышеприведенная переписка о средствах была вовсе не единственной: местные власти, принимая во внимание тяжелые условия службы чинов полиции, пытались «простимулировать» их материально. Первый из подобных замыслов возник еще летом 1905 г. 12 июня градоначальник граф П.П.

⁴⁹² Там же. Л. 81-81 об.

⁴⁹³ Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 106.

⁴⁹⁴ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 145. Л. 82-82 об.

⁴⁹⁵ Там же. Л. 83.

Шувалов, указывая на возросшие с началом революции задачи полиции и успешную кооперацию ее с дворниками, ночными сторожами и членами добровольной охраны в этом деле, предложил генерал-губернатору Козлову наградить их. Очевидно, в условиях описанной выше борьбы за деньги с Петербургом и городской думой вопрос о выплатах не ставился, и граф высказал мнение о выдаче отличившимся защитникам порядка серебряных медалей «За усердие» (по словам Шувалова, эта мера оправдала себя во время его службы одесским градоначальником)⁴⁹⁶ На это ходатайство, поддержанное «главным начальником» Первопрестольной, ответ от Трепова пришел 25 июня. Согласившись в принципе с инициативой, товарищ министра внутренних наложил на дело определенные ограничения: дворников он предложил награждать не только за отличия по службе, но и за повседневную помощь в деле сыска (но при этом обязательным условием ставилась выслуга в пять лет), ночных сторожей и добровольцев – исключительно за особые заслуги, причем общее число награждаемых «помощников» не должно было превышать пятую часть награжденных городских. При выдаче медалей последним следовало придерживаться правил 1888 г.: награждать только раз в год (к 1 января), причем шейные медали награждало испросить в Наградном Комитете, нагрудные – в МВД; все представления должны были быть сделаны к 1 сентября⁴⁹⁷. Таким образом, из-за бюрократических препон, выставленных руководством Министерства, резко сужался круг возможных претендентов на награды и усложнялся порядок их получения. Неудивительно, что нет никаких следов выполнения данного плана⁴⁹⁸.

Однако в период «дней свобод» возник шанс «подпитать» полицейскую службу Москвы денежно. 2 ноября градоначальник Медем обратился к генерал-губернатору Дурново с отношением, в котором содержался проект дополнительного спонсирования «стражей порядка». Дело в том, что император по докладу Санкт-Петербургского генерал-губернатора «во

⁴⁹⁶ Там же. Оп. 233. Д. 39. Л. 1-1 об.

⁴⁹⁷ Там же. Л. 4-4 об.

⁴⁹⁸ Там же. Л. 9 об.

внимание к усиленной службе» столичных полицейских и жандармов приказал производить им «дополнительные выдачи» денег с 13 октября во все дни несения «экстренной службы». Поскольку, по мнению барона, заслуги его подчиненных были ничуть не меньше и, более того, нижние чины полиции за это время «пообносились», градоначальник ходатайствовал о даровании городовым и жандармам аналогичных «премиальных»⁴⁹⁹.» Два дня спустя генерал-губернатор поддержал ходатайство в своем письме управляющему МВД⁵⁰⁰. Однако ассигнование поступило в распоряжение градоначальника только 9 декабря, в день строительства первых баррикад в Москве и на качество несения полицейскими и жандармами службы повлиять не могло⁵⁰¹.

Таким образом, несмотря на попытки московской гражданской и военной власти усилить вверенные их распоряжению ресурсы, существенных изменений в этой области в «дни свобод» не произошло. Такие факторы, как медленное возвращение действующей армии с Дальнего Востока вследствие отсталости путей сообщения и роста брожения в ее рядах, ведомственные противоречия между министерствами финансов, Военным и Внутренних дел, следование устаревшим регламентам либо не позволяли добиться претворения в жизнь испрашиваемых мер (возвращения командированных военных с Дальнего Востока, выдачи дополнительных суточных солдатам), либо при формальном согласии центральных властей затягивали принятие значимых решений (увеличение штатов московской полиции, выдачу дополнительного содержания полицейским и жандармам). Нужно признать, что тяжелая ситуация осени 1905 г. все-таки оказала влияние на Петербург: в отличие от предшествовавших месяцев руководство МВД охотнее шло на удовлетворение «денежных» запросов администрации Первопрестольной, однако принятые им меры явно не поспевали за ростом расходов на содержание «стражей порядка», что осложнялось различными проволочками.

⁴⁹⁹ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 36. Л. 1.

⁵⁰⁰Там же. Л. 3.

⁵⁰¹Там же. Л. 4.

Важнейшим фактором, определявшим способность московской администрации энергично бороться с революционным движением, был социально-политический «климат», установившийся после выхода Манифеста 17 октября. Данный аспект темы в историографии не получил подробного освещения; единственным исключением можно назвать работу Дж. Сандерса, где новая обстановка в стране включена в число обстоятельств, влиявших на работу градоначальника Медема (да и то автор основывается при этом на словах самого барона и ставит под сомнение значимость ее деструктивного воздействия на московскую полицию)⁵⁰². Между тем, ответы на вопросы, как именно новая ситуация в стране влияла на администрацию, как последняя пыталась приспособиться к новому положению дел и какова была позиция центрального руководства империи, представляются ключевыми при изучении данной темы.

Уже из информации, представленной в предыдущем параграфе, становится ясно, что Манифест рассматривался как первая победа противниками самодержавия – радикальным либералами и социалистами. Если первые видели в нем первую ступень на пути перехода к «подлинной» конституции, то вторые – первую брешь в твердыне «старого мира», которой нужно воспользоваться для окончательного сокрушения ненавистного «режима». И это были вовсе не академические представления: из них вытекали описанные выше меры по подготовке вооруженного восстания, материальная поддержка стачечников и т.д. «Черносотенные погромы» после Манифеста еще более укрепили представителей левых сил в своих убеждениях. Становилось ясно, что самодержавию, в том числе и его местному аппарату, нужно быть готовым в любую минуту отразить натиск своих противников.

Вот со средствами активной борьбы с ними и возникла проблема. После

⁵⁰² Sanders J. Op. cit. P. 595.

выхода Манифеста, даровавшего населению Российской империи «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов», возникал вопрос: как поступить с теми узаконениями, которые явно противоречат этой довольно расплывчатой формуле? Речь шла в первую очередь о привычном для администрации орудии борьбы с революцией – Положении об охране. Между тем, уже первые часы российской «конституции» погрузили местную администрацию в состояние растерянности.

Сам Манифест грянул на головы местных администраторов, как гром посреди ясного неба. Узкая группа сановников во главе с Витте, рассчитывая одним махом успокоить Россию, совершенно не подготовила генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников к восприятию столь значимого и неконкретного государственного акта (и далеко не все высшие сановники империи были в курсе выхода документа: до вечера 17 октября о нем не знал сам министр внутренних дел А.Г. Булыгин)⁵⁰³. Главам же городов и губерний, по многочисленным свидетельствам, приходилось узнавать о Манифесте либо из частных источников, либо из газет⁵⁰⁴. По точному замечанию бывшего недолгое время товарищем министра внутренних дел кн. С.Д. Урусова, в данном случае в жертву была принесена статья Свода Законов, согласно которой глава МВД должен был заблаговременно доводить до сведения местных властей содержание акта такой важности, а главы губерний и городов – созывать местное начальство и вырабатывать общую стратегию действий⁵⁰⁵.

Результатом же подобной спешки стало полное неведение администрации о своих полномочиях и взрыв насилия по всей империи, происходивший как от попустительства местных руководителей левым

⁵⁰³ Любимов Д.Н. Указ. соч. С. 276-279; Бельгард А.В. Указ. соч. С. 252.

⁵⁰⁴ Любимов Д.Н. Указ. соч. С. 288; Воспоминания: из бумаг. С.Е. Крыжановского...С. 77.

⁵⁰⁵ Урусов С.Д. Указ. соч. С. 599.

радикалам, так и от чрезмерного рвения ряда чиновников⁵⁰⁶.

Поведение московской власти шло вполне в русле всеобщей растерянности: 18 октября при согласии деморализованных полицейских и судебных властей произошло массовое освобождение заключенных из тюрем (до провозглашения всякой амнистии)⁵⁰⁷. Согласно донесению градоначальника Медема генерал-губернатору Дурново в этот день было выпущено с дозволения власти 205 заключенных, арестованных за нарушение обязательного постановления «о сходках» и непосредственно в силу «Положения об охране», в числе коих значились такие активные враги режима, как И.И. Беднов, Н.А. Печковский, супруги Фондаминские, В.Я. Зоммерфельд, А.В. Ухтомский⁵⁰⁸. Судя по всему, данный список был не полон: в нем не упомянут Н.Э. Бауман, как известно, также освобожденный и убитый именно 18 октября. Более того, некоторые опасные политические преступники вышли на свободу без ведома Медема, как, например, знаменитая эсерка З.Н. Коноплянникова⁵⁰⁹. За исключением попустительства при освобождении врагов режима московская власть также «отметилась» невмешательством в ход многочисленных уличных демонстраций, а впоследствии и беспорядков: характерными примерами ее поведения могут служить пассивное поведение Дурново перед толпой демонстрантов («главный начальник» Первопрестольной вышел на балкон перед собравшейся толпой) и растерянность генерал-губернатора при украшении ими его дома красными флагами, нашедшие, во множестве вариаций, отражение в свидетельствах современников и литературе⁵¹⁰.

Но и по миновании нескольких дней вопрос о полномочиях по-прежнему оставался актуальным для московской власти. Мнение правителя канцелярии МВД Д.Н. Любимова, что доведение до сведения местной администрации известного всеподданнейшего доклада Витте, содержавшего

⁵⁰⁶ Там же. С. 598-599; Любимов Д.Н. Указ. соч. С. 288-292.

⁵⁰⁷ Мицкевич С.И. Указ. соч. С. 438.

⁵⁰⁸ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 85. Л. 62-62 об., 67-67 об.

⁵⁰⁹ Там же. Л. 62.

⁵¹⁰ Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 87; Любимов Д.Н. Указ. соч. С. 290; ГА РФ. Ф. Р6249. Оп. 1. Д. 1. Л. 46.

программу реформ, должно было внести желанную ясность, кажется нам излишне оптимистичным. Несмотря на утверждение, что «предоставление населению прав гражданской свободы должно сопутствоваться законным ограничением ее» что «между выраженным с наибольшей искренностью принципом и осуществлением его в законодательных нормах... не может не пройти...время», данный документ призывал к таким красиво звучащим, но туманным для русской бюрократии целям, как «стремление к устранению исключительных законоположений» и «устранение репрессивных мер против действий, явно не угрожающих обществу и государству»⁵¹¹.

В том же духе были выдержаны и непосредственные указания центра местному начальству. 20 октября Департамент полиции разослал губернаторам и градоначальникам циркуляр, служивший своеобразным комментарием к текстам Манифеста и всеподданнейшего доклада. После рассуждений в духе последнего насчет скорейшего «облечения ее (воли царя, даровавшего права неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов – М.А.) в форму законодательного акта», следовала «соль» документа – разъяснение, что старые законы до реализации необходимых реформ должны действовать, но местной администрации надлежит сделать все возможное «к применению их в духе Манифеста 17 октября». Чтобы добиться сей жизнеутверждающей цели, следовало придерживаться формул всеподданнейшего доклада Витте – «стремления к устранению исключительных законоположений» и «к устранению репрессивных мер против действий, явно не угрожающих обществу и государству». Очевидно, понимая недостаточность этих указаний, авторы циркуляра попытались их конкретизировать и в то же время сохранить столь соответствовавшую обстановке недосказанность: от местных властей требовалось ограничить практику ««лишения свободы по расследованиям в порядке Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного

⁵¹¹ Российская монархическая государственность...С. 142-144.

спокойствия⁵¹².» Таким образом, МВД побуждало своих подчиненных на местах самостоятельно выстраивать диалог с населением на достаточно неопределенных принципах, фактически дезавуируя применение привычного средства борьбы с «крамолой» – Положения об охране.

Но на этом сюрпризы, преподносимые центральным руководством страны администрации Первопрестольной, не закончились. 20 же октября глава МВД препроводил своим подчиненным на местах циркуляр Главного управления по делам печати от 19 числа⁵¹³. По воспоминаниям его автора – начальника управления А.В. Бельгарда – данный документ был составлен в самое короткое время, поскольку Петербургский цензурный комитет «требовал... указаний, как быть с печатью». Экстренные условия создания сказались на содержании циркуляра. Сам Бельгард уверял в мемуарах, что смысл его распоряжения сводился к необходимости исполнения властями действующих законов при руководстве «общими указаниями, которые преподаны в Высочайшем Манифесте», а значит к признанию преступными те произведения печати, что подпадают под действие статей Уголовного Уложения 1903 г. и Уложения о наказаниях 1848 г, а не административных ограничений⁵¹⁴. Однако изначальный текст производил еще более неоднозначное впечатление: указывалось, что до издания новых законов о цензуре прежние положения «остаются в полной силе», но «самое же отношение» надзирающих органов к печати «должно коренным образом измениться, сообразуясь с ясно и определенно выраженной в Манифесте волею Государя императора». Казалось бы, этот взаимоисключающий пассаж нивелировался четким перечислением статей уголовного законодательства, к применению коих местным цензурным комитетам отныне следовало бы прибегать, однако местных администраторов неизбежно должно было смутить требование «сообразовываться с новыми условиями» и «избегать возможности всякого рода административных нареканий», используя «личный такт» и

⁵¹²ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 9. Л. 27-27об.

⁵¹³ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 85. Л. 25.

⁵¹⁴Бельгард А.В. Указ. соч. С. 253.

устраняя требования, «не основанные на законе». При этом сообщалось об отмене министром внутренних дел всех циркуляров, основанных на статье 140 Устава о цензуре и печати (которая предполагала возможность запрета Главным управлением обсуждения в газетах и журналах нежелательных для «высшего правительства» тем)⁵¹⁵. Следовательно, помимо потери возможности влиять на прессу привычными административными методами и необходимости использовать судебное преследование, более длительное и требовавшее солидной доказательной базы, местные органы цензуры также обзаводились указаниями о перестройке всей своей работы на довольно неясных основаниях.

21 октября появился указ об амнистии, исполнявший одно из главных политических требований оппозиции. А.В. Бельгард вспоминал, что на совещании, где обсуждался проект этого акта, Витте, очевидно, с целью укрепить свои позиции в глазах общественности яро проводил идею практически всеобщего освобождения арестантов, почему отверг вариант Министерства юстиции и требовал «немедленного» отпуска на волю «всех политических заключенных, отбывавших наказание в Шлиссельбургской крепости». При этом он не слушал никаких возражений, ссылаясь на полномочия, якобы полученные от самого царя⁵¹⁶. Текст итогового указа вполне отразил заботы премьера: «полное помилование» даровалось лицам, осужденным по ряду «политических» статей Уголовного Уложения (в том числе участникам стачек), отбывавшие же наказания за преступления «государственного характера», совершенные в течение десяти лет до 1905 г. (в том числе и по приговорам военного суда) удостоивались серьезного смягчения взысканий: каторжники освобождались от работ, а ссыльнопоселенцы, после четырех лет пребывания в статусе, имели право избирать место жительства (за исключением столиц и столичных губерний в течение трех лет). Не попавшие под действие вышеуказанных правил

⁵¹⁵ Там же. С. 633-634.

⁵¹⁶ Там же. С. 254.

«политические» арестанты также не оставались в стороне от льгот: срок отбывания наказания в таком случае сокращался вдвое, а для осужденных на бессрочную каторгу – до 15 лет, равно как и для получивших смертные приговоры. Кроме того, законодатели не обошли вниманием и «многострадающее» Положение об охране: лица, подвергшиеся высылке на основании его статей, освобождались от взыскания⁵¹⁷. Как можно заметить, эта амнистия серьезно осложняла работу административного аппарата в нескольких отношениях. Во-первых, в активную политическую жизнь вновь должна была включиться масса противников режима (в том числе высланных местными властями). Во-вторых, неясными становились средства борьбы с ними: хоть в тексте указа и говорилось, что амнистия распространяется на подвергшихся наказанию до выхода Манифеста 17 октября, возникал вопрос: как теперь реагировать на подобные правонарушения?

И надо признать, что петербургское начальство еще более затуманивало ответ на него, что и продемонстрировало новое «уточнение» амнистии, разосланное Департаментом Полиции 26 октября. Повторяя в преамбуле циркуляра о необходимости отменить взыскания для лиц, подлежащих высылке согласно Положению об охране, его авторы повелевали прекратить розыск и исполнение наказания (включая установление гласного надзора полиции) по делам об административной ссылке. При этом речь шла о подвергнутых данному взысканию как по 34 статье Положения об охране, так и в силу циркуляров, изданных в рамках статьи 1035 Устава Уголовного Судопроизводства (то есть фактически о всех лицах, коим была определена эта мера наказания)⁵¹⁸. Таким образом, московской власти приходилось по мановению Петербурга не только миловать уже обезвреженных противников существующего строя, но и отказываться от преследования других.

И администрации Первопрестольной приходилось претворять в жизнь эти распоряжения. Был отменен гласный надзор над находившимися в Москве

⁵¹⁷ З ПСЗ РИ. Т. 25. Отд. 1. №. 26836.

⁵¹⁸ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 9. Л. 28.

В.М. Шулятниковым (известным социал-демократом) и Х.Л. Стронгиным⁵¹⁹. 10 же ноября Медем дезавуировал собственные распоряжения, изданные ранее относительно запрета проживания «неблагонамеренных лиц» в столице и установления гласного надзора «за государственные преступления», сформулированные, в частности, в его аналогичном секретном прибавлении к приказу от 29 октября⁵²⁰.

Само собой разумеется, московские власти стремились к более точному выяснению своих полномочий в новых условиях. Решающее слово в этом деле принадлежало петербургскому начальству, к которому и следовало обращаться за итоговыми разъяснениями. Как оно реагировало на запросы своих подчиненных?

Еще 20 октября Медем обратился к генерал-губернатору Дурново за указанием, сохраняют ли силу «ввиду Высочайшего Манифеста 17 октября» взыскания, наложенные согласно обязательным постановлениям «главного начальника» Первопрестольной (изданных на основе Положения об охране).⁵²¹ На следующий день Дурново осторожно ответствовал градоначальнику, что раз Положение об охране «до сего времени еще не отменено», то наложенные взыскания надлежит исполнять⁵²². Но три дня спустя, очевидно, в силу разошедшихся страстей в московском обществе генерал-губернатор запросил о действии Положения Петербург. Ответ Трепова от 27 числа (по всей видимости, одну из последних подписанных им телеграмм в должности товарища министра внутренних дел) можно признать показательным симптомом настроения, царившего в верхах империи. Петербургский «диктатор», как его именовала либеральная и революционная пресса, сообщал, что Положение об охране не отменено, но «подлежит исполнению большой осмотрительностью»⁵²³.» В итоге Дурново в тот же день отправил Медему распоряжение, в коем призывал предавать нарушителей обязательных

⁵¹⁹ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 85. Л. 63.

⁵²⁰ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 9. Л. 53.

⁵²¹ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 85. Л. 22.

⁵²² Там же. Л. 23.

⁵²³ Там же. Л. 80.

постановлений суду и лишь в крайнем случае подвергать административным взысканиям⁵²⁴. Таким образом, вследствие позиции петербургского начальства московская власть оказывалась фактически лишена привычного и удобного средства борьбы со своими противниками.

Однако с течением времени обстановка по-прежнему оставалась напряженной, и местной власти приходилось выдвигать собственные проекты ее стабилизации.

Анализ этих предложений показывает, что руководители московской администрации считали наиболее эффективным средством борьбы с беспорядками централизацию власти и усиление своих карательных полномочий, главным образом в рамках Положения об охране. Еще в сентябре 1905 г., досадуя на разобщенность административно-полицейских органов Первопрестольной, Дурново во всеподданнейшей записке Николаю II ставил вопрос о создании единого карательного механизма в Первопрестольной, что предполагало подчинение «некоторых частей» Московского уезда столичной полиции, координации действий ее, Охранного Отделения и Московского Губернского Жандармского Управления, установления над двумя последними контроля со стороны генерал-губернатора⁵²⁵. 4 октября при представлении царю «главный начальник» Первопрестольной испрашивал разрешения на обсуждение этого вопроса совместно с Треповым, а 12 числа обратился в МВД с просьбой передать императору ходатайство о присвоении московскому генерал-губернатору прав, предоставленных санкт-петербургскому «главному начальнику». В состав запрашиваемых полномочий входили: подчинение генерал-губернатору «по предметам, относящимся к охранению государственного порядка и общественной безопасности» гражданских учреждений и учебных заведений «всех ведомств»; право по соглашению с министром внутренних дел принимать меры по 140 ст. Устава о цензуре и печати; вызывать во всех признаваемых им необходимым случаях войска для

⁵²⁴ Там же. Л. 81.

⁵²⁵ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 553. Л. 2 об.-3.

содействия гражданским властям в любом количестве и любого рода оружия; контроль над жандармским управлением и железнодорожной полицией; возможность запрещения отдельным лицам проживать в городе и губернии и т.д.⁵²⁶ Однако Трепов и его сотрудники в силу планировавшегося реформирования цензуры и стремления к «устранению административных взысканий», декларированного во всеподданнейшем докладе Витте, признали дарование таких прерогатив несвоевременным⁵²⁷.

После перерыва в подобных ходатайствах (связанного с разобранной выше перепиской) Дурново к середине ноября возобновил их. 15 ноября в упоминавшемся письме своему однофамильцу из МВД генерал-губернатор обрисовал тяжелые последствия прекращения действия Положения об охране: «рабочие забастовавших фабрик и мастерских совместно с так называемыми «хулиганами» и профессиональными преступниками, ранее содержавшимися под стражею и высланными из столицы..., а ныне освобожденными по распоряжению бывшего Товарища Министра Заведывающего Полициею Генерала Третьякова, постоянно производят уличные беспорядки, бьют стекла, совершают насилия и 10 Ноября, между прочим, учинили разгром фабрики Кудряшевых». Более того, в случае сохранения подобного положения дел «главному начальнику» видится поистине апокалиптическая картина будущего: «напротив, с каждым днем следует ожидать усиления беспорядков, которые могут угрожать не только благополучию Москвы, но и всего государства». Чтобы покончить с этим, Дурново предлагал своему однофамильцу помимо упоминавшегося увеличения военно-полицейских сил радикально расширить свои карательные полномочия: предоставить ему право «выслать из Москвы в отдаленные губернии или содержать под стражею, впредь до совершенного успокоения столичной жизни, тех лиц, которые производят беспорядки»; удалять из столицы людей, признаваемых им «вредными» для общественного спокойствия, а также «принимать меры» к

⁵²⁶ Там же. Оп. 233. Д. 43. Л. 81-82.

⁵²⁷ ГА РФ. Ф. 102. 2 д-во. Оп. 62. Д. 42. Ч. 2. Л. 2.

прекращению издания резко оппозиционных газет⁵²⁸.

Бликих воззрений на положение в Первопрестольной и на методы его улучшения придерживался и подчиненный Дурново – градоначальник Медем. В процитированном выше письме управляющему МВД барон сетовал, «уже 16-го октября наступала та благодатная реакция, при которой течение мирной жизни могло быть обеспечено», однако «неожиданное для московской администрации и большинства жителей» появление Манифеста 17 октября в газетах «нарушило нормальную жизнь и дало возможность революционной партии дерзко проявить о своем существовании». По словам градоначальника, подобная обстановка довела его до самого плачевного положения: «Изо дня в день, по сей час продолжая службу по мере сил и разума, я дошел до такого физического переутомления и нравственного изнеможения, что в дальнейшем может быть лишь ущерб в служебном смысле⁵²⁹.» Таким образом, в послании Медема явно прослеживались его приоритеты в борьбе с революцией – «благодатная реакция», подразумевавшая и использование привычного и удобного Положения об охране.

Таким образом, в условиях тяжелой и непривычной социально-политической обстановки осенью 1905 г. (особенно осложнившейся после выхода Манифеста 17 октября) и нечеткой позиции центрального руководства страны московская власть просила Петербург об официальном даровании ей широких карательных полномочий в деле подавления революционного движения. Не следует считать, что упорство, проявляемое в борьбе за них, свидетельствовало о «реакционности» Дурново и Медема. Как представляется, оно было обусловлено прагматическими соображениями: административные репрессии в их глазах были куда более быстрым и действенным оружием, чем судебное дознание, требовавшее предоставления достаточных доказательств и сопровождавшееся довольно длительной процедурой. Кроме того, как отмечала Н.Г. Королева, с начала революции власти наряду с широким

⁵²⁸ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 261. Л. 148.

⁵²⁹ Царизм в борьбе с революцией...С. 100. См. также: Sanders J. Op. cit. P. 602.

применением административных наказаний, стали чаще прибегать к преданию своих противников более суровой судебной ответственности, что затрудняло работу неподготовленного ведомства юстиции⁵³⁰. Понятно, что после манифеста 17 октября и превращения Фемиды в основное орудие борьбы с революцией процесс нейтрализации «крамольников» должен был серьезно забуксовать. Поэтому в упоминавшемся послании управляющему МВД П.П. Дурново, рассуждая о необходимости наделения его чрезвычайными правами в деле борьбы с печатью, указывал, что «привлечение редакторов к уголовной ответственности» не препятствует успешному распространению их газет⁵³¹.

Подобный взгляд на работу судебного ведомства разделялся и в «верхах» империи. На заседаниях Совета министров в ноябре 1905 г. неоднократно обсуждались недостатки российской юстиции: недостаточность штатного состава (особенно важной при борьбе с «политическими преступлениями» следственной части) и финансирования, происходившая от этого чрезвычайная обремененность делами, длительность сроков дознания, либерализм юристов, неудовлетворительное содействие в поиске улик со стороны находившейся в кризисе полиции. Меры же для исправления подобной ситуации (возложение обязанностей следователей на членов окружных судов, ассигнование кредитов на увеличение личного состава «судебных установлений», разработка способов сокращения сроков формального дознания и вопроса о постановке во главе ряда судебных палат сенаторов для эффективного «воздействия» на подчиненных, призыв прокурорского надзора «к неослабной деятельности») либо носили паллиативный характер, либо не могли дать положительных результатов в скором времени⁵³². Таким образом, кризисные явления, переживаемые органами юстиции (что еще более осложнялось расстройством полицейской службы) и препятствовавшие их действенному использованию против революции, толкали власть к испытанному «административному усмотрению».

⁵³⁰ Королева Н.Г. Указ. соч. С. 62.

⁵³¹ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 261. Л. 148.

⁵³² Совет министров Российской империи. 1905-1906...С. 59-60, 68-70; Половцов А.А. Указ. соч. С. 496-498.

Происходили ли в ноябре 1905 г. какие-либо изменения в позиции МВД, также долженствовавшего убедиться в непригодности опоры на судебное преследование «крамолы»? 30 октября управляющим ведомством стал П.Н. Дурново, после выхода Манифеста 17 октября принимавший активное участие в руководстве им⁵³³. И современники, и историки видели в нем человека, преданного, несмотря на скептицизм и некоторый цинизм, идеалу государственного порядка, энергичного и компетентного руководителя, без устали занимавшегося делами своего ведомства, политика, готового дать решительный отпор революции⁵³⁴. И действительно, после некоторого колебания, обусловленного ситуацией, Дурново принялся за энергичное «подтягивание» государственного аппарата и подавление революционных эксцессов⁵³⁵.

Коснулись его распоряжения и Москвы. 5 ноября, в связи с началом новой всеобщей забастовки в Петербурге, московский генерал-губернатор П.П. Дурново и исполнявший должность губернатора В.Ф. Джунковский получили телеграмму управляющего МВД, в которой требовалось в случае забастовок принять мер к охране электричества, газа, водопровода, железнодорожных станций и линий, разрешать митинги «с особым разбором» или вовсе не допускать, «подстрекателей и зачинщиков явных беспорядков» арестовывать и «привлекать к ответственности»⁵³⁶.» Как можно заключить, глава МВД побуждал своих подчиненных к решительным и жестким мерам против революции. В том же духе он отнесся к известиям о беспорядках на фабрике Кудряшевых и готовящейся почтово-телеграфной забастовке (причем в особо важных случаях разрешалось прибегать к Положению об охране)⁵³⁷. Но, по всей видимости, в силу изданного Манифеста 17 октября, взрывоопасной обстановки в стране и позиции многих коллег по кабинету (так или иначе

⁵³³ Бородин А.П. Указ. соч. С. 142.

⁵³⁴ Там же. С. 236-252; Гурко В.И. Указ. соч. С. 483-485; Любимов Д.Н. Указ. соч. С. 308-312; Бельгард А.В. Указ. соч. С. 257, 265; Урусов С.Д. Указ. соч. С. 602.

⁵³⁵ Бородин А.П. Указ. соч. С. 142-151; Гурко В.И. Указ. соч. С. 511-515; Любимов Д.Н. Указ. соч. С. 308-314.

⁵³⁶ Высший подъем... С. 565; ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 85. Л. 126.

⁵³⁷ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 261. Л. 146, 216.

поддерживавших Витте и с недоброжелательством относящихся к Дурново), глава МВД не расширял карательных полномочий местных властей в административной сфере; напротив, старался сдерживать рвение чиновников в этой области. Так, 6 ноября московский генерал-губернатор П.П. Дурново получил телеграмму за подписью товарища министра Э.А. Ватаци с напоминанием о необходимости отмены арестов, произведенных до 17 октября за нарушение обязательных постановлений на основании Положения об охране⁵³⁸. Однако московская власть подталкивалась к выяснению вопроса о действии административных взысканий реакцией почувствовавшего свободу населения: 12 ноября градоначальник Медем донес Дурново, что извозчики, на коих он наложил штрафы за нарушение одного из обязательных постановлений, отказываются их выплачивать в силу якобы отмены подобных наказаний Манифестом 17 октября⁵³⁹. Очевидно, что негативная реакция раскрепостившихся москвичей на нормы Положения об охране ставили под вопрос поддержание элементарного порядка в городе, что и побудило Дурново 19 ноября обратиться к своему однофамильцу с новым запросом. В нем генерал-губернатор интересовался, сохраняют ли действие после издания Манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка» его особые полномочия по поддержанию санитарного состояния Первопрестольной и изданные обязательные постановления, причем «главный начальник» Москвы еще раз посетовал на несовершенство судебного разбирательства⁵⁴⁰. Наконец, 23 ноября, уже после отставки Дурново с поста генерал-губернатора, в Москву пришел долгожданный ответ: «исключительные законы продолжают сохранять свою силу⁵⁴¹.» Символично, что за три дня до этого итогового разъяснения Медем решил издать единственное за период «дней свобод» обязательное постановление градоначальника – Положение о забастовках⁵⁴².

Таким образом, спешная попытка Витте успокоить страну дарованием

⁵³⁸ Там же. Оп. 237. Д. 85. Л. 164.

⁵³⁹ Там же. Л. 180.

⁵⁴⁰ Там же. Л. 181-182 об.

⁵⁴¹ Там же. Л. 201.

⁵⁴² Там же.

широких гражданских прав и наладить контакт с общественностью привела к далеко не тем последствиям, коих ожидал «спаситель» России: недостатки судебной и полицейской служб, незавершенность разработки реформы печати привели к тому, что власть, прежде всего местная, оказалась не в состоянии эффективно «вводить в русло» раскрепостившуюся общественную стихию – старые административные меры оказались под вопросом, а обращение к органам Министерства юстиции вовсе не гарантировало быстрого успеха. В этих условиях важную роль сыграла невнятная позиция Петербурга: вплоть до второй половины ноября центральное руководство империи стремилось как можно реже прибегать к использованию Положения об охране, что в значительной степени связывало руки региональной администрации.

В этом тяжелом положении особую роль должны были сыграть качества людей, возглавлявших аппарат власти в Москве: от их энергии, компетентности зависело хотя бы частичное преодоление того хаоса, в котором оказалась Первопрестольная в «дни свобод». Однако личные свойства генерал-губернатора Дурново и градоначальника барона Медема не благоприятствовали такому исходу. В отношении черт характера этих людей, от коих зависело сохранение порядка во второй столице, мемуаристы удивительно единодушны. Выводы их нашли отражение и в историографии⁵⁴³.

«Главный начальник» Первопрестольной Дурново, по свидетельству Витте, был ставленником председателя Государственного совета графа Д.М. Сольского⁵⁴⁴. Современники свидетельствуют о нем как о неглупом, но абсолютно бездеятельном краснобае, упивавшимся богатством и саном. Так. исполнявший должность губернатора В.Ф. Джунковский, близко работавший с «главным начальником» Первопрестольной и находившийся с ним в весьма

⁵⁴³ См. например: Sanders J. Op. Cit. P. 578-592.

⁵⁴⁴ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. С. 298.

неплохих отношениях⁵⁴⁵, сообщает следующее: «...П.П. Дурново было в то время 70 лет от роду, но физически он был довольно бодр. Это был очень богатый человек, но скупой, и, как многие богатые люди, страдал самодурством. К делу он не был приспособлен, хотя до этого занимал серьезные административные должности... Человек неглупый, но заниматься делами любил только на словах, и при этом всегда хвастался. Престижа не внушал, также и доверия, обращая внимания только на мелочи и на внешнюю сторону. Своим генерал-губернаторством упивался и, если можно так выразиться, хорохорился. В серьезные минуты не то что терялся, но не понимал их и не учитывал обстановки, старался брать с генерал-губернаторства то, что ему нравилось, а до всего другого как будто дела не было...». И венчает этот пассаж следующая сентенция: «Его пребывание на посту генерал-губернатора было анекдотично и печально⁵⁴⁶.» Упоминает также Джунковский о тяге генерал-губернатора к занятию мелочами в самые неподходящие моменты, например, указывает, что в дни Октябрьской стачки генерал-адъютант звонил градоначальнику и спрашивал его, «почему околотовные ходят с портфелями⁵⁴⁷.»

Оценку Джунковского почти дословно повторяет не так близко знавший генерал-губернатора Витте. В одном из отрывков своих мемуаров он вспоминает о «главном начальнике» Москвы так: «Генерал-адъютант Дурново (не имеющий ничего общего с П.Н. Дурново, управляющим Министерством Внутренних Дел) был богатейший человек... Все... должности он занимал просто для карьеры, так как не нуждался ни в средствах, ни в положении в обществе. Он был человек неглупый, но более на словах, нежели на деле. Любил говорить, спорить, но серьезно делом заниматься не мог». В другом пассаже своих воспоминаний Витте свидетельствует: «Я лично очень мало знал Пе Пе Дурново, но достаточно также его знал, чтобы понимать, что он не может ни своею личностью, ни своим характером, ни своими знаниями, ни,

⁵⁴⁵ Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 66, 70-72.

⁵⁴⁶ Там же. С. 66.

⁵⁴⁷ Там же. С. 72.

наконец, своим прошедшим (? – М.А.) внушить какой бы то ни было престиж в какой бы то ни было партии и общественной группе (что, на наш взгляд, является некоторым преувеличением: Дурново все-таки обладал немалым опытом службы в администрации и общественном самоуправлении – был в 1870-е годы московским губернатором, а в 1904-1905 гг. -- председателем Петербургской городской думы – М.А.)... С первых же дней после 17 Октября он сейчас же растерялся⁵⁴⁸...»

Наконец, дежурный генерал штаба МВО М.С. Тюлин характеризует Дурново как «большого богача» и «бесцветную личность»⁵⁴⁹.

Таким образом, картина предстает вполне ясной: во главе Первопрестольной оказался человек, по своим служебным и личным качествам не способный эффективно руководить ею.

И эта общая оценка в общих чертах не противоречит тому образу, что складывается при ознакомлении с делопроизводственной документацией. Так, согласно рапорту пристава 2 участка Тверской части Юрьев еще 25 сентября (до начала Октябрьской стачки), «во время беспорядка 25 Сентября, произведенного рабочими булочной Филиппова» (речь идет о знаменитом столкновении булочников с полицейскими — М.А.) Дурново вышел и, выслушав доклад главы участка, распорядился «записать мне находившегося в наряде околоточного надзирателя 1 уч. Пятницкой части ПЕНЧУКОВА, который не отдал ему чести». Обратил генерал-губернатор внимание пристава и на разбитый фонарь, «выразив предположение, что фонарь разбит пулей».⁵⁵⁰ Весьма вяло он реагировал и на доклады Охранного Отделения о фактической анархии в учебных заведениях осенью 1905 г.: например, на донесении от 1 октября, повествующем о митинге, состоявшемся в Техническом Училище 27 сентября и ознаменовавшемся радикальными требованиями, никаких помет не имеется, а на записке, рассказывавшей о беспорядках на похоронах первого

⁵⁴⁸Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2...С. 298-299, 400-401.

⁵⁴⁹НИОР РГБ. Ф. 307. П. 1. Ед. хр. 4. Л. 4.

⁵⁵⁰ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 773. Т. XI. Л. 177.

выборного ректора Московского Университета кн. С.Н. Трубецкого и о задержании ряда студентов, генерал-губернатор подчеркнул некоторые фамилии, занятия и наименования учебных заведений, где обучались зачинщики, но никаких распоряжений не отдал⁵⁵¹. Как видим, слова Джунковского о том, что главный начальник Первопрестольной в «серьезные минуты» «не понимал и не учитывал обстановки» полностью подтверждаются.

При этом Дурново нельзя отказать в уме. Упомянутая сентябрьская докладная записка царю свидетельствует, что генерал-губернатор понимал ряд причин, вызвавших революционное движение (деятельность радикальной и либеральной интеллигенции), осознавал его масштаб («учреждение Государственной Думы и заключение мира с Японией не произвели в Москве никакого впечатления») и эфемерность опоры на некогда сплоченное московское дворянство, здраво осознавал недостатки административно-полицейского аппарата Первопрестольной⁵⁵². И последующие его проекты по расширению карательных функций московской власти и усилению ее военного и полицейского потенциала можно оценить как своевременные. Но дело заключалось в том, что реальных практических шагов генерал-губернатор не делал, ожидая Высочайшего дарования ему широчайших полномочий и фактически умывая до тех пор руки. Характерный пример запечатлел в дневнике Л.А. Тихомиров: 12 октября (в день, когда он ходатайствовал о наделении его равными с санкт-петербургским генерал-губернатором правами), принимая представителей правых сил Москвы, Дурново заверял посетителей, что «ручается за сохранение порядка», однако никаких реальных шагов к мобилизации власти для борьбы со стачкой так и не принял, если не считать объявления с угрозой применения огнестрельного оружия⁵⁵³. Нам не удалось обнаружить ни единой внятной инициативы П.П. Дурново в оказании отпора с революционным движением за интересующий нас период (за

⁵⁵¹ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 248. Л. 57-59 об., 63-64, 65-66.

⁵⁵² Там же. Д. 553. Л. 1-3.

⁵⁵³ Дневник Л.А. Тихомирова... С. 131, 133.

исключением громогласных предложений об усилении собственных полномочий)⁵⁵⁴. Напротив, при приеме посетителей, опасавшихся за сохранение порядка, генерал-губернатор по-прежнему проявлял не всегда обоснованный оптимизм (например, перед германским консулом Кольгасом)⁵⁵⁵.

Генерал А.А. Киреев отмечал и трусость Дурново (несмотря на то, что в Крымскую кампанию тот был удостоен ордена Св. Анны 4-й степени за храбрость при бомбардировке Свеаборга)⁵⁵⁶. Как рассказывал ему бывший петербургский градоначальник В.В. фон Валь, будущего «главного начальника» Первопрестольной избил нагайкой харьковский дворянин, якобы разоренный генерал-адъютантом во время службы последнего тамошним губернатором. Не найдя ничего лучшего, Дурново приехал жаловаться Валью⁵⁵⁷. Если подобное свидетельство верно, то возможно, что проявившаяся с годами трусость и нерешительность сыграли свою роль в пассивном поведении генерал-губернатора в начале «дней свобод».

Касательно барона Медема современники высказывали разные оттенки мнений, но диагноз в целом был один: московский градоначальник явно не соответствовал занимаемой должности. Джунковский сообщает следующее: «Это был жандармский генерал, но не специфический, так как командовал только строевыми частями: сначала московским, а потом петербургским жандармскими дивизионами. Последнее время он был помощником начальника штаба Отдельного корпуса жандармов. Это был недурной человек, весьма доброжелательный, старавшийся угодить населению столицы, но не отдававший себе отчета в том, что происходило вокруг, и потому все его распоряжения как-то не соответствовали переживаемой эпохе. Когда начались беспорядки, он совершенно спасовал, не выезжал из дому, и полиция не

⁵⁵⁴ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 145, 261; Оп. 237. Д. 85.

⁵⁵⁵ РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 6. Л. 88.

⁵⁵⁶ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 233. Д. 43. Л. 61 об.

⁵⁵⁷ Киреев А.А. Указ. соч. С. 138.

получала должных директив⁵⁵⁸...» Финал деятельности барона на поприще административно-полицейского руководства Москвой предстает в интерпретации Джунковского совсем тусклым: «Когда приехал генерал-губернатор Дубасов, Медем почти не выезжал из дому и почти все время болел». Следовательно, бывший московский губернатор отзывался о руководителе столичной полиции как о человеке субъективно достойном, но достаточно заурядном и явно несоразмерном переживаемой эпохе, не сумевшим, как и генерал-губернатор, найти в ней подходящую линию поведения.

Язвительный С.Ю. Витте аттестует градоначальника Первопрестольной следующими словами: «...Что касается генерала Медема, то это был самый обыкновенный жандармский генерал и выдался тем, что был женат на певице⁵⁵⁹...» В целом характеристика, несмотря на едкость, соответствует мнению Джунковского.

Самую безжалостную аттестацию градоначальнику дал генерал Тюлин: «Это был совершенно негодный человек и не на месте, лодырь, трус, глуп и вел себя скандальезно ибо путался с проститутками по домам свиданий⁵⁶⁰...»

Дж. Сандерс во многом на основе мемуаров Витте пришел к мнению, что Медем, пусть и не блистал талантами, был в целом честным служакой, который не смог проявить себя во многом из-за многообразия сложнейших обязанностей и негодного руководства со стороны Дурново⁵⁶¹. Не отвергая полностью этого мнения, мы все же не можем полностью принять его на веру. Деятельность Медема, вырисовывающаяся при знакомстве с делопроизводственной документацией, характеризует его как человека недалекого, нерешительного, склонного к очковтирательству. Первое появление его на арене революции 1905 года – командировка в качестве помощника командира Отдельного корпуса жандармов для расследования

⁵⁵⁸ Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 65.

⁵⁵⁹ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2...С. 399.

⁵⁶⁰ НИОР РГБ. Ф. 307. П. 1. Ед. хр. 4. Л. 5.

⁵⁶¹ Sanders J. Op. cit. P. 594.

февральской армяно-азербайджанской резни в Баку – уже ярко демонстрирует эти качества: Медем решительно приписал всю вину за погром «революционерам»-армянам, не пользовавшимся любовью в придворных кругах⁵⁶². Не особенно глубокомысленно вел он себя и на посту московского градоначальника: резолюции, которые он ставил на рапортах участковых приставов, показывают его человеком требовательным, но не особенно обременявшим себя обязанностями. Так, на докладную записку пристава 1 участка Мясницкой части о «снятии» забастовавшими коридорными и официантами ряда служащих генерал отреагировал надписью: «Забастовки вот были допускаемы, да еще у хорошего пристава?»⁵⁶³.» На донесении пристава 1 участка Басманной части о беспорядках на фабрике Бостанжогло Медем начертал тираду: «Потому что Генерал Губернатор постановил приставам оставить фабрики без охраны»⁵⁶⁴.

Всячески стремился барон избежать ответственности за принятие непопулярных решений. 7 ноября управляющий МВД Дурново отправил своему однофамильцу телеграмму, в коей распорядился приказать градоначальнику не беспокоить Департамент полиции выяснением порядка применения Манифеста 17 октября, а обращаться к московскому генерал-губернатору⁵⁶⁵. Иногда подобное безволие выходило боком: призванный еще 23 сентября, в разгар студенческих беспорядков, на совет Московского университета Медем, коему было «приказано не вмешиваться в университетские дела», отказался что-либо советовать профессорам, в результате чего они приняли решение закрыть университет, а козлом отпущения сделали нерешительного градоначальника⁵⁶⁶.

Впрочем, когда инструкции непосредственно от начальства получить было невозможно, Медем мог отважиться на принятие собственных решений, хотя их соответствие занимаемому им высокому статусу и простому здравому

⁵⁶² Революция 1905 года и самодержавие...С. 62-65.

⁵⁶³ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 773. Т. 9. Л. 125.

⁵⁶⁴ Там же. Д. 785. Л. 72.

⁵⁶⁵ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 85. Л. 173.

⁵⁶⁶ Дневник Л.А. Тихомирова...С. 115.

смыслу оказывается под вопросом. Речь прежде всего идет о вступлении барона в начале октября в ряды Русской монархической партии, организованной В.А. Грингмутом. Подобный ход, о коем издатель «Московских ведомостей» объявил в своей газете, вряд ли принес шефу московской полиции какие-либо выгоды: крайние монархисты типа рассуждавшего о данном «пассаже» Л.А. Тихомирова находили, что «это уж совсем по-республикански», а либералы и тем паче социалисты должны были лишний раз убедиться в смычке «прогневшего режима» с «черносотенцами» Грингмутом, А.С. Шмаковым, Н.Ф. Бергом⁵⁶⁷.

Таким образом, к загруженности и ординарности градоначальника добавлялись абсолютнейшая нерешительность, угодливость перед начальством и нежелание во что-либо глубоко вникать.

К этой личностной характеристике необходимо прибавить и факты, свидетельствующие о неприязни, существовавшей между генерал-губернатором и главой полиции, что, естественно, не способствовало успеху их общего дела (помимо отмеченных Сандерсом неконкретных распоряжений Дурново). Об этих вещах мы получаем информацию главным образом из мемуаров Джунковского. Бывший московский губернатор пишет о том, что Дурново постоянно «третировал» барона, хотя тот и «был его креатурой», всячески принижал значение должности последнего в системе местного управления и в смысле «статуса», заваливал его всякой рутинной работой⁵⁶⁸. Но наиболее серьезным проявлением нездоровой атмосферы в московских «коридорах власти», согласно Джунковскому, стал конфликт между двумя руководителями административно-полицейского аппарата Москвы в связи с возможной отставкой Медема и назначения на его должность самого Владимира Федоровича. По словам Джунковского, 28 октября он «совершенно неожиданно для себя» получил зашифрованную телеграмму от Витте, гласившую о назначении его градоначальником Москвы. Тогда еще вице-

⁵⁶⁷ Там же. С. 124, 127.

⁵⁶⁸ Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 65-66 151.

губернатору это назначение показалось, согласно его мемуарам, неуместным. Более того, «градоначальник барон Медем и не подозревал, что на его место уже намечен кандидат». В этой ситуации Джунковский счел за лучшее переговорить с генерал-губернатором Дурново. Последний, по воспоминаниям будущего губернатора, «был неприятно удивлен, что должностью градоначальника распоряжаются свыше, без его ведома», однако дал слово ничего не сообщать Медему. После того, как Джунковский, по его рассказу, съездил в Петербург, где результатом переговоров с Витте и императором было решение назначить его на должность губернатора вместо решившего подать в отставку Г.И. Кристи, и вернулся в Первопрестольную, к нему на прием попросился барон Медем, уже узнавший от нарушившего слово Дурново о своей возможной отставке. Вот как выглядит беседа двух руководителей Москвы в интерпретации Джунковского: генерал-губернатор «мне совершенно откровенно сознался, что поспорил с Медемом, и когда тот стал ему говорить, что он служить с ним не будет, то П.П. Дурново ответил, что его никто и удерживать не будет, так как я уже назначен на его место. При этом Дурново прибавил: «Это я ему нарочно сказал, а то он меня вдруг своим уходом запугивать вздумал⁵⁶⁹.»

Из вышеприведенного эпизода для нас важна следующая деталь: в изображении Джунковского отношения между двумя высшими административными чинами столицы предстают явно далекими от нормальных, уже хотя бы потому, что аргументами в споре являются заявления об отставке. Разумеется, проверить точность мемуариста невозможно. Однако в нашем распоряжении есть уже упоминавшийся выше источник — письмо Медема П.Н. Дурново об отставке. Это послание буквально наполнено ядовитой критикой главного начальника губернии, нерешительность которого, в интерпретации Медема, стала одной из главных причин невозможности для него нормально исполнять свои обязанности⁵⁷⁰.

⁵⁶⁹Там же. С. 98-100.

⁵⁷⁰Царизм в борьбе с революцией... С. 100.

Конечно, при желании можно списать все на стремление градоначальника переложить вину на «главного начальника», чтобы самому избежать гнева сверху (и этот мотив нельзя не принимать во внимание, учитывая, что барону, исходя из воспоминаний Джунковского, было известно критическое отношение «верхов» к его деятельности). Однако, если учесть, что Медем все-таки просился в отставку, а не отстаивал свой пост, особенно рьяно компрометировать генерал-губернатора в отсутствие личной неприязни «наипокорному слуге» (именно так он подписался) было не особенно нужно (достаточно было ограничиться описанием неудовлетворительного состояния полицейской службы и скованности своих действий в результате появления на свет Манифеста).

Профессиональные качества ближайших сотрудников Медема по руководству полицией также оставляли желать лучшего. Его помощник на посту градоначальника генерал-майор И.Н. Руднев, по свидетельству В.Ф. Джунковского, имел прекрасный характер, был честным и благородным человеком, но в то же время отличался слабоволием, нераспорядительностью и «совершенно не годился ни на какую самостоятельную административную должность⁵⁷¹». Примерно такого же мнения о нем придерживался и Тихомиров: «никого и ничего не будет усмирять⁵⁷²». Однако, как подмечал Дж. Сандерс, к осени русский консерватор уже отдавал генералу предпочтение в профессиональном плане перед Дурново и Медемом.⁵⁷³ В первые дни после выхода Манифеста Руднев был одним из немногих руководителей Первопрестольной, кто сохранил способность на энергичные и смелые поступки. По словам литературного критика Р.М. Хин-Гольдовской, 18 октября, во время готового вспыхнуть столкновения между драгунами и демонстрантами («притащившими под руки» помощника градоначальника к зданию Охранного Отделения после возникновения слухов о расстреле митингующих) генерал лично предотвратил кровопролитие – распахнул свой

⁵⁷¹ Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 29.

⁵⁷² Дневник Л.А. Тихомирова... С. 28.

⁵⁷³ Там же. С. 119; Sanders J. Op. cit. P. 582.

мундир перед решившимися стрелять солдатами⁵⁷⁴. Как можно заключить, Руднев являл собой наиболее законченный образчик военного офицера, перешедшего на полицейскую службу (на коей он находился только тринадцать лет, причем почти сразу же стал помощником главы полиции). Генерал отличался личной храбростью, но организатором охраны порядка был плохим⁵⁷⁵. Кроме того, в ноябре он, по примеру своего шефа, также подал в отставку и к началу восстания своих обязанностей не исполнял⁵⁷⁶.

Исполнявший должность начальника ключевого подразделения по борьбе с революцией – Охранного Отделения – ротмистр А.Г. Петерсон также не был образцовым руководителем: тот же Джунковский и преемник Медема на посту градоначальника А.А. Рейнбот отмечали его нераспорядительность, неосведомленность и манкирование служебными обязанностями (по словам Рейнбота, он «не имел возможности видеть» Петерсона, так как он все время «рапортовался больным»)⁵⁷⁷. Возможным объяснением подобного несоответствия посту ученика знаменитого С.В. Зубатова, хорошо зарекомендовавшего себя во время командировки на Юг России в 1900 году⁵⁷⁸, может послужить, на наш взгляд, принятие им должности начальника московской охраны 22 сентября, когда забастовочное движение в Первопрестольной шло в гору и временной форы для изучения обстановки и выработки превентивных мер не было⁵⁷⁹. Видимо, большую роль сыграла и занятость самого Петерсона материальными делами своей семьи, состоявшими в приобретении, а потом и ликвидации имения в Симбирской губернии, вследствие чего глава московской охраны влез в большие долги, в том числе известному провокатору М.Е. Бакаю⁵⁸⁰. Серьезное же отношение ротмистра к материальным вопросам свидетельствует из неоднократно

⁵⁷⁴ РГАЛИ. Ф. 128. Оп. 1. Д. 12. Л. 109.

⁵⁷⁵ Дневник Л.А. Тихомирова... С. 420.

⁵⁷⁶ ЦГА Москвы. Ф.16. Оп.233. Д.50. Л.1; Декабрьское вооруженное восстание 1905 года глазами сотрудииков. С. 183

⁵⁷⁷ Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 114;

⁵⁷⁸ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 53. Д. 201. Л. 2-4 об.

⁵⁷⁹ Там же. Л. 57.

⁵⁸⁰ Там же. Ф. 110. Оп. 6. Д. 3516. Л. 10 об.-13

высказывавшегося им официально недовольства полученными прогонными деньгами⁵⁸¹.

Впрочем, фиксатор недостатков сослуживцев по администрации В.Ф. Джунковский (в чьих руках находился контроль над московскими тюрьмами) также не всегда являлся образцом выполнения служебных обязанностей. По ряду свидетельств, он крайне пассивно вел себя 18 октября при самовольном освобождении толпой политических заключенных из вверенных ему мест заключения. Так, Медем, давая объяснения по поводу обвинений в бездеятельности, предъявленных ему сенатором Н. Чаплиным, уверял, что Джунковский вынужден был выполнять требования «мятежной толпы» по вызволению заключенных из Губернской тюрьмы, причем собравшиеся дали ему на размышление час времени⁵⁸². Градоначальника вполне можно заподозрить в стремлении переложить на «коллегу» часть ответственности, но примерно то же самое о действиях исполнявшего должность губернатора сообщал в донесении министру юстиции от 19 октября прокурор Московской судебной палаты В.Ф. фон Клуген⁵⁸³. Следовательно, Джунковский вовсе не всегда был «лучом света в темном царстве» бездеятельной московской администрации.

Естественно, что такие личные и профессиональные качества руководителей Первопрестольной вкупе с объективными сложностями обстановки в городе приводили к существенному подрыву авторитета власти еще к началу рассматриваемого периода. Если 26 сентября Тихомиров фиксировал в дневнике слухи, что «Дурново проявляет нерешительность и мешает Медему», то 29 сентября отмечал следующее: «Все поголовно ругают Дурново, Медема и еще больше Петербург⁵⁸⁴.» После выхода Манифеста 17 октября данные настроения только усилились. При этом потеря властью престижа выразилась не только в многочисленных гневных филиппиках на

⁵⁸¹ Там же. Ф. 63. Оп. 53. Д. 201. Л. 22 а, 36, 61

⁵⁸² Там же. Оп. 25. Д. 783. Л. 559.

⁵⁸³ РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 65. Л. 27 об.

⁵⁸⁴ Дневник Л.А. Тихомирова... С. 118, 122.

страницах печати (тщательно проанализированных Дж. Сандерсом)⁵⁸⁵, но и в содержании и тоне частных писем, адресованных руководителям администрации. Некий «начальник Московской народной комиссии» Зубарев (вероятно, придерживавшийся левых взглядов) в письме Дурново бичевал его «дурацкое появление на балконе» перед «хулиганами», «которые на другой день грабили», уничтожали трамвайные вагоны и вымогали деньги у пассажиров. Грозя генерал-губернатору ответственностью перед императором «вместе с этим дураком Медем» «за посягательство» на имущество и личность обывателей и за участие в этом чинов полиции, Зубарев недвусмысленно напоминал, что против городских и «башибузуков казаков» могут выступить «300 тысяч фабричных». И венчал это послание примечательный по дерзости пассаж: «Не даром (так – М.А.) в Петербурге тебя называли дурыло⁵⁸⁶!» В столь же жестком стиле было выдержано письмо убежденнейших консерваторов – членов Русской монархической партии Грингмута от 23 октября. Прося Дурново «вооруженной силой» «прекратить анархию» и забастовки, «обеспечить» дарованную царем свободу, авторы грозили, что если «сие заявление не подействует на бездеятельного Генерал-Губернатора», то члены партии «соберутся все», «разобьют камнями» дом незадачливого «главного начальника» и попросят нового «хозяина Москвы» у императора⁵⁸⁷. Как видим, со столь низким авторитетом московской власти было проблематично бороться со своими противниками.

Можно заключить, что в октябре -- начале декабря 1905 г. положение московского руководства было очень тяжелым. Несмотря на формально неограниченные и еще более возросшие законодательные права по борьбе с революцией, фактический потенциал, находившийся в ее распоряжении, был довольно сомнителен. На администрацию навалился целый комплекс проблем, многие из которых являлись симптомами «системных болезней» различных

⁵⁸⁵ Sanders J. Op. cit. P. 570.

⁵⁸⁶ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 9. Л. 42-43 об.

⁵⁸⁷ Там же. Л. 35-35 об.

сфер жизни Российской империи: малочисленность и плохая вооруженность полиции, отсутствие в ее составе специальных подразделений для борьбы с беспорядками, недостаточная централизация регионального аппарата власти, небольшой, явно неприспособленный для новых задач штат иных служб для борьбы с «беспорядками» (Охранного Отделения, жандармского дивизиона и т.д.), пороки военной организации (отправка множества боеспособных солдат на Дальний Восток в связи с непригодностью запасных для современной войны, использование многих военнослужащих для даровых нестроевых занятий, неудовлетворительная работа призывных комиссий, принимавших негодных новобранцев), по-прежнему плохая согласованность действий центральных ведомств, главным образом сказывавшаяся на финансировании «стражей порядка», военно-техническая отсталость России, не позволявшая оперативно вернуть с Дальнего Востока войска, отправленные на войну, кризисное состояние судебного и цензурного ведомств, не позволявших использовать их в качестве эффективного средства против «крамолы», враждебность широких слоев общества к «деспотической» власти. Как видим, множество накопившихся за пореформенный период недостатков государственного организма Российской империи теперь осложняли работу московской (и в целом региональной) власти. На них накладывались новейшие сложности: спонтанное издание Манифеста 17 октября 1905 г. и отсутствие определенного курса в петербургских сферах сильно ограничило местных чиновников в использовании привычного Положения об охране и снизили эффективность их борьбы с врагами режима. Наконец, вышеуказанные проблемы в Москве усугублялись кадровой слабостью – руководители аппарата власти генерал-губернатор Дурново и градоначальник Медем были заурядными карьеристами, растерявшимися перед лицом грозных событий.

Но тем не менее, не следует впадать в детерминизм и выводить из этих обстоятельств формулу неизбежности Декабрьского восстания. Нужно рассмотреть, как местная власть пыталась в данных условиях попытаться справиться с ситуацией и к каким последствиям это привело.

§3. Меры по борьбе с революцией в «дни свобод» их результаты.

Задачей этой главы будет рассмотрение основных мер по борьбе с революцией, предпринятых московской администрацией, а также выяснение их эффективности.

Классификация принимавшихся властью Первопрестольной мероприятий на протяжении всего периода 1905-1907 гг. была проделана в работе Н.В. Шатиной. Исследовательница рассматривает борьбу администрации с «крамолой» исключительно в «силовом» ракурсе и выделяет три комплекса мер – административно-полицейские, военно-полицейские и открыто военные. К первым ученый относит издание обязательных постановлений и их проведение в жизнь, ко вторым — практику полицейских нарядов, в которых участвовали войска, к третьим - открытые боевые действия против революционеров (что проявилось во время Декабрьского вооруженного восстания)⁵⁸⁸. Признавая в целом правильность данной группировки, мы со своей стороны не считаем ее исчерпывающей. На протяжении интересующего нас периода генерал-губернатор и градоначальник не ограничивались простым насилием, но использовали и такие меры, как попытки укрепления своей социальной базы, влияния на печать, привлечения в своих целях общественных организаций, даже решения задач борьбы с революцией во всероссийском масштабе (разумеется, под воздействием тех факторов, о которых речь шла в предыдущей главе). Но деление на группы Шатиной именно репрессивных методов представляется весьма удачным, так что, начиная разговор о них, воспользуемся этой классификацией.

Административно-полицейские меры, включающие, как мы уже говорили, издание обязательных постановлений и результаты проведения их в

⁵⁸⁸Шатина Н.В. Указ. соч. С. 201.

жизнь — практики административных арестов и высылки, — были прямым результатом использования «Положения о мерах к укреплению государственного порядка и общественного спокойствия», дающего право и на издание положений запретительного характера, и на взятие «неблагонамеренных» под стражу, наложение на них штрафа или на удаление их из столицы. В этот период подобные методы «оздоровления» обстановки продолжали активно применяться московской властью, однако здесь необходимы некоторые уточнения. Как мы уже писали, распоряжения МВД в двадцатых числах октября 1905 г., существенно ограничили действие Положение об охране и дезавуировали все распоряжения, касающиеся высылки и преданию гласному надзору полиции, но сам режим «усиленной охраны» отменен не был, и власти приходилось искать новую линию поведения в его рамках.

Прежде всего, надо рассмотреть практику издания «обязательных постановлений», согласно ст. 15 «Положения об охране». Право их издавать предоставлялось генерал-губернатору, а в случае его отсутствия — градоначальнику⁵⁸⁹. Исполнение же их поручалось градоначальнику. Согласно распоряжению генерал-губернатора А.А. Козлова, от 12 мая 1905 г., шеф полиции получил право, со ссылкой на пункт 1 статьи 16 «Положения об охране», «лично налагать взыскания» в подобных случаях⁵⁹⁰. Эти вердикты, основанные на докладах приставов и Охранного Отделения, публиковались в ежедневных «Приказах по Градоначальству и Столичной Полиции»⁵⁹¹. О наиболее важных происшествиях Охранное Отделение сообщало генерал-губернатору⁵⁹².

В течение почти двух недель после появления Манифеста 17 октября московская власть воздерживалась от применения этой формы наказания и лишь 29 октября градоначальник издал первый приказ, касающийся

⁵⁸⁹Российская монархическая государственность... С. 573.

⁵⁹⁰ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 76. Л. 1.

⁵⁹¹Там же. Ф. 46. Оп. 22. Д. 37.

⁵⁹²Там же. Ф. 16. Оп. 237. Д. 72. Л. 260, 261.

нарушения одного из обязательных постановлений⁵⁹³.

Каков был круг тех «правил», что фигурировали в репрессивной практике властей Первопрестольной в конце октября – начале декабря 1905 г.? На основании приказов по градоначальству и столичной полиции и ведомостей, содержащих в себе перечни лиц, виновных в нарушении обязательных постановлений, в коих фамилии были сгруппированы в соответствии с нарушенным распоряжением власти, и отсылаемых градоначальником генерал-губернатору, можно выделить пять документов, ставших основой для наложения взыскания по мотивам поддержания «государственного порядка и общественного спокойствия»: «О порядке заявления полиции о прибывающих на жительство и выбывающих» (принято еще 14 октября 1881 г.)⁵⁹⁴, «О воспрещении уличных сходбищ и собраний народа для совещаний и действий» (17 марта 1901 г., дополнено 23 января 1902 г.)⁵⁹⁵, «Об оружии» (23 января 1902 г.)⁵⁹⁶ и «Об ограничении пользования оружием и взрывчатыми веществами» (28 мая 1905 г.)⁵⁹⁷, наконец, «О забастовках» (издано градоначальником Медемом 20 ноября)⁵⁹⁸. Какие деяния воспрещались данными документами и какова была мера налагаемого по ним взыскания?

Согласно первому документу, «содержатели гостиниц, подворий, заезжих домов и меблированных комнат» должны были ежедневно доставлять в управление местного полицейского участка сведения о лицах, «прибывших к ним на жительство», и требовать с последних «письменные виды» для представления полиции. Аналогичное правило вводилось и для квартирантов в частных, казенных, церковных и «общественных» домах. В случае неисполнения подобных предписаний хозяева подвергались штрафу в 500 рублей или аресту на три месяца; постояльцы же – уголовной

⁵⁹³Там же. Л. 925-955 об., 957 об.

⁵⁹⁴Там же Ф. 16. Оп. 237. Д. 76. Л. 85-86 об.

⁵⁹⁵Там же. Ф. 46. Оп. 22. Д. 37. Л. 1030 об.

⁵⁹⁶Там же. Л. 957 об.

⁵⁹⁷Там же. Л. 1038

⁵⁹⁸Там же. Л. 1041 об.

Второе постановление воспрещало в «общественных местах» любые «сходбища и собрания для совещаний или действий, противных общественной тишине и спокойствию», а также «скопление при этом любопытствующей публики». Отказавшиеся разойтись «по первому требованию полиции» подвергались штрафу в 500 рублей либо трехмесячному аресту⁶⁰⁰.

Постановление «Об оружии» гласило: «револьверы, пистолеты, ружья и патроны к ним» можно было продавать исключительно лицам, имеющим «именное разрешительное свидетельство Обер-Полицеймейстера (в интересующее нас время — градоначальника — М.А.) на покупку их, притом в количестве, какое обозначено в свидетельстве»; торговцам же огнестрельным оружием предписывалось «вести особые книги» о находящемся в их лавках товаре подобного рода и предоставлять эти документы «по первому требованию полиции», а вышеупомянутые «свидетельства» «продавцам оружия» надлежало хранить «как оправдательные документы». Более того, хранение «пистолетов, револьверов и ружей без особого свидетельства» главы московской полиции вообще запрещалось, равно как и ношение при себе вышеупомянутых средств поражения, а также прочих типов холодного оружия («кинжалов, кистеней, кастетов, тростей с потайными кинжалами или свинцовыми рукоятками, ломов, ножей и других колющих и режущих орудий...а равно и рогаток с резиной, для метания, и других предметов, приспособленных для нанесения ударов или причинения вреда и разрушения»). Изготовление и продажа «кистеней, кастетов, тростей с вделанными в них кинжалами, рогаток для метания и т. д. предметов», как наставительно отмечалось в постановлении, «не имеющих применения ни в домашнем обиходе, ни в каком-либо ремесленном производстве», запрещалось. Виновных же в нарушении этих правил полагалось, согласно ст. 15 «Положения об охране», подвергнуть «в административном порядке

⁵⁹⁹ Сборник обязательных постановлений по Москве и Московской губернии. М., 1905. С. 213-214.

⁶⁰⁰ Там же. С. 229.

денежному взысканию до 500 рублей или аресту до трех месяцев» Изданное непосредственно в 1905 г. распоряжение «Об оружии и взрывчатых веществах» распространяло запрет и на многочисленный набор материалов, могущих быть использованными при подготовке бомб, что было особенно актуально в разгар эсеровского террора⁶⁰¹.

Не менее значимым в деле подавления «крамолы» был новейшим образчик антиреволюционной «работы» московских властей — распоряжением «О забастовках» (последнее было подготовлено в недрах Охранного Отделения). Что примечательно, правовой основой его издания послужили как ст. 15 Положения об охране, так и ст. 206 Общего Учреждения Губернского Тома II Свода Законов империи (по всей видимости, сказавшееся вехи времени). Данный документ воспрещал такие распространенные в тот период в Москве практики, как принуждение к прекращению работы и «участию в забастовках», препятствование «угрозами или силою» продолжению «занятий», «снятие» «служащих в общественных учреждениях, торговых и промышленных предприятиях, на фабриках и заводах». Предлагаемая система наказаний оставалась весьма традиционной для такого рода актов: арест в «административном порядке» до трех месяцев либо «денежное взыскание до 500 рублей»⁶⁰².

Можно заметить, что большинство данных документов отличает весьма широкая трактовка явлений, подлежащих запрещению (так, по постановлению «Об оружии» могли быть привлечены и мясник с ножом, и мальчик с рогаткой). Набор допустимых взысканий также варьировался в широких пределах: четко прописан был лишь «потолок» возможных наказаний, без градации конкретных проступков и их связи их с соответствующими карательными мерами. Следовательно, в руки градоначальника передавалось мощное средство для защиты порядка в Первопрестольной, причем он мог накладывать взыскание сообразно конкретным обстоятельствам, а не

⁶⁰¹Там же. С. 226-227.

⁶⁰²ЦГА Москвы. Ф. 46. Оп. 14. Д. 21. Л. 1, 3.

формальным требованиям статьи закона.

В каких масштабах оно применялось для борьбы с «беспорядками»? Согласно ежемесячным ведомостям о нарушителях «правил», представляемых градоначальником генерал-губернатору, в период с 12 октября по 12 ноября было подвергнуто взысканию за нарушение постановления «Об ограничении пользования оружием и взрывчатыми веществами» – 26 человек, а инструкции «О порядке заявления полиции о прибывающих на жительство и выбывающих» – 280 человек⁶⁰³; за время же с 12 ноября по 12 декабря – за несоблюдение распоряжений: «О воспрещении сборищ и собраний народа» – 2 человека, «Об ограничении пользования оружием и взрывчатыми веществами» – 92, «О порядке заявления полиции о прибывающих на жительство и выбывающих» – 92, «О забастовках» – 48⁶⁰⁴. Как видно, хронологические рамки периода, за который содержатся данные в этих документах, шире, чем «эпоха свобод». Для более точного подсчета репрессированных за нарушение обязательных постановлений за интересующее нас время следует обратиться к «Приказам по московскому градоначальству и столичной полиции». Судя по ним, в «период свобод» было наказано нарушителей: «правила» «Об оружии» – 1 человек, «Об ограничении пользования оружием и взрывчатыми веществами» – 94 (в нескольких случаях непонятно, какое именно из «оружейных» постановлений применялось, но скорее всего Медем после однократного использования старого распоряжения перешел к более новому и подробному «правилу», тем паче что в ведомостях отсутствуют взыскания по акту «Об оружии»), «О порядке заявления полиции о прибывающих на жительство и выбывающих» – 5, «О воспрещении сходбищ и собраний народа» – 2, «О забастовках» – 37⁶⁰⁵.

Возникает вопрос: какова была динамика подобных взысканий в течение рассматриваемого периода? Следует отметить, что в период с 29 октября по 19 ноября применение обязательных постановлений было явлением нечастым:

⁶⁰³ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 76. Л. 70-78 об.

⁶⁰⁴ Там же. Л. 81-86 об.

⁶⁰⁵ Там же. Ф. 46. Оп. 21. Д. 37. Л. 925-1087.

подверглись взысканиям лишь 32 человека (29 – за нарушение «оружейных правил» и 2 – порядка о предоставлении полиции сведений о квартирантах), причем сами случаи подобных наказаний были явлением нерегулярным⁶⁰⁶. В последующий до 7 декабря период количество взысканий стало нарастать и они приобрели более-менее постоянный характер. Так, в приказе за 19 ноября содержалось распоряжения о привлечении к ответственности 6 человек за нарушение постановления «Об ограничении пользования оружием и взрывчатыми веществами⁶⁰⁷», за 20 ноября – 1⁶⁰⁸, за 21 – 1⁶⁰⁹, за 23 – 2⁶¹⁰, за 26 – 1⁶¹¹, за 27 – 3⁶¹², за 28 – 1⁶¹³, за 29 – 14⁶¹⁴, за 30 – 3⁶¹⁵, за 1 декабря – 2⁶¹⁶, за 2 – 7⁶¹⁷, за 4 – 13⁶¹⁸, за 5 – 8⁶¹⁹, наконец, 7 числа, в первый день новой всеобщей стачки, – 3⁶²⁰. В целом аналогично применялось и «правило» «О забастовках⁶²¹». Два других постановления по-прежнему применялись эпизодически: «правило «О воспрещении сходбищ и собраний народа» -- один раз, 20 ноября (привлечено к ответственности 2 человека)⁶²², инструкция «О порядке заявления полиции о прибывающих на жительство и выбывающих» – 27 ноября (привлечено 2 человека)⁶²³, 30 (1 человек)⁶²⁴.

Следовательно, за рассматриваемый период количество лиц, привлеченных за нарушение данных «правил» к ответственности, было довольно невелико, особенно учитывая остроту обстановки в Первопрестольной. Кроме того, большая часть их приходится на период конца

⁶⁰⁶ Там же. Л. 957 об.-1026.

⁶⁰⁷ Там же. Л. 1027 об.

⁶⁰⁸ Там же. Л. 1030 об.

⁶⁰⁹ Там же. Л. 1033 об.

⁶¹⁰ Там же. Л. 1038 об.

⁶¹¹ Там же. Л. 1049 об.

⁶¹² Там же. Л. 1051.

⁶¹³ Там же. Л. 1055 об.

⁶¹⁴ Там же. Л. 1057-1057 об.

⁶¹⁵ Там же. Л. 1059.

⁶¹⁶ Там же. Л. 1064

⁶¹⁷ Там же. Л. 1068 об. -1070.

⁶¹⁸ Там же. Л. 1075-1075 об.

⁶¹⁹ Там же. Л. 1078-1079 об.

⁶²⁰ Там же. Л. 1086 об.

⁶²¹ Там же. Л. 1041 об.-1068 об.

⁶²² Там же. Л. 1030 об.-1031.

⁶²³ Там же. Л. 1052.

⁶²⁴ Там же. Л. 1060.

ноября – начала декабря, когда ситуация в городе предельно осложнилась после начала почтово-телеграфной стачки и градоначальник Медем так и добился однозначных указаний руководства МВД по поводу применения этих постановлений. Также глава московской полиции, очевидно, под влиянием «духа перемен» фактически отказался от применения распоряжения «О воспрещении сходбищ и собраний народа». «Усмотрение» полиции в деле признания публичного собрания незаконным явно шло вразрез с общественно-политической обстановкой в «дни свобод» (что при малочисленности московской «службы порядка» ставило вопрос об эффективности данного акта) и текстом Манифеста 17 октября, суть которого барон так рьяно пытался постичь.

Если обратиться к рассмотрению приказов градоначальника о наложении взысканий, то можно с легкостью увидеть, что глава московской полиции практиковал широких разброс репрессивных мер, причем выбор тяжести наказания не всегда можно объяснить логически. 12 ноября, например, он издал такой приказ: «Задержанный в районе 1 уч[астке] Яузской части Елецкий мещанин Василий Григорьев Розанов, проживающие в домах: Байкова, 1 уч. Сущевской части кр[естьянин] Звенигородского уезда, Шараповской вол., деревни Раева Петр и Георгий Михайловы и Семиладнова, 1 уч[астке] Серпуховской части, кр[естьяне] Корчевского уезда, Дмитрий Алексеев Павлов и Серпуховского уезда Петр Михайлов Голованов, за хранение револьверов, без надлежащего на то разрешения, подвергаются на основании обязательного постановления Московского Генерал-Губернатора, денежному штрафу в размере: трое первых по 300 руб[лей] каждый, а двое последних по 200 руб[лей] каждый, с заменой, в случае несостоятельности их к уплате, такового, аресту при полиции в течение двух месяцев каждый⁶²⁵». Таким образом, люди, виновные в нарушении одной и той же нормы обязательного постановления (получение разрешения генерал-губернатора на хранение огнестрельного оружия), получили взыскания различной степени

⁶²⁵Там же. Ф. 46. Оп. 22. Д. 37. Л. 1004.

тяжести, причем обоснование этого не прочитывается. И такой пример вовсе не был единичным⁶²⁶. Может возникнуть предположение, что в «Приказах по градоначальству и столичной полиции» просто не прописывалась мотивация градоначальника. Однако в нашем распоряжении есть донесения московской охранки генерал-губернатору о нескольких случаях наложения взысканий: причины присуждения именно такого наказания не фиксировались и там⁶²⁷. Можно предположить, что занятый множеством дел и не особенно глубоко в них вникавший Медем налагал взыскания «на глаз», что неминуемо должно было обернуться подрывом авторитета самого наказания, превращавшегося в результат игры случая). Справедливости ради нужно отметить, что некоторая логика в решениях градоначальника все же просматривается: наиболее тяжким взысканиям (как правило, двух- или трехмесячному аресту при полиции или в тюрьме) он в целом стремился подвергать подстрекателей полицейских, дворников, почтово-телеграфных чиновников и телефонистов к забастовке⁶²⁸.

При этом градоначальник не был «буквоедом» и по крайней мере в одном случае допустил расширительное толкование им же изданного постановления «О забастовках». Приказ 2 декабря 1905 г. гласил, что крестьяне Александр Петров Митрофанов и Василий Сергеев Мишин присуждаются к «аресту при полиции в течение одного месяца каждый» за «сорвание вывешенного почтамта объявления Почт-Директора приглашающего служащих прекратить забастовку и явиться на службу⁶²⁹». В данном случае Медем расценил попытку помешать возвращению почтово-телеграфных чиновников на службу как деяние, аналогичное их «снятию», и, учитывая опасность, порождаемую продолжением забастовки одной и ключевых служб, решил не связывать себе рук излишними формальностями.

Известен случай, когда полицейское руководство не удовлетворилось наложением административного взыскания. Арестованный 3 декабря и 7 числа

⁶²⁶ Там же. Л. 984 об.; 1030 об.; 1067-1068 об.

⁶²⁷ Там же. Ф. 16. Оп. 237. Д. 72. Л. 261-261 об.

⁶²⁸ Там же. Ф. 46. Оп. 21. Д. 37. Л. 1041 об., 1042, 1046, 1055 об., 1064-1064 об., 1068 об.

⁶²⁹ Там же. Оп. 21. Д. 37. Л. 1049 об.

подвергнутый административному взысканию студент Демидовского Юридического Лицея А.А. Богословский кроме трехмесячного ареста при полиции был привлечен к уголовной ответственности, поскольку при нем нашли 208 экземпляров различных прокламаций и брошюр – «Проекта программы партии социалистов-революционеров», «Учредительного Съезда Всероссийского крестьянского союза», «Постановлений делегатского съезда Всероссийского крестьянского союза 6-10 ноября 1905 года⁶³⁰».

Каковы были результаты применения обязательных постановлений для борьбы с «беспорядками» в «дни свобод»? На наш взгляд, они не выполнили своей задачи. Приведенные числа репрессированных не остановили ни циркуляции оружия среди населения, ни вооружения как минимум нескольких сотен дружинников, вышедших в декабре на баррикады, ни почти полуторатысячной забастовки. Правда, А.С. Вальдин отмечает некоторый спад стачечного движения перед Декабрьскими событиями, однако связывает его не с эффективными мерами власти, а с удовлетворением части требований бастующих⁶³¹. Почему «правила» администрации оказались столь неэффективны в данный период?

Прежде всего, малочисленный и дезорганизованный аппарат Первопрестольной не смог наладить действенной системы их реализации. Взыскания получали, как правило, либо задержанные полицией с оружием или в ходе подстрекательства к забастовке (а последнее было весьма трудоемким делом и нередко увенчивалось наградой от градоначальника)⁶³², либо (судя по хаотичности подобного рода наказаний) те обыватели, о проступках которых служба порядка получала отрывочные сведения⁶³³. О том, насколько бессистемно полиция получала сведения о нарушителях одного из важнейших постановлений – «Об ограничении пользования оружием и взрывчатыми

⁶³⁰ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 72. Л. 261-261 об.

⁶³¹ Вальдин А.С. Указ. соч. С. 51.

⁶³² ЦГА Москвы. Ф. 46. Оп. 22. Д. 37. Л. 978, 984 об., 1004 об., 1020, 1023, 1027 об., 1030 об., 1041 об., 1042, 1049 об., 1055 об., 1057, 1059 об., 1064, 1068 об., 1069, 1074, 1075 об., 1078, 1086 об.

⁶³³ Там же. Л. 982 об., 984 об., 1004, 1020 об., 1027 об.-1028, 1030 об., 1033 об., 1049 об., 1051-1051 об., 1057 об., 1060, 1064, 1068 об., 1069, 1074-1074 об., 1075-1075 об., 1078, 1079, 1086 об.

веществами» - свидетельствует история наложения взыскания на Е.Т. Хохлова. 12 ноября в управление 1 участка Мещанской части явился извозчик Е.П. Прозоров, сообщивший, что привез в дом Ильиной по Варсонофьевскому переулку «неизвестного господина» с тремя «тяжелыми свертками», нагруженными, как заметил возница, револьверами. Установить личность пассажира оказалось нетрудно – им оказался служащий Николаевской железной дороги Е.Т. Хохлов. На следующий день в квартире подозреваемого была «произведена выемка», итог которой был впечатляющ: «4 винтовки системы Винчестера и 500 штук боевых патронов к ним, 10 револьверов «Pара bellum» и к ним 500 патронов, 15 револьверов системы «Нагана» и 500 штук боевых патронов к ним, 2 револьвера «Смита и Вессона», к ним 150 штук патронов и 300 штук патронов к револьверам «Маузер»⁶³⁴.» Как можно увидеть, под боком у полиции формировался настоящий склад боеприпасов, причем его хозяева не особенно конспирировались: по улицам города днем развозилось оружие в солидном количестве, и даже извозчик смог это заметить. Власти же до получения сигнала от него находилась в полнейшем неведении. Дальнейшая судьба этого дела не менее красноречиво характеризует качество сыскной работы «стражей порядка». Градоначальник, нуждавшийся в деньгах для содержания нарядов, попросту наложил на Хохлова высший штраф согласно «правилу» – 500 рублей, не задумавшись ни об изоляции явно опасного для режима лица, ни о предании его судебному следствию (даже неискушенному человеку при перечне изъятого становится понятно, что хозяин «склада» вел подготовку к масштабной вооруженной акции)⁶³⁵. Однако Хохлова (видимо, почувствовавшего опасность) на месте не оказалось, посему «в целях его...привлечения к ответственности» полиция и охранка установили «наблюдение...за прибытием его»⁶³⁶. То ли железнодорожник оказался хорошим конспиратором, то ли силы сыска оказались слишком ничтожны численно и профессионально, но факт остается фактом: деятельный член

⁶³⁴ Там же. Ф. 16. Оп. 237. Д. 72. Л. 260-260 об.

⁶³⁵ Там же. Ф. 46. Оп. 22. Д. 37. Л. 1033 об.

⁶³⁶ Там же. Ф. 16. Оп. 237. Д. 72. Л. 260 об.

эсеровской партии Егор (Георгий) Хохлов успешно избежал ареста и стал одним из видных участников новой железнодорожной забастовки и Декабрьского восстания⁶³⁷.

Неудивительно, что при подобном подходе полиции и ее шефа к делу по результатам обязательных постановлений практически не пострадали сколько-нибудь видные фигуры революционного подполья: в качестве исключения можно назвать лишь самого Хохлова (все же властям удалось захватить его «коллекцию») и разве что Богословского.

Другим важным фактором слабого эффекта «правил» стала явная мягкость предусмотренных ими наказаний. Трехмесячный арест и штраф в 500 рублей – «высшие меры» по данным постановлениям – не представляли серьезной угрозы для людей, решившихся на их нарушение, тем паче, что в «дни свобод» на противоположной стороне весов были не менее важные обстоятельства. Как уже говорилось, в широких слоях населения Первопрестольной распространилась мысль, что сами «правила» представляют собой не что иное, как нелепый архаизм, подлежащий отмене в самом скором времени (что во многом сковывало и действия Медема). Вполне закономерно, что профессиональных революционеров, готовившихся в обозримом будущем к вооруженному восстанию, или социально деструктивных элементов, принимавших участие в «снятиях», «пустяки» в виде штрафа и кратковременного заключения испугать не могли. Но что парадоксально, и «мирные обыватели» разделяли такую позицию: в условиях острой криминогенной ситуации, когда по улицам Первопрестольной было опасно ходить, а грядущий день грозил непредсказуемостью, обладание оружием, пусть и без надлежащего разрешения власти, становилось залогом сохранения жизни и имущества, что явно перевешивало перспективу потерять несколько сот рублей или провести месяц-другой под арестом⁶³⁸. Как

⁶³⁷ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 797. Т. II. Л. 65.

⁶³⁸ Именно этим соображением, по словам германского консула Кольгаза, руководствовались подданные кайзера в Москве, в конце октября массово требуя разрешений на покупку оружия, что в свою очередь, должно было замедлить процесс его получения другими желающими; к началу ноября данный ажиотаж

представляется, расхолаживающим фактором выступал и труднообъяснимый с точки зрения логики произвол в наложении взысканий, практикуемый Медемом. Ряд обывателей в этой связи шел на рецидив нарушения: «правил»: арестованные в ноябре – начале декабря В.С. Трусов и С.С. Соколов вновь подверглись взысканию уже во второй половине декабря 1905 г.⁶³⁹ В данной ситуации оправдан был риск и для торговцев оружием, получавших за свой товар солидную прибыль. Поэтому их не могли страшить такие наказания, как, например, 20-рублей штраф, коему подвергся содержатель оружейного магазина в доме Комитета Человеколюбивого Общества И.М. Малков «за продажу ружья несовершеннолетнему⁶⁴⁰», или наложение 300-рублевой выплаты или месячного срока заключения, чего удостоился хозяин оружейной мастерской в доме Митрофанова во 2 участке Серпуховской части П.Е. Власов «за продажу оружия без установленного на то разрешения⁶⁴¹.»

Администрация, видя бессилие обязательных постановлений в отношении торговцев оружием, попыталась предпринять более радикальные меры. С 28 октября градоначальник Медем воспретил выпуск оружия с Московской складочной таможни и отдал приказ о начале масштабной проверки отчетности оружейных магазинов⁶⁴². В результате были выявлены серьезные недостатки в ведении этой документации: так, в магазине Биткова на Большой Лубянке, владелец коего в приходно-расходной книге указывал лишь общие месячные цифры без упоминания о ежедневных закупках и продажах, была выявлена недостача в 599 ружей, 1842 револьвера и 16735 патронов⁶⁴³; в фирме Смозберга поступления за октябрь не фиксировались вообще, а проданными значились лишь 47 револьверов «заграничных

несколько спал, но, стремившийся не уронить престиж перед иностранцами, Медем пообещал выдвать свидетельства немцам «без всякого затруднения». Впрочем, сам Кольгаз критически относился к подобной инициативе: по его мнению, если во время нападения грабителей «у жертвы окажется оружие», преступники обойдутся с ней куда жестче (РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 6. Л. 89 об.-90).

⁶³⁹ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 72. Л. 93-94 об.

⁶⁴⁰ ЦГА Москвы. Ф. 46. Оп. 22. Д. 37. Л. 993 об.

⁶⁴¹ Там же. Л. 1069.

⁶⁴² Там же. Ф. 16. Оп. 237. Д. 85. Л. 177; *Шатина Н.В.* Указ. соч. С. 113.

⁶⁴³ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 809. Т. II. Л. 78, 91, 92; *Шатина Н.В.* Указ. соч. С. 113.

заводов⁶⁴⁴». Вывод Н.В. Шатиной о нелегальном обогащении оружейных предприятий представляется совершенно правильным, однако ее мнение о продажах боеприпасов в основном революционерам представляется слишком узким: оружейники сбывали товар всем, кто готов был его купить. В частности, охотно пользовались их услугами на охваченном армяно-азербайджанским конфликтом Кавказе: по сообщению начальника Бакинского Губернского Жандармского Управления Медему от 25 октября, в магазине Биткова закупался секретарь по воинской повинности из города Шемахи М.И. Тер-Григорьев, который затем успешно спекулировал оружием⁶⁴⁵; имеются сведения о приобретении крупных партий боеприпасов непосредственно представителями армянской и азербайджанской диаспор⁶⁴⁶. Поймать же недобросовестных продавцов за руку администрации не удавалось: распространенной и плохо проверяемой отговоркой был якобы массовый спрос на оружие со стороны офицеров частей, квартирующих в Первопрестольной, коим не требовалось разрешения на такие покупки⁶⁴⁷; комментируя неточности в ведении отчетности, Битков апеллировал к необходимости проверки «оправдательных документов», что должно было занять время ввиду их разбросанности и возможности потери некоторых из них⁶⁴⁸.»

Впрочем, в данной области не все зависело от воли московской власти: проблема массового распространения оружия в данный период приобрела общегосударственный характер. В результате Совет министров с подачи главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа великого князя Николая Николаевича 24 ноября принял решение о запрете ввоза в империю оружия из-за границы и Финляндии (кроме «охотничьих образцов»), за исключением случаев предоставления производителем или

⁶⁴⁴ Там же. Т. II. Л. 102.

⁶⁴⁵ Там же. Л. 74.

⁶⁴⁶ Там же. Ф. 1167. Оп. 3. Д. 4300. Л. 4 об., 10 об.

⁶⁴⁷ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 85. Л. 177.

⁶⁴⁸ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 809. Т. II. Л. 91.

получателем («торговой фирмой») специального разрешения от МВД⁶⁴⁹. Однако как бизнесмены, так и революционеры очень быстро научились обходить это правило. Широкие масштабы в конце ноября – декабре получил контрабандный ввоз оружия, прежде всего через Финляндию при благожелательном содействии местной общественности и бездействии властей⁶⁵⁰. Московские администраторы получали сигналы о таких «негостиях»: еще 18 ноября киевский, подольский и волынский генерал-губернатор В.А. Сухомлинов направил П.П. Дурново копию отношения штаба Киевского военного округа, согласно коему 11 и 13 ноября из Германии было отправлено в Москву «контрабандным путем» 16 ящиков оружия⁶⁵¹. Однако загруженность текущими делами и, очевидно, некоторый хаос, связанный с назначением нового генерал-губернатора, привели к тому, что в канцелярии «главного начальника» Первопрестольной ознакомились с ней и отослали на рассмотрение градоначальник лишь 9 декабря, когда в Москве уже строили баррикады, защитники которых, возможно, пользовались немецкими боеприпасами⁶⁵². Та же судьба постигла аналогичное предупреждение от Главного управления Генерального штаба об отправке 35 ящиков оружия из Бельгии⁶⁵³.

Но и к существующим законам деловые люди и революционеры также неплохо приспособились. В сфере оборота вооружения процветали разветвленные коррупционные схемы: корреспондент армянского национального активиста, учителя земледельческой школы в Гори Л.Д. Паронианца, размышляя о возможности наладить доставку огнестрельного оружия из Москвы на Кавказ, писал о массовом подкупе чиновников почтового ведомства и практически свободном получении товара заинтересованными лицами⁶⁵⁴. Он же повествовал о знакомом торговце-

⁶⁴⁹ Совет министров Российской империи. 1905-1906...С. 71-73.

⁶⁵⁰ Революция 1905 года и самодержавие...С. 29-30.

⁶⁵¹ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 545. Л. 3, 4.

⁶⁵² Там же. Л. 4, 5.

⁶⁵³ Там же. Л. 1, 2.

⁶⁵⁴ ГА РФ. Ф. 1167. Оп. 3. Д. 4300. Л. 10.

«немце», имевшем агентов в МВД и потому без затруднений получавшем свидетельства на закупку огромных партий оружия за рубежом (что сводило на нет силу постановления Совета министров)⁶⁵⁵. Как видим, оружейники и чиновники в погоне за прибылью забывали о своих «классовых интересах».

В подобной ситуации бесконтрольного вооружения «всех против всех» московской власти, на наш взгляд, оставался лишь один путь: ввести не формальный, а действенный, жесткий надзор над запасами оружейных фирм Первопрестольной. Теоретически для этого даже был правовой инструмент – Положение об охране, гласившее, что в условиях усиленной охраны генерал-губернатор может закрывать торговые и промышленные заведения⁶⁵⁶. Однако, по всей видимости, скудные полицейские ресурсы и зыбкая политическая ситуация толкали администрацию к паллиативам: 15 ноября, докладывая об итогах ревизии оружейных магазинов и об отговорках хозяев, Медем предложил Дурново ввести для офицеров, покупавших оружие, особые удостоверения от начальников их частей⁶⁵⁷. Генерал-губернатор поддержал инициативу подчиненного и уже через два дня обратился за...мнением начальника штаба МВО по этому вопросу⁶⁵⁸. Таким образом, вплоть до начала Декабрьского восстания действенной стратегии по борьбе с распространением оружия в противоправительственных сферах выработано не было.

Следовательно, реализация обязательных постановлений в данный период в силу таких факторов, как слабость сыскного аппарата Первопрестольной, нерешительная и часто лишенная логики практика взысканий, применяемая властями, слишком широкое понимание Манифеста 17 октября многими горожанами, явный анахронизм (по своей мягкости) наказаний, предусмотренных «правилами», для большинства слоев московского населения привела к неутешительным для администрации последствиям: количество изобличенных и подвергнутых реальному

⁶⁵⁵ Там же. Л. 8-8 об.

⁶⁵⁶ Российская монархическая государственность...С. 574.

⁶⁵⁷ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 85. Л. 177-178 об.

⁶⁵⁸ Там же. Л. 178.

наказанию нарушителей оказалось мизерным, существенно повлиять на замыслы левых радикалов не удалось. Попытки властей обеспечить исполнение одного из самых важных постановлений – «об ограничении пользования оружием и взрывчатыми веществами» – не оказали никакого эффекта в силу сугубой паллиативности и отсутствия контроля над оборотом оружия в рамках всей империи.

Еще одним направлением административного воздействия на нарушителей «общественного порядка» было запрещение митингов и собраний. И здесь московская власть сразу же столкнулась с дилеммой.

За пять дней до Манифеста 17 октября, даровавшего подданным российского императора «свободу собраний и союзов», Николай II подписал указ «Об установлении временных мер, в дополнение действующих постановлений о собраниях⁶⁵⁹.» Суть его заключалась в том, что любой желающий созвать собрание «по вопросам государственным, политическим и экономическим» должен был в трехдневный срок запросить разрешения «начальника местной полиции (в московском случае – градоначальника), причем обозначить в своем заявлении личные данные устроителей, время и предмет занятий данного форума. При этом «начальник полиции» должен был запрещать те собрания, «цель или предмет занятий которых противны закону или устройство которых угрожает общественной безопасности⁶⁶⁰. Пикантность ситуации состояла в том, что Манифест, текст коего противоречил этому закону, формально не отменял его. Не следует забывать и о вызывавшем у администрации серьезные сомнения, но не отмененном Положении об охране, статья 16 которого позволяла генерал-губернатору и градоначальнику «воспрещать всякие народные, общественные и даже частные собрания⁶⁶¹.» В подобной ситуации непонимание между стремившейся сохранить порядок

⁶⁵⁹З ПСЗ РИ. Т. 25. Отд. 1. № 735.

⁶⁶⁰ Высший подъем...С. 735-736.

⁶⁶¹ Там же. С. 573.

властью и почуявшим «волю» обществом становилось неизбежным.

А оно не замедлило последовать. Уже 21 октября Московская городская Дума приняла решение, на основании текста Манифеста, о предоставлении общественных помещений для митингов и собраний (которые, как предполагалось, должны были происходить свободно)⁶⁶². 28 октября исполняющий должность московского городского головы Д.Д. Дувакин прислал Медему извещение, что Дума допустила проведение собраний «слесарно-столярного цеха и мраморщиков 29 октября», митинга торгово-промышленных служащих на 6 ноября и представила Городской дом на Введенской площади для устройства митинга Комитетом партии социалистов-революционеров⁶⁶³. Барон разрешил проведение двух первых акций, однако категорически воспротивился устройству митингов эсеров в Городском доме., причем не удержался от нравоучительной сентенции: «...является в высшей степени удивительным, каким образом Городская Управа вообще могла входить в сношения с комитетом партии, преследуемым существующими законами⁶⁶⁴.» Очевидно, что подобное попустительство открытым врагам режима произвело такое впечатление на градоначальника, что 29 числа он вновь просил «безусловно отказать» Московскому комитету ПСР в предоставлении Городского дома для митинга (само помещение он распорядился на это время закрыть), а также прибавил, что в случае неисполнения ответственность за возможные «беспорядки» падет на городскую Управу⁶⁶⁵.

В ответ Дувакин сделал попытку оправдаться, сообщив, что городская Дума лишь предоставляет, в силу Манифеста 17 октября, «признавшего за всеми русскими гражданами» «право собраний», помещения для митингов для удаления собирающихся из учебных заведений, улиц и площадей. При этом исполнявший должность головы специально добавил, что разрешение этих

⁶⁶² ГА РФ.Ф. 63. Оп. 25. Д. 784 Т. 1. Л. 34.

⁶⁶³ Там же. Л. 7 -7об.

⁶⁶⁴ Там же. Л. 6.

⁶⁶⁵ Там же. Л. 9.

собраний – «исключительно компетенция Вашего Превосходительства». Однако подобное оправдание Медема явно не удовлетворило, поскольку на представление им была наложена раздраженная резолюция: «Это не то, ибо революционное собрание сознательно отведенное в одном из городских зданий - прямо преступно⁶⁶⁶.»

У Дувакина же явно не получалось вписаться в настроение «начальника местной полиции», так как 29 октября он уведомил барона о предоставлении помещения в доме Омон на Садовой для митинга социал-демократов 2 ноября⁶⁶⁷.

Такого непонимания ясно выраженной собственной воли даже «доброжелательный», по словам Джунковского, Медем не стерпел. 30 октября он затребовал у исполнявшего должность городского головы документы, на основании коих последовали решения Управы о предоставлении помещений эсерам и социал-демократам⁶⁶⁸, а 31 числа категорически запретил проведения собрания последними⁶⁶⁹. И Дувакин вынужден был капитулировать, доложив 1 ноября градоначальнику о передаче его решения социал-демократам⁶⁷⁰.

А еще через день, 2 ноября, градоначальник окончательно расставил все точки над «і». Он заявил Дувакину, что принятый им порядок разрешения собраний и митингов не соответствует до сих пор не отмененному указу 12 октября, поэтому, несмотря на понимание «соображений Городской Думы, изложенных...в представлении от 29 октября», Медем все же твердо стоял на том, что «никакое собрание не может состояться без ведома местной административной власти и без соблюдения порядка, предуказанного **ВЫСОЧАЙШИМ** актом 12 Октябр[я].» Поэтому барон требовал представления ему в трехдневный срок сведений о предполагаемых собраниях, в противном случае «никакие собрания устраиваемы при

⁶⁶⁶Там же. Л. 10.

⁶⁶⁷Там же. Л. 13.

⁶⁶⁸Там же. Л. 17.

⁶⁶⁹Там же. Л. 21.

⁶⁷⁰Там же. Л. 24.

посредстве Городской Управы мною в будущем допускаемы не будут». Только по предварительном соглашении с собой барон давал добро на последующее предоставление самоуправлением помещения для собраний⁶⁷¹. И Дувакин капитулировал: в ответном послании 4 ноября он витиевато известил градоначальника, что Управа «ограничивается исключительно предоставлением для собраний соответствующих помещений», а исполнение выдвинутых бароном требований фактически перекладывал на непосредственных организаторов собраний⁶⁷². Таким образом, к началу ноября Медему удалось поставить под свой контроль механизм дозволения собраний и митингов в Москве.

Например, 5 ноября 1905 г. к Медему обратились служащие торгового дома «Мюр и Мерилиз» с просьбой разрешить 8 числа собрание служащих их фирмы в доме Омон на Садовой улице, «предоставленном нам городской управой». К этому заявлению прилагался список участников предстоявшего собрания⁶⁷³. А за день до подачи этого заявления, 4 ноября, Дувакин информировал градоначальника, что им предоставлено для митинга служащим фирмы «Мюр и Мерилиз» помещение театра «Олимпия»⁶⁷⁴. Резолюция Медема на этом документе гласила: «Препятствий не встречаю»⁶⁷⁵.

Медем и исполнявший должность его помощника, полицеймейстер барон А.Р. Будберг, на протяжении «дней свобод» разрешали значительную часть митингов и собраний (очевидно, опасаясь вспышки возмущения в случае игнорирования одного из прав, дарованных Манифестом 17 октября)⁶⁷⁶. Правда, к проводимым мероприятиям шеф московской полиции относился без особенного восторга, о чем свидетельствует его резолюция на прошении вполне благонамеренного ремесленного старшины И. Александрова о проведении митинга в стенах Ремесленной Управы: «И сведения о всех таких

⁶⁷¹Там же. Л. 25.

⁶⁷²Там же. Л. 34.

⁶⁷³Там же. Л. 36-36 об.

⁶⁷⁴Там же. Л. 33.

⁶⁷⁵Там же.

⁶⁷⁶Там же. Л. 33-127.

сборищах, митингах и сходках должно быть ...особо дано под названием «О сумасшедших»⁶⁷⁷.» (Примечательно, что барон сохранил привычную терминологию администрации в отношении данных форумов – «сборища» и «сходки»). Еще более показательные резолюции Медем оставил 17 и 18 ноября, получив от городского головы новые списки помещений, предоставленных митингующим: «Не настало ли время прекратить эти митинги» (17 числа) и «Когда же это мракобесие кончится» (18 числа)⁶⁷⁸. Однако подобные сентенции была очередным всплеском чувств смелевшего при чтении входящих бумаг градоначальника и не повлекла за собой никаких «организационных последствий». При этом руководство полицейскими силами Первопрестольной старалось не допускать попустительства в данном деле.

Так, градоначальник стремился обеспечить полицейский контроль над проводимыми собраниями. На очередном списке зданий, предоставленных Городской Думой под митинги, от Дувакина барон наложил такую резолюцию: «О всех таких сборищах ...ставить в известность Г.Г. Приставов и ..имеет наблюдать со стороны».⁶⁷⁹ Всерьез беспокоило градоначальника и проведение собраний молодежью. На прошении учащихся церковно-приходских школ от 14 ноября о собрании в Домниковском училищном доме 21 ноября для «обсуждения наших профессиональных нужд» барон написал: «Разрешаю, но необходимо наблюдение полиции»⁶⁸⁰.» Беспокойство шефа московской полиции вызывали и «опасные» места, где происходили наиболее многолюдные и радикальные митинги – Введенский народный дом, сад «Аквариум». Неудивительно, что градоначальник распорядился установить полицейский надзор за проектировавшимся 16 ноября собранием рабочих яичного производства во Введенском доме и 21 ноября – форумом союза московских

⁶⁷⁷Там же. Л. 31.

⁶⁷⁸Там же. Л. 151, 179.

⁶⁷⁹Там же. Л. 37.

⁶⁸⁰Там же. Л. 125.

газетчиков⁶⁸¹.

Некоторые категории собраний представлялись Медему настолько нежелательными, что он вообще запрещал их. Так, сочтя обсуждение «собственных нужд» несовершеннолетними представителями торгово-промышленных служащих вредным, градоначальник потребовал от Охранного Отделения «принять меры к недопущению этого собрания и о последующем уведомить⁶⁸².» 19 ноября барон, в силу каких-то ведомых ему причин, запретил проведение 21 числа собрания рабочих красильно-аппретурных фабрик⁶⁸³. Исходя из резолюций градоначальника или статуса организаторов, становится ясно, что некоторые планировавшиеся «сборища» казались ему «подозрительными», как предполагавшееся в доме Морозова собрание рабочих малярного цеха⁶⁸⁴ или безработных в «буфетной зале» театра «Аквариум»⁶⁸⁵. Случалось, что Медем пресекал попытки пренебречь соблюдением формального порядка (извещение власти о планировавшихся форумах за три дня): так, на этом основании градоначальник запретил собрание рабочих фабрики Брокар «для обсуждения дел фабрики и наших рабочих вопросов⁶⁸⁶.» Но особенную враждебность у него вызывали попытки собираться тех, кого он считал своей опорой – дворников. 19 ноября Медем категорически запретил их собрание, утверждая в резолюции, что «дворники должны быть на местах их службы⁶⁸⁷.» Однако дворники не сдавались и 22 числа явились к градоначальнику на личную аудиенцию, где барон Медем решительно заявил, что никаких форумов низших бюстителей порядка «не разрешит и все бастующие дворники будут уволены и выселены из Москвы⁶⁸⁸.» Но служители порядка в домах оказались настойчивыми: 23 ноября городской голова вновь донес градоначальнику о предоставлении

⁶⁸¹ Там же. Л. 133, 148.

⁶⁸² Там же. Л. 122.

⁶⁸³ Там же. Л. 195, 196.

⁶⁸⁴ Там же. Л. 250.

⁶⁸⁵ Там же. Л. 350.

⁶⁸⁶ Там же. Л. 393.

⁶⁸⁷ Там же. Л. 207.

⁶⁸⁸ «Дежурные» дневники московского градоначальства...С. 101.

дворникам здания под митинг, что вызвало категоричный приказ барона: «Отказать и не отступать, ибо дворники должны работать, а не болтать. Я сам об этом позабочусь».⁶⁸⁹

Однако успеха на этом поприще Медем не достиг. Радикальные партии без всякого препятствия выступали на митингах, читали лекции⁶⁹⁰, вели пропагандистскую работу на фабриках: так, вышеупомянутый фабрикант Лефортовской части М.И. Карякин сообщал, что партия социал-демократов в Народном доме на Введенской площади регулярно устраивает политические митинги под видом обсуждения рабочими экономических проблем, распространяет среди них свое издание – «Московскую газету», заставляет выбирать депутатов для «организации» пролетариата Первопрестольной и посещать собрания в театре «Аквариум», причем к не желающим это делать применяется насилие⁶⁹¹. Как вспоминает С.И. Мицкевич, митинги посещали и такие лица, которые по определению должны были служить стражами существующего порядка: дворники, солдаты, казаки, «даже полицейские»⁶⁹².»

Почему власть не могла совладать с этим, по выражению Медема, «безумием»? Прежде всего, администрация была плохо о осведомлена о проводимых форумах. Организаторы зачастую «лукавили», скрывая истинные цели собраний – политические. Так, 5 декабря охранка доложила градоначальнику, что по полученным «совершенно секретным» сведениям, 6 числа под видом дозволенного собрания приказчиков галантерейных магазинов в «Аквариуме» должен состояться митинг эсеров⁶⁹³.

Беда в том, что в силу своего дезорганизованного состояния, растерянности в «дни свобод» и полиция, и особенно Охранное Отделение были неспособны как вовремя получить информацию о запланированном незаконном «сборище», так и успешно предотвратить его. Редким примером

⁶⁸⁹ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 784. Т. 1. Л. 127.

⁶⁹⁰ Мицкевич С.И. Указ. соч. С. 413-415.

⁶⁹¹ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 784 Т. I. Л. 127.

⁶⁹² Мицкевич С.И. Указ. соч. С. 414.

⁶⁹³ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 784. Т. II. Л. 48.

везения власти может послужить срочное донесение пристава 1 участка Арбатской части охранке, переданное Медему, о запланированном собрании в театре «Маяк», устраиваемом эсеркой В.И. Шмидт, каковое удалось своевременно пресечь⁶⁹⁴. Но чаще на поступавших к нему сведениях о проведении недозволенных политических сборищ градоначальнику приходилось накладывать недоуменные резолюции по типу оставленной им на сообщении Карякина: «И что не делает Охранное Отделение. Почему я до сей поры не имею об этом никаких сведений⁶⁹⁵?» Однако вопрос оказался явно риторическим, так как почти все запросы барона охранке – об организаторах проектируемых собраний или о поступивших сведениях о незаконных «сборищах» – как правило оставались без ответа⁶⁹⁶. Справедливости ради, следует отметить, что наружное наблюдение и секретная агентура Охранного Отделения фиксировали проведение ряда «подпольных» митингов – в Техническом училище, доме Фидлера, Сельскохозяйственном институте, наконец, конспиративной конференции Северных организаций РСДРП (большевистских) 21-23 ноября⁶⁹⁷. Примечательно, что, извещая Рачковского 18 ноября о последнем форуме и предстоявшем объединительном съезде партии в Петербурге, начальник московской охранки Петерсон изъявлял готовность арестовать состав конференции Северных организаций по получении надлежащих указаний из северной столицы. Однако Дурново, распорядившийся 19 ноября подготовить ему по этому поводу в ДП МВД особый доклад, по всей видимости, решил отложить ликвидацию до сбора более представительного съезда⁶⁹⁸.

Способность же малочисленной и плохо экипированной полиции эффективно предотвращать «незаконные» собрания в случае несогласия последних хорошо иллюстрирует попытка разгона неразрешенного митинга

⁶⁹⁴ Там же. Т. I. Л. 344, 395, 396.

⁶⁹⁵ Там же. Л. 127.

⁶⁹⁶ Там же. Л. 127, 152, 214; Д.784. Т. II. Л. 8, 17, 18.

⁶⁹⁷ Там же. Д. 873. Л. 9-10; Оп. 45. Д. 336. Л. 174 об.-175, 176, 184, 185, 194, 197 об., 212 об. -223, 214; Высший подъем...С. 20.

⁶⁹⁸ Высший подъем...С. 20.

печатников в «Аквариуме» 30 ноября. На форум явился пристав «с несколькими околоточными и городовыми» и потребовал прекратить собрание, как не дозволенное градоначальником. Когда же последовал резкий отказ присутствовавших, глава местной полиции стал просить их хотя бы отправить делегатов к Медему за разрешением. Когда и это не помогло, чиновнику осталось лишь пригрозить возможной присылкой войск (которой на деле не последовало). В результате митингу никто не помешал принять ряд радикальных резолюций: о ведении переговоров с Союзом владельцев типо-литографских заведений на базе жестких требований, о поддержке Московского Совета рабочих депутатов и почтово-телеграфной забастовки, об осуждении нового закона о печати и произведенных арестов и т.п.⁶⁹⁹.

Нередко нерешительность самого Медема приводила к попустительству радикальным «сборищам». Так, 26 ноября он, несмотря на «стыд», решился допустить собрание в доме Телешова по Шаболовке собрание рабочих завода Доброва и Набголец, официально посвященное обсуждению их профессиональных нужд⁷⁰⁰ (хотя 18 числа пристав 2 участка Якиманской части предупреждал его о бесконтрольном использовании дома, в коем находился лишь один дворник, в целях устройства различных собраний⁷⁰¹; из газет барон мог также узнать, что на данных заседаниях под руководством социалистов дебатировались вопросы о вооруженном восстании и созыве Учредительного собрания)⁷⁰². В некоторых случаях Медем вовсе игнорировал привходящие «импульсы» о «крамольных» собраниях: например, он никак не отреагировал на запрос П.Н. Дурново, переданный Департаментом полиции, о справедливости газетных сообщений о дискуссии ораторов от эсеров и социал-демократов на митинге в «Аквариуме», последовавшем там рассуждении об усовершенствованном типе бомб и сборе средств на их

⁶⁹⁹ Там же. С. 594-597.

⁷⁰⁰ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 784. Т. I. Л. 293.

⁷⁰¹ Там же. Л. 177-178.

⁷⁰² Высший подъем...С. 574-575.

изготовление⁷⁰³.

Учитывая все эти факторы, становится ясно, что эффективно контролировать проведение митингов и собраний в «дни свобод» московская власть была не в состоянии. В результате же резко возрастала политизация и радикализация настроений многих москвичей⁷⁰⁴.

Комплекс административно-полицейских мер, конечно же, включал и более радикальные методы «воздействия» на революционное движение. Положение об охране давало в руки генерал-губернатору и градоначальнику следующие средства: арест, высылку, запрещение различного рода собраний (вплоть до частных), «предварительное задержание» («не более однако двух недель») «всех лиц, внушающих основательное подозрение в совершении государственных преступлений или прикосновении к ним, а равно в принадлежности противозаконным обществам»; «производство во всякое время обысков во всех без исключениях помещениях, фабриках, заводах и т.п.⁷⁰⁵».» Как администрация использовала это «оружие» в «дни свобод»?

Распоряжения центрального руководства существенным образом изменили образ действия московской полиции. Так, 26 октября московский градоначальник издал «Секретные прибавления к приказам по московскому Градоначальству и Столичной Полиции», в котором содержался солидный список лиц, приговоренных к лишению права проживания в Москве, особому надзору полиции, установлению наблюдения службы правопорядка с

⁷⁰³ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 784. Т. II. Л. 84. Примечательно, что в другом деле, посвященном разрешению и запрещению митингов и собраний, содержится один из упомянутых в запросе ДП МВД газетных номеров – «Московских ведомостей» от 15 ноября (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 784. Т. I. Л. 144). Помет градоначальника на нем тоже не имеется, поэтому нельзя узнать, был ли он прислан в М.О.О. из Петербурга или был добыт местными сыщиками.

⁷⁰⁴ Первая революция в России...С. 359.

⁷⁰⁵ Российская монархическая государственность...С. 574-575.

последующей передачей данных в Охранное Отделение⁷⁰⁶. Вследствие же получения указа об амнистии и дополнявшего его циркуляра от 26 октября Медем был вынужден издать 10 ноября новое секретное прибавление, в коем подтверждал отмену действия таких видов наказаний, как гласный надзор в административном порядке и ограничение в праве выбора места жительства, для лиц, подвергнутых им до 17 октября 1905 г.⁷⁰⁷.

Последствия следования приказам из Петербурга сложно переоценить: враги режима, в поимке или контроле над которыми была заинтересована власть, теперь оказывались предоставлены сами себе. В качестве примера можно привести многих руководящих лиц партии эсеров, после амнистии без всякого затруднения обосновавшихся в Москве, в особенности деятельных «творцов» Декабрьского восстания – А.Р. Гоца, Н.А. Головину, Н.В. Мазурина⁷⁰⁸. По иронии судьбы, лишь 26 октября Медем включил их в перечень разыскиваемых.

Но в руках у власти оставался еще один серьезный ресурс: право подвергать «подозрительных лиц» аресту сроком до двух недель (при необходимости он мог быть продлен) в рамках Положения об охране⁷⁰⁹. Однако «новые веяния» серьезно ограничили поле действия и без того не отличавшихся решительностью администраторов и здесь: циркуляр ДП МВД от 20 октября содержал пожелание, чтобы «лишение свободы по расследованиям в порядке Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» охватывало «исключительно» лиц, «которые своею явно проявленной деятельностью внушают основательное подозрение в совершении государственных преступлений или в прикосновенности к ним». При этом их «преступная деятельность в течение указанного в Положении срока» должна быть «доказана с положительностью», дабы направить дело «без продления срока ареста» судебной власти для

⁷⁰⁶ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 9. Л. 42-52.

⁷⁰⁷Там же. Л. 53.

⁷⁰⁸Там же. Л. 42-42 об.

⁷⁰⁹Российская монархическая государственность...С. 574.

привлечения виновных по ст. 1035⁷¹⁰. Таким образом, данная мера превращалась в чрезвычайное средство борьбы с врагами режима, которая должна была применяться лишь при наличии серьезной доказательной базы.

Учитывая состояние полицейской и судебной служб, на успех Дурново и Медему надеяться было сложно. На первое время московские администраторы вообще отказались от применения этого средства, что не преминули отметить современники⁷¹¹. Однако осложнение социально-политической обстановки в Первопрестольной подталкивало нерешительных руководителей Первопрестольной к применению лишения свободы своих врагов в рамках Положения об охране. Важнейшими из таких эпизодов стали аресты руководства Крестьянского и почтово-телеграфного союзов, что отразило особенности как деятельности самих Дурново и Медема, так и обстановки в «дни свобод», влиявшей на их шаги в борьбе с революцией. Следует отметить, что ниже мы поговорим не только о механике непосредственно лишения свободы лидеров данных организаций, но и об истории взаимоотношений организованных ими съездов и властей Первопрестольной. Несмотря на кажущийся дубляж сюжета о борьбе администрации с собраниями и митингами, мы избрали такую форму подачи материала, так как она позволяет всесторонне рассмотреть действия и московской, и центральной имперской власти по борьбе с данными союзами.

Несомненно, что форум Крестьянского союза, принявший радикальные резолюции о переходе земель в руки крестьян, не мог не вызвать ответной реакции властей всех уровней. Как московская администрация и руководство страны реагировали на подобные вызовы?

Свою версию действий администрации Первопрестольной и собственной роли в событиях оставил С.Ю. Витте. В мемуарах он писал, что из газет заблаговременно узнал о планировавшемся открытии съезда Крестьянского союза в Москве, причем ему «было совершенно ясно», что к

⁷¹⁰ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 9. Л. 27-27 об.

⁷¹¹Мицкевич С.И. Указ. соч. С. 429.

предстоящему форуму «прилепились» революционные элементы. Поэтому премьер срочно телеграфировал генерал-губернатору Дурново, «прося его обратить внимание на этот съезд». Однако от «главного начальника» Москвы граф не получил ответа, а «на следующий день» съезд открылся, и из газет Витте снова убеждался в революционном характере собрания. Но лишь после закрытия съезда он получил от П.П. Дурново телеграмму о том, что... «съезд закрылся». И венчает этот рассказ нравоучительный пассаж главы правительства: «Все подобные попустительства творились под волшебным влиянием динамитных бомб...⁷¹²». Следовательно, премьер, как это было ему свойственно, представил себя в роли неслышанной Кассандры, четко знавшей, что нужно делать, а невнимательных собеседников (в данном случае московского генерал-губернатора) – как трусливых и нерешительных администраторов, из страха не предотвративших очередное революционное «сборище». На первый взгляд, подобная характеристика в свете наших знаний о П.П. Дурново выглядит правдоподобно. Но возникает вопрос: а как реагировал на опасный для власти форум административный аппарат (в том числе и градоначальник Медем) в целом? К тому же не следует забывать страсть премьера к самооправданию и самовозвеличению.

Московские власти «проглядели» еще Учредительный съезд ВКС, состоявшийся в деревне Химки и в земледельческой школе на Бутырском хуторе 31 июля – 1 августа. Лишь 1 числа в Охранное Отделение поступило первое донесение об этих заседаниях⁷¹³. О новом форуме крестьянской организации, приобретшей за последующие месяцы больший масштаб (по подсчетам Д.А. Колесниченко, 100 тыс. человек в 46 губерниях)⁷¹⁴, администрация Первопрестольной была осведомлена лучше. 12 октября заведующий политической частью ДП МВД П.И. Рачковский проинформировал московского градоначальника, что «по полученным сведениям» 14 – 16 октября должен произойти съезд «Всероссийского союза

⁷¹² Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. С. 399.

⁷¹³ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 783. Л. 37, 48; ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 74. Л. 139-155.

⁷¹⁴ Колесниченко Д.А. Указ. соч. С. 140.

инженеров и техников», 15 – съезд Союза учителей, 20-21 – ВКС, а 22-23 – главной профсоюзной организации, внушавшей такой ужас властям империи, - Союза Союзов, на коем должен состояться доклад об отношении к выборам в Думу. В этой связи шефу полиции Первопрестольной предлагалось, по распоряжению Трепова, в случае, «если на открытие означенных съездов не будет испрошено надлежащее разрешение», не допускать их и разгонять собравшихся.

Бурные события Всероссийской стачки и начала «дней свобод» отсрочили как открытие съезда ВКС, так и ознакомление градоначальника с этим приказом, которое состоялось только 28 октября. Совершенно в своем духе Медем наложил на документе такую резолюцию: «Трудно все это исполнить, когда сегодня 28 октября». Тем не менее, он распорядился «по сему поводу» ему «доложить» и впредь «принять все меры» к пресечению таких форумов⁷¹⁵.

Отсутствие конкретики в этом приказании и дезорганизация полицейского аппарата сыграли свою роль: к 6 ноября, дню открытия съезда, ни полиция, ни охранка, не предприняла никаких мер к его предотвращению: 6 числа 187 делегатов от 27 губерний съехались в Москву⁷¹⁶. Перед местными властями сразу встал вопрос: что делать с открывшимся явочным порядком форумом? Имелись распоряжения Трепова от 13 октября⁷¹⁷ и приводившийся приказ Рачковского от 14 о разгоне всех неразрешенных сборищ, однако обстановка в стране и указания начальства существенно изменились. Поэтому не привыкший к решительным акциям Медем 6 же числа поспешил обратиться за «руководящими указаниями» к генерал-губернатору. На эту просьбу последовал ответ Дурново, дошедший в интерпретации самого

⁷¹⁵ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 783. Л. 220. Получал Медем и иные «сигналы» об оппозиционной деятельности руководящих органов ВКС – Главного совета и бюро содействия. В анонимном донесении градоначальнику от 31 октября говорилось о «революционной конторе» по адресу: Рождественка, дом Хлудова, № 6, музей содействия труду (это было именно место штаб-квартиры руководства Крестьянского союза). Однако в данном случае все закончилось как обычно – Медем наложил резолюцию: «А известно ли это Охранному Отделению? Прошу доложить», а политический сыск ничего в этом направлении так и не сделал (ГА РФ. Ф. 63. Оп.2 5. Д. 784. Т. II. Л. 8).

⁷¹⁶ Колесниченко Д.А. Указ. соч. С. 140.

⁷¹⁷ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 783. Л. 164.

барона: «раз съезд допущен, то он и не видит теперь оснований к его разгону но требует что бы о лицах в нем участвующих было бы доложено⁷¹⁸.» Данный пассаж демонстрирует откровенное стремление генерал-губернатора снять с себя ответственность за сложившиеся положение как перед радикальной общественностью, так и перед Петербургом, выставив козлом отпущения не любимого им градоначальника; и в то же время – попыткой продемонстрировать «кипучую энергию». Не зная, что предпринять, градоначальник решил перенести решение вопроса в вышестоящие инстанции: 7 ноября он отправил телеграмму Рачковскому, в коей просил «уведомить», «могут ли быть допущены заседания съезда», ссылаясь на то, что по Высочайшему указу 12 октября 1905 г. разрешение подобных форумов санкционируется главой МВД⁷¹⁹. (Как видно, про телеграмму своего адресата от 14 октября барон «позабыл»). Однако надежды Медема избавиться от решения «проклятого вопроса» оказались тщетными: в ответной телеграмме глава политической части ДП передавал барону «рекомендацию» П.Н. Дурново «обратиться за указаниями Генерал-Губернатору⁷²⁰.» Получался замкнутый круг, в котором никто из участников ни за что не хотел отвечать.

В итоге Медем вторично обратился к П.П. Дурново. Очевидно, почуявший нерешительность «верхов», «главный начальник» Первопрестольной и на этот раз отказался запрещать съезд, пожелав лишь, «чтобы он поскорее окончился», и вновь потребовав сведений об участниках⁷²¹.

Медему не оставалось ничего другого, как импровизированно налаживать контроль над собранием Крестьянского союза, который до этого был малоизвестен московскому сыску. По словам барона в объяснении по результатам ревизии сенатора Н. Чаплина, на съезд были командированы не только филеры для наружного наблюдения, но и секретный «интеллигентный

⁷¹⁸ Там же. Л. 190.

⁷¹⁹ Там же. Л. 187.

⁷²⁰ Там же. Л. 190.

⁷²¹ Там же. Л. 557-557 об.

сотрудник» для установления собравшихся лиц и контролем за ходом заседаний⁷²². Действительно, в Охранное Отделение регулярно доставлялись номера газет, публиковавших отчеты о заседаниях съезда («Русских Ведомостей», «Вечерней почты», «Русского Слова» и других), а также отчеты «интеллигентного» агента о ходе заседаний с упоминанием известных ему радикальных политических деятелей⁷²³. Впрочем, не слишком высокая компетентность русского сыска в деле установления партийной принадлежности «неблагонадежных» сыграла роль и здесь: в социал-демократы был записан убежденный эсер И.И. Фундаминский⁷²⁴. На основе материалов печати, данных, добытых «интеллигентным сотрудником» и перлюстрации писем охранка развернула розыскные мероприятия: в адресном столе запрашивались сведения о выявленных членах ВКС или об авторах заинтересовавших сыщиков писем; в другие губернии посылались просьбы прислать сведения о лицах, отправившихся на съезд в качестве делегатов⁷²⁵. Следовательно, мнение сенатора Чаплина, что Охранное Отделение ограничилось лишь внешним наблюдением за посетителями съезда, представляется слишком категоричным⁷²⁶. Однако результат, добытый таким авральным методом, не мог быть впечатляющим: из 187 участников съезда к 10 ноября (дате его закрытия) удалось установить имена лишь 27, а из 27 губерний, откуда прибыли делегаты, – узнать о 16⁷²⁷. О недостатках в работе московского политического сыска также свидетельствует установленный им состав «Центрального бюро» ВКС (на самом деле, существовали Главный комитет и бюро содействия союза): наряду с реально входившими в состав руководства организации С.В. Курниным, А.Ф. Стаалем, А.В. Тесленко, А.П. Левицким, В.Г. Богораз-Таном в составленном Охранным Отделением списке значились не принадлежавшие к нему В.Н. Бобринская, В.Ф. Краситов, С.С.

⁷²² Там же. Л. 557 об.

⁷²³ Там же. Л. 181-183, 186-186 об., 189-189 об., 195-196, 203, 206-206 об., 219-219 об., 224-225.

⁷²⁴ Там же. Л. 181-183.

⁷²⁵ Там же. Л. 163, 168-169, 170, 191, 192, 214, 215-216 об., 226-230.

⁷²⁶ Там же. Л. 565.

⁷²⁷ Там же. Л. 196 об.-197, 209-210 об.

Старынкевич и П.Н. Малянтович⁷²⁸. Никакой серьезной внутренней агентуры, которая бы смогла доставить московской охранке достоверные сведения о составе и настроениях участников форума, завербовать тем более не удалось.

Как можно заключить из приведенного материала, в Петербурге также не было определенной позиции по поводу того, что делать со съездом. Весьма примечательна дискуссия, развернувшаяся между Витте и управляющим МВД Дурново на заседании Совета министров 9 ноября, проходившим под личным председательством царя. Если глава ведомства правопорядка доказывал, что ВКС «революционная организация», то премьер настаивал, что «не чисто революц[ионная]» и, по-видимому, что сведения Департамента полиции на этот счет поверхностны. Дурново, судя по всему, позиций не сдавал и уверял, что участники союза «в массе революционеры» и что «главн[ое] революци[я] в этом съезде организ[уется]». Выходом из положения главе МВД виделся, по всей видимости, арест значительной части участников, в то время как Витте продолжал утверждать, что организация ВКС в отличие от Союза Союзов власти неизвестна. В ход дискуссии впоследствии вмешался министр юстиции С.С. Манухин, заявивший, что, вероятно, имеющиеся у Дурново данные «скудны и недостаточны⁷²⁹». Как видно из приведенного материала, Витте вовсе не выступал «ястребом» по отношению к ВКС, а скорее даже его «адвокатом». Неудивительно, что представленная им в мемуарах версия собственного поведения является очередной мистификацией: никакой телеграммы от 5 ноября к московскому генерал-губернатору нам обнаружить не удалось. Первое же его послание к П.П. Дурново датировано 12 ноября, через два дня после закрытия форума, и поэтому оно вовсе не содержит каких-либо указаний «обратить внимание на съезд». Напротив, премьер требовал «поставить (его – М.А.) в известность» о работе съездов ВКС и происходившего одновременно съезда Союза учителей и «отношения Вашего

⁷²⁸ Там же. Л. 209-209 об.

⁷²⁹ Совет министров Российской империи. 1905-1906...С. 44. В сохранившейся записи заседания не все высказывания участников обсуждения атрибутированы, многие их мысли зафиксированы фрагментарно, поэтому реконструкция нами хода дискуссии имеет до известной степени гипотетический характер.

превосходительства к этим союзам и их решениям⁷³⁰.» Очевидно, Витте под влиянием энергичной аргументации П.Н. Дурново решил сам разобраться в сути деятельности ВКС. Что до последнего, он, напротив, предстаёт убежденным сторонником жестких мер, однако, как указывалось, именно 9 ноября он «умыл руки» при решении вопроса о судьбе форума. Возможно, такая позиция объяснялась неуверенностью недавно назначенного главы МВД в своих силах, подогретой активным противодействием его взглядам со стороны премьера и министра юстиции.

К моменту получения послания Витте московский генерал-губернатор, коему были доложены данные о составе и программе закрывшегося съезда, очевидно, успел успокоиться (никаких помет на просмотренных документах он, по своему обыкновению, не оставил)⁷³¹. Полученный прямой запрос главы «объединенного правительства», грозивший возложением ответственности за допущение «крамольного» форума, заставил его занервничать. Поэтому 13 ноября П.П. Дурново потребовал у Медема сообщить «основания», на коих состоялись заседания съездов Крестьянского союза и союза учителей, «предметы их занятий, а также подробное содержание постановленных ими резолюций»⁷³².» Подобное распоряжение в свете предшествовавших «указаний» генерал-губернатора и полученной им информации может показаться комичным, но в свете стремления «главного начальника» сложить с себя ответственность за проявленное бездействие оно вполне объяснимо. Однако расчет «главного начальника» не оправдался: Медем сам был готов вручить генерал-губернатору «пальму первенства» в деле попустительства. В тот же день он представил Дурново подробный отчет о заседаниях и решениях съездов, «аналитическую записку» охраны и доложил, что раз согласно указу 12 октября разрешение съездов – дело министра внутренних дел, то он и

⁷³⁰ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 74. Л. 184. Газета «Новости дня» приписывала будущий арест лидеров ВКС посещению Витте известным консервативным прожектером Н.А. Павловым («дворянином Павловым»), который якобы смог убедить премьера, что резолюции съезда продавлены интеллигенцией против воли крестьян (Новости дня. 30 ноября 1905 г. № 8068). На основании имеющихся у нас источников данную информацию проверить затруднительно.

⁷³¹ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 74. Л. 178-183.

⁷³² Там же. Л. 185.

обратился к нему за указаниями, в результате чего барону было поручено испросить таковые у московского генерал-губернатора⁷³³. Одновременно исполнявший должность начальника охраны Петерсон проявил инициативу в деле нейтрализации союза – сообщил все имевшиеся у него сведения об организации начальнику МГЖУ, причем прокурор судебной палаты В.Ф. фон Клуген вознамерился произвести предварительное следствие по этому делу⁷³⁴.

Тем временем П.Н. Дурново готовил наступление против ВКС. Подобный образ действий он принял не сразу: 10 ноября он представил царю доклад о деятельности ВКС и в частности – о происходившем в Москве союзе, но пока не предлагал приступить к арестам его руководства (нужно отметить, что Дурново более точно, нежели его подчиненные в Москве, представлял себе состав последнего, однако даже он не спасся от ошибок: в число вождей делегатского совещания им был записан «литератор» Е.Н. Чириков, который лишь однажды присутствовал на заседании съезда)⁷³⁵. 14 ноября глава МВД принял итоговое решение: Петерсон получил телеграмму за подписью директора ДП МВД Э.И. Вуича с приказом арестовать в рамках Положения об охране лидеров союза – А.Ф. Стааля, С.В. Курнина, С.М. Блеклова, А.М. Белевского, В.Г. Богораз-Тана, А.В. Тесленко, А.П. Левицкого, В.П. Мазуренко. Кроме того, в этот список попали Д.И. Соловьев и вышеупомянутый Е.Н. Чириков, не входившие в состав руководящих органов крестьянской организации⁷³⁶. Данное распоряжение было оперативно выполнено: под арестом оказались все указанные лица, кроме заболевшего Курнина и Мазуренко, отбывшего в Петербург, а впоследствии – на Дон (где в итоге и был арестован)⁷³⁷. Особый приказ градоначальника предписывал изымать возможные улики для судебной власти – запрещенную литературу, переписку по ВКС, оружие⁷³⁸. Результаты обысков были разнообразны – от

⁷³³ Там же. Л. 188-191 об., 192-195.

⁷³⁴ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 783. Л. 314.

⁷³⁵ РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 9. Л. 28-32 об.; ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 783. Л. 339.

⁷³⁶ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 783. Л. 242, 339.

⁷³⁷ Там же. Л. 294; Колесниченко Д.А. Указ. соч. С. 205.

⁷³⁸ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 783. Л. 243.

«ничего предосудительного» у Курнина до «бумаг и писем относящихся до крестьянского съезда», важнейших воззваний организации («Чего хотят люди, ходящие с красным флагом» и «Приговор крестьянского союза») и револьвера Маузера у Стааля⁷³⁹. 17 числа вся переписка об арестованных по приказу управляющего МВД была передана в МГЖУ⁷⁴⁰.

Между тем, Витте, видимо, неосведомленный о карательных распоряжениях П.Н. Дурново, 14 ноября направил его московскому однофамильцу новую телеграмму, содержащую просьбу «ускорить доставление» запрашиваемых сведений⁷⁴¹. Обеспокоенный П.П. Дурново предписал Медему сообщить о результатах произведенных обысков, о том, кто из обыскиваемых арестован, какое направление планировалось дать их делу и о правовой основе этих репрессивных мероприятий⁷⁴². Как видно, предоставлением премьеру столь подробной информации Дурново надеялся избавить себя от возможных упреков со стороны главы «объединенного правительства» в слабости или, напротив, в произволе. В тот же день барон прислал необходимые сведения⁷⁴³, и 15 ноября Дурново отправил Витте столь желаемый последним отчет (включая бумаги, предоставленные градоначальником еще 13 числа). Его объяснения свелись к оправданию собственной бездеятельности: раз полиция не смогла заблаговременно предотвратить «крамольные» съезды крестьян и учителей, он не стал их разгонять, желая не допустить «осложнений» «в настоящее тревожное время» и якобы намереваясь впоследствии привлечь их участников к уголовной ответственности, что и произошло по распоряжению директора Департамента полиции⁷⁴⁴. Однако выражения воли самого генерал-губернатора предать членов ВКС «уголовной ответственности» нам найти не удалось⁷⁴⁵.

По рассмотрении переписки Витте и П.П. Дурново становится понятно,

⁷³⁹ Там же. Л. 267, 285.

⁷⁴⁰ Там же. Л. 341.

⁷⁴¹ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 74. Л. 201.

⁷⁴² Там же. Л. 187.

⁷⁴³ Там же. Л. 197.

⁷⁴⁴ Там же. Л. 196-196 об.

⁷⁴⁵ Там же. Л. 179-201; ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 783.

зачем графу понадобилось исказить истину в мемуарах. Документы свидетельствуют, что премьер был неважно осведомлен о деятельности ВКС, а кроме того – уже в ноябре плохо контролировал карательную деятельность МВД, важнейшего ведомства в составе «объединенного правительства».

Между тем, арест руководства ВКС (и попавшихся под руку лиц) принес московской власти только новые сложности. Первым делом вспыхнул бунт на «административном корабле»: 17 ноября исполнявший должность губернатора Джунковский, в ведении коего находилась Губернская тюрьма, куда поместили арестованных, потребовал их перевода в полицейские дома, под предлогом того, что в тюрьмы можно заключать лишь по постановлениям судебной власти. В противном случае глава губернии грозил барону волнениями и «даже беспорядками»⁷⁴⁶.» С помощью Рачковского Медему удалось отбиться от притязаний Джунковского, также, видимо, стремившегося снять с себя ответственность за возможные «осложнения» обстановки в городе⁷⁴⁷. Однако затем сюрприз администрации преподнесло уже судебное ведомство: следователь по особо важным делам К.М. Головня на основе предоставленных ему по делу данных не нашел возможным привлечь арестованных к предварительному следствию и 19 ноября распорядился об их освобождении⁷⁴⁸. Как видим, жрецы Фемиды действовали в духе своего министра. Видимо, догадываясь о такой позиции ведомства юстиции, П.Н. Дурново 18 числа по телефону приказал Медему в случае освобождения арестантов продолжать держать их под стражей, но уже в силу Положения об охране⁷⁴⁹. Этим предписанием барон не преминул воспользоваться⁷⁵⁰.

Подобные «экзерсисы» в определении «меры пресечения» вкупе с новым «социально-политическим климатом» после выхода Манифеста 17 октября вызывали довольно болезненную реакцию «прогрессивной общественности» Первопрестольной. В день ареста к Медему явилась графиня

⁷⁴⁶ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 783. Л. 316.

⁷⁴⁷ Там же. Л. 319.

⁷⁴⁸ Там же. Л. 375, 376.

⁷⁴⁹ Там же. Л. 351.

⁷⁵⁰ Там же. Л. 374.

В.Н. Бобринская, известная своей общественной деятельностью и радикальными политическими взглядами (участие в заседаниях «Делегатского совещания» ВКС дало повод московским сыщикам и ее записать в руководители организации)⁷⁵¹, и заявила барону, что сегодня же едет жаловаться на него в Петербург⁷⁵². Сама процедура обыска и взятия под стражу вызвала горячий протест у части репрессируемых: так, А.П. Левицкий нашел подобные действия властей «стоящими в полном противоречии с Манифестом 17 октября⁷⁵³.» 16 ноября при посещении тюрьмы губернским тюремным инспектором арестанты предъявили ему ряд претензий: Чириков и Соловьев – о непонимании причин их задержания, Стааль – о противоречии заключения деятелей ВКС в тюрьму основным принципам Манифеста (любопытно, что при этом он ссылался на генерал-губернатора Дурново, заявившего ему при аудиенции, что никто не будет отныне заключен в тюрьму без приговора судебной власти) и необоснованности взятия под стражу Чирикова. Все эти заявления были переданы Джунковским Медему⁷⁵⁴.

Постепенно конфликт по поводу ареста руководителей ВКС стал приобретать публичный характер. Члены наблюдательной комиссии за московскими местами заключения заявили в тюремной конторе протест по поводу удержания арестованных под стражей после принятия судебной властью решения об их освобождении. В том же номере «Русского Слова» от 22 ноября, в коем было опубликовано данное сообщение, появилась заметка П. Пчелина, призывавшего Общество любителей российской словесности вступить за своего члена Е.Н. Чирикова, попавшего в число «новых жертв гнусного произвола администрации⁷⁵⁵.»

Еще более взрывной материал был помещен днем ранее на страницах «Вечерней Почты» – язвительное стихотворение В.Г. Богораз-Тана под названием «Из песни «свободного гражданина», переданное из тюрьмы, в

⁷⁵¹ Там же. Л. 209.

⁷⁵² Там же. Л. 294.

⁷⁵³ Там же. Л. 274.

⁷⁵⁴ Там же. Л. 339.

⁷⁵⁵ Русское Слово, 22 ноября 1905 г., № 338.

кчем трясущаяся от страха конституция, с которой лирического героя барон Медем «при незыблемых основах» (свободы слова, собраний, союзов и неприкосновенности личности – М.А.) «посадил в острог», просит защитить от грозящего «съесть» ее градоначальника.

Вслед за этим характерным образчиком поэзии было напечатано воззвание заключенных членов Центрального бюро содействия ВКС, в коем союз провозглашался отнюдь не вредной для общественного порядка организацией, а действия власти (центральной и московской) квалифицировались как «беззаконие и произвол», нарушение «действительной неприкосновенности личности», продиктованные стремлением правительства не допустить удовлетворения «народных нужд⁷⁵⁶». 24 ноября вице-президент Московского Общества Сельского Хозяйства, ветеран радикально-либерального движения кн. Д.И. Шаховской потребовал у Медема сведения об «основаниях ареста» членов МОСХ – Блеклова, Курнина, Тесленко и секретаря общества Левицкого, о предполагаемых сроках их освобождения и запросил опись изъятых у них при обыске вещей и документов⁷⁵⁷. Сотрудники императорского Русского технического общества (бывшего главной штаб-квартирой ВКС в Москве) открыто выразили в печати свое недовольство бесцеремонностью обыска, устроенного полицией 30 ноября⁷⁵⁸. Наконец, сами заключенные не сидели сложа руки: они вознамерились объявить 22 ноября голодовку⁷⁵⁹ и реализовали свой замысел 25 числа⁷⁶⁰, что стало достоянием прессы⁷⁶¹. Очевидно, что в результате этих акций авторитет московской администрации и власти в целом в глазах общественности серьезно подрывался. Более того, становится ясно, что представители общественных кругов уже не особенно боялись защитников существовавшего порядка. Характерным примером может послужить

⁷⁵⁶ Вечерняя Почта, 21 ноября 1905 г., № 286.

⁷⁵⁷ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 783. Л. 404.

⁷⁵⁸ Русские Ведомости, 1 декабря 1905 г., № 324.

⁷⁵⁹ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 783. Л. 378.

⁷⁶⁰ Там же. Л. 419.

⁷⁶¹ Жизнь, 28 ноября 1905 г., № 2.

очередной визит к градоначальнику графини Бобринской, состоявшийся 1 декабря, во время коего она заявила, что во время обыска в Русском техническом обществе были изъяты и принадлежавшие ей лично бумаги (видимо, ничуть не опасаясь привлечения к ответственности, она представила и их список)⁷⁶².

Местная власть в данной ситуации отнюдь не проявляла решительности. При получении слухов о голодовке Джунковский, коего в историографии принято представлять уверенным администратором⁷⁶³, сразу же сложил с себя всякую ответственность за последствия. Градоначальник Медем, и без того не отличавшийся силой характера, сразу же обратился в Петербург за указаниями⁷⁶⁴.

Единственным, кто сохранил в этой ситуации решительность, был управляющий МВД П.Н. Дурново. К этому времени он уже твердо вознамерился дать революции генеральное сражение и не собирался отступать. 22 ноября он прислал московскому градоначальнику жесткий ответ, что несмотря на бездеятельность губернатора именно «на обязанности» барона «лежит принимать все указанные в законе меры для употребления оружия включительно к подавлению мятежнических действий революционной толпы», ввиду чего Медему предлагалось «обдумать» все детали возможной атаки на тюрьму и «действовать без малейших колебаний» (подчеркнуто в источнике – М.А.). Кроме того, Дурново выбил у Манухина распоряжение оставить обвиняемых под стражей по решению судебной власти (что облегчалось «проработкой», устроенной министру юстиции и его ведомству на заседании Совета министров 18 ноября). Дальнейшие же указания о действиях барону надлежало получить от нового генерал-губернатора – вице-адмирала Ф.В. Дубасова⁷⁶⁵.

⁷⁶² ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 783. Л. 456.

⁷⁶³ Дунаева А.Ю. Реформы полиции в России начала XX века и Владимир Федорович Джунковский. М., 2012.

⁷⁶⁴ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 783. Л. 378.

⁷⁶⁵ Там же. Л. 389-389 об.

Последний прибыл в Первопрестольную 25 ноября, как раз в день объявления арестантами голодовки. В ходе импровизированного совещания с градоначальником и исполнявшим должность губернатора во избежание возможного нападения на тюрьму было решено освободить троих из них – Д.И. Соловьева, Е.Н. Чирикова и В.Г. Богораз-Тана, поскольку, по словам Джунковского и поддержавшего его Медема, «к содержанию в заключении помянутых ... лиц нет достаточных оснований». О данном заключении Дубасов немедленно доложил в Петербург⁷⁶⁶. Примечательно, что тогда же градоначальник отправил телеграмму в Департамент полиции, признав освобождение троих арестантов в «интересах общественного спокойствия ...крайне желательным⁷⁶⁷». В результате Дурново пришлось 26 ноября отдать распоряжение о вызволении Соловьева и Чирикова, но при оставлении под стражей Богораз-Тана как привлеченного к судебному следствию в качестве обвиняемого⁷⁶⁸.

Но и впоследствии Медем так и не обрел решительности в деле борьбы с ВКС. Одновременно с приказаниями произвести обыск в Русском техническом обществе и у близкой к организации Е.Д. Мазуриной⁷⁶⁹, он стремился избегать «излишне резких движений»: Мазурина была оставлена на свободе⁷⁷⁰, а вышеупомянутое заявление Шаховского он препроводил «на распоряжение» следователю Головне⁷⁷¹. Впрочем, служитель Фемиды не преминул также свалить ответственность на администрацию: когда жена Богораз-Тана потребовала 2 декабря его освобождения ввиду плохого состояния здоровья, Головня уверил ее, что препятствий к этому не видит, но намекнул, что в таком случае она и ее муж рискуют быть высланными из Москвы Охранным Отделением. Правда, под конец разговора он пообещал «принять все меры» к

⁷⁶⁶ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 74. Л. 208.

⁷⁶⁷ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 783. Л. 419.

⁷⁶⁸ Там же. Л. 421. По иронии судьбы 26 октября Медем получил предписание от Департамента полиции в случае изменения меры пресечения для кого-либо из арестованных по делу о ВКС, продолжать содержание под стражей «в порядке охраны» (ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 783. Л. 416).

⁷⁶⁹ Там же. Л. 441, 446.

⁷⁷⁰ Там же. Л. 446.

⁷⁷¹ Там же. Л. 405.

освобождению публициста⁷⁷².

Эпопея с арестом руководства ВКС не способствовала прекращению антиправительственной работы последнего: даже напротив, его членам было суждено участвовать в принятии решения, во многом обусловившего ход событий в декабре 1905 г. Речь идет об инициативе, с которой выступил 26 ноября на заседании Петербургского Совета рабочих депутатов один из лидеров крестьянской организации С.П. Мазуренко (брат В.П. Мазуренко): отказаться от уплаты долгов царского правительства, налогов, изымать вклады из банков и сберегательных касс, не давать правительству рекрутов (что было спроектировано еще Делегатским совещанием). Данное предложение легло в основу знаменитого «Финансового манифеста», ставшего прологом к аресту Петросовета и началу всеобщей стачки и Декабрьского восстания в Москве (причем его текст вырабатывали совместно с А.Л. Парвусом лидеры ВКС – Мазуренко и Ф.П. Медведев)⁷⁷³. Как видим, запоздалый арест руководства союза не спас власти Российской империи от нового революционного взрыва (а, возможно, даже ускорил его).

Таким образом, история данного мероприятия раскрывает ряд особенностей функционирования административного аппарата Первопрестольной и империи в интересующий нас период. Недостатки в работе московского сыска, а также полная растерянность руководителей второй столицы в «дни свобод» привели к тому, что никаких мер к предупреждению столь популярной среди крестьян и резко оппозиционной по отношению к власти организации, как Крестьянский союз, предпринято не было. После же открытия заседаний Делегатского совещания, когда его участники принимали резолюции о переходе земли «в руки трудящегося народа» или о демократизации государственного строя, и местная, и центральная власть проявляли полную пассивность, связанную как с растерянностью в текущей политической обстановке слабовольных

⁷⁷² Новости дня, 2 декабря 1905 г., № 8070.

⁷⁷³ Колесниченко Д.А. Указ. соч. С. 206-207.

руководителей Первопрестольной, так и отсутствием единства по отношению к ВКС со стороны «объединенного правительства». Все это способствовало беспрепятственной работе данного форума. Когда же руководство МВД решилось наконец перейти в наступление, отдав приказ об аресте активистов организации (в число коих вошли двое практически непричастных к Союзу лиц), это рассматривалось широкими кругами «прогрессивной общественности» как очередное доказательство неизменной реакционности правящего режима. Тем паче, что московская власть вовсе не действовала единым фронтом: судебное ведомство встало на формальную точку зрения и, явно симпатизируя «новым веяниям», отказалось привлекать заключенных к судебной ответственности; не были образцами решительности градоначальник и исполнявший должность губернатора. В итоге эпопея с изменениями «меры пресечения» завершилась не только общественным протестом, но и решительными шагами оставшихся на воле лидеров ВКС по разработке и введению в действие знаменитого «Финансового манифеста» Петросовета. Следовательно, факторы слабости администрации, упомянутые в прежней главе, оказались для власти непреодолимыми; переход же управляющего МВД Дурново в данной ситуации явно запоздал и при массовом ощущении отсталости и слабости правительства порождал активное противодействие.

В целом тот же спектр проблем возник при борьбе с еще более грозным явлением социально-политической жизни России в ноябре 1905 г. – почтово-телеграфной забастовкой. Борьба с ней местной и центральной власти получила освещение в историографии: значительный фактический материал собран в фундаментальном труде К.В. Базилевича⁷⁷⁴, на его основе вывод о полном бездействии московской власти сделал Дж. Сандерс⁷⁷⁵. Однако сам процесс работы репрессивного механизма в этом деле не стал предметом самостоятельного рассмотрения, хотя здесь, в сравнении с историей преследования ВКС, сразу проявились некоторые нюансы.

⁷⁷⁴ Базилевич К.В. Указ. соч. С. 188-232.

⁷⁷⁵ Sanders J. Op. cit. P. 534-535.

Прежде всего, власть была настроена более решительно. Как известно, еще 31 октября появился циркуляр начальника Главного управления почт и телеграфов М.П. Севастьянова, содержащий вердикт П.Н. Дурново о несовместимости членства в почтово-телеграфном союзе и пребывания на государственной службе⁷⁷⁶. Примечательно, что и в рядах «объединенного правительства» разногласий по этому вопросу не было: еще 4 ноября Совет министров пришел к заключению о воспрещении почтово-телеграфного союза⁷⁷⁷.

Большую информированность, чем в деле ВКС, проявляла и московская власть. 6 ноября Медем доложил Рачковскому в ответ на запросы последнего от 2 и 5 чисел, что никакого «центрального стачечного почт[ово-]телеграфного комитета в Москве не существует», а имеется «бюро Союза», вступившее в «сношение» с Московским стачечным комитетом. 8 числа он прислал дополнительную справку, в которой указывались имена руководителей Союза (Н.Г. Двужильного, В.П. Акимова и К.В. Парфененко), цели организации, а также даты планируемого съезда (с 14 по 17 ноября)⁷⁷⁸. Впрочем, сложно сказать, насколько дорого досталась градоначальнику данная информация: сохранившиеся в деле фонда Московского Охранного Отделения газеты довольно подробно излагают программу и планы союза, и сам Медем признавал, что объединение «агитирует совершенно открыто»⁷⁷⁹. Но каковы были конкретные действия московской администрации в ходе борьбы, развернувшейся между Союзом почтово-телеграфных служащих и МВД? Сразу следует отметить, что в данном случае «агенты правительства» также столкнулись с более решительным врагом – около 1 ноября Центральное бюро союза разослало письмо, в коем призывало к забастовке в случае неудовлетворения начальством их требований.⁷⁸⁰ Однако не следует

⁷⁷⁶ Высший подъем...С. 111.

⁷⁷⁷ Совет министров Российской империи. 1905-1906...С. 40-41; Правительственный Вестник, 5 ноября 1905 г., № 239.

⁷⁷⁸ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 795. Т. II. Л. 2,3 10; *Базилевич К.В.* Указ. соч. С. 186.

⁷⁷⁹ Там же. Д. 795. Т. I; Д. 795. Т. II. Л. 10; *Базилевич К.В.* Указ. соч. С. 186.

⁷⁸⁰ Высший подъем...С.111-112.

представлять объединение почтово-телеграфных служащих как готовую революционную армию: как установил К.В. Базилевич, далеко не все из них на местах поддерживали идею забастовки и были готовы к ней⁷⁸¹.

2 числа, по всей видимости, в ответ на полученное начальником Управления городского телеграфа в Петербурге Е. Дьяковым воззвание союза⁷⁸², Дурново отправил приказ своему московскому однофамильцу: в случае устройства съезда организации, иметь над ним неустанное наблюдение и сообщить ему, кто из почтово-телеграфных чиновников осмелится принять в нем участие⁷⁸³. Данное послание 7 ноября было доставлено Медему, который наложил на нем бодрую резолюцию: «Учредить наблюдение и своевременно дать точные сведения о лицах, принимавших участие и о результатах совещания⁷⁸⁴.» Однако в тот же день градоначальнику пришлось непосредственно решать вопрос о линии поведения по отношению к союзу почтово-телеграфных служащих. Лидер объединения Н.Г. Двужильный уведомил Медема о запланированном на завтрашний день митинге служащих, где должны были обсуждаться «вопросы экономического и правового положения» их. Собрание должно было проходить утром и вечером; при этом разрешения как такового Двужильный не спрашивал, утверждая, что на его проведение в театре «Аквариум» дала согласие городская управа⁷⁸⁵. Медем сразу же обратился за указаниями к Рачковскому⁷⁸⁶. Однако к вечеру он не получил необходимых разъяснений и решился действовать на свой страх и риск – разрешил проектируемое вечернее собрание⁷⁸⁷. Видимо, заведующий политической частью Департамента полиции сам выяснял этот вопрос с министром, поскольку на следующий день П.Н. Дурново отправил своему московскому однофамильцу телеграмму, которая воспрещала планировавшийся митинг как не разрешенный непосредственным начальством организаторов (то

⁷⁸¹ Базилевич К.В. Указ. соч. С. 181-182.

⁷⁸² Там же. С. 112.

⁷⁸³ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 261. Л. 174.

⁷⁸⁴ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 795. Т. II. Л. 4; Базилевич К.В. Указ. соч. С. 186.

⁷⁸⁵ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 795. Т. II. Л. 8.

⁷⁸⁶ Там же. Л. 9.

⁷⁸⁷ Там же. Л. 8.

есть Севастьяновым)⁷⁸⁸. Канцелярия П.П. Дурново с доставкой столь важных документов не спешила: барон получил телеграмму только 9 числа и ему лишь оставалось начертать на ней: «К сведению и руководству⁷⁸⁹.» Как видим, неизбежная инициатива Медема (да еще в условиях работы такого же «нелегального» Делегатского совещания ВКС) обернулась еще одним актом попустительства и разрушала «единство обороны» центральной и московской власти против союза.

Тем временем, отношения между почтово-телеграфными служащими и руководством МВД обострялись. Стороны переходили к решительным действиям: к 11 декабря в министерстве был разработан проект увольнения главных «подстрекателей⁷⁹⁰.» 13 ноября П.Н. Дурново телеграфировал московскому генерал-губернатору приказ «выяснить поименно» делегатов предстоящего почтово-телеграфного съезда⁷⁹¹. Надо сказать, что в этой области Медем и подчиненное ему Охранное Отделение уже предприняли ряд мер. Так, 11 числа барон докладывал Рачковскому, что в планируемом съезде должны участвовать делегаты 52 губерний, «по 2 чиновника и 2 почталиона». Также градоначальник извещал, что прибытие этих лиц в Москву уже началось и «меры к выяснению участников съезда мною приняты⁷⁹².» В данном случае Медем не лукавил: с 12 ноября в Первопрестольную стали поступать извещения от начальников местных почтово-телеграфных округов и жандармских управлений с сообщением фамилий отправившихся на съезд делегатов⁷⁹³.

Тем временем лидеры Почтово-телеграфного союза – Двужильный и Н.П. Миллер – официально запросили у градоначальника разрешение на проведение съезда. Наученный горьким опытом барон отказался разрешать

⁷⁸⁸ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 261. Л. 176.

⁷⁸⁹ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 795. Т. II. Л. 11. К.В. Базилевич, упоминая об этом эпизоде, не приводит датировки ответа Рачковского и его доставки Медему, отчего складывается впечатление, что распоряжение из Петербурга пришло оперативно и митинг был предотвращен (*Базилевич К.В. Указ. соч. С. 187*).

⁷⁹⁰ *Базилевич К.В. Указ. соч. С. 187-188.*

⁷⁹¹ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 261. Л. 179; *Базилевич К.В. Указ. соч. С. 188.*

⁷⁹² ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 795. Т. II. Л. 13; *Базилевич К.В. Указ. соч. С. 186.*

⁷⁹³ Там же. Д. 795. Т. I. Л. 11-12, 21.

съезд в отсутствие дозволения от Главного управления почт и телеграфов, о чем было сообщено Миллеру со ссылкой на Свод Законов⁷⁹⁴.

Между тем, обстановка «свобод» и нерешительность власти сыграли свою роль: в Москве 14 числа состоялось импровизированное совещание членов почтово-телеграфного союза, на коем, как установил К.В. Базилевич, происходили выборы делегатов на съезд от Москвы⁷⁹⁵. Медем, узнавший о проведении самочинного собрания, отдал приказ приставу 1 участка Тверской части прекратить его, переписать участников и передать список с их фамилиями мировому судье для возбуждения дела⁷⁹⁶. Однако вовсе не с покорными обывателями довелось встретиться полицейскому чиновнику: председательствовавший Миллер заявил, что участники совещания собрались всего-навсего «за справками по вопросу о союзе служащих почтово-телеграфного ведомства»; после решительного требования пристава присутствовавшие согласились разойтись, но сообщить фамилии категорически отказались, ссылаясь на «милости», дарованные Манифестом 17 октября. Полицейский чиновник же настаивать не решился, тем паче, что собравшиеся «ввиду возбужденного настроения ...вследствие присутствия чинов полиции» требовали пристава покинуть помещение, угрожая в противном случае падением «всей ответственности» на полицейских⁷⁹⁷. Как видим, подчиненные Медема при столкновении с противниками режима, организованными и вооруженными толкованием новых законов, проявляли еще большую нерешительность, нежели их шеф. Докладывая о произошедшем генерал-губернатору, Медем заявил, что следующее заседание «состоится завтра, 16 ноября, в помещении Технического музея или в Земледельческой школе на Смоленском бульваре» и что «меры к недопущению его приняты»⁷⁹⁸.

Однако эти меры явно припоздали. На следующий день состоялись дневное и вечернее заседания съезда. Собравшиеся делегаты были настроены

⁷⁹⁴ Там же. Д. 795. Т. II. Л. 16-16 об., 18.

⁷⁹⁵ Базилевич К.В. Указ. соч. С. 188.

⁷⁹⁶ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 795. Т. II. Л. 17.

⁷⁹⁷ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 795. Т. II. Л. 19-19 об.

⁷⁹⁸ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 261. Л. 183.

довольно воинственно: накануне П.Н. Дурново отдал приказ об увольнении 25 московских сотрудников почтово-телеграфного ведомства⁷⁹⁹. В результате на состоявшемся вечером 14 ноября совещании было принято решение послать телеграмму Витте с ультиматумом – восстановление уволенных под угрозой начала забастовки почт и телеграфа⁸⁰⁰. Был установлен срок ожидания ответа от Витте до 6 часов, а после его истечения – о начале забастовки служащих почтово-телеграфного ведомства, что и одобрили участники утреннего заседания съезда⁸⁰¹. В 6 часов вечера все служащие почтамта и частично телеграфа прекратили работы и отправились на вечернее заседание съезда в Земледельческую школу⁸⁰². Получив эти сведения (причем речь шла не о съезде, а о «собрании»), барон приказал приставу 2 участка Хамовнической части закрыть его⁸⁰³. В этот же день пристав с сотрудниками лишь в 10 часов 50 минут оказался на месте. Однако «поймать за руку» почтарей и телеграфистов вновь не удалось: председательствовавший Парфененко заявил, что съезд фактически разрешен московским почт-директором К.Г. Радченко, «против собрания ...ничего не имевшим». Затем повторилась вчерашняя история: список присутствовавших приставу не выдали, вообще было решено разойтись лишь только после вторичной просьбы градоначальника при условии, что полиция немедленно покинет помещение⁸⁰⁴. Таким образом, вследствие плохой осведомленности властей и нерешительности исполнителей судьбоносное заседание почтово-телеграфного съезда не было предотвращено и 16 ноября забастовка началась⁸⁰⁵. Как видим, съезд вел себя, как некоторые «политические» митинги – отказывался подчиняться властям, апеллируя к «свободам».

К.В. Базилевич считал, что «спусковым крючком» к принятию Медемом

⁷⁹⁹ Первая революция в России... С.330.

⁸⁰⁰ Там же. С. 112.

⁸⁰¹ Высший подъем... С. 112; Базилевич К.В. Указ. соч. С. 189-190.

⁸⁰² Базилевич К.В. Указ. соч. С. 192.

⁸⁰³ Там же; ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Л. 795. Т. II. Л. 23.

⁸⁰⁴ Там же. Л. 24-24 об.

⁸⁰⁵ О том, было ли известно Медему и охранке хоть что-нибудь об утреннем заседании, сказать сложно: в деле Отделения сохранилась вырезка из «Вечерней Почты» от 15 ноября, воспроизводящая текст телеграммы почтовиков и телеграфистов Витте, однако была ли она получена в этот день или позже – неизвестно (ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 795. Т. I. Л. 20).

решения о запрете съезда стала телеграмма П.Н. Дурново своему однофамильцу – московскому генерал-губернатору, в коей управляющий МВД запрашивал результаты сбора сведений о делегатах на съезд и было ли «испрошено разрешение на открытие этого собрания», требуя в противном случае «принять меры»⁸⁰⁶. Однако нам не удалось найти сведений о пересылке этого документа барону⁸⁰⁷. П.П. Дурново на основании доклада Медема только телеграфировал в Петербург о якобы успешном предотвращении «собрания» 14 ноября и своевременном прекращении заседания съезда, в коем участвовало 76 человек⁸⁰⁸. Напротив, в «Дежурных дневниках московского градоначальства» зафиксировано, что извещение о сборе «около 70» почтово-телеграфных чиновников под главенством Парфененко и Двужильного в 8 часов вечера было передано приставом 2 участка Хамовнической части⁸⁰⁹. Следовательно, Медем принимал решение на основе поступивших к нему донесений, тем паче, что распоряжение, сходное пришедшему 15 числа из северной столицы, он отдал еще накануне. Поэтому мнение К.В. Базилевича об исключительной зависимости московских властей от воли Петербурга и о «запоздалости» таких мер представляется не вполне точным: причиной провала «мер к недопущению» была растерянность местной полиции, порожденная, видимо, ее малочисленностью и обстановкой «свобод».

Но настоящая трагикомедия развернулась во время вечернего заседания съезда 16 ноября. По установившейся традиции, Медем потребовал воспрещения второго из данных собраний⁸¹⁰. Явившемуся, как было сказано в меньшевистской «Новой жизни» «с гастролью» и предписанием градоначальника в Исторический музей приставу 1 участка Мясницкой части В.Г. Керстичу было заявлено, что присутствовавшие этому повелению не подчиняются и что к барону будет послана депутация. После этого Керстичу оставалось только удалиться. На его рапорте о происшедшем Медем начертил:

⁸⁰⁶ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 261. Л. 187; Базилевич К.В. Указ. соч. С. 191, 193.

⁸⁰⁷ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 795. Т. II; ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 261.

⁸⁰⁸ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 261. Л. 188, 191-191 об.

⁸⁰⁹ «Дежурные» дневники московского градоначальства... С. 97.

⁸¹⁰ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 795. Т. II. Л. 29.

«Не следовало его вовсе допустить⁸¹¹», однако сам при встрече с делегатами вел себя далеко не героически. Согласно его отзыву генерал-губернатору от 17 ноября, он твердо заявил явившимся к нему Миллеру и И.П. Рудневу о невозможности допустить собрания без «особого разрешения властей⁸¹²». Однако большего доверия заслуживает сообщение «Новой жизни»: Медем заявил посетителям, что ни он, ни почт-директор Радченко не запрещают и не разрешают съезда, окончательное же дозволение может дать только Витте, к коему и следует обратиться. При этом Медем взялся лично ходатайствовать о восстановлении всех уволенных при условии прекращения забастовки⁸¹³.

К.В. Базилевич оценивает данную тактику градоначальника как «двойную игру», следуя которой, шеф московской полиции избегал «открытого столкновения» со съездом и в то же время оперативно доносил в Петербург информацию о действиях оппозиционных служащих⁸¹⁴. Однако можно ли говорить о сознательной ловкой стратегии? Как представляется, попытка личной дипломатии барона дезавуировала распоряжения его начальства и создавала представление о возможности капитуляции власти (а никаких попыток склонить Петербург к уступкам почтарям и телеграфистам градоначальник также не предпринимал). Примечательно, что, осознав это, Медем срочно поместил в газетах опровержение. Когда же делегат Руднев явился к нему за разъяснениями, градоначальник снова начал юлить: якобы он лишь хотел уточнить, что не мог обращаться с ходатайством в Петербург, но зато переговорил с генерал-губернатором Дурново. Подобная уклончивость не могла работать на авторитет власти: редакция «Вечерней Почты» язвительно отметила, что градоначальник перепутал всероссийский съезд с московским и «удивительно, как это могло случиться⁸¹⁵». В данной связи кажется, что о продуманной стратегии поведения здесь не может идти речи: нерешительный градоначальник, заочно отдававший жесткие приказания, перед лицом

⁸¹¹ Там же. Д. 795. Т. I. Л. 49.

⁸¹² ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 261. Л. 208.

⁸¹³ Выший подъем... С. 113.

⁸¹⁴ Базилевич К.В. Указ. соч. С. 197.

⁸¹⁵ Вечерняя Почта, 19 ноября 1905 г., № 305.

забастовщиков вел себя куда менее определенно.

Тем временем, в полночь 16 числа в здание Исторического музея явился исполнявший должность полицеймейстера I Отделения подполковник С.Н. Ермолов вместе с Керстичем и другими чинами полиции и потребовал прекратить собрание. Согласно упоминавшемуся рапорту последнего, собравшие подчинились воле полицейского начальства⁸¹⁶. Иную версию излагает «Новая жизнь»: говорить Ермолову не дали, и он был вынужден ретироваться. Вскоре после этого вернулись ходоки к градоначальнику, и была сформирована делегация, которую на следующий день отправили к Витте и управляющему МВД Дурново. В ее состав вошли Двужильный, Л.В. Залуцкий, А.С. Ракк и почтальон Н.Л. Назин⁸¹⁷. Данная версия поддерживается сообщениями других газет (например, «Вечерней Почты»⁸¹⁸) и, как представляется, с большей вероятностью соответствует истине (фактически газетную версию разделяет и К.В. Базилевич⁸¹⁹).

На следующий день участники съезда, собравшиеся на митинг на Демидовом дворе, снова стали объектом внимания со стороны полиции. На этот раз делегация была послана к почт-директору Радченко, оставшемуся верным себе: чиновник заявил, что против собрания ничего не имеет, полицию не приглашал и о собрании ей не заявлял. После сего по требованию присутствовавших полиция вновь ретировалась⁸²⁰. Как видно, нерешительность администрации на всех уровнях, неспособность последовательно придерживаться избранной линии жесткого поведения и стремление к несущественным компромиссам приводили к обратному эффекту: страсти все более разгорались.

В этой обстановке делегаты решили добиться официального разрешения съезда у высшей «руководящей инстанции» в Москве – у П.П. Дурново.

⁸¹⁶ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 795. Т. II. Л. 49.

⁸¹⁷ Высший подъем. С. 113-114.

⁸¹⁸ Вечерняя Почта. 19 ноября 1905 г. № 284.

⁸¹⁹ Базилевич К.В. Указ. соч. С.197.

⁸²⁰ Вечерняя Почта, 18 ноября 1905 г., № 283.

Генерал-губернатор не нашел в себе сил принять делегацию лично, а выслал к ней управляющего своей канцелярией – А.А. Воронина. Чиновнику предстояла неблагодарная миссия: он заявил явившимся, что разрешить съезд «главный начальник» Первопрестольной не может, ибо это находится в компетенции главы МВД и «предложил» прекратить забастовку, дабы получить жалованье 20 числа. Кроме того, Воронин пригрозил препятствовавшим работам на почте и телеграфе арестом, а «в случае противодействия» – расстрелом. Естественно, что вследствие проявленной властью и беспомощности, и растущей решительности членов союза подобное предложение могло быть расценено лишь как издевательство. Поэтому «съезд таким ответом не удовлетворился» и решил заседать уже без всяких санкций власти.

Неслучайно, что этот день ознаменовался принятием весьма радикальных резолюций – о неприкосновенности частной корреспонденции без решения суда и осуждении «беззаконных действий как петербургской, так и московской административной власти» с требованием «немедленного освобождения» арестованных членов ВКС⁸²¹. На следующий день участники съезда получили известие о том, что Витте отказался принять их делегацию, квалифицировал действия забастовщиков как «проступок против долга» и рекомендовал им обратиться непосредственно к своему начальству. Подобный ответ лишь укрепил намерение стачечников держаться до удовлетворения требований⁸²². Таким образом, колебания власти и поддержка бастовавших рядом радикальных организаций (Петербургским Советом рабочих депутатов, Московским стачечным комитетом⁸²³) довели ситуацию до того, что уже однозначно жесткие меры не воспринимались служащими почты и телеграфа всерьез. Следует отметить, что в последующие дни митинги и следовавшие за ними заседания съезда происходили практически беспрепятственно: полиция

⁸²¹ Там же; *Базилевич К.В.* Указ. соч. С. 197-198.

⁸²² *Базилевич К.В.* Указ. соч. С. 199.

⁸²³ Там же. С. 193-194.

не решалась им мешать⁸²⁴, хотя охранка хорошо знала о проведении этих собраний⁸²⁵.

Тем временем градоначальник Медем представлял в Петербург списки лидеров Почтово-телеграфного союза, добытые Охранным Отделением. Их анализ показывает, что власти были неплохо осведомлены о руководящем ядре сообщества. Так, 15 ноября на основании показаний задержанных при Охранном Отделении подстрекателей телеграфистов к забастовке Н.Н. Гулевича и Т.И. Итченко администрация выяснила, что главарями стачечного движения являются Миллер, Парфененко и Акимов. В тот же день Медем направил МВД список из 20 фамилий активистов недозволенного съезда, включая вышеназванных лиц, Двужильного. Руднева, присутствовавших на совещании 14 ноября (как видим, охранке удалось установить часть участников) и ряд делегатов от регионов⁸²⁶. 17 и 18 числа градоначальник переслал в Главное Управление почт и телеграфов новый, расширенный список, в коем значились фамилии В.Н. Дьячкова-Тарасова, В.Д. Дружинина, С.И. Дарвана и других активистов борьбы за права почтово-телеграфных служащих⁸²⁷.

Московская власть попыталась и нейтрализовать действия «агитаторов» в почтовых и телеграфных отделениях на железнодорожных магистралях. 20 ноября Петерсон запросил начальников жандармских полицейских управлений доложить ему о случаях склонения железнодорожных телеграфистов к забастовке⁸²⁸. Аналогичное словесное распоряжение отдал сам Медем⁸²⁹. Однако, вероятно, в силу малочисленности состава жандармской полиции и отсутствия у нее агентуры, ответы «респондентов» мало могли удовлетворить московскую администрацию: все сообщали об отсутствии таковых агитаторов

⁸²⁴ Там же. С. 221.

⁸²⁵ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 795. Т. I. Л. 68.

⁸²⁶ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 261. Л. 193-194.

⁸²⁷ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 795. Т. II. Л. 37, 40.

⁸²⁸ Там же. Д. 795. Т. I. Л. 71.

⁸²⁹ Там же. Л. 73.

в районах вверенных им отделений⁸³⁰.

Только в двух донесениях градоначальнику содержалась информация, могущая заинтересовать полицейское руководство: начальник Волоколамского отделения Виндавского ЖПУ ж.д. доложил о деморализации почтово-телеграфных служащих дороги забастовкой и об отцеплении почтового вагона на станции «Подмосковная» железнодорожниками, поддержавшими бастовавших; в сообщении начальника Московско-Веневского отделения Московско-Камышинского ЖПУ ж.д. упоминалось о проведении агитации в пользу стачки чиновниками, состоявшими при станции Москва-Рязано-Уральская, при чем наиболее неблагонадежным признавался М.Ф. Казановский. Медем поспешил принять необходимые в данных случаях меры: 21 ноября он отдал распоряжения Охранному Отделению установить отцепивших вагон железнодорожных рабочих и перенаправил Петерсону информацию о Казановском и его товарищах⁸³¹. Однако «контора» последнего явно не спешила с исполнением поручения: наружное наблюдение за Казановским велось только 24 ноября⁸³²; по отношению к железнодорожникам не было принято никаких санкций.

Между тем, обстановка в данной сфере явно накалялась: Комитет ВЖС Казанской железной дороги решил 25 числа решил не передавать правительственных депеш, поддерживать телеграфистов и принять меры «к действительному прекращению перевозки почты по железным дорогам» (о чем охранка была осведомлена⁸³³), станция Подмосковная Московско-Виндавско-Рыбинской железной дороги вообще превратилась в обиталище боевой дружины, представлявшей грозу для почтовой корреспонденции (особенную известность получил случай отцепления боевиками почтового вагона с паровозом 1 декабря⁸³⁴). Примечательно, что намечавшийся союз между телеграфистами и железнодорожниками привлек внимание и

⁸³⁰ Там же. Л. 73-75, 91.

⁸³¹ Там же. Л. 89, 90.

⁸³² Там же. Оп. 45. Д. 336. Л. 224.

⁸³³ Там же. Оп. 25. Д. 795. Т. I. Л. 112.

⁸³⁴ Высший подъем...С. 668.; *Базилевич К.В.* Указ. соч. С. 234-235.

Петербурга: 27 ноября Рачковский передал Медему приказ Дурново «выяснить» делегатов почтово-телеграфного съезда, вступивших в соглашение с ВЖС и Московским стачечным комитетом для устройства новой забастовки. Однако, по-видимому, неудовлетворительное качество работы канцелярии градоначальства привело к тому, что барон смог ознакомиться с данным распоряжением лишь 9 декабря, когда новая железнодорожная стачка уже вовсю бушевала⁸³⁵. Как установил К.В. Базилевич, руководители бастовавшего союза предприняли в данный период новую попытку укрепить свои связи с железнодорожниками: 4 декабря обратились к ним с просьбой о начале новой забастовки для поддержки почтарей и телеграфистов⁸³⁶. Говорить о том, что данная просьба оказала серьезное влияние на решение конференции 29 железных дорог России о начале стачки довольно проблематично, однако в тексте решения о начале выступления содержалась ссылка в том числе и на репрессии против работников связи⁸³⁷.

П.Н. Дурново переходил к открыто репрессивной тактике постепенно. 16 ноября он направил московскому генерал-губернатору распоряжение об аресте тех почтальонов и чиновников, что препятствуют работам своих товарищей и «закрывают почтовые отделения»⁸³⁸. Однако эту репрессивную меру оказалось не к кому применять: Медем доложил «главному начальнику» Первопрестольной, что почтово-телеграфные служащие добровольно присоединились к забастовке и никаких насилий не происходило⁸³⁹.

Лишь 19 числа Дурново отправил на места собственноручную телеграмму об аресте, согласно Положению об охране, главных «подстрекателей и агитаторов» к забастовке⁸⁴⁰. По всей видимости, глава МВД колебался при переходе к жестким мерам, опасаясь непредсказуемых последствий в сфере связи – жизненно важной для существования государства.

⁸³⁵ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 795. Т. II. Л. 175.

⁸³⁶ Базилевич К.В. Указ. соч. С. 209.

⁸³⁷ Москва в декабре 1905 г. ...С. 26.

⁸³⁸ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 261. Л. 206.

⁸³⁹ Там же. Л. 218.

⁸⁴⁰ Высший подъем...С. 116-117.

Подтверждение этому можно найти в мемуарах его коллеги по кабинету – министра народного просвещения И.И. Толстого. Граф отмечал, что управляющий МВД, по его впечатлению, был «сам крайне смущен» самоуправством своих подчиненных и проявлял «постоянные колебания» между жестким курсом и «путем некоторых уступок». В то же время он испытывал постоянное давление Витте, который как раз выступал «ястребом» в данной ситуации и на каждом заседании Совета министров чинил допрос своему коллеге о положении дел и принятых мерах⁸⁴¹. Этот фактор вкупе с довольно оптимистичными рапортами московских властей⁸⁴² и отсутствием до поры точных сведений о личностях забастовщиков сдерживал «карательную энергию» Дурново.

Но в Москве его приказ не был немедленно выполнен. Охранное Отделение, получив телеграмму Дурново, доложило градоначальнику, что в связи с необходимостью снестись с почт-директором аресты откладываются «до завтрашнего дня»⁸⁴³. К.В. Базилевич, сообщая о данной процедуре, приходил к заключению об оправданности данной меры ввиду необходимости установить «подстрекателей».⁸⁴⁴ Однако большая часть подлежащих в итоге аресту (Парфененко, Миллер, Двужильный, Акимов, А.С. Ракк, Ф.Ф. Удалов, Руднев, М.Н. Кафтанюк (в полицейской документации – Кафтанов), Н.Л. Назин, А. П. Беленцов, Благовещенский и др.) была известна московской охранке, как это явствует из упоминавшихся выше списков⁸⁴⁵. Недаром сам Медем поначалу оставил на представлении Петерсона гневную резолюцию: «Непонятна необходимость, почему причинена остановка... Главари забастовщиков известны полицейскому начальству». Однако впоследствии он принял предложение начальника охранки и, судя по его донесению управляющему МВД, снесся с Радченко лично⁸⁴⁶. Данная ситуация

⁸⁴¹ Мемуары графа И.И. Толстого. С. 206.

⁸⁴² ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 261. Л. 208, 217.

⁸⁴³ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 795. Т. II. Л. 51.

⁸⁴⁴ Базилевич К.В. Указ. соч. С. 200-201.

⁸⁴⁵ Там же; ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 61. Л. 208 об., 215-215 об.

⁸⁴⁶ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 795. Т. II. Л. 51, 53.

свидетельствует о двух возможных причинах: либо Охранное Отделение было довольно слабо осведомлено об иерархии в рядах почтово-телеграфного союза, либо решило лишний раз перестраховаться и не подвергать аресту лиц, слабо причастных к организации. Примечательно, что сам П.Н. Дурново продолжал осторожничать: после произведенного ареста он запросил, все ли указанные в списке лица участвовали в работе съезда⁸⁴⁷.

Произошедший в ночь с 20 на 21 число арест удался не вполне: захватили лишь 9 человек (в число коих, правда, входила большая часть избранного 18 ноября руководящего органа съезда почтово-телеграфного союза – Центрального бюро -- Парфененко, Миллер, Акимов, Удалов, Александрович⁸⁴⁸). Однако 6 человек, включая задержавшихся в Петербурге последнего члена ЦБ Двужильного, Залуцкого и Ракк, избежали лишения свободы; спаслись и Благовещенский с Беленцовым. Только на следующий день удалось взять И.А. Шабардина⁸⁴⁹. Кроме того, на первых порах «мятежному съезду» удалось быстро минимизировать потери: было спешно сформировано новое ЦБ в составе Двужильного, Залуцкого, Ракк, Роде-Червинского, Дьячкова-Тарасова, С.К. Мелодиева, О.А. Люллей, С.М. Гоголева⁸⁵⁰.

Важной задачей для власти была нейтрализация главного «гнезда митингов» - Демидова двора в здании старого почтамта. Как отмечал К.В. Базилевич, именно данные собрания служили во многом источником боевого духа для бастующих: так, после первых арестов именно митинг утром 22 ноября вдохновил стачечников на продолжение борьбы⁸⁵¹. Власти попытались разогнать его с помощью войск, однако повторилась старая история: по требованию митинговавших солдаты были уведены⁸⁵². Подобное попустительство не на шутку взволновало Петербург: 23 ноября П.Н. Дурново

⁸⁴⁷ Там же. Л. 54.

⁸⁴⁸ Базилевич К.В. Указ. соч. С. 200.

⁸⁴⁹ Там же. С. 201.

⁸⁵⁰ Там же.

⁸⁵¹ Там же. С. 221.

⁸⁵² Вечерняя Почта, 22 ноября 1905 г., № 287.

гневно запросил Медема, по какой причине накануне был допущен митинг⁸⁵³. Градоначальник поспешил уведомить своего шефа о своевременном предотвращении собрания и даже о занятии старого почтамта войсками, что было явной ложью⁸⁵⁴. Но, судя по всему, в этой обстановке Медем осознал необходимость решительных действий и приказал приставу 1 участка Яузской части Гедеонову занять почтамт войсками. Судя по письму командированного в Первопрестольную почтово-телеграфного инспектора А.С. Стеткевича начальнику ГУПТ Севастьянову, полицейский чиновник во время данной операции сильно боялся «боевой дружины» и лишь категоричный приказ барона помог администрации добиться успеха. После этого забастовщикам пришлось перенести свои митинги на традиционные московские точки – в «Аквариум», «Олимпию», Политехнический музей⁸⁵⁵.

Тем временем Дурново наконец «закусил удила» и следил за скорейшей «нейтрализацией» лидеров почтово-телеграфной организации. 21 ноября он запросил Москву об исполнении своего повеления о «ликвидации» Двужильного, Ракк, Залуцкого и «Нагеля» (правильно – Назина – М.А.⁸⁵⁶). В тот же день Петерсон отправил начальнику петербургской охраны Герасимову

⁸⁵³ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 795. Т. II. Л. 77.

⁸⁵⁴ Там же. Л. 78. Вообще в результате перерыва в телеграфном сообщении и ложных сведений, распространявшихся радикальной прессой, в Петербурге подчас получали весьма нелестные сведения о действиях властей Первопрестольной. Так, широко распространился слух, что 20 ноября забастовщики изгнали караул с городского телеграфа и заняли его. Эти сведения даже послужили для Витте аргументом «полной анархии власти» в Москве, о коей он повествовал в докладе царю (Высший подъем...С. 581). естественно, что П.Н. Дурново поспешил разобраться и 21 ноября грозно запросил Медема 21 числа он отправил телеграмму Медему, где требовал принять меры к охранению телеграфа от «насилий забастовщиков» и упрекнул власть и полицию Первопрестольной в непредусмотрительности и бездействии. Оскорбленный барон наложил резолюцию: «Вздора и чепуха. Опять злословие самих же чиновников» (ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 795. Т. II. Л. 55). Однако в тот же день градоначальнику пришлось получить новую телеграмму управляющего МВД, в коей предписывалось подвергнуть аресту наряду с членами ЦБ почтово-телеграфного союза «зачинщиков вчерашнего мятежного нападения на телеграф». И вновь Медем скрепя сердце начертал: «Ответить о задержанных и указать. Что никакого мятежного нападения не было», что и было вскорости исполнено (Там же. Л. 56, 61). В иных источниках нам не удалось найти подтверждения данному событию; лишь рапорт пристава 1 участка Мясницкой части гласил о том, что 60 телеграфистов, оставшиеся на службе, и прикомандированные саперы занятия прекратили и были распущены домой «ввиду прекращения сообщения с другими городами». Обеспокоенный Медем в резолюции задался вопросом, сами ли работники приняли такое решение или им было приказано это сделать, и просил «немедленно выступить против прекращения занятий в телеграфе, особенно в отношении саперов». Но узнать ему ничего не удалось: помета, наложенная на следующий день, гласила лишь, что приказание «уже исполнено» (Там же. Д. 795. Т. I. Л. 88). Однако бедствия градоначальника на этом не закончились: 23 ноября ему пришлось срочно объясняться с Дурново по поводу «толков» об освобождении части арестантов из числа «мятежных» почтарей и телеграфистов (Там же. Д. 795. Т. II. Л. 137).

⁸⁵⁵ Базилевич К.В. Указ. соч. С. 227-228.

⁸⁵⁶ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 795. Т. II. Л. 56.

телеграмму, в коей извещал его о распоряжении управляющего МВД⁸⁵⁷. Однако действия «нераспорядительного офицера» в данном случае запоздали: еще 21 Назин выехал из северной столицы (и благополучно попал в руки московской полиции), а Двужильный, Ракк и Залуцкий отбыли в Первопрестольную 22 числа и перешли по приезду на нелегальное положение⁸⁵⁸. По всей видимости, Петерсон не считал нужным оперативно известить об этом свое начальство, поскольку Дурново 23 числа вторично запросил Медема о том, арестованы ли Двужильный и другие питерские делегаты, на что градоначальник отреагировал грозной резолюцией: «Удивительно, что до сего времени не арестованы! Принять все меры к задержанию»⁸⁵⁹.» Тем не менее, еще свыше суток охранка продолжала поиск «крамольных» телеграфистов. А тем временем последние, по воспоминаниям Ракк, приводимым в работе К.В. Базилевича, успешно скрывались от охранки, филеры из коей дежурили по их адресам, у знакомых, питаясь «в третьеразрядных ресторанчиках». И лишь необходимость съехать от хозяев, фактически отказавших им от дома, и ужин в ресторане «Эрмитаж» с участием новоизбранных членов ЦБ и сочувствующих, не соблюдавших, по мнению автора воспоминаний, правил конспирации, позволили Охранному Отделению и полиции в ночь на 26 ноября выследить лидеров движения и произвести их арест⁸⁶⁰.

Почтово-телеграфному союзу был нанесен тяжелый удар. Произведенные аресты вкупе с общей плохой подготовленностью стачки (в том числе недостаточной связью ее «головного мозга» – съезда в Москве – с периферией) и иными жесткими мерами властей (охраной почты и телеграфа войсками и полицией, массовым увольнением забастовщиков, циркуляром П.Н. Дурново от 26 ноября о суровых мерах против «подстрекателей» и принятии на службу лиц, вовлеченных в забастовочное движение

⁸⁵⁷ Там же. Л. 59.

⁸⁵⁸ Там же. Л. 79.

⁸⁵⁹ Там же. Л. 76.

⁸⁶⁰ Базилевич К.В. Указ. соч. С. 204-205.

насильственно) приводили к постепенному затуханию стачки⁸⁶¹. Союз еще пытался сопротивляться. Группа делегатов съезда (Е.Я. Столкин, А.Ф. Мильман, В.И. Иванов, Самойлович) проникли в дом Летошневой на Мясницкой (штаб-квартиру ЦБ), где забрали печати и документы. Тем временем форум избрал новое «конспиративное бюро» в составе П.М. Кинга, минского делегата Д. Семенова, представителей от Киева и Финляндии. Впоследствии обе группы соединились⁸⁶². Пытался съезд и придать своим сторонникам новые силы в борьбе с правительством. 26 ноября вышло воззвание, доказывавшее, что акции вроде произошедшего накануне ареста еще сильнее сплотят почтарей и телеграфистов, и призывавшее к борьбе за освобождение товарищей и улучшение оплаты своего труда⁸⁶³. 28 ноября увидело свет навеянное циркуляром Дурново обращение, которое возлагало вину за стачку на правительство, не желавшее соблюдать Манифест 17 октября, и выражало уверенность, что призыв управляющего МВД к штрейкбрехерству не найдет последователей среди забастовщиков.⁸⁶⁴ Однако, как установил К.В. Базилевич, в провинцию доставлять эти призывы оказалось практически невозможно⁸⁶⁵. Постепенно и сам съезд начинал сдавать взятые рубежи: так, на заседании 28 ноября было решено отказаться от исполнения экономических требований властью как условия прекращения забастовки⁸⁶⁶. 30 же ноября стало «рубежным днем» стачки – началась массовая подача прошений о возвращении на службу⁸⁶⁷.

Между тем, Охранное Отделение по-прежнему испытывало сложности с выявлением и окончательной ликвидацией руководства союза. Правда, судя по филерским донесениям, еще 24 ноября агенты наружного наблюдения, следя за почтовым чиновником М.Ф. Казановским от почтамта, провели его до дома Смирнова, где жил Столкин, причем Казановский за день бывал у него

⁸⁶¹ Там же. С. 201, 207-208.

⁸⁶² Там же. С. 206.

⁸⁶³ Высший подъем...С. 118-119; *Базилевич К.В.* Указ. соч. С. 206.

⁸⁶⁴ Высший подъем...С. 119-120.

⁸⁶⁵ *Базилевич К.В.* Указ. соч. С. 207.

⁸⁶⁶ Там же. С. 208.

⁸⁶⁷ Там же.

дважды⁸⁶⁸. Спустя два дня квартира Столкинда стала объектом специального наблюдения: филеры отмечали, что тогда там собралась сходка «в 150 человек», однако на ней не было главной цели сыщиков ...Двужильного, арестованного несколькими часами ранее (хороший пример осведомленности об актуальных заданиях и оперативности работы московской охранки).⁸⁶⁹ Видимо, через него (хотя формально наблюдения за Столкиндом не организовывали) к 1 декабря оно получило сведения о новом бюро. В итоге в ночь на 2 декабря были арестованы Мильман, Столкинд и причисляемые к ЦБ чиновники Ф.Н. Прозин (возможно, именно фигурировал в филерских донесениях как Прозин – «Подпаслый»⁸⁷⁰) и Н.Г. Попков, причем в руки администрации на этот раз попали печать и переписка союза, касавшаяся забастовки⁸⁷¹. К.В. Базилевич полагал, что арест Мильмана предотвратил взрыв телеграфа, проектируемый для деморализации «штрейкбрехеров»⁸⁷². Однако с лидером бюро – Кингом – московская охранка вновь опоздала: тот еще 25 ноября отправился на станцию Тихорецкая, и взять под стражу его не удалось, равно как и неуловимого старого знакомого сыска – Благовещенского⁸⁷³. О других членах руководства союза (Самойловиче, Иванове) власть так и не добыла сведений. Видимо, поэтому съезду удалось проводить заседания до 6 декабря, после чего передать полномочия Исполнительному комитету⁸⁷⁴.

Возможности ареста как меры наказания использовались властями в Петербурге и Москве не только непосредственно против делегатов почтово-телеграфного съезда. Существенной проблемой в конце ноября – начале декабря были попытки со стороны бастовавших чиновников и почтальонов помешать возвращению на работу своих «малодушных» коллег, а также произвести порчу телеграфных аппаратов. Как убедительно показал Дж.

⁸⁶⁸ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 45. Д. 336. Л. 224.

⁸⁶⁹ Там же. Л. 229 об.

⁸⁷⁰ Там же. Л. 192 об.-193.

⁸⁷¹ Там же. Оп. 25. Д. 795. Т. II. Л. 151, 152, 157.

⁸⁷² Базилевич К.В. Указ. соч. С. 235.

⁸⁷³ Там же. Д. 795. Т. I. Л. 143, 144; Д. 795. Т. II. Л. 152.

⁸⁷⁴ Высший подъем...С. 120-121; Базилевич К.В. Указ. соч. С. 209.

Сандерс, их шествия в центре столицы и погромные действия серьезно дискредитировали авторитет административной власти⁸⁷⁵. Поэтому еще 19 ноября Медем отдал приказ всех лиц, задержанных за порчу телеграфа и телефона (напомним, что с 10 ноября в Москве шла и телефонная забастовка), задерживать и препровождать прокурорскому надзору в силу ст. 1143 Уложения о наказаниях; в тот же день барон конкретизировал предписание, повелев доставлять нарушителей к судебным следователям в силу статей 1131-1143, уведомляя при этом прокурора окружного суда и его товарища⁸⁷⁶. Однако никаких свидетельств реализации данной практики в рассматриваемый период найти пока не удалось.

В связи с продолжением подобных «беспорядков» П.Н. Дурново 30 ноября потребовал от Медема составления и представления списков служащих, которые «мешают правильной работе»⁸⁷⁷.» Источниками сведений для барона и почт-директора Радченко в данном деле послужили оставшийся неизвестным «Статский Советник И.В. Крыч-ев», чиновник 5 разряда Рождественский и, возможно, собственные наработки Охранного Отделения⁸⁷⁸. При этом командированный в Москву инспектор почт и телеграфов А.С. Стеткевич указывал в письме начальнику ГУПТ Севастьянову о найме им на московский почтамт специального чиновника, имевшего опыт полицейской службы, для шпионажа за сотрудниками и отмечал, что тот постоянно находится в контакте с охранкой «по делам почтамта»⁸⁷⁹.» На основании всех этих источников градоначальник приказал составить и 4 декабря отправил управляющему МВД перечень активистов забастовки, в котором особое место занимал чиновник Н. Руднев, а также значились неуловимые Беленцов и Благовещенский⁸⁸⁰. В это же время почувствовавший «свободу рук» Медем попытался перейти к более жестким мерам: в ответ на

⁸⁷⁵ Sanders J. Op. cit. P. 522-524, 526-528.

⁸⁷⁶ «Дежурные» дневники московского градоначальства... С. 100.

⁸⁷⁷ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 795. Т. II. Л. 137.

⁸⁷⁸ Там же. Л. 144-146.

⁸⁷⁹ Базилевич К.В. Указ. соч. С. 245-246.

⁸⁸⁰ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 795. Т. II. Л. 164-165.

дополнительное сообщение Радченко от 2 декабря, что «вредной» для порядка является группа служащих (включая Руднева) барон наложил резолюцию: «А этих вредных общественному порядку на высылку⁸⁸¹.» Правда, этому решительному порыву градоначальника не суждено было реализоваться: 8 декабря Радченко поспешил доложить барону, что большинство «крамольников» вернулось на службу, а следовательно, необходимости в их аресте нет⁸⁸².

Итак, несмотря на более решительное настроение и центральной, и московской власти в отношении почтово-телеграфного союза, своевременно нейтрализовать союз работников связи и предотвратить их забастовку не удалось. Причина этого крылась в отсутствии единой линии поведения руководства МВД и московской администрации, которая проявляла попустительство по отношению к объединению как до начала съезда, так и особенно во время него. При этом вывод Дж. Сандреса об исключительном бездействии власти Первопрестольной как единого целого⁸⁸³ представляется не совсем точным: нерешительность проявляли и градоначальник с генерал-губернатором, и (куда чаще) местная полицейская власть, что приводило к фактическому срыву приказов ее руководства. В результате предпринятых арестов (запоздавших вследствие колебаний руководства МВД, балансировавшего между жестким курсом и незначительными уступками) московской администрации удалось нанести серьезный ущерб «мозговому центру» почтово-телеграфной забастовки и значительно деморализовать ее участников⁸⁸⁴. В то же время единовременно ликвидировать руководство союза не удалось, что позволяло ему некоторое время с переменным успехом продолжать борьбу с правительством. Причина подобного промедления во многом заключалась в некачественной работе Охранного Отделения: его филеры довольно поздно начинали наблюдение за «нужными людьми»,

⁸⁸¹ Там же. Л. 182.

⁸⁸² Там же. Л. 183.

⁸⁸³ Sanders J. Op. cit. P. 535.

⁸⁸⁴ Базилевич К.В. Указ. соч. С. 241-242.

существенный вопрос вызывает наличие и компетентность агентуры в рядах почтово-телеграфного союза. Начальник подразделения Петерсон в полной мере явил свою нераспорядительность: не запросил своевременно петербургскую охранку об аресте выехавшей к Витте делегации (19 или хотя бы 20 числа), не сразу информировал начальство о получаемой информации, не всегда отдавал своевременные распоряжения подчиненным (например, насчет наблюдения за Двужильным).

Довольно длительное продолжение забастовки же оказывало на общество двоякий результат – от неприятия обывателей, оставшихся без связи и корреспонденции⁸⁸⁵, до сочувствия радикальных организаций (Петербургского и Московского Советов рабочих депутатов, Московского стачечного комитета, ВЖС), некоторые из коих оказывали содействие (в случае железнодорожников довольно действенное) бастовавшим. Более того, последние укреплялись в убеждении, что правительство реакционно и готовит одну провокацию за другой, дабы отнять завоеванные в октябре свободы, что в свою очередь создавало благоприятный психологический климат для декабрьского «последнего и решительного боя» с самодержавием⁸⁸⁶.

Таким образом, история арестов руководства ВКС и почтово-телеграфного союза позволяет выявить ряд особенностей функционирования карательного аппарата самодержавия в период «дней свобод». Прежде всего, и центральная, и местная власть, дезориентированные в неопределенной обстановке», фактически допускали проведение съездов «крамольных» организаций и переходили к практике лишения «злоумышленников» свободы постепенно, что позволяло их форумам принять важные постановления (проект резолюций ВКС, объявление почтово-телеграфным съездом всеобщей стачки и принятие ряда оппозиционных решений). Московские органы полиции (в том числе железнодорожной) и особенно политического сыска в силу указанных недостатков (малочисленность, деморализация и

⁸⁸⁵ Мемуары графа И.И. Толстого. С. 207.

⁸⁸⁶ Engelstein L. Op. cit. P. 178-180; Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы... С. 192-193; Москва в декабре 1905 г. ...С. 26-27.

нераспорядительность начальства) не смогли стать успешным средством ликвидации врагов режима: их выявление и взятие под стражу зачастую происходило с проволочками, что позволяло части из них некоторое время оставаться на свободе и продолжать свою антиправительственную деятельность, а части – совсем избежать наказания. Кроме того, в силу стремления к соблюдению буквы закона и либеральных устремлений судебное ведомство оказалось плохим союзником административной власти, отказавшись в деле ВКС возбуждать следствие против его арестованных деятелей и вынудив руководство Первопрестольной и МВД продолжить держать их под стражей в силу Положения об охране. Но это, в свою очередь, вызывало протест «прогрессивной» общественности, которая, видя «произвол» власти, все больше убеждалась (особенно наиболее радикальные представители) в ее «реакционности» и необходимости борьбы с режимом (хотя, справедливости ради, следует напомнить, что почтово-телеграфная забастовка остудила дух многих обывателей). А местная власть, сталкиваясь с противодействием жрецов Фемиды или открытым протестом общественности, не всегда демонстрировала «единство рядов» и последовательность в действиях, что еще больше дискредитировало власть в глазах ее противников.

Таким образом, аресты в рамках Положения об охране с последующим приданием взятых под стражу судебной власти, на что московская власть к началу декабря шла все более решительно, не приводили к особенно успешным результатам.

Последним направлением в ряду комплекса административно-полицейских мер можно обозначить принятие мер для контроля за печатью.

Как отмечалось выше, Главное управление по делам печати своим циркуляром 19 октября резко ограничило возможности власти влиять на печать. Администрации выпала неблагоприятная роль регистратора весьма мягких решений судебного ведомства. Сохранились сведения о подобного рода

наказаниях за незаконную торговлю произведениями печати. Так, старший инспектор книгопечатания и книжной торговли в Москве 28 октября доносил Медему, что мировой судья Лубянского участка приговорил газетчиков П.Н. Морозова, М.Б. Скокова и В.Т. Демина «за торговлю запрещенными к розничной продаже» газетами «Русское Слово» и «Вечерняя Почта» к штрафу в размере...50 копеек (а при несостоятельности – к однодневному аресту). Барон, ознакомившийся с донесением на следующий день, написал: «Было бы меньше таких взысканий, одно лишь глумление⁸⁸⁷.» И в дальнейшем эффект от применения подобной меры был столь же мал⁸⁸⁸.

Как известно, только 24 ноября стали законом новые «Временные правила» о печати, описывавшие механизм преследования враждебных режиму газет по суду. 27 числа Медем и председатель Московского цензурного комитета В.В. Назаревский получили от П.Н. Дурново телеграмму о «немедленном» возбуждении уголовного преследования против «крамольных» органов печати⁸⁸⁹. Днем ранее управляющий МВД отдал повеление градоначальнику отдать таковое распоряжение московским органам цензуры⁸⁹⁰. Однако вплоть до начала Декабрьского восстания развернуть сколько-нибудь масштабных действий в данном направлении московские власти не успели.

Нам удалось найти свидетельство о попытке власти помешать основанию нового органа печати. В конце октября Медему и Дурново удалось способствовать тому, что газета «Вперед», которую вознамерился издавать надворный советник Я.П. Суслов, не была разрешена. Градоначальник, проверив биографию кандидата в издатели, нашел в ней компрометирующий факт: задержание за крики «Долой правительство!» и «Бей черносотенцев⁸⁹¹!»

Однако, учитывая отмечаемую современниками «явочную» свободу

⁸⁸⁷ ЦГА Москвы. Ф. 212. Оп. 2. Д. 42. Л. 296.

⁸⁸⁸ Там же. Л. 301, 309.

⁸⁸⁹ Там же. Ф. 46. Оп. 3. Д. 7. Л. 1,2.

⁸⁹⁰ Там же. Л. 7.

⁸⁹¹ Там же. Ф. 16. Оп. 95. Д. 278. Л. 4-5.

печати, против коей привлечение к судебной ответственности было плохой защитой, можно сделать вывод, что упомянутые выше меры московской власти оказались не более чем паллиативами⁸⁹².

Теперь перейдем к рассмотрению комплекса мер, условно называемых «военно-полицейскими». К ним прежде всего относится практика использования так называемых «особых нарядов» – отрядов своеобразной военно-полицейской стражи, используемой для охраны порядка и силового пресечения протестных действий.

Механизм формирования «особых нарядов» применительно к всему периоду революции 1905-1907 гг. исследован Н.В. Шатиной. Он включал в себя примерно следующий набор операций: рапорт участкового пристава (причем часто его роль исполняли частные лица или главы различных учреждений, опасавшиеся насилия или погрома) о беспорядках политического (и не только) характера, назначение градоначальником полицейского или специального военного наряда⁸⁹³.

Так, 25 октября 1905 г. редактор газеты «Русское Слово» Ф.И. Благов ввиду слухов об ожидавшемся разгроме редакции попросил градоначальника о полицейской помощи, в результате чего был назначен ночной наряд в составе 35 городских и 3 околоточных⁸⁹⁴. В более тяжких случаях шли в дело армейские части: 8 ноября 1905 г. пристав 1 участка Лефортовской части донес о «бесчинствах толпы рабочих», сопровождавшихся «битьем стекол» на ряде предприятий, например, на ткацко-красильной фабрике Карякина и чугунно-литейном заводе Мейера, что не может сдержать наряд полиции. В ответ Медем распорядился прислать наряд войск⁸⁹⁵.

Справедливости ради нужно отметить, что Медем, хотя и старался в

⁸⁹² Мицкевич С.И. Указ. соч. С. 421.

⁸⁹³ Шатина Н.В. Указ. соч. С. 18.

⁸⁹⁴ «Дежурные» дневники московского градоначальства... С. 76.

⁸⁹⁵ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 773. Т. IX. Л. 168.

условиях малочисленности полиции и не разбрасываться своими подчиненными, в случае необходимости шел навстречу предпринимателям или учреждениям, требовавшим наряда. Так, 7 ноября 1905 г. пристав 1 участка Серпуховской части доложил о начавшемся в итоге конфликта между рабочими и предпринимателями локауте на фабрике Бромлей⁸⁹⁶. Хотя Медем и написал на рапорте: «Если Бромлей будет настойчив, то рабочие одумаются и приступят к работам⁸⁹⁷», все же 9 ноября для охраны порядка на фабрике был назначен полицейский наряд в составе 2 околоточных надзирателей и 20 городских⁸⁹⁸, который сохранялся 10⁸⁹⁹, 11⁹⁰⁰ и 12 ноября⁹⁰¹.

Каково было распределение полиции и войск в особых нарядах? Судя по данным за ноябрь 1905 г., постоянными местами дислокации полиции и войск были объекты «стратегической важности»: дом генерал-губернатора, градоначальника, Почтамт и Телеграф, Телефонная Станция (что вполне логично, учитывая, что первые два здания служили резиденциям представителям высшей московской власти, а два последних — узлами связи⁹⁰²). В случае же привлечения в особый наряд значительных сил весь город делился на специальные районы, как, например, показывает текст подобного мероприятия на 11 ноября (вышеперечисленные объекты тоже включались в их состав⁹⁰³).

В состав 1 района входили «двор Генерал-Губернатора», дом Градоначальника, Тверской полицейский дом, Почтамт, Телефонная Станция, Мясницкий полицейский дом, 2 участок Серпуховской части (как пояснено: «для фабрики Брокар», бастовавшей в ноябре 1905 г.⁹⁰⁴), Якиманский полицейский дом, Консерватория, Театральная площадь, 1 участок Серпуховской части (завод Бромлей), типография газеты «Московские

⁸⁹⁶Там же Т. IX. Л. 134-134 об.

⁸⁹⁷Там же. Л. 134.

⁸⁹⁸ЦГА Москвы. Ф. 46. Оп. 21. Д. 41. Л. 17.

⁸⁹⁹Там же. Л. 20.

⁹⁰⁰Там же. Л. 24.

⁹⁰¹Там же. Л. 25.

⁹⁰²Там же. Л. 43, 45, 47.

⁹⁰³Там же. Л. 24.

⁹⁰⁴ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 773. Т. IX. Л. 155.

Ведомости», во 2 район – Пресненский и Сущевский полицейские полицейские дома; в 3-й – 1 участок Лефортовской части, 1 и 2 участки Мещанской части (в 1 участке указан конкретный объект – дом Перлова), 1 участок Рогожской части⁹⁰⁵. Сравнение распределения этих объектов с аналогичным в наряде на 19 ноября свидетельствует, что данное районирование было весьма устойчивым и в состав намеченных ранее районов вносились новые объекты (без радикальной перекройки этой системы распределения полиции и войск⁹⁰⁶).

Во все эти объекты назначалось определенное количество полицейских, пехоты, жандармов, кавалерии и казаков (в среднем по 10-50 городских, 1 роте пехоты или 1/2 сотни казаков на объект⁹⁰⁷; драгуны и жандармы вызывались реже⁹⁰⁸); кроме того, определенная часть войсковых частей находилась «наготове в казармах». В качестве примера возьмем уже привлекавшиеся данные по наряду на 11 ноября. На это число в Хамовнических, Спасских, Троице-Сергиевских и Кремлевских казармах надлежало быть по 1 роте пехоты, а в Хамовнических и Николаевских казармах, Нескучном дворце – соответственно по 1 эскадрону и по 1 сотне кавалерии⁹⁰⁹.

Какова была динамика численности особых нарядов? 3 ноября в составе особого наряда значились 3 помощника пристава, 5 околоточных надзирателей, 80 городских; от войск – 12 рот пехоты, 4 1/2 эскадрона кавалерии, 3 сотни казаков (кроме того, 4 роты пехоты, 1 эскадрон драгун и 1 сотня казаков наготове⁹¹⁰). 16 ноября (день массового закрытия почтовых отделений забастовавшими чиновниками и почтарями), в особом наряде значилось: помощников приставов – 4, околоточных надзирателей — 9, городских – 95; 1/2 эскадрона жандармов; от войск — 2 эскадрона кавалерии, 5 сотен казаков, пехоты — 7 рот (кроме того, 1 сотня казаков и 1 рота пехоты

⁹⁰⁵Там же. Л. 24-24 об.

⁹⁰⁶Там же. Л. 45-46 об.

⁹⁰⁷Там же. Ф. 46. Оп. 21. Д. 41. Л. 45-45 об., 60-61 об., 62-63 об.

⁹⁰⁸Там же. Л. 17; 66.

⁹⁰⁹Там же. Л. 24 об.

⁹¹⁰Там же. Л. 5-5 об.

наготове⁹¹¹). Наконец, 25 ноября (в день перед началом солдатских волнений), в наряде числилось: 4 помощника пристава, 27 околоточных надзирателей, 200 городских, 40 пожарных служителей; 1 взвод жандармов (при ½ эскадрона наготове в казармах); от войск – 2 ½ эскадрона кавалерии, 4 сотни казаков, 2 ½ роты пехоты (наготове 6 рот пехоты, 1 эскадрон кавалерии, 1 сотня казаков⁹¹²). Следовательно, по мере усложнения обстановки в городе (особенно с началом почтово-телеграфной забастовки) власть увеличивала число полицейских сил, задействованных в нарядах. Более неоднозначная ситуация просматривается с использованием войск – к концу ноября большая часть задействованных при охране порядка находилась наготове в казармах.

Каковы были конкретные задачи особых нарядов? Следует заметить, что в первые дни после выхода Манифеста 17 октября градоначальник уклонялся от отдачи конкретных указаний по вопросам поддержания порядка, ограничиваясь распоряжениями «следить за уличным порядком, отличая манифестантов от демонстрантов», не вмешиваться в шествия сторонников самодержавия или в ход процессии во время погребения Н.Э. Баумана⁹¹³. Однако после затухания «погромной волны» полицейское начальство вновь обрело уверенность в себе, свидетельством чего служит характерное указание чинам службы правопорядка от 23 октября: «Предлагаю всем чинам полиции в течение всего дня находиться на улицах и водворять полный порядок, не допуская сборищ, шествий и проч. В случае крайней необходимости прибегать к содействию воинских частей, от которых непрерывно высылать по всем направлениям разъезды⁹¹⁴.»

На местах данные подразделения действовали следующим образом. Наряд полиции, часто во главе с участковым приставом, либо находившийся на месте, либо прибывавший по вызову на место совершения беспорядка,

⁹¹¹Там же. Л. 36 об.

⁹¹²Там же. Л. 66 об.

⁹¹³ «Дежурные» дневники московского градоначальства... С. 56, 57, 61.

⁹¹⁴Там же. С. 72.

«рассеивал» толпу⁹¹⁵. Часто приставам приходилось прибегать к помощи войск⁹¹⁶. Конкретные же меры по усмирению «крамолы» наряда войск в «дни свободы» мы можем также почерпнуть из мемуаров очевидца, большевика В.А. Горшкова описывавшего ожесточенное избиение демонстрантов драгунами, не реагировавшими на аргументы, что Манифест 17 октября дал рабочим свободы⁹¹⁷. Конечно, не стоит забывать, что автор — профессиональный революционер, и он воспринимал и спустя годы служителей наряда прежде всего как классовых врагов. Однако, на наш взгляд, описанное поведение офицера и солдат довольно убедительно соотносится с выполнением приказа о подавлении «всяких беспорядков» «со всей решительностью».

Разгон демонстраций и всяких «сборищ» был вовсе не единственной функцией назначенных в особый наряд. Так, в тексте назначения на 27 ноября был пункт, гласивший, что «охраны корреспонденции и...развозки ее» наряжаются соответственно 30 и 10 пожарных служителей, а для охраны развозимых писем и телеграмм — 1 взвод жандармов⁹¹⁸. Таким образом, мы видим, что практика нарядов и в интересующий нас период использовалась в плане мобилизации полицейских и воинских чинов на места забастовавших почтальонов.

Какова была эффективность действий «гражданских» и «военных» «стражей порядка»? В случае неорганизованности и немногочисленности нападавших, а также энергичных действий чисто полицейские наряды могли успешно сопротивляться «хулиганам». Так, 18 октября такому формированию удалось разогнать «толпу в 50 человек» во 2 участке Якиманской части и даже задержать пятерых «злоумышленников»⁹¹⁹. В случае более агрессивных действий собравшихся результат бывал более противоречив: когда 19 октября толпа рабочих подошла к Прохоровской мануфактуре с целью прорваться «во

⁹¹⁵ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 773. Т. IX. Л.201-201 об.

⁹¹⁶Там же. Л. 35.

⁹¹⁷Горшков В.А. Указ. соч. С. 13.

⁹¹⁸ЦГА Москвы. Ф. 46. Оп. 21. Д. 41. Л. 79.

⁹¹⁹«Дежурные» дневники московского градоначальства...С. 56.

двор», оказавшему сопротивление местному полицейскому наряду удалось ее остановить и заставить разойтись, но работы на предприятии прервались⁹²⁰. Но во время ряда забастовок полиция оказывалась совершенно бессильна: так, в ходе «беспорядков» на Петровке 10 ноября, когда толпа «из переодетых студентов и евреев и мальчишек» разгромила ряд заведений и выкрикивала антиправительственные лозунги, пристав 3 участка Тверской части Эрн, его помощник Фирсов и околоточный надзиратель Копейкин вынуждены были спастись в гостинице «Россия»⁹²¹.

В этой связи большое значение в нормальном функционировании нарядов приобретало участие войск, почему логично поставить вопрос: как протекало взаимодействие военного и полицейского начальства на всех уровнях?

Порядок вызова войск «для содействия гражданским властям» определялся законом, изданном еще 3 октября 1877 г. Согласно данным правилам, администрация могла вызывать войска не иначе как при уведомлении «главного начальника Округа»; по их прибытии генерал-губернатор, губернатор или градоначальник не могли распоряжаться ими лично, а лишь давать необходимые указания воинскому начальнику, который и претворял их в жизнь. «Исчерпав» «зависящие от него средства». Гражданское начальство могло отдать вызванным частям о переходе к «действию оружием». На администрацию же возлагалась обязанность принимать решение о времени выступления «призванных войск» на постоянные квартиры. При этом определение числа командиремых войск передавалось на усмотрение военного начальства (лишь указывалось, что необходимо выделять не менее роты, эскадрона и сотни⁹²²).

Как видим, гражданская власть получала весьма неясные полномочия по

⁹²⁰ Там же. С. 60.

⁹²¹ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 9. Л. 114. Анонимный автор послания генерал-губернатору, в коем описывался данный эпизод, считал одной из причин плохой эффективности полиции отсутствие определенных указаний, в результате чего служители порядка боялись «превысить меры воздействия».

⁹²² 2 ПСЗ РИ. Т. 52. Отд. 1. № 57748.

распоряжению вызванными войсками. По действовавшим же законам, командующий округом не подчинялся генерал-губернатору⁹²³. Даже Положение об охране, призванное расширить прерогативы местной администрации, мало чем помогало гражданскому руководству: «главный начальник» Первопрестольной мог получить права «главнокомандующего в военное время» лишь при введении режима чрезвычайной охраны и то по специальному именному повелению⁹²⁴. Следовательно, в напряженных условиях 1905 г. между администрацией и военным начальством неизбежно должны были возникнуть трения по вопросу призыва войск в помощь полиции.

С началом первой русской революции местному военному начальству, в том числе московскому, пришлось серьезно задуматься о более эффективной системе взаимодействия гражданской и военной власти. В результате командующий войсками МВО великий князь Сергей Александрович в январе 1905 г. принял решение об упомянутом разделении города в военном отношении на районы, совпадавшие по территории с наиболее крупными административно-полицейскими единицами – отделениями. Смысл проекта состоял в том, что начальники районов смогут более оперативно с разрешения начальника охраны Москвы (командира войск, вызванных для содействия гражданским властям) высылать отряды из числа частей, находившихся «наготове» в казармах по заявлениям градоначальника и полицеймейстеров – руководителей отделений⁹²⁵.

Однако по мере углубления революции требовалась система более тесного взаимодействия администрации и военных властей на всех уровнях. Наиболее успешный механизм этого сотрудничества был создан осенью 1905 г. в Петербурге Д.Ф. Треповым. Став командиром войск гарнизона, генерал-губернатор руководил действиями военных только в случаях «вызова войск для обеспечения порядка в столице». Все же распоряжения по этой части

⁹²³ СЗ РИ. Т.II. Ст. 255.

⁹²⁴ Российская монархическая государственность... С. 576.

⁹²⁵ РГВИА. Ф. 2602. Оп. 2. Д. 546. Л. 1.

обсуждались на совещаниях у Трепова или петербургского градоначальника В.А. Дедюлина, на коих присутствовали «начальствующие лица» гвардии и гарнизона, причем на данных советах царил атмосфера «единодушного, тактичного стремления всех членов... к наилучшему достижению поставленной цели». Устранялись трения между военным и полицейским руководством и «на низовом уровне»: город разделялся на 4 отдела («по числу начальников дивизий»), а при командирах каждого состоял полицеймейстер, «как бы в качестве начальника штаба по полицейской части»⁹²⁶. Московский генерал-губернатор Дурново в дни всеобщей стачки, как мы помним, пытался получить от Петербурга полномочия, равные прерогативам Трепова, но получил отказ. Приходилось выходить из положения доступными методами.

Прежде всего, нужно было урегулировать режим вызова солдат. 13 сентября, когда массовые «беспорядки» в Москве только набирали силу, генерал-квартирмейстер штаба МВО Шейдеман обратился к Медему с претензией относительно неосведомленности командующего войсками МВО Малахова о наряде двух сотен 1 Донского казачьего полка в помощь гражданским властям, прося впредь извещать о таких призывах штаб округа. Барон отговаривался разрешением, данным на вызов этих сотен его предшественнику, графу П.П. Шувалову, а также потребностью в «выигрыше времени», вследствие чего смог добиться права обращаться с просьбой о присылке войск не только к начальнику штаба Рауш фон Траубенбергу, но и к самому Шейдеману⁹²⁷.

В связи с октябрьскими событиями военному начальству пришлось пойти и на более существенные уступки. Согласно первоначальному порядку, всеми передвижениями войск, уже назначенных в наряд от гарнизона или находящихся «наготове в казармах» ведал начальник охраны Москвы командир 1 гренадерской дивизии генерал-лейтенант Н.А. Павловский. И в начале «дней свобод» военная власть жестко блюла именно эту систему: 18

⁹²⁶ Там же. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2731. Л. 3-3 об.

⁹²⁷ Там же. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 440. Л. 173, 175-176.

октября Медем был вынужден подтвердить, что «без крайней надобности» «имеющиеся наготове» (орфография подлинника – М.А.) войска вызываться не будут и отряды не подвергнутся дроблению, а все «требования» будут адресованы в единый центр – Павловскому⁹²⁸.

Между тем, регулярное санкционирование переброски войск в проблемные районы города в обстановке непрекращающихся забастовок и уличных столкновений замедляло оказание эффективного отпора «крамольникам». Поэтому, очевидно, в результате настояний градоначальника, Малахов через Шейдемана приказал Павловскому «дать руководящие указания» начальникам отдельных отрядов войск, вызванных для содействия администрации, чтобы в экстренных случаях они высылали солдат (по требованию полиции – М.А.), не дожидаясь распоряжения генерала⁹²⁹. Медем лично контролировал исполнение данного повеления: 21 октября по телефону он попросил Павловского поскорее подтвердить подчиненным ему войскам, чтобы они выступали по первому требованию его и «старших чинов полиции». Генерал обещал это и сообщил контакты начальников районов⁹³⁰. 23 октября Медем разослал своим подчиненным упоминавшуюся телеграмму, регламентировавшую в том числе порядок совместных действий войск и полиции: «...В случае крайней надобности прибегать к содействию воинских частей, от которых непрерывно посылать разъезды во все стороны⁹³¹.»

В дальнейшем Медем, надо отдать ему должное, стремился поддерживать контакт с военным командованием и заинтересованными ведомствами по вопросу сохранения порядка. 2 ноября, согласно дежурным дневникам градоначальства, барон говорил о предупреждении «беспорядков» с Шейдеманом, исполнявшим должность городского головы Дувакиным, почт-директором Радченко, директором телеграфа С.С. Панафутиным, директорами электрической и телефонной станций и лишь после этого пришел к выводу,

⁹²⁸ Там же. Д. 1118. Л. 486.

⁹²⁹ Там же. Л. 558.

⁹³⁰ «Дежурные» дневники московского градоначальства... С. 66-67.

⁹³¹ Там же. С. 72.

что «пока все спокойно»⁹³².» Нетрудно заметить, что в отсутствие совещаний, Медем сделал попытку объединить власти Первопрестольной в борьбе с «беспорядками» (хотя об эффективности такого «дистанционного» форума, «непременным членом» коего выступал один и далеко не гениальный человек, судить сложно). Особенное внимание градоначальник уделял контактам с генерал-квартирмейстером, с коим он связывался с помощью телефона, официальных отношений, личных писем, полевых книжек (когда в результате забастовки телефонных служащих связь «по проводу» стала проблематичной⁹³³). Примечательно, что наиболее предпочтительными в интересах спешности (и, возможно, установления более тесных отношений) барон считал неформальные контакты, поэтому присылка 11 числа официального отношения Шейдемана вызвала его недоумение⁹³⁴.

Однако налаженный механизм работал не безотказно. Прежде всего, не всегда администрация находила понимание военной власти в стремлении увеличить число частей, занятых в особых нарядах и находившихся «наготове» в казармах. С одной стороны, командование МВО готово было поддержать гражданскую власть, когда возможные возмущения грозили тяжелейшими последствиями. 24 октября генерал-квартирмейстер Шейдеман запросил Медема по телефону, не нужно ли назначение наряда пехоты и сапер на электрическую станцию ввиду готовившейся, по слухам, забастовки. Только вследствие ручательства дирекции станции за «сегодняшний день» предложение не было реализовано⁹³⁵. 22 ноября, решив разогнать митинг почтово-телеграфных служащих на Демидовом дворе, градоначальник срочно потребовал у адъютанта штаба МВО подполковника Никольского роту и 2 пулемета, что Шейдеман поспешил удовлетворить⁹³⁶. Но с другой – не всегда командование МВО было так щедро. После ареста «второй партии» членов Центрального бюро почтово-телеграфного съезда Медем обратился к генерал-

⁹³² Там же. С. 82.

⁹³³ Там же. С. 74, 82, 83; РГВИА. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 1112. Л. 548; Д. 1118. Л. 926, 992, 1031.

⁹³⁴ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 1118. Л. 894.

⁹³⁵ «Дежурные» дневники московского градоначальства... С. 74.

⁹³⁶ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 1118. Л. 992.

квартирмейстеру с личным письмом, содержащим просьбу о «немедленном назначении хотя бы по ½ роты» в Суцевский и Пресненский полицейские дома, где содержались арестанты. В итоге была назначена лишь полурота астраханцев в Суцевский дом⁹³⁷. Встречал Медем и решительные отказы в своих просьбах. Так, 11 ноября он передал генерал-квартирмейстеру мнение генерал-губернатора Дурново о необходимости «сегодня и завтра» иметь весь московский гарнизон «наготове»⁹³⁸. Однако генерал Малахов нашел, что наличие двух рот в состоянии готовности в каждой казарме вполне отвечает задачам момента и ограничился только добавлением к их числу одной роты Трицко-Сергиевского полка⁹³⁹. При личной встрече с подполковником Никольским 14 числа Медему пришлось согласиться с этим порядком, действовавшим в течение 13 и 14 числа⁹⁴⁰.

Со скрипом работала и система распоряжения полицией войсками, уже находившимися в наряде или «наготове». Не всегда военные проявляли готовность к содействию без указаний своего начальства: 24 октября пристав 2 участка Тверской части доносил Медему, что, разгоняя толпы «хулиганов», он был вынужден обратиться за содействием к драгунам, начальник коих ответил ему о необходимости прежде снестись с «ротмистром Горденусом» и вообще проявил «полное равнодушие к оказанию поддержки», в результате чего приставу пришлось действовать самостоятельно с 20 городовыми. Примечательно, что на данном сообщении Медем начертал об отказе казачьего есаула исполнять уже его собственные приказания. В документе содержались и любопытные сведения относительно эффективности действий кавалерийских разъездов: по мнению пристава, малочисленные группы драгун, не имевшие полицейских навыков, не считали нужным разгонять толпы в отсутствие агрессии с их стороны, докладывая о благополучной обстановке. Для того чтобы эта система заработала действительно

⁹³⁷ Там же. Л. 1031.

⁹³⁸ Там же. Л. 926.

⁹³⁹ Там же. Д. 1112. Л. 563 об.

⁹⁴⁰ Там же. Д. 1118. Л. 894.

эффективно, пристав полагал необходимым увеличить численность патрулей до 10 человек и придать им сопровождение в лице городских с приставом или околоточным (хотя глава участка и ссылаясь на свой опыт аналогичных совместных действий со взводом жандармов, возникает сомнение, что подобные отряды, да еще при малочисленности полиции, могли быть эффективны⁹⁴¹). Справедливости ради надо заметить, что именно 23 числа Медем сумел оперативно послать полусотню казаков «разъездом» к Тверской заставе⁹⁴². И в дальнейшем, как показывают документы, возникали случаи плохой слаженности действий полиции и войсковых нарядов (в том числе наблюдались отсутствие или малочисленность кавалерийских разъездов⁹⁴³).

Следует признать, что Медем старался держать руку на пульсе. 10 ноября в официальном отношении градоначальник просил Шейдемана приказать войскам, располагавшимся в казармах «наготове», «по первому требованию полиции оказывать содействие⁹⁴⁴». Спустя два дня в личном письме (посланном вследствие забастовки телефона) он «еще раз усердно» просил о немедленном выступлении «по требованию моему и уполномоченных мною Г.г. Полицейской службы» и «особенно» решительном действии «в случае надобности» частей, назначенных в наряд для содействия администрации и находившихся «наготове⁹⁴⁵». С 11 ноября в приказы по особым нарядам регулярно включались уже привычные распоряжения: о постоянной высылке кавалерийских разъездов, об «энергичном» подавлении «беспорядков» и содействии войскам полиции «по первому требованию». Полицеймейстеры же в данной ситуации были обязаны «наблюдать за всем происходящим в районах и всем руководить», регулярно сообщая о текущей обстановке градоначальнику по телефону⁹⁴⁶. 12 ноября Шейдеман согласился объявить войскам, расположенным «наготове», о немедленном выступлении

⁹⁴¹ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 785. Л. 171-172.

⁹⁴² «Дежурные» дневники московского градоначальства... С. 73.

⁹⁴³ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 773. Т. IX. Л. 168, 266 об.-267; РГВИА. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 1114. Ч. 3. Л. 3, 4; Д. 1118. Л. 807, 830-830 об.; Sanders J. Op. cit. P. 660-661.

⁹⁴⁴ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 1118. Л. 839.

⁹⁴⁵ Там же. Л. 926-927.

⁹⁴⁶ ЦГА Москвы. Ф. 46. Оп. 21. Д. 41. Л. 24 об.

после «сигнала» гражданской власти⁹⁴⁷.

Однако эти пожелания также не всегда реализовывались. Пристав 2 участка Басманной части как раз 11 числа доносил градоначальнику, что воинских частей в районе его участка нет и конные разъезды не высылаются⁹⁴⁸. На следующий день Медем лишь категорично повторил свой приказ о постоянной высылке разъездов (причем на «дальние расстояния»⁹⁴⁹.) Не удалось найти свидетельств особенного рвения и успеха московских полицеймейстеров в деле руководства борьбой с беспорядками. Напротив, им доводилось сталкиваться с отказами со стороны военных. Так, полицеймейстер подполковник Трутнев докладывал градоначальнику 15 ноября, что дежурный офицер Ростовского полка капитан Масленников отказался высылать две полуроты (по-видимому, из числа находившихся «наготове») в 1 и 2 участки Басманной части под предлогом незнакомства своего командира Н.П. Симанского с «полученным пакетом с нарядом», вследствие чего чиновнику пришлось обратиться в Троицко-Сергиевский полк. Кроме того, Трутнев сетовал вообще на медлительность выступления и позднее прибытие войск к месту наряда. Медем переслал это донесение генерал-квартирмейстеру Шейдеману, однако следов каких-либо распоряжений военного начальства обнаружить не удалось⁹⁵⁰. Регулярно требуемых телефонных депеш о «руководящей работе» высших полицейских чиновников по подавлению «беспорядков» в дежурных дневниках градоначальства также не имеется. В данной ситуации Медем мог подстегнуть руководителей дезорганизованного местного полицейского аппарата только новым распоряжением: 14 ноября он отдал приказ о «решительном прекращении» движения толп забастовщиков, для чего блюстителям порядка надлежало «быть на местах», «часто» высылать конные разъезды и сурово пресекать возможные нарушения спокойствия, а полицеймейстерам следовало

⁹⁴⁷ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 1112. Л. 563 об.

⁹⁴⁸ «Дежурные» дневники московского градоначальства... С. 92.

⁹⁴⁹ Там же. С. 94.

⁹⁵⁰ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 1118. Л. 905.

как можно чаще объезжать свои отделения⁹⁵¹.

Возникает вопрос: чем были обусловлены недостатки в работе механизма особых нарядов?

Прежде всего, военное командование протестовало против увеличения числа занятых в них войск по причине прогрессирующей убыли московского гарнизона вследствие демобилизации. Нередки были случаи отказа самих командиров полков высылать наряды вследствие малочисленности. Так, 13 ноября командир Ростовского полка Симанский заявил Шейдеману, что соединение не в состоянии выполнить просьбу полицеймейстера о предоставлении полуроты, поскольку за вычетом «командированных вне Москвы» двух рот и трех полурот «в наряде по Москве» в полку оставалось 15 человек из учебной команды⁹⁵². Характерно, что военное начальство пыталось бороться с таким уклонением от возложенных обязанностей: 30 ноября Малахов приказал Симанскому послать полуроту в Пересыльную тюрьму, несмотря на первоначальный отказ полковника⁹⁵³. В то же время оно всячески старалось облегчить бремя нарядов: 9 ноября начальник штаба МВО Рауш фон Траубенберг от имени командующего требовал не только сокращения наряда, но и отмены охраны войсками «отдельных зданий в Москве» (университета, Инженерного училища, консерватории и т.д.) «без ...особо уважительных причин» с возложением данных обязанностей на полицию⁹⁵⁴. Однако реализовать этот замысел не удалось: в условиях малочисленности и прогрессирующей дезорганизации «службы правопорядка» войска все более превращались в единственный гарант поддержания стабильности.

Охоту участвовать в особых нарядах военным отбивали и условия, создаваемые для них полицией. В упоминавшихся рапортах начальников дивизий Шейдеману, составленных в октябре 1905 г., перечислялись основные негативные стороны службы по содействию администрации (помимо

⁹⁵¹ «Дежурные» дневники московского градоначальства... С. 95-96.

⁹⁵² РГВИА. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 1118. Л. 884.

⁹⁵³ Там же. Л. 1076. 1089.

⁹⁵⁴ Там же. Д. 1113. Л. 49-49 об.

привлечения значительной части личного состава). Тяжелейшим испытанием была длительность нарядов (до нескольких суток бессменно) и их плохая организация (поздние сообщения о предстоящем наряде; назначения в участки, где уже имелись войска; слишком ранние вызовы солдат, приводившие к тому, что прибывшим приходилось бездействовать и искать самих представителей полиции; ничем не регламентированное прекращение нарядов, всецело зависящее от «любезности агента полиции», отсутствие очереди наряжаемых частей).

Очень часто прибывших военных ждали неудовлетворительные условия содержания: теснота, размещение подчас «под открытым небом» (например, Павловский утверждал, что его подчиненных расквартировывали в товарных вагонах, во дворах дома Варваринского общества и даже резиденции градоначальника, в сараях дома Кислякова на Царицынской улице и 1 участка Пресненской части), отсутствие спальных принадлежностей для солдат, антисанитария. Из-за аврального режима нарядов было распространено нарушение регулярного приема пищи военнослужащими, особенно в отсутствие полевых кухонь у кавалерии и Астраханского полка. Причем в некоторых полицейских участках военнослужащим, вопреки растущим расходам полиции на их содержание, приходилось приобретать еду за свой счет. В рапорте Павловского указывалось, что особенно больно это было по офицерам, вынужденным из-за невыплаты суточных столоваться исключительно за свои деньги и терпевшим большие убытки вследствие назначения в наряды как правило одних и тех же лиц вследствие некомплекта. В целом, генералы находили, что размещение на частных фабриках было удобнее, чем в «казенных» учреждениях и особенно полицейских домах, получавших на содержание «защитников» деньги. Существовали и проблемы, специфические для кавалерии: утомление и травмирование «некованных на зады» лошадей в результате приказов полиции двигаться быстрее; необходимость солдат постоянно держать лошадей «в поводу» и «совершенно непроизводительно утомляться» из-за отсутствия коновязей.

Наконец, начальник 3 гренадерской дивизии генерал П.П. Яковлев отмечал разлагающее влияние, оказываемое заводскими агитаторами на солдат (особенно запасных), вынужденных бездействовать из-за пассивной тактики, и требовал введения военного положения⁹⁵⁵.

Документы свидетельствуют, что с течением времени данные проблемы оставались актуальными. 18 октября 1905 г. военно-медицинский инспектор Якубов представил барону Рауш фон Траубенбергу доклад об антисанитарном состоянии Манежа, где располагались 6 казачьих сотен, что в перспективе грозило солдатам «грудными, глазными и заразными (тиф) болезнями⁹⁵⁶.» И в дальнейшем условия размещения вызванных в наряды разнились: если 18 рота Астраханского полка 23 октября размещалась в доме градоначальника «по полуроте в теплых помещениях» (пусть солдаты спали на соломе⁹⁵⁷), то расквартирование полуэскадронов Сумского полка в Пресненском полицейском доме не улучшилось (несмотря на просьбу командира полка подполковника Нилова, переданную местному приставу по телефону⁹⁵⁸). Тесно были размещены сумцы и во дворе дома самого генерал-губернатора 1 ноября («некоторых лошадей приходилось держать в руках⁹⁵⁹.») По-прежнему наблюдались проблемы с принятием пищи: 24 октября солдаты 18 роты астраханцев обедали до выступления из казарм (а прибыли они на место – в дом градоначальника – в 9 часов 20 минут утра), а ужин получили только в 7 часов вечера⁹⁶⁰; 15 рота того же полка 30 октября обедала до 12 часов (время выступления в наряд), а ужин получила в 7 часов вечера (правда, начальство Тверского казенного дома, где она располагалась, выделило каждому солдату «чай, сахар, ½ фунта колбасы и по 1 ф[унта] ситного хлеба⁹⁶¹.») Таким образом, несмотря на рост сумм на содержание особых нарядов, войска в них снабжались провизией и содержались очень по-разному. Возможно, участковое

⁹⁵⁵ Там же. Л. 13-15, 27-32.

⁹⁵⁶ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 1114. Ч. 2. Л. 376 об.-377.

⁹⁵⁷ Там же. Ф. 2602. Оп. 2. Д. 546. Л. 187.

⁹⁵⁸ Там же. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 1118. Л. 586.

⁹⁵⁹ Там же. Л. 718 об.

⁹⁶⁰ Там же. Ф. 2602. Оп. 2. Д. 546. Л. 187.

⁹⁶¹ Там же. Л. 217.

начальство в отсутствие деятельного контроля со стороны такого нераспорядительного начальника, как барон Медем, допускало злоупотребления на этой почве.

Полицейские чиновники стремились также задерживать попавшие в их распоряжение части. Например, 7 ноября местный полицеймейстер отказался отпустить полуроту, находившуюся на заводе Гужона, и вопрос пришлось решать самому генерал-квартирмейстеру Шейдеману⁹⁶². Известен случай противоречия в стане самой администрации: 20 октября Медем задержал в губернской тюрьме роту, отпущенную Джунковским⁹⁶³.

При этом администрация пользовалась очевидной плохой согласованностью распоряжений отдельных командиров МВО. Так, 25 октября по экстренному приказу самого Малахова 2 эскадрон Сумского полка отбыл во 2 участок Лефортовской части, оставил 10 человек там и прибыл на фабрику Мусси, где ...уже расположилась полусотня казаков. Помещения, которое могло вместить обе части, на фабрике не оказалось, в результате чего командир полуэскадрона предложил казачьему офицеру связаться с военным начальством. В итоге исполнявший во время болезни Павловского обязанности начальника охраны Москвы генерал С.Е. Дебеш снял наряд. По замечанию офицера, полуэскадрон «по прямой линии» бесполезно проделал 25 верст. Шейдеман, тем временем узнавший о назначении полусотни, оставил гневную резолюцию: «Как же это полиция требует когда там уже есть» (пунктуация подлинника – М.А.⁹⁶⁴). По всей видимости результатом такой же плохой согласованности в приказах стало назначение в Главный почтамт к 25 октября трех лишних рот (хотя 21 числа Шейдеман специально распоряжался об охране его силами только одной роты⁹⁶⁵).

Справедливости ради стоит отметить, что случались и случаи «альтруизма» полицейских, не согласованные с военными, вследствие чего

⁹⁶² Там же. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 1118. Л. 809.

⁹⁶³ «Дежурные» дневники московского градоначальства...С. 63.

⁹⁶⁴ Там же. Л. 603, 621.

⁹⁶⁵ Там же. Л. 577, 610.

офицеры покидали свои посты (как было с корнетами Сумского полка Соколовским и Струповым, которые получили разрешение градоначальника уйти⁹⁶⁶).

Сказывалась на эффективности посылки войск и подробно проанализированное Дж. Сандерсом распространение по Москве в этот период слухов о погромах и нападениях, вследствие чего отряды напрасно рассылались по городу⁹⁶⁷.

На реализации нарядов столь же серьезно отражались недостатки управления вызванными частями со стороны военных, порожденные, по всей видимости, и отсутствием должного взаимодействия с полицией, что приводило к случаям недостаточной информированности частей, выступавших в наряд. Так, некоторое время в ежедневное распределение отрядов по объектам регулярно составлялось с ошибкой: вместо участков Мещанской части указывались Мещанские улицы, в результате чего назначенные войска не попадали на фабрики Абрикосова и Динга⁹⁶⁸. Кроме того, в конце октября – начале ноября пребывавшие в нарядах отряды (за исключением солдат Астраханского полка) были совершенно не знакомы с ...делением города на районы (введенным, напомним, в январе), что вынуждало их сноситься исключительно со своими полками, а начальнику района – «исправлять эти ошибки». Выявлен этот системный сбой был только 3 ноября⁹⁶⁹. На взаимодействии войск и полиции сказывалось и дробление направленных на охрану «порядка» воинских сил (возможно, тоже обусловленное недостаточным учетом потребностей администрации). Так, отряд на Николаевском вокзале (коим командовал Козицкий, подполковник временно квартировавшего в Москве 8 гренадерского Московского полка, две роты коего входили в это соединение) оказался перед необходимостью оказать помощь местной полиции при том, что формально он не состоял в охране

⁹⁶⁶ Там же. Д. 1114. Ч. 3. Л. 12-12 об., 16.

⁹⁶⁷ Sanders J. Op. cit. P. 563-564, 660.

⁹⁶⁸ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 1118. Л. 764-764 об.

⁹⁶⁹ Там же. Л. 744-744 об.

Первопрестольной и не был подчинен ее начальнику. В итоге Козицкий обратился за разъяснениями в штаб округа⁹⁷⁰.

Большие затруднения как для военных, так и для гражданских блюстителей порядка представляли перебои в телефонном сообщении вследствие забастовки⁹⁷¹. Впрочем, и при функционировании сети качество связи не было гарантировано: так, вечером 20 октября, при столкновении участников похорон Баумана с «толпой манифестантов», барон Будберг распорядился о вызове 2 рот из Кремлевских казарм для восстановления порядка, что не удалось сделать из-за занятости телефона. Полиции пришлось отправить на место 2 роты из Александровских казарм, которые, однако, пришлось вернуть, так как ...генерал Павловский уже отправил на место силы из Кремлевских казарм⁹⁷².

Наконец, серьезным фактором, сказывавшимся на эффективности нарядов, стала революционизация части гарнизона, порожденная недовольством солдат своим положением, изнурительным пребыванием в нарядах, пассивной тактикой во время «беспорядков», пропагандой социалистических партий. Результатом данных процессов стал рост волнений в рядах расквартированных в Москве полков, кульминацией чего стал «мятеж» в Ростовском полку⁹⁷³.

Следует отметить, что командование МВО стремилось к исправлению выявлявшихся недостатков. 24 октября Шейдеман затребовал списки офицеров для выдачи им суточных денег (к сожалению, не удалось найти сведений о реализации данного распоряжения⁹⁷⁴). Была предпринята попытка и оказать давление на гражданскую власть для улучшения содержания войск в нарядах. 17 октября в городской манеж прибыл сам генерал Павловский, заявивший приставу 1 участка Тверской части, что в случае

⁹⁷⁰ Там же. Д. 1114. Ч. 2. Л. 248-249.

⁹⁷¹ Там же. Д. 1112. Л. 536, 563-563 об.

⁹⁷² «Дежурные» дневники московского градоначальства... С. 67.

⁹⁷³ Мельников А.Б. Указ. соч. С. 267-278; Высший подъем... С. 617-618.

⁹⁷⁴ Там же. Д. 1114. Ч. 2. Л. 331.

неудовлетворительного размещения войск они будут находиться наготове в казармах, «что, конечно, не в интересах Градоначальника». Выслушав список улучшений, которые предполагал провести в жизнь Медем, генерал смягчился, но попросил добиться разрешения барона на вывоз навоза⁹⁷⁵. В начале ноября 1905 г. генерал-квартирмейстер отказался высылать казаков в Пресненский полицейский дом впредь до изменения царившей там обстановки⁹⁷⁶. Как именно выполнялся данный «ультиматум», сказать на основе имеющихся документов сложно: с 7 по 10 ноября наряд в данном полицейском доме отсутствовал, но 11 ноября был возобновлен⁹⁷⁷. 4 ноября были разосланы по полкам планы деления города на районы военной охраны⁹⁷⁸.

Однако далеко не всегда военное начальство было в состоянии справиться с объективно возникавшими проблемами. Попытка командования МВО добиться у Московского комендантского управления отпуска тулупов и кенег для нарядов, охраняющих университет и консерваторию, активно поддержанная градоначальником, закончилась неудачей из-за того, что количество данного обмундирования соответствовало потребностям обычного городского караула, а на приобретение новых Интендантство не выделило средств. Шейдману оставалось лишь наложить грустную резолюцию: «Однако без тулупов теперь плохо⁹⁷⁹.»

Весьма спорными были результаты борьбы гражданской и военной власти с волнениями в гарнизоне. С одной стороны, Медем регулярно извещал командование МВО о доходивших до него тревожных «сигналах» о политическом неблагополучии в воинских частях. В качестве примера можно привести его отношения начальнику штаба МВО Рауш фон Траубенбергу от 25 ноября о необходимости обеспечить сохранность арсеналов и артиллерийских складов ввиду готовившегося левыми радикалами восстания и начавшегося в

⁹⁷⁵ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 773. Т. IX. Л. 128.

⁹⁷⁶ Там же. Л. 390.

⁹⁷⁷ ЦГА Москвы. Ф. 46. Оп. 21. Д. 41. Л. 14-20 об., 24.

⁹⁷⁸ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 1118. Л. 745.

⁹⁷⁹ Там же. Л. 751-753 об.

московских частях «брожения»⁹⁸⁰.» Кроме того, барон регулярно докладывал в штаб округа о различных сходах: например, 27 ноября – о состоявшемся накануне собрании солдат и фельдфебелей в столовой 3 саперного батальона, на коей был выработан ряд требований к начальству⁹⁸¹. С другой стороны, как справедливо отметил Дж. Сандерс, сам градоначальник мог сделать довольно мало на «военном поле»: это была задача командования МВО⁹⁸². Дезорганизованность аппарата, руководимого Медемом, и его собственная нераспорядительность, по всей видимости, также сыграли определенную роль. Так, получив 27 ноября донесение пристава 2 участка Тверской части Юрьева о митинге в Литературно-художественном кружке в доме Вострякова во главе с неким Павловским, на коем было «до 50 нижних чинов», Медем, несмотря на доложенную конкретику (имя председателя, «зловредное» влияние директора кружка – члена кадетского ЦК М.Л. Мандельштама), начертал лишь: «Желательно знать что там говорилось!»⁹⁸³.

Историки отмечают, что командование МВО со своей стороны пыталось по мере сил противодействовать брожению в частях: производилось отобрание у части «крамольных» солдат амуниции и оружия, их изоляция в казармах, арест некоторых «зачинщиков», удовлетворение некоторых мелких солдатских требований, распространение по полкам распоряжений о противодействии сходкам⁹⁸⁴. Были предприняты попытки более масштабных мер: увеличение суточного довольствия солдат 18 ноября⁹⁸⁵; рассылка циркуляра за подписью Рауша о повелении Малахова укреплять связь между офицерами и нижними чинами, в том числе за счет «бесед», в ходе которых командному составу надлежало развенчивать «ложные учения»⁹⁸⁶.» Однако вышеперечисленные меры были либо паллиативными, либо трудноисполнимыми: так, в условиях малочисленности офицеров в Москве и их регулярной занятости в нарядах

⁹⁸⁰ Высший подъем...С. 608.

⁹⁸¹ Там же. С. 609.

⁹⁸² Sanders J. Op. cit. P. 667.

⁹⁸³ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 808. Л. 24.

⁹⁸⁴ Мельников А.Б. Указ. соч. С. 269; Sanders J. Op. cit. P. 667-668.

⁹⁸⁵ РГВИА. Ф. 13495. Оп. 1. Д. 183. Л. 201 об.

⁹⁸⁶ Высший подъем...С. 607.

сложно было обеспечить реальное «единение» командного состава с солдатами. Кроме того, сам офицерский корпус в октябре – начале декабря 1905 г. вовсе не представлял собой сплоченной массы: часть их (особенно в Ростовском полку) подверглась новым веяниям и сочувствовала либеральным и даже более радикальным идеалам⁹⁸⁷, имеются сведения о крайне напряженных отношениях между офицерами и командирами Ростовского и Перновского полков⁹⁸⁸. Командование МВО было обеспокоено распространением «крамолы» в офицерских рядах. Поведение ряда «подозрительных» офицеров становилось предметом обсуждения на совещаниях у Малахова 23 и 29 ноября (причем в первый раз разговор, по свидетельству помощника командующего МВО генерала Глазова, затянулся до часа ночи⁹⁸⁹). Однако никаких решительных мер до начала декабря не было принято. Таким образом, действенной стратегии борьбы с революционными вспышками в гарнизоне командование округа не выработало (в отличие от петербургского военного начальства⁹⁹⁰).

Перечисленные причины сложностей во взаимодействии войск и полиции, естественно, сказывались на эффективности действий совместных нарядов.

В случае слаженной работы «стражи порядка» добивались неплохого результата. Так, в ночь с 30 на 31 октября в результате обращения городского к дозору Самогитского полка, патрулировавшего местность от Театральной площади до Красных ворот, были задержаны лица, грозившие полицейским револьверами⁹⁹¹. Хотя в случае многочисленности и вооруженности

⁹⁸⁷ Sanders J. OP. cit. P. 672.

⁹⁸⁸ НИОР РГБ. Ф. 307. П. 1. Ед. хр. 4. Л. 13; РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 191. Л. 325-328 об. Правда, в отличие от мемуаров М.С. Тюлина, где речь идет о плохих отношениях полковника Симанского с офицерами, информацию о третировании подчиненных со стороны командира Перновского полка полковника Погорелова мы находим в доносе, достоверность которого вызывает большие сомнения.

⁹⁸⁹ РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 10. Л. 326 об., 334.

⁹⁹⁰ ГА РФ. Ф. Р6249. Оп. 1. Д. 1. Л. 21-33 об. По свидетельству генерал-квартирмейстера штаба ПВО Г.О. Рауха, по инициативе главнокомандующего войсками гвардии и ПВО великого князя Николая Николаевича была разработана и осуществлена целая программа мер, включавшее планомерное укрепление влияния офицеров на солдат, улучшение материального состояния последних, своевременное блокирование и вывод из города ненадежных частей (флотские экипажи), разоблачение революционной пропаганды с помощью распространения в казармах проправительственной прессы (газета «Голос Правды»).

⁹⁹¹ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 1118. Л. 725-725 об.

«хулиганов» отношение их к войскам могло быть более агрессивным: 31 октября во время народного гулянья за Пресненской заставой «толпа в 1000 человек» встретила совместных наряд полиции и казаков «каменьями» и выстрелами⁹⁹².

Но отсутствие или бездействие войск нередко приводило к последствиям, весьма неприятным для администрации. Отказ командира Екатеринославского полка полковника С.Н. Обухова выслать 16 ноября наряд на Курский вокзал «за неимением в полку людей» способствовал закрытию местного почтового отделения членами «мятежного» союза⁹⁹³. Невозможность малочисленной полиции 2 участка Лефортовской части вследствие телефонной забастовки вызвать войска привела к разгрому фабрики Кудряшовых (драгун, бывших на предприятии накануне, 11 ноября там не оказалось⁹⁹⁴). Прогрессировавшее брожение в войсках гарнизона вынуждало гражданское, и военное начальство, в духе циркуляра главы МВД от 2 ноября, ограничивало участие в нарядах «неблагонадежных» частей⁹⁹⁵. В итоге во время беспорядков в Ростовском полку пехота вообще не привлекалась к содействию гражданским властям⁹⁹⁶. Результат был довольно плачевен: в эти дни участились случаи нападения вооруженных лиц на полицейских, подчас оканчивавшиеся трагически (так, околоточный надзиратель 2 участка Сретенской части Кутовой получил утром 3 декабря тяжелое ранение в живот⁹⁹⁷). Ряд подобных столкновений был связан с «партизанскими» действиями революционных дружинников по снятию городских с постов (об этой тенденции можно говорить с 4-5 числа⁹⁹⁸). Восстание в Ростовском полку само по себе нанесло серьезный урон охране Москвы от «беспорядков»: рота

⁹⁹² ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 773. Т. IX. Л. 35.

⁹⁹³ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 1118. Л. 922; «Дежурные» дневники московского градоначальства...С. 97.

⁹⁹⁴ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 773. Т. IX. Л. 190-190 об.; «Дежурные» дневники московского градоначальства...С. 90-91

⁹⁹⁵ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 773. Т. IX. Л. 42; Высший подъем...С. 609.

⁹⁹⁶ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 1118. Л. 1090; Высший подъем...С. 614. 2 декабря пехота, кроме Киевского полка не значилась в наряде, а далее воинские части находились наготове в случае обострения ситуации у ростовцев. Согласно рапорту Малахова от 4 декабря, ростовцы 3 декабря помешали выходу в наряд (правда, не указано, в какой именно) солдатам 1 батальона Астраханского полка (Высший подъем...С. 618).

⁹⁹⁷ «Дежурные» дневники московского градоначальства...С. 106-107.

⁹⁹⁸ Москва в декабре 1905 г. ...С. 181; Высший подъем...С. 764.

ростовцев, охранявшая Пересыльную тюрьму, после начала «мятежа» отказалась повиноваться своему командиру и была отпущена, в результате чего место заключения многих политических преступников к началу Декабрьского восстания оказалось под защитой лишь местной конвойной команды⁹⁹⁹.

Войска, занятые охраной фабрик и других объектов, даже при исполнении своих обязанностей не являлись надежными гарантами «порядка». Примером может послужить свидетельство членов правления товарищества «Эмиль Циндель» о том, что присутствие отряда «в количестве 20-50 человек» до 7 декабря не смогло предотвратить митинги на их фабрике¹⁰⁰⁰. Следовательно, в силу отсутствия широких полномочий и происходившего брожения в частях гарнизона войска могли не проявлять особой активности в борьбе с «крамолой».

Таким образом, московская администрация в рассматриваемый период, несмотря на некоторое расширение возможностей использования войск в своих целях, так и не смогла добиться оптимального взаимодействия военной и гражданской власти на всех уровнях (что становилось особенно актуальной задачей в условиях прогрессирующего кризиса полицейской службы). Малочисленность гарнизона, рост протестных настроений в его рядах, часто плохая организация нарядов со стороны полиции, проблемы со связью, несогласованность распоряжений военного начальства, отсутствие действительно тесного сотрудничества его с администрацией порождали периодические сбои в работе механизма особых нарядов, вплоть до неосведомленности солдат о цели выступления и отказа командиров выставлять в наряд свои части. Попытки гражданской и военной власти исправить эти проблемы увенчивалась успехом лишь частично как в силу их масштабов, так и субъективных факторов – дезорганизации администрации и отсутствия цельной и последовательной программы у командования МВО. В результате возникавшие «неполадки» в функционировании данного средства

⁹⁹⁹ Высший подъем... С. 758.

¹⁰⁰⁰ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 261. Л. 130-130 об.

борьбы с «беспорядками» порой причиняли довольно сильный урон положению власти (достаточно упомянуть «снятие» фактически беззащитных городских на Пресне в начале декабря). По всей видимости, выходом из сложившейся ситуации должно было стать усиление взаимодействия администрации и военного начальства в борьбе с «крамолой» на всех уровнях и подчинение действия войск руководству Первопрестольной во время серьезных волнений (как это было осенью 1905 г. в Петербурге). Однако следующий этап изменения взаимодействия двух сил, защищавших существовавший порядок, придется только на период Декабрьского восстания.

Теперь, после рассмотрения административно-полицейских и военно-полицейских мер, кратко остановимся на таком важном аспекте, как взаимодействие московской власти с ее потенциальными союзниками – правыми радикалами. Данный вопрос приобретает особую актуальность в свете активно развернувшихся в первые дни после выхода Манифеста 17 октября «черносотенных погромов» и бурного партийного строительства в правом лагере, завершившегося в начале ноября созданием «Союза русского народа»¹⁰⁰¹.»

Острые дискуссии в историографии вызвала степень участия администрации Первопрестольной в развернувшихся после «дарования свобод» погромах. Советские историки (например, Н.В. Шатина) в силу понятных идеологических установок считали администрацию «теневого» руководительницей избиения революционеров, евреев и интеллигентов¹⁰⁰². Иную позицию заняли американские историки 1980-х годов, также проявлявшие большой интерес к проблеме. Л. Энгельштайн высказала мнение, что московская полиция во главе с Медемом в основном защищала «манифестантов», а обвинения в их натравливании на оппозицию утвердились

¹⁰⁰¹ Степанов С.А. Указ. соч. С. 160-161.

¹⁰⁰² Шатина Н.В. Указ. соч. С. 105-107. Исследовательница связывала активное использование «патриотов» в карательных целях в Москве с отсутствием четких распоряжений из Петербурга.

под влиянием левых газет¹⁰⁰³. Более осторожное мнение выразил Дж. Сандерс: на его взгляд, факты позволяют говорить как о поддержке Медемом «патриотических манифестаций» – средства поддержки существовавшего строя и «поднятия духа» полицейской службы, так и о тайном стремлении администрации использовать их для расправы с врагами режима¹⁰⁰⁴.

Знакомство с документацией административных органов побуждает признать выводы американского исследователя наиболее близкими к истине. Однако, на наш взгляд, действия московских властей в этой области нужно рассматривать в динамике развития.

Ко времени выхода Манифеста 17 октября московская власть имела определенный опыт взаимодействия с защитниками монархии. Еще 12 июня 1905 г. градоначальник П.П. Шувалов ходатайствовал о награждении наряду городовыми, дворниками и сторожами членов добровольной охраны – организации, сформированной из желающих для охраны царя во время его пребывания в Москве и курируемой охранкой¹⁰⁰⁵. Основой данного формирования были московские общества хоругвеносцев¹⁰⁰⁶.

В августе 1905 г. добровольцы активизировались: в их среде возникла идея посылки депутации к царю, горячо поддержанная Медемом и Дурново¹⁰⁰⁷. В результате прием был назначен на 10 октября¹⁰⁰⁸. В ходе визита в Петербург «трогательные люди» (по оценке Николая II¹⁰⁰⁹) не только вызвали восхищение царя, но и с помощью рассказов о силе своих позиций в Москве и цветистого описания далекоидущих планов (в чем ведущую роль играл неформальный глава делегации чиновник Охранного Отделения К.К. Полторацкий, специально прикомандированный к ней по «личной просьбе» членов) покорили сердца ряда консервативных деятелей Северной столицы

¹⁰⁰³ Engelstein L. Op. cit. P. 140, 144-145.

¹⁰⁰⁴ Sanders J. Op. cit. P. 546-549.

¹⁰⁰⁵ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 233. Д. 39. Л. 1.

¹⁰⁰⁶ Никольский Б.В. Указ. соч. С. 61; Степанов С.А. Указ. соч. С. 159.

¹⁰⁰⁷ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 850. Л. 8, 10.

¹⁰⁰⁸ Там же. Л. 15.

¹⁰⁰⁹ Дневники императора Николая II... С. 64.

(особенно известного мыслителя и правоведа Б.В. Никольского) и внесли весомый вклад в формирование Союза русского народа¹⁰¹⁰.

Но в Москве дела этой охраны шли не столь успешно: несмотря на широковещательные заявления о якобы 100 тысячах членов¹⁰¹¹, в дни октябрьской стачки она себя не проявила. Попытку активизироваться предприняла одна из ведущих правомонархических партий – Союз русских людей, пригласившая москвичей собираться в храмах, создавать приходские комитеты и превращать их в опоры монархии¹⁰¹². Медем встретил эту инициативу с одобрением, предписав участковому начальству «оказывать содействие» комитетам¹⁰¹³. Однако успехом эта идея не увенчалась¹⁰¹⁴, а 18 октября московским властям и «черносотенцам» пришлось действовать уже в новой обстановке.

18-19 октября Медем отдавал лишь распоряжения о «содействии» полиции промонархически настроенным «манифестантам» и об «отделении» таковых от «крамольных» «демонстрантов». Именно этой цели, на наш взгляд, служит обращение градоначальника к начальнику штаба МВО Рауш фон Траубенбергу о подчинении вызванных в наряд войск «указаниям полиции» (т.к. ей «легче разобраться и отличить манифестантов от демонстрантов») и приказ об оказании «содействия» «патриотам» и поддержке «порядка»¹⁰¹⁵. Судя по всему, Медем (в силу своих симпатий сам являвшийся членом Русской монархической партии) стремился таким образом пустить энергию москвичей по «монархическому руслу» для укрепления авторитета власти (хотя вслед за Дж. Сандерсом задних мыслей у него исключать нельзя).

Однако уже 19 октября генерал-губернатор Дурново и Медем под влиянием общественности, возмущенной действиями черносотенцев, разрешают процессию по случаю похорон Баумана без «особых полицейских

¹⁰¹⁰ Никольский Б.В. Указ. соч. С. 61-64; Степанов С.А. Указ. соч. С. 159-160.

¹⁰¹¹ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 850. Л. 8; Никольский Б.В. Указ. соч. С. 61.

¹⁰¹² Степанов С.А. Указ. соч. С. 82-83.

¹⁰¹³ Sanders J. Op. cit. P. 546.

¹⁰¹⁴ Степанов С.А. Указ. соч. С. 83.

¹⁰¹⁵ «Дежурные» дневники московского градоначальства... С. 56-62.

мер» и вызова войск, ввиду того что участники сами обязались поддерживать порядок¹⁰¹⁶. В дежурных дневниках не отмечено за вечер этого дня никаких распоряжений, каковые можно было бы расценить как науськивание «патриотов» на «крамольников¹⁰¹⁷.» Более того, весьма неоднозначной в целом была реакция градоначальника на те действия «манифестантов», которые могли привести к прекращению работ: 19 октября на рапорте пристава 3 участка Сущевской части Зарембы о шествии монархистов по Бахметьевской улице с требованием закрытия ремесленных заведений и фабрик, барон написал: «Последствия распоряжения об оставлении фабричного района без охраны! А все-таки настаивать на охране¹⁰¹⁸.»

Между тем, помимо «прогрессивных» общественных деятелей попустительством московского начальства был недоволен Петербург, где опасались дальнейшего обострения ситуации в империи (фактором чего являлись и бесконтрольные стычки «манифестантов» и «демонстрантов» в Москве). 21 октября, ознакомившись с докладом Медема о событиях в Первопрестольной 18-19 числа (о столкновениях «крамольников» и «патриотов», об убийстве Баумана) Трепов начертал гневную резолюцию: «Я не усматриваю проявления деятельности в смысле поддержания порядка¹⁰¹⁹.»

Свой вклад в развитие подобных настроений в Северной столице вносила и общественность. 21 октября в Департаменте полиции была получена телеграмма от лидера Союза инженеров А.Н. Милюкова (брата лидера кадетской партии), сообщавшая о расстреле казаками «спокойной толпы», возвращавшейся с похорон Баумана, «вопреки обещанию Генерал-Губернатора», и об «отсутствии дисциплины и содействии казаков названной черной сотне», вследствие чего «возможно возобновление забастовки» (при этом автор требовал вывода казачьих частей из Москвы¹⁰²⁰). 22 октября Витте, получивший телеграмму от известного религиозного мыслителя, священника

¹⁰¹⁶ Там же. С. 62; РГАЛИ. Ф. 128. Оп. 1. Д. 12. Л. 86 об.

¹⁰¹⁷ Там же.

¹⁰¹⁸ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 785. Л. 44-44 об.

¹⁰¹⁹ Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года. М.; Л., 1955. Ч. 1. С. 466-467.

¹⁰²⁰ ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1905. Оп. 233 а. Д. 1350. Ч. 26. Л. 49.

Г.С. Петрова, о якобы предстоявшем под руководством прибывшего в Москву П. Крушевана массовом еврейском погроме в Первопрестольной, Иваново-Вознесенске и Шуе, потребовал от Дурново принятия «необходимых мер», «если телеграмма содержит правду¹⁰²¹.» 23 числа Трепов направил московским генерал-губернатору и градоначальнику довольно жесткую телеграмму, содержащую требование «прекращения беспорядков, насилия, погромов» для обеспечения «личной и имущественной безопасности обывателей», а также напоминание, что успеха можно достичь лишь с помощью «своевременного принятия» необходимых мер, а не «кровапролития, которое всегда является неизбежным, когда эти меры приняты не были¹⁰²².» Следовательно, центральная власть решительно выразила свое недовольство линией руководителей Первопрестольной.

В силу этих факторов им вскоре пришлось переходить к наведению порядка. Уже 20 октября Дурново отправил в редакции ведущих московских газет (от «Ведомостей Московского Градоначальства» до «Русских ведомостей») объявление, призывавшее обывателей «прекратить процессии и сборища на улицах¹⁰²³.» Радикально это ситуацию не исправило – как мы упоминали, на 21-22 число пришелся пик «черносотенных» манифестаций в Москве, часто заканчивавшихся столкновениями с «красными» и кровапролитием. Подстегиваемые общественностью и Петербургом, руководители Первопрестольной пытались умирить пыл добровольных защитников монархии: неоднократно начиная с 20 числа градоначальник, но чаще Будберг и даже оказавшийся в его резиденции пристав 3 участка Пресненской части Шокотко просили мирно разойтись «патриотические» толпы, подходившие к дому шефа полиции, причем последний даже просил «манифестантов» «не вступать ни с кем в драку и вообще не безобразничать на улицах¹⁰²⁴.» 21 числа градоначальник отдал подчиненным приказ «иметь

¹⁰²¹ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 85. Л. 32-32 об.

¹⁰²² Там же. Л. 40; ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 785. Л. 85.

¹⁰²³ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 85. Л. 19-21.

¹⁰²⁴ «Дежурные» дневники московского градоначальства... С. 64-70.

неослабное наблюдение» за сохранностью жизни и имущества евреев и в случае нападения «хулиганов» вызывать войска «для принятия решительных мер оружием на мой ответ¹⁰²⁵». На следующий день Медем перешел к конкретике – разослал своим подчиненным телеграмму с требованием сообщить, кто из нижних чинов полиции «ходил по еврейским квартирам с предупреждением о готовящемся погроме». Можно заподозрить барона в поиске виновников срыва предполагаемого избиения евреев, однако такое впечатление исчезает от заключительной фразы данного послания: «Ведь это преступно, вместо того чтобы успокоить, вносить этим смуту¹⁰²⁶». Следовательно, к 21-22 октября московская власть прониклась убеждением в необходимости пресечения шествий и уличных столкновений.

Однако от последовательного проведения его в жизнь администраторы воздерживались: не было отдано никаких конкретных приказаний о разгоне «толп» (все ограничивалось лишь просьбами и рекомендациями). Более того, градоначальник не до конца разуверился в спасительном действии «патриотических» манифестаций для усиления монархических настроений. Так, докладывая 21 октября Трепову о принятии мер к защите еврейского населения, он в то же время не без злорадства сообщал, что на завтрашний день запланировано грандиозное шествие сторонников порядка в связи с крестным ходом на Красной площади, в ожидании коего «революционные элементы упали духом¹⁰²⁷». Исход данного мероприятия оказался довольно сомнительным: по собственному признанию Медема, «ввиду ненастной погоды» собралась только 1000 «черносотенцев» (хотя в «Дежурных дневниках» и указывалась цифра в 5000, что можно объяснить стремлением пристава Городского участка доставить приятное начальству¹⁰²⁸), а участники, разбившиеся на несколько групп, заставляли прохожих демонстрировать свою преданность императору и в ходе этого вступали в конфликт с вооруженными

¹⁰²⁵ Там же. С. 67.

¹⁰²⁶ Там же. С. 70-71.

¹⁰²⁷ Всероссийская политическая стачка... С. 467.

¹⁰²⁸ «Дежурные» дневники московского градоначальства... С. 70.

левыми радикалами, что привело к ряду убийств и избиений последних. Единственной отрадой для власти было отсутствие сколько-нибудь масштабных леворадикальных демонстраций в этот день¹⁰²⁹. Действительно, разгул «народной контрреволюции» нагнал страху на «неблагонадежных элементов»: так, Р.М. Хин-Гольдовская со своими близкими еще 21 числа перебралась в гостиницу «Националь», из окна коей с ужасом взидала на кучковавшихся «черносотенцев»¹⁰³⁰.»

Следует заметить, что «стражи порядка» на местах (участковая полиция и военные) занимали куда более определенную позицию по отношению к «крамольным» толпам. Нами уже упоминалось свидетельство Л.А. Тихомирова о его разговоре в день похорон Баумана с полицейским офицером, высказавшим свое негодование «изменническими» действиями Дурново и Медема, «жидовской революцией» и сообщавшим о жажде расправы со стороны солдат и полицейских. Следовательно, вряд ли местная полиция воспринимала приказы барона как руководство к действию против «крамольников», и «блюстители порядка» могли по собственной инициативе поддерживать «монархистов». Эту мысль косвенно подтверждает письмо московского домовладельца Медему от 21 октября, повествующее о благожелательном созерцании полицейскими чинами нападения «толпы» на прохожих у памятника Пушкину на Страстной площади накануне.¹⁰³¹ Становится понятно, что при таких настроениях исполнителей расплывчатые распоряжения начальства вряд ли могли иметь эффект. Сами ревнители «порядка» были вовсе не в восторге от «содействия» властей:

¹⁰²⁹ Всероссийская политическая стачка...С. 467; «Дежурные» дневники московского градоначальства...С. 70-72; Дневник Л.А. Тихомирова...С. 147; *Мицкевич С.И.* Указ. соч. С. 408. Тихомиров, явно опираясь на слухи, писал о частых случаях расправы «черносотенцев» над лицами, отказывавшимися снимать шапку перед царским портретом.

¹⁰³⁰ РГАЛИ. Ф. 128. Оп. 1. Д. 12. Л. 114 об., 116. См. также свидетельство германского консула в Москве Кольгаза, что «грозная организация контрреволюции...сильно перепугала радикальную «интеллигенцию», которая в начале прошлой недели выдавала себя чуть не за полную хозяйку Москвы» (РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 6. Л. 89). Однако если обратиться к упомянутому рассказу анонимного автора о столкновении манифестантов и большевиков-дружинников, можно отметить, что последних он описывает как «толпу хулиганов-студентов с красными колочками», т.е. имевших вид «демонстрантов» (ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 9. Л. 30). Возможно, что некоторые шествия противников строя в этот день были просто не учтены малочисленным и загруженным полицейским аппаратом.

¹⁰³¹ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 785. Л. 15-15 об.

В подобной ситуации Медем вынужден был принять решительные меры: в 5 с половиной часов вечера того же дня он отдал приказ не допускать никаких «шествий», «хотя с выражением патриотич[еских] чувств», причем особо распорядился предотвращать «скопища близ студенческих общежитий» и охранять молодежь¹⁰³². Спустя час с небольшим он повелел полицеймейстерам и приставам решительно пресекать «проявления насилия», «призывая именем моим» войска¹⁰³³. 23 числа Медем еще раз потребовал от подчиненных весь день дежурить на улицах, «не допуская сборищ, шествий, никаких манифестаций¹⁰³⁴». Вскоре выразители «национальных чувств» ощутили действие этих распоряжений. 23 числа пристав 2 участка Тверской части остановил у Камергерского переулкa процессию, шествовавшую со Страстной площади, огласил приказ Медема, отобрал национальный флаг и велел разойтись¹⁰³⁵. Тогда же глава 3 участка Суцевской части капитан Заремба настойчиво убеждал «манифестирующую толпу», шедшую разогнать митинг в Инженерном училище и обращенную в бегство большевистской боевой дружиной, разойтись¹⁰³⁶. Сам же градоначальник в течение дня неоднократно отдавал приказы о рассеянии «патриотических толп» (один раз это произошло с подачи генерал-губернатора¹⁰³⁷).

На основании изложенного нам представляется правомерным заключить, что четкой позиции в дни «погромов» московская власть не занимала (несмотря на очевидное сочувствие к «патриотам»). Первые два дня администрация придерживалась благожелательного нейтралитета по отношению к монархическим «шествиям» и отдавала своим подчиненным приказы о содействии «манифестантам» и их охране. Однако факты позволяют с уверенностью говорить лишь о заинтересованности власти в устройстве «патриотических» «процессий» как средства укрепления порядка (при том, что

¹⁰³² «Дежурные» дневники московского градоначальства... С. 72.

¹⁰³³ Там же.

¹⁰³⁴ Там же. С. 73.

¹⁰³⁵ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 785. Л. 171.

¹⁰³⁶ Там же. Л. 10 об.

¹⁰³⁷ «Дежурные» дневники московского градоначальства... С. 73.

полицейские чины в участках, озлобленные ростом революционного движения, могли придерживаться иного мнения). Данная тактика на деле обернулась попустительством взрыву уличного насилия, которое провоцировали как монархисты, так и революционеры-«демонстранты». С 20 числа вследствие общественного резонанса, вызванного «погромами» (особенно убийством Баумана), и недовольства петербургского начальства бездействием администрации Первопрестольной последняя стала предпринимать попытки к наведению порядка, однако меры по сокращению числа уличных процессий (главного источника беспорядков) свелись главным образом к рекомендациям. В результате 21-22 октября последовал всплеск уличного насилия. Только тогда градоначальник решился перейти к действенным мерам.

В целом, «черносотенная эпопея» (как метко охарактеризовал октябрьские «погромы» лидер эсеров В.М. Чернов) принесла московским властям мало дивидендов, за исключением частичной деморализации левых сил, каковую генерал-губернатор Дурново в беседе с германским консулом Кольгазом не преминул поставить в заслугу монархистам, озлобленным против радикальной интеллигенции и показавшим ей готовность «к отпору»¹⁰³⁸.

Однако этот испуг в перспективе дорого обошелся администрации Первопрестольной. И современники, и исследователи отмечали, что «черносотенная» опасность привела к росту оппозиционных настроений в разных слоях населения и как следствие – к массовому вооружению, что стало важной предпосылкой Декабрьского восстания¹⁰³⁹.

Действия администрации вызвали недовольство и в правом лагере: там руководителей Первопрестольной обвиняли в бездействии и попустительстве революционерам, итогом коего стали безнаказанные действия вооруженных

¹⁰³⁸ РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 6. Л. 88 об.

¹⁰³⁹ Чернов В.М. Прошлое и настоящее // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы... С. 186; Sanders J. Op. cit. P. 546-547.

«демонстрантов». Наиболее емко суть претензий монархистов выразил Л.А. Тихомиров: «Страшное время! А власти – перед всеми раскланиваются¹⁰⁴⁰.» Впрочем, его единомышленники не ограничивались констатацией этого факта. В ответ на призыв пристава Зарембы 23 октября разойтись толпа «манифестантов», бежавшая после столкновения с боевой дружиной, намеревалась избить полицейского чиновника, защищавшего не людей, выражавших «национальное чувство», а студентов¹⁰⁴¹. Анонимный автор, втор, писавший о об этом столкновении, сетовал на отсутствие и бездействие полиции и казаков¹⁰⁴².

Грозная волна осуждения местных администраторов «справа», поднявшаяся в прессе, получила подробное освещение в работе Дж. Сандерса¹⁰⁴³. Однако как противники существовавшего строя, так и его сторонники обращались к властям предрежающим напрямую: письма с критикой попустительства или бездействия (в зависимости от политических предпочтений) регулярно поступали к генерал-губернатору и градоначальнику, причем зачастую авторы переходили на личности, что свидетельствовало о существенном падении авторитета администрации¹⁰⁴⁴.

Наконец, неспособностью московских властей должным образом поддерживать порядок были очень недовольны в Петербурге. Ознакомившись с донесениями Медема о положении в Первопрестольной 21 и 22 октября, Трепов в резолюции от 24 числа обвинил местную администрацию в попустительстве и «отсутствии проявления...в достаточной мере, деятельности, в смысле поддержания в столице порядка». Данное заключение рассматривалось как официальная оценка действий московского начальства, поскольку в Департаменте полиции был заготовлен проект отношения Медема с его изложением. Лишь отставка Трепова 27 октября помешала отправке

¹⁰⁴⁰ Дневник Л.А. Тихомирова... С. 147.

¹⁰⁴¹ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 785. Л. 10 об.

¹⁰⁴² ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 9. Л. 32-33.

¹⁰⁴³ Sanders J. Op. cit. P. 566-567.

¹⁰⁴⁴ ЦГА Москвы Ф. 16. Оп. 95. Д. 9. Л. 35-35 об., 42-43 об.; ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 785. Л. 15-15 об., 118-119.

данного письма¹⁰⁴⁵.

Следовательно, нерешительная позиция московской власти в ходе «погромов» способствовала ее дискредитации как в революционных и либерально-оппозиционных, так и в монархических и правительственных кругах.

И далее взаимоотношения администрации и добровольных ревнителей «порядка» складывались очень противоречиво.

С одной стороны, в ряде случаев власть демонстрировала «черносотенцам» готовность идти навстречу их нуждам (особенно когда эти заботы становились объектом внимания со стороны петербургского начальства). 26 октября только управлявший МВД в ранге товарища министра П.Н. Дурново прислал своему московскому однофамильцу извещение о предоставлении им Московских зданий государственного коннозаводства «для канцелярии и собраний» Союза русских людей и запрашивал, есть ли угроза нападения на эти помещения со стороны «неблагонадежных элементов» и могут ли власти Первопрестольной оперативно отреагировать на эту опасность¹⁰⁴⁶. На запрос П.П. Дурново Медем бодро отрапортовал, что оснований для беспокойства нет, но на всякий случай он примет «все меры к обеспечению безопасности» и здания, и собравшихся¹⁰⁴⁷. Однако в чем конкретно заключались данные меры, сказать довольно сложно: только 20 ноября в манеже коннозаводства «наготове» появился полуэскадрон драгун (хотя можно допустить, что находившиеся части просто официально в наряде не значились¹⁰⁴⁸). По-прежнему градоначальник приветствовал публичные изъявления преданности монарху и вере. 30 октября он разрешил рабочим красильно-набивной фабрики Кузьмичева в Дорогомилове послать благодарственную телеграмму императору по случаю дарования Манифеста 17 октября, причем советовал не прибегать к помощи «адвокатов и вообще

¹⁰⁴⁵ ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1905. Оп. 233 а. Д. 1350. Ч. 26. Л. 48.

¹⁰⁴⁶ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 261. Л. 34-34 об.

¹⁰⁴⁷ Там же. Л. 36.

¹⁰⁴⁸ Там же. Ф. 46. Оп. 21. Д. 41. Л. 46.

посторонних лиц¹⁰⁴⁹.»

В середине ноября Медем разрешил масштабную патриотическую «манифестацию», организованную вождем московских «черносотенцев» – В.А. Грингмутом, его сотрудником, активистом монархического движения Б.В. Назаревским совместно с союзом хоругвеносцев Успенского собора. Барон не преминул порадовать петербургское начальство верноподданническим настроением москвичей и отправил в МВД донесение об этом начинании вместе со телеграммой участников Николаю II с изъятием своих чувств. По воспоминаниям Д.Н. Любимова, Дурново поддержал московскую инициативу, и по его приказу начальник канцелярии составил чрезвычайно цветистый и восторженный доклад о событии. Однако в итоге случился конфуз: император, на которого сильно повлияли известия об октябрьских «демонстрациях», усомнился в достоверности сообщенных фактов, в результате чего Любимову пришлось ехать в командировку в Москву для сбора сведений о произошедшем шествии. Учитывая, что часть его участников составляли лица, охарактеризованные начальником канцелярии МВД как «профессиональные манифестанты» (принимавшие участие в любых процессиях за плату) и что в скором времени Первопрестольная стала центром почтово-телеграфной забастовки, нетрудно предположить, что желаемого удовольствия императору известия о «патриотической акции» так и не принесли. Хотя, по воспоминаниям того же Любимова, царь, узнав об участии в шествии «профессионалов», ранее выступавших в демонстрациях с «красными флагами», убедился в продажности и безыдейности революционеров¹⁰⁵⁰. Наконец, 25 октября Медем разрешил молебствие делегации Союза русских людей, направлявшейся в Петербург для представления императору, организованное главой ремесленной управы И.А. Александровым¹⁰⁵¹. Оказывали правые и более существенную помощь власти: отмечалось их участие в качестве «волонтеров» по обслуживанию почты и телеграфа в дни

¹⁰⁴⁹ «Дежурные» дневники московского градоначальства... С. 79.

¹⁰⁵⁰ Любимов Д.Н. Указ. соч. С. 321-323; Дневник Л.А. Тихомирова... С. 155.

¹⁰⁵¹ «Дежурные» дневники московского градоначальства... С. 103; Дневник Л.А. Тихомирова... С. 162.

забастовки работников связи¹⁰⁵².

Однако в то же время власть вводила новые ограничения для них. Широкие слои московского населения по-прежнему ощущали угрозу нападения «черносотенцев». Основания для этих опасений создавали продолжавшие циркулировать слухи о еврейских погромах и бесчинства толп грабителей и хулиганов. Масла в огонь подливали и «какие-то подпольные люди» из числа монархистов, которые, не надеясь после событий «погромной недели» на администрацию, стали рассылать воззвания «православным и старообрядцам» с призывом собираться в Кремле и в приходах и идти «освободить царя»¹⁰⁵³.

В этой ситуации обыватели спешили потребовать у власти защиты от ожидаемого «насилия». Так, 29 октября директор 3 московской гимназии Е. Сырочковский довел до сведения Медема постановление собрания родителей учащихся от 27 числа, содержавшее опасение, что пропаганда «народного союза» (так, по всей видимости, обозначали свое авторство «подпольные люди») и бесчинства хорошо организованных, по их мнению, при попустительстве полиции нищих угрожают жизни и здоровью детей, и заявление о необходимости обеспечить «действительную безопасность» москвичам и побудить «стражей порядка» бороться с нищенством¹⁰⁵⁴. Аналогичными прошениями забрасывали шефа полиции и московские торговцы¹⁰⁵⁵. Особенный ажиотаж вызывали слухи о готовившемся еврейском погроме, проникшие даже в консервативные круги¹⁰⁵⁶. Так, 26 октября одна из домовладелиц просила Медема пресечь якобы намечаемые на 30 число грабеж и расправу над евреями, «инспирируемые находящимся в данное время здесь Крушеваном»¹⁰⁵⁷.» Беспокоилась и верхушка московских иудеев: 26 октября московский раввин Мацэ представил градоначальнику заявление старосты

¹⁰⁵² Базилевич К.В. Указ. соч. С. 232.

¹⁰⁵³ Дневник Л.А. Тихомирова... С. 150.

¹⁰⁵⁴ ЦГА Москвы. Ф. 46. Оп. 21. Д. 20. Л. 297, 299-299 об.

¹⁰⁵⁵ Там же. Л. 268, 303.

¹⁰⁵⁶ Дневник Л.А. Тихомирова... С. 150.

¹⁰⁵⁷ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 773. Т. IX. Л. 171.

Межевого молитвенного дома Конфеля о слухах о предстоящем разгроме вверенного ему учреждения и необходимости назначения наряда в 10 кавалеристов на содержании дома¹⁰⁵⁸.

И Медем шел на удовлетворение этих ходатайств. На переданном заявлении директора 3 гимназии он начертал резолюцию, предписывавшую «вновь подтвердить и истребовать от чинов наружной и сыскной полиции» принять меры к борьбе с беспокойными маргиналами¹⁰⁵⁹. Распорядился глава московской полиции и «назначить Г. пристава» для удовлетворения прошения раввина¹⁰⁶⁰. Откликнулся барон и на явно недостоверное в его глазах заявление домовладелицы: «Хотя и не верю, но всем быть в полной осведомленности и готовности. Усилить наружное наблюдение, иметь наготове гарнизон¹⁰⁶¹.»

Принимал Медем в связи с данными обращениями и более общие меры для обуздания «черносотенцев». 28 октября он выпустил воззвание, в коем обличались «лихие люди», подстрекавшие население к «новым смутам» посредством «патриотических» призывов, что приравнивалось бароном к действиям «злейшего врага земли Русской». Градоначальник заявлял, что с «настоящими крамольниками» сам «сладит», а «расправы, да еще под таким кощунственным лозунгом» не допустит, приняв необходимые меры по 317 ст. тома II Свода Законов¹⁰⁶². 1 ноября Медем отправил в редакции всех московских газет текст нового обращения к населению, в коем провозглашал о принятии «всех распоряжений» по полиции для охраны учащихся и приглашал всех «обывателей» к содействию «стражам порядка» в этом деле. Однако, явно делая отсылку к постановлению родительского собрания 3 гимназии, он предупреждал о недопустимости «злостных измышлений» об организации полицейскими чинами нападений на учащихся, движения «черносотенцев» и еврейских погромов, пригрозив привлечением «клеветников» к

¹⁰⁵⁸ ЦГА Москвы. Ф. 46. Оп. 21. Д. 20. Л. 295, 296.

¹⁰⁵⁹ Там же. Л. 297.

¹⁰⁶⁰ Там же. Л. 295.

¹⁰⁶¹ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 773. Т. IX. Л. 171.

¹⁰⁶² «Дежурные» дневники московского градоначальства... С. 78; Engelstein L. Op. cit. P. 144.

ответственности по суду¹⁰⁶³.

К середине ноября возникла напряженность и в отношениях Медема с вождем московских правых радикалов и его шефом по Русской монархической партии – Грингмутом. Тихомиров 25 числа отмечал в дневнике о недовольстве градоначальника направлением редактора «Московских ведомостей», который якобы «очень ...шумит в политике, публику бунтует». Также в редакционных кругах распространялся слух, что в состав партии введен «шпион Попов (какой-то якобы майор)¹⁰⁶⁴».

Не решались Дурново и Медем воплотить в жизнь обращения монархистов к ним в эпистолярной форме, даже если в них содержались вполне умеренные и деловые предложения. Так, послание «значительного кружка московских обывателей» (судя по тексту, при этом поклонников священника Г. С. Петрова) от 22 октября, содержавшее предложения пропагандировать вступление верноподданного населения в «черную сотню», запретить правым «пальцем коснуться свободного революционера», переодеть полицию «в штатское платье» и повелеть ей охранять добровольных «ревнителей порядка», возложить на них функции ареста противоправительственной прессы и сформировать «из числа русских людей: отставных солдат и проч.)» «городскую милицию», против обыкновения вызвало повышенное внимание генерал-губернатора (ряд пассажей был им подчеркнут). Но никаких практических мер, исходивших из данных предложений, принято не было¹⁰⁶⁵.

Ущемление прав «черносотенцев», очевидно, нелегко давалось Медему, еще в первой половине октября изъявлявшему по отношению к ним сочувствие. На прошениях о наказании «черносотенцев» и попустительствовавших им чинов полиции и казачьих частей, а также сообщений о возможных убийствах студентов, заботливо предоставлявшихся

¹⁰⁶³ «Дежурные» дневники московского градоначальства... С. 81.

¹⁰⁶⁴ Дневник Л.А. Тихомирова... С. 161.

¹⁰⁶⁵ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 9. Л. 47-51.

Медему генерал-губернатором Дурново, градоначальник ставил весьма желчные резолюции, что явно не свидетельствует о его симпатии к писавшим: «дать мне сведения об лицах составивших донесение¹⁰⁶⁶»; «каких-то нападений на учащихся ведь нет. Новое издевательство¹⁰⁶⁷»; «новое выдуманное письмо¹⁰⁶⁸.» Тем не менее, под давлением общественных настроений и из-за боязни дестабилизации обстановки барон воздерживался от сколько-нибудь действенного покровительства «патриотам». Это, по всей видимости, сыграло свою роль в затухании в ноябре 1905 г. каких-либо попыток «черносотенцев» организовать деятельный отпор нараставшей активности левых радикалов¹⁰⁶⁹. При этом больших дивидендов это администрации не принесло: радикальная и либеральная общественность Москвы по-прежнему считали, что власти науськивают монархистов на своих врагов. Отражением этого настроения стал распространившийся в начале декабря слух, что Медем будто бы заявил лидерам «черносотенцев» в ответ на их намерения «истреблять интеллигенцию», что «советовать этого не может, но если бы революционеры были истреблены, то это было бы хорошо¹⁰⁷⁰.»

Следует признать, что колебания в отношении правых были присущи и центральной власти. Ярким эпизодом стала дискуссия на заседании Совета министров 3 ноября, на котором П.Н. Дурново, защищая добровольных ревнителей монархии, заявлял, что «нельзя велеть стрелять в людей, мнущих революционеров», явно возражая Витте¹⁰⁷¹.

Таким образом, курс московских властей по отношению к потенциальным союзникам в октябре – начале декабря 1905 г. можно оценить как колебания между благожелательным нейтралитетом (и, возможно, неявной поддержкой) и запретительными мерами, принятыми под давлением левой общественности и правительства, не желавшего дальнейшей дестабилизации

¹⁰⁶⁶ГА РФ Ф. 63. Оп. 25. Д. 773. Т. IX. Л. 226.

¹⁰⁶⁷Там же. Т. X. Л. 18.

¹⁰⁶⁸Там же. Л. 23.

¹⁰⁶⁹Вальдин А.С. Указ. соч. С. 121.

¹⁰⁷⁰Дневник Л.А. Тихомирова... С. 168.

¹⁰⁷¹Совет министров Российской империи. 1905-1906... С. 37.

обстановки (при этом нижние чины полиции и войска были значительно более сочувственно настроены к добровольным ревнителям монархии и в ряде случаев оказывали им содействие). Такая позиция в «неделю погромов» привела к попустительству насилию со стороны как правых радикалов, так и революционеров, а в дальнейшем – к падению авторитета московской власти в глазах представителей разных политических течений и к малой активности возможного партнера местной администрации в борьбе с революционным движением.

Таким образом, на протяжении «дней свобод» московской власти, как и ее кураторам из Петербурга, не удалось наладить четко функционирующий механизм борьбы с революцией в Первопрестольной.

Под влиянием ряда проблем (малочисленность и неудовлетворительное состояние «стражей порядка», сложности с финансированием, новая общественно-политическая атмосфера после выхода Манифеста 17 октября, сказавшаяся на настроениях населения и инструкциях центральной власти, несогласованность действий сотрудников МВД и Министерства юстиции, настроенных более либерально; нерешительность руководителей местной администрации), принимаемые меры не давали ожидаемого результата. Репрессивные действия либо оборачивались паллиативами (как, например, при попытках пресечь распространение оружия, запретить нежелательные митинги и собрания), либо запаздывали (аресты лидеров Крестьянского и почтово-телеграфного союзов). При этом в критические моменты (при возможности разгона «вредных» митингов или собраний ВКС и «мятежных» связистов) фатальные колебания проявляли не только градоначальник, губернатор и генерал-губернатор, но и их подчиненные (участковые приставы), командиры призванных войсковых отрядов и даже центральное руководство страны (Совет министров, МВД). Это позволяет говорить о трудном приспособлении всего государственного аппарата империи к обстановке «дней свобод», что в

перспективе вело к обострению политической ситуации. Например, управляющий МВД П.Н. Дурново, за коим в историографии закрепился ореол решительного администратора, в эпоху с почтово-телеграфным и Крестьянским союзами проявлял некоторые колебания при переходе к репрессиям, что способствовало проволочкам со стороны его московских подчиненных. Принятие же по его инициативе жестких мер следовало с запозданием и скорее восстанавливало местную и всероссийскую общественность, настроенную в значительном числе оппозиционно, против власти.

Деятельность же собственно московских властей по поддержанию «порядка» осложнялась тем, что генерал-губернатор П.П. Дурново, как было показано, в решающие моменты либо бездействовал, либо шел на неадекватные ситуации шаги (например, велел начальнику канцелярии припугнуть явившуюся делегацию почтарей и телеграфистов). Основной объем работы ложился на градоначальника Медема, который в силу своей загруженности и неудовлетворительных профессиональных качеств не самым лучшим образом справлялся с этой задачей.

Не удавалось представителям гражданской администрации добиться и единения всех ведомств в борьбе с революцией. Судебная власть, стоявшая на позиции строгой законности, в данном случае была плохим союзником полиции и своим неделанием возбуждать дела против врагов режима способствовала дискредитации своих «коллег». В отличие от Петербурга, в Москве не удалось создать четко действовавший механизм взаимодействия гражданского и военного начальства при подавлении «беспорядков» в силу как формальных (отказ центра от расширения прерогатив генерал-губернатора в данной сфере), так и субъективных причин (недостаточная энергия и настойчивость администрации и пассивность военных). В результате сотрудничество между двумя сферами местной власти (становившиеся все более важным фактором борьбы с «беспорядками») не всегда было оперативно и слаженно, что усложняло существовавшие проблемы (например,

малочисленность сил гарнизона, которые администрация могла использовать в борьбе с революцией) и вело к сбоям в функционировании «особых нарядов» по поддержанию «порядка». Недостаточные меры как со стороны гражданского, так и в особенности военного начальства (в силу субъективных и объективных факторов бывшего не в состоянии ликвидировать почву для волнений в гарнизоне) привели к революционизации части московских солдат, закончившейся восстанием в Ростовском полку. И хотя это движение было во многом стихийным и продиктованным экономическими нуждами, оно сыграло свою роль в радикализации намерений революционеров.

Не смогла московская власть и обрести надежных союзников в рядах населения Первопрестольной. Непоследовательные меры по борьбе с «крамолой» в целом и отношение администрации к радикальным монархистам в особенности (колебавшиеся между благожелательным нейтралитетом и периодическим использованием услуг и борьбой с эксцессами «черносотенной» активности) приводили к падению авторитета администрации как в консервативном лагере, считавшем власть дряблой и мягкотелой, так и в либеральной, оппозиционной и даже аполитичной среде, где утвердилось мнение о провоцировании «погромов» именно гражданским начальством.

В результате всех этих недочетов в рядах общественности распространялось убеждение о неизменной реакционности и одновременно слабости власти. Оборот оружия, который власть не могла пресечь, и вспыхнувшие солдатские волнения, как казалось, создают благоприятную почву для дальнейшей борьбы левых радикалов с самодержавием.

Глава II. Московская власть в борьбе с революцией в период Декабрьской всеобщей стачки и вооруженного восстания.

§1. Декабрьская стачка и восстание в Москве.

Неопределенность политической обстановки в «дни свобод», как известно, 7 декабря разрядилась всеобщей стачкой, к 10 числу переросшей в вооруженное восстание.

В советской историографии данный ход событий объясняли как закономерный итог революционной деятельности партии большевиков¹⁰⁷². Однако современные исследования заставляют пересмотреть эту оценку.

К началу декабря русские революционеры, значительная часть либеральной публики и простых обывателей убедились в реакционности и одновременно слабости власти. Как мы упоминали, значительную роль в развитии этих настроений сыграли московские события – явочное устройство радикальных митингов, эпопея со съездами ВКС и почтово-телеграфного союза, несвоевременно пресеченными полицией. Остро реагировали враги режима и на другие резкие действия власти: присуждение комендантом крепости Кушка генералом Прасаловым инженера М.И. Соколова с товарищами к смерти едва не спровоцировали новую железнодорожную забастовку¹⁰⁷³.

В данных условиях все меры правительства по наведению «порядка» в стране, которые, как мы видели стали энергично применяться с середины ноября, на первых порах оказывали обратное воздействие на революционеров. За капитуляцией правительства в деле казни кушкинских телеграфистов последовал Высочайший указ Сенату от 29 ноября о предоставлении местным

¹⁰⁷² Панкратова А.М. Указ. соч. С. 173-175; Яковлев Н.Н. Указ. соч. С. 154-157.

¹⁰⁷³ Высший подъем... С. 123-124.

властям права введения положения усиленной и чрезвычайной охраны в случае забастовок железных дорог и средств связи¹⁰⁷⁴. 2 декабря свет увидел закон об уголовном наказании для участников стачек в правительственных учреждениях и организаторов и активистов забастовок в отраслях хозяйства, имеющих «общественное и государственное значение»¹⁰⁷⁵.» И хотя последняя мера по инициативе Витте обсуждалась в Совете министров с 11 ноября как во многом профилактическая (почтово-телеграфная забастовка еще не началась¹⁰⁷⁶), враги режима восприняли ее как вызов¹⁰⁷⁷. На их несчастье, широкие массы населения были далеки от такой оценки: как установил А.С. Вальдин, указы 29 ноября и 2 декабря не затрагивали кровных интересов широких слоев пролетариата¹⁰⁷⁸.

Мерой, вызвавшей левых радикалов на тропу войны, стал арест лидера Петербургского Совета рабочих депутатов Г.С. Хрусталева-Носаря 27 ноября. Вопрос об этом управляющий МВД П.Н. Дурново поставил еще 19 числа¹⁰⁷⁹. Далее события покатались по эффекту домино: под влиянием данной репрессии и уже известной нам инициативы ВКС 2 декабря в печати появился знаменитый Финансовый манифест, под коим стояли подписи Петросовета, руководящих органов РСДРП, ПСР, Крестьянского союза, ППС. Население призывалось к неуплате податей, изъятию вкладов из сберегательных касс и банковских учреждений с обязательной уплатой золотом в целях подрыва финансовой системы самодержавия¹⁰⁸⁰. Подобный призыв к неповиновению власти не могли стерпеть: выход газет, полностью или частично напечатавших «манифест», был приостановлен, и против их редакторов возбуждено уголовное преследование¹⁰⁸¹.

В то же время не следует преувеличивать решительность

¹⁰⁷⁴ Там же. С. 145.

¹⁰⁷⁵ Там же. С. 147-150.

¹⁰⁷⁶ Совет министров Российской империи. 1905-1906...С. 54-58.

¹⁰⁷⁷ Высший подъем...С. 127, 440.

¹⁰⁷⁸ Вальдин А.С. Указ. соч. С. 123.

¹⁰⁷⁹ Высший подъем...С.54, 409.

¹⁰⁸⁰ Там же. С. 25-26; Первая революция в России...С. 354-355.

¹⁰⁸¹ Высший подъем...С. 146-147.

революционеров дать «последний бой» самодержавию. Как уже говорилось, мнения в большевистской среде разделились: вопреки своему лидеру, местные партийные работники считали вооруженное восстание пролетариата вполне обозримой перспективой, хотя на конференции северных комитетов и не было определено никаких конкретных сроков. Меньшевики, несмотря на поддержку лозунга «самовооружения» народа, вплоть до первых чисел декабря призывали к осторожности¹⁰⁸². Эсеры также до поры до времени большого энтузиазма не проявляли: лидирующим в партии было течение, предполагавшее, что открытое выступление против существовавшего строя нужно отложить до времени создания реального союза пролетариата, крестьянства и трудовой интеллигенции (хотя в московской организации, которая прежде всего попадает в сферу нашего внимания, к этому времени приобрело силу максималистское направление во главе с братьями Мазуриными и сестрами Емельяновыми. Как известно, представители данного крыла эсеровской партии сильно преувеличивали субъективный фактор в революции и считали организацию восстания и даже построение социализма делом обозримого будущего¹⁰⁸³).

Подобная палитра настроений вкупе с неопределенностью желаний пролетариата, особенно Северной столицы¹⁰⁸⁴, породила колебания Петербургского и Московского Советов в первые дни декабря¹⁰⁸⁵. Даже знаменитое заседание исполкома Петросовета 3 декабря, как известно, закончившиеся арестом последнего, выявило разность мнений: против объявления забастовки в ответ на «провокацию» правительства выступали не только делегаты от эсеров и ВЖС, но и представитель рабочих Выборгского района¹⁰⁸⁶. После лишения депутатов Петросовета свободы заседание ЦК и ОК РСДРП решило в ближайшие дни начать всеобщую политическую стачку (к

¹⁰⁸² Первая революция в России... С. 353; *Леонов М.И.* Указ. соч. С. 207.

¹⁰⁸³ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы... С. 181-182, 184-185, 193; *Леонов М.И.* Указ. соч. С. 206-207.

¹⁰⁸⁴ А.С. Вальдин показал, что «драконовские меры» 29 ноября и 2 декабря не вызвали протеста у рабочих Петербурга (*Вальдин А.С.* Указ. соч. С. 123-124).

¹⁰⁸⁵ Там же. С. 130; *Высший подъем*... С. 585.

¹⁰⁸⁶ *Высший подъем*... С. 441-442.

чему 6 числа призвал исполком воссозданного органа революционной власти¹⁰⁸⁷).

Теперь слово было за Москвой. На пленарном заседании 4 декабря Московский Совет рабочих депутатов всецело поддержал Финансовый манифест, и его участники начали яростный спор, начинать ли политическую забастовку¹⁰⁸⁸. Данная дискуссия была перенесена на собрания партийных органов (общегородские конференции большевиков, меньшевиков, Московский комитет эсеров), районных Советов, фабрик и заводов, профессиональных организаций¹⁰⁸⁹. До сих пор в историографии широко распространено мнение о единодушном стремлении «рабочих масс» начать забастовку и перевести ее в восстание¹⁰⁹⁰. Однако в исследовании А.С. Вальдина на основании значительного массива источников убедительно показана разношерстность стремлений московского пролетариата, несознательность широких его слоев, преобладание в его среде стремления бороться скорее за экономические права. Принципиально важным представляется заключение о непонимании многими рабочими, видимо «рвавшимися в бой», самого термина восстание: он отождествлялся ими с демонстрацией¹⁰⁹¹. Наглядное подтверждение этому тезису можно найти в попавшем в руки охранки письме рабочих типографии Сытина солдатам московского гарнизона, в коем последние призывались к «восстанию» «всегда готовыми за свободу положить жизни свои» рабочими, причем сообщалось о начале «восстания» в Несвижском и Перновском полках (как известно, там в начале декабря было только брожение) и предлагалось выступать не демонстрацию с оружием и передавать таковое сытинцам¹⁰⁹². Показателем пестроты настроений в «низах» московского населения стала довольно

¹⁰⁸⁷ Первая революция в России...С. 358.

¹⁰⁸⁸ Высший подъем...С. 644-647. А.С. Вальдин, рассказывая об обсуждении «Финансового манифеста» в Моссовете на основе сборника «Москва в декабре 1905 г.» впадает в грубую ошибку, заявляя, что решение этого вопроса неясно (Вальдин А.С. Указ. соч. С. 132). Однако в сборнике «Высший подъем революции 1905-1907 гг.» опубликовано известие газеты «Вперед» о недвусмысленном присоединении органа «пролетарской власти» к данному документу.

¹⁰⁸⁹ Москва в декабре 1905 г. ...С.21-22; Первая революция в России...С. 360-361.

¹⁰⁹⁰ Первая революция в России. С. 360.

¹⁰⁹¹ Вальдин А.С. Указ. соч. С. 59, 67.

¹⁰⁹² Высший подъем...С. 599.

заметная «черносотенная» демонстрация на Красной площади 6 декабря, приуроченная организатором В.А. Грингмутом к именинам Николая II¹⁰⁹³.

Единства мнений не было и между участниками форумов партийных и общественных организаций. Согласно сборнику «Москва в декабре 1905 г.», прославленная общегородская конференция большевиков стала ареной сомнений: одна из участниц (по всей видимости, Р. С. Землячка) уверяла собравшихся, «что у нас нет оружия, войска не перейдут на нашу сторону»¹⁰⁹⁴.» 6 декабря на конференции большевиков Окружного района рядом участников велись речи о невозможности перевода стачки в вооруженное восстание в данный момент, «преобладала растерянность», сменившаяся воодушевлением лишь под влиянием итогового решения Московского Совета¹⁰⁹⁵. Наибольшим же пессимизмом отличалась конференция делегатов 29 железных дорог, на коей преобладало неверие в успех предприятия. «Сдались» же ее участники лишь под влиянием известия, что городские рабочие поголовно готовы бастовать¹⁰⁹⁶.

Какие факторы в таком случае повлияли на итоговое решение о начале столкновения с самодержавием? Как установил А.С. Вальдин, в социал-демократических (преимущественно большевистских) кругах распространилось мнение, что в условиях наступавшей «реакции» должно во что бы то ни стало дать бой правительству¹⁰⁹⁷. Не менее важными предпосылками были представления о поголовном стремлении «на бой» рабочих, движение в войсках и объявление стачки в Петербурге, на успех коей возлагали большие надежды¹⁰⁹⁸. Видимо, сказывалось и смутное сочувствие,

¹⁰⁹³ Дневник Л.А. Тихомирова...С. 168-169, 495; Вальдин А.С. Указ. соч. С. 71.

¹⁰⁹⁴ Москва в декабре 1905 г. ...С. 20-21.

¹⁰⁹⁵ Там же. С. 19-20.

¹⁰⁹⁶ Там же. С. 20.

¹⁰⁹⁷ Вальдин А.С. Указ. соч. С. 81.

¹⁰⁹⁸ Высший подъем. С.645-648; Костицын В.А. Декабрьское восстание 1905 г. ...С. 192; Москва в декабре 1905 г. С.18-22; Bushnell J. Mutiny amid Repression: Russian soldiers in the Revolution of 1905-1906. Bloomington, Indiana Press., 1988. P.127-128. Никакого реального руководства стачкой со стороны центральных органов партий, находившихся в Петербурге, на деле не было: представитель ЦК РСДРП И.А. Любич (Саммер) ограничился лишь уверениями в поддержке москвичей со стороны столичных рабочих, а эсеровские лидеры В.М. Чернов и Е.Ф. Азеф так и не смогли убедить московских товарищей в необходимости сдержанной тактики (Костицын В.А. Декабрьское восстание 1905 г. ...С. 192.; Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Указ. соч. С. 96; Леонов М.И. Указ. соч. С. 206-207).

которое на первых порах выказывали борьбе революционеров с правительством широкие слои демократической (в том числе либеральной) общественности и простых обывателей¹⁰⁹⁹.

В результате 6 декабря Московский Совет принял решение о начале с 12 часов следующего дня всеобщей забастовки и издании информационного органа – «Известий Совета рабочих депутатов»¹¹⁰⁰. Однако уверенность в возможности начать «последний и решительный бой» была не столь велика: Совет официально не включил в итоговое постановление пассажа о переводе всеобщей забастовки в вооруженное восстание¹¹⁰¹. Примечательно, что и в разгар начавшейся стачки партийные активисты далеко не повсеместно проявляли уверенность в победе грядущего выступления¹¹⁰².

Исходя из всего вышеизложенного, решение о начале забастовки (и тем более о переводе ее в восстание) можно охарактеризовать как авантюру, проистекавшую из самообмана революционеров.

Это сказалось на ходе и характере начавшейся 7 числа стачки. С одной стороны, она сразу же приобрела довольно массовый характер. По распоряжению ЦБ ВЖС, забастовали все железные дороги, кроме Николаевской и Рязано-Уральской (присоединилась на следующий день); работу прекратили фабрики, заводы, учебные заведения, конка, трамвай, служащие городской управы, коммунального хозяйства (кроме газового завода, авария на котором могла привести к катастрофе), приостановился выпуск всех газет, кроме «Известий Московского Совета рабочих депутатов». По данным последних, в Москве в стачке приняло участие около 100 тысяч рабочих, а на следующий день – 150¹¹⁰³. По улицам города ходили массовые демонстрации. Современники разных политических воззрений отмечали сильное воодушевление рабочих и даже представителей «мелкобуржуазных

¹⁰⁹⁹ ГА РФ. Ф. Р6400. Оп. 1. Д. 3. Л. 15 - 16 об., 19 об. - 21 об.; Вальдин А.С. Указ. соч. С. 104.

¹¹⁰⁰ Высший подъем... С. 647-648.

¹¹⁰¹ Там же; Яковлев Н.Н. Указ. соч. С. 161; Вальдин А.С. Указ. соч. С. 134-135.

¹¹⁰² ГА РФ. Ф. Р6400. Оп. 1. Д. 3. Л. 18-18 об.; Вальдин А.С. Указ. соч. С. 133.

¹¹⁰³ Высший подъем... С. 656-657, 693-694; Яковлев Н.Н. Указ. соч. С. 156; Первая революция в России... С. 365.

слоев», охотно подчинявшихся указаниям Совета рабочих депутатов¹¹⁰⁴. В Москве массово проводились митинги, рабочие активно запасались оружием¹¹⁰⁵. В этой обстановке исполком Совета рабочих депутатов даже вознамерился 8 декабря готовиться к вооруженному восстанию¹¹⁰⁶.

С другой стороны, ситуация вовсе не была однозначно радужной для революционеров. Далеко не все предприятия присоединялись к стачке добровольно – часть рабочих приходилось «снимать», что признавали и «Известия Московского Совета рабочих депутатов¹¹⁰⁷». Далеко не всегда такие процедуры проходили мирно: так, по данным газеты «Право» служащих в государственных учреждениях 8 декабря революционерам приходилось «снимать» силой¹¹⁰⁸. Случались и трагические инциденты: 8 числа на Казанской дороге, по данным «Известий», были убиты два машиниста, нарушившие решение конференции железных дорог не вести поездов, за исключением перевозивших солдат, возвращавшихся с Дальнего Востока. Об убийстве одного и ранении другого машиниста, но на Курской магистрали, сообщает сборник «Москва в декабре 1905 г.»: железнодорожники якобы по ошибке были обстреляны рабочими завода Гужона, в то время как они только отвезли запасных с ведома МСРД¹¹⁰⁹. Несмотря на все усилия, сделать стачку всеобщей, как установил А.С. Вальдин, Московскому Совету так и не удалось¹¹¹⁰. Так, работницы кондитерской фабрики «Эйнем» в центре города серьезно сопротивлялись попыткам вовлечь их в движение и предприятие не прекращало полностью работ в течение Декабрьских событий.¹¹¹¹

Настроения в среде рядовых обывателей также были не в пользу перспективной политической забастовки. Несмотря на видимое желание помогать и частые обращения к «своему правительству» (МСРД), москвичей

¹¹⁰⁴ ГА РФ. Ф. Р6400. Оп. 1. Д. 3. Л. 20-21 об.; Высший подъем...С. 660, 693-694; Записки графини Е.Л. Камаровской...С. 69,72.

¹¹⁰⁵ Высший подъем...С. 659, 679-680, 693; Москва в декабре 1905 г. ...С. 31.

¹¹⁰⁶ Высший подъем...С. 655.

¹¹⁰⁷ Там же. С. 656, 693-694.

¹¹⁰⁸ Там же. С. 694.

¹¹⁰⁹ Москва в декабре 1905 г. ...С. 39.

¹¹¹⁰ Вальдин А.С. Указ. соч. С. 139-141..

¹¹¹¹ Высший подъем...С.694; Записки графини Е.Л. Камаровской...С.92-93.

сильнее заботили более насущные проблемы: уже 7 декабря корреспондент «Права» отмечал, что «по всему городу бегают взволнованные люди... закупают провизию, керосин, свечи»; настроение же в целом «особенно тревожное, граничащее с паникой» по сравнению с временем Октябрьской стачки¹¹¹². Подобный «психологический климат» фиксировался и другими очевидцами самых разных взглядов¹¹¹³. 8 числа эта тревога конкретизировалась: участились случаи избиения и даже убийств «толпами» «ораторов» и «курсисток», бросавших в народ революционные лозунги; вообще, по свидетельству корреспондента «Права», «в городе настроение, не благоприятное забастовке¹¹¹⁴.»

Тем временем репрессивные действия администрации (аресты деятелей РСДРП, Московского Совета, ВЖС, Союза печатников; разгон митинга в саду «Аквариум» 8 декабря; атака «толпы» на Страстной площади драгунами и обстрел ее, осада реального училища Фидлера 9 декабря) привели к росту стихийного протеста населения и началу восстания. Прежде всего эти настроения выразились в создании импровизированных уличных укреплений – баррикад: первая была сооружена в 8 часов вечера 9 числа на Тверской, вторая – у Старых Триумфальных ворот в 9 часов¹¹¹⁵. Так, неизвестный дружинник-эсер, повествуя о строительстве баррикад на Старой Триумфальной площади, указывал, что строили ее «по-видимому, ...рабочие, приказчики и мелкие лавочники», коим из-за неумения приходилось «несколько раз» ее перестраивать. Боевик также свидетельствовал, что «никто не руководил этой разношерстной толпой, не видно было даже организованной дружины¹¹¹⁶.» Аналогичные сведения сообщает лидер университетской боевой дружины большевик В.А. Костицын, правда, сообщавший об оказании его людьми помощи строителям¹¹¹⁷. Согласно сборнику «Москва в декабре 1905 г.», в

¹¹¹² Высший подъем... С. 693.

¹¹¹³ Дневник Л.А. Тихомирова... С. 169; Москва в декабре 1905 г. ... С. 32.

¹¹¹⁴ Высший подъем... С. 694; Записки графини Е.Л. Камаровской... С. 72.

¹¹¹⁵ «Дежурные» дневники московского градоначальства... С. 112.

¹¹¹⁶ Декабрьские дни в Москве. Записки дружинника... С. 26

¹¹¹⁷ Костицын В.А. Декабрьское восстание 1905 г. ... С. 197.

строительстве баррикад принимали участие и охранители – провокаторы, подводящие рабочих и революционеров под расправу¹¹¹⁸. В ночь с 9 на 10 декабря удар власти нанесли эсеры – С.Н. Слетов и В.М. Зензинов с лихача бросили бомбу, причинившую серьезный урон зданию Охранного Отделения и повлекшую гибель троих человек¹¹¹⁹. Окончательно же вооруженное восстание стало фактом после применения артиллерийских орудий и пулеметов против собравшегося люда на Страстной площади. Стрельба велась по нескольким направлениям: по Тверской, Тверскому и Страстному бульварам, по свидетельствам очевидцев, снаряды картечи долетали даже до Кудрина. При этом либеральная газета «Право» уверяла читателей, что активные боевые действия начали именно собравшиеся на Страстной площади революционеры¹¹²⁰. Так или иначе, жесткость расправы, жертвами коей стали в основном мирные жители, вызвала гнев множества москвичей и привела к массовой постройке баррикад¹¹²¹.

В результате 10-11 декабря Москву покрыли целых три «пояса» таких укреплений: в районе бульваров, Садовых улиц и от Бутырской до Тверской и Дорогомиловской застав. Кроме того, множество баррикад было построено на Грузинской, Арбате, Поварской, Большой Царицынской, Бронных, Долгоруковской, Лесной, Мещанских, Басманных, Домниковской улицах, в Сокольниках, Лефортове, Замоскворечье¹¹²². Вопреки категоричному утверждению А.С. Вальдина, основанном на данных, относящихся к одному Замоскворечью, что укрепления якобы восстанавливались защитниками лишь до 11 декабря, в источниках находим свидетельства об их возобновлении в ряде районов до 13-14 числа¹¹²³. Из данной географии нетрудно увидеть, что в эти дни (особенно 10-12 числа) полностью подконтролен власти был лишь центр города. Однако каковы были реальные возможности повстанцев?

¹¹¹⁸ Москва в декабре 1905 г. ...С. 57-58.

¹¹¹⁹ Высший подъем...С. 663; Первая революция в России...С. 363.

¹¹²⁰ Там же. С. 71-72; Высший подъем...С. 698-699.

¹¹²¹ Москва в декабре 1905 г. ...С. 72-73; Декабрьские дни в Москве (Дневник очевидца)...С. 3-4.

¹¹²² Москва в декабре 1905 г. ...С. 72-75, 85-86, 88-90, 92-93, 100, 103; Высший подъем... С. 667, 669-676, 700-705; Первая революция в России...С. 364.

¹¹²³ Вальдин А.С. Указ. соч. С. 143; Москва в декабре 1905 г. ...С. 100; Высший подъем...С. 703.

Прежде всего, строившиеся баррикады не представляли собой больших надежных укреплений, как знаменитые сооружения эпохи французских революций XIX века. Сооружались они из подручного материала – мебели, ворот, железных решеток, спиленных телеграфных и телефонных столбов, бочек, даже саней, близ Миусского парка конно-железных дорог на Бутырках – из трамвайных вагонов. В роли закрепляющего материала чаще всего выступала телефонная или телеграфная проволока. В условиях холодов все это заливалось водой для превращения в ледяные горы. Подобные постройки редко достигали человеческого роста, а потому их защитники предпочитали располагаться не за ними, а в соседних домах и подворотнях, откуда и встречали выстрелами защитников «порядка»; от целенаправленной защиты баррикад революционеры преимущественно уклонялись¹¹²⁴. Ясно, что серьезной помехой для власти они быть не могли.

Очень сложно обстояло дело и с их защитниками. 10-11 декабря большие группы москвичей деятельно участвовали в строительстве баррикад, однако с последней даты число обывателей, появлявшихся на улице (особенно в центральных районах), стало заметно сокращаться, тогда же прекратились митинги и демонстрации. Причинами данной тенденции стали жесткие меры администрации и неготовность многих москвичей участвовать в восстании. Справедливости ради нужно заметить, что движение «толп» и проведение митингов и позднее отмечалось в районах, недоступных для правительственных сил (хотя с каждым днем все в меньшем масштабе)¹¹²⁵. До 13-14 числа сочувствовавшее революционерам население принимало участие в постройке и воссоздании баррикад, однако с каждым днем его поддержка становилась все слабее¹¹²⁶. Свидетельством того, что далеко не все «братья по классу» поддерживают «радетелей за свободу» является продолжавшееся

¹¹²⁴ Москва в декабре 1905 г. ...С. 74, 86, 88-89; Высший подъем...С. 669-671, 677; Декабрьские дни в Москве. Записки дружинника...С. 27; Вальдин А.С. Указ. соч. С. 143-144.

¹¹²⁵ Москва в декабре 1905 г. ...С.72-78, 85, 171-173; Высший подъем...С. 678; Декабрьские дни в Москве. Записки дружинника...С. 27; Вальдин А.С. Указ. соч. С. 145-146.

¹¹²⁶ Высший подъем...С. 703; Москва в декабре 1905 г. ...С. 221-222, 225-226.

бегство рабочих в деревню¹¹²⁷. В данных условиях основная тяжесть борьбы ложилась на дружинников – маневренных профессиональных боевиков. Именно их партизанская тактика действий маленькими группами по несколько человек, из укрытия обстреливавших войска и полицию и мгновенно исчезающих, стала основным методом повстанцев с 12 декабря¹¹²⁸.

Однако их численность и профессиональная подготовка не оставляли надежд на сколько-нибудь длительное ведение борьбы против регулярной армии.

В советской литературе утвердилось представление либо о 8000 дружинников в Москве в период восстания, 2000 из коих были вооружены¹¹²⁹, либо о 1600-1700 боевиков (последнюю цифру можно встретить и в современных работах¹¹³⁰). Более обоснованными представляются подсчеты А.С. Вальдина – 1000-1500 человек, совпадающие с оценками самих вождей революционного движения¹¹³¹. Для полуторамиллионного города численность была весьма скромной.

Как отмечалось в историографии, боевая подготовка дружинников также оставляла желать много лучшего¹¹³². Очень интересные сведения об этом можно почерпнуть из воспоминаний начальника университетского боевого отряда В.А. Костицына. Он указывал, что подготовка бойцов осуществлялась в основном специальными инструкторами – бывшими военными, которые пытались привить будущим баррикадным бойцам навыки ведения полевых сражений. В результате дружинников приходилось переучивать уже партийным организаторам отрядов, знания коих обладали огромными пробелами, а для восполнения их качественной литературы и компетентных наставников не было (приходилось, по воспоминаниям организатора

¹¹²⁷ Москва в декабре 1905 г. ...С. 172; Записки графини Е.Л. Камаровской...С. 81; ЦГА Москвы. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 18. Л. 81 об.; Вальдин А.С. Указ. соч. С. 158.

¹¹²⁸ Высший подъем...С.677; Вальдин А.С. Указ. соч. С. 147.

¹¹²⁹ Яковлев Н.Н. Указ. соч. С. 161.

¹¹³⁰ Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Указ. соч. С. 95; Первая революция в России...С. 364.

¹¹³¹ Вальдин А.С. Указ. соч. С. 151-155; Костицын В.А. Декабрьское восстание 1905 г. ...С. 195.

¹¹³² Sanders J. Op. cit. P. 812-813; Первая революция в России...С. 368.

студентов, читать книги о революции 1848 года, Парижской Коммуне и работу экономиста И.С. Блюха «Будущая война»¹¹³³). Подтверждает эти сведения и дружинник низового уровня – неизвестный эсер, называвший себя и своих товарищей «новичками в военном деле»¹¹³⁴.

Дискуссионным является вопрос об обеспеченности революционеров оружием. В воспоминаниях участников восстания и советских историков утвердился тезис о недостатке вооружения у повстанцев, встречающийся и в современных работах¹¹³⁵. А.С. Вальдин предпринял попытку оспорить это утверждение: основываясь на многочисленных свидетельствах (в том числе об обнаруженных после восстания тайниках оружия), он заявил о его широком распространении и о первенствующей роли «морально-психологических препятствий» для успешной вооруженной борьбы¹¹³⁶. На наш взгляд, несмотря на обилие привлеченных исследователем источников, его вывод выглядит недостаточно убедительно.

Действительно, крупные хранилища оружия выявлялись сразу после окончания «мятежа»: так, отряд полковника Г.А. Мина, зачищавшего Пресню, только на Прохоровской мануфактуре к 21 декабря обнаружил 23 штуки винтовок и ружей, 13 револьверов, 16 шашек, ящик с охотничьими и револьверными патронами, мешок и ящик «разных патронов» и «другие виды военного имущества и оружия», массу взрывчатки и материала для нее (из коих чугунная бомба и 4 ящика с гремучей ртутью, по оценке техника московского дворцового управления капитана Коллонтаева, обладали колоссальной разрушительной силой¹¹³⁷). О достаточном количестве боеприпасов во время восстания сообщал руководитель боевой дружины Миусского парка М.П. Виноградов¹¹³⁸.

¹¹³³ Костицын В.А. Декабрьское восстание 1905 г. ...С. 185-186.

¹¹³⁴ Декабрьские дни в Москве. Записки дружинника...С. 28.

¹¹³⁵ Костицын В.А. Декабрьское восстание 1905 г. ...С. 187, 192; Декабрьские дни в Москве. Записки дружинника...С. 28; Декабрь 1905 года на Красной Пресне...С. 106; Панкратова А.М. Указ. соч. С. 178; Яковлев Н.Н. Указ. соч. С. 163-164, 189; Первая революция в России...С. 368.

¹¹³⁶ Вальдин А.С. Указ. соч. С. 160-163.

¹¹³⁷ Высший подъем...С. 736-738, 864-865.

¹¹³⁸ Декабрь 1905 года на Красной Пресне...С. 60.

Однако нужно учитывать следующие обстоятельства. Во-первых, очень часто огнестрельное оружие было разных калибров, и подобрать патроны к нему было сложно¹¹³⁹. Во-вторых, не всегда продуманно осуществлялся выбор его типов: В.А. Костицын вспоминал, что в целях конспирации руководство большевиков-дружинников отказались от закупок винтовок и основной упор делали на обеспечение бойцов револьверами системы Браунинга, что, по его же признанию, было не самым лучшим средством против трехлинейных винтовок московских солдат¹¹⁴⁰. Косвенно его правоту в отношении формирований всех партий подтверждает дружинник-эсер, указывавший на неспособность его отряда противостоять винтовкам пехотинцев¹¹⁴¹. Судя по всему, определенную негативную роль играл и организационный хаос, в коем в восстание вступали ячейки социалистических партий. П.С. Бобровский, большевик в 1905 г., вспоминал, что ему пришлось отдать свой револьвер приятелю и товарищу по партии А.В. Трупчинскому, потому что ему «не хватило» оружия, хотя «в штабе» его «было достаточно», причем самому Бобровскому позднее было отказано в выдаче оружия за неимением, хоть он и предъявлял на «оружейной явке» ордер «штаба»¹¹⁴².» Представляется, что вышеизложенные отрывочные данные свидетельствуют о крайне пестрой картине по Москве в плане обеспеченности революционеров оружием, а поэтому данный вопрос нуждается в дальнейшем самостоятельном исследовании.

Важным фактором, предопределившим неизбежную агонию Московского восстания при любом раскладе, стало фактическое отсутствие какого-либо централизованного руководства. Исполнительный комитет Московского Совета, на первых порах пытавшийся деятельно руководить стачкой, к 10 декабря окончательно отказался от этой затеи, передав полномочия районным Советам (не все из которых вышли из стадии

¹¹³⁹ Костицын В.А. Декабрьское восстание 1905 г. ...С. 186-187; Декабрь 1905 года на Красной Пресне...С. 59, 80; Первая революция в России...С. 368.

¹¹⁴⁰ Костицын В.А. Декабрьское восстание 1905 г. ...С. 187.

¹¹⁴¹ Декабрьские дни в Москве. Записки дружинника...С. 28.

¹¹⁴² ГА РФ. Ф. Р6400. Оп. 1. Д. 3. Л. 30, 49-49 об.

формирования¹¹⁴³). Результат был довольно печален для революционного дела – в условиях утраты связи между районами в результате баррикадных боев восстание неминуемо распалось на ряд плохо связанных очагов, а местное население далеко не в полной мере контролировалось районными органами «новой власти»¹¹⁴⁴.» Отпустили рычаги контроля над ситуацией и партийные объединения: Федеративный совет большевиков и меньшевиков, действовавший с октября, 10 числа также передал бремя ответственности районным Советам¹¹⁴⁵. Подобным образом повел себя и «боевой центр» -- Коалиционный совет дружин, тоже функционировавший до 10 декабря¹¹⁴⁶. Не было никакой определенности в этих организациях и в плане конечных целей движения: о вооруженном восстании судили как об отдаленной перспективе (хотя исполком МСРД и призывал перейти к нему), тактическая комиссия Боевой организации МК РСДРП (большевики) вообще рассматривала вариант капитуляции администрации¹¹⁴⁷. В этой связи предлагаемая тактика отличалась не только неясностью, но и взаимоисключающими положениями: в различных проектах и указаниях партизанские действия рекомендовалось сочетать с устройством митингов, демонстраций для «снятия» солдат и распределением дружин по конкретным районам¹¹⁴⁸. Лишь 10 числа, когда стихийное восстание уже стало фактом, МК РСДРП были выработаны, а 11 – опубликованы в «Известиях МСРД» знаменитые «Советы восставшим рабочим». В качестве цели в нем назван захват города путем закрепления на окраинах с передачей всей власти местным Советам и продвижения с помощью строительства баррикад к центру города; тактическими приемами при этом должны были служить отказ от демонстраций и митингов, партизанская тактика мелкими отрядами, беспощадный террор против полиции и ряда родов войск (драгуны, казаки) и снисходительное отношение к

¹¹⁴³ Первая революция в России...С. 365; Москва в декабре 1905 г. ...С. 163.

¹¹⁴⁴ Первая революция в России...С. 369; Москва в декабре 1905 г. ...С. 166-175.

¹¹⁴⁵ Москва в декабре 1905 г. ...С. 155.

¹¹⁴⁶ Там же. С. 182-186.

¹¹⁴⁷ Там же; *Костицын В.А.* Декабрьское восстание 1905 г. ...С. 195.

¹¹⁴⁸ Москва в декабре 1905 г. ...С. 155; *Костицын В.А.* Декабрьское восстание 1905 г. ...С. 194-195.

возможным союзникам, коими признавались пехотинцы¹¹⁴⁹. Дальнейших указаний, вопреки обещаниям, не последовало, хотя партизанская война в Москве стала явью (в свете спада настроений масс в результате ужесточения репрессий и бесперспективности борьбы это изменение тактики представляется объективным).

В то же время революционерам удалось добиться существенного временного успеха. Московские окраины – Пресня, Сущево, Лефортово, Симонова слободка, Замоскворечье, Хамовники – оказались под контролем боевых дружин¹¹⁵⁰. Классическим примером была Пресня, где благодаря местности (большое количество заборов, низких деревянных построек, узких переулков, представлявших благодатный «ландшафт» для передвижения боевиков) дружинники под главенством расположившихся на Прохоровской мануфактуре эсеров (М.И. Соколов-«Медведь», Г.М. Ривкин-«Ильин», В.А. Мазурин-«Володя», В.Я. Зоммерфельд-«Мартынов» и др.) и социал-демократов (З.Я. Литвин-«Седой», З.Н. Доссэр-«Леший», П.А. Гарви, отдельно действовала большевистская дружина на фабрике Н.П. Шмита под водительством М.С. Николаева) смогли утвердить свою власть над районом и контролировать его вплоть до 17-18 декабря¹¹⁵¹. Такие «рабочие республики» (правильнее было бы их назвать «республиками дружинников») встречались и в центре города: до 16 декабря держались баррикады на Малой Бронной, вследствие чего местные боевики полностью контролировали жизнь улицы¹¹⁵². В руках революционеров находились и железнодорожные магистрали, при которых действовали боевые дружины, наиболее мощной из которых был отряд Московско-Казанской дороги во главе с А.В. Ухтомским, В.А. Татаринским и Д.А. Котляренко, подвозивший в Москву «революционные кадры» с подмосковных станций.¹¹⁵³ Существуют различные свидетельства об

¹¹⁴⁹ Высший подъем... С. 665-666; Первая революция в России... С. 366.

¹¹⁵⁰ Первая революция в России... С. 365, 369.

¹¹⁵¹ Москва в декабре 1905 г. ... С. 113-128; Высший подъем... С. 766-781; Декабрьские дни в Москве. Записки дружинника... С. 27-28; Первая революция в России... С. 369.

¹¹⁵² Москва в декабре 1905 г. ... С. 225-226.

¹¹⁵³ Высший подъем... С. 817-818.

отношении населения «республик» к дружинникам: одни источники говорят об искренней поддержке, оказываемой обывателями защитникам от произвола власти, другие – о страхе москвичей перед вооруженными боевиками, побуждавшем выполнять все их требования¹¹⁵⁴.

Таким образом, из самого краткого очерка следует, что Декабрьское восстание было стихийным актом, не имевшим мощной социальной базы. Его цели были весьма туманны даже для самих лидеров революционеров, а решение о переходе к борьбе во многом обуславливалось сложившимися обстоятельствами. Интересным представляется заключение Дж. Сандерса, что социалистические партии в Москве во многом оказались заложниками своих программных установок и избранной тактики¹¹⁵⁵. Уместно привести мнение П.С. Бобровского, считавшего, что участие революционеров в восстании диктовалось чувством сродни «патриотическому», побуждающему людей поддерживать правительство в войне, которую сами они признают гибельной¹¹⁵⁶. Но в то же время малочисленным дружинникам более недели удалось сдерживать натиск сил администрации, взять под контроль солидную часть города. Чем это было обусловлено и какие меры предпринимала власть для скорейшего разгрома «крамолы»?

§2. Административные меры в борьбе с восстанием.¹¹⁵⁷

В рамках данной части второй главы мы остановимся на таких аспектах

¹¹⁵⁴ Москва в декабре 1905 г. ...С. 221-222, 225-226; ГА РФ. Ф. Р6400. Оп. 1. Д. 3. Л. 40 об.-41; Высший подъем...С. 766-767, 773; Декабрьские дни 1905 года в Москве...С. 7.

¹¹⁵⁵ Sanders J. Op. cit. P. 815.

¹¹⁵⁶ ГА РФ. Ф. Р6400. Оп. 1. Д. 3. Л. 37 об.-38.

¹¹⁵⁷ При подготовке данного параграфа диссертации использованы следующие публикации автора: Алмазов М.Г. Ф.В. Дубасов и подавление Декабрьского восстания в Москве // Российская история. 2020. № 1. С. 51-74; Он же. Судьба воззваний московского генерал-губернатора Ф.В. Дубасова к московскому населению в период Декабрьского восстания 1905 г.// Вестник Брянского государственного университета. 2019. № 4. С. 9-17; Он же. Реализация обязательных постановлений московской власти во время декабрьского вооруженного восстания // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. Сборник статей участников V Всероссийской научно-практической школы-конференции молодых ученых (9 ноября 2017 г.). М., 2018. С. 149-156.

заявленной проблемы, как общая характеристика изменений в руководстве администрации и состояния московской полиции в дни восстания, меры генерал-губернатора и градоначальника по улучшению ее положения и их результаты, реконструкция режима чрезвычайной охраны и механизма его функционирования (включая реализацию обязательных постановлений), политика по производству арестов и ее итоги.

Главной новацией в руководстве Первопрестольной стало назначение совершенно неожиданного, на первый взгляд, кандидата на пост генерал-губернатора – вице-адмирала Ф.В. Дубасова.

20 ноября дискредитировавший себя в глазах столичной бюрократии и самого царя П.П. Дурново выехал в Северную столицу¹¹⁵⁸. Согласно его рассказу А.А. Половцову, он первым делом обратился к своему однофамильцу – управляющему МВД с целью расширения своих полномочий (учитывая его неоднократные ходатайства в данной области, в это легко поверить). По совету управляющего МВД, генерал-губернатор подробно изложил свои взгляды императору на аудиенции, состоявшейся в 6 часов вечера 22 числа. Николай II его внимательно слушал и «даже записывал его требования». Но триумфа не вышло: вернувшись домой, Дурново обнаружил бумагу о своем увольнении, завизированную его однофамильцем еще 19 ноября¹¹⁵⁹.

Место бездеятельного администратора занял человек, имевший очень слабое отношение к государственной службе. В 1905 г. Ф.В. Дубасову было уже 60 лет. Вся его жизнь была тесно связана с флотом. В 1877 г. он прославился успешным командованием атакой катеров, устраивавших минные заграждения по Дунаю, на турецкий монитор «Сеифи», в результате чего судно неприятеля было потоплено. В 1880 -- начале 1890-х годов он был командиром ряда военных судов (в том числе фрегатом «Владимир Мономах», на коем сопровождал будущего Николая II в его знаменитом кругосветном

¹¹⁵⁸ Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 106.

¹¹⁵⁹ Половцов А.А. Указ. соч. С. 504; РГИА. Ф. 516. Оп. 219/2728. Д. 21. Л. 423.

путешествии). В 1897-1899 гг. будущий глава Первопрестольной руководил Тихоокеанской эскадрой и 19 марта 1898 г. занял Порт-Артур. В начале XX века Дубасов сосредоточился на административной работе, занимая в 1901-1905 г. пост председателя Морского технического комитета и с 1905 г. – члена Государственного совета обороны. Привлекался моряк и к дипломатической службе: в 1892-1895 гг. он был военно-морским атташе в Берлине, а в 1904-1905 г. представлял интересы России на международной конференции по расследованию Гулььского инцидента.

Только осенью 1905 г. вице-адмирал был вовлечен в борьбу с революционным движением. По воспоминаниям генерал-квартирмейстера штаба МВО Г.О. Рауха, именно Дубасов 26 октября смог решительно добиться у морского министра А.А. Бирилева (находившегося в плохих отношениях с шефом мемуариста главнокомандующим войсками гвардии и ПВО великим князем Николаем Николаевичем) предоставления судов для перевозки войск для подавления восстания в Кронштадте. Судя по всему, успешное решение данной проблемы способствовало получению вице-адмиралом сугубо «сухопутного» назначения: 31 октября он был направлен в качестве генерал-адъютанта на борьбу с крестьянским движением в Черниговской и Курской губерниях. «Царский посланец» действовал жестко, но с учетом обстановки. Считая залогом успешной ликвидации «беспорядков» их «решительное подавление в самом начале» и уничтожение мятежных «банд», разрабатывая в этой связи предельно жесткие кары для продолжавших «бунтовать» крестьян Курской губернии (вплоть до расстрела их без предупреждения и сожжения их построек, для чего предполагалось спровоцировать «бунтовщиков» – вывести из наиболее беспокойных районов войска), он по прибытии в Черниговскую губернию, где волнения временно пошли на убыль, использовал иную тактику: приступил к сбору сведений о ситуации и к объезду селений, жители коих наиболее отличились при разгроме помещичьих имений. В «профилактических» беседах с сельскими сходами Дубасов грозил слушателям страшными карами в случае возобновления «смут» и требовал

выдачи главных «зачинщиков», что порой требовало немалого личного мужества – не всегда крестьяне мирно отдавали «царскому посланцу» своих односельчан. Проявлял Дубасов и абсолютное равнодушие к «формальной законности»: по словам его родственника А.А. Татищева, сопровождавшего вице-адмирала в этой экспедиции в качестве секретаря, «закон для него существовал лишь постольку, поскольку не слишком его стеснял». Довольно любопытными были представления генерал-адъютанта о сути революционного движения: искренне считая, что в нем участвуют одни «хамы» и что в «нем нет ничего благородного», он отмечал и объективные причины его возникновения (например, «худосочие в физическом и духовном отношении» крестьян Суражского уезда Черниговской губернии). При этом «царский посланец» проявлял абсолютную некомпетентность в административных делах, например, плохо представлял ведомственную принадлежность учреждений.

Так или иначе, достигнутое им видимое «замирение» этого проблемного региона было высоко оценено в Петербурге, и собиравшегося бороться с «крамолой» в Курской губернии Дубасова Николай II «соизволил» по докладу управляющего МВД 19 ноября назначить московским генерал-губернатором вместо П.П. Дурново (официальный приказ по Морскому ведомству появился только 24 числа¹¹⁶⁰).

Председатель Совета министров С.Ю. Витте настаивал в мемуарах, что Дубасов был исключительно его креатурой.¹¹⁶¹ Судя по всему, премьер действительно сыграл решающую роль в его назначении на пост генерал-губернатора. И.И. Толстой вспоминал, как на заседаниях Совета министров глава правительства регулярно требовал у управляющего МВД отстранения П.П. Дурново от руководства Москвой.¹¹⁶² В архиве Совета министров сохранился текст письма Витте от 21 ноября, адресованного П.Н. Дурново, в коем глава правительства просил адресата послать официальные «указы о

¹¹⁶⁰ РГИА. Ф. 1284. Оп. 46. Д. 195. Л. 2; ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 233. Д. 47. Л. 1.

¹¹⁶¹ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2... С. 301-302, 400.

¹¹⁶² Мемуары графа И.И. Толстого... С. 207.

назначении Дубасова» царю (очевидно, на подпись)¹¹⁶³. Премьера и моряка связывало давнее знакомство, очевидно, через бывшего министра внутренних дел Д.С. Сипягина, чья сестра была женой вице-адмирала: еще в 1900 г. Витте сообщал жене о поездке «на занятие по делу Дубасова», о чем его просил глава МВД¹¹⁶⁴. Видимо, моряк и тогдашний министр финансов взаимодействовали и в политической сфере: именно Дубасов был главой комиссии по выбору места для устройства коммерческого порта на Ляодунском полуострове.¹¹⁶⁵ Однако нельзя списывать со счетов и возможную рекомендацию влиятельного великого князя Николая Николаевича, который хорошо знал вице-адмирала и первый привлек его к борьбе с революцией¹¹⁶⁶. В московских монархических кругах ходили слухи об инициировании увольнения П.П. Дурново его петербургским однофамильцем, затеявшим масштабную чистку администрации.¹¹⁶⁷ На основании вышесказанного имеет смысл согласиться с И.И. Толстым, сообщавшим о том, что Дурново пришлось вынужденно согласиться с предложением Витте о назначении Дубасова¹¹⁶⁸, однако никаких свидетельств его негативного отношения к данной кандидатуре, о чем в мемуарах настаивал бывший премьер¹¹⁶⁹, найти не удалось.

Вице-адмирал обладал очень яркими личностными качествами. Современники (В.Ф. Джунковский, А.А. Киреев, В.Г. Глазов, М.А. Таубе, А.А. Татищев) характеризовали его как человека честного, преданного делу, обладавшего природным здравомыслием, решительного, но в то же время чрезвычайно вспыльчивого и независимого в суждениях. Отмечалось, что он не особенно быстро разбирался в ситуации, но определив свою позицию, не менял ее в дальнейшем.¹¹⁷⁰ Таким образом, на смену бездеятельному прожектеру П.П. Дурново пришла его полная противоположность.

¹¹⁶³ РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 74. Л. 9.

¹¹⁶⁴ Там же. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 600. Л. 1.

¹¹⁶⁵ Витте С.Ю. Собрание сочинений и документальных материалов. Т. 1. Кн. 2. Ч. 1. М., 2004. С.270.

¹¹⁶⁶ ГА РФ. Ф. Р. 6249. Оп. 1. Д. 1. Л. 20-20 об.

¹¹⁶⁷ Любимов Д.Н. Указ. соч. С. 309-310, 323.

¹¹⁶⁸ Мемуары графа И.И. Толстого... С. 208.

¹¹⁶⁹ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. С. 400.

¹¹⁷⁰ Подробную характеристику Дубасова см.: Алмазов М.Г. Ф.В. Дубасов и подавление Декабрьского вооруженного восстания в Москве // Российская история. 2020. № 1. С. 52-56.

Не остался новый московский генерал-губернатор и без руководящих указаний. П.Н. Дурново в конфиденциальном письме от 25 ноября требовал проведения масштабных мероприятий по борьбе с почтово-телеграфной забастовкой (арест «зачинщиков», увольнение забастовщиков, проверка принадлежности служащих к почтово-телеграфному союзу, «подтягивание» нерешительного судебного и почтово-телеграфного начальства) и с «революционными митингами» (рассеяние недозволенных собраний, устраиваемых «не в частной квартире»)¹¹⁷¹. Премьер Витте, напротив, настраивал Дубасова на сотрудничество с умеренной общественностью¹¹⁷². К сожалению, мы не можем сказать, какие указания получил вице-адмирал от императора, у которого имел аудиенции 26 ноября и 1 декабря (осведомленная о слухах в высоких сферах графиня Е.Л. Камаровская указывала в дневнике, что Николай «велел ему (Дубасову – М.А.) беречь себя»)¹¹⁷³. Вышеперечисленные инструкции были хороши в плане реагирования на текущие вызовы и дальнейшего укрепления московской власти, однако мало что давали на случай открытого выступления против существовавшего порядка.

Приступив к исполнению генерал-губернаторских обязанностей 4 декабря, Дубасов тем не менее приступил к последовательному проведению программы Дурново в жизнь. В этот же день он вызвал почт-директора Радченко и прокурора судебной палаты В.Ф. фон Клугена, коих П.Н. Дурново персонально подверг в письме уничижительной критике¹¹⁷⁴. Очевидно, в результате сделанных внушений уже на следующий день глава московских почт направил градоначальнику Медему список своих подчиненных, до сих пор не приступивших к работе¹¹⁷⁵. Однако временного резерва для стабилизации обстановки в городе у московской власти уже не оставалось: город находился накануне стачки. В новых условиях перед администрацией

¹¹⁷¹ РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 415. Л. 2-3 об.

¹¹⁷² Стенографические отчеты... С. 1007.

¹¹⁷³ Дневники императора Николая II... С. 72-73; Записки графини Е.Л. Камаровской... С. 85.

¹¹⁷⁴ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 233. Д. 49. Л. 3, 4.

¹¹⁷⁵ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 795. Т. II. Л. 167.

встанет задача борьбы с открытым «мятежом».

Совершенно очевидно, что не слишком искушенный в административных делах Дубасов, бывший еще и новичком в Москве, нуждался в опытных помощниках. Не очень способный и энергичный барон Медем плохо подходил на эту роль: по словам Джунковского, в это время «почти не выезжал из дому и все время болел¹¹⁷⁶.» В результате его правой рукой стал сам исполнявший должность губернатора, более осведомленный, чем его патрон, о работе административного аппарата, обладавший знанием бюрократической и общественной среды Первопрестольной и проявивший под началом нового генерал-губернатора смелость и распорядительность при борьбе с «беспорядками», высоко оцененные его шефом¹¹⁷⁷. В период восстания глава губернии дважды в день ездил к генерал-губернатору, посещал градоначальника, губернское правление и Кремль, обеспечивая таким образом связь лиц и учреждений, занятых подавлением «мятежа»¹¹⁷⁸. 9 декабря, когда в Москве начиналось восстание, Дубасов даже передоверил Джунковскому право подписи ряда документов по генерал-губернаторскому управлению, на что планировал испросить официальную санкцию Петербурга¹¹⁷⁹. Надежным помощником генерал-губернатора стал опытный начальник его канцелярии А.А. Воронин, ведший обширную переписку и занимавшийся в дни восстания решением ряда второстепенных вопросов¹¹⁸⁰.

Именно с этой «командой» Дубасову и предстояло отвечать на вызовы Декабрьской стачки и восстания.

В правительственных сферах действия московской полиции в дни декабрьской стачки и восстания получили довольно высокую оценку. Характерным примером может послужить доклад члена совета министра

¹¹⁷⁶ Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 65; Гурьев В.И. Указ. соч. С. 53.

¹¹⁷⁷ Адмирал Ф.В. Дубасов – палач или человек чести? С. 471.

¹¹⁷⁸ Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 116.

¹¹⁷⁹ Там же. С.110; ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 233. Д. 47. Л. 42 об.-43.

¹¹⁸⁰ Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 115; ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 139. Д. 174. Т. I. Л. 41-43.

внутренних дел Н.Ч. Зайончковского, составленный по итогам краткого освидетельствования ряда участков Москвы и «порядков» в градоначальстве в ноябре 1907 г. Чиновник утверждал (на основании официальных полицейских документов), что «за редкими исключениями» (ссылаясь на генерала Рейнбота, к таковым относил полицеймейстера В.М. Яфимовича), стражи правопорядка в декабре 1905 г. «в высшей степени самоотверженно и мужественно» исполнили свой долг. То, что «полиция ...не принесла той пользы, какую можно было ожидать от нее» объяснялся отсутствием оружия и надлежащего руководства (прежде всего подразумевались действия, точнее, бездействие градоначальника Медема)¹¹⁸¹. Подобный взгляд содержит и справка о деятельности московских стражей порядка в дни восстания, сохранившаяся в делах ревизии сенатора Н.П. Гарина (публикатор И.В. Говоров приписывает ее создание барону Медему)¹¹⁸².

Руководство полицейскими силами Первопрестольной действительно оставляло желать много лучшего. О стиле работы градоначальника Г.П. Медема – сочетании лени, трусости, безынициативности и требовательности – нам уже доводилось писать раньше. В связи с обострением ситуации в городе «лучшие черты» этого деятеля проявились в полной мере. По уже приводившимся воспоминаниям Джунковского, барон в основном сидел дома, а зафиксированный мемуаристом выход сопровождался неприятным инцидентом: 12 декабря на шефа полиции было совершено покушение «каким-то субъектом с повязкой Красного Креста», который был арестован «сопровождаящей его женщиной»¹¹⁸³. Эти данные вполне гармонируют с характеристикой, данной Н.Ч. Зайончковским: «пристава, переодетые, ночью пробирались с опасностью жизни к барону Медему для доклада и испрошения инструкций или помощи, но вместо них получали шуточные ответы»¹¹⁸⁴.

Подобное утверждение, кажущееся преувеличением, находит

¹¹⁸¹ РГИА. Ф. 935. Оп. 1. Д. 5. Л. 27.

¹¹⁸² Декабрьское восстание 1905 г. глазами сотрудников... С. 182.

¹¹⁸³ Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 120.

¹¹⁸⁴ РГИА. Ф. 935. Оп. 1. Д. 5. Л. 27.

подтверждение в документах, исходящих из полицейской среды. Смотритель Пресненского полицейского дома Н. Бардин вспоминал, что после ухода отряда казаков местные полицейские обратились к градоначальнику с просьбой о высылке роты. На это получили совет, что, «имея 150 человек, можно продержаться и без солдат». Как язвительно прибавляет Бардин от себя: «а про то, что у нас нет оружия, забыли¹¹⁸⁵.»

Интересным штрихом к поведению барона в дни восстания является свидетельство генерала Тюлина, согласно которому градоначальник опасался на совещаниях у генерал-губернатора входить в залу с окнами, выходящими на улицу, «боясь шальной пули¹¹⁸⁶.»

Наконец, резолюции Медема и его помощника А.Р. Будберга на донесениях приставов также не баловали разнообразием. Очень часто они представляли собой типовые пометы «к сведению» (иногда наложенные через несколько дней после события)¹¹⁸⁷, а более содержательные замечания нередко не соответствовали моменту. Например, на донесении пристава 1 участка Сретенской части, повествующем о действиях «толпы так называемой боевой дружины» (выделено в источнике — М.А.), проходившей по Садовой улице от Старо-Триумфальных ворот, валившей телеграфные столбы и устраивавшей заграждения в Лиховом и Большом Спасском переулках, а кроме того, производившей немало «беспорядков» по самой Садовой и Цветному бульвару, красовалось такое изречение (с задержкой в три дня): «И все это остается безнаказанным¹¹⁸⁸.» Справедливости ради надо отметить, что Медем ставил и весьма разумные и конструктивные резолюции. Например, на донесении пристава 4 участка Мещанской части капитана Ползикова о желании ряда местных обывателей организовать добровольную дружину для охраны порядка он распорядился «запросить телеграммой приставов, какое оружие и в каком

¹¹⁸⁵Декабрьское восстание 1905 г. глазами сотрудников... С. 183.

¹¹⁸⁶НИОР РГБ. Ф. 307. П. 1. Ед. хр. 4. Л. 13 об.

¹¹⁸⁷ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 785. Л. 428, 448, 449, 450, 456; Д. 870. Л. 50, 73, 80, 100; Д. 912. Т. 1. Л. 24, 141,

196

¹¹⁸⁸Там же. Д. 912. Т. 1. Л. 163-163 об.

количестве желательно добр[овольной] охране¹¹⁸⁹.»

Немаловажным для раскрытия личностных и профессиональных качеств Медема представляется его доклад Дурново от 16 декабря. Сообщая о получении из «верного источника» сведений о прекращении боевых действий «революционными комитетами», он сетовал, что «мятеж кончается волей мятежников, а к истреблению последних упущен случай». Находил барон и причину такого исхода – «нерешительные военные действия последних трех дней». Себя же градоначальник позиционировал как жесткого стража порядка: сообщая, что в его распоряжении остаются лишь «аресты и высылки», он сетовал, что столь «мягкое» средство не предотвратит «повторения мятежа в ближайшем будущем¹¹⁹⁰.» По нашему мнению, генерал фактически расписывается в собственном бессилии (причем даже на будущее, когда говорит о бесперспективности арестов) и старательно перекладывает ответственность на других.

По всей видимости, не самые лучшие профессиональные качества проявил в экстремальной ситуации и исполнявший должность его помощника генерал-майор барон А.Р. Будберг. Следующий московский градоначальник генерал-лейтенант А.А. Рейнбот в объяснительной записке главе обследовавшей его деятельность ревизии сенатору Н.П. Гарину так характеризовал действия последнего в дни восстания: «Помощник Градоначальника, Генерал-Майор Барон Будберг, пользовался крайней нелюбовью жителей за грубость, а поговаривали и о материальной некорректности. А среди подчиненных — никаким престижем, так как говорилось о крайне странных его поступках до и во время вооруженного

¹¹⁸⁹Там же. Д. 870. Л. 41.

¹¹⁹⁰Там же. Ф. 102. ОО. 1905. Оп. 233 а. Д. 1350. Ч. 26. Л. 113-114. Данный документ уже давно введен в научный оборот (Яковлев Н.Н. Указ. соч. С. 209; Шатина Н.В. Указ. соч. С. 134-135; Первая революция в России... С. 374), но в контексте описания итогов пресненских событий 17-19 числа. Дело в том, что фразу об окончании «мятежа волей мятежников» Медем повторил в телеграмме управляющему МВД от 17 декабря (ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1905. Оп. 233 а. Д. 1350. Ч. 26. Л. 124). Как видим, в собственном бессилии закончить «мятеж» собственной волей градоначальник расписался еще накануне начала экспедиции на Пресню (17 число).

восстания¹¹⁹¹.» К сожалению, на основании имеющихся в нашем распоряжении источников не представляется возможным выяснить, что скрывалось за словами Рейнбота, за исключением, пожалуй, двух эпизодов. В дежурных дневниках градоначальства зафиксирован такой инцидент: на донесение подчиненных, что разобрать баррикады не представляется возможным ввиду малого личного состава, Будбергом было «приказано идти¹¹⁹².» Авторы сборника «Москва в декабре 1905 г.» указывали, что на жалобу управляющего типографией издателя И.Д. Сытина о ее поджоге пьяными драгунами в ночь на 12 декабря барон злорадно ответил: «Ничего, кроме зла, я вам не желаю. Очень сожалею, что два года назад вас не сожгли» (впрочем, данное свидетельство не представляется надежным)¹¹⁹³. Помимо упоминавшихся типовых резолюций за его подписью высылались циркулярные распоряжения участковым приставам (часто от имени Медема¹¹⁹⁴) (впрочем, невозможно сказать, в какой степени они являлись продуктом его собственного творчества).

Серьезные недостатки выявились и в работе среднего командного звена полиции – участковых приставов и их помощников.

Как мы уже писали, стачку и Декабрьское восстание служба порядка Первопрестольной встретила с далеко не полным наличием своего «командного состава: «к началу последних крупных беспорядков» «налицо» «из четырех старших чинов» был один Будберг, а из 126 приставов и их помощников — 96 человек¹¹⁹⁵. Вполне очевидно, что подобный «некомплект» усиливал нагрузку на приставов и помощников, оставшихся при исполнении своих обязанностей.

Но ряд и этих чиновников не смог осуществлять полноценное

¹¹⁹¹РГИА. Ф. 1393. Оп. 1. Д. 14. Л. 3 об. Несмотря на недостаточность доказательств, на наш взгляд, оснований не доверять Рейнботу нет, так как со временем он и его помощник прекрасно сработались, а Будберг показал себя с лучшей стороны при подавлении забастовок (Там же. Д. 33. Л. 29-30 об.).

¹¹⁹²«Дежурные» дневники московского градоначальства...С. 115.

¹¹⁹³Москва в декабре 1905 г. ...С. 94-95.

¹¹⁹⁴ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 989. Л. 1; ЦГА Москвы. Ф. 475. Оп. 19. Д. 114. Л. 220, 222, 224.

¹¹⁹⁵Декабрьское восстание 1905 г. глазами сотрудников...С. 182.

руководство своими участками. Почти постоянное нервное напряжение и тяжелые условия службы, связанные с беспорядками, происходившими в Первопрестольной с сентября, на что наложились беспрецедентные нагрузки времени восстания, привели к тому, что у некоторых приставов и их помощников резко ухудшилось состояние здоровья. По нашим подсчетам, основанным на материалах канцелярии градоначальства, из 96 исполнявших обязанности приставов и их помощников в дни восстания на тот или иной срок выбыло из строя еще 13 человек¹¹⁹⁶.

Из данной документации можно заключить, что офицеры полиции страдали такими заболеваниями, которые были совершенно не совместимы с несением полицейской службы. Так, старший помощник пристава 1-го участка Суцевской части Бачурин заболел 13 декабря «перемежающейся лихорадкой», сопровождавшейся повышением температуры до 38,9 градусов, болью в мышцах и суставах, рвотными позывами (причем он продолжал оставаться в участке, так как его «прислуга в эти два дня (13 и 14) проникнуть в участок не смогла по причине уличных заграждений»)¹¹⁹⁷. Пристав 2 участка Сретенской части капитан Мурзинцев вообще перенес инсульт, итогами коего стали сильные проблемы с речью и двигательной функцией правой стороны тела¹¹⁹⁸.

В этой связи можно поставить вопрос и о качестве системы отбора и контроля за «руководящими кадрами» в московской полиции. И рапорты, и медицинские свидетельства дают понять, что большинство заболевших испытали обострение таких хронических заболеваний, наличие которых было трудно совмещать с успешной службой. Так, пристав 3 участка Рогожской

¹¹⁹⁶ ЦГА Москвы. Ф. 46. Оп. 21. Д. 23. Л. 1, 7, 9, 10, 12, 16-17, 19, 20, 28, 45, 54-55, 56, 57-58, 62-63. Начальство со скептицизмом отнеслось к этой «эпидемии», и новый градоначальник Рейнбот в январе 1906 г. приказал полицеймейстерам проверить обоснованность подачи приставами рапортов о болезни (пример – Там же. Л. 18-18 об.). Проверка свелась к запросу медицинских свидетельств; в оценках мотивации подчиненных начальники полицейских отделений также опирались на отзывы других приставов и личные впечатления (Там же. Л. 29, 32). В ходе этой проверки представить необходимые документы смогли практически все заболевшие, кроме нескольких человек (Там же). Правда, возникает вопрос в достоверности всех материалов данной проверки: медицинские справки датированы, как правило, январем 1906 г., за исключением свидетельства, выданного младшему помощнику пристава 2 участка Басманной части Шульцу начальником 77 пехотной дивизии (февраль 1905 г.) и помощника начальника полицейского резерва, вскоре назначенному младшим помощником пристава 2 участка Пречистенской части Райскому (Там же. Л. 35-36, 68).

¹¹⁹⁷ Там же. Л. 2, 4.

¹¹⁹⁸ Там же. Л. 10.

части Халютин, после перенесенного летом катарального воспаления легких, должен был отправиться в отпуск, однако в связи с усложнением обстановки в Первопрестольной был вынужден оставаться на посту, что привело к фатальному ухудшению состояния¹¹⁹⁹. Самым вопиющим было состояние здоровья пристава 2 участка Сретенской части А.М. Мурзинцева: еще летом он перенес инсульт, однако продолжал оставаться в должности ввиду некоторого улучшения самочувствия, что, по всей видимости, привело ко второму удару¹²⁰⁰. С такими недугами просто невозможно было выдержать открытую вооруженную конфронтацию с революционерами.

Наконец, ввиду вышеизложенного вполне закономерно можно прийти к выводу, что непрекращающаяся служба в особых нарядах с сентября месяца крайне негативно сказалась на состоянии руководителей участков в самый

Приставы, продолжавшие исполнять обязанности, тоже находились на пределе сил, что било по физическому и психическому здоровью. Подтверждением может послужить известная история пристава 2-го участка Тверской части подполковника Ермолова, исполнявшего обязанности полицеймейстера I Отделения. 17 декабря, во время обысков на Пресне, он неожиданно застрелил доктора В.В. Воробьева, оказывавшего помощь как солдатам и полицейским, так и дружинникам¹²⁰¹. Джунковский в мемуарах высказывал предположение, что подобное поведение сдержанного ранее Ермолова было продиктовано «страшным мозговым и физическим переутомлением» (впрочем, графиня Камаровская передавала слух, что «известный подлец» был пьян)¹²⁰².

Любопытны и личностные качества руководящего «костяка» полицейских офицеров. В нашем распоряжении есть материалы аттестации,

¹¹⁹⁹Там же. Л.30-30 об.

¹²⁰⁰Там же. Л.10.

¹²⁰¹Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 129; ЦГА Москвы. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 18. Л. 128; Записки графини Е.Л. Камаровской...С. 89; Москва в декабре 1905 г. ...С. 244. Действия Ермолова в квартире Воробьева сложно признать адекватными: после того, как врач отрицательно ответил на вопрос об организации им пункта Красного Креста и изъявил готовность продемонстрировать разрешение на хранение оружие, пристав выстрелил ему в затылок.

¹²⁰²Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 129; Записки графини Е.Л. Камаровской...С. 89.

данной участковым приставам и их помощникам весной 1906 г. Будбергом для его нового шефа Рейнбота. Она составлялась с учетом поведения полицейского начальства в дни восстания. Несмотря на довольно благоприятную характеристику большинства офицеров, ряд отмеченных Будбергом черт руководителей участков и их помощников заставляют усомниться в эффективности их действий в декабрьские дни. Например, пристав 3 участка Тверской части Эрн был «немного мягок с подчиненными», исполнявший должность полицеймейстера I Отделения Носков (в декабре 1905 г. состоявший при градоначальнике) – «не особенно подвижной» (тот же «диагноз» был поставлен исполнявшему должность пристава 1 участка Якиманской части Кожину, приставу 2 участка Лефортовской части Сулиме, 2 участка Хамовнической Неклюдову), пристав 2 участка Пятницкой части Прудовский – «нервен и не достаточно самоуверен», 1 участка Пречистенской части Афросимов – «вял», 1 участка Пресненской части Вадбольский, несмотря на опытность, – «не особенно энергичен и распорядителен», 1 участка Арбатской части Линдгольм – «вял», 2 участка Арбатской части Эклон – «вял и болеет, когда болеть не полагается», 2 участка Басманной части Шварцман – «служит более 40 лет, стар и полуслепой», хотя и «любим обывателями», 2 участка Яузской части Романкевич — «выдвинулся благодаря ходатайству Г.-М. Руднева и Подполк[овника] Носкова» (неизвестно, какой смысловой оттенок вкладывал Будберг в эту характеристику) и «пьет довольно сильно», 1 участка Яузской части Гедеонов – «не особенно распорядит[елен]; сказался больным, когда его хотели перевести в другой уч[асток]¹²⁰³.»

Можно, конечно, обвинить помощника градоначальника в предвзятости, личных счетах с некоторыми приставами. Но надо отметить, что разносторонний характер аттестаций (перечисление положительных и отрицательных качеств), а также сам момент составления данного документа (ожидание властями новых беспорядков, связанных с созывом Государственной Думы, слухи о «новом деле» революционеров в марте 1906 г.)

¹²⁰³РГИА. Ф. 935. Оп. 1. Д. 37. Л. 27-30.

позволяют говорить об обоснованности выводов в отношении большинства приставов. Кроме того, некоторые из них подтверждаются другими источниками: Гедеонов действительно скоропостижно заболел 10 декабря, а также проявил явную нераспорядительность при штурме реального училища Фидлера 9 декабря 1905 г.¹²⁰⁴; Эклон отстранился по болезни от дел участка в самое «горячее» время; ни он, ни Гедеонов так и не представили «оправдательных документов» о своей болезни¹²⁰⁵.

Прочие источники рисуют картину различного поведения приставов в дни восстания. Так, руководитель 4-го участка Мещанской части (Сокольнического участка) капитан Ползиков, по его собственному отчету в Охранное Отделение, несмотря на вынужденную осаду в здании собственного участка, сумел принять энергичные меры – по возможности вооружил околоточных надзирателей, городских и ночных сторожей собственными ружьями, выставил дозоры часовых и высылал переодетых разведчиков, что предотвратило нападение на участок¹²⁰⁶. Однако в нашем распоряжении имеется и критика его действий: командир 34 Донского казачьего полка, чьи части несли охрану в Сокольниках, заявлял в докладе генерал-квартирмейстеру Шейдеману о трусости как самого капитана, так и подчиненных ему полицейских («я, бывая ежедневно, а иногда и по два раза в день, в казармах полка не далеко от которых находится и 4-й полицейский участок Мещанской части никогда еще не встречал пристава этой части у полицейских обязанностей, даже в такое время как в Декабре месяце»)¹²⁰⁷. Впрочем, учитывая сообщение Ползикова, что он был фактически осажден в участке до получения винтовок из градоначальства, с данным выводом можно не согласиться.

Довольно находчиво в экстремальных обстоятельствах поступило, согласно дневнику Бардина, руководство Пресненской части. После отказа

¹²⁰⁴ ЦГА Москвы. Ф. 46. Оп. 21. Д. 23. Л. 56; *Шатина Н.В.* Указ. соч. С. 123-124.

¹²⁰⁵ ЦГА Москвы. Ф. 46. Оп. 21. Д. 23. Л. 29, 32.

¹²⁰⁶ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 870. Л. 238-239 об.

¹²⁰⁷ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 388. Л. 7 об.

градоначальства прислать подкрепление пресненским «сидельцам», последние «подкрепились водкой» для храбрости (в итоге «крепости решили ни под каким видом не сдавать») и использовали в качестве «психологического оружия» «трехполенные дрова, заострив их с одного конца¹²⁰⁸.»

Однако тот же Бардин сообщает, что при разгроме 1 участка Пресненской части местный пристав Шестаков «убежал», не оказал особого сопротивления и пристав 3 участка названной части Шокотко (согласно обвинительному протоколу по делу о восстании в районе, дружинники, явившиеся «толпой» в 20 человек 12 декабря в 1 участок, приставили пистолет к груди Шестакова, двум его помощникам, околоточным, городовым, отняли шашки и уничтожили документацию)¹²⁰⁹. По сообщению помощника командующего войсками МВО генерала В.Г. Глазова, сбежал из своего участка при активизации революционеров и помощник пристава 2 участка Суцевской части Добровольский¹²¹⁰.

Не всегда откликалось местное полицейское начальство на просьбы горожан о защите. Н.П. Вишняков приводит в своем дневнике рассказ классной дамы Екатерининского института благородных девиц, которая поведала ему, что на просьбу помочь против дружинников, ломавших в их заведении ворота, «в участке ответили, что ничем помочь не могут¹²¹¹.»

Таким образом, весьма проблематично на основании приведенных нами данных говорить о безупречном выполнении своего долга подавляющим большинством приставов и соответствии многих начальников участков их должности.

Внушало тревогу и положение низшего руководящего звена московской столичной полиции – околоточных надзирателей – главной силы гражданской службы правопорядка в борьбе со «смутой» – городских.

¹²⁰⁸Декабрьское восстание 1905 г. глазами сотрудников...С. 186; Высший подъем...С. 767-768.

¹²⁰⁹Там же. С. 185.

¹²¹⁰РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 10. Л. 348.

¹²¹¹ЦГА Москвы. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 18. Л. 84.

Следует отметить, что малочисленные силы полиции, разбросанные, кроме того, по разным участкам, вряд ли могли быть надежной опорой администрации при сколько-нибудь крупном возмущении. Об этом докладывал градоначальнику 10 декабря пристав 3 участка Суцевской части капитан Заремба. Описывая действия толпы рабочих, достигавшей, по его словам, до 2000 человек: «В виду малочисленного состава нижних чинов вверенного мне района никого из толпы задержать не представилось возможным¹²¹².»

Но проблемы этим не ограничивались. В историографии уже отмечалась острая нехватка оружия у городских. А.Ю. Дунаева опиралась в кратком описании состояния московской полиции на рубеже 1905-1906 гг. на следующий пассаж из объяснительной записки градоначальника Рейнбота: «...полиция... была почти безоружна; так, имелись на вооружение четыре 2 лин[ейные] однозарядные ружья Бердана, и то выданные лишь в Декабре, по приказанию Генерал-Адъютанта Дубасова; на 4000 городских (по состоянию на середину января 1906 г. – М.А.) имелось 1332 револьвера старой системы Смита и Вессона, большинство в неисправном виде, и ни к чему не пригодные железные шашки¹²¹³.» Нетрудно представить, что к началу восстания положение было еще хуже. Так, по данным приводимой нами записки о состоянии полиции в декабрьские дни 1905 г., револьверами было вооружено не более трети городских¹²¹⁴. Это подтверждается донесениями приставов ряда участков¹²¹⁵. Скарденность петербургских ведомств и городской Думы дорого стоила службе правопорядка.

К чему подобное снабжение приводило на практике, хорошо показывают записки Бардина. Описывая нападение на городских 9 декабря у Горбатого моста, закончившееся гибелью двоих из них и ранением троих, он отмечает, что стражи порядка были практически безоружны, «так как нельзя же считать

¹²¹²Высший подъем...С. 664.

¹²¹³Дунаева А.Ю. Указ. соч. С. 118; РГИА. Ф. 1393. Оп. 1. Д. 14. Л. 5-5 об.

¹²¹⁴Декабрьское восстание 1905 г. глазами сотрудников...С. 183.

¹²¹⁵«Дежурные» дневники московского градоначальства...С. 117.

вооружение — револьверы, которые вместе с патронами валялись лет 20 в цейхгаузе». Более того, Бардин указывает, что и такое снаряжение было только у двоих из пострадавших, а остальные довольствовались «никуда не годными шашками¹²¹⁶.»

Дело осложнялось и неумением полицейских сохранить оружие. Факт массового разоружения городских неоднократно отмечался в историографии¹²¹⁷. Более того, сам процесс изъятия революционерами оружия у служителей порядка явственно свидетельствует о весьма слабом сопротивлении со стороны полицейских. По словам М.Н. Лядова, одного из видных московских большевиков, уже 6 декабря городские стояли «на постах как-то пугливо, озабоченно». Разоружение же их вообще приобретало комические черты: «Кажется, в Лефортове один подросток обезоружил шесть городских. Он сделал себе из мыла нечто похожее на браунинг, вычернил его и с этим оружием подходил к постовому, кричал ему «руки вверх» и вытягивал из кобуры настоящее оружие¹²¹⁸.» Он же приводит рассказы своих товарищей, что при криках «руки вверх» городские вставали «как истуканы, с поднятыми руками». Впрочем, справедливости ради, надо отметить, что упоминает он и об убитых городских, не желавших расставаться с оружием¹²¹⁹.

Можно, конечно, усомниться в правоте убежденного большевика, чьи воспоминания были созданы много лет спустя после революции. Однако источники из полицейской среды рисуют ту же картину. Сообщая о разгроме 1 и 3 участков Пресненской части, Бардин говорит, что «ни один городской не был убит», а революционеры ограничились только тем, что отобрали оружие, при этом он не упоминает о каких-либо фактах сопротивления со стороны полицейских¹²²⁰. Сходную картину рисует обвинительный акт по делу о восстании на Пресне, в коем также содержатся сведения о разоружении городских дружинниками на их квартирах и даже выселении семей

¹²¹⁶Декабрьское восстание 1905 г. глазами сотрудников...С. 183.

¹²¹⁷Яковлев Н.Н. Указ. соч. С. 162; Шатина Н.В. Указ. соч. С. 125.

¹²¹⁸На баррикадах Москвы...С. 34.

¹²¹⁹Там же.

¹²²⁰Декабрьское восстание 1905 г. глазами сотрудников...С. 184.

полицейских из кордегардии¹²²¹. Извещениями о массовом «отъеме» оружия у городских (даже у групп) пестрят рапорты приставов градоначальнику¹²²².

Таким образом, малочисленность и недостаточное вооружение приводили к легкой потере городскими последних средств борьбы с «беспорядками». Попытки сохранить оружие со стороны нижних полицейских чинов были единичными и заканчивались трагически. Налицо и психологическая неготовность городских действовать в условиях фактической гражданской войны, что явствует из приведенных фактов сдачи оружия практически без сопротивления.

Подобная деморализация охватила и низший руководящий слой московской столичной полиции – околоточных надзирателей. Интересен в этом плане рапорт околоточного надзирателя Павла Петропольского заведующему Бутырским районом Сущевской части. 11 декабря он побывал на фабрике Товарищества Ралле и Ко, чтобы вручить некоторым рабочим необходимые документы, но во время выполнения этой миссии был окружен рабочими (по его словам, числом до 400 человек), которые под влиянием «оратора» Дмитрия Милова (одного из вождей пролетариев данной фабрики) требовали у него револьвер. Петропольский прибег к попытке ввести рабочих в заблуждение относительно наличия оружия, а после раскрытия обмана — вызвать жалость, однако, под влиянием Милова, это окончилось безрезультатно¹²²³. Как видим, особой решительности «исполнить служебный долг до конца» околоточный не проявил.

Автор уже неоднократно цитируемой нами записки о действиях московской полиции в дни восстания утверждает, что «безоружные городские

¹²²¹ Высший подъем... С. 767-768.

¹²²² ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 785. Л. 450, 454, 528; Д. 912. Т. 1. Л. 178. В ряде случаев их поведение объяснялось полной невозможностью оказать сопротивление: так, по словам пристава 1 участка Сущевской части Бояновского, пикет городских на Угольной площади, состоящий из 3 человек и обезоруженный «толпой» до 30 душ, располагал всего одним револьвером (Там же. Д. 785. Л. 450). Однако бывали случаи, когда «толпа» лишала оружия относительно неплохо снабженных им городских: в том же участке 11 декабря у 4 городских было отнято 3 револьвера и 4 пистолеты (осталось неизвестным, пытались ли они оказывать какое-либо сопротивление «толпе») (Там же. Л. 528).

¹²²³ Там же. Д. 833. Л. 89.

стойко выдерживали натиск революционных масс¹²²⁴.» На самом деле в случаях поголовного разоружения, сожжения будок¹²²⁵ и устройства мощных баррикадных заграждений чины полиции вынуждены были перемещаться в участки¹²²⁶. В ряде случаев городовые и их начальство оказывались в состоянии настоящей осады (эта участь постигла не только участки окраинных районов, таких как Сущево, Пресня, Сокольники, но и центр Москвы — был блокирован и подвергся атаке 2 участок Арбатской части¹²²⁷). В дежурном дневнике градоначальства было зафиксировано сообщение от брандмайора за 11 декабря о недоступности для пожарных Арбатской, Пресненской, Сущевской и Мещанской частей из-за баррикадных заграждений¹²²⁸.

Источники по-разному рисуют поведение полицейской стражи во время вынужденной концентрации в районе участков и атак революционеров. В ряде случаев (особенно это подчеркивается в официальных донесениях приставов) чины полиции участвовали в вылазках против революционеров (как, например, в Сокольническом участке, хотя предпринимаемые операции сложно назвать успешными¹²²⁹). В участках, где находились части войск или предпринимались экспедиции основных сил, городовые принимали участие в совместных патрулях или в выполнении поставленных военными задач¹²³⁰. Известны случаи действительно мужественного поведения городовых (правда, преимущественно из официальных полицейских источников). Так, в 11 ½ вечера 10 декабря посланные приставом 2 участка Сущевской части околоточные надзиратели Грушецкий и Волженский с тремя городовыми — Шестаковым, Козловыми и Кузнецовым — сумели в темноте под огнем революционеров разобрать баррикады на углу Тверской и Грузинской улиц¹²³¹.

¹²²⁴Декабрьское восстание 1905 г. глазами сотрудников...С. 182.

¹²²⁵ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 785. Л. 452-453, 468.

¹²²⁶Там же. Д. 870. Л. 238-239 об.; Д. 912. Т. 1. Л. 164 об.; Декабрьское восстание 1905 г. глазами сотрудников...С. 184; Декабрьские дни в Москве...С. 6-7 См. также: *Шатина Н.В.* Указ. соч. С. 125-126.

¹²²⁷ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 870. Л. 210, 238-238 об.; Декабрьское восстание 1905 г. глазами сотрудников...С. 184; Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве...С. 47.

¹²²⁸«Дежурные» дневники московского градоначальства...С. 119.

¹²²⁹ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 870. Л. 238-239 об.

¹²³⁰Там же. Д. 912. Т. 1. Л. 235; Из истории московского вооруженного восстания...С. 22-24.

¹²³¹«Дежурные» дневники московского градоначальства...С. 115.

Однако в случае невозможности что-либо предпринять, ситуация, по всей видимости, принимала вид, который не без сарказма описал Бардин: «...часовые у нас сняты, огни в окнах потушены или занавешены и сами мы, находясь в задних комнатах, занимаемся, кто, чем захочет — некоторые пьют водку, другие играют в карты. Все переодеты в штатское платье, а наш уважаемый доктор, нацепив на руку красный крест, забился в самый темный угол¹²³².» Думается, что ввиду этих фактов трудно говорить о «стойком выдерживании натиска» революционеров (во всяком случае, до получения оружия)¹²³³.

Постоянная изматывающая служба в нарядах, нервные потрясения во время восстания (убийства товарищей, гибель всего имущества во время разгрома будок) негативно сказывались на здоровье полицейских, в том числе и психическом. Как представляется, их чрезмерная пассивность при «отобрании» оружия могла быть отчасти вызвана сильной усталостью и деморализацией на этой почве. Также подобным состоянием, по всей видимости, объясняются и некоторые неадекватные поступки, совершенные городскими. Например, 15 декабря, согласно жалобе управляющего домами Боткина в Оружейном переулке Суцевской части А. Артемьева, переданной генерал-губернатору Ф.В. Дубасову городским головой, 15 декабря недалеко от полицейского поста был сделан выстрел из револьвера, «не направленный, однако, в стоящих на посту городских». Тем не менее подобный инцидент вызвал довольно своеобразную реакцию: из участка выбежали городские с полученными к тому времени ружьями и принялись обстреливать окружающие дома без всякой системы. На попытку Артемьева прекратить это действие, «местный пристав» приказал ему не вмешиваться в свои распоряжения и повелел подчиненным «не пускать» его в участок, опасаясь, что управляющий может кинуть бомбу¹²³⁴.

Необходимо отметить, что при всей деморализации и трудности

¹²³²Декабрьское восстание 1905 г. глазами сотрудников...С.185.

¹²³³Там же. С. 186; Высший подъем...С. 684, 768.

¹²³⁴ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 90. Т. 1. Л. 91.

исполнения служебных обязанностей, массового перехода городских на сторону революционеров не произошло. Можно привести лишь один пример. Дежурный дневник градоначальства зафиксировал за 17 декабря донесение, что городского Баклажца видели на баррикадах. Также в этой записи было отмечено, что этот чин два дня, как пропал¹²³⁵. Пристав 1 участка Пречистенской части просил распоряжения о вооружении городских, без чего последние «отказывались нести службу¹²³⁶». Иных свидетельств о возможной измене или отказе личного состава полиции от исполнения обязанностей нам найти не удалось.

Следует отметить еще одно обстоятельство, сильно мешавшее эффективной работе полиции по наведению порядка в пределах участка. По сообщению исполнявшего обязанности полицеймейстера II Отделения подполковника Трутнева от 30 января 1906 г. (в ответ на запрос градоначальника о санитарном состоянии будок от 2 декабря 1905 г.)¹²³⁷, сам принцип размещения нижних чинов в будках «не удобен», поскольку городские оказываются разбросанными по всей территории участка довольно далеко от управления. Поэтому в случае крупного беспорядка «и массой в распоряжении участкового Пристава не имеется никогда в достаточной мере городских», чтобы же их собрать, следует одновременно посылать за ними, а свободных людей для этого в участке, как правило, «не имеется». В итоге нужное число служителей порядка собиралось в участке «через 2-3 часа», когда беспорядок был уже произведен. В дни Декабрьского восстания эти обстоятельства проявились в полной мере: полицейские «были отрезаны от участков, не могли являться на службу, не могли иметь при себе оружие, в виду отобрания анархистами, даже из боязни за свое имущество и жизнь многие городские должны были выехать из будок¹²³⁸».

Не были надежными помощниками наружной полиции и другие части,

¹²³⁵ «Дежурные» дневники московского градоначальства... С. 117.

¹²³⁶ Там же. С. 122.

¹²³⁷ ЦГА Москвы. Ф. 46. Оп. 14. Д. 33. Л. 1.

¹²³⁸ Там же. Л. 5 об.

несшие охрану «порядка». Жандармский дивизион был слишком малочислен и не особенно успешно действовал против дружинников (кавалеристам было очень сложно действовать в местности, перегороженной баррикадами). По свидетельству военных властей, дивизион даже не смог обеспечить свои казармы конвоем; войскам не раз приходилось их «выручать»¹²³⁹. Малочисленная и не справлявшаяся со своими обязанностями еще в ноябре железнодорожная жандармская полиция с началом стачки и восстания оказалась не в состоянии оказать сколько-нибудь действенный отпор «мятежникам» и восстановить «порядок». Доходило до трагикомических случаев: по донесению исполнявшего должность начальника МЖПУ ж.д. подполковника Смирницкого, в ночь на 11 декабря на дом жандармов на товарной станции Москва Курской дороги был совершен налет толпой «до 200 человек», однако стражи порядка заблаговременно удалились «на пост 5 версты»; по словам управляющего Московско-Казанской дорогой П.И. Шестакова, «неизвестно куда скрылась» жандармская полиция со станции Москва вверенной ему магистрали, а Смирницкий никак не мог вызвать своих подчиненных «для сообщения»¹²⁴⁰.

Таким образом, можно сделать вывод, что указание Н.Ч. Зайончковского на такие причины неуспешных действий полиции в дни восстания, как отсутствие надлежащего руководства и недостаток оружия, безусловно, имеют ключевое значение. Однако при этом следует иметь в виду, что кризис руководства не следует рассматривать в плане лишь дурных профессиональных качеств градоначальника Медема. Как мы выяснили, руководство полицейских участков (приставы и их помощники) также зачастую были не готовы к борьбе с революцией в чрезвычайных условиях. Помимо вышеперечисленных причин, нужно также иметь в виду такие обстоятельства, как малочисленность состава полиции, ее деморализацию, физическую усталость, неудачное размещение по территории участка, что

¹²³⁹ Москва в декабре 1905 г. ...С. 87; «Дежурные» дневники московского градоначальства...С. 116; Сторожев В.Н. Указ. соч. С. 110, 111.

¹²⁴⁰ ГА РФ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 9. Л. 928-928 об.; Высший подъем...С. 681.

также, на наш взгляд, снижало потенциальную эффективность ее действий.

В числе важнейших мер власти по интенсификации действий полиции можно выделить три своеобразных комплекса — увеличение численности личного состава, изменение тактики действий и перевооружение.

Как отмечалось выше, перед восстанием был принципиально решен вопрос об увеличении штатов московской полиции на 1000 человек. К сожалению, сведения о реализации этого решения в материалах градоначальства довольно скупы и неоднозначны. Известно, что еще 10 декабря Дубасов предложил Медему увеличить состав городских на 1000 человек, используя для этого ночных сторожей. 12 декабря приказ был повторен в письменной форме¹²⁴¹. 11 числа Медем направил экстренную телеграмму приставам о немедленном предложении ночным сторожам поступить в городские, а на их места набрать «благонадежных дворников¹²⁴².» 12 числа начальник полицейского резерва полковник В.Н. Золотарев распорядился зачислять кандидатов по III разряду с зачислением жалованья в 30 рублей¹²⁴³.

Каков был итог выполнения этого плана? 15 декабря на заседании Совета из представителей различных ведомств и общественных учреждений генерал-губернатор Дубасов заявил, что к данному моменту нанято 418 человек (по данным газеты «Русский Листок»; в интерпретации газеты «Право» — 400)¹²⁴⁴. Чуть более оптимистичную версию выдвигает автор записки о положении московской полиции в дни восстания: 480 человек¹²⁴⁵. Судя по объяснительной записке Рейнбота, набор новых городских

¹²⁴¹Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве...С. 45, 50; ЦГА Москвы. Ф.16. Оп. 95. Д. 261. Л. 448; Ф. 17. Оп. 104. Д. 42. Л. 1.

¹²⁴²«Дежурные» дневники московского градоначальства...С. 117.

¹²⁴³ЦГА Москвы. Ф. 46. Оп. 21. Д. 113. Л. 20.

¹²⁴⁴Высший подъем...С. 659, 708.

¹²⁴⁵Декабрьское восстание 1905 г. глазами сотрудников...С. 183. Автор настаивает на том, что процесс найма городских шел с самого момента получения телеграммы от управляющего МВД.

продолжался и после до полного укомплектования¹²⁴⁶.

К сожалению, как конкретно происходил этот процесс, из источников понять довольно трудно. Скорее всего часть «новобранцев» составили ночные сторожа: начальник Охранного Отделения ротмистр Петерсон докладывал управляющему МВД о «значительном увеличении» штата полиции за их счет уже к 12 числу¹²⁴⁷. Согласно полицейской документации, что эта практика получила широкое распространение: например, пристав Сокольнического участка Ползиков отмечал, что привлек сторожей наряду с пожарными к исполнению обязанностей стражей порядка, вооружил ружьями и даже посылал на разведку¹²⁴⁸. Так же поступали и другие приставы.¹²⁴⁹ Однако возникает вопрос: были ли эти охранники зачислены в городовые официально? Подтверждений этому, кроме донесения Петерсона, у нас нет. Более того, в ряде полицейских документов городовые и сторожа (даже вооруженные и исполнявшие обязанности по охране порядка) продолжали рассматриваться отдельно¹²⁵⁰. Как представляется, для однозначного ответа на вопрос предстоит выявление новых материалов.

Помимо сторожей, в городовые зачислялись, по заявлению Дубасова на «Гражданском Совете», члены московских артелей по рекомендации своих товарищей и военные – запасные и вернувшиеся с Дальнего Востока¹²⁵¹. Приказы по градоначальству и столичной полиции подтверждают и конкретизируют слова генерал-губернатора: львиную долю новых кадров составили запасные, отставники и даже ратники государственного ополчения (как рядовые, так и унтер-офицеры)¹²⁵². Штатские же (по всей видимости, артельщики) занимали весьма скромное место в набираемом штате¹²⁵³.

¹²⁴⁶ РГИА. Ф. 1393. Оп. 1. Д. 14. Л. 4 об.

¹²⁴⁷ Высший подъем... С. 677.

¹²⁴⁸ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 870. Л. 239.

¹²⁴⁹ Там же. Д. 912. Т. I. Л. 174, 226, 239.

¹²⁵⁰ ЦГА Москвы. Ф. 475. Оп. 19. Д. 114. Л. 240, 252.

¹²⁵¹ Высший подъем... С. 689.

¹²⁵² ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 23. Д. 9. Л. 72-92, 93-98.

¹²⁵³ Например, 19 декабря в состав полиции Петровско-Разумовского участка получили назначение два человека, не связанных с военной службой – М.Я. Сударушкин и С.Д. Чурбанов (Там же. Л. 96 об.). Сложным представляется вопрос, не являлся ли кто-нибудь из зачисляемых в полицию отставников и штатских ночным

Насколько эффективным орудием в борьбе с «мятежом» было полицейское пополнение? Социал-демократический публицист К.Н. Левин в дневнике очень низко оценивал факт вооружения ночных сторожей, приводя комический факт об отказе полицейских их обучать и сообщая, что «в самый нужный для полиции момент вооруженный институт ночных сторожей совершенно исчез со сцены¹²⁵⁴». Однако полицейские документы рисуют картину вполне удовлетворительного исполнения сторожами новых обязанностей, а пристав 2 участка Рогожской части Переспелов даже отмечал их более умелые действия в качестве разведчиков по сравнению с городовыми (что было не удивительно, учитывая, что ряд городских переходил на службу в сторожа)¹²⁵⁵. Судя по всему, привлечение к полицейским обязанностям сторожей было на руку службе порядка (по утверждению Ползикова, практика их дежурства с оружием с конца 1905 г. стала регулярной)¹²⁵⁶, однако все же не привело к коренному перелому ситуации.

С другими «новобранцами» дело обстояло сложнее. С одной стороны, выбор бывших военных на роль полицейских был правилен, ведь как установил В.И. Гурьев, во многом из отставных солдат и формировался обычно штат низших полицейских чинов¹²⁵⁷. Но с другой -- можно предположить, что новички имели весьма слабое представление о боевых действиях в условиях города и об особенностях розыскной службы (и не имели времени на выучку). Из всей массы новоиспеченных городских лишь малая часть имела знакомство с полицейским делом: во-первых, группа запасных чинов, находившаяся на должностях служителей полицейских участков и перечисленная в городовые с 11 декабря (что, надо отметить, вовсе не гарантировало квалифицированное исполнение ими обязанностей наружной службы)¹²⁵⁸, и трое запасных жандармских дивизионов:

сторожем. К сожалению, проверить это не представляется возможным: в фонде полицейских участков города Москвы (ЦГА Москвы. Ф. 475) не сохранились списки ночных сторожей.

¹²⁵⁴ Левин К.Н. Указ. соч. С. 242.

¹²⁵⁵ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 912. Т. I. Л. 226.

¹²⁵⁶ РГИА. Ф. 935. Оп. 1. Д. 17. Л. 175; ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 912. Т. I. Л. 173; Д. 773. Т. XI. Л. 4 об.

¹²⁵⁷ Гурьев В.И. Указ. соч. С. 195.

¹²⁵⁸ ЦГА Москвы. Ф. 46. Оп. 23. Д. 9. Л. 93.

Московского — унтер-офицер Ф.Н. Романов и рядовой М.А. Зайцев¹²⁵⁹, и Варшавского — рядовой С.И. Баловин¹²⁶⁰. Бывали также случаи назначения людей, по всей видимости, не имевших практики уличного боя вообще: например, палатного надзирателя Новогеоргиевского военного госпиталя Л.Е. Емельянова, назначенного городовым во 2 участок Сретенской части с 13 декабря¹²⁶¹. Некоторые кандидатуры были откровенно сомнительны: так, назначенный 11 декабря в 1 участок Якиманской части бывший рядовой 38 пехотного Тобольского полка Д.П. Петрунин был уволен со службы по болезни¹²⁶². Немалой среди вновь зачисленных была прослойка бывших артиллеристов: в качестве примера можно привести группу лиц, назначенных с 14 декабря во 2 участок Хамовнической части (в ее состав входил даже нестроевой чин — старший писарь Выборгской крепостной артиллерии В.Г. Грищенко)¹²⁶³. Представляется, что в условиях уличного боя без надлежащей подготовки эти люди были бы просто бесполезны (не говоря о выполнении повседневных полицейских обязанностей).

Таким образом, можно предполагать, что набранный контингент слабо подходил для исполнения новой службы. Это мнение подтверждают слова градоначальника Рейнбота: «Самый состав городских был совершенно неудовлетворителен, так как в Декабре 1905 года моим предшественником, в виду увеличения штатов на 1000 человек, было принято безо всяких справок полное число людей, которых почти всех в первые месяцы пришлось выгнать¹²⁶⁴.» Следовательно, наем подобного рода городских вряд ли мог серьезно повлиять на ход восстания.

Озаботился Дубасов и пополнением штата собственно ночных сторожей, выдвинув идею восполнения некомплекта, который должно было породить перечисление охранников в городовые, и дальнейшего увеличения его на 2000

¹²⁵⁹Там же. Л. 93 об.

¹²⁶⁰Там же. Л. 95.

¹²⁶¹Там же. Л. 97.

¹²⁶²Там же. Л. 93 об.

¹²⁶³Там же.

¹²⁶⁴РГИА. Ф. 1393. Оп. 1. Д. 14. Л. 4-4 об.

человек. В первый раз Дубасов обратился с этой просьбой к Медему 10 декабря, мотивируя это решение «участившимися грабежами» во время беспорядков¹²⁶⁵. Через два дня генерал-губернатор вынужден был повторить свое распоряжение¹²⁶⁶. Однако деморализация обывателей, сочувствие части их повстанцам (а от них зависел сбор денег на дополнительных охранников) и дезорганизация местной полиции воспрепятствовали проведению этих мер в жизнь в условиях восстания: никаких распоряжений ни о пополнении некомплекта, ни о найме новых «кадров» не последовало¹²⁶⁷. 15 декабря вице-адмирал констатировал на встрече с членами «Гражданского Совета», что штат сторожей еще только предстоит увеличить на 2000 человек¹²⁶⁸. Наконец, лишь 20 декабря Медем направил циркулярную телеграмму участковым приставам об исском увеличении штата охранников.¹²⁶⁹ Это распоряжение и после окончания восстания не вызывало восторга у ряда обывателей: присяжный поверенный С.И. Куренков в заявлении приставу 2 участка Арбатской части указывал на его абсолютную незаконность¹²⁷⁰. В письме от 26 февраля 1906 г. А.И. Гучкову он также утверждал, что после объявления о решении генерал-губернатора обыватели, явно недовольные этим, бросились «за разъяснениями и помощью» в городскую Управу¹²⁷¹.

Во время Декабрьского восстания была также предпринята попытка укрепить руководящий состав полиции за счет 16 ранее служивших в ней офицеров, призванных на войну с Японией. Сложность была в том, что они значились в рядах службы правопорядка с гражданскими чинами, а по возвращении из армии их надлежало определять с военными; меж тем, таких вакансий было только 4. Поэтому Медем еще 4 декабря обратился к генерал-губернатору для «испрошения ВЫСОЧАЙШЕГО соизволения» на такое

¹²⁶⁵Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве... С. 45.

¹²⁶⁶Там же. С. 50.

¹²⁶⁷«Дежурные» дневники московского градоначальства... С. 100-147; ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 785, 870, 912 Т. 1: ЦГА Москвы. Ф. 46; Ф. 475. Оп. 17. Д. 115, 286, 294, 1090 а; Оп. 19. Д. 114.

¹²⁶⁸Высший подъем... С. 689, 708.

¹²⁶⁹ЦГА Москвы. Ф. 475. Оп. 19. Д. 114. Л. 240-240 об.

¹²⁷⁰Там же. Ф. 380. Оп. 3. Д. 92. Л. 113-114 об.

¹²⁷¹Там же. Л. 109 об.

зачисление¹²⁷². Загруженная текущими делами генерал-губернаторская канцелярия доложила представлению помощнику главы Первопрестольной Джунковскому только 14 числа, и тот 16 декабря обратился с соответствовавшим ходатайством в МВД¹²⁷³. Царское повеление состоялось лишь 30 января, более чем через месяц после окончания Декабрьского восстания¹²⁷⁴. Очевидно, что загруженность канцелярии «главного начальника» Первопрестольной и медлительный механизм согласования решений с «центром» привел к затягиванию меры, которая могла сыграть важную роль в процессе подавления восстания, особенно при учете слабостей полицейского руководства.

Следовательно, из всех мер по увеличению «сил порядка» в полной мере реализовалось лишь возложение полицейских обязанностей на ночных сторожей. В силу дезорганизации администрации и чрезвычайных условий восстания набор новых городских и тем более ночных сторожей не принес значительного эффекта.

Не менее важным был вопрос о вооружении стражей порядка. Участковые приставы, столкнувшись с необходимостью противостоять действию «толп» и групп боевых дружинников, также запрашивали немалые партии оружия: 11 декабря пристав 1 участка Арбатской части подполковник Линдгольм просил вооружить безоружных городских и ночных сторожей, «для чего потребуется 63 револьвера¹²⁷⁵.»

Для начала Дубасов предложил Медему снабдить городских винтовками с Артиллерийского склада и «надлежащим количеством» патронов к ним словесно. Затем, 12 декабря, он был вынужден повторить распоряжение, как и в случае с городскими и ночными сторожами¹²⁷⁶. Командированный в Москву инспектор почт и телеграфов А.С. Стеткевич указывал в письме своему

¹²⁷² Там же. Ф. 16. Оп. 233. Д. 48. Л. 1.

¹²⁷³ Там же. Л. 2.

¹²⁷⁴ Там же. Л. 4

¹²⁷⁵ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 912. Т. 1. Л. 177.

¹²⁷⁶ ЦГА Москвы. Ф. 17. Оп. 104. Д. 42. Л. 1; Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве... С. 50.

начальнику М.П. Севастьянову, что именно он предложил эту идею своему бывшему сослуживцу по Туркестану А.А. Воронину¹²⁷⁷. Согласно донесению начальнику сводного отряда войск, действовавших против «мятежников», генерал-майору С.В. Дебешу 11 декабря, генерал-губернатор одобрил план такой выдачи, исходившую от одного из приставов¹²⁷⁸. Можно предположить, что данную идею могли представить Дубасову несколько разных лиц.

Так или иначе, но градоначальник условился с военным командованием о выдаче винтовок уже 12 числа¹²⁷⁹. Тогда же Малахов распорядился о снабжении оружием жандармов¹²⁸⁰. Имеются свидетельства, что у городских винтовки стали появляться уже 13-14 декабря¹²⁸¹. Но это дело потребовало времени: 15 декабря состоявший при градоначальнике подполковник Носков разослал экстренную телеграмму приставам и смотрителям полицейских домов, в которой требовал высылать к Арсеналу «через Троицкие ворота» городских «за получением винтовок и патронов по существующим теперь штатам» до 12 часов ночи¹²⁸². Очевидно, в условиях сохранения части баррикад и опасности обстрела дружинниками не всем участковым приставам удалось выслать «приемщиков», почему 16 декабря последовало распоряжение «дополучить ружья Арсенала¹²⁸³». Очевидно, именно тогда окончательно состоялось наделение городских долгожданнами ружьями. Подтверждает это и сообщение Бардина, который упоминал в записках о ночном походе в арсенал за ружьями и о последовавшем вскоре «начале...грозных дней в Пресне» (как следует из контекста, речь идет о решающем наступлении сил администрации на Пресненский район)¹²⁸⁴.

¹²⁷⁷ *Базилевич К.В.* Указ. соч. С. 232.

¹²⁷⁸ РГВИА. Ф.1606. Оп.1. Д.386. Л. 79.

¹²⁷⁹ Там же. Л. 91, 330.

¹²⁸⁰ *Сторожев В.Н.* Указ. соч. С. 110.

¹²⁸¹ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 90. Т. 1. Л. 91; *Левин К.Н.* Вооруженное восстание...С. 247; Москва в декабре 1905 г. ...С. 219.

¹²⁸² Там же. Ф. 475. Оп. 19. Д. 114. Л. 221.

¹²⁸³ Там же. Л. 226.

¹²⁸⁴ Декабрьское восстание 1905 г. глазами сотрудников...С. 186. Впрочем, дата наделения пресненских городских ружьями еще нуждается в уточнении: согласно записке С.Светликовской, фельдшерицы лазарета Прохоровской мануфактуры для раненых в Маньчжурии солдат, 12-13 декабря лазарет обстреливался ружейным огнем из Пресненского полицейского дома (*Сторожев В.Н.* Указ. соч. С. 118-121).

Насколько полно удалось власти удовлетворить потребности исполнителей своих распоряжений в оружии? К сожалению, табели о его выдаче нам обнаружить не удалось. Зато в телеграмме Носкова имеется указание на выдачу ружей и патронов «по штату». Кроме того, 20 декабря за его же подписью была отправлена новая телеграмма с запросом о том, сколько получено приставами винтовок. Ответ пристава 1 участка Рогожской части гласил — 63¹²⁸⁵. Учитывая, что штат этого участка составлял 43 человека, степень обеспеченности винтовками была довольно хорошей (хотя не стоит забывать, что они выдавались и ночным сторожам)¹²⁸⁶. И хотя подобных ответов в делах, относящихся к другим полицейским участкам, нам обнаружить не удалось¹²⁸⁷, ряд источников позволяет говорить, что вооружение позволило во многом изменить ситуацию к лучшему для местного начальства.

Так, пристав Ползиков упоминает, что после получения винтовок «деятельность революционеров значительно ослабела», так как «появилась возможность высылать патрули¹²⁸⁸». Восторженной была реакция Бардина и его товарищей: «Ружья привезены и сейчас же розданы на руки, патронов выдали без счета, и нельзя представить себе той радости, которой был охвачен наш гарнизон» (хотя самостоятельно контроль над районом им восстановить не удалось)¹²⁸⁹.

Городское полицейское начальство довольно сильно беспокоилось о судьбе выданных винтовок и их рациональном использовании. 15 декабря барон Будберг распорядился, чтобы участковые приставы «внушили» городовым и ночным сторожам «не тратить патроны даром», а наоборот, беречь их, чтобы «каждый выстрел приносил действительный урон мятежникам¹²⁹⁰». Не всегда городовые и приставы придерживались этих

¹²⁸⁵ЦГА Москвы. Ф. 475. Оп. 19. Д. 114. Л. 236.

¹²⁸⁶Там же. Л. 222.

¹²⁸⁷Там же. Оп. 17. Д. 115, 286, 294, 497, 1090 а, 1132.

¹²⁸⁸ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 870. Л. 239 об.

¹²⁸⁹Декабрьское восстание 1905 г. глазами сотрудников... С. 186; Высший подъем... С. 768.

¹²⁹⁰ЦГА Москвы. Ф. 475. Оп. 19. Д. 114. Л. 222.

рекомендаций, примером чего может послужить уже упоминавшаяся нами бессмысленная стрельба в Оружейном переулке. 16 декабря подполковник Носков выслал распоряжение приставам, что те из них, кто «получил ружья укупоренными», обязаны «хранить укупорку» и передавать оружие в том же состоянии своим преемникам¹²⁹¹. В вопросе о сохранности оружия на полицейское начальство давили выдавшие его военные: 13 декабря начальник охраны Москвы генерал П.П. Яковлев в целях предотвращения отъема оружия у городских побуждал градоначальника «не допускать приближения» к ним и не ставить последних поодиночке¹²⁹².

Кроме того, производилось «снабжение» чинов полиции оружием, конфискованным у «мятежников». По данным записки, приобщенной к делам сенаторской ревизии, подобным образом было вооружено до 50 городских, хотя, как было отмечено в том же документе, полицейской страже приходилось довольствоваться револьверами «разного типа и калибра¹²⁹³.»

Таким образом, вооружение городских и сторожей, хотя и несколько запоздало, но оказало в целом благотворное влияние на их положение. Однако даже после выдачи винтовок полиция, очевидно, в силу своей малочисленности, не смогла превратиться в ведущую силу борьбы с восстанием. Так, в отчете градоначальника Медема генерал-губернатору Дубасову за 16 декабря упоминается о грабеже вагонов на «полотне Ярославской железной дороге» и констатируется, что «военной охраны нет¹²⁹⁴.» Очевидно, даже городские и ночные сторожа с винтовками не могли предотвратить это.

Наконец, полицейское начальство предприняло еще одну меру — создание добровольных дружин в помощь полиции. К сожалению, о реализации этого начинания можно говорить лишь в самых общих чертах по причине крайней скудости сведений в источниках.

¹²⁹¹ Там же. Л. 229.

¹²⁹² РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 386. Л. 110.

¹²⁹³ Декабрьское восстание 1905 г. глазами сотрудников... С. 182. См. также: Sanders J. Op. cit. P. 605.

¹²⁹⁴ Сторожев В.Н. Указ. соч. С. 125.

Поэтому (а также в силу идеологической ангажированности) в историографии наблюдается довольно размытое представление об этих формированиях. В.Н. Сторожев, ссылаясь на письмо начальника штаба МВО барона Е.А. Рауш фон Траубенберга Дубасову и анализируя приказ генерал-губернатора градоначальнику о повсеместном введении этого типа подразделений, считал, что подобная мера запоздала, поскольку Семеновский полк 15 декабря уже прибыл в Москву¹²⁹⁵. Его последователи (Н.Н. Яковлев и Н.В. Шатина) уже открыто писали, что мера предпринята не была ввиду опасения Дубасова перед неуправляемой силой дружин и прибытия гвардии в Первопрестольную.¹²⁹⁶

Согласно записке заведующего особым отделом Департамента полиции А.Н. Тимофеева, 8 декабря к Дубасову обратилась «депутация от народной охраны» (по всей видимости, от упоминавшейся выше добровольной охраны, бездействовавшей в конце октября-ноябре) с предложением своих услуг «по части окарауливания казенных и общественных зданий» для освобождения части войск¹²⁹⁷. В ночь с 9 на 10 декабря у генерал-губернатора состоялось совещание, на котором глава «Союза русских людей» князь А.Г. Щербатов выступил с инициативой создания добровольных дружин в помощь полиции. На это Дубасов выразил согласие, но, по воспоминаниям Джунковского, поставил условием, чтобы данная «милиция» набиралась из людей «с хорошей рекомендацией» и «действовала отнюдь не самостоятельно» (была подчинена участковым приставам)¹²⁹⁸.

Данное решение, по-видимому, было сообщено приставами населению. 11 декабря глава Сокольнического участка Ползиков обратился к Медему с телеграммой, в коей говорилось, что разрешение генерал-губернатора «принято большим количеством», а «завтра утром окончательное решение вопроса о количестве оружия». В связи с этим потенциальные добровольцы

¹²⁹⁵ Там же. С. 86.

¹²⁹⁶ Яковлев Н.Н. Указ. соч. С. 199-200; Шатина Н.В. Указ. соч. С. 130.

¹²⁹⁷ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 717. Л. 46 об.

¹²⁹⁸ Высший подъем... С. 698; Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 121.

ходатайствовали перед градоначальником о снабжении их ружьями и револьверами, за получение которых готовы были уплатить деньги¹²⁹⁹. В ответ на это заявление Медем сделал следующее распоряжение Охранному Отделению: «Запросить телеграммой приставов, какое оружие и в каком количестве желательно добр[овольной]. Охране¹³⁰⁰.» В тот же день, 11 декабря, в участки была направлена соответствующий запрос за подписью Петерсона¹³⁰¹.

На основании отзывов приставов в Охранном Отделении была составлена ведомость оружию, необходимому для вооружения городских, ночных сторожей и «добровольцев». Картина получалась следующая: потребность в вооружении для создания «милиции» выразили приставы 3 участка Суцевской части (запрашивалось 50 винтовок и 50 револьверов для 100 человек добровольцев Бутырского района), 2 участка Мясницкой части (72 револьвера для добровольцев), 4 участка Мещанской части (200 ружей, 300 револьверов и 200 кинжалов), 2 участка Пресненской части 40 револьверов и патронов для 40 человек)¹³⁰². Кроме того, 12 декабря к приставу 1 участка Суцевской части обратилась группа «владельцев торговых помещений и домохозяев» (П.П. Дмитриев, И.С. Кузнецов, А.П. Барков, Н.Е. Епанешников и др.), просивших «не отказать в выдаче» «необходимого оружия против воров и грабителей» (какого именно, указано не было)¹³⁰³. Это прошение было переслано в Охранное Отделение и сначала в ведомости было просто указано, что 14 лиц — владельцев торг[ово][(-)]пром[ышленных] заведений и домохозяев» - просят необходимое оружие¹³⁰⁴. Лишь во «второй редакции» появилась приписка, что требуется 200 винтовок¹³⁰⁵.

Итак, большой активности действовать под контролем население не проявило (выразили готовность жители всего 5 участков). Градоначальнику

¹²⁹⁹ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 870. Л. 41.

¹³⁰⁰Там же.

¹³⁰¹Там же. Л. 43.

¹³⁰²Там же. Л. 46.

¹³⁰³Там же. Л. 42.

¹³⁰⁴Там же. Л. 45.

¹³⁰⁵Там же. Л. 46.

приходили от приставов и сообщения и о том, что никаких добровольцев к главам участков не явилось¹³⁰⁶. Также запрашивались поистине астрономические количества оружия (как, например, Ползиковым), особенно на фоне бедственного состояния столичной полиции.

Как складывалась дальше судьба добровольных дружин? Известно, что в ряде участков они действительно были организованы. Либеральная газета «Право» сообщает при рассказе о событиях за 12 декабря о формировании и «работе» их при трех участках (правда, не сообщает, при каких именно)¹³⁰⁷. Указывает о наличии «вольных людей» и в своем отношении начальнику охраны Москвы генерал-лейтенанту П.П. Яковлеву от 13 декабря и начальник Штаба МВО барон Рауш фон Траубенберг¹³⁰⁸. Дружина была сформирована в Сокольническом участке (однако 11 декабря или после 16 — неясно, как мы увидим ниже)¹³⁰⁹. Упоминает о формировании дружины во 2 участке Рогожской части Медем в донесении генерал-губернатору от 16 декабря¹³¹⁰. (Очевидно, она была создана в это время, так как в своем донесении от 14 декабря исполнявший обязанности пристава данного участка Переспелов ничего не упоминает о добровольцах)¹³¹¹. Довольно спорным был статус вооруженной охраны, созданной в 1 участке Хамовнической части (в чем принимали активное участие А.К. Жиро и А.С. Шмаков. В своем объявлении обывателям председатель «комиссии по безопасности нашего участка» Шмаков указывал, что данный орган призван образовать охрану «с разрешения Г. Генерал-Губернатора» и «под командованием офицера» (очевидно, полиции — М.А.). В выступлении на заседании городской Думы он заявлял, что его проект был одобрен самим генерал-губернатором¹³¹². В то же время на заседании «Гражданского Совета» Дубасов заявил, что об организации охраны в Хамовнической части (приобретшей дурную славу) ему ничего не известно;

¹³⁰⁶ Там же. Д. 912. Т. 1. Л. 177; ЦГА Москвы. Ф. 475. Оп. 19. Д. 114. Л. 209.

¹³⁰⁷ Высший подъем... С. 702.

¹³⁰⁸ *Сторожев В.Н.* Указ. соч. С. 112.

¹³⁰⁹ ЦГА Москвы. Ф. 475. Оп. 17. Д. 294. Л. 188-188 об.

¹³¹⁰ Там же. Ф. 16. Оп. 237. Д. 90. Т. 1. Л. 72 об.

¹³¹¹ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 912. Т. 1. Л. 227.

¹³¹² Стенографические отчеты... С. 1008-1009; ЦГА Москвы. Ф. 179. Оп. 3. Д. 2333. Л. 42.

а он одобрял такую охрану, которая состоит из дежурящих поочередно обывателей и не имеет оружия¹³¹³.

Вероятно, желаемого вооружения добровольцы так и не получили. Постановления о наделении их оружием нам обнаружить так и не удалось. Лишь в сборнике «Москва в декабре 1905 г.» описывается шествие дружины по Тверской, вооруженной берданками, численностью в 38-40 человек во главе с переодетым городовым¹³¹⁴. Однако эта запись явно не позволяет говорить о повсеместном вооружении добровольцев.

Видимо, именно недостаток оружия стал одной из причин того, почему дружины так слабо проявили себя в дни восстания (а не только руководство со стороны полиции, на что указывал Джунковский)¹³¹⁵. Сыграла свою роль и отмеченная малая инициативность московского населения в данном направлении, происходящая из вероятной деморализации многих обывателей проявлениями революционной стихии и трудности для скованной борьбой с революционерами полицейской службы установить контакт с населением в этом деле.

Поэтому дружинники, судя по сохранившимся свидетельствам, либо бездействовали, либо выполняли подсобные функции. По словам специального корреспондента газеты «Молва» В.И. Климкова, «пресловутая Щербатовская дружина «русских людей» ограничила свою деятельность только двумя молебнами¹³¹⁶.» Благодаря выступлению гласного городской Думы, члена кадетской партии М.В. Челнокова шмаковская дружина «прославилась» фактом приставания «детины-милиционера» к «мирно идущей барышне¹³¹⁷.» По сообщению пристава Сокольнического участка Ползикова, ввиду неудачи городских и околоточных разобрать баррикады, он отправил на это дело «охотников», которые, правда, попали под огонь революционеров

¹³¹³Русский Листок. № 338. 17 декабря 1905 г.

¹³¹⁴Москва в декабре 1905 г. ...С. 110.

¹³¹⁵Джунковский В.Ф. Указ. соч. С.121.

¹³¹⁶Климков Василий. Расправы и расстрелы...С. 17.

¹³¹⁷Там же. С. 30.

(при этом далеко не факт, что речь идет о дружинниках)¹³¹⁸. 16 декабря пристав 2 участка Рогожской части сумел с помощью «сформированной дружины» также разобрать баррикады¹³¹⁹.

На большее добровольцев, по-видимому, не хватало. Так, желание военных привлечь их для помощи войскам оказалось тщетным. 10 декабря, узнав от присланного на совещание в штаб округа Дубасовым «подполковника» о формировании дружин, которые могут выступить в помощь войскам, барон Рауш сообщил в письме генерал-губернатору, что их содействие могло бы выразиться в разборке баррикад «в тылу тех войск, которые ими овладеют». При этом начальник штаба выражал опасение, как военные смогут отделить помощников от «демонстрантов», не помешают ли дружинники войскам и не пострадают ли сами¹³²⁰. Позже (судя по всему, 13 числа) барон просил, по всей видимости, начальника отряда в городском манеже полковника А.А. Зурова, добиться либо у генерал-губернатора, либо у «полицеймейстера» выделения «вооруженных дружин» для разборки баррикад. От полиции Зуров получил ответ, что дружины находятся «в участке», и выражение сомнения, что они могут чем-то помочь военным¹³²¹. 13 же числа Рауш известил генерала Дебеша, что «вольные люди... вряд ли могут прийти» и «вполне можно обойтись без них¹³²²». Следовательно, либо служба правопорядка не хотела «делиться» добровольцами, либо те по своей малочисленности и плохой вооруженности не были в состоянии содействовать армейским частям.

Между тем, московская власть предприняла вторую попытку придать делу организации добровольных дружин всеобщий характер. 15 декабря Дубасов обратился к Медему с распоряжением, по сути дублирующим его указания, данные ранее в устной форме князю Щербатову. «Относясь весьма сочувственно» к «похвальному намерению» ряда обывателей оказать помощь

¹³¹⁸ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 870. Л. 239.

¹³¹⁹ Сторожев В.Н. Указ. соч. С. 125.

¹³²⁰ Там же. С. 86.

¹³²¹ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 386. Л. 102.

¹³²² Сторожев В.Н. Указ. соч. С. 112.

власти, генерал-губернатор предъявлял весьма жесткие требования к добровольцам: отбор наиболее благонадежных кандидатов, полное подчинение местной полиции, снабжение ограниченным набором оружия (револьверами и резиновыми палками, которые дружинники имели право пускать в ход лишь «по указанию полиции или для самообороны»). Более того, во избежание недоразумений участковые приставы были обязаны выдавать добровольцам свидетельства на право ношения оружия¹³²³. 16 декабря Медем повелел циркулярно разослать это повеление всем главам участков¹³²⁴.

Вопреки утвердившемуся в историографии мнению, такие дружины действительно создавались. 24 декабря градоначальник разослал приставам дополнительную инструкцию по их формированию, которая, помимо всего прочего, извещала, что дружинникам надлежит «по распоряжению пристава» заступать на посты, а также участвовать в дневных и ночных обходах¹³²⁵.

Другое дело, что сами обыватели не особенно откликались на призыв администрации. 19 декабря пристав Петровско-Разумовского участка Яковлев направил Медему ответ на циркуляр от 16 декабря, в котором указывал, что по данному вопросу он разговаривал с местными обывателями, которые явно опасались вступать в открытую схватку с революционерами «в виду возбужденного состояния студентов Московского Сельско-Хозяйственного Института, кот[орые] все вооружены револьверами и ружьями», почему «образование дружины является крайне опасным и нежелательным». На данном документе Медем поставил язвительную резолюцию: «Ничего нежелательного! Ведь в спокойные времена добровольцев и не требуется!»¹³²⁶.

Нам удалось найти упоминание об успешной организации дружины только в Сокольническом участке (нельзя утверждать, что она не была создана там ранее). Так или иначе, 5 января пристав Ползиков отправил градоначальнику список дружинников из 11 лиц, желавших получить

¹³²³ЦГА Москвы. Ф. 475. Оп. 17. Д. 115. Л. 149-149 об.

¹³²⁴Там же. Л. 150.

¹³²⁵Там же Д. 294. Л. 192.

¹³²⁶ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 785. Л. 589.

револьверы или резиновые палки. По своему социальному составу эти люди принадлежали в основном к домовладельцам, управляющим домами и торговцам¹³²⁷. То ли к январю власть перестала нуждаться в данной силе, то ли лица, указанные в списке, не внушили доверия в канцелярии градоначальства, но 11 января 1906 г. в выдаче оружия им было отказано¹³²⁸.

Бурную деятельность по формированию «охраны» развернулась в Пречистенской части. Ссылаясь на разрешение генерал-губернатора, Совет домовладельцев и квартирнанимателей 2 участка данного подразделения 16 декабря принял решение об организации «правильной самозащиты из людей верных и безусловно преданных делу ВОССТАНОВЛЕНИЯ НАРУЖНОГО ПОРЯДКА». Для этой цели Совет наметил «необходимые средства», избрал казначеем старшину ремесленников и активиста «черносотенцев» И.А. Александрова и призвал вносить ему добровольные пожертвования, обещая в будущем определить сумму месячного взноса. Вскоре появилось дополнение к данному «приглашению», в коем извещалось о решении Совета нанять 160 платных «сторожей» «для охраны всего участка для несения постоянной постовой службы». Набирать их предполагалось «преимущественно из нижних чинов запаса» по рекомендации пристава и самих домовладельцев и квартирнанимателей, общая сумма содержания (плата за службу и оружие) определялась в 6000 рублей (предполагалось, что с разрешения пристава к «охране» мог присоединиться любой желающий). Вооружены они должны были быть исключительно револьверами (как и предписывал Дубасов) и подконтрольны полиции¹³²⁹. Как видим, «ревнители порядка» из Пречистенской части решили возложить на население оплату вооружения охранников. Дальнейший процесс набора «добровольцев» происходил противоречиво. Согласно дополнению к «приглашению», уже в первый день якобы удалось собрать 1000 рублей¹³³⁰. Однако дело шло не гладко: либерально

¹³²⁷ ЦГА Москвы. Ф. 475. Оп. 17. Д. 294. Л. 188-188 об.

¹³²⁸ Там же. Л. 187.

¹³²⁹ ЦГА Москвы. Ф. 179. Оп. 3. Д. 2333. Л. 40.

¹³³⁰ Там же.

мыслящие обыватели встретили затею Совета с недоверием. 20 декабря с жалобой в городскую Думу обратился профессор Московского университета П.И. Дьяков, заявлявший о своей неосведомленности о создании органа «домовладельцев и квартирнанимателей» и протестовавший против нового «вида налога¹³³¹.» Либеральный гласный М.В. Челноков сообщил 31 декабря городскому голове, что казначей Александров продолжал сбор денег, причем «очень настойчиво», что вызвало недовольство «квартиранта дома в Ниж[нем] Песковском переулке¹³³².» Из данных фактов следует, что часть обывателей не хотела принимать на себя расходы по содержанию дружин, где таковые требовались.

Таким образом, и на завершающем этапе восстания в силу деморализации обывателей и их нежелания нести лишние расходы (где таковые требовались) добровольные дружины так и не превратились в силу, которая могла бы сыграть видную роль в борьбе с восстанием. Справедливости ради надо отметить, что, по словам осведомленной графини Е.Л. Камаровской, некоторые «раскаявшиеся» рабочие просили зачислить их в «городскую милицию». Автор дневника сообщает о том, что добровольцев было «более 300 ч[еловек]» (непонятно до конца, идет ли речь о всей Москве или о Пречистенской части, где действовал Александров).¹³³³

Таким образом, попытки экстренного улучшения состояния полицейских сил Первопрестольной сталкивались с дезорганизацией административного аппарата и пассивностью населения, не желавшего рисковать жизнью или нести лишние расходы, а порой – с загруженностью канцелярий и медлительным механизмом согласования решений в Петербурге. В результате предпринятые меры имели ограниченный характер (самыми успешными следует признать вооружение полицейских и пополнение их числа за счет ночных сторожей). В свете указанных проблем ряд замыслов нового главы Первопрестольной – генерал-губернатора Дубасова – был утопией (массовый

¹³³¹ Там же. Л. 44.

¹³³² Там же. Л. 217.

¹³³³ Записки графини Е.Л. Камаровской...С. 88.

наем городских-профессионалов, увеличение числа ночных сторожей на 2000 человек). В деле создания добровольных дружин власть сама несколько испортила дело стремлением к бдительному контролю. В силу данных обстоятельств административный аппарат так и не смог стать мощной силой в борьбе с революционерами.

Важным компонентом борьбы с «мятежом» стал комплекс мер, предпринятых властью в рамках режима «чрезвычайной охраны».

7 декабря 1905 г. в связи с началом железнодорожной забастовки Дубасов объявил Москву на положении чрезвычайной охраны¹³³⁴. Сделал он это на основании Высочайшего указа Правительствующему Сенату от 29 ноября, позволявшего местным властям вводить во вверенных им регионах данный режим в случае железнодорожных и почтово-телеграфных забастовок¹³³⁵. Однако, как заметил В.Н. Сторожев, данное распоряжение было сделано на основании еще не опубликованного указа: широкая публика ничего о нем не знала¹³³⁶. Поэтому введение режима чрезвычайной охраны без всяких, как казалось населению, правовых оснований, вызвало недовольство, по свидетельству К.Н. Левина, даже «буржуазии», возмущавшейся попранием законности¹³³⁷.

Более того, уже тогда далеко не до всех москвичей доходила верная информация о предпринимаемых властью мерах. Так, Л.А. Тихомиров записал в дневнике 7 декабря, что, по слухам, объявлено военное положение, и только некоторое время с помощью телеграфного агенства получил информацию, что «объявлена чрезвычайная охрана (подчеркнуто в источнике— М.А.), но что есть слухи о военном положении, и они ждут ночью известия об этом». На подобные противоречивые сообщения знаменитый консерватор отреагировал в присущей ему экспрессивной манере, на данный момент отражающей суть

¹³³⁴Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании...С. 42.

¹³³⁵Там же.

¹³³⁶Сторожев В.Н. Указ. соч. С. 81.

¹³³⁷Левин К.Н. Вооруженное восстание...С. 235.

ситуации: «Пустые слова!¹³³⁸».» Семья Е.Л. Камаровской узнала о новом порядке от знакомых, которым «по телефону говорят из губернаторского дома»; сами расклеенные объявления графиня увидела только на следующее утро¹³³⁹.»

Конкретным содержанием (помимо арестов) режим чрезвычайной охраны стал наполняться лишь четыре дня спустя, в момент наибольшего обострения ситуации в Москве.

11 числа было выпущено распоряжение, предписывавшее домовладельцев и «заведывавших домами» запиравать «наружные ворота» и «принимать все... меры», чтобы «из окон, дверей, ворот и крыш» их домов не производилось стрельбы и бросания «взрывчатых веществ». Виновных в неисполнении подобного предписания, вне зависимости от их способности или желания предотвратить подобное нарушение порядка ждал штраф в 3000 рублей или арест на три месяца. Вступить в силу данное постановление должно было со дня опубликования, т. е. с 11 декабря. На имущество же квартирантов, из окон которых производилась стрельба или метание бомб, накладывался арест¹³⁴⁰.

12 декабря Дубасов выпустил постановление, воспрещавшее в местах, «где прекращено освещение» с наступлением темноты «открывать форточки или окна, обращенные на улицы», стекла же должно было завешивать. Вводился своеобразный комендантский час: с 9 часов вечера до 7 часа всем лицам, кроме должностных при исполнении обязанностей, запрещалось выходить на улицу. Виновные же подвергались той же каре, что была обозначена в предыдущем постановлении¹³⁴¹.

Еще более суровым был комплекс «охранительных мер», обнародованный в тот же день (формально Дубасов определял этот документ

¹³³⁸ Дневник Л.А. Тихомирова...С. 169.

¹³³⁹ Записки графини Е.Л. Камаровской...С. 71-72.

¹³⁴⁰ *Сторожев В.Н.* Указ. соч. С. 89-90; Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании...С. 48.

¹³⁴¹ *Революция без ретуши*...С. 446-447; Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании...С. 50.

как «объявление» или «воззвание»¹³⁴²», но фактически это был перечень новых обязательных постановлений). Во-первых, все, кто появлялся на улице позже 6 часов, должны были подвергаться обыску, а в случае наличия оружия без надлежащего на него разрешения, – аресту и взысканиям в силу подлежащего обязательного постановления. Во-вторых, против групп более трех человек (поскольку таковые «всегда являются прикрытием для мятежников») войсковые патрули могли смело применять оружие. В-третьих, ставились преграды деятельности чрезвычайно распространившихся в те дни санитарных пунктов и отрядов, часто оказывавших помощь и революционерам. Если подобные организации действовали «в соучастии с мятежом», их членов надлежало задерживать и подвергать «законному преследованию», а если они «сами действуют оружием» (уверялось, что «такие случаи уже установлены») или «смешиваются с мятежнической толпой», то им грозил обстрел. (В телефонном разговоре с управляющим МВД Дубасов куда лаконичнее выразил суть распоряжения: «Образовали Красный Крест, я объявил, что будут расстреливать»)¹³⁴³. Наконец, суровые кары (согласно закону) обещались за порчу телеграфа и телеграфных столбов (излюбленного материала для строительства баррикад): «лишение всех особенных прав», «заключение в арестантские отделения», «лишение всех прав состояния», «ссылка в каторжные работы», «в особенных случаях даже смертная казнь», причем «при затруднительности и... невозможности задержания таких преступников» войскам разрешалось открывать огонь¹³⁴⁴.

Наконец, с подачи градоначальника 13 декабря было издано постановление, запрещающее все «народные, общественные и частные собрания», кроме заседаний «правительственных, городских и земских учреждений»¹³⁴⁵.

Согласно свидетельствам ряда москвичей, распоряжения, впоследствии

¹³⁴²Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании...С. 50; РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 448. Л. 14.

¹³⁴³Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании...С. 51.

¹³⁴⁴Революция без ретуши...С. 448; Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании...С. 50.

¹³⁴⁵Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании...С. 52.

зафиксированные в данных «афишах» (например, о закрытии ворот), стали отдаваться властями еще 10 декабря, следовательно, генерал-губернатор официально оформил наметившуюся практику¹³⁴⁶.

Дополнением к репрессивным постановлениям стали специальные воззвания вице-адмирала к населению, появившиеся 12, 16 и 21 декабря.

Первое объявление открывалось пространным изложением причин и хода текущих событий. По Дубасову, несмотря на предоставление Манифестом 17 октября «широких свобод», позволявших «всем благомыслящим и преданным своей родине людям» заняться обновлением государственного строя, «представители крайних политических учений, подчинив себе людей слабых и порочных» прервали этот благотворный процесс с целью ниспровергнуть существующий порядок (далее перечислялись проявления их деструктивной деятельности). При этом Дубасов начисто отказывал «мятежу» в объективных причинах и всецело относил его на счет левых радикалов и их приверженцев, представленных носителями явно не похвальных моральных качеств (что должно было скомпрометировать дружинников в глазах населения). Генерал-губернатор подробно перечислял «злодеяния» дружинников: сопротивление в доме Фидлера, стрельба из засад по чинам войск и полиции (в результате чего, как особо отмечалось, несколько из них было убито и ранено), порча городского имущества в результате строительства баррикад (в том числе телеграфа, что прекратило его действие). Подобные методы борьбы в глазах Дубасова вполне оправдывали привлечение к подавлению «мятежа» «вооруженной силы» и принятие «строгих карательных мер», для реализации коих и было введено чрезвычайное положение. Воззвание также было должно укрепить в сознании москвичей мысль о стойкости и успешности действий войск: «несмотря на всевозможные затруднения, созданные забастовками и между прочим на отсутствие освещения», солдатам, которые «всюду доблестно исполнили и продолжают исполнять свой воинский долг», удалось «всюду» сорвать «наступательные

¹³⁴⁶ Декабрьские дни 1905 г. в Москве. ...С. 5; Пресня в декабре 1905 г. ...С. 205.

замыслы» «мятежников». Очевидно, Дубасов понимал, что излишняя бравадность вызовет недоверие читателей и спешил оговориться, что «главари и вдохновители мятежа ускользают от захвата». Но при этом его прогноз борьбы с восстанием был чрезвычайно оптимистичен: «Этими мерами мятежническое движение, несомненно, будет подавлено».

Далее генерал-губернатор переходил к непосредственным призывам к московскому населению. Констатируя, что «продолжительность периода» восстания «будет много зависеть» от поведения москвичей, он требовал от них «открытого осуждения ...словом и делом» «мятежников», «смелого преследования всякого преступного действия», отказа от «всякой слабости, безучастности или колебания», которые могут вселить в сердца революционеров надежду на победу. И далее глава Первопрестольной излагал более конкретные предложения: «идти за одно с властями», исполняя все обязательные постановления («как объявленные, так и имеющие быть объявленными»), немедленно прекратив все забастовки и вернувшись к «правильным занятиям в учреждениях Государственных, общественных, торгово-промышленных и всех других», всячески оказывая содействие войскам и полиции и «восставая против всяких насильственных и преступных действий мятежников», обращаясь за «в случае надобности» к тем же властям. При соблюдении этих условий «главным начальником» Первопрестольной гарантировалось скорое восстановление порядка¹³⁴⁷.

Следующее обращение генерал-губернатора к москвичам появилось 16 декабря, в уже других условиях: в ходе восстания произошел решительный перелом в пользу власти; оставались лишь отдельные «очаги» «мятежа» (типа Пресни и Казанской дороги), происходили и случаи выстрелов из частных домов и нападений на полицию и войска. К этому времени также вполне проявились недостатки действия изданных обязательных постановлений и произошли изменения в тактике войск.

Поэтому перед генералом-губернатором вставала задача оповестить

¹³⁴⁷ Адмирал Ф.В. Дубасов - палач или человек чести? С. 446-448.

население не только о своих стратегических планах, но и о трансформации карательных мер. Поэтому первая часть нового воззвания гласила, что в условиях «наводнения» центра Москвы мобильными группами революционеров, «стреляющими в полицию и войска из засад и из-за углов и быстро скрывающимися через переулки, открывая ворота домов и другие проходы», власть приняла решение о расширении действия обязательного постановления от 12 декабря (отныне было предписано закрывать не только ворота и двери, но и чердачные и подвальные помещения), а также о массовом производстве обысков домов, откуда был сделан выстрел, причем обыватели приглашались оказывать полицейским «полное содействие». Но кроме этих конкретных распоряжений (роднящих воззвание со специальными постановлениями) содержались в его тексте и сюжеты, связанные с изложением истории «мятежа» и планов власти. Сообщалось о переломе в ходе конфликта и его локализации (в частности, о поражениях «действий массами» восставших и вытеснении их на окраины города), Продолжил Дубасов и вести линию на создание у читателей крайне отталкивающего образа революционера, чему должны были послужить такие эпитеты, как «безумная борьба мятежников», «предательский образ действий». Наконец, в специально выделенной второй части воззвания можно было прочесть информацию о прибытии в Первопрестольную подкреплений и об оперативной отдаче генерал-губернатором приказов об очищении города от оставшихся «революционных очагов». Таким образом, из данного сообщения москвичи должны были вынести уверенность в неизбежной и скорой победе правительственных сил, мирные жители – в возвращении порядка, революционеры – в неминуемом своем поражении¹³⁴⁸.

Объявление же генерал-губернатора от 21 декабря появилось в обстановке окончания «зачистки» города от предполагаемых революционеров. Между тем, слухи о кровавых экзекуциях прибывшего в Москву Семеновского

¹³⁴⁸Революция без ретуши... С. 456.

полка широко распространялись даже во вполне благонамеренной среде¹³⁴⁹. Подобные «толки», бесспорно, сильно подрывали авторитет власти, и Дубасов поспешил представить населению собственную версию ликвидации последних «очагов» восстания – занятия Курской и Казанской железных дорог и особенно «зачистки» Пресни. Глава Первопрестольной стремился придать действиям войск более оправданный и респектабельный характер. Так, спальни холостых рабочих Прохоровской мануфактуры, судя по тексту, были якобы «обречены на уничтожение артиллерийским огнем» (хотя позиция Дубасова в этом вопросе не была столь однозначной: как мы увидим, в случае бегства «мятежников» он категорически выступал против расстрела зданий), при подготовке плана операции были предприняты «все меры предохранения» жизни и имущества мирных обывателей (что не соответствовало действительности – «зачистка» района сопровождалась жертвами во время «операции» и разрушением многих «нейтральных» зданий, например, построек Зоологического сада) и т.д.¹³⁵⁰. Исходя из подобной логики, глава Первопрестольной не включил в текст обращения рассказы об убийствах «мятежников» (даже если и был осведомлен о них), упоминая лишь о задержании многих «руководителей и главарей». Учитывая начавшуюся широкую арестную кампанию, Дубасов давал знать населению, «самые непримиримые и озлобленные бойцы» еще продолжают свою «преступную борьбу», вследствие чего ему пришлось отдать приказ произвести к Рождеству оцепление и обыски «всех кварталов столицы» (чему обыватели вновь призывались «особенно благотворно» содействовать). Однако вице-адмирал не мог не коснуться широко распространившихся слухов о массовых расправах. Сделал он это своеобразно, по сути придав вопросу политический характер: сообщение газетами сведений, «желающих опорочить» действия войск, трактовались вице-адмиралом как стремление «подорвать доверие к армии и разбить ту связь ее с обществом и народом, которая всегда являлась источником военного могущества нашей Родины». После такого заявления

¹³⁴⁹ Записки графини Е.Л. Камаровской...С. 89, 90.

¹³⁵⁰ Первая революция в России...С. 373; Записки графини Е.Л. Камаровской...С. 87-88.

вполне логичным был пассаж, что прибегать к опровержению ниже «достоинства войск и представителя той власти, коей они призваны к действию». Однако ограничиться данной сентенцией было недостаточно, и вице-адмирал перешел в сферу морали и долга: заявляя, что каждый военнослужащий в текущих «беспримерных обстоятельствах» оказывается перед такой острой дилеммой между «высоким долгом и чувством родства» к повстанцам, Дубасов констатировал совершенную невозможность сохранения самообладания в такой ситуации. После этого несколько туманного утверждения следовало категорическое заявление, что генерал-губернатор «ни в одном из самых суровых действий войск» не усматривает нарушение границ «воинского долга и присяги¹³⁵¹». Следовательно, Дубасов закрывал для московского населения обсуждение темы невинных жертв в ходе подавления восстания. Более того, генерал-губернатор добился, чтобы его воззвание приобрело характер официального сообщения о подавлении «мятежа»: 22 декабря оно было перепечатано в «Правительственном вестнике¹³⁵²».

Таким образом, возвания генерал-губернатора к московскому населению служили преимущественно средством агитации и пропаганды. Путем изложения текущих событий под углом, выгодным власти, планировалось внушить населению идеи о вредоносной сути революционного движения, неизбежности победы правительственных сил и призвать его сплотиться вокруг администрации. Как видно, при их составлении вице-адмирал проявлял определенную гибкость (обвинял «мятежников» не только в измене престолу и Отечеству, но и в срыве либерализации режима, что могло расположить к власти население города, придерживавшееся умеренно-либеральных взглядов). Вполне возможно, что факты, сообщаемые в выгодной властям интерпретации, использовались и для деморализации революционеров. В текстах возваний публиковались и дополнения к обязательным постановлениям (вообще грань между этими двумя видами

¹³⁵¹Сторожев В.Н. Указ. соч. С. 92-96.

¹³⁵²Адмирал Ф.В. Дубасов - палач или человек чести? С. 464-469.

«обращений» к населению была весьма тонкой).

В какой степени Дубасов лично был вовлечен в процесс создания постановлений и обращений? Для ответа необходимо обратиться к материалам его личного фонда и документам генерал-губернаторской канцелярии.

Анализ отложившихся там черновиков данных документов (особенно воззваний) позволяет утверждать, что их создание было личной инициативой генерал-губернатора, кропотливо работавшего над их текстом. Для профессионального моряка составление письменных обращений и приказов к населению было нелегкой задачей: сохранившееся бумаги пестрят многочисленными исправлениями, судя по всему, отнимавшими у автора немало времени¹³⁵³. На этом фоне выделяется судьба воззвания от 16 декабря: судя по бумагам из личного фонда Дубасова, он начал работу над ним накануне, 15 числа¹³⁵⁴. Следовательно, «главный начальник» Первопрестольной подходил к этому процессу с большой серьезностью: сохранилось два черновых варианта вышеупомянутого объявления от 16 декабря, принадлежащих перу самого вице-адмирала (соответственно за 15 и 16 число), рукописный текст, составленный, очевидно, в канцелярии генерал-губернатора и испещренный его исправлениями, и, по всей видимости, белой канцелярский текст с минимальной правкой¹³⁵⁵.

Каковы были вносимые Дубасовым исправления? Значительная часть их действительно имела чисто редакционный характер¹³⁵⁶. Но встречались и серьезные смысловые исправления.

Так, в бумагах Дубасова сохранился недатированный, но, очевидно, первоначальный текст воззвания от 12 декабря. В целом сходный по основному содержанию с окончательным вариантом, он разительно отличается от него по интонации. Прелюдий на тему нарушенных свобод не было, зато сразу же обозначались обвинения в адрес «горсти мятежников, успевшей

¹³⁵³РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 448. Л. 5-9 об., 11-12, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23 об.-24.

¹³⁵⁴Там же. Л. 23 об., 17.

¹³⁵⁵Там же. Л. 13-13 а, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23 об., 24, 25.

¹³⁵⁶Там же. Л. 5-5 об., 20.

подчинить себе людей слабых и порочных» (любопытно, что автор отверг изначальное выражение «часть наших граждан», вероятно, из-за боязни вызвать сочувствие к последователям революционеров) и «удерживающей» москвичей в страхе, что делает «спокойную мирную жизнь невозможной» (характерно, что усиливающие эффект эпитеты – «постоянном страхе», «совершенно невозможной» – были генерал-губернатором вычеркнуты, возможно, как усиливающие впечатление о негативном влиянии «мятежа» на настроения в Первопрестольной). Кратко упомянув о забастовках железных дорог, городских учреждений (вновь сталкиваемся с занятным примером редакции вице-адмирала, пекущегося об авторитете администрации в глазах москвичей: прилагательное «многих» перед сочетаниями «городских учреждений» заменено на «некоторых»), «уличных беспорядках», генерал-губернатор заявлял, что «настойчивость» революционеров в этих делах «неспособна изменить predetermined им участи» (т. е. неминуемого поражения), и «всякий новый вызов с их стороны» лишь усилит кары со стороны власти (тут Дубасов упоминал о введении чрезвычайной охраны и «некоторых мер, выражающих это положение», и извещал о принятии «в том же направлении» «дальнейших мер», призванных «сломить» сопротивление «крамольников»). Обращаясь же к мирному населению, генерал-губернатор предостерегал его «от всяких проявлений уступчивости» к «мятежникам», осудил какое-либо оправдание москвичами их действий¹³⁵⁷.

Из разобранного текста видно направление дальнейшей работы Дубасова над ним. Первоначальный вариант менее конкретен, содержит меньше фактов, относившихся к событиям текущих дней, и четких положительных рекомендаций (вроде следования обязательным постановлениям, содействия представителям власти, прекращения забастовок). Как представляется, в первоначальном варианте генерал-губернатор еще не определил конкретного адресата своего послания: в нем явно прослеживаются угрозы страшных кар революционерам в случае

¹³⁵⁷ Там же. Л. 11-12.

продолжения последними борьбы, тогда как в итоговом тексте главное внимание уделено нейтральному населению (этим, на наш взгляд, продиктованы вставки типа зачина про нарушение «подстрекателями» Манифеста 17 октября). Можно заключить, что, более тщательно изучив обстановку и выработав программу административных мер против повстанцев, Дубасов поставил себе задачей бороться за лояльность нейтральных обывателей, а на революционеров воздействовать в скрытой форме – путем сообщения об успехах администрации. Любопытной чертой редактуры вице-адмирала представляется стремление выбирать выражения, работавшие на формирование у читателей представлений о силе и предстоящей победе власти, аморальности и обреченности «мятежников».

Особенно показателен в этом отношении поиск им наиболее доверительной тональности общения с жителями Первопрестольной во второй редакции черновика воззвания от 12 декабря. Первоначально Дубасов воспользовался привычным языком административных распоряжений: «приказываю». Однако, посчитав, что такая форма слишком официальна и категорична для его положения, он заменил ее на «обращаюсь с призывом». Но потом, очевидно, обнаружив, что подобное выражение может свидетельствовать о слабости власти, вице-адмирал остановился на «призываю¹³⁵⁸». Не остались без правок и непосредственные предписания для населения. Первоначально Дубасов «призывал всех сторонников порядка теперь же явиться на службу или работу», а противящихся этому – «уволить от службы и занятий, и заменить другими». Вполне возможно, что при размышлении над этим обращением вице-адмирал осознал, что частично оно дублировало предыдущее требование («прекратить все виды забастовок частных и общих»), а кроме того – было слишком жестким и могло сыграть на руку революционной пропаганде, вследствие чего и заменил этот пассаж на призыв содействовать полиции и войскам¹³⁵⁹.

¹³⁵⁸Там же. Л. 8 об.

¹³⁵⁹Там же. Л. 9.

Дубасов в работе над воззваниями проявил готовность оперативно реагировать на обстановку, что сказалось на структуре объявления от 16 декабря. Как и в итоговом тексте, в версии от 15 числа Дубасов разбил текст на два раздела, однако второй содержал лишь одну фразу – «Об отрядах медицинской помощи¹³⁶⁰». Во втором черновике, помимо наполнения текста конкретикой¹³⁶¹, кардинально изменено проектируемое содержание второй части: вместо объявления о санитарных отрядах москвичей ждало эффектное сообщение о прибытии в Первопрестольную подкреплений и отдаче генерал-губернатором приказаний о немедленной «зачистке» последних оплотов восстания. По зрелом размышлении вице-адмирал предпочел весьма рискованному повествованию об организации медицинской помощи (судя по его отношению к вопросу, оно вряд ли бы вызвало восторг у обывателей) новость о кардинальном увеличении боевого потенциала администрации, что должно было способствовать не только успокоению «нейтральных жителей», но и падению духа революционеров (генерал-губернатор заявил, что прибытие новых полков «дает усиление Московского гарнизона втрое», но затем решил, что подобная информация слишком секретна для широкой публики и поспешил вымарать этот пассаж)¹³⁶².

Таким образом, разбор черновиков воззваний вице-адмирала к населению Москвы в период восстания позволяет утверждать, что Дубасов скрупулезно работал над текстами своих «афиш», внося многочисленные смысловые исправления, порой довольно сильно корректировавшие первоначальный замысел. Направленность этой редакции заключалась в стремлении подобрать такую форму объявлений, которая бы убеждала обывателей в силе и справедливости администрации, демонстрировала аморальность и беспочвенность повстанцев, а также вызывала бы доверие москвичей достаточно различных убеждений (отсюда стремление Дубасова не допустить создания представления о чрезмерной жестокости или слабости

¹³⁶⁰ Там же. Л. 17.

¹³⁶¹ Там же. Л. 19, 20

¹³⁶² Там же. Л. 24.

власти). Возможно, одной из целей корректуры генерал-губернатора была деморализация революционеров с помощью тщательно подобранных фраз и фактов об успехах правительственных сил.

Пристальное внимание Дубасов уделял и текстам репрессивных постановлений. Серьезную работу генерал-губернатор проделал над «охранительными мерами» 12 декабря. Первоначальный черновик объявления включал упоминания о введении комендантского часа, необходимости занавешивать окна и закрывать форточки, об обысках прохожих после 6 часов вечера. Однако при работе над текстом он нашел необходимым добавить обязательное постановление о преследовании «самочинного Красного Креста», о чем говорят пометы на полях проекта¹³⁶³. В итоге были добавлены пассажи как о преследовании санитаров, содействовавших «мятежникам», так и о расстреле групп свыше 3 человек¹³⁶⁴. Впоследствии вице-адмирал решил, что, видимо, для удобства следует поместить объявления о данных мерах в разных афишах для лучшего восприятия населением, поэтому выделил постановления о закрытии окон и введении комендантского часа для отдельных объявлений¹³⁶⁵. В фонде генерал-губернаторской канцелярии сохранился проект обязательного постановления о запрете выхода москвичам на улицу по вечерам, которое, по всей видимости, предполагалось опубликовать отдельно¹³⁶⁶. Но впоследствии было подготовлено «объявление» о «дополнениях» к распоряжению от 11 числа, включавшее как это правило, так и запрещение открывать форточки и окна¹³⁶⁷. Как видим, Дубасов заботился о подаче своих мер в форме, наиболее комфортной для восприятия москвичей. Вносил он и смысловые коррективы – отказался от установления времени комендантского часа в 6 часов, перенес его на 9 (зато ввел обыск прохожих с первоначально намеченного времени)¹³⁶⁸.

¹³⁶³ Там же. Л. 14-14 об.

¹³⁶⁴ Там же. Л. 15 об.

¹³⁶⁵ Там же.

¹³⁶⁶ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 87. Л. 15.

¹³⁶⁷ Там же. Л. 16.

¹³⁶⁸ Там же. Л. 15, 16.

Почему Дубасов лично столь активно занимался составлением и редактированием правил для населения и воззваний к нему? Сообщая в письме жене из Черниговской губернии 10 ноября 1905 г. о своих успехах при приведении к покорности недавно бунтовавших крестьян, вице-адмирал заявлял, что «мне кажется, что у меня есть прямо талант или способность оказывать на простых людей неотразимое влияние». По мнению Дубасова, при произнесении речи он «прямо наэлектризовывал этих людей, и что они пошли бы за мною в огонь и воду¹³⁶⁹». В письме от 16 ноября 1905 г. вице-адмирал демонстрирует жене не меньшую удовлетворенность своим ораторским мастерством: «слишком долго было бы описывать те приемы которые я употребляю для немедленного воздействия на толпы этих разбойников» и «я сам даже нахожусь под влиянием того гипноза под которым я управляю этими людьми (пунктуация подлинника – М.А.)¹³⁷⁰». Следовательно, к моменту назначения в Москву Дубасов был уверен в своих способностях воздействовать на широкую аудиторию «простого народа» (в том числе и революционно настроенного), поэтому он, не колеблясь, взялся за составление воззваний и обязательных постановлений.

В литературе исследования итогов их применения до сих пор не проводилось. Авторы либо ограничивались пересказом текста «афиш»¹³⁷¹, либо пытались делать какие-либо отдельные выводы относительно их применения. Н.Н. Яковлев, приводя содержание постановлений о закрытии ворот и форточек делает вывод, что они оставались на бумаге вследствие страха домовладельцев перед революционерами (однако никаких доказательств своего умозаключения не приводит)¹³⁷². Н.В. Шатина, пересказав суть основных распоряжений административной власти, высказывает мнение, что рабочие районы были недоступны для войск (тем самым, очевидно, давая понять, что действие постановлений на эти регионы не распространялось). Вслед за тем она приводит текст содержания донесения

¹³⁶⁹РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 751. Л. 180.

¹³⁷⁰Там же. Л. 125 об.

¹³⁷¹Сторожев В.Н. Указ. соч. С. 89-90.

¹³⁷²Яковлев Н.Н. Указ. соч. С. 177-178, 181.

пресненских приставов от 14 декабря, где прямым текстом говорится, что район находится в руках революционеров и «правила» генерал-губернатора не выполняются¹³⁷³. В последней коллективной работе по истории революции 1905-1907 гг. появился вывод, что обязательные постановления Дубасова в своей совокупности «дали свои результаты: властям удалось запугать обывателя и лишить повстанцев поддержки основной части москвичей». Никакой же развернутой аргументации данного тезиса не приводится¹³⁷⁴.

Говоря о реализации обязательных постановлений, следует отметить, что малочисленная полиция (особенно на окраинах) не могла эффективно проводить их в жизнь. В этих условиях власть вынуждена была привлечь к делу претворения «правил» в жизнь военных. 12 декабря Дубасов отправил командующему войсками МВО генералу Н.Н. Малахову отношение, в котором просил отдачи «соответствующих по войскам распоряжений» о привлечении солдат и офицеров к исполнению «указаний», изложенных в изданных им правилах (при этом препровождались тексты изданных постановлений)¹³⁷⁵. Распоряжения не заставили себя долго ждать: вскоре начальник штаба МВО барон Е.А. Рауш фон Траубенберг отдал приказ о распространении по гарнизону пересланных постановлений¹³⁷⁶.

Свидетели (вне зависимости от политических взглядов) единодушны в том, что привлечение войск к исполнению этой задачи имело немало негативных последствий (хотя и оценивали он их по-разному). Выражались они в жестокости, часто чрезмерной, и злоупотреблениях при производстве обысков и разгоне «толп» (групп более 3 человек), причем зачастую озлобленные борьбой с восставшими солдаты открывали огонь по любым прохожим¹³⁷⁷. Массовый характер приобрел разгром артиллерией домов, из

¹³⁷³Шатина Н.В. Указ. соч. С. 127-128.

¹³⁷⁴Первая революция в России... С. 370.

¹³⁷⁵РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 575. Л. 137; ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 87. Л. 12.

¹³⁷⁶Там же. Оп. 2. Д. 440. Л. 212.

¹³⁷⁷ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 229. Д. 50. Л. 56-57 об.; Оп. 237. Д. 90. Т. 1. Л. 245; Ф. 1334. Оп. 1. Д. 18. Л. 77 об., 82 об.; Левин К.Н. Вооруженное восстание...С. 248; Москва в декабре 1905 г. ...С. 100, 211; Записки графини Е.Л. Камаровской... С. 81.

которых производились выстрелы¹³⁷⁸. Наконец, особенно упорно солдаты преследовали медицинские пункты, действующие под знаком Красного Креста¹³⁷⁹. Более того, бывали случаи собственной интерпретации командирами содержания обязательных постановлений. Так, прапорщик 2-го парка 67 летучей парковой бригады Н. Гейнике после того, как чуть не был застрелен часовым на углу Воздвиженки и Моховой, получил ответ, что начальником местного гарнизона был отдан приказ стрелять в лиц, появляющихся на улице, с 6 часов вечера (а не с 9, как то предписывало обязательное постановление)¹³⁸⁰. Вполне естественно, что подобное исполнение порождало двоякие результаты — деморализацию и страх москвичей, с одной стороны¹³⁸¹, с другой — резкую критику действий властей и озлобление против них¹³⁸². При всей этой жестокости передвижение революционеров по городу не удалось ограничить полностью

Не менее существенным обстоятельством был своеобразный «информационный вакуум» — неосведомленность населения о распоряжениях и обращениях власти.

Судя по всему, печатные экземпляры данных документов становились известны москвичам далеко не сразу. По большинству свидетельств, они развешивались по улицам по ночам, и жители города знакомились с ними на следующее утро: «правила» и воззвания от 11-12 чисел читались 13 декабря, а вышедшее в этот день (официально датированное 14 числом) — на следующий¹³⁸³. Учитывая, что в силу они вступали со дня выпуска, данное обстоятельство создавало значительные сложности для горожан.

Но и с их числом были серьезные проблемы. В условиях забастовки печатников генерал-губернатор Дубасов мог рассчитывать только на

¹³⁷⁸Высший подъем... С. 702-707.

¹³⁷⁹Из истории Московского вооруженного восстания... С. 181-183.

¹³⁸⁰ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 90. Т. 1. Л. 81.

¹³⁸¹Климов Василий. Расправы и расстрелы... С. 23; Москва в декабре 1905 г. ...С. 214-215.

¹³⁸²Москва в декабре 1905 г. ...С. 204; ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 785. Л. 574 об.; ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 229. Л. 57, 61-62 об.

¹³⁸³ЦГА Москвы. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 18. Л. 80; Записки графини Е.Л. Камаровской...С. 80; Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 120; Москва в декабре 1905 г. ...С. 101; Дневник Л.А. Тихомирова. ...С. 174.

типографию штаба МВО, обладавшую, по его собственному признанию, весьма скромными возможностями (в день можно было напечатать лишь 9000 «афиш»)¹³⁸⁴. Это приводило к тому, что на улицах вывешивалось весьма небольшое количество экземпляров «правил» и воззваний. Неудивительно, что не все москвичи вовремя знакомились с ними сравнительно поздно: графиня Е.Л. Камаровская узнала о введении комендантского часа только 14 числа¹³⁸⁵.

Более того, «афиши» неоднократно становились предметом срыва. Так, 14 декабря городской Василий Гаврилов задержал во 2 участке Яузской части студента Московского Университета П.С. Гольцева, сорвавшего объявление генерал-губернатора у дома Чусова. За это деяние барон Будберг предписал представить Гольцева к высылке¹³⁸⁶. Впрочем, ввиду малочисленности полиции и войск (до 15 декабря) на улицах Москвы, в ряде районов срыв предписаний не представлял затруднений. Правление торгового дома «Фридрих Байер и Ко», расположенного в одном из окраинных регионов Первопрестольной – Хамовниках – извещало градоначальника, что с ворот их фабрики в течение двух недель рабочими регулярно срывались обязательные постановления генерал-губернатора¹³⁸⁷. О массовом срыве данных «правил» свидетельствуют и материалы сборника «Москва в декабре 1905 г.»¹³⁸⁸. Наконец, это признавал сам Дубасов в беседе с городским головой Н.И. Гучковым¹³⁸⁹.

Также не удалось обнаружить свидетельств ознакомления с содержанием подобных афиш тех домовладельцев и квартирантов, кто не покидал своих домов (во всяком случае массово и на первых порах). Так, 14 декабря Н.И. Гучков сообщал гласным о доставке обязательных постановлений «своему» домовладельцу, но из контекста его речи явствовало, что это не было

¹³⁸⁴Высший подъем...С. 689; Стенографические отчеты...С. 1013.

¹³⁸⁵Записки графини Е.Л. Камаровской...С. 81.

¹³⁸⁶ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 912. Т. 1. Л. 222.

¹³⁸⁷Там же. Д. 785. Л. 578.

¹³⁸⁸Москва в декабре 1905 г. ...С. 100.

¹³⁸⁹Стенографические отчеты...С. 1013.

распространенной практикой¹³⁹⁰. В унисон с представителем московской буржуазии звучал голос партийного организатора из Замоскворечья, язвительно утверждавшего в тот же день, что «объявление Дубасова о чрезвычайных мерах по охране порядка» игнорируется сидящими по домам рабочими¹³⁹¹.

Все это порождало подчас полную неосведомленность ряда обывателей о сути распоряжений администрации. Так Л.А. Тихомиров (между прочим, проживавший в центре города — в типографии «Московских ведомостей» на Тверском бульваре) и не выходявший из дома по причине болезни, очень долго не знал ничего конкретного. 12 декабря он так описывал представление домашних и соседей о «правилах» и воззваниях: «Объявлено — то есть ночью наклеили объявления, а через час все были сорваны... Никто ничего не знает». И далее следовала язвительная запись: «Начальство не догадалось даже раздать через дворников для прочтения жильцам. Ничего не догадаются¹³⁹².» Только 13 числа до публициста дошло, что «генерал-губ[ернатор] издал какую-то прокламацию и правила для жителей». Однако «никто этого не знает», потому что «расклеено, и будет сорвано, а по домам не разнесено». О самом факте появления каких-то «правил» Тихомиров «случайно» узнал от своей кухарки, «которая бежит по всему городу». Впрочем, не меньшую вину за незнание жителей консерватор возлагал на управляющего домом Эренберга («у него дворники уже сколько дней не бывают в полиции»)¹³⁹³. Проблематично говорить о его ознакомлении с данными документами и позднее: 15 декабря на страницах дневника он возмущался приписываемым им администрации взглядом, что «против Правительства восстает Москва» (хотя в воззваниях было выражено совершенно иное мнение)¹³⁹⁴.

И Тихомиров был не одинок в своем незнании. Домовладельцы и обыватели 2 участка Арбатской части писали генерал-губернатору, что

¹³⁹⁰ Там же.

¹³⁹¹ Москва в декабре 1905 г. ...С. 173.

¹³⁹² Дневник Л.А. Тихомирова...С. 174.

¹³⁹³ Там же. С. 175.

¹³⁹⁴ Там же. С. 176.

освобожденных от дружинников районах все жители должны ставиться в известность о выпущенных обязательных постановлениях (что позволяет думать о не слишком хорошей осведомленности многих представителей московского населения)¹³⁹⁵.

А такое незнание о мерах и призывах власти пролагала дорогу активной пропаганде и действиям революционеров. С.И. Трухачева, дочь бывшего городского головы И.А. Лямина, прямо писала Дубасову о подчинении «волками в овечьей шкуре» (революционерами – М.А.) ничего не ведающей «массы простолюдинов», коим внушили, что победа на стороне врагов режима, перетянувших на свою сторону половину гарнизона¹³⁹⁶.

Некоторые обыватели из высших слоев московского общества получали информацию из частных источников, что не всегда гарантировало ее качество. Так, 12 декабря семья графини Е.Л. Камаровской (с сильным опозданием) узнала о «приказе Дубасова» разгонять толпы холостыми выстрелами; в источниках же такое распоряжение не встречается, а против групп свыше 3 человек надлежало применять боевые патроны.¹³⁹⁷

Естественно, что не имевшие представления о сути «правил» люди нарушали их. Н.П. Вишняков 14 декабря, во время поездки в Думу заметил, как у ворот какого-то дома на Воздвиженке собралась группа в 4-8 человек, что явно противоречило одному из постановлений (другое, впрочем, тут же нарушали солдаты, обыскивая прохожих «около 3 часов дня»)¹³⁹⁸. Приехавшему из Звенигорода брату Е.Л. Камаровской, Сергею, встречные рассказывали о запрете выходить на улицу за исключением времени от 6 часов вечера до 9 часов утра, в течение коего как раз проводились обыски и соблюдался комендантский час¹³⁹⁹.

Отсутствие информации о распоряжениях генерал-губернатора

¹³⁹⁵ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 294. Л. 22 об.

¹³⁹⁶ РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 505. Л. 56.

¹³⁹⁷ Записки графини Е.Л. Камаровской... С. 79.

¹³⁹⁸ ЦГА Москвы. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 18. Л. 82 об.

¹³⁹⁹ Записки графини Е.Л. Камаровской... С. 83.

приводило иногда к трагикомичным случаям. Так, 14 декабря во 2 участке Арбатской части был арестован некто Яков Ошурков, который сорвал обязательное постановление с тем, чтобы «дать почитать другим лицам где таковые не вывешены» (пунктуация источника — М.А.)¹⁴⁰⁰.

Хотя чаще всего подобное незнание оборачивалось настоящей трагедией. К.Н. Левин констатировал, что множество народа стало жертвой распоряжения о расстреле групп более 3 человек, «о котором почти никто ничего не знал»¹⁴⁰¹. По жестокой иронии судьбы расстрелу подвергались толпы людей, читавших на улицы дефицитные «афиши»¹⁴⁰². О массовом расстреле домов уже говорилось выше.

«Информационный вакуум» порождал массу слухов. Распространялись известия о тысячных жертвах, солидных потерях в рядах полиции и войск (что потом без всякой критики будет воспроизведено в сборнике «Москва в декабре 1905 г.»), глобальных разрушениях и пожарах зданий в результате боевых действий (превышающие реальные масштабы явлений), как уже отмечалось, — о жесточайших репрессиях, о прибытии фантастических подкреплений для поддержки революционеров и администрации, а также явно беллетризованные подробности их противостояния и арестов «мятежников»¹⁴⁰³. Ряд этих слухов выполнял функцию мобилизации дружинников на продолжение восстания: о скором начале выступления в Петербурге, в соответствии со словами С.И. Трухачевой — о грядущем переходе войск на сторону «восставшего народа»¹⁴⁰⁴. Приходившие в Москву петербургские газеты, также во многом описывавшие события на основе слухов и грешившие очевидными искажениями истины (например, о массовых пожарах в городе), встречались местными читателями с неприкрытым

¹⁴⁰⁰ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 870. Л. 79-79 об.

¹⁴⁰¹Левин К.Н. Вооруженное восстание...С. 248.

¹⁴⁰²Москва в декабре 1905 г. ...С. 102.

¹⁴⁰³Записки графини Е.Л. Камаровской...С. 82, 87; Декабрьские дни 1905 года в Москве...С. 5, 12-13; Москва в декабре 1905 г. ...С. 86-87.; Высший подъем...С. 706.; ГА РФ. Ф. 1167. Оп. 3. Д. 4300. Л. 11 об., 13; Д. 7432. Л. 1.

¹⁴⁰⁴Декабрьские дни в Москве. Записки дружинника...С. 29; Москва в декабре 1905 г. ...С. 108-109; ГА РФ. Ф. 1167. Оп. 3. Д. 4300. Л. 13.

скепсисом¹⁴⁰⁵. Таким образом, в Первопрестольной в декабре 1905 г. сложилась ситуация, во многом сходная с положением на фронте и в русском обществе в целом в эпоху Первой мировой войны, каковое подробно исследовал Б.И. Колоницкий: в условиях отсутствия достоверной печатной информации слухи превращались в важный фактор формирования представлений о текущих событиях¹⁴⁰⁶. Созданный ими фон был далеко не благоприятен для власти.

Среди слухов и встречались непосредственно враждебные по отношению к администрации в целом и генерал-губернатору Дубасову лично. К.Н. Левин записывал в дневнике, что «по приказу Дубасова, никому не известному, к окнам нельзя было подходить. И тех, кто, не зная этого приказа, показывался у окон, солдаты расстреливали». После этого следовал вполне логичный не только для человека социал-демократических убеждений вывод: «И после всего этого генерал-губернатор Дубасов уверяет москвичей, что «законная власть» сумеет охранить жизнь и спокойствие граждан и что обыватели должны «действовать заодно с властями в подавлении мятежа»¹⁴⁰⁷.» Очевидно, слух не имел под собой оснований, так как подобного положения в приведенных нами постановлениях генерал-губернатора не имеется. Но такие настроения, судя по всему, были довольно широко распространены в Москве. Например, рабочий А.С. Сидоров был задержан после того, как в нетрезвом виде восклицал: «Посмотрите как все дома разбили и это все распоряжение Генерал-Губернатора убить его надо!» (пунктуация источника — М.А.)¹⁴⁰⁸. Слухи о том, что генерал-губернатор санкционировал расстрел домов, стали важным фактором обострения дискуссии в городской Думе¹⁴⁰⁹.

Впрочем, подобного рода «дезинформация» деструктивно влияла и на настроения консервативных жителей. 12 декабря, судя по дневнику Тихомирова, среди квартирантов его дома вновь распространился слух об

¹⁴⁰⁵ Высший подъем...С. 704, 706, 708; Записки графини Е.Л. Камаровской...С. 82; Декабрьские дни в Москве. Записки дружинника...С. 29.

¹⁴⁰⁶ Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи во время Первой мировой войны. М., 2009. С. 15-33.

¹⁴⁰⁷ Левин К.Н. Вооруженное восстание...С. 248.

¹⁴⁰⁸ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 785. Л. 549.

¹⁴⁰⁹ Стенографические отчеты...С. 1010.

объявлении военного положения. Подобное известие вызвало бурю негодования у человека, считавшего себя искренним защитником самодержавия: «Военное положение! Это значит власть у Малахова и Глазова!». Судя по последующей сентенции, подобная мера оценивалась автором крайне негативно: «Господи праведный что это за несчастное правительство! Хоть бы за полтора десятка лет услышать об одном умном поступке¹⁴¹⁰ ...»

Справедливости ради нужно сказать, что Дубасов под влиянием общественности (например, тех же Гучкова и С.И. Трухачевой, которая советовала генерал-губернатору организовать массовую расклейку и развозку объявлений о ходе событий по городу, а также зачитывать их вслух перед горожанами и чье письмо он буквально испещрил пометами¹⁴¹¹) предпринял деятельные попытки увеличить количество печатаемых «афиш». 16 декабря, когда часть предприятий уже вернулась к работе, излишняя нагрузка на типографию штаба округа была снята и его управляющий канцелярией Воронин препроводил туда текст нового воззвания, прося «по отпечатании» разослать 10000 экземпляров градоначальнику, 3000 – в канцелярию попечительства о народной трезвости, 20 – в канцелярию генерал-губернатора¹⁴¹². Очевидно, эта мера увенчалась успехом: графиня Е.Л. Камаровская фиксировала свое знакомство с ним в тот же день¹⁴¹³.

Однако препятствием для ознакомления части москвичей с творчеством генерал-губернатора продолжала оставаться их неграмотность. Та же Е.Л. Камаровская в дневнике свидетельствует, что, когда она зачитывала вслух «объявление» от 12 декабря, ее окружила толпа, вероятно, не имевшая другой возможности ознакомиться с посланием вице-адмирала¹⁴¹⁴.

Следует также отметить еще одно обстоятельство, о коем упоминалось

¹⁴¹⁰ Дневник Л.А. Тихомирова...С. 174.

¹⁴¹¹ РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 505. Л. 55-58.

¹⁴¹² ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 87. Л. 37.

¹⁴¹³ Записки графини Е.Л. Камаровской...С. 85.

¹⁴¹⁴ Там же. С. 80.

еще в работе Н.В. Шатиной и тесно связанное с малочисленностью личного состава полиции и гарнизона, – неравномерную ситуацию с распространением обязательных постановлений и воззваний по районам. Окраины Первопрестольной действительно часто находились вне зоны действия данных распоряжений. Красноречиво об этом свидетельствует донесение исполнявшего должность пристава 2 участка Рогожской части Переспелова, который сообщал, что весь район покрыт баррикадами, население находится во власти революционеров, а все попытки полиции навести порядок оборачиваются фиаско¹⁴¹⁵. Естественно, что в таких условиях попытки претворить в жизнь обязательные постановления должны были потерпеть крушение. С большим сомнением можно говорить о точном исполнении «правил» во 2 участке Лефортовской части, который во время восстания фактически находился без войск¹⁴¹⁶, равно как и в Сокольническом участке¹⁴¹⁷ (хотя в том районе и находились подразделения 34 Донского казачьего полка¹⁴¹⁸). Наконец, в Сущевском районе вообще произошло нечто совершенно обратное тому, чего хотели московские власти. Согласно дневнику очевидца, там установилась, по сути, новая власть: «...во владениях социал-революционной республики и в осаде. Наше временное правительство — дружинники всюду расставили свои караулы, отдали приказ дворникам держать калитки и ворота открытыми, под угрозой суровой расправы с ослушниками, окна на улицу по вечерам не освещать; по их распоряжению всенощную в церкви служили без звона. Полиция всюду исчезла; многих городских обезоружили¹⁴¹⁹.» Более того, новые хозяева прибегли к методам своих врагов в сфере «информационной политики», расклеив воззвания от ПСР и РСДРП, в коих объявлялось о решительной борьбе «с коварным царским правительством до конца» и содержался призыв присоединиться к

¹⁴¹⁵ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 912. Т. 1. Л. 226-227.

¹⁴¹⁶ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 90. Т. 1. Л. 95.

¹⁴¹⁷ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 870. Л. 239-239 об.

¹⁴¹⁸РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 388. Л. 8.

¹⁴¹⁹Декабрьские дни в Москве... С. 6.

восстанию¹⁴²⁰. Местным же властям при всем желании не удавалось сколько-нибудь успешно применить изданные «правила», о чем свидетельствует следующий эпизод. 15 декабря в Бутырском районе патрульные городовые арестовали двоих мужчин – крестьян Н.П. Петрова и П.И. Сидорова, шествовавших с повязками Красного Креста и «перевязочными средствами». Составив протокол и определив их к задержанию «до особого распоряжения», местное начальство, однако, ввиду невозможности отправить пленников в Сушевский полицейский дом из-за баррикад, освободило их по указанию Охранного Отделения¹⁴²¹.

Следует отчасти и согласиться с замечанием Н.Н. Яковлева: дружинники действительно угрожали домовладельцам, заставляя держать ворота и форточки открытыми. Так, управляющий домом Стахеевых П.Я. Тарасов жаловался приставу 1 участка Мясницкой части, что за закрытие ворот «на основании обязательного постановления Г. Генерал-Губернатора» дружинники Дитмар и Ратушкин грозили смертью ему и его дворникам¹⁴²².

Следует отметить, что наказания, предусмотренные обязательными постановлениями, были суровыми, но все-таки не исключительными, угрожавшими смертью разве что разрушителям телеграфа и сотрудникам самочинных медицинских организаций. Seriously запугать профессиональных революционеров они вряд ли могли. Резко и лаконично выражал эту мысль домовладелец Л.М. Кашецин, уверявший вице-адмирала, что над его постановлениями от 11 и 12 декабря смеются¹⁴²³. В подтверждение этих наблюдений представителей московской «общественности» можно привести факты дерзких нападений революционеров на солдат среди бела дня из дневника Н.П. Вишнякова¹⁴²⁴.

Надо также отметить и особенности наложения взысканий за нарушение

¹⁴²⁰Там же. С. 10.

¹⁴²¹ ЦГА Москвы. Ф. 46. Оп. 21. Д. 21. Л. 4-5.

¹⁴²²ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 870. Л. 215.

¹⁴²³Там же. Л. 28.

¹⁴²⁴ЦГА Москвы. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 18. Л. 83 об.

обязательных постановлений. Почти все дошедшие материалы по данному сюжету относятся к рассмотрению случаев несоблюдения распоряжения о недопущении выстрелов из домов, поэтому уделим ему наибольшее внимание.

Основанием для наложения взыскания должен был стать составленный полицейскими чинами протокол. Так как в условиях малой численности городских и околоточных полиция не имела возможности фиксировать каждый факт выстрела, поэтому протоколов составлялось довольно мало (можно также предположить, что играл свою роль вошедший в обычай расстрел домов артиллерией)¹⁴²⁵. Надо сказать, что градоначальство было заинтересовано в их составлении, поскольку 21 декабря состоявший при Медеме подполковник Носков разослал приставам телеграмму, в которой просил доставить протоколы о домах, из которых стреляли¹⁴²⁶. Показателен ответ пристава 1 участка Рогожской части: «Отв[етить] поскорее, что таких домов нет¹⁴²⁷.»

Сами протоколы составлялись очень часто весьма небрежно. 8 января Медем предъявил Дубасову протокол, оформленный по факту о стрельбе из оконной форточки дома купца Т.В. Борисова от 18 декабря. Составлен данный документ был на основании свидетельских показаний жильцов соседнего дома Заводова, из которых никто не мог толком показать, из чьего окна стреляли и кто¹⁴²⁸. Примечательно, что на основании таких показаний градоначальник требовал наложить на Борисова штраф в размере 3000 рублей, т. е. применить максимальное наказание¹⁴²⁹.

В некоторых случаях руководители Москвы вообще обходились без протокола. 15 декабря градоначальник Медем представил Дубасову о необходимости наложения взыскания на домовладельца Шаблыкина, основанием для чего являлся якобы систематический обстрел в течение недели

¹⁴²⁵Там же. Ф. 16. Оп. 237. Д. 89. Т. I.

¹⁴²⁶Там же. Ф. 475. Оп. 19. Д. 114. Л. 249.

¹⁴²⁷Там же.

¹⁴²⁸Там же. Ф. 16. Оп. 237. Д. 89. Т. I. Л. 72-72 об.

¹⁴²⁹Там же. Л. 70.

из его владений дома Джунковского, удостоверенный последним лично¹⁴³⁰. Примечательно, что Дубасова подобное обоснование вполне удовлетворяло: 18 декабря генерал-губернатор распорядился узнать, «кем установлено» правонарушение «и составлены ли протоколы¹⁴³¹.» Получив 2 января 1906 г. ответ из канцелярии градоначальника, что главным источником информации по делу с Шаблыкиным является Джунковский, генерал-губернатор на следующий день вынес вердикт о штрафе на 3000 рублей¹⁴³². В итоге вышел скандал: опекун дворянин А.Б. Шаблыкин подал в Правительствующий Сенат жалобу, в которой указал, что ни одно из владений их семьи не находится «супротив дома Московского Губернатора», а выстрелы, по его мнению, были произведены из здания Английского клуба¹⁴³³. Пославший рапорт в ответ на это заявление Дубасов по существу так ничего и не возразил, а ограничился лишь пересказом хода своей «тяжбы» с опекунами владений Шаблыкиных¹⁴³⁴. Примечательно решение Сената от 13 сентября 1906 г.: «...Московский Генерал-Губернатор, подвергая Шаблыкиных штрафу в 3000 рублей, не вышел из пределов предоставленной Ему власти, а потому ОПРЕДЕЛЯЕТ (Сенат — М.А.): жалобу на это распоряжение оставить без последствий¹⁴³⁵.»

Надо также отметить, что в новых условиях механизм принятия решения о взыскании был довольно продолжительным. Как упоминалось, в отношении ранее изданных обязательных постановлений генерал-губернатор А.А. Козлов разрешил градоначальнику накладывать взыскания самостоятельно, обязав лишь докладывать «главному начальнику» Москвы и губернии о результатах деятельности в этой области¹⁴³⁶. В данном же случае такого разрешения формально не последовало, более того, 12 декабря генерал-губернатор сам распорядился представлять ему данные протоколы¹⁴³⁷. Все это крайне

¹⁴³⁰ Там же. Ф. 16. Оп. 237. Д. 89. Т. 1. Л. 3.

¹⁴³¹ Там же. Л. 1.

¹⁴³² Там же. Л. 3.

¹⁴³³ Там же. Л. 8-8 об.

¹⁴³⁴ Там же. Л. 10-11.

¹⁴³⁵ Там же. Л. 12-12 об.

¹⁴³⁶ РГИА. Ф. 1393. Оп. 1. Д. 5. Л. 193.

¹⁴³⁷ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 89. Т. 1. Л. 2.

замедляло процесс. Так, первые протоколы по нарушению постановления о выстрелах из домов были представлены Дубасову Медемом лишь 15 декабря, в день, считающийся переломным в ходе восстания¹⁴³⁸. Окончательное решение было принято, как говорилось выше, 3 января, а 5 января оно было сообщено градоначальнику для исполнения и для публикации в «Ведомостях московского градоначальства и столичной полиции»¹⁴³⁹.

Что касается наложения взысканий по делу о нарушении комендантского часа, первая «очередь» нарушителей была представлена градоначальником к утверждению только 11 января¹⁴⁴⁰. Таким образом, можно сделать вывод, что наложение взысканий по обязательным постановлениям относилось к периоду после восстания и не могло оказать серьезного влияния на его ход.

Воззвания же Дубасова к населению, несмотря на большие усилия автора в подборе наиболее отвечающих моменту фраз, страдали двумя существенными недостатками, снижавшими доверие населения к ним. Во-первых, в них совершенно не была отражена социальная подоплека восстания и отношение к ней власти (в этом отношении листовки революционеров давали «афишам» генерал-губернатора огромную фору)¹⁴⁴¹. Во-вторых, смакуя зверства революционеров, вице-адмирал ничего не говорил о чрезмерной жестокости войск и полиции при подавлении «мятежа» (что было очевидно его читателям). Можно вполне согласиться с В.Н. Сторожевым, оценившим последнюю часть воззвания от 21 декабря как «рискованную»¹⁴⁴². Поэтому заслуживают доверия приводимая К.Н. Левиным оценка воззвания генерал-губернатора одним «чернорабочим»: «Приказывают становиться на работу, а сами из пушек по народу палят. Не только на улицу выйти нельзя, дома-то все из рук валится»¹⁴⁴³.

Каковы были результаты воздействия постановлений и воззваний на

¹⁴³⁸ Там же. Л. 1.

¹⁴³⁹ Там же. Л. 5.

¹⁴⁴⁰ Там же. Л. 86.

¹⁴⁴¹ Высший подъем... С. 648-650, 688-689.

¹⁴⁴² Сторожев В.Н. Указ. соч. С.96.

¹⁴⁴³ Левин К.Н. Вооруженное восстание... С. 248.

московское население?

Эффективность выполнения обязательных постановлений о закрытии ворот, дверей, окон и недопущении из них выстрелов, а также о закрытии форточек в темное время суток по-разному оценивалась самими жителями Москвы (очевидно, в силу факторов, отмеченных нами выше). Так, Левин отмечал в дневнике, что 11 декабря, в условиях обстрела, дворники его местности (между Кудринской и Триумфальной площадями, а также Никитской и Тверским бульваром) сами сняли ворота и устроили баррикады¹⁴⁴⁴. В.И. Климков, проезжая по Покровке вечером 12 декабря, напротив, отмечал запертые ворота и темные окна¹⁴⁴⁵. И.Н. Ржанов указывал, что постановление о закрытии ворот стало выполняться домовладельцами уже с 12 декабря¹⁴⁴⁶. По данным хроники событий, опубликованной в газете «Право», на всем протяжении Садовой улицы ворота 12 декабря были сняты¹⁴⁴⁷. Как видим, разные местности (в освещении различных свидетелей, наблюдавших к тому же жизнь Москвы не в один день) дают весьма пеструю картину. Более того, по свидетельству П.С. Бобровского между жильцами одного дома, придерживавшимися различных политических убеждений, шла настоящая «борьба за двери»: в качестве примера мемуарист приводил свою семью, регулярно отпиравшую дверь парадного, запиравшуюся «благонамеренными» соседями. Это помогло спастись некоторым дружинникам¹⁴⁴⁸.

Более того, случаи нарушения обязательных постановлений, произошедшие в отсутствие воинской или полицейской охраны (в особенности на окраинах города), могли остаться безнаказанными. Приведем пример. 18 декабря начальник Московского военного училища генерал-майор Горбатовский описал несколько таких случаев. Во-первых, 11 декабря из ворот дома Занегина по Вознесенской улице было произведено несколько выстрелов

¹⁴⁴⁴Там же. С. 241.

¹⁴⁴⁵Климков Василий. Расправы и расстрелы... С. 19-20.

¹⁴⁴⁶Ржанов И.Н. Указ. соч. С. 14.

¹⁴⁴⁷Высший подъем... С. 702.

¹⁴⁴⁸ГА РФ. Ф. Р6400. Оп. 1. Д. 3. Л. 58 об.-59 об.

в капитана Бродовича, после чего злоумышленник «скрылся в воротах этого дома». Во-вторых, «от ворот дома Малюшина» по Золоторожской улице было сделано «поздно вечером» 12 декабря два выстрела по дозору юнкеров. В-третьих, несколько выстрелов было произведено 14 декабря по той же улице из дома Белова. Так как подобными действиями нарушались оба обязательных постановления, генерал Горбатовский извещал об этом генерал-губернатора¹⁴⁴⁹. 19 декабря Джунковский от имени Дубасова направил это заявление Медему «на распоряжение». Градоначальник 20 декабря наложил резолюцию о проверке и обыске в этих домах и составлении протокола¹⁴⁵⁰. Несмотря на то, что Охранное Отделение предписало заняться этим делом приставам двух участков — 2 Басманного и 3 Лефортовского¹⁴⁵¹ — никакого результата, за истечением времени, добиться не удалось¹⁴⁵².

Судя по всему, формальное закрытие ворот не всегда означало, что данный дом безопасен для властей. Так, во время нападения дружинников на 3 участок Суцевской части 15 декабря, по свидетельству участкового пристава Зарембы, обстрел шел из ворот домов, находившихся прямо напротив участка¹⁴⁵³.

Таким образом, налицо крайняя неравномерность и неоднозначность исполнения данных постановлений, хотя приведенные факты позволяют счесть суждение Н.Н. Яковлева излишне резким. Однако и говорить о том, что эти предписания являлись панацеей против тактики дружинников, явно не приходится.

Более успешным представляется результат действия «правил», претворение в жизнь которых возлагалось главным образом на войсковые патрули: о запрещении появляться на улице с позднего вечера до раннего утра, ходить «толпами» более 3 человек, праве представителей власти подвергать

¹⁴⁴⁹ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 870. Л. 94-94 об., 96.

¹⁴⁵⁰Там же. Л. 93.

¹⁴⁵¹Там же. Л. 101.

¹⁴⁵²Там же. Л. 140.

¹⁴⁵³Там же. Д. 785. Л. 483.

обыску лиц, вышедших на улицу после 6 часов вечера (а фактически и ранее), охране телеграфа. Как уже говорилось выше, жесткие методы, практиковавшиеся военными (обстрел групп прохожих, обыски, происходившие часто и днем) оказывали, несмотря на возмущение, сильное деморализующее влияние на население Москвы. В итоге центр города в ночное время, по свидетельству таких разных по своим убеждениям людей, как В.Г. Глазов, Н.П. Вишняков, К.Н. Левин и В.И. Климков, представлял собой безлюдное пространство¹⁴⁵⁴. Проведение обысков с привлечением воинских патрулей давало возможность даже задерживать весьма серьезных врагов режима: так, в 3 уч. Суцевской части именно во время данной процедуры был арестован Дмитрий Милов, один из предводителей восставших рабочих на фабрике Ралле и Ко¹⁴⁵⁵. В то же время надзиравшие за соблюдением кандидатского часа и обыскивавшие прохожих военные иногда пропускали таких лиц, как большевики В.А. Костицын и П.С. Бобровский¹⁴⁵⁶.

Однако в случае невозможности для местной власти контролировать ситуацию в районе, как это было во 2 участке Рогожской части, действия «мятежных» групп никто не мог остановить¹⁴⁵⁷. В 3 участке Суцевской части 15 декабря, в отсутствие воинских сил, «толпе мятежников» (по донесению местного пристава Зарембы, до 10 человек) удалось «незаметно» подойти к зданию участка и открыть огонь. Затем, по версии пристава, им на подмогу подоспели «боевики», начавшие стрелять с углов Пименовской и Селезневской улиц, а также, как уже говорилось, из расположенных прямо напротив полицейского участка ворот домов. Правда, чинам участка, вооруженным револьверами и уже выданными ружьями, удалось после «получасовой перестрелки» отбить атаку. И хотя предполагаемая цифра членов боевой дружины, названная Зарембой (100 человек), сильно

¹⁴⁵⁴РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 10. Л. 347 об.; ЦГА Москвы. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 18. Л. 77 об.; *Левин К.Н.* Вооруженное восстание...С. 245, 247; *Климков Василий.* Расправы и расстрелы...С. 20.

¹⁴⁵⁵ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 833. Л. 28.

¹⁴⁵⁶*Костицын В.А.* Декабрьское восстание 1905 г. ...С. 204-205; ГА РФ. Ф. Р6400. Оп. 1. Д. 3. Л. 61 об.-62.

¹⁴⁵⁷ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 912. Т. 1. Л. 226-227 об.

завышена¹⁴⁵⁸, бесполезность постановлений в данном случае весьма показательна¹⁴⁵⁹. Представляется также, что целесообразность применения означенного выше комплекса мер против дружинников, с их тактикой действия мелкими группами и мгновенного и исчезновения¹⁴⁶⁰ (а надо учитывать и то, что не все ворота домов были закрыты) вызывает вопрос.

Хуже была ситуация была с нелегальными митингами и собраниями: они (хоть и не так массово, как в начале Декабрьских событий) происходили в тех участках районов, которые не были обеспечены достаточными возможностями для их прекращения (естественно, что особенно многочисленными они были на окраинах)¹⁴⁶¹. О проведении многих из них даже центральная полицейская власть знала, но до поры не могла предпринять никаких мер. Так, 13 декабря градоначальник Медем докладывал Дубасову, что «по имеющимся из надежного агентурного источника сведениям» в столовой фабрики Цинделя происходят собрания членов боевых дружин и хранится оружие¹⁴⁶². Тем не менее, мер по пресечению митингов на этой фабрике не было предпринято: как известно, 15 декабря именно там состоялось заседание Совета рабочих депутатов, обсуждавшее вопрос о прекращении стачки и восстания¹⁴⁶³. Не облегчало в этом плане ситуации и наличие в районе 1 участка Пятницкой части войск: полэускадрон Московского драгунского полка был занят охраной Пятницкого полицейского дома¹⁴⁶⁴. 15 декабря градоначальник также докладывал генерал-губернатору о митинге в доме Гирш (на Малой Бронной) и в заседаниях Совета рабочих депутатов во Введенском народном доме¹⁴⁶⁵.

Желающим устроить собрания приходилось обращаться к генерал-губернатору за разрешением, и Дубасов шел навстречу организациям, полезным для стабилизации ситуации в городе и лояльным существовавшему

¹⁴⁵⁸Москва в декабре 1905 г. ...С. 189.

¹⁴⁵⁹ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 785. Л. 483.

¹⁴⁶⁰Высший подъем...С. 665.

¹⁴⁶¹ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 912. Т. 1. Л. 226-226 об.; Высший подъем...С. 684.

¹⁴⁶²Высший подъем...С. 678.

¹⁴⁶³Яковлев Н.Н. Указ. соч. С. 200-201.

¹⁴⁶⁴ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 912. Т. 1. Л. 239.

¹⁴⁶⁵Высший подъем...С. 686.

порядку. 17 декабря Дубасов дозволил созыв 19 числа заседания Московского управления Общества Красного Креста, а 21, вскоре после прекращения восстания, – бюро по организации общего собрания уполномоченных Московского Городского Кредитного Общества в тот же день¹⁴⁶⁶. 17 декабря вице-адмирал разрешил собрание московского отделения ЦК «Союза 17 октября» для обсуждения предвыборных вопросов и впоследствии не препятствовал устройству форумов партии¹⁴⁶⁷. В результате московские октябристы оказались в более выигрышном положении, чем их петербургские коллеги, чья предвыборная деятельность была парализована запрещением публичных собраний градоначальником В.А. Дедюлиным¹⁴⁶⁸. Но вовсе не ко всем коллективным акциям Дубасов относился столь лояльно: так, вскоре после завершения восстания генерал-губернатор запретил проведение разрешенных в ноябре Советом министров родительских совещаний, чем спровоцировал конфликт с Министерством народного просвещения¹⁴⁶⁹.

С особым упорством, как было уже отмечено, чины полиции и войск преследовали санитарные отряды и перевязочные пункты¹⁴⁷⁰. При этом оговорка о применении оружия и о преследовании в случаях, когда санитары содействовали «мятежникам», явно была отброшена. Судя по тексту доставленных в Московскую Городскую Думу сведений о действиях санитарных отрядов, командиры воинских отрядов на улицах прямо командовали: «Бей Красный Крест!»¹⁴⁷¹. Не лучшим образом вели себя и полицейские, подчас не допуская врачей «стихийно организованных» пунктов к раненым¹⁴⁷². Бывали случаи своеобразной «кооперации» действий полиции и войск в борьбе с медицинскими пунктами. 15 декабря, например, старший помощник пристава 1 участка Тверской части штабс-капитан

¹⁴⁶⁶ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 523. Л. 4, 13.

¹⁴⁶⁷ Там же. Л. 5, 7, 11.

¹⁴⁶⁸ Партия «Союз 17 октября» ...Т. 1. С. 74-75. Московский член ЦК П.Н. Перцов даже сообщал петербургским товарищам, что Дубасов якобы специально просил разрешения «Союзу собираться», однако документальных подтверждений этого не обнаружено (Там же. С. 42).

¹⁴⁶⁹ РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 472. Л. 2, 3, 4; Мемуары графа И.И. Толстого...С. 132.

¹⁴⁷⁰ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 870. Л. 57; Из истории Московского вооруженного восстания...С. 181-182.

¹⁴⁷¹ Из истории Московского вооруженного восстания... С. 181.

¹⁴⁷² Там же. С. 182.

Александров, «по поручению Военного Начальства», явился в Драматическое Училище Филармонического общества (по Малому Кисловскому переулку) для ликвидации санитарного пункта¹⁴⁷³. Ходили слухи и о взаимодействии военных и полицейских при обстреле домов, где располагались перевязочные пункты. Так, В.П. Данишевский, образовавший в доме Романова на Тверском бульваре такую организацию, уверял, что расстрел дома был произведен из желания власти разгромить его квартиру и что будто бы накануне, 13 декабря, «состоявший при генерал-губернаторе или при градоначальнике» чиновник Трубецкой предупреждал жившего в доме доктора Ярхо, что квартиру последнего не тронут¹⁴⁷⁴.

Применение подобных мер приводило к дезорганизации деятельности перевязочных пунктов, боязни санитаров помогать раненым¹⁴⁷⁵. Некоторые обыватели, опасаясь расстрела их домов, принуждали перевязочные пункты к самоликвидации¹⁴⁷⁶. Как видим, негативные стороны исполнения постановления были налицо (несмотря на то, что в случае с обыском в Драматическом Училище действительно удалось обнаружить оружие)¹⁴⁷⁷. Однако генерал-губернатор Дубасов не собрался отменять свое постановление, хотя и согласился легализовать санитарные отряды и перевязочные пункты, которые брала под свое крыло Московская Городская Дума¹⁴⁷⁸. Однако характерно, что, не считая для себя нужным «признавать за нелегальными организациями какие-либо права», генерал-губернатор полагал необходимым подвергать организаторов и сотрудников многочисленных перевязочных пунктов «преследованию», но не расстрелу, о чем первоначально и хотел объявить в воззвании от 16 декабря (исполнители его распоряжений, как мы видели, были несколько иного мнения)¹⁴⁷⁹.

К сожалению, из-за фрагментарности источниковой базы мы не можем

¹⁴⁷³ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 833. Л. 93.

¹⁴⁷⁴ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 90. Т. 1. Л. 131-131 об.

¹⁴⁷⁵Из истории Московского вооруженного восстания...С. 182-183; Декабрьские дни в Москве...С. 9.

¹⁴⁷⁶Из истории Московского вооруженного восстания...С. 183.

¹⁴⁷⁷ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 833. Л. 93-93 об.

¹⁴⁷⁸ЦГА Москвы. Ф.16. Оп. 139. Д. 174. Т. 2. Л. 7-7 об.

¹⁴⁷⁹Там же. Л. 7; РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 448. Л. 17.

сделать исчерпывающих выводов о результатах действия воззваний Дубасова, поэтому ограничимся общими замечаниями. Вполне вероятно, что изложенная им история «мятежа», борьбы власти с ним и призывы к населению оказали влияние и на широкие слои обывателей (имеются свидетельства, что с 13 числа поддержка революционеров со стороны «нейтрального» населения ослабевает), и на революционеров (после получения известия о прибытии семеновцев в Первопрестольную, каковое, вероятно, можно было извлечь из воззваний, защитники Пресни осознали бесперспективность дальнейшей борьбы). В то же время авторы различных взглядов (К.Н. Левин, Н.П. Вишняков) утверждали о симпатиях «народа» к дружинникам, несмотря на появление «объявлений». Неконкретные и категоричные попытки Дубасова пресечь распространение «крамольных» слухов также не увенчались успехом¹⁴⁸⁰.

Таким образом, в условиях режима чрезвычайной охраны московский генерал-губернатор принял ряд мер, направленных как на наказание «мятежников» и их пособников, так и на внушение «нейтральному» населению взгляда о деструктивности и обреченности революционного движения. Процесс составления обязательных постановлений и воззваний Дубасов контролировал лично, подготавливая черновые варианты и внося многочисленные исправления в их текст. Однако на их реализацию негативно повлияли два фактора. Во-первых, слабость административного аппарата, в силу коей власть долго не могла отпечатать достаточное количество экземпляров «афиш», предотвращать их срыв, была вынуждена привлекать к контролю за исполнением «правил» войска, действовавшие жестоко и самоуправно. Во-вторых, текст постановлений и воззваний имел ряд недостатков: наказания, предусмотренные первыми были зачастую довольно мягкими для убежденных революционеров и их пособников (кроме, разумеется, расстрела «толп», разрушителей телефонной и телеграфной сети и

¹⁴⁸⁰См. подробнее: Алмазов М.Г. Судьба воззваний генерал-губернатора Ф.В. Дубасова к московскому населению во время Декабрьского вооруженного восстания 1905 г.// Вестник Брянского Государственного Университета. 2019. № 4. С. 15-16.

«самочинных» санитаров); а в обращениях к населению обходились молчанием темы социальной подоплеки «мятежа» и очевидных злоупотреблений при его подавлении (попытки Дубасова в последнем «объявлении» их объяснить были уклончивы и неубедительны). В результате репрессивные «правила» исполнялись далеко не повсеместно (особенно тяжелая ситуация сложилась на окраинах города). Привлечение же озлобленных солдат в качестве полицейской силы рождало не соответствовавшие реальности слухи о жестоких приказах генерал-губернатора, что серьезно подрывало авторитет власти. Воззвания, вероятно, оказали влияние на часть обывателей, но, судя по всему, масса простолюдинов осталась глуха к ним, сочувствуя революционерам. Как видим, проблемы в функционировании административного аппарата, выявившиеся еще до восстания, не позволяли с должным эффектом использовать полицейские меры в его условиях.

К важным административным мерам, находившимся в русле борьбе с «мятежом», относились отключение телефонов у частных абонентов и изъятие оружия из частных же магазинов.

11 декабря Дубасов принял решение о сокращении «клиентов» московской телефонной сети. По объяснению, данному им управляющему МВД, это распоряжение было продиктовано вовсе не желанием затруднить переговоры революционеров и получение ими информации по телефону (как думали многие в Москве)¹⁴⁸¹, а более практическими соображениями: на телефонной станции Шведско-Датско-Русского Телефонного Общества по результатам забастовки осталось очень мало служащих, отчего возникла угроза утраты телефонного сообщения вообще. В этих условиях генерал-губернатор решил пойти на «меньшее зло» — лишить телефона частных абонентов. Правовой основой меры стала ст. 317 II тома Свода Законов

¹⁴⁸¹ Высший подъем...С. 704; Записки графини Е.Л. Камаровской...С. 78.

Российской империи и статья 30 параграфа контракта главного Управления почт и телеграфов с «названным обществом¹⁴⁸².» С 6 часов 40 минут Московская телефонная станция стала обслуживать ограниченный список абонентов¹⁴⁸³.

Первая редакция от 11 декабря включала полицейские учреждения (кабинет градоначальника, его помощника и управляющего канцелярией, полицеймейстеров Москвы, Полицейский Резерв, сыскную полицию и помощника ее начальника, Охранное Отделение, полицейский телеграф и т. д.), пожарную службу (бренд-майора, пожарное депо и т. д.), военные инстанции (штаб округа, Нескучный сад, Потешный дворец, Артиллерийский склад, ряд полков, размещенных в столице и т. д.), связи (начальник городского телеграфа Панафутин, депешная станция), управления железных дорог (Московско-Брестской). Таким образом, список абонентов был предельно функционален – в него входили учреждения, непосредственно ответственные за подавление восстания. Присутствовали в данном перечне и институции, поддержание связи с которыми имело важное общегосударственное значение, например, Государственный Банк. Удостоились телефонной связи и учреждения, не связанные с переживаемыми грозными событиями: Воспитательный дом, Сухаревский народный дом. Имелись в данном списке и фамилии общественных деятелей, с кем генерал-губернатор поддерживал тесный контакт: Н.И. Гучкова, Г.А. Крестовникова, Ф.И. Малинина, Д.Д. Дувакина и А.Н. Петунникова¹⁴⁸⁴.

В последующие дни список абонентов расширялся: например, 12-14 декабря были включены состоявший при командующем войсками МВО генерал-лейтенант Н.Ф. Иванов-Луцевин, начальник охраны Москвы генерал-лейтенант П.П. Яковлев, германский и нидерландский консулы, консервативно настроенный гласный Городской Думы А.С. Шмаков, принимавший активное

¹⁴⁸²ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 139. Д. 174. Т. 1. Л. 2.

¹⁴⁸³Там же. Л. 14-17.

¹⁴⁸⁴Там же.

участие в организации добровольной охраны в Хамовниках¹⁴⁸⁵.

Как данное постановление сказалось на судьбах вооруженного восстания? Газета «Право» справедливо констатировала, что данным постановлением революционеры лишены были возможности «сноситься между собой по поводу передвижения войск», и объясняла этим стремление дружинников к разрушению телефонных киосков¹⁴⁸⁶. Косвенно об уроне, нанесенном революционерам, свидетельствует плохая осведомленность дружинников о ходе событий в других районах¹⁴⁸⁷, а также свидетельство П.С. Бобровского об особенном спросе на связных, поддерживавших контакт между «штабами» «бунтарей» в различных районах¹⁴⁸⁸.

Однако переговорам генерал-губернатора с Петербургом отнюдь не была гарантирована конфиденциальность. Выяснилось это 16 декабря, когда начальник Междугородной телефонной станции докладывал вице-адмиралу о возникновении посторонних голосов на линии во время разговоров. Одной из причин этого чиновнику виделось «случайное или умышленное включение в разговорную цепь промежуточных пунктов, а также дежурными телефонистками городских центральных станций с любого стола, число которых на каждой станции доходит до сотни». Из этого начальник станции и делал вывод о невозможности соблюсти конфиденциальность каких-либо важных сношений Дубасова с П.Н. Дурново. Выходом же ему виделось создание двух особых ключей «для переговоров государственной важности» и проведение проводов к междугородным станциям непосредственно от здания МВД и дома генерал-губернатора. На следующий день Дубасов распорядился о совершении этой операции¹⁴⁸⁹.

Однако по-настоящему сильно ударило постановление по интересам московских предпринимателей, лишенных, по их собственному признанию,

¹⁴⁸⁵ Там же. Л. 18-18 об.

¹⁴⁸⁶ Выший подъем... С. 704.

¹⁴⁸⁷ Костицын В.А. Декабрьское восстание 1905 г. ... С. 201-211; Москва в декабре 1905 г. ... С. 174.

¹⁴⁸⁸ ГА РФ. Ф. Р6400. Оп. 1. Д. 3. Л. 55 об.

¹⁴⁸⁹ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 139. Д. 174. Т. 1. Л. 37.

возможности нормально вести дела. В качестве «типового» примера можно привести заявление от 17 декабря банкирского и торгового дома «Ф. Бландт и Ко, преемн[ики]. Егора Майер», в коем утверждалось, что «долгий перерыв в пользовании телефоном, очень неблагоприятно отзывается на ходе дел¹⁴⁹⁰ ...» Обеспокоенность невозможностью оперативной связи выражали и благотворительные учреждения (Елисаветинское благотворительное общество)¹⁴⁹¹, учреждения связи (Московское отделение Санкт-Петербургского Телеграфного Агенства)¹⁴⁹², железнодорожные компании и чиновники (Общество Московско-Киево-Воронежской дороги¹⁴⁹³, начальника железнодорожного узла И.Д Сытенко¹⁴⁹⁴), прессы (корреспондент «Молвы» В.И. Климков)¹⁴⁹⁵, группа гласных Московской Городской Думы¹⁴⁹⁶.

Для властей же (Дубасова и вскоре взявшего выдачу разрешений в свои руки А.А. Воронина) в данном деле приоритетным был государственный интерес. Так, ходатайства железнодорожников были незамедлительно удовлетворены (хотя в случае с правлением Московско-Киевско-Воронежской дороги вся ответственность возлагалась на заместителя председателя правления А.И. Геннерта)¹⁴⁹⁷. Внимание оказывалось и сословным органам: прошение московского губернского предводителя дворянства князя П.Н. Трубецкого увенчалось успехом¹⁴⁹⁸. Однако ходатайства частных предпринимателей, включение которых в сеть не могло ничего дать делу подавления восстания, отклонялись, наглядным примером чего может послужить судьба прошения дома «Бландт и Ко...», отвернутого дважды¹⁴⁹⁹. Хотя в то же время Воронин сумел «войти в положение» и разрешить пользование телефоном Хлудовской Биржевой Артели, которая вступила «в

¹⁴⁹⁰ Там же. Л. 71.

¹⁴⁹¹ Там же. Л. 69.

¹⁴⁹² Там же. Л. 3.

¹⁴⁹³ Там же. Л. 40 в.

¹⁴⁹⁴ Там же. Л. 22.

¹⁴⁹⁵ Там же. Л. 45.

¹⁴⁹⁶ Там же. Л. 122-122 об.

¹⁴⁹⁷ Там же. Л. 22, 40 в.

¹⁴⁹⁸ Там же. Л. 4.

¹⁴⁹⁹ Там же. Л. 71, 81.

состав милиции для охраны Китай-города¹⁵⁰⁰.» Не были удовлетворены ни ходатайство Московского отделения С-Петербургского Телеграфного Агенства, ни В. Климкова (что вызвало взрыв негодования в его корреспонденции)¹⁵⁰¹, ни настроенных резко оппозиционно к власти гласных Думы¹⁵⁰². Но в то же время Воронин положительно решил вопрос с прошением председателя совета Елисаветинского благотворительного общества, так как от правильной работы телефонных аппаратов зависела судьба двух детских приютов¹⁵⁰³.

Постепенная нормализация обстановки в городе и невозможность долгого лишения жителей и учреждений возможности пользоваться телефоном, заставили генерал-губернатора 23 декабря отменить свое распоряжение¹⁵⁰⁴.

Таким образом, данное постановление, обусловленное опасением лишиться телефонной связи, помогло решить еще одну задачу – затруднить связь революционеров между собой. В то же время полностью обеспечить конфиденциальность сношений «правительственных агентов» оно не могло, а лишение связи множества предприятий могло в перспективе создать серьезные экономические проблемы, что и побудило власть пойти на его отмену в самом скором времени.

Более длительным по срокам действия и в то же время спорным по результатам было изъятие оружия из частных магазинов.

Необходимость этой меры, как мы видели, назревала уже давно. В период всеобщей стачки и вооруженного восстания демонстранты и дружинники нападали на оружейные магазины, что было для них еще одним источником вооружения. Наиболее известны стали попытки захватить 8

¹⁵⁰⁰Там же. Л. 89.

¹⁵⁰¹Там же. Л. 45; *Климков Василий*. Расправы и расстрелы... С. 26-27.

¹⁵⁰²Там же. Л. 122-122 об.

¹⁵⁰³Там же. Л. 69.

¹⁵⁰⁴Там же. Л. 108.

декабря оружейный магазин Биткова¹⁵⁰⁵ и разграбление магазина Торбек 11 декабря¹⁵⁰⁶.

Обеспокоенный ростом вооружения у дружинников управляющий МВД прислал 14 декабря генерал-губернатору телеграмму, в которой в «случае возникновения беспорядков могущих грозить разграблением вооруженных магазинов» главе Первопрестольной и губернии рекомендовалось руководствоваться «сообщенным Вам 27 минувшего Ноября за №5936 правилам пользования оружием», которые предполагали «в крайнем случае» изымать из частных магазинов оружие, патроны и порох¹⁵⁰⁷. Меру эту Дубасов счел «своевременной применить» и распорядился, чтобы градоначальник отобрал все оружие из магазинов и взял их под военную охрану¹⁵⁰⁸. В тот же день была произведена реквизиция оружия из всех магазинов, причем был арестован отказавшийся сдать свой товар хозяин магазина «Охотничий вестник»¹⁵⁰⁹.» Хранилось оно с той поры в доме градоначальника до 27 декабря, когда, в связи со стабилизацией обстановки, он получил разрешение генерал-губернатора возвратить товар владельцам¹⁵¹⁰. Это было исполнено, однако хозяева магазинов было поставлено условие не продавать вплоть до особого распоряжения власти¹⁵¹¹, которое последовало только 3 февраля 1906 г., да и то только в отношении охотничьих ружей¹⁵¹².

Безусловно, распоряжение было разумным в условиях восстания. Однако, как представляется, оно несколько запоздало. 15 декабря, в день его принятия и исполнения, в столицу уже прибыл Семеновский полк, что обеспечило перевес силам администрации. Так что на судьбах восстания решающим образом данное распоряжение не сказалось. Однако, в связи с

¹⁵⁰⁵Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании...С. 42.

¹⁵⁰⁶Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 118.

¹⁵⁰⁷ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 90. Т. 1. Л. 25.

¹⁵⁰⁸Там же.

¹⁵⁰⁹Там же. Л. 73.

¹⁵¹⁰Там же. Л. 158 а.

¹⁵¹¹Там же. Л. 162.

¹⁵¹²Там же. Л. 168.

отмечавшейся современниками криминализацией Первопрестольной¹⁵¹³, думается, что это начинание не было бесполезным.

Таким образом, дополнительные административные меры – изъятие оружия из частных магазинов и выключение частных абонентов телефонной сети – оказали определенный эффект (особенно второе распоряжение, оставившие «бунтовщиков» без телефонной связи),

Наконец, крайне важным направлением административных репрессий было производство арестов. Прежде всего следует поговорить об особенностях применения этого метода борьбы с «крамолой» в условиях стачки и восстания.

Как мы помним, московская система политического сыска к началу Декабрьских событий была сильно дезорганизована: количество филеров немногочисленно, агентура неудовлетворительна. Не стоит забывать и о субъективном факторе – во главе дела сыска в Москве стояли бесцветные и безынициативные люди – Медем и Петерсон, действия коих зависели от воли вышестоящего начальства. Между тем, Дубасов только вступил в исполнение обязанностей и не мог играть видной роли в направлении арестной политики. Сложна была и позиция МВД: несмотря на переход к более жестким действиям по борьбе с «крамолой», в руководстве этого министерства все еще заметна оставалась линия на достижение компромисса и избежание резких шагов, олицетворяемая заведующим политической частью ДП МВД П.И. Рачковским, деятельно протестовавшим против ареста Петербургского Совета рабочих депутатов¹⁵¹⁴.

Вся совокупность вышеприведенных обстоятельств привела к

¹⁵¹³ Там же. Оп. 229. Д. 50. Л. 55, 56-57 об.

¹⁵¹⁴ Герасимов А.В. Указ. соч. С. 187-189; Бельгард А.В. Указ. соч. С. 218-219; Брачев В.С. Указ. соч. С. 50. И хотя В.С. Брачев в своей работе демонстрирует постепенную эволюцию воззрений знаменитого сыщика, в ноябре 1905 г. выдвинувшего проект введения чрезвычайной охраны в Петербурге, упомянутые авторы мемуаров, на наш взгляд, убедительно свидетельствуют, что изменение взглядов Рачковского было вовсе не стремительным.

провальному исходу «ликвидации» конференции железнодорожных делегатов, решение которой о начале забастовки, как мы помним, сыграло немалую роль в принятии Московским Советом итогового решения.

Узнав из протокола заседания арестованного 3 декабря исполкома Петербургского Совета рабочих депутатов о предстоящем обсуждении вопроса о новой забастовке железнодорожников, управляющий МВД Дурново велел Медему в телеграмме от 4 декабря «точно выяснить цель этого собрания, секретно определить сколько лиц будет участвовать и сколько дней будет продолжаться». Более того, все это следовало сообщить Рачковскому, коему и следовало принять необходимые меры «до взятия под стражу по охране включительно». Ему также предстояло решить в случае необходимости вопрос об аресте Московского Совета¹⁵¹⁵. Данный документ очень любопытен. С одной стороны он демонстрирует готовность главы МВД пойти на превентивные репрессивные меры, учитывая опыт столичной «ликвидации» (об этом свидетельствует последняя строка телеграммы «Такие меры признаются вытекающими из общих распоряжений приводимых в исполнение здесь»), а с другой – о продолжавшихся колебаниях Дурново, его стремлении идти на компромисс с линией Витте-Рачковского и не обострять без нужды в обстановку в империи. Об этом свидетельствует тот факт, что всю ответственность за такого рода решения глава ведомства возложил на их принципиального противника. По воспоминаниям начальника петербургской охранки А.В. Герасимова, на специальном совещании у Дурново он высказался за арест всего «железнодорожного съезда», однако Рачковский ответил на это резкими возражениями, к коим присоединился их шеф. В качестве компромисса и было принято данное решение¹⁵¹⁶. В свете проанализированного выше документы это свидетельство заслуживает доверия.

Двойственное решение привело к плачевным результатам. Рачковский

¹⁵¹⁵ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 797. Т. II. Л. 37-37 об.

¹⁵¹⁶ Герасимов А.В. Указ. соч. С. 189.

вовсе не горел желанием брать на себя ответственность за аресты «крамольников», поэтому он «под предлогом нездоровья» задержал свой отъезд в Москву до позднего вечера 6 декабря (когда роковое для власти решение уже состоялось)¹⁵¹⁷.

Что со своей стороны предпринимала московская власть? Получив телеграмму управляющего МВД (зашифрованную и отправленную лишь глубокой ночью 5 декабря)¹⁵¹⁸, Медем подключил к сбору сведений о конференции ВЖС агентов охраны – неких железнодорожных рабочих «Немчинова» (с Ярославской дороги) и «Курского» (по-видимому, с Курской). К сожалению для власти, качество доставляемых им сведений было не слишком высоким. Так. «Немчинов» 5 числа сообщил, что, «по его мнению», съезд «вероятно будет завтра» (эту неточность он объяснял тем, что «видимо сильно конспирируют») и приводил ряд известных ему делегатов (включая главу ВЖС В.Н. Переверзева и вожака революционеров на Виндавской дороге В.В. Романова). При этом он сообщал о разности оценок, даваемых железнодорожниками последним репрессиям правительства («пощечина» или «провокация»)¹⁵¹⁹. Однако в тот же день ему пришлось сообщать Отделению новую информацию: съезд уже начался, где – неизвестно, «по-видимому в д[оме] Хлудова, как первоначально говорили». Приводил он список делегатов, избранных на конференцию на Ярославской дороге, и докладывал факты, которые должны были заставить власть призадуматься: общее собрание служащих его линии постановило присоединиться к забастовке, если конференция решит ее провозгласить, а затем на собрании появился рабочий с Рязанской (Казанской) линии, заявивший о ковке холодного оружия в их мастерских¹⁵²⁰. Осведомитель «Курский» также сообщал довольно тревожные вести: о речи некоего В.А. Максимова на собрании мастеровых и рабочих в депо Курской железной дороги, в коей он обосновывал неизменную

¹⁵¹⁷ Там же. С. 190.

¹⁵¹⁸ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 797. Т. II. Л. 37 об.

¹⁵¹⁹ Там же. Л. 38.

¹⁵²⁰ Там же. Л. 39-40

реакционность правительства и малый риск при устройстве новой стачки, а также рассказывал об ожидании «Союзом рабочих депутатов» указаний из Петербурга, после получения коих «выступит пролетариат в 150-180 тысяч на улицу¹⁵²¹.» Как видим, охранке не удалось в очередной раз обзавестись надежной агентурой непосредственно из числа влиятельных железнодорожников – членов конференции, и получаемая информация отличалась неопределенностью и фрагментарностью.

Отзыв же Медема и Петерсона, вскоре посланный в Департамент полиции, был составлен в довольно мажорной тональности: после перечисления выясненных фактов (в основном по донесениям «Немчинова», причем авторы послания, вопреки осведомителю, уверенно заявляли, то конференция собралась в помещении Технического бюро в доме Хлудовой на Рождественке) утверждалось, что большая часть железнодорожников выступает против забастовки «в настоящее время» (откуда они взяли этот пассаж непонятно, возможно, не все донесения агентуры по этому делу дошли до нас)¹⁵²². Учитывая общий пессимизм конференции, такая оценка была в целом недалеко от истины. Однако если принять во внимание, что адресатом послания выступал Рачковский, и без того не горевший желанием арестовывать железнодорожников и Московский Совет (о деятельности коего в Петербург ничего не сообщалось), и то, что новых извещений об изменении обстановки в МВД не было отправлено, в широкой перспективе данный отчет вольно или невольно дезориентировал петербургские власти. Роковую роль, по всей видимости, сыграло низкое качество агентуры: следующее донесение от «Немчинова» об итоговом решении конференции начать забастовку и изготовлении рабочими Ярославской дороги оружия датировано уже 7 декабря, когда ничего изменить было нельзя¹⁵²³. 6 же числа московская охранка посвятила свое внимание не изысканию более достоверных сведений о происходившем «съезде», но сбору информации об известных по донесению

¹⁵²¹ Там же. Л. 42.

¹⁵²² Там же. Л. 41-41 об.

¹⁵²³ Там же. Л. 46.

«Немчинова» делегатах, прибывших в Москву¹⁵²⁴.

В результате импульс к переходу к более жесткой политике пришел из Петербурга. Вечером 6 декабря, получив от некоего Еульчева сведения о решении железнодорожного съезда объявить забастовку, Дурново потребовал у Медема сообщить об этом Рачковскому для «безотлагательного» ареста съезда. Но было уже поздно: распоряжение о «выяснении нахождения» и взятии под стражу барон отдал лишь в 2 ½ часа ночи¹⁵²⁵. Какой эффект произвело бы своевременное «изъятие» главарей, показывает сообщение «Немчинова» о «сильном впечатлении», произведенном арестом В.Н. Переверзева 8 декабря, в частности выразившемся в заявлении одного из лидеров ВЖС – инженера Д.В. Шумского: «Мы остались без головы, однако будем продолжать¹⁵²⁶.» Нетрудно предположить, что было бы, если б таких «голов» изолировали еще больше.

Следовательно, ряд факторов, так и не изжитых со времен «дней свобод» – неудовлетворительное состояние агентуры, инертность московского полицейского начальства и стремление его успокоить руководителей страны, страх петербургского руководства перед социальным взрывом – не смогли предотвратить выступления на стороне революционеров мощной силы – железнодорожников Первопрестольной.

Какие особенности арестной политики можно выделить в течение периода всеобщей стачки и восстания?

Наиболее важной формой лишения свободы были аресты в рамках Положения об охране. Решения по данным вопросам принимались в первую очередь градоначальником и начальником Охранного Отделения, однако в данный период большую роль играли и другие «руководящие центры».

Во-первых, упущенное «наверстывал» присланный в Москву Рачковский. Судя по всему, он играл первенствующую роль в принятии

¹⁵²⁴ Там же. Л. 43, 44.

¹⁵²⁵ Там же. Л. 47.

¹⁵²⁶ Там же. Л. 54.

решения об аресте железнодорожников и руководящих деятелей МСРД¹⁵²⁷. Более того, Петерсон 9 декабря информировал его наряду с помощником градоначальника Будбергом о заседании «железнодорожного комитета» в доме Фидлера, так что эmissар Дурново был как минимум в курсе этой громкой карательной акции¹⁵²⁸. По всей видимости, его полицейский опыт оказался настолько востребован, что Дубасов 12 декабря по телефону попросил управляющего МВД «дать» ему Рачковского¹⁵²⁹. На следующий день Дурново официально командировал аса политического сыска в Первопрестольную «для руководства арестами зачинщиков» (он получил право фактически руководить деятельностью охраны), причем после подавления московского «мятежа» ему надлежало привести в порядок этот процесс в Харькове, Одессе и других городах по выбору¹⁵³⁰. Судя по слухам, зафиксированным в дневнике осведомленной графини Е.Л. Камаровской, именно Рачковский сыграл решающую роль в захвате Кавказской дружины (по дошедшим до нее слухам, чиновник Департамента полиции использовал прием запугивания – вырвал необходимые сведения у «еврея из Женевы» под угрозой смерти). Она же писала, что он встал во главе «Сыскальной полиции» (очевидно, подразумевалась охранка)¹⁵³¹. Важнейшим дознанием руководил Рачковский сразу же после завершения восстания: 20 декабря он приступил к допросу знаменитого «левого» фабриканта Н.П. Шмита, в первый день добившись признания о пожертвовании на пользу революции 6000 рублей кадетом князем С.И. Шаховским¹⁵³². Впоследствии ему удалось «выбить» информацию о В.Л. Шанцере, А.М. Горьком, М.С. Николаеве, И.Г. Урысоне, Н.А. Рожкове, И.И.

¹⁵²⁷ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 797. Т. II. Л. 55-55 об. О деятельности Рачковского в Москве в декабре 1905 г. в историографии существуют лишь очень общие представления: говорится, что он руководил арестами революционеров в Москве без какой-либо конкретики (*Брачев В.С.* Указ. соч. С. 71; *Перегудова З.И.* Рачковский Петр Иванович // П.А. Столыпин. Энциклопедия. М., 2012. С. 509). В.С. Брачев лишь ограничивается заключением, что «все» аресты в Первопрестольной «были во многом делом его (Рачковского – М.А.) рук», не подкрепляя этого утверждения какими-либо фактами.

¹⁵²⁸ Там же. Оп. 237. Д. 90. Т. 1. Л. 233

¹⁵²⁹ Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве... С. 51.

¹⁵³⁰ РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 10. Л. 38-38 об.; ГА РФ. Ф. 102. ДП. 4 д-во. 1905. Оп. 316. Д. 2586. Л. 22. Уезжал ли Рачковский в начале десятых чисел из Москвы в Петербург или же его командировка означала лишь продление полномочий – неизвестно.

¹⁵³¹ Записки графини Е.Л. Камаровской... С. 86.

¹⁵³² РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 10. Л. 82.

Фундаминском-«Непобедимом», Н.К. Муравьеве и других лицах, причастных к Декабрьским событиям¹⁵³³. При этом потом Шмит уверял, что данные показания были получены у него под страхом смерти, то есть Рачковский (хоть фабрикант прямо не называет его имени) использовал тот же метод запугивания (любопытно, что первым его применил глава карательного отряда на Пресне Г.А. Мин, показывавший арестанту трупы дружинников, расстрелянных без суда)¹⁵³⁴. Таким образом, эмиссар из Департамента полиции сыграл весьма значимую роль в руководстве московскими арестами. Однако получить о ней всеобъемлющее представление мы, к сожалению, не можем в силу узости источниковой базы.

Во-вторых, под личным контролем держал этот процесс новый генерал-губернатор. Ему регулярно докладывалось о важнейших «ликвидациях», включая аресты 7-8 числа (Федеративного совета РСДРП во главе с В.Л. Шанцером, вождя ВЖС В.Н. Переверзева, председателя МСРД Н.К. Муравьева и лидера секции МСРД Н.И. Чистова, ряда активистов ВЖС), задержание участников митинга в «Аквариуме», собрании в доме Фидлера, взятии под стражу «мятежников» на завершающем этапе восстания¹⁵³⁵. Принимал Дубасов решения о лишении свободы ряда «крамольников» лично: 9 декабря он затребовал подробные списки железнодорожных агитаторов и на их основе отдал распоряжение об аресте значительной их части¹⁵³⁶. 16 декабря Дубасов распорядился об аресте Н.П. Шмита¹⁵³⁷.

Живейший интерес к ходу дел в Первопрестольной проявлял и Дурново, теперь развернувший бурную деятельность по нейтрализации врагов режима. Особое внимание управляющего МВД привлекали железнодорожники, стачечные комитеты коих в докладе Николаю II от 13 декабря он оценивал как

¹⁵³³ ГА РФ. Ф. 102. ДП. 4 д-во. 1906. Оп. 203. Д. 8. Ч. 34. Л. 20-21 об.

¹⁵³⁴ Там же. Л. 15-15 об.; Высший подъем... С. 734. Интересно, что в своем докладе о результатах Пресненской экспедиции Мин заявлял о получении им самим и отсылке Дубасову каких-то показаний Шмита, которых не удалось обнаружить. Стоит отметить, что 21 декабря формально допрос фабриканта вел начальник охраны Петерсон, однако вышеприведенные документы позволяют с уверенностью утверждать, что именно Рачковский играл в дознании первую скрипку (ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 839. Л. 37-38).

¹⁵³⁵ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 90. Т. 1. Л. 214-215, 217, 233, 234-234 об., 235-236 об.

¹⁵³⁶ ГА РФ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 9. Л. 928 об.; Ф. 63. Оп. 25. Д. 797. Т. II. Л. 60-63.

¹⁵³⁷ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 90. Т. 1. Л. 215 об.

основных застрельщиков «мятежнического движения»¹⁵³⁸.» 8 декабря последовало уже решительное распоряжение Дурново, переданное Медему директором Департамента полиции Н.И. Вуичем: «арестовать всех железнодорожных агитаторов до инженеров включительно», однако «взять только главарей»¹⁵³⁹. Отправлялись из Петербурга и более «точечные» указания: например, 8 числа вице-директор Департамента полиции Тимофеев сообщил Петерсону об участии в московской конференции столичных делегатов от партии социалистов-революционеров Репьева, Сильченко и Соболева¹⁵⁴⁰. Тогда же Дурново лично направил Медему приказ об аресте В.В. Романова, одного из лидеров забастовки на Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороге¹⁵⁴¹. 11 декабря московский градоначальник получил от управляющего МВД аналогичное распоряжение о лишении свободы лидеров стачечников на Московско-Казанской железной дороге – Н.А. Печковского, В.А. Беднягина, Д.А. Котляренко¹⁵⁴².

Правоохранительное ведомство проявляло подобную энергию и в других делах. 11 декабря Вуич телеграфировал московской охранке о немедленном проведении ликвидации «социал-революционных и социал-демократических организаций на основе... строго проверенных данных наружного и внутреннего наблюдений»¹⁵⁴³.» В его телеграмме от 13 декабря содержалось вполне конкретное предписание: взять под стражу ряд оппозиционных московских юристов¹⁵⁴⁴. 18 декабря директор Департамента полиции «в дополнение» сообщил, что по «сообщениям ... того же источника» в «числе главных деятелей движения стоят Гольдовский и Воскобойников, Конделаки Евгений, Мандельштам, Гейссен» и велел «распорядиться» «выяснить» этих

¹⁵³⁸ РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 10. Л. 38 об.-39.

¹⁵³⁹ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 797. Т. II. Л. 51. Видимо, подобная позиция выборочного удара была продиктована прагматическими соображениями, выявившимися еще в ноябре 1905 г. при обсуждении Советом министров указа о воспрещении стачек в заведениях правительственных и имеющих общественное значение: данные отрасли нельзя было оставлять без работников, а суд не справился бы с такой массой обвиняемых (Совет министров Российской империи. 1905-1906 гг. ... С.55-56).

¹⁵⁴⁰ Там же. Л. 49.

¹⁵⁴¹ Там же. Л. 53, 41.

¹⁵⁴² Там же. Л. 68.

¹⁵⁴³ *Сторожев В.Н.* Указ. соч. С. 88.

¹⁵⁴⁴ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 871. Л. 9.

адвокатов для последующих репрессий против них¹⁵⁴⁵. Глава МВД пытался направлять ход следственных действий, повелев 19 декабря Дубасову в телефонном разговоре передать арестованного Шмита в руки Рачковского¹⁵⁴⁶.

Не успокоился Дурново и после подавления восстания: 24 декабря он разослал циркулярное письмо губернаторам и градоначальникам с повелением «готовиться» к возможным беспорядкам в связи с годовщиной «Кровавого воскресенья», причем в числе рекомендаций были выявление и арест «главных агитаторов и зачинщиков среди рабочих» и «окончательное» расстройство и «уничтожение «стачечных комитетов железных дорог¹⁵⁴⁷.» Таким образом, руководитель внутривластного ведомства активно стремился направлять курс репрессивной политики в Москве.

Распространенным дополнением к арестам в порядке «охраны» стало массовое задержание «неблагонадежных» полицейскими или войсковыми нарядами на улицах, довольно часто – за нарушение каких-либо обязательных постановлений. Характерным примером может послужить случай А.Ф. Соколова, за два дня до этого валившего телеграфные столбы и срывавший телеграфные проволоки на Покровке¹⁵⁴⁸. Основанием к задержанию также могло стать «подозрение в самоличности» (как у Г.М. Лазарева¹⁵⁴⁹), подстрекательство к забастовке (как у Н.П. Сапожникова¹⁵⁵⁰), участие в постройке баррикад (как у И.Е. Епишева¹⁵⁵¹), пение революционных песен (как у П.И. Чванова¹⁵⁵²), участие в действии толпы и агитация (как у П.И. Иванова¹⁵⁵³).

Участие в патрулях солдат порой придавало делу задержания особый драматизм. Особенно это проявилось в действиях Семеновского полка на

¹⁵⁴⁵ Там же. Л. 71.

¹⁵⁴⁶ РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 10. Л. 79 об.

¹⁵⁴⁷ Высший подъем... С. 163-164.

¹⁵⁴⁸ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 14. Ч. 2. Л. 29; Д. 833. Л. 23.

¹⁵⁴⁹ Там же. Л. 26.

¹⁵⁵⁰ Там же. Л. 26 об.

¹⁵⁵¹ Там же. Л. 24.

¹⁵⁵² Там же. Л. 19.

¹⁵⁵³ Там же. Л. 21 об.

Пресне, расстрелявших без суда и следствия ряд людей, например студента Моисеева¹⁵⁵⁴.

Своеобразным дополнением к арестам и задержаниям стали массовые увольнения «неблагонадежных» на завершающем этапе восстания. 17 декабря Дубасов одобрил предложение заведующего передвижением на ряде железных дорог Московского узла полковника М.И. Пестржецкого об удалении всех служащих, желающих «стать на работы», и принимать их обратно «со строгим разбором»¹⁵⁵⁵.» После получения циркуляра Дурново об увольнении «серьезных агитаторов и противоправительственных деятелей» из органов самоуправления от 16 декабря к концу января 1906 г. было удалено 34 служащих городской Управы и хозяйства во главе с председателем Рабочего правления С.С. Красниковым¹⁵⁵⁶.

Как видим, власти (по крайней мере Дубасов, Дурново и командированный в Первопрестольную Рачковский) предпринимали деятельные попытки нейтрализовать самых опасных участников противоправительственного движения. Насколько их планам способствовал аппарат политического сыска и поддержания порядка в Москве?

К сожалению для них, выявившиеся в «дни свобод» и при попытке «ликвидации» железнодорожников недостатки в дни стачки и восстания лишь усилились.

Фактическая утрата полицией контроля над городскими районами парализовала работу немногочисленных филеров: за период с 10 по 21 декабря дневники наружного наблюдения практически не велись¹⁵⁵⁷. Судя по докладу дворцового коменданта Трепова Николаю II от 17 декабря, «группы революционеров» внесли серьезную дезорганизацию в работу самого Охранного Отделения: установив круг служивших там «чинов», они

¹⁵⁵⁴РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 445. Л. 7-8, 9.

¹⁵⁵⁵Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве...С. 60.

¹⁵⁵⁶Высший подъем...С. 156-157; ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 484. Л. 5, 23-23 об., 27, 44, 46. Незадолго до этой кампании Дубасов добился у императора лишения мундира и пенсии одного из лидеров бастовавших городски служащих – отставного генерал-майора П.В. Аверьянова (ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 233. Д. 49. Л. 6,8).

¹⁵⁵⁷ГА РФ. Ф. 63. Оп. 45. Д. 11; 14; 336. Л. 258-259.

принялись устраивать обыски в их квартирах, в результате чего сотрудников охраны пришлось «сосредоточить» в управлении градоначальника¹⁵⁵⁸. На пике восстания (10-12 декабря) немногочисленная полиция, занятая уличной борьбой с «мятежниками», была, по обоснованному донесению начальника охраны Петерсона, очень плохой помощницей его ведомству при производстве требовавшихся массовых арестов (учитывая бедственное положение полиции на окраинах, можно предположить, что наиболее тяжелая ситуация с этим делом сложилась там)¹⁵⁵⁹. В данной ситуации на помощь службе правопорядка приходилось призывать войсковые патрули, вследствие состояния гарнизона также не очень многочисленные¹⁵⁶⁰. Вполне закономерно заявление нового главы охраны полковника Е.К. Климовича, что ввиду занятия революционерами части города «к следственным действиям» можно было приступить лишь 17 числа¹⁵⁶¹. Он же свидетельствовал о совершенно неудовлетворительной осведомленности агентуры к февралю 1906 г. (в чем ему вторил А.А. Рейнбот)¹⁵⁶².

Как нетрудно предположить, особенно слабое звено представляла собой в плане содействия охране малочисленная железнодорожная полиция: по словам управляющего Казанской дорогой П.П. Шестакова, она не предпринимала никаких попыток арестовать зачинщиков «мятежа», которые «им (жандармским унтер-офицерам – М.А.), наверное, были известны¹⁵⁶³.» Впрочем, возможности железнодорожной полиции ограничивали и другие обстоятельства: по донесениям местного начальства, большая часть «крамольных» служащих жила на «частных квартирах», появляясь на дорогах «только в часы службы» и устраивая собрания в Москве, вследствие чего не удавалось выяснить точные составы стачечных комитетов, места «сборищ»

¹⁵⁵⁸ РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 10. Л. 62 об.

¹⁵⁵⁹ Высший подъем... С. 677.

¹⁵⁶⁰ Там же. С. 684; ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 506. Л. 3; ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 14. Ч. 2; Д. 833. Л. 23.

¹⁵⁶¹ ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1905. Оп. 233 а. Д. 1350. Ч. 26. Л. 203.

¹⁵⁶² РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 512. Л. 2 об.; РГИА. Ф. 1393. Оп. 1. Д. 14. Л. 4.

¹⁵⁶³ Высший подъем... С. 742.

«мятежников» и арестовывать их¹⁵⁶⁴.

Это сказалось на общей осведомленности властей. Начальник Московско-Киевского ЖПУ ж.д. генерал-майор Г.М. Петров 8 декабря представил прибывшему в Москву Рачковскому перечень «крамольных» железнодорожников, включавший только 11 служащих на Киевской, Ярославской и Виндавской дорогах (чиновник заявлял о предоставлении отдельного списка по Казанской линии градоначальнику) и 2 делегатов на конференцию из провинции. Недостатки этих данных сразу бросались в глаза: значительная часть сведений была добыта во время «первой железнодорожной забастовки», в список был включен уже арестованный Переверзев, относительно остальных дорог Московского узла указывалось, что местные начальники отделений жандармской полиции «не усматривают» наличия революционеров¹⁵⁶⁵. И в дальнейшем руководители службы порядка на данных магистралях, представляя более полные списки опасных «агитаторов» и забастовщиков, сами признавали, что перечни далеки от совершенства и составлены во многом на основе данных, относившихся к Октябрьской стачке¹⁵⁶⁶. Доходило до трагикомических ситуаций: докладывая 8 декабря Охранному Отделению о видных «мятежниках» на Московско-Архангельской дороге, начальник Московско-Александровского Отделения Московско-Архангельского ЖПУ ж.д. подполковник Сергиевский, констатируя невозможность установить «адрес некоторых лиц», сетовал на закрытие забастовщиками контор, где хранятся адресные книги (учитывая состояние железнодорожной полиции, такое объяснение не кажется отговоркой)¹⁵⁶⁷. И к концу восстания все оставалось по-прежнему: 16 декабря начальник Московско-Владимирского отделения МЖПУ ж.д. докладывал охране, что «точных фактических данных» о виновности лиц, включенных в список у него не имеется, а возможные свидетели в данный момент «благодаря

¹⁵⁶⁴ ГА РФ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 9. Л. 920-920 об.; Ф. 63. Оп. 25. Д. 797. Т. II. Л. 19, 85.

¹⁵⁶⁵ Там же. Ф. 63. Оп. 25. Д. 797. Т. II. Л. 55-55 об.

¹⁵⁶⁶ Там же. Ф. 59. Оп. 1. Д. 9. Л. 920-920 об., 926, 927; Ф. 63. Оп. 25. Д. 797. Т. II. Л. 13, 17-18 об., 19, 26-29, 71.

¹⁵⁶⁷ Там же. Ф. 63. Оп. 25. Д. 797. Т. II. Л. 59.

запуганности, вероятно откажутся¹⁵⁶⁸.»

Справедливости ради нужно отметить, что говорить о тотальной неосведомленности и бессилии власти все же не стоит. На основе агентурных данных были лишены свободы 7-8 числа хорошо известные охранке члены Федеративного совета, руководства МСРД и деятели ВЖС (включая Г.Б. Красина, Н.И. Женишека, М.И. Богданова, упоминавшихся в донесении «Немчинова» от 5 декабря)¹⁵⁶⁹. Такие сведения привлекались полицейскими властями и после: первая «очередь» членов «Кавказской боевой дружины» была захвачена на основе агентурных данных в доме Толмачева 14 декабря. А это дало толчок продолжению следствия: один из «фигурантов», крестьянин М.И. Иванов («квартирный слуга»), дал необходимые указания для ареста «кавказцев», оставшихся на свободе, что и было произведено 15-17 декабря¹⁵⁷⁰.

Однако в условиях плохой работы традиционной сыскной системы охранке приходилось прибегать к альтернативным источникам информации. Первую скрипку тут играла полиция. В материалах канцелярии генерал-губернатора, относящихся к представлению к награде отличившегося пристава 2 участка Тверской части Юрьева, говорится, что он регулярно снабжал охранку сведениями о происшествиях в своем участке (судя по докладам Медема Дубасову, это действительно так и было)¹⁵⁷¹. Пристав 1 участка Пресненской части Шестаков 14 декабря телеграфировал градоначальнику о желательности артиллерийского обстрела фабрики Шмидт и здания холостых спален Прохоровской фабрики «до разрушения».¹⁵⁷² В тот же день Медем и Петерсон составили генерал-губернатору довольно солидное по стилю донесение, в котором сообщали, что, «по имеющимся вполне достоверным сведениям», в восстании на Пресне участвует много рабочих, «ютящихся» в

¹⁵⁶⁸ Там же. Л. 85.

¹⁵⁶⁹ Там же. Л. 39; Д. 873. Л.38 об.

¹⁵⁷⁰ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 92. Л. 8; ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 898. Л. 32 об.; Высший подъем...С. 684.

¹⁵⁷¹ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 233. Д. 49 а. Л. 53; Высший подъем...С. 685-686. Очень высокую оценку действиям Юрьева давал сам Дубасов в письме Джунковскому после отставки (ГА РФ. Ф. 826. Оп. 1. Д.547. Л. 4).

¹⁵⁷² ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 839. Л. 1.

холостых спальнях фабрики Прохорова, и проживающих на столярной фабрике Шмита¹⁵⁷³. Несмотря на развернутость, содержательная часть сообщения, на наш взгляд, не многим глубже, чем в донесении Шестакова.

Но в условиях кризиса полиции сыску приходилось прибегать к довольно сомнительным источникам информации. Так, Б.А. Косминский, А.М. Эфрос и М.Ю. Чубарь были арестованы 18 декабря потому, что их фамилии числились в записной книжке студента Бориса Виноградова, убитого 14 декабря у Манежа¹⁵⁷⁴.

Однако порой основания для ареста и задержания не выдерживали никакой критики. Например, С.С. Трухачева, сына статского советника, уже было освобожденного из Охранного Отделения, вторично арестовали, потому что «господин в штатском» признал в нем «начальника сотни» боевой дружины¹⁵⁷⁵.

Задержания на улице давали необходимый эффект, когда в данном районе было достаточное число солдат и полицейских. В противном случае ситуация вполне подходила под описание заведующего Бутырским районным отделением московской охраны от 10 декабря: «ввиду малочисленного состава вверенных мне нижних чинов никого из толпы задержать не представилось возможным¹⁵⁷⁶.»

Серьезной проблемой стало размещение арестованных и задержанных: тюрьмы и полицейские участки Первопрестольной были явно не рассчитаны на солидное число насельников; активность же революционеров и строительство ими баррикад создавали угрозу разгрома мест заключения¹⁵⁷⁷.

Естественно, власти пытались как-то исправить сложившуюся ситуацию, улучшив систему московского политического сыска. Решительную

¹⁵⁷³ Там же. Л. 2.

¹⁵⁷⁴ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 898. Л. 34 об.

¹⁵⁷⁵ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 506. Л. 3.

¹⁵⁷⁶ Высший подъем... С. 664.

¹⁵⁷⁷ *Сторожев В.Н.* Указ. соч. С. 87; *Ф.В. Дубасов* о декабрьском вооруженном восстании в Москве... С. 47; *Высший подъем*... С. 758-759.

попытку усовершенствовать работу охраны предпринял Рачковский, коему Дурново 13 декабря также приказал ознакомиться со «специальными делами», разрабатываемыми в охранных отделениях Москвы и других городов, куда ему надлежало отправиться, и составить инструкцию этим органам для интенсификации их деятельности¹⁵⁷⁸. В декабре 1905 г. он ходатайствовал о прикомандировании к московскому Охранному Отделению офицеров и «перемене личного состава»¹⁵⁷⁹. Однако вплоть до февраля никаких изменений ни в организации агентуры, ни в порядке финансирования не произошло, вероятно, в результате крупных ведомственных затрат. В это время были срочно увеличены штаты полиции Москвы и Петербурга, повсеместно вводилась полицейская стража¹⁵⁸⁰.

Попыталась московская власть решить проблему размещения арестованных. 11 декабря генерал-губернатор обратился к управляющему МВД и министру юстиции с просьбой о переводе как можно большего числа арестантов в Петербург¹⁵⁸¹. Однако ввиду массовых арестов в Северной столице сложилась подобная ситуация: градоначальник В.А. Дедюлин 22 декабря даже поставил перед великим князем Николаем Николаевичем вопрос о создании мест для помещения арестуемых», в результате чего было решено предоставить гражданскому начальству для этой цели Дерябинские казармы на Васильевском острове¹⁵⁸². Тем временем московское начальство всерьез готовилось к переводу арестантов: делопроизводитель пересыльной тюрьмы Козлов 12 декабря запрашивал у тюремного инспектора конвойных, «знакомых с перевозкой» и требовал сообщить точное время отправки. При этом он оговаривал, что до отправки партии необходимо разобрать баррикады, а это ставило под сомнение успех всей акции¹⁵⁸³. В конечном итоге 13 декабря министр юстиции С.С. Манухин отказал Дубасову, порекомендовав

¹⁵⁷⁸ГА РФ. Ф. 102. ДП. 4-е д-во. 1905. Оп. 316. Д. 2586. Л. 21 об.

¹⁵⁷⁹РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 512. Л. 2 об.

¹⁵⁸⁰Там же; ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 233. Д. 57. Л. 4а; Российская монархическая государственность... С. 192-193, 195-197.

¹⁵⁸¹Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве... С. 48.

¹⁵⁸²Дневник Г.О. Рауха... С. 91.

¹⁵⁸³ЦГА Москвы. Ф. 474. Оп. 17. Д. 253. Л. 9.

воспользоваться в пеницентарных целях помещениями военного ведомства, а также по возможности отправить 100 арестантов в Тверь и 200 – во Владимир¹⁵⁸⁴. Реальных практических последствий этот совет не имел: 15 числа Медем жаловался на переполненность арестантских домов и необходимость размещать арестантов в собственном управлении, 17 – о проблемах с их довольствием и требовал денег. Генерал-губернатор ограничился пересылкой последней просьбы в канцелярию губернатора¹⁵⁸⁵. 14 декабря Джунковский ввиду сложной ситуации в Пересыльной тюрьме (накануне арестанты устроили бунт) предпринял попытку добиться у Главного тюремного управления разрешения на организацию немедленной высылки заключенных по этапу, но безуспешно¹⁵⁸⁶. Таким образом, попытки власти разрешить два важнейших вопроса арестной политики потерпели крах вследствие финансовых проблем империи, сложности перемещения арестантов в условиях восстания и повсеместной нехватки мест заключения.

Данные трудности привели к тому, что результаты арестной политики были весьма противоречивы.

С одной стороны, власти действительно удалось изолировать ряд врагов режима. Помимо вышеупомянутых «ликвидаций», в период с 7 по 24 декабря администрация смогла обезвредить некоторых представителей «местной группы» социалистов-революционеров (включая братьев Александра и Николая Мазуриных¹⁵⁸⁷) и социал-демократов¹⁵⁸⁸, забастовавших служащих общественного управления и городского хозяйства¹⁵⁸⁹, лиц, обвинявшиеся в организации и в членстве в боевых дружинах¹⁵⁹⁰, членов самочинного отряда Красного Креста, взятых при обыске войсками Промышленного училища 14 декабря¹⁵⁹¹, деятелей почтово-телеграфного союза, союза булочников и

¹⁵⁸⁴ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 90. Т. 1. Л. 25.

¹⁵⁸⁵Сторожев В.Н. Указ. соч. С. 87-88.

¹⁵⁸⁶ЦГА Москвы. Ф. 474. Оп. 17. Д. 253. Л. 31.

¹⁵⁸⁷ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 898. Л. 32 об.

¹⁵⁸⁸Там же. Л. 4 об.

¹⁵⁸⁹Там же. Л. 33.

¹⁵⁹⁰Там же. Л. 32.

¹⁵⁹¹Там же. Л. 33 об.

«Союза союзов»¹⁵⁹²», агитаторов среди рабочих фабрики Циндель¹⁵⁹³ и ряд прочих подозреваемых в антиправительственной деятельности¹⁵⁹⁴. Особенно ценными следует признать захваты Шанцера, Переверзева, ряда его товарищей по ВЖС, многих дружинников в училище Фидлера и братьев Мазуриных – «коноводов» московских эсеров (хотя аресты, произведенные до 10 декабря, не позволили предотвратить восстание). Вообще, охранка, как только улучшились обстоятельства, развернула бурную деятельность: по сообщению прокурора московской судебной палаты фон Клугена, с 12 по 16 декабря по ее приказам было лишено свободы «свыше ста человек»¹⁵⁹⁵. В последние дни восстания и сразу после него применялся метод повального обыска домов, населенных рабочими и прочим «неблагонадежным элементом», для розыска оружия и других компрометирующих материалов, следствием чего были масштабные аресты и задержания¹⁵⁹⁶.

Однако вышеперечисленные дефекты системы сыска приводили к тому, что ряду важнейших «преступников» удавалось избегнуть поимки. Наиболее ярким примером может послужить судьба «мятежных» железнодорожников. На основе распоряжений Рачковского был сформирован список членов ВЖС, коих следовало арестовать в ночь на 9 декабря, однако «за отсутствием их во время обысков их квартир» было схвачено только 6 человек (в числе спасшихся был один из лидеров революционеров на Казанской дороги Д.М. Котляренко, на Ярославской – Д.В. Шумский, а также уже давно разыскивавшийся Е.Г. Хохлов)¹⁵⁹⁷. Из солидного перечня «крамольных» железнодорожников, подлежащих аресту вследствие приказа Дубасова 9 числа в ближайшее время удалось лишить свободы лишь механика телеграфа с

¹⁵⁹² Там же. Л. 33 об.

¹⁵⁹³ Там же. Л. 34 об.

¹⁵⁹⁴ Там же.

¹⁵⁹⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 1054. Л. 9 об. К сожалению, выяснить поименно весь состав арестованных и причину лишения их свободы на основании выявленных источников не представляется возможным: в деле Охранного Отделения об арестах во время Декабрьского восстания за указанные дни значится значительно меньше обезвреженных «злоумышленников» (ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 898). Очевидно, это объясняется плохим ведением учета немногочисленными и деморализованными сотрудниками охраны и массовым освобождением случайно арестованных лиц.

¹⁵⁹⁶ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 785. Л. 530; Высший подъем... С. 754.

¹⁵⁹⁷ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 797. Т. II. Л. 64-65.

Казанской дороги И.И. Беднова и машиниста оттуда же Н.А. Печковского (задержан в доме Фидлера, как и железнодорожник-эсер А.Я. Деев, коего планировалось взять в ночь с 8-го на 9-е)¹⁵⁹⁸. К «ликвидации» остальных удалось приступить только 17 числа, причем и тогда ряду видных врагов режима, включая В.В. Романова с Виндавской, Д.А. Котляренко, А.И. Горчилина (в полицейской документации Горчилкин – М.А.), А.В. Ухтомского (убит семеновцами) с Казанской, А.И. Батанову с Курской дорог, удалось уйти¹⁵⁹⁹.

Ряд своих деятельных противников охране не удалось установить. Так, ряд руководителей дружин Пресненского района (З.Я. Литвин-Седой, М.И. Соколов, Г.М. Ривкин и др.) вообще не попал в сферу действия охраны. Часть этих лиц (например, Литвин-Седой или В.Я. Зоммерфельд-Мартынов) была установлена охранкой, однако «Медведь»-Соколов, «Володя»-Мазурин и ряд других их товарищей так и остались для властей тайной¹⁶⁰⁰.

В историографии отмечалось, что охранка предприняла попытку захватить своих врагов при отъезде из Москвы, для чего было установлено наблюдение на вокзалах. Однако таким образом не удалось никого обезвредить¹⁶⁰¹.

Одновременно плохая осведомленность и авральный режим работы приводили к аресту многих лиц, косвенно или вовсе не причастных к революционному движению. Примером может послужить случай учительницы Е.И. Дмитриюковой, сестры земского начальника Лихвинского уезда и будущего депутата Государственной думы, которую арестовали на основе неконкретной информации о ее предполагаемой принадлежности к РСДРП и

¹⁵⁹⁸ Там же. Л.60-63 об.; Д.14. ч.2. Л.24 об. - 25; ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 90. Т. 3. Л. 76 об., 78; *Сторожев В.Н.* Указ. соч. С. 103. Очевидно, информирование генерал-губернатора о действиях охраны не было оперативным: в перечне от 9 декабря присутствуют Е.Е. Светловская, А.И. Иванов и А.А. Попов, уже взятые под стражу (Там же. Ф. 63. Оп. 25. Д. 797. Т. II. Л. 60, 64).

¹⁵⁹⁹ Там же. Д. 898. Л. 29-30 об.

¹⁶⁰⁰ Вышний подъем... С. 781. Это при том, что сам по себе будущий лидер максималистов В.В. Мазурин был известен московской охране, однако с партийной кличкой «Володя» она его соотнести не смогла (ГА РФ. Ф. 63. Оп. 45. Д. 397. Л. 11).

¹⁶⁰¹ *Шатина Н.В.* Указ. соч. С. 136.

обнаружения у нее при обыске ряда изданий социалистической направленности (каковые, по словам ее дяди К. Адамовича, «можно купить в любом магазине»). 1 января, власти, так ничего и не «накопавшие» на учительницу, освободили ее¹⁶⁰². И случай освобождения Дмитриюковой за недоказанностью был далеко не единственным¹⁶⁰³. Однако не все отделялись легко: например, руководство МВД согласилось с заключением Рейнбота об оставлении под стражей и последующей высылке в северные губернии студентов Московского Технического Училища И.И. Ильина и Н.Н. Павлова, арестованных 13 декабря за хранение оружия, прокламаций и «перевязочных средств», что якобы «указывало на весьма вероятное участие их в происходившем тогда мятежном движении»¹⁶⁰⁴.

Неоднозначные результаты принесла и практика задержаний. Согласно отношению Медема прокурору окружного суда от 30 декабря, в различных районах города удалось задержать 48 человек, при которых было обнаружено «поличное», позволяющее говорить о них как о дружинниках. Не говоря о том, что такие «улики» (речь, конечно, идет об оружии) еще ни о чем не свидетельствовали, данная главой полиции «раскладка» задержаний по районам позволяет усомниться в их эффективности: в таких «горячих точках», как Пресня, железные дороги и Бутырки было задержано соответственно 4, 4 и 2 человека¹⁶⁰⁵.

Приходилось московскому начальству идти на освобождение части арестантов и задержанных из чисто прагматических соображений: нужно было освобождать места для более серьезных преступников. Так, в ночь с 9 на 10 декабря Джунковский и охранка приказали начальству Пересыльной тюрьмы освободить 34 человека, захваченных на митинге в «Аквариуме» 8 декабря, чтобы разместить арестованных в училище Фидлера¹⁶⁰⁶. 21 декабря Медем распорядился отпустить всех лиц, отбывавших в арестных домах наказание за

¹⁶⁰² ГА РФ. Ф. 102. ДП. 7-е д-во. 1906. Оп. 203. Д. 8 Ч. 34. Л. 45 об., 219.

¹⁶⁰³ Там же. Л. 43, 85.

¹⁶⁰⁴ Там же. Л. 206-206 об.

¹⁶⁰⁵ Там же. Ф. 63. Оп. 25. Д. 833. Л. 81.

¹⁶⁰⁶ ЦГА Москвы. Ф. 474. Оп. 17. Д. 253. Л. 36 об.

нарушение обязательных постановлений, за исключением уличенных в недозволенном хранении и ношении оружия¹⁶⁰⁷. Естественно, что подобные распоряжения не способствовали улучшению общей обстановки в городе.

Проблемы в работе московского политического сыска делали его в известной степени плохо управляемым инструментом в общей борьбе руководства МВД с революцией. Так, на распоряжении директора Департамента полиции от 8 декабря о «ликвидации» главарей железнодорожников, Медем скептически начертал: «К немедленному исполнению, но в Москве нет мест для всех¹⁶⁰⁸.» С какими трудностями это распоряжение исполнялось – мы уже видели. В силу плохой осведомленности руководства МВД о московских событиях (видимо, проистекавшей от медленного информирования его нераспорядительными подчиненными о своих действиях) оно отдавало не вполне адекватные приказы. Например, когда 11 числа Дурново лично распорядился арестовать служивших на Казанской дороге Печковского, Котляренко и техника В.А. Беднягина, первый был уже благополучно схвачен сутками раньше в училище Фидлера; других же так и не удалось отыскать¹⁶⁰⁹. Не имели позитивных последствий для власти «выяснение» и арест адвокатов: до решения об административной высылке удалось довести только Б.А. Перского и М.Л. Мандельштама (примечательно, что левый кадет оказался обвинен в принадлежности к «местной социал-демократической организации»). На других членов «общесудебного стачечного комитета» в дни Октябрьской забастовки (С.А. Левицкого, В.А. Александрова, М.Б. Ганнушкна, А. Воскобойникова, М. Волькенштейна, М.И. Коссовского, П.П. Лидова) компрометирующего материала было еще меньше, и все обвиняемые рано или поздно были освобождены (лишь присяжный поверенный Ганнушкин был подвергнут административному аресту на два месяца за незаконное хранение оружия)¹⁶¹⁰. Таким образом, о полноценном вкладе МВД в проведение арестной политики в Москве говорить сложно: либо

¹⁶⁰⁷ Там же. Ф. 475. Оп. 19. Д. 114. Л. 246.

¹⁶⁰⁸ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 797. Т. II. Л. 8.

¹⁶⁰⁹ Там же. Л. 68.

¹⁶¹⁰ Там же. Д. 871. Л. 86, 157; Д. 898. Л. 31 об.

распоряжения Дурново и его ближайших сотрудников не исполнялись по объективным причинам, либо они слабо отвечали обстановке в Первопрестольной.

Проблематичен ответ на вопрос об эффективности массовых увольнений. Слабая осведомленность охраны и жандармской полиции негативно сказалась на результатах массового лишения работы железнодорожников. Несмотря на масштаб «чистки» (увольнение и принятие «с разбором», по подсчетам Н.В. Шатиной, привели к изгнанию примерно 200 человек с каждой магистрали¹⁶¹¹), впоследствии оказалось, что ряд «неблагонадежных» служащих продолжает вести «подрывную деятельность»: например, в феврале 1906 г. конторщики материальной службы Казанской дороги в доносе Дубасову, описывая визит к ним в феврале своего бывшего коллеги Николаева, ставшего агитировать за новую забастовку, уверяли, что ряд их товарищей (например, Василий Ахов, Егор Надеждин и другие) активно содействовали «смутьяну», причем перед Декабрьской стачкой сами «горячо агитировали» и «вообще сильно старались помочь революционерам¹⁶¹².» И этот сигнал не был единственным¹⁶¹³. Анализируя деятельность московской охраны весной-осенью 1906 г., Е.К. Климович упоминал, что многие из уволенных железнодорожников были впоследствии приняты на службу обратно (вероятно, в силу профессиональных качеств), что несколько укрепило сильно подорванную базу ВЖС¹⁶¹⁴.

Наконец, уже в дни восстания перед московской и центральной властями встал вопрос о форме наказания, которой следовало предать захваченных «мятежников».

Позиции Дубасова, Дурново и премьера Витте в этом деле привлекали, особенно в последнее время, интерес историков и вызвали достаточно острую дискуссию. Так, советский историк и правовед М.Н. Гернет находил, что никакого особенного различия во взглядах между Дурново и Дубасовым не

¹⁶¹¹ Шатина Н.В. Указ. соч. С. 139.

¹⁶¹² РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 507. Л. 1 об.

¹⁶¹³ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 92. Л. 36-36 об.

¹⁶¹⁴ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 15. Л. 32 об.

было – оба стояли за максимально беспощадные репрессии по отношению к революционерам¹⁶¹⁵. В постсоветский период разброс мнений стал шире. Ю.С. Воробьева полагала, что Дубасов, в отличие от управляющего МВД, был жесток, когда это требовала обстановка открытого «мятежа», но был готов смягчить принимаемые меры после окончания восстания, поэтому и выступал за предание арестованных гражданскому суду¹⁶¹⁶. Сходную позицию занял и А.И. Куксин, фактически противопоставлявший генерал-губернатору не только более жестокого Медема (выдвинувшего предложение разрешить войскам производить самосуд по отношению к захваченным «мятежникам»), но и сторонника военного суда Дурново¹⁶¹⁷. В противовес подобным взглядам биограф главы МВД А.П. Бородин, использовавший дневник московского генерал-губернатора, высказал мысль, что нельзя говорить о большем гуманизме человека, стремившегося «переколоть» захваченных дружинников¹⁶¹⁸. Для того, чтобы разобраться в этом калейдоскопе мнений следует разобрать целиком историю взаимоотношений московского генерал-губернатора с Петербургом по этой проблеме.

Как известно, вопрос о более широком использовании военного суда против революционеров – в областях, охваченных «мятежным движением» и против лиц, посягавших на жизнь военных и полицейских при исполнении служебных обязанностей – трижды поднимался в Совете министров в декабре 1905 г. В итоге Николай II 29 декабря фактически передал дело на усмотрение МВД и местного начальства¹⁶¹⁹. На этом фоне управляющий внутрисполитическим ведомством, отвергавший проект повсеместного применения полевой юстиции в борьбе с «мятежниками», настаивал на использовании ее в Москве.

11 декабря Дурново запросил Дубасова, собирается ли генерал-губернатор предать дружинников, арестованных 9 декабря в доме Фидлера

¹⁶¹⁵Гернет М.Н. Указ. соч. С. 125.

¹⁶¹⁶Воробьева Ю.С. Федор Дубасов...С. 366.

¹⁶¹⁷Куксин А.И. Указ. соч. С. 134.

¹⁶¹⁸Бородин А.П. Указ. соч. С. 163.

¹⁶¹⁹Совет министров Российской империи. 1905-1906 гг. ...С. 100-101, 112-115, 118-119; Королева Н.Г. Указ. соч. С. 63-64.

(самую многочисленную группу лиц, взятых под стражу) военному суду¹⁶²⁰. Вечером того же дня Дубасов сообщил управляющему МВД о своем намерении разделить арестованных на разряды в зависимости от тяжести вины и главных предать военной юстиции¹⁶²¹. На следующий день он велел председателю Московской судебной палаты Ф.Ф. Арнольду готовить процесс по делу «фидлеровцев» (указывая, что к суду следует привлечь выше 100 обвиняемых), однако о привлечении военных к процедуре вице-адмирал 12 числа не сказал ни слова¹⁶²². К.Н. Левин записал в дневнике слухи о совещании, которое якобы состоялось у Дубасова 11 декабря и было отчасти посвящено вопросу о предании революционеров военной юстиции. На нем генерал-губернатор встретился с оппозицией «старшего товарища военного прокурора», в результате чего было решено предать «фидлеровцев» суду палаты (что, несмотря на не вполне достоверный характер информации, сообщаемой Левиным, согласуется с последующим распоряжением вице-адмирала)¹⁶²³.

Однако, вероятно, что генерал-губернатор продолжал испытывать колебания относительно выбора учреждения, коему надлежало решать участь «мятежников». 15 декабря днем у Дубасова состоялось совещание с исполняющим должность прокурора Московского военно-окружного суда, на котором, скорее всего, обсуждался искомый вопрос¹⁶²⁴. Вероятно, по его итогам генерал-губернатор окончательно решил отказаться от услуг военной юстиции, заявив вечером по телефону Дурново следующее: «Непопулярное учреждение, лучше мы переколем¹⁶²⁵.» Означало ли это обдуманное стремление избавиться от захваченных революционеров без всякой помощи Фемиды (как полагает А.П. Бородин) или же проявление полемического запала, яркую, но не очень обдуманную фигуру речи? Учитывая взрывной и не особенно склонявшийся перед законом нрав московского генерал-губернатора,

¹⁶²⁰ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 92. Л. 1.

¹⁶²¹Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве... С. 49.

¹⁶²²ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 93. Л. 2-2 об.

¹⁶²³Левин К.Н. Вооруженное восстание... С. 242

¹⁶²⁴ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 93. Л. 4.

¹⁶²⁵Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве... С. 56.

можно предположить и то, и другое. Видимо, его намерения так и остались тайной для управляющего МВД, поставившего в конспекте доклада царю знак вопроса напротив изложения позиции Дубасова¹⁶²⁶. Мнение самих Дурново и императора было однозначно – необходимо предать «мятежников» военному суду, что и было четко выражено в телеграмме управляющего МВД московскому генерал-губернатору от 16 декабря¹⁶²⁷. Очевидно, позиции Дурново и Дубасова, вопреки мнению М.Н. Гернета, основанному на выборочном цитировании данной телеграммы¹⁶²⁸, довольно четко различались.

Получив послание с волеизъявлением монарха, генерал-губернатор, однако, не спешил его исполнять. Согласно телеграмме фон Клугена министру юстиции (впоследствии доложенной Витте) 16 декабря Дубасов созвал новое совещание в составе военного прокурора, председателя палаты и самого автора послания для обсуждения возможности использования военного суда в деле лиц, захваченных в училище Фидлера. В итоге «ввиду энергических возражений военного прокурора», считавшего такую передачу дела необоснованной и предрекавшего «неблагоприятное впечатление общества», генерал-губернатор решил предварительно снестись с главным военным прокурором В.П. Павловым. Данную телеграмму Витте в тот же день доложил императору¹⁶²⁹. В итоге, несмотря на противодействие Дурново и Акимова, Дубасов смог, опираясь на содействие премьера, добиться свободы действий – Николай распорядился передать этот вопрос на усмотрение самого генерал-губернатора¹⁶³⁰.

Таким образом, последовательное рассмотрение отношения генерал-губернатора к вопросу о предании «злоумышленников», на наш взгляд, позволяет опровергнуть представление как о принципиальности вице-

¹⁶²⁶ГА РФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1905. Оп. 233 а. Д. 1350. Ч. 26. Л. 111.

¹⁶²⁷ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 93. Л. 12.

¹⁶²⁸Гернет М.Н. Указ. соч. С. 123-124.

¹⁶²⁹РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 65. Л. 158.

¹⁶³⁰Революция 1905 года и самодержавие... С. 41-42; РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 430. Л. 1, 2-4 об, 5-7. Правда, Дурново в письме Дубасову от 12 января 1906 г. сделал попытку оказать воздействие на генерал-губернатора, намекая, что «самая резолюция...указывает, куда клонится его (царя — М.А.) мнение», что сам глава МВД выводит его из «целого ряда указаний и намеков, которые все сводятся к тому, что революцию необходимо подавить сурово» и, наконец, «по старым товарищеским отношениям» советовал вице-адмиралу передать дело военному суду, что, впрочем, не оказало на того воздействия (РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 430. Л. 1-1 об.).

адмирала, так и о его патологической жестокости. Многочисленные обсуждения данной темы с привлечением «экспертов» от судебного ведомства показывают, что генерал-губернатор стремился выбрать наиболее эффективный в данных условиях способ наказания «мятежников». Безусловно, огромное влияние на вице-адмирала, не слишком сведущего в делах судопроизводства и государственного управления, оказала позиция московской военной юстиции, представители коей не желали выглядеть козлами отпущения в глазах общества и, возможно, намекнули «главному начальнику» Первопрестольной, что именно на него падет персональная ответственность в случае утверждения смертных приговоров¹⁶³¹.

Прагматизм подхода Дубасова к вопросу о наказаниях подчеркивает тот факт, что 15 декабря, когда обсуждение возможного наказания для «фидлеровцев» было в разгаре, генерал-губернатор полностью одобрил предложение градоначальника Медема о предании «мятежников», захваченных с оружием в руках, смерти на месте¹⁶³².

Таким образом, в арестной практике московских властей отразились все недостатки работы административного аппарата. Дезорганизация охраны, проблемы с качественной агентурой и наружным наблюдением, малочисленность войск и полиции (вкуче со слабостью последней, особенно железнодорожной), неподготовленность мест заключения к принятию большого количества арестантов, помноженные на объективные условия восстания (баррикадные бои, потеря связи между районами), приводили к тому, что аресты и задержания происходили с большим трудом и часто не

¹⁶³¹ Аналогичный подход проявился в вопросе о том, какой каре следует подвергнуть пристава Ермолова, застрелившего доктора В.В. Воробьева во время обысков на Пресне. Все обстоятельства дела указывали на крайнюю тяжесть содеянного. Тем не менее, и московские, и центральные власти, памятуя об ужасах восстания, были готовы до такой степени «войти в положение» Ермолова, что стали изыскивать всяческие средства для избавления его от наказания, а Николай II даже вознамерился простить его. Однако в силу возбужденного 24 декабря официального иска сделать это было весьма затруднительно, поэтому 2 января 1906 г. Дурново обратился к Дубасову с предложением передать дело Ермолова военному суду в порядке чрезвычайной охраны. Однако Дубасов в отношении от 13 февраля высказался против подобного плана, аргументируя это неизбежной дискредитацией власти, которую повлечет за собой признание дела военной юстиции. Дубасов и здесь вовсе не стоял за гуманизм и отвлеченную законность: он полагал, что состав гражданского суда вряд ли окажется менее «понимающим», да и сам Ермолов, с коим генерал-губернатор беседовал, счел за лучшее быть преданным именно «статской» Фемиде (ГА РФ. Ф. 102. ДП. 7-е д-во. 1906. Оп. 233. Д.8. Ч. 34. Т. 8. Л. 2, 10).

¹⁶³² ЦГА Москв. Ф. 16. Оп. 237. Д. 90. Т. 1. Л. 125.

давали ожидаемого результата, несмотря на значительную активизацию администрации по сравнению с «днями свобод»: важные «преступники» ускользали (хотя власти и удалось захватить ряд «ценных кадров» из стана противников типа В.Л. Шанцера или В.Н. Переверзева), а в руках власти оказывались лица, косвенно или вовсе не причастные к «мятежу». Импровизированные попытки исправить недостатки системы сыска провалились из-за финансовых проблем империи, а стремление «разгрузить» места заключения – из-за полной организационной невозможности, обусловленной как условиями восстания, так и масштабными репрессивными акциями во всей империи, приводившие к заполненности тюрем и участков.

Рассмотрение вмешательства Петербурга в дело производства арестов в Москве, на наш взгляд, позволяет говорить о том, что руководство МВД не могло контролировать этот процесс. Поначалу его распоряжения были весьма туманными (что было обусловлено борьбой в «верхах» относительно выработки линии поведения по отношению к революционерам), а затем не могли быть своевременно исполнены в силу либо заявленных выше недостатков системы сыска в Первопрестольной, либо недостаточной адекватности текущему моменту (также происходившему из-за плохой осведомленности центрального руководства, порожденной дезорганизацией московских полицейских органов). Более того, в важнейшем вопросе о наказании захваченных «мятежников» генерал-губернатор Дубасов во многом под влиянием местной военной юстиции занял позицию, противоречившую взглядам управляющего МВД, и сумел в итоге заручиться согласием императора и премьера. Таким образом, сомнительно говорить о решающем вкладе П.Н. Дурново в победу над восстанием в данной сфере.

Следовательно, практика арестов и задержаний в период Декабрьской стачки и восстания привела к противоречивым результатам и не стала одним из решающих факторов его разгрома.

Таким образом, рассмотрение административных мер борьбы с

Декабрьской стачкой и восстанием позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, чрезвычайные условия продемонстрировали плохую функциональность местного государственного аппарата. Малочисленность и плохое вооружение полиции, неудовлетворительное руководство ею, невысокое качество агентуры и наружного наблюдения Охранного Отделения, неподготовленность мест заключения к экстренному приему множества арестантов – ярко проявились в период открытого противостояния власти и революционеров и стали немаловажным фактором того, почему подавление «смуты» происходило так тяжело и для власти, и для населения. Скудные «силы порядка» не смогли должным образом обеспечить ни качественное выполнение обязательных постановлений руководства города, ни производство арестов и задержаний врагов режима. Как следует из вышеизложенного материала, полицейские не могли обеспечить даже повсеместное ознакомление горожан с распоряжениями и объявлениями генерал-губернатора, что создавало «информационный вакуум», заполнявшийся слухами, очень часто неблагоприятными для власти. Попытки же произвести экстренные улучшения административного аппарата в условиях восстания дали весьма ограниченные результаты в силу различных причин – финансовых, организационных, наконец, психологических – запуганный обыватель не рисковал идти в добровольные дружинники для содействия начальству, ночные сторожа или агенты охраны, когда рядом стояли баррикады и разгуливали вооруженные революционеры. Привлечение же к исполнению полицейских функций войск также не решало проблемы: помимо занятости малочисленного гарнизона «военными операциями» против повстанцев, это порождало проблему крайне жестокого отношения военных к мирному населению, что было явно не на руку администрации.

Во-вторых, петербургское начальство (главным образом руководство МВД) в условиях восстания оказалось плохим руководителем для московской администрации. Его распоряжения то запаздывали, то не могли быть своевременно исполнены, то вообще не особенно учитывали объективную

ситуацию (в чем не в малой степени были повинны московские подчиненные, не всегда информировавшие управляющего МВД и его ближайших сотрудников о своих действиях). Особенно ярко эти особенно проявились в арестной политике: многочисленные приказы П.Н. Дурново либо оставались до конца не исполненными, либо добавляли проблем московской администрации (как в случае с адвокатами). Еще в ходе подавления восстания наметился антагонизм между руководством МВД и местной властью: если Дурново стремился предать самую крупную группу захваченных в Москве «злоумышленников» военному суду в показательных целях, то генерал-губернатор Дубасов, видимо, под влиянием военной юстиции опасавшийся негативного общественного резонанса по отношению к своей персоне (что могло выразиться в террористическом акте) резко воспротивился этому и в итоге добился от царя свободы рук. Следовательно, сложно говорить о достаточном контроле ситуации в Первопрестольной со стороны МВД.

В-третьих, в отличие от предшествовавшего периода у московской администрации появился деятельный руководитель. Вице-адмирал Дубасов активно вмешивался во все сферы карательной политики властного аппарата – от арестов до функционирования телефонной службы. Он также был склонен лично выдвигать или поддерживать многочисленные начинания, которые, как ему казалось, сулили успех в борьбе с восстанием. В итоге Дубасов работал над обращениями к населению, требовал скорейшего найма 1000 городских и увеличения штата ночных сторожей, создания добровольной «милиции». Безусловно, такая бурная деятельность должна была вселить в администрацию веру в победу над восстанием, а реализация ряда начинаний (вооружение полиции и ночных сторожей, создание отрядов добровольцев) способствовали более успешной борьбе с «мятежом». Отличался он и независимостью во взаимоотношениях с Петербургом, о чем свидетельствуют дискуссия о применении военного суда и запрет родительских совещаний после восстания. Однако слабые административные познания вице-адмирала давали о себе знать: многие выдвинутые или поддержанные им инициативы были плохо

исполнимы в условиях восстания (например, наем свыше 2000 ночных сторожей). При составлении же воззваний к населению, в чем Дубасов мнил себя экспертом, он проявил излишнюю самоуверенность: восхваление им действий войск и умолчание об объективных проблемах мешали части «аудитории» воспринимать текст его «афиш».

Таким образом, можно сделать вывод, что Декабрьская стачка и восстание остро поставили перед властью империи вопрос о радикальном усовершенствовании местного административного аппарата, оказавшегося в полной зависимости от военной силы.

*§3. Гражданская и военная власть Москвы в борьбе с восстанием.*¹⁶³³

Вопрос о формах и эффективности взаимодействия московской гражданской власти – генерал-губернатора, градоначальника и подчиненного им аппарата – с военной администрацией в период Декабрьского восстания отдельно в историографии не ставился. В лучшем случае историки ограничивались упоминанием или описанием отдельных совместных действий полиции и войск, распоряжений генерал-губернатора, адресованных военному руководству Первопрестольной, действий воинских сил, направленных на подавление восстания (прежде всего в орбиту внимания историков попал отряд полковника Г.А. Мина, занимавшегося «замирением» главного очага «мятежа» – Пресни). А.И. Куксин сделал вывод о фактической подконтрольности военной власти гражданской, однако не раскрыл

¹⁶³³ При подготовке данного параграфа диссертации использованы следующие публикации автора: Алмазов М.Г. Ф.В. Дубасов и подавление Декабрьского восстания в Москве // Российская история. 2020. № 1. С. 51-74; Он же. «С сегодняшнего дня ежедневные советы у меня»: к вопросу о роли военно-полицейских совещаний в период Декабрьского вооруженного восстания 1905 г. // Вестник московского университета. Серия 8. История. 2019. № 1. С. 75-84; Он же. Взаимодействие московского генерал-губернатора Ф.В. Дубасова и полковника Г.А. Мина во время занятия Пресни (17-21 декабря 1905 г.) // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: сборник статей участников Международной научно-практической школы-конференции молодых ученых (25 октября 2018 г.). М., 2018. С. 175-186; Он же. Артиллерийский обстрел Пресни 17 декабря 1905 г. // Человеческий капитал. 2019. № 1. С. 20-26.

конкретного механизма их взаимодействия и его эволюции¹⁶³⁴. Следовательно, целостная картина сотрудничества гражданской и военной власти в деле борьбы с «крамолой» в литературе отсутствует. Между тем исследование таких вопросов, как механизм принятия решений военного характера при подавлении восстания, конкретная роль гражданской администрации в этом процессе, основные проблемы, по которым взаимодействовали «штатские» и военные руководители Москвы, позволяет пролить свет на проблему функционирования местного управления в начале XX века.

Уже 28 декабря 1905 г. в докладной записке Николаю II генерал-губернатор Ф.В. Дубасов представил свое видение сотрудничества администрации и военных в период восстания. Он чрезвычайно критически относился к сформировавшемуся механизму такого взаимодействия, при котором «главный начальник» может лишь призывать войск для содействия, и утверждал, что в дни восстания ему пришлось исполнять роль «руководителя военных действий», не принадлежащую ему по закону. Правда, адмирал делал оговорку, что «столь ненормальное положение» не принесло горьких плодов усмирителям, «так как в горячем стремлении подавить преступное движение, тесно объединившем и гражданские и военные власти, между ними исчезло всякое различие». Однако Дубасов прямо говорил, что в других условиях подобное разъединение властей могло быть пагубно. Позитивная программа, выдвинутая московским генерал-губернатором, заключается в сосредоточении гражданской и военной власти в руках главноначальствующего (генерал-губернатора), при подчинении ему для этой цели начальника войск Московского военного округа.¹⁶³⁵

Из текста записки следует, что в потенциале между администрацией и военным командованием могли возникнуть серьезные проблемы. Вряд ли такой земной и конкретный человек, как вице-адмирал Дубасов сделал этот вывод, исходя из отвлеченной логики. Поэтому рассмотрение коллизий

¹⁶³⁴Сторожев В.Н. Указ. соч. С. 60-207; Шатина Н.В. Указ. соч. С. 117-141; Куксин А.И. Указ. соч. С. 131.

¹⁶³⁵Высший подъем...С. 751-752.

реальных взаимоотношений московской гражданской администрации и военной власти в ходе восстания требует к себе особенного внимания.

Выше нами описывался в общих чертах порядок взаимодействия этих сил, зафиксированный в законодательстве. Осталось только более подробно описать полномочия, которые приобретал генерал-губернатор после объявления Москвы на положении чрезвычайной охраны. Помимо упоминавшихся прав главнокомандующего армией в военное время (присваиваемого по специальному повелению императора), он получал звание главноначальствующего, включавшего следующие прерогативы, подразумевавшие тесное взаимодействие с военной властью: создавать в помощь полиции специальные военно-полицейские команды с кругом обязанностей, определяемых при их учреждении; передавать дела «об известного рода преступлениях и проступках» на рассмотрение военного суда (или предавать их «административному разрешению»). Однако без формального подчинения ему войск «главный начальник» не мог ими распоряжаться по своему усмотрению¹⁶³⁶. Следовательно, с формальной точки зрения претензии Дубасова не были беспочвенны.

Как выстраивались взаимоотношения гражданской и военной администрации Первопрестольной на практике?

7 декабря, в день начала всеобщей стачки, генерал-губернатор Дубасов при принятии решения о переходе к режиму чрезвычайной охраны одновременно распорядился через градоначальника о вызове всего гарнизона¹⁶³⁷. Судя по мемуарам Джунковского, данное решение являлось плодом обсуждения на «военном совещании», устроенным по инициативе Дубасова у командующего войсками МВО генерала Н.Н. Малахова (на нем также присутствовали автор мемуаров и градоначальник Медем). Главной целью совещания, по словам Джунковского, была выработка «мер при

¹⁶³⁶ Российская монархическая государственность... С. 576.

¹⁶³⁷ *Сторожев В.Н.* Указ. соч. С. 78; Высший подъем... С. 723.

совместных действиях войск и полиции¹⁶³⁸.» Согласно «Дежурным дневникам московского градоначальства», перепуганный Медем, видимо, вообще требовал объявления военного положения (при коем ответственность за поддержание порядка возлагалась на военных), но успокоился после категоричного заявления МВО о занятии войсками «означенных (в плане вызова гарнизона – М.А.) мест¹⁶³⁹.» Следовательно, переход к новым методам борьбы с революцией явился в некотором роде плодом коллективной работы гражданской и военной власти Москвы, а извещение командующего МВО о введении чрезвычайного положения – формальностью. Данное распоряжение было исполнено немедленно: Малахов через генерал-квартирмейстера С.М. Шейдемана распорядился о вызове всех полков гарнизона для занятия позиций, намеченных в плане, разработанном в ноябре 1905 г.¹⁶⁴⁰

Более того, в указанном выше отношении Малахову Дубасов сообщил, что в отсутствие на местах гражданского начальства начальники войсковых формирований могли, в силу ст. 316 тома II Свода Законов империи, приступать «к действию оружием», не испрашивая разрешения «гражданских властей» (прежде всего чинов полиции)¹⁶⁴¹. Эта мера была вызвана в первую очередь упоминавшемся острым кризисом полицейской службы Первопрестольной. Вполне можно согласиться с Н.В. Шатиной, трактовавшей эту меру как присвоение армии полицейских функций (правда, апокалиптический эпитет «последняя опора режима», применяемый исследователем по отношению к московскому гарнизону, кажется нам чересчур эмоциональным)¹⁶⁴².

В конце октября-начале ноября, как уже упоминалось, в штабе округа была разработан план вызова всего гарнизона.

Какой представляла конфигурация расположения войск согласно этому

¹⁶³⁸ Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 112.

¹⁶³⁹ «Дежурные» дневники московского градоначальства... С. 109.

¹⁶⁴⁰ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 575. Л. 17, 18, 21, 22.

¹⁶⁴¹ Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве... С. 40.

¹⁶⁴² Шатина Н.В. Указ. соч. С. 122.

проекту? Территория Москвы делилась в целях обороны от «мятежников» на 3 района: первый включал пространство вдоль Москвы-реки от Крымского моста до Александровского сада, от Александровского сада до улиц Тверской и Садовой (командовать должен был генерал-майор В.Э. Фриш), второй — территорию в пределах улиц Тверской, Мясницкой, Никольской и Садовой (командир — генерал-майор А.Ф. Крузенштерн), третий — местность в границах вдоль Москвы-реки от Кремля до Устьинского моста, Язузы, Садово-Черногрязской и Мясницкой (руководить им должен был командир 7 гренадерского Самогитского полка полковник В.П. Голосов). Общее руководство действиями отрядов должен был осуществлять генерал-лейтенант Павловский в Кремле.

Какие же объекты надлежало занять войскам гарнизона Первопрестольной? Шесть рот 1 лейб-гренадерского Екатеринославского полка отправлялись в Кремль (с двумя пулеметами Самогитского полка) и две — в Манеж; три роты 2 Ростовского с двумя пулеметами — в Государственный банк, одна — на Трубную площадь, одна — к Петровским воротам, две — Николаевскому вокзалу, одна — в Николаевские казармы; четыре роты 3 Перновского полка (с двумя пулеметами Киевского полка) — к Храму Христа Спасителя (как было специально указано в распределении — «наблюдать за Каменным мостом»), одна — к Крымскому мосту, три с двумя пулеметами Киевского полка — к Арбатским воротам; четыре роты 4 гренадерского Несвижского полка (с двумя пулеметами Ростовского полка) — на Страстную площадь, одна — на казенный винный склад на Малой Царицынской улице, одна — к Никитским воротам и две — в Манеж; восемь рот 5 гренадерского Киевского полка — на Театральную площадь; восемь рот 6 гренадерского Таврического полка — в Манеж; четыре роты 7 гренадерского Самогитского полка (с двумя пулеметами Киевского полка) — на Варварскую площадь, одна — на Хитров рынок и еще одна — к Ильинским и Покровским воротам; четыре роты 12 гренадерского Астраханского полка (с двумя пулеметами Самогитского полка) — к Воспитательному дому (как было специально указано

– «наблюдать за Устьинским и Москворецким мостами») и еще четыре роты (также с двумя пулеметами Самогитского полка) – на Красную площадь; четыре роты 221 Троицко-Сергиевского полка (с двумя пулеметами Самогитского полка) – на Лубянскую площадь, одна – на Телефонную Станцию и три (с двумя пулеметами Ростовского полка) – в Главный Почтамт. Всего в данном мероприятии должно было участвовать 83 роты пехоты. Части конских подразделений, свободные от нарядов, распределялись следующим образом: эскадрон лейб-драгунского Московского полка следовал на Лубянскую площадь, эскадрон 2 драгунского Санкт-Петербургского полка – на Театральную площадь; эскадрон 3 драгунского Сумского полка – в Городской манеж; сотни 1 Донского казачьего полка – на Страстную площадь; сотни «прочих казачьих полков» на Красную площадь. Одна сотня 1 Донского казачьего полка и эскадрон Московского полка должны были остаться в Николаевских казармах «до распоряжения». Артиллерии следовало выступить против «мятежников» по особому распоряжению. Объекты для ее дислокации были избраны следующие: Театральная, Лубянская, Страстная, Кремлевская площади, Кремль и Храм Христа Спасителя. Каждым из отрядов надлежало командовать старшему из присутствовавших штаб-офицеров. В случае же беспорядков или порчи средств связи (телефона, телеграфа) боевым единицам надлежало самостоятельно занять пункты, «указанные настоящим расписанием¹⁶⁴³».

8 ноября генерал-квартирмейстер Шейдеман подписал дополнение к этому распределению. Согласно ему, из войск, которые должны расположиться у Манежа, планировалось создать отряд, подчиненный генерал-майору Говорову¹⁶⁴⁴. Помимо этого, генерал-лейтенант Павловский был назначен начальником всех войск, вызванных для охраны Москвы¹⁶⁴⁵.

Как видим, военное начальство озаботилось охраной наиболее ценных объектов Первопрестольной в стратегическом, финансовом, политическом

¹⁶⁴³ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 85. Л. 198-199.

¹⁶⁴⁴Там же. Л. 197.

¹⁶⁴⁵РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 386. Л. 2.

смысле: Кремля, площадей, мостов, ворот, средств связи (почтамта и телефонной связи), банков, вокзалов. Кроме того, войска предполагалось распределить главным образом в центре города, в пределах современного Садового кольца (единственными исключениями выступали Малая Царицынская улица в Хамовниках и Николаевские казармы на Ходынском поле). Можно заметить, что разработка этого «расписания» всецело находилась в компетенции военных властей, а гражданские лишь принимали готовый результат этой деятельности к сведению. Тем удивительнее, что план составлен без понимания реального состояния московского гарнизона, о котором упоминалось выше. В случае осуществления подобной меры вызванные части неизбежно бы раздробились на большое число маленьких отрядов. Это в принципе могло быть эффективно для усмирения обычных забастовщиков, но бесполезно и опасно перед лицом настоящего восстания.

Однако, судя по всему, гражданское и военное начальство сразу же столкнулось с крайней малочисленностью имевшихся в их распоряжении сил¹⁶⁴⁶. Лишним подтверждением этого могут послужить свидетельства современников, «не заметивших» вызова огромной массы солдат. Так, К.Н. Левин записал в дневнике 7 декабря: «На улицах оживление. Кое-где виднеются небольшие шествия с красными флагами; стройно поют «марсельезу»; сумцы, по указанию городских, гоняются за демонстрантами. Изредка попадаются патрули пехоты. Казаков не видно¹⁶⁴⁷.» Примерно ту же картину рисует и его антипод в идейном отношении Л.А. Тихомиров: «Кое-где войска и толпы...В Леонтьевском переулке столкновение красных знамен с драгунами¹⁶⁴⁸.» О том же свидетельствует и непосредственный противник московских властей — дружинник-большевик В.А. Костицын: «Войск не было видно. Встречались лишь небольшие патрули драгун (кажется, Сумского полка) человека по три».¹⁶⁴⁹

¹⁶⁴⁶Из истории московского вооруженного восстания...С. 46.

¹⁶⁴⁷Левин К.Н. Вооруженное восстание...С. 234.

¹⁶⁴⁸Дневник Л.А. Тихомирова...С.169.

¹⁶⁴⁹Костицын В.А. Декабрьское восстание 1905 г. ...С. 195.

В этих условиях сами командиры частей, судя по всему, препятствовали отправке подчиненных к местам дислокации. Так, командир Самогитского полка полковник Голосов доложил новому начальнику охраны Москвы генералу Говорову, что во вверенный ему 3 район прибыли роты Перновского и Троицко-Сергиевского полков, однако назначенные в Почтамт два пулемета не были «отпущены» командиром Ростовского полка полковником Симанским (хотя, возможно, это объясняется сомнениями последнего в степени надежности недавно бунтовавшего полка)¹⁶⁵⁰.

Так или иначе, и вице-адмирал Дубасов в телеграмме, посланной на следующий день военному министру и министру внутренних дел, и генерал Малахов в отчете начальству уже после подавления восстания отмечали, что появление солдат на улицах Москвы привело к успокоению рабочих и способствовало наведению порядка¹⁶⁵¹. Однако уже события 7 декабря показали, что прекратить начавшуюся забастовку имеющимися в распоряжении власти силами не удастся. Неслучайно, что с первого дня стачки Дубасов стал требовать присылки воинских подкреплений из Петербурга¹⁶⁵².

Учитывая, очевидно, малочисленность гарнизона (и, возможно, брожение в его рядах), руководство МВО стремилось лишний раз не прибегать к его вызову, что проиллюстрировали события 8 декабря. В полдень, ввиду появления «толп с красными флагами и революционными песнями» в разных местах города, градоначальник Медем вновь затребовал предоставления в его распоряжение всей воинской силы. Однако военное начальство ограничилось посылкой в «два места» кавалерии и конной артиллерии¹⁶⁵³. Таким образом, неограниченно использовать «военный ресурс» у администрации, как и ранее, не получалось.

Помимо вызова войск гарнизона, продолжалась практика назначения военнослужащих в особые наряды для помощи «гражданским властям». 7

¹⁶⁵⁰ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 386. Л. 9.

¹⁶⁵¹ Высший подъем...С. 723; Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве...С. 43.

¹⁶⁵² Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве...С. 43.

¹⁶⁵³ Там же. С. 42; Высший подъем...С. 723.

декабря войска заняли указанные в распределении вооруженных нарядов пункты¹⁶⁵⁴. В числе мест, подлежащих охране 7-10 декабря, значились военные объекты (окружной штаб, Александровское военное училище, Кремлевские и Покровские казармы, военная тюрьма, Манеж), важные центры транспорта и связи (Николаевский вокзал, Главный телеграф, Центральная телефонная станция, Главный почтамт), ряд опорных звеньев гражданской власти (дом генерал-губернатора, градоначальника, полицейский дом Пресненской части, 1 участок Лефортовской части, полицейский дом 2 участка Тверской части, Городской участок), ряд фабрик (завод Гивартовского, Гоппера, Голутвинская мануфактура, Абрикосова, Цинделя, Тиль), банков (Государственный, Коммерческий, Международный) (как видим, география воинских нарядов не так сильно изменилась с «дней свободы»), а также Храм Христа Спасителя. Часть воинских сил была направлена в губернию (в Клин, Коломну, Мытищи, Подольск, на фабрику Вотреме в Пушкино и др., причем 1 рота пехоты была даже послана в уездный центр Тамбовской губернии – Липецк)¹⁶⁵⁵.

Всего в наряде было задействовано: 8 декабря — 10 рот пехоты (3 роты в командировке), 5 ½ эскадрона кавалерии, 2 ¾ сотни казаков, а еще отдыхали 6 ½ эскадрона кавалерии и 6 ¾ сотни казаков; 9 декабря - 11 ½ рот пехоты, 6 ½ эскадронов кавалерии и 3 сотни казаков, 3 роты пехоты находилось в командировке, 5 ½ эскадронов конницы и 6 сотен казаков отдыхали; 10 декабря — 13 рот пехоты, 5 ½ эскадрона кавалерии, 3 сотни казаков, 2 роты пехоты находилось в командировке, 6 ½ эскадрона и 6 сотен отдыхали¹⁶⁵⁶. Как видим, в течение трех дней количество сил пехоты, задействованных в наряде, увеличивалось (в том числе за счет рот, отправленных в провинцию в командировку), количество же кавалерии и казаков оставалось примерно таким же. Следует также отметить, что с каждым днем «география нарядов» все более расширялась. Так, 9 декабря «добавился» полицейский дом Тверской

¹⁶⁵⁴РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 575. Л. 71-73 об.

¹⁶⁵⁵Там же; Д. 386. Л.209 об. - 210, 213-214.

¹⁶⁵⁶Там же.

части¹⁶⁵⁷, а 10 — Ярославский и Брянский вокзалы, взятый накануне отрядом войск и полиции дом Фидлера (однако «исчез» полицейский дом Тверской части)¹⁶⁵⁸.

Военная власть, с ведома гражданской, регулярно снабжала «расписания» нарядов специальными типовыми указаниями. Во-первых, «начальствующие лица» отрядов пехоты получали, в полном соответствии с распоряжением генерал-губернатора, право «приступать к действию оружием» вне зависимости от того, «будет ли ком[андир] отряда представлен гражданской властью или нет». В целях оберегания личного состава войск при открытии огня запрещалось стрелять вверх, «так как от перелета пуль могут быть невинные жертвы»; виновные же в этом должны были понести строгую ответственность. Давались начальникам нарядов и указания на случай вызова всего гарнизона: немедленно сообщать в штаб МВО и в Кремль «по прибытии в назначенные пункты номер ближайшего телефона, которым можно воспользоваться» и установить у этого аппарата пост охраны. Наконец, пехоте вменялось в обязанность разгонять толпы забастовщиков и не допускать закрытия магазинов. Кавалерии, как и ранее, надлежало «высылать возможно чаще разъезды» (детально было прописано, куда какая часть должна была отправлять своих людей)¹⁶⁵⁹.

Как действовали войска 7-9 декабря, когда им пришлось взять на себя львиную долю функций блюстителей порядка? Обратимся сперва к официальной документации — отчетам начальников нарядов.

Более бурным было пребывание на месте дислокации 1-го лейб-драгунского Московского полка. Так, полуэскадрон 1 эскадрона дивизиона в 12 часов дня 7 числа был отправлен (очевидно, по вызову местной полиции) с завода Гивартовского на фабрику Цинделя (в тексте – «Циндера») и по дороге путь ему пересекла толпа рабочих «с красными флагами». Поведение

¹⁶⁵⁷ Там же. Д. 575. Л. 73-73 об.

¹⁶⁵⁸ Там же. Д. 386. Л. 213-214.

¹⁶⁵⁹ Там же. Д. 575. Л. 71-73.

подразделения и его командира корнета Нечаева в изображении последнего приобретало героический оттенок: корнет, «удвоив аллюр», направил эскадрон прямо на «мятежников», вследствие чего толпа «поломала свои красные флаги (так — М.А.), бросила их на землю и рассыпалась». В 3 часа 30 минут того же дня эскадрон с успехом выполнил поручение помощника градоначальника Будберга – разогнал толпу рабочих с флагами уже на Кузнецкой улице (причем «толпа мгновенно рассеялась»). Рядовым 3 и 4 взводов второго полуэскадрона 1 эскадрона дивизиона, располагавшегося в тот день на фабрике Абрикосова, удалось без труда обезоружить нескольких человек. Кроме того, рапорт содержал сведения «разведывательного» характера: о революционных настроениях в среде рабочих Мытищинского вагоностроительного завода, Мытищинской и Алексеевской водокачек, а также о том, что, «по слухам», «сегодня» (т. е. 8 декабря — М.А.), толпа рабочих, вооруженных револьверами, ножами и штуцерами должна двинуться на Москву.

Содержит приводимый документ данные и о сотрудничестве командиремых нарядов с местной полицейской властью. Так, 2 эскадрон в личном присутствии командира дивизиона был «вытребован» (очевидно, полицейским начальством) в 1 участок Серпуховской части («на фабрику Симоно»). При этом, по приказу помощника полицеймейстера, полуэскадрон под командованием корнета Ярузельского отправился на Голутвинскую мануфактуру. Как уже упоминалось, полуэскадрон 1 эскадрона был «затребован» с завода Гивартовского на фабрику Цинделя. Потом пристав 2 участка Пятницкой части «вытребовал» его на фабрику Афьенко. И наконец генерал Будберг послал его на Кузнецкую улицу¹⁶⁶⁰.

«Дежурные дневники градоначальства» также содержат описание приведенного выше случая разгона полуэскадроном драгун толпы рабочих фабрики Циндель (при этом нет прямого указания на то, что о факте беспорядков перед вызовом войск было доложено градоначальнику или его

¹⁶⁶⁰ Там же. Д.575. Л.37.

помощнику).¹⁶⁶¹

Иногда, в условиях плохой связи, командирам отрядов войск, занятых в наряде, приходилось самим принимать довольно смелые решения. 8 декабря есаул Е.Г. Герасимов, командовавший войсками, расположенными на Николаевском вокзале, не сумев связаться с генерал-губернатором, отдал приказ об объявлении участка от Каланчевской площади до 12 версты на военном положении и санкционировал применение оружия против повстанцев¹⁶⁶².

Как видно, в условиях роста беспорядков в целом успешно происходил столь желанный для местного начальства процесс «децентрализации» практики вызова войсковых нарядов: армейские отряды с готовностью выполняли задачи, поставленные не только градоначальством и полицеймейстерами, но и приставами.

Из приведенных документов также следует, что войска при поддержании порядка действовали на редкость профессионально и успешно. Но подтверждают ли официальные данные свидетели тех событий?

По наблюдениям К.Н. Левина, 7 декабря драгуны крайне формально и нехотя исполняли свои обязанности. Так, появившиеся под окнами дома доктора сумцы «сильно выпороли» только одного прохожего. «Гонявшиеся за кем-то пехотинцы» появлялись там лишь «изредка». 8 декабря, по словам Левина, драгунам-сумцам приходилось шашками разгонять массы рабочих в центре города. При этом действия военных вызывали у демонстрантов поток оскорблений (особенно у детей и подростков), а никак не повиновение¹⁶⁶³.

А.М. Горький в своем письме директору-распорядителю издательства «Знание» К.П. Пятницкому, описывая события 8 декабря в Москве, также отмечает малую активность войск при выполнении ими полицейских функций: «Ездят по улицам пушки, конница страховидная, а пехоты не видно,

¹⁶⁶¹ «Дежурные» дневники московского градоначальства... С. 109.

¹⁶⁶² Шатина Н.В. Указ. соч. С. 122-123.

¹⁶⁶³ Левин К.Н. Вооруженное восстание... С. 235-236.

столкновений нет пока. В отношениях войска к публике замечается некое юмористическое добродушие¹⁶⁶⁴.»

Составители сборника «Москва в декабре 1905 г.» вообще приводили множество рассказов о благожелательном отношении войск к населению и их колебаниях при призывах к переходу «на сторону народа»¹⁶⁶⁵.

Как видим, особенной ревности в подавлении «крамолы», по мнению наблюдателей, войска не выказывали.

9 декабря ситуация в Москве еще более обострилась: участились случаи появления «толп» на улицах, столкновения их с войсками и полицией, были построены первые баррикады, на окраинах (охрану коих войсками не предусматривал план вызова гарнизона) в массовом порядке происходили митинги¹⁶⁶⁶. Ходили слухи о проявлениях нелояльности солдат своему командованию: распевании ими революционных песен, просьбах к революционерам «снять» их, о митинге в Александровском военном училище, во время которого командующему войсками МВО генералу Малахову якобы пришлось арестовывать «агитатора — с.д.», а также об ответных действиях властей — разоружении неблагонадежных частей и содержании их под охраной в казармах¹⁶⁶⁷. Широкое хождение получил слух, впервые приведенный в «Известиях Совета рабочих депутатов» и основанный, видимо, на рассказе одного из рабочих типографии И.Д. Сытина, — о шествии одного из полков из Александровских казарм на соединение с рабочими фабрики Циндель (впоследствии он попал в сборник «Москва в декабре 1905 г.» и в статью В.И. Ленина «Уроки Декабрьского восстания») ¹⁶⁶⁸. И хотя в правительственных источниках подтверждения ему не встречается, данный слух демонстрирует, что настроения солдат оставляли желать лучшего.

Тогда же генерал-квартирмейстер МВО С.М. Шейдеман распорядился об

¹⁶⁶⁴Высший подъем...С. 660.

¹⁶⁶⁵Москва в декабре 1905 г. ...С. 36-38.

¹⁶⁶⁶Высший подъем...С. 660-661, 695-696; *Левин К.Н.* Вооруженное восстание...С. 236-237; Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве...С. 44.

¹⁶⁶⁷*Левин К.Н.* Вооруженное восстание...С. 236-237; Декабрь 1905 г. на Красной Пресне...С. 14.

¹⁶⁶⁸Москва в декабре 1905 г. ...С. 52; Высший подъем...С. 20.

отмене распоряжения о вызове всего гарнизона. Сохранилось две телеграммы за его подписью, адресованные: первая – 7 гренадерскому Самогитскому и 221 Троицко-Сергиевскому, вторая – 5 гренадерскому Киевскому и 6 гренадерскому Таврическому полкам. Кроме того, первая телеграмма содержала приказ двинуться во 2 участок Лефортовской части и «исполнить приказание полиции по недопущению толпы в центр города с окраин», а вторая – отрядить не менее 3 рот к типографии Сытина и оказать помощь местной полиции, после чего возвратиться в казармы¹⁶⁶⁹. Решение об отмене вызова гарнизона было принято на совещании генерал-губернатора Дубасова с генерал-квартирмейстером Шейдеманом, состоявшимся по случаю заявления градоначальника Медема о необходимости отправки вызванных сил в Лефортово. Об этом свидетельствует документ под названием «Генерал-майор Шейдеман у генерал-губернатора» – донесение генерал-квартирмейстера либо командующему войсками МВО Малахову, либо начальнику штаба барону Раушу фон Траубенбергу. Он же содержит повеление «главного начальника» Первопрестольной отправить вызванные для наряда войска на северо-восточную окраину Москвы¹⁶⁷⁰. Как видим, Дубасов продолжал поддерживать тесное взаимодействие с военным руководством.

Любопытно донесение командира 7 Самогитского полка полковника Голосова Шейдеману, в котором он сообщает, что в 1 час 35 минут 9 декабря получил телефонную депешу от штаба МВО о занятии позиции, указанной в плане вызова войск гарнизона. Однако спустя 10 минут «через Екатеринославский полк» ему доставили новую депешу уже за подписью генерал-квартирмейстера, где содержалось распоряжение об отмене вызова гарнизона и о «высылке в помощь полиции» во 2 участок Лефортовской части¹⁶⁷¹. Как видим, военной власти по требованию гражданской приходилось спешно «переформатировать» начатую операцию.

Надо сказать, что В.Н. Сторожев в своей статье-публикации о

¹⁶⁶⁹Сторожев В.Н. Указ. соч. С. 99.

¹⁶⁷⁰РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 575 Л. 88.

¹⁶⁷¹Там же. Л. 85.

Декабрьском восстании, рассмотрев две вышеупомянутые телеграммы Шейдемана полкам, пришел к выводу, что «фактическая ценность таких телеграмм не всегда значительна». В подтверждение публикатор приводит две телеграммы начальника войск охраны Москвы генерал-лейтенанта Яковлева Шейдеману, в которых он жалуется на отсутствие нормальной связи и ратует за установление телефона в казармах Екатеринославского полка, где он находился¹⁶⁷².

В этой связи не совсем понятно, что имеет в виду В.Н. Сторожев, когда в своей работе говорит о «не всегда значительной» «фактической ценности» телеграмм военных – сам факт распоряжения Шейдемана об отмене вызова гарнизона или сведения о движении толпы в Москву, для чего и потребовалась охрана Лефортовской части. Поскольку в фонде штаба МВО имеется значительное число доказательств отмены вызова гарнизона, да и сами телеграммы Яковлева свидетельствуют о неточности телефонных сообщений¹⁶⁷³, более предпочтительным выглядит второй вариант.

Почему московская власть пошла на отказ от разработанного плана вызова всего гарнизона? В.Н. Сторожев объясняет это тем, что 9 декабря в Первопрестольной якобы наблюдалось «относительное спокойствие¹⁶⁷⁴». Приведенные нами выше данные, как представляется, убедительно опровергают подобное предположение (хотя бы имеющиеся в донесении Шейдемана известия о том, что градоначальник первоначально требовал вызова гарнизона).¹⁶⁷⁵ (Удивительно, что В.Н. Сторожев проигнорировал этот документ, ведь он находится в деле, с которым публикатор работал). Напротив, из его содержания становится совершенно ясно: появилась новая, более грозная «толпа» из Лефортово, могущая стать катализатором более серьезных «беспорядков». Таким образом, можно с уверенностью утверждать: вовсе не мнимое «затишье перед бурей» послужило причиной смены тактики

¹⁶⁷² Сторожев В.Н. Указ. соч. С. 99.

¹⁶⁷³ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 575. Л. 91.

¹⁶⁷⁴ Сторожев В.Н. Указ. соч. С. 99.

¹⁶⁷⁵ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 575. Л. 88.

московской власти.

Пресловутая «экспедиция» в Лефортово, однако, была реализована не в том масштабе, в коем хотелось гражданской власти. Уже в своем донесении о беседе с генерал-губернатором Шейдеман отмечал, что «состав отряда зависит от наличности свободных сил¹⁶⁷⁶». Как отмечалось, документы позволяют говорить об отправке на северо-восток Москвы лишь частей Троицко-Сергиевского и Самогитского полков. Были ли с их стороны какие-то действия и в каких масштабах – судить проблематично (собственно, объективных причин для «экспедиции» и не было – сообщение градоначальника оказалось слухом, не находящим подтверждения в других источниках)¹⁶⁷⁷. Причины такого исхода помогают более точно представить, почему оперативный вызов гарнизона к 9 декабря представлял большую проблему.

Прежде всего, «нежелание» командования МВО выпускать солдат для борьбы с революционным движением проистекало от малочисленности московских вооруженных сил, в осознании бессмысленности их распыления и быстрого утомления (не стоит забывать, что одновременно по роте Киевского и Таврического полков были отправлены к типографии Сытина).

Косвенно подтверждает эту мысль и переписка высших военных чинов Первопрестольной. Так, в одном из своих донесений генерал-квартирмейстеру Шейдеману генерал Яковлев писал: «Сейчас по телеф[ону]. мне сообщили, что к типогр[афии] Сытина (Рус[ского] Сл[ова]) были вызваны 2 роты Тавр[ического] и 1 рота Киев[ского] п[олка] против толпы в 300 ч. Во имя чего такое усердие полиции к этой фабрики пошлой для офицерских голов? Думается, что здесь публичное усердие полиции, быть может и по просьбе Сытина, связанное однако с бесцельным мотанием войск. Измучить войска не трудно, если полиция будет вызывать роты для подобных сборищ, да и у таких мест (пунктуация подлинника – М.А.)¹⁶⁷⁸». 10 декабря он же сообщал об отказе

¹⁶⁷⁶ Там же.

¹⁶⁷⁷ Москва в декабре 1905 г.; Высший подъем... С. 702-703.

¹⁶⁷⁸ Сторожев В.Н. Указ. соч. С. 99; РГВИА. Оп. 1. Д. 575. Л. 90.

выслать ночью роту к градоначальнику, ибо в противном случае «осталось бы в Кремле 40 чел[овек] на все стороны¹⁶⁷⁹.» Таким образом, очевидно неодобрение начальником охраны факта вызова малых сил для защиты «гражданского» объекта, что может измучить войска и ослабить общую «линию обороны» правительственных сил.

Другая причина затруднений оперативного вызова войск, каковую уже затрагивал В.Н. Сторожев в своем исследовании-публикации, – неудовлетворительное состояние связи в войсковых частях¹⁶⁸⁰. Ярчайший материал предоставляют уже упоминавшиеся выше телеграммы генерал-лейтенанта Яковлева от 9 декабря. Так, в первой из них он сообщал о «большом неудобстве пользованием» телефоном 6-64, расположенном «на парадном входе Кремлевских казарм». Недовольство генерала заключалось в том, что из офицерского собрания Екатеринославского полка, где располагалась его резиденция, туда нужно было ходить через площадь, а «передаваемое по телефону передает дежурный писарь». Такой порядок порождал следующие недостатки: «издержка времени, неудобство передвижения и...ошибки адресования». В силу этого Яковлев требовал проведения «дополнительной ветки» телефона 6-64 в место своего расположения, аргументируя важность данного шага тем, что «мы подавляем бунт и спасаем имущество на сотни тысяч руб[лей]¹⁶⁸¹.»

Этот взгляд, очевидно, вызвал непонимание Шейдемана и стремление все объяснить необоснованным желанием полка получить дополнительную привилегию, поскольку в тот же день Яковлев отправил генерал-квартирмейстеру телеграмму с дальнейшими разъяснениями. Он доказывал, что ветка нужна не полку, а «нач[альни]ку всей охраны и удивляюсь, что ген. Павловский не пришел к этой-же мысли». Вполне обоснованно генерал аргументировал: «Если оценить по достоинству передачу через н.-ч. требований или просьб, от своевременного исполнения которых зависит и

¹⁶⁷⁹ Сторожев В.Н. Указ. соч. С. 102.

¹⁶⁸⁰ Там же. С. 99-100.

¹⁶⁸¹ Сторожев В.Н. Указ. соч. С. 100; РГВИА.Ф. 1606. Оп. 1. Д. 575. Л. 89-89 об.

очень многое..., да принять в расчет возможность намеренного обмана, к которому прибегать смутьянам будет очень выгодно (отвлечь силы в другую сторону) в дни наибольших потрясений с их стороны, – то станет ясною необходимостью для нас ...устранить все то, что им на руку. А в этом общий интерес нас, а не Екат[еринославского] полка». И далее начальник охраны Москвы приводил конкретный пример тех нежелательных последствий, о которых сообщал выше: в 2 часа дня по телефону просили роту против «мятежников» к Каменному мосту, и в итоге там «там никого не было¹⁶⁸².» Таким образом, генерал-лейтенант Яковлев указывал на возможность потери времени в катастрофической ситуации, неверной интерпретации информации, а то и просто «утечки» таковой, если проблема с телефоном в его резиденции не будет решена.

Впрочем, проблемы с телефонной связью, находящейся в ведении чинов МВО, не ограничивались тем, что в офицерском собрании Екатеринославского полка не было дополнительной ветки. По-прежнему командиры московских вооруженных сил не всегда могли дозвониться друг до друга и передать важные сведения. Так, в телеграмме о неясности в распределении нарядов в «Коммерческий банк» (их в Москве было несколько), генерал Яковлев сообщал, что по телефону ему не удалось дозвониться.¹⁶⁸³

Проблемы со связью не ограничивались сложностями в телефонном сообщении. Далеки от совершенства были и иные способы доведения приказов до подчиненных. Мы уже упоминали, что командир Самогитского полка полковник Голосов в 1 час 35 минут 9 декабря получил «телефонную депешу» с приказом занять положение, указанное в «расписании» на случай вызова московского гарнизона. Однако через 10 минут через Екатеринославский полк пришла новая телефонная депеша — выступать во 2 участок Лефортовской части. Отсутствие в этом послании прямых указаний на то, какой именно части выступать, посеяли в Голосове «сомнение в

¹⁶⁸² *Сторожев В.Н.* Указ. соч. С. 99-100; РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 575. Л. 91-91 об.

¹⁶⁸³ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 575. Л. 84.

подлинности», что и побудило его обратиться к Шейдеману за разъяснениями (естественно, никого не посылая)¹⁶⁸⁴. Более того, сам начальник охраны Москвы Яковлев узнал об отмене решения о вызове гарнизона в «5 час[ов] веч[ера] от Таврич[еского] п[олка]¹⁶⁸⁵».» Как видим, беспорядок в рассылке телефонных депеш мог стать причиной промедления в исполнении приказа.

Таким образом, становится понятно, почему военная власть даже в условиях роста «беспорядков» продолжала скептически относиться к предоставлению в распоряжение администрации больших соединений, что сказалось как на вызове гарнизона 8 числа, так и на экспедиции в Лефортово – 9-го.

Кроме того, в эти дни с помощью войск были осуществлены две знаменитые репрессивные акции московских властей. 8 декабря «войсковым нарядом», состоявшим из кавалерии и пехоты, был произведен разгон и задержание части участников митинга в саду «Аквариум» (причем операцией командовал исполнявший должность градоначальника генерал-майор Будберг¹⁶⁸⁶), а 9 декабря полиция и войска под руководством подполковника Гедеонова и ротмистра Сумского драгунского полка Рахманинова штурмовали реальное училище Фидлера (причем в последнем случае военное начальство явно показало себя с лучшей стороны, чем гражданское¹⁶⁸⁷).

Таким образом, 7-9 декабря сотрудничество московской гражданской и военной администрации было многоаспектным: принятие решения о введении чрезвычайного положения, претворение в жизнь плана вызова всего столичного гарнизона, формирование особых нарядов в помощь полиции, производство наиболее массовых арестов. Как видно, гражданская власть находилась в определенной зависимости от военной в деле распоряжения всеми воинскими силами. Кроме того, генерал-губернатор Дубасов стремился в принятии острых «гражданских» решений опираться в том числе и на

¹⁶⁸⁴ Там же. Л. 88.

¹⁶⁸⁵ *Сторожев В.Н.* Указ. соч. С. 100.

¹⁶⁸⁶ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 90. Т. 1. Л. 207.

¹⁶⁸⁷ Там же. Д. 93. Л. 1-2 об.; *Сторожев В.Н.* Указ. соч. С. 104-107; *Шатина Н.В.* Указ. соч. С. 124-125.

военное руководство Первопрестольной, осознавая необходимость такого взаимодействия. Первоначальный же план вызова гарнизона в помощь полицейским властям, как мы видели, из-за малочисленности последнего и плохого состояния связи уже со второго дня «беспорядков» продемонстрировал свою неэффективность.

10 декабря считается первым днем вооруженного восстания в Москве. Уже тогда московской администрации и военному начальству пришлось применить новую тактику в борьбе с революционным движением. Прямых свидетельств о вкладе гражданского руководства Первопрестольной в разработку нового плана действий обнаружить не удалось. Можно предположить, что он либо был составлен военными и затем одобрен генерал-губернатором, либо согласован на частном совещании Дубасова с кем-либо из представителей штаба МВО (теми же начальником штаба Рауш фон Траубенбергом или генерал-квартирмейстером Шейдеманом).

Как известно, все боеспособные части московского гарнизона условно были разделены на три группы. Одна из них была предназначена для охраны вокзалов, учреждений и предприятий, имевших большое значение (Государственной сберегательной кассы, Главного телеграфа и Почтамта, домов генерал-губернатора и градоначальника, тюрем, штаба МВО, Центральной телефонной станции, полицейских домов, Мытищинского водопровода, фабрик Тиля, Гивартовского, Голутвинской мануфактуры). Всего для исполнения этой задачи было назначено 10 рот или 500 штыков, 5 эскадронов кавалерии, 2 казачьих сотни и 2 орудия. Части, отведенные для активных боевых действий, в свою очередь, подразделялись на два отряда: один, под командованием начальника 2 гренадерского Ростовского полка полковника Симанского, располагался на Театральной площади (7 рот пехоты, 2 эскадрона, 3 сотни, 4 пулемета, 8 орудий); второй, под командованием начальника 6 гренадерского Таврического полка полковника Зурова — в

городском Манеже (6 ½ рот, 3 эскадрона, 4 пулемета, 8 орудий). Начальником этого «сводного отряда для активных действий против мятежников» был назначен генерал-майор С.В. Дебеш. Кроме того, для охраны Кремля и «в виде последнего резерва» выделялось 3 роты и 4 пулемета. Следовательно, в распоряжении администрации и военной власти для «наступательных» действий против «мятежников» находилось всего 825 пехотинцев (точного числа кавалеристов документы не содержат), 16 орудий и 8 пулеметов. По мысли разработчиков плана, эти силы надлежало высылать «в любом направлении» для разборки баррикад, охраны различных зданий, а впоследствии и уничтожения «гнезд мятежа». Наконец, третью группу составляли 10 рот (500 штыков), 24 орудия, 1 сотня, 2 эскадрона и 12 пулеметов, расположенные в казармах¹⁶⁸⁸.

В советской историографии получил распространение тезис о том, что во время восстания большая часть московского гарнизона была разоружена и заперта в казармах, как неблагонадежная¹⁶⁸⁹. С.И. Черномордик в статье 1946 г. даже попытался подсчитать число разоруженных солдат-пехотинцев (получилось более 6 тысяч)¹⁶⁹⁰. Однако обращение к источникам позволяет опровергнуть подобные расчеты, основанные на слухах и выкладках самих революционеров¹⁶⁹¹. Ни в воспоминаниях и дневниках московских администраторов и военных¹⁶⁹², ни в делопроизводственной документации¹⁶⁹³ о массовом применении этой меры нет ни слова: в самом «пиковом случае» речь шла об утомлении солдат к 14 числу. Имеются лишь несколько «сигналов» о небезупречном поведении войск. Так, «Аврех» и «Поляков» (видимо, агенты Департамента полиции) сообщали 10 числа о слухах о забастовке казаков («Аврех» также сообщал, что самый преданный

¹⁶⁸⁸Высший подъем...С. 724, 728.

¹⁶⁸⁹Черномордик С.И. Московское вооруженное восстание...С. 204-205; Он же. Декабрьское вооруженное восстание 1905 года ...С. 32; Яковлев Н.Н. Указ. соч. С. 167.

¹⁶⁹⁰Черномордик С.И. Декабрьское вооруженное восстание 1905 года...С. 32.

¹⁶⁹¹Москва в декабре 1905 г... С. 139; Костицын В.А. Декабрьское восстание 1905 г. ...С. 195, 199.

¹⁶⁹²РГИА. Ф.922. Оп.1. Д. 10; НИОР РГБ. Ф. 307. П. 1. Ед. хр. 4; Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 1; Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве...С. 41-65.

¹⁶⁹³ЦГА Москвы. Ф.16. Оп.237. Д. 89. Т. 2; 90. Т.1, 3; РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 386, 388, 575, 576; РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 1405. Л. 7.

администрации полк – Сумский драгунский)¹⁶⁹⁴. В составленной в Департаменте полиции сводке событий в Первопрестольной за 9-10 декабря говорилось, что «войска действуют безупречно», но одновременно сообщалось, что у Петерсона имеются сведения о якобы готовящемся переходе ряда частей на сторону противника, полученные «из мало известного ему источника». Очевидно, данное выражение столь очевидно свидетельствовало как о неудовлетворительном состоянии агентуры, так и профессиональных качествах самого начальника охраны, что предложение, содержащее эту информацию, было перечеркнуто¹⁶⁹⁵. Воспоминания революционеров также не столь однозначны: так, В.А. Костицын, рассказывая о попытке привлечения на сторону повстанцев солдат, находившихся в Крутицких казармах, свидетельствует об их решительном отказе поддержать революционеров и даже намерении стрелять¹⁶⁹⁶. Кроме того, при тонко подмеченном бывшим участником восстания С.И. Черномордиком гипертрофированном представлении власти о силах «мятежников¹⁶⁹⁷», оставлять неблагонадежную и обученную силу в казармах, располагавшихся преимущественно на окраинах, было бы опрометчиво для начальства.

Необходимо учесть и факторы, рассматриваемые нами выше. Во-первых, продолжавшаяся демобилизация должна была еще сильнее ослабить гарнизон. После подавления восстания Малахов докладывал, что в результате командировок на Дальний Восток и окончательного увольнения запасных срока 1901 г. каждый пехотный полк мог выделить на подавление «мятежа» лишь 3-4 роты 24-рядного состава, что означало 35-37 рот на весь гарнизон¹⁶⁹⁸. Во-вторых, никуда не исчезли многочисленные обязанности войск – по-прежнему нужны были такие нестроевые специальности, как портные, пекари, денщики, офицерская прислуга. И хотя командование МВО смогло возложить

¹⁶⁹⁴ГА РФ. Ф.102. ДП. ОО. 1905. Оп. 233 а. Д. 1350. Ч. 26. Л. 85, 88. Копии данных телеграмм были направлены в Департамент полиции.

¹⁶⁹⁵ Там же. Л.140.

¹⁶⁹⁶Костицын В.А. Декабрьское восстание 1905 г. ...С.201.

¹⁶⁹⁷Черномордик С.И. Московское вооруженное восстание...С. 128.

¹⁶⁹⁸ Из истории Московского вооруженного восстания...С. 46-47.

на них и музыкантов «домашний наряд» (дежурство по полкам), с караулами по Москве было сложнее – их должны были нести обученные строевые солдаты. Начальство, естественно, стремилось всячески минимизировать этот «расход», но отказаться от него было невозможно. Приказы по московскому гарнизону дают представление о динамике численности городских караулов в декабре 1905 г. С 5 числа в них должны были состоять 215 человек¹⁶⁹⁹, с 11 – примерно 180 человек (цифры неточны)¹⁷⁰⁰, с 14 – около 100 человек¹⁷⁰¹. Нужно учесть, что этот наряд войска несли в две смены, а службу в помощь полиции – постоянно¹⁷⁰². Таким образом, нет оснований говорить о массовом блокировании «неблагонадежных» солдат в казармах (хотя полностью отрицать наличие такой практики нельзя): обязанности немногочисленного гарнизона и без того были тяжелы.

Как действовал механизм действия войск для нужд московской власти?

Поначалу (в особенности 10-12 декабря) наиболее распространенным было «оперативное реагирование», происходившее по тому же принципу, что и назначение на места беспорядков обычных «особых нарядов», но с некоторыми нюансами.

По-прежнему значительная часть подобных «заявок» военному начальству и командирам отдельных частей шла через градоначальника Медема или его помощника генерала Будберга. Так, 11 декабря заведующий запасным дворцовым домом у Красных ворот, ввиду того, что «толпа около 400 чел....стала разбирать забор запасного дворцового дома по Басманной улице, ломать фонари и спиливать телефонные и телеграфные столбы», а кроме этого «со сквера были принесены железные диваны, сломана у Красных ворот железная решетка» и т. п. для строительства баррикад, немедленно поставил в известность о происходящем градоначальника. Через полчаса по просьбе Будберга явились солдаты Астраханского полка, разогнавшие толпу и

¹⁶⁹⁹ РГВИА. Ф. 13495. Оп. 1. Д. 185. Л. 210.

¹⁷⁰⁰ Там же. Л. 217.

¹⁷⁰¹ Там же. Л. 219 об.

¹⁷⁰² Из истории Московского вооруженного восстания...С. 47.

разобравшие баррикады. «Строительные материалы» для этих «укреплений» вскоре были преданы огню прибывшими пожарными¹⁷⁰³. В этот же день градоначальник лично приказал командующему отрядом на Театральной площади полковнику Симанскому прийти на выручку отряду из 20 жандармов, осажденных во дворе дома Нагишева в Оружейном переулке¹⁷⁰⁴.

Однако в условиях вооруженного восстания и порожденных им сложностей в управлении войсками механизм призыва военных для «содействия гражданским властям» еще более упростился. 11 декабря градоначальник Медем разослал участковым приставам телеграмму, в которой требовал, чтобы «все сведения о группировке бунтовщиков» сообщались не только ему, но и начальникам отрядов¹⁷⁰⁵. В тот же день исполнявший должность полицеймейстера III Отделения подполковник Трутнев уведомил подчиненных, что в случае проблем с телефонной связью, «когда имеется... надобность» в войсках, вызывать их следует при помощи и генерала Дебеша, и градоначальника через 1 участок Тверской части¹⁷⁰⁶.

Главы местной полиции не преминули воспользоваться этим правом. За 11-12 декабря ряд участковых приставов (Арбатской, Лефортовской, Мещанской, Пречистенской, Пятницкой, Тверской, Якиманской, Серпуховской, Рогожской частей) направил ряд прошений о присылке вооруженной помощи начальнику «сводного отряда» генералу Дебешу, минуя градоначальника и его помощника¹⁷⁰⁷. То, что подобный выход из ситуации был порожден невозможностью связаться с собственным начальством, подтверждается обращениями ряда полицейских чинов (например, пристав 1 участка Арбатской части) с аналогичной просьбой к градоначальнику того же 11 декабря¹⁷⁰⁸. В экстремальной ситуации бывали и обратные случаи: находящийся «в отчаянном положении» в Покровских казармах командир

¹⁷⁰³Высший подъем...С. 715; РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 386. Л. 45.

¹⁷⁰⁴«Дежурные» дневники московского градоначальства...С. 116.

¹⁷⁰⁵ЦГА Москвы. Ф. 475. Оп. 19. Д. 114. Л. 209.

¹⁷⁰⁶Там же. Л. 210.

¹⁷⁰⁷Высший подъем...С. 669-676.

¹⁷⁰⁸«Дежурные» дневники московского градоначальства...С. 118-119.

полуэскадрона 2 Санкт-Петербургского драгунского полка обратился за помощью в московское градоначальство¹⁷⁰⁹.

Местное полицейское начальство продолжало обращаться за содействием к начальникам нарядов, уже задействованных при охране определенных объектов. Например, 10 декабря полуэскадрон 1 эскадрона дивизиона 1 лейб-драгунского Московского полка, размещенный на заводе Гивартовского, по вызову пристава 2 участка Пятницкой части, последовал на фабрику Цинделя¹⁷¹⁰.

Происходили и случаи, когда начальникам выделенных отрядов приходилось брать ответственность за свои действия исключительно на себя. Командир Ростовского полка докладывал в штаб округа, что 14 декабря циркулировали слухи о возможном нападении революционеров на казармы и возводились баррикады от Каретного ряда до 4-й Мещанской улицы. В 8 ½ часов вечера полковник Симанский выдвинулся со своим полком на Садовую улицу и выставил пулеметы в ожидании дальнейших указаний. Однако «неполучая никаких распоряжений, невидя около себя ни одного из представителей гражданских властей (орфография источника — М.А.)» и опасаясь пользоваться телефоном (очевидно, в силу возможной утечки информации), командир Ростовского полка решил действовать самостоятельно. Лишь после того, как ему удалось занять баррикады, он получил распоряжение помощника градоначальника Будберга «перейти к решительным действиям»¹⁷¹¹.

Как происходило взаимодействие между войсковыми нарядами и местным полицейским начальством? Все зависело от ситуации. Так, в 1 участке Лефортовской части пристав делал обходы, включая в отряд под своим водительством не только полицейских, но и вверенных ему казаков 1 Донского полка¹⁷¹². Однако случалось и так, что полицейское начальство только

¹⁷⁰⁹РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1 Д. 386. Л. 62.

¹⁷¹⁰Из истории Московского вооруженного восстания...С. 70.

¹⁷¹¹Там же. С. 75.

¹⁷¹²ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 912. Т. 1. Л. 235.

вызывало военных, предоставляя им действовать по своему усмотрению. Об этом сообщает командир дивизиона Московского полка, описывая штурм типографии Сытина 12 декабря, в котором принимал участие полуэскадрон 1 эскадрона данного дивизиона. Участие полицейского начальства ограничилось фактом вызова драгун (ну и достаточно жестким приказом градоначальника Медема пожарным не тушить здание загоревшейся типографии)¹⁷¹³. О непосредственных стражах порядка данное донесение ничего не говорит¹⁷¹⁴. Однако сообщение помощника градоначальника генерала Будберга начальнику «сводного отряда» генералу Дебешу с просьбой прислать одну роту пехоты и два орудия для осады типографии сообщает об удачных совместных действиях трех полуэскадронов кавалерии (в том числе драгун Московского полка) и полицейских чинов по разгону толпы рабочих типографии Сытина и фабрики Цинделя¹⁷¹⁵. Таким образом, можно сделать вывод, что полицейские чины, оказавшиеся не в состоянии справиться с «крамолой» самостоятельно, выполняли роль дополнительной боевой силы при войсках.

Помимо функции вызова и содействия военным в деле прямого подавления «беспорядков», полицейские чины руководили армейскими подразделениями при определении цели карательных рейдов (прежде всего домов). Так, 14 декабря при ликвидации важного очага Московского восстания – сосредоточения боевой дружины в Миусском трамвайном парке и Промышленном училище – полицейские чины указывали отряду полковника Зурова на дома, где прятались революционеры¹⁷¹⁶. Пристав 3 участка Суцевской части Заремба показал прибывшим по его вызову артиллеристам дом Курникова, из которого производилась стрельба по его участку¹⁷¹⁷.

Впрочем, взаимодействие войск и полиции не ограничивалось

¹⁷¹³Из истории Московского вооруженного восстания...С. 72-73.

¹⁷¹⁴Согласно сборнику «Москва в декабре 1905 г.», полиция с одобрения градоначальника содействовала сумцам в поджоге типографии (Москва в декабре 1905 г. ...С. 91-92, 94-95). Примечательно, что Дубасов, видимо, не знал о распоряжениях своих подчиненных, так как в дневнике против записи об этом событии поставил помету: «Кем был устроен пожар?» (Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве... С. 48).

¹⁷¹⁵РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 386. Л. 66.

¹⁷¹⁶Высший подъем...С. 726.

¹⁷¹⁷ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 785. Л. 483; «Дежурные» дневники московского градоначальства...С. 132.

совместными действиями по насильственному водворению порядка. Так, судя по рапортам ряда командиров частей, войска должны были осуществлять прикрытие невооруженных полицейских чинов, занимавшихся разбором баррикад. Кроме того, полицейское начальство (градоначальник) был ответственен за присылку пожарных – вспомогательной силы при разборке и уничтожении материалов заграждений¹⁷¹⁸. Так, 11 декабря состоявший при градоначальнике подполковник Носков уведомил Дебеша, что градоначальник пришлет пожарную команду для нужд военного ведомства¹⁷¹⁹.

В экстремальных условиях вооруженного восстания (плохое состояние связи, малочисленность гарнизона, кризис полицейской службы) реальное взаимодействие полицейских и военных было далеко не безоблачным. Стороны постоянно жаловались начальству на нераспорядительность своих партнеров, постоянное отсутствие либо солдат, либо полицейских на положенных местах, задержку в высылке помощи.

11 декабря в 2 часа 35 минут дня пристав 1 участка Арбатской части Линдгольм доложил генералу Дебешу, что на Новинском бульваре и Кудринской площади строятся «громадной толпой баррикады» и попросил «немедленной присылке войскового наряда». В 4 часа 55 минут того же числа из этого же участка в Манеж полетела телеграмма следующего содержания: «Все переулки, выходящие на Кудринскую площадь, на Поварской, Скарятинском пер[еулке] и Новинском бульваре устроены баррикады; прошу немедленно выслать войска для прекращения¹⁷²⁰.» Из этих сообщений вполне естественно сделать вывод, что никакого наряда в течение дня так и не было прислано. Аналогичные и еще более красноречивые прошения о помощи направил в тот же день Дебешу пристав 2 участка Лефортовской части. В 1 ч. 20 м. дня он докладывал, что «на Краснопрудной ул[ице] собралась огромная толпа, рубят телеграфные столбы и производят крупные беспорядки» и попросил прислать к управлению 2-го участка Мещанской части

¹⁷¹⁸РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 575. Л. 297 об.; Из истории Московского вооруженного восстания... С. 72-73.

¹⁷¹⁹РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 386. Л. 36.

¹⁷²⁰Высший подъем... С. 669.

полуэскадрон. Некоторое время спустя он послал телеграмму, где попросил об этом «вторично¹⁷²¹.»

Стремление военного начальства не распылять силы в условиях малочисленности гарнизона, как видим, часто ставило полицейских в отчаянное положение. Естественно, что последние высказывали недовольство действиями партнеров, о чем нам уже доводилось говорить на страницах этой работы.

Однако и армейские офицеры, в свою очередь, были крайне недовольны поведением полицейских. Уже цитировавшийся нами Симанский в рапорте от 14 декабря указывал, что на месте не было представителей «гражданской власти». Более того, даже после занятия баррикад городская полиция проявила себя не должным образом: «отсутствие распорядительности» стражей порядка привело к тому, что «материал с баррикад не был к утру убран». Единственное, что, по словам Симанского, сделал градоначальник — прислал («и то по моему (полковника Симанского — М.А.) настоянию») «небольшую роту пожарных с жалким факелом», и в результате «что сделала она в такой непроглядной темноте неизвестно». Более того, явившись домой, командир Ростовского полка получил от помощника градоначальника генерала Будберга просьбу выставить роту для охраны этих пожарных ночью. На это Симанский ответил отказом, поскольку, по его словам, весь его полк находился уже в «ночном наряде» и мог быть затребован для исполнения каких-либо поручений на следующее утро¹⁷²². Еще более беспощадная характеристика, адресованная приставу Сокольнического участка Ползикову, принадлежит перу командира 34 Донского казачьего полка (ее мы уже приводили выше). Апофеозом же этих настроений стал текст отношения Малахова Дубасову от 29 декабря 1905 г. Рассматривая «слухи о нареканиях» на командиров частей гарнизона, командующий войсками доказывал, что по мере сил они исполняли свой долг,

¹⁷²¹Там же. С. 670.

¹⁷²²Из истории Московского вооруженного восстания... С. 75.

но «полиция не всегда оказывала им должное содействие¹⁷²³.»

Насколько была эффективной система оперативного вызова войск в дни восстания в свете изложенных выше факторов? Источники свидетельствуют, что, несмотря на решение отрядами возложенных на них задач, прочного «замирения» часто добиться не удавалось (особенно 11-13 декабря), а ряд районов (Пресня, Курская и Казанская железные дороги) и вовсе оставались до 16-17 чисел для них недоступны¹⁷²⁴. Приведем несколько примеров.

Выше уже говорилось о вызове заведующим запасным дворцовым домом солдат Астраханского полка. Прибывшие военные сумели, по его словам, разобрать баррикады, обстрелять дворцовый дом (из коего по ним производились выстрелы, не причинившие никому вреда), а затем обыскать его. Однако после их ухода «опять появилась толпа и стали вновь строить баррикады», так что потребовался новый вызов солдат¹⁷²⁵.

Командир пехотного Троицко-Сергиевского полка Э.В. Сила-Новицкий также докладывал после восстания, что ему и подчиненным в течение 11-13 декабря нередко приходилось выполнять поистине «сизифов труд» по разборке баррикад. 11 декабря полку неоднократно приходилось разрушать баррикады на Немецкой улице и Покровке. 12 декабря Сила-Новицкому приходилось несколько раз лично водить солдат на разрушение баррикад на Немецкой улице. К ночи того же дня «мятежникам» удалось построить укрепления на Покровке, которые удалось уничтожить только 13 числа.¹⁷²⁶

С 11 декабря военные власти перешли к практике целенаправленных экспедиций для очищения от баррикад определенных районов (с 12-го – с оставлением по возможности патрулей)¹⁷²⁷. Участвовала в определении целей подобных «походов» и административная власть. Так, 13 декабря градоначальник Медем доложил Дубасову, что самыми главными очагами

¹⁷²³ *Сторожев В.Н.* Указ. соч. С. 190-191.

¹⁷²⁴ *Высший подъем...* С. 697-707, 724-726.

¹⁷²⁵ Там же. С. 715-716.

¹⁷²⁶ Там же. С. 721-722.

¹⁷²⁷ Там же. С. 724-725.

революционного движения в Москве являются городской парк конно-железных дорог и императорское Промышленное училище на Миусской площади, станция «Москва 2-я» Курской железной дороги и фабрика Цинделя. Барон ходатайствовал перед главным начальником Первопрестольной «приказать...безотлагательно ликвидировать намеченные и вышеперечисленные революционные очаги»¹⁷²⁸.

На следующий день войскам была поставлена задача разгромить опорный пункт революционеров в Миусах. Как отмечал командующий войсками МВО Малахов в своем отчете военному министру Редигеру о действиях войск в период забастовки и восстания, «администрации представлялось крайне важным разгромить этот очаг революционного движения»¹⁷²⁹.» При этом играли роль и участковые власти: по свидетельству помощника командующего МВО генерала В.Г. Глазова, в разработке плана операции «против Миусского парка», происходившей на квартире начальника штаба МВО барона Рауш фон Траубенберга, активно участвовал «убежавший оттуда» (из 2 участка Суцевской части — М.А.) «местный пристав» Добровольский (на самом деле — помощник пристава)¹⁷³⁰. Возможно, что и решение от 12 декабря о высылке экспедиционных отрядов «для очищения от баррикад и для восстановления вполне свободного сообщения с казармами» по пяти улицам (Пречистенке, Покровке, Поварской, Тверской и Мясницкой) также было принято по инициативе генерал-губернатора, однако прямых свидетельств об этом ни в рапорте Малахова, ни в дневнике Дубасова не встречается¹⁷³¹.

Кроме того, генерал Тюлин прямо указывал в своих мемуарах, что вся разработка действий против революционеров находилась под руководством генерал-квартирмейстерской части штаба МВО во главе с Шейдеманом, и не

¹⁷²⁸Там же. С. 678-679.

¹⁷²⁹Там же. С. 725.

¹⁷³⁰РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 10. Л. 348 об.

¹⁷³¹Высший подъем...С. 724; Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве...С. 46-53.

упоминает об участии администрации в этом деле¹⁷³². О том, что процесс назначений контролировался штабом округа, свидетельствует сделанная бароном Рауш фон Траубенбергом роспись, составленная на 13 декабря, частей, участвовавших в борьбе с «мятежом», и конкретных задач, возлагавшихся на них¹⁷³³. В ходе выполнения операций начальники отрядов прежде всего сносились с Шейдеманом¹⁷³⁴.

Более того, на процесс принятия решений в штабе округа оказывали влияние и другие «игроки». Не следует списывать со счетов командующего округом Малахова: несмотря на старость и слабость, отмечавшуюся современниками и историками¹⁷³⁵, генерал стремился контролировать работу подчиненных. Так, 13 декабря на записке начальника штаба барона Рауша командиру сводного отряда Дебешу о необходимости посылки войск для уничтожения баррикад по Арбату и близлежащим переулкам и в Замоскворечье генерал-квартирмейстер Шейдеман наложил помету о необходимости провести совещание по данному поводу в штабе, поскольку «обо всем надо ставить в известность командующего войсками». Из этого же документа следует, что перед отправкой роты в Замоскворечье Дебешу надлежало поставить в известность начальника охраны Москвы генерала Яковлева (об активном вовлечении коего в распоряжение войсками нам уже доводилось говорить)¹⁷³⁶. Таким образом, управление воинскими частями находилось под бдительным контролем целого ряда военачальников, а гражданская власть до поры могла влиять на принятие решений в данной сфере лишь косвенно.

Впрочем, генерал-губернатор Дубасов был не таким человеком, чтобы пустить процесс подавления «мятежа» на самотек. Помимо его сильного и властного характера (можно вполне согласиться с А.И. Куксиным, что

¹⁷³² НИОР РГБ. Ф. 307. П. 1. Ед. хр. 4. Л. 14.

¹⁷³³ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 386. Л. 259-259 об.

¹⁷³⁴ *Сторожев В.Н.* Указ. соч. С. 111.

¹⁷³⁵ *Редигер А.Ф.* Указ. соч. С. 456, 517; Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т.2...С. 400; *Куксин А.И.* Указ. соч. С. 131.

¹⁷³⁶ Высший подъем...С. 682.

личностный фактор поставил командование МВО в подчиненное к генерал-губернатору положение¹⁷³⁷) установления контроля над действиями военных требовали и объективные обстоятельства – приведение тактики их действий в соответствие с видами гражданских властей. Данная задача не была праздной: обозленные необходимостью нести полицейскую службу, испытывавшие постоянный страх перед действиями дружинников, военнослужащие были готовы на применение самых жестких мер для борьбы с восстанием¹⁷³⁸.

Одной из вызывавших наибольшее недовольствие как общественности, так и гражданской власти, акций был расстрел домов обывателей, очень часто из артиллерийских орудий, о чем мы упоминали в предыдущей главе. Сами руководители МВО одобряли эту тактику: 12 декабря начальник охраны Москвы генерал-лейтенант Яковлев приказал командиру Несвижского полка разрушать артиллерийским огнем все дома в Хамовнической части, из которых будут произведены выстрелы¹⁷³⁹.

Подобные задачи решались военнослужащими с особым рвением, приводившим к печальным последствиям. По данным газеты «Право», два случайных выстрела из дома Коровина на Садовой улице привели к массированному обстрелу последнего. В результате он и «соседний с ним дом Гиршмана» были «повреждены очень сильно» (с дома Гиршмана шрапнелью даже сорвало все балконы)¹⁷⁴⁰.

Такие методы расправы вызывали протест населения¹⁷⁴¹. Более того, современниками отмечалась их бесполезность в условиях партизанской войны – дружинники успешно покидали обстреливаемые дома через чердаки, подвалы, проходные дворы¹⁷⁴².

Кроме того, сам процесс принятия решений в среде военных порой сопровождался проволочками. Из приведенных выше помет на письме

¹⁷³⁷ Куксин А.И. Указ. соч. С. 131.

¹⁷³⁸ Там же. С. 138; Москва в декабре 1905 г. ... С. 212-214.

¹⁷³⁹ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 386. Л. 86.

¹⁷⁴⁰ Высший подъем... С. 703.

¹⁷⁴¹ Стенографические отчеты... С. 1013-1014; Москва в декабре 1905 г. ... С. 101.

¹⁷⁴² Дневник Л.А. Тихомирова... С. 176; Записки графини Е.Л. Камаровской... С. 78, 91.

начальника штаба следует, что экспедиция на Арбат 13 числа должна была быть предварительно согласована с командующим войсками, что, разумеется, оттягивало ее начало. Из включенной в статью В.Н. Сторожева переписки следует, что предметом очень долго и сложного согласования 12 декабря стал вопрос о помощи жандармам, блокированным на заводе Гужона¹⁷⁴³.

Таким образом, Дубасову нужно было более плотно контролировать войска для эффективного исполнения поставленных перед ними целей с минимальными издержками. И им делались определенные попытки в этом направлении. По воспоминаниям Джунковского, 10 декабря командиры войсковых частей регулярно наряду с градоначальником извещали Дубасова об обстановке¹⁷⁴⁴. Однако такое средство контроля работало не безотказно: 11 и 12 числа в телефонных разговорах с управляющим МВД генерал-губернатор заявлял, что на протяжении дня не получал донесений¹⁷⁴⁵.

Очевидно, глава Первопрестольной пытался контролировать и процесс выработки военными планов. 10 декабря в совещании, происходившем в штабе округа, участвовал, согласно письму барона Рауш фон Траубенберга, присланный Дубасовым «подполковник¹⁷⁴⁶» 12 декабря вице-адмирал докладывал управляющему МВД, что план оцепления студенческого общежития на Малой Бронной улице «тщательно разрабатываем» (вероятно, имея в виду совместное обсуждение его с генералами)¹⁷⁴⁷. Попытался Дубасов радикально изменить систему управления войсками в целях установления большего единоначалия – 11 декабря он намеревался ввести военное положение (по словам К.Н. Левина, беседовавшего с офицерами, он отказался от этой затеи по причине малого отличия на практике военного положения от режима чрезвычайной охраны)¹⁷⁴⁸. Более достоверных сведений о

¹⁷⁴³ Сторожев В.Н. Указ. соч. С. 111.

¹⁷⁴⁴ Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 115.

¹⁷⁴⁵ Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве...С. 49, 51.

¹⁷⁴⁶ Сторожев В.Н. Указ. соч. С. 86.

¹⁷⁴⁷ Ф.В. Дубасов декабрьском вооруженном восстании в Москве...С. 51.

¹⁷⁴⁸ Высший подъем...С. 687; Левин К.Н. Вооруженное восстание...С. 242. Сообщение Дурново Витте о намерении Дубасова ввести военное положение датировано в сборнике «Высший подъем революции 1905-1907 гг.» 15 декабря. Однако обращение к материалам Департамента полиции однозначно позволяет отнести

вмешательстве административной власти в механизм руководства действиями военных до 14 декабря нами не обнаружено¹⁷⁴⁹.

Наконец, Дубасов пытался побудить военных изменить тактику. 13 декабря начальник штаба МВО генерал Рауш сообщал Дебешу о распоряжении Дубасова не обстреливать из артиллерийских орудий дома, из которых было произведено по войскам несколько выстрелов, а подвергать их обыску при участии полицейских, которым надлежало состоять при войсковых колоннах по назначению от градоначальника, виновных арестовывать, а на домохозяев накладывать штраф в 3000 рублей (т. е. действовать согласно духу и букве выпущенного генерал-губернатором обязательного постановления)¹⁷⁵⁰.

Итоги данного распоряжения были неоднозначны. С одной стороны, ряд воинских начальников взял его на вооружение. Согласно рапорту генерала Крузенштерна Яковлеву о действиях отряда, направленного 13 декабря на разрушение баррикад на Садовой, Кудринской площади и Большой Пресне, начальник подразделения подполковник Польский получил приказ н одиночные выстрелы из домов отвечать ружейным огнем и лишь при массовом обстреле и метании бомб применять артиллерию¹⁷⁵¹. 16 декабря отправленный на Пресню во главе отряда капитан Несвижского полка Прокофьев обстрелял «залпами» дом Эллерса, откуда по его солдатам велся огонь, а затем произвел обыск (правда, против другого дома, откуда шла стрельба «залпами» уже по его частям, он применил артиллерию)¹⁷⁵². Наконец, 16 числа соседний со зданием штаба дом Егорова был по приказу Шейдемана обыскан отрядом во главе с прапорщиком Троицко-Сергиевского полка Ладыгиным «с

его к 11 числу (ГА РФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1905. Оп. 233 а. Д. 1350. Ч. 26. Л. 92, 93).

¹⁷⁴⁹ Глазов в беседе с прибывшим в Москву после восстания генерал-адъютантом Б.А. Мейендорфом утверждал, что Малахов «предоставил все распоряжения» генерал-губернатору, который и «сносился с Округом без посредников» (однако с учетом плотного контроля над военными со стороны Дубасова на завершающем этапе восстания и отсутствия помощника командующего МВО в городе в первые дни «мятежа», мы не можем однозначно заключить, относится ли это высказывание ко всему периоду декабрьской «смуты» (РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 10).

¹⁷⁵⁰ *Сторожев В.Н.* Указ. соч. С. 112. Проблематично говорить, однако, что Дубасов приказывал в духе главнокомандующего (как это дает понять А.И. Куксин): в процитированном письме говорится лишь о категоричном и авторитетном для военных, но мнении генерал-губернатора (Там же; *Куксин А.И.* Указ. соч. С. 131).

¹⁷⁵¹ Высший подъем... С. 720.

¹⁷⁵² РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 422. Л. 3.

полицейским чиновником¹⁷⁵³.»

Однако чаще можно было наблюдать продолжение массовых артиллерийских обстрелов домов. Как уже говорилось, 13 декабря, в день появления распоряжения Дубасова, солдаты подвергли огню дома Коровина, Гиршмана; упомянутая экспедиция Польского в итоге обстреляла дом Рубановского, меблированные комнаты «Ялта», Полтавские бани, здания Прохоровской мануфактуры, а также богадельню Арбатского попечительства о бедных¹⁷⁵⁴. (При этом сам Рубановский, естественно, отрицал, что из его дома производились выстрелы¹⁷⁵⁵). 14 декабря ситуация оставалась прежней: снова подвергся разгрому дом Гиршмана на Тверской, а также здание зубоврачебной школы Коварского там же и квартира присяжного поверенного кадета А.В. Тесленко в Каретном ряду¹⁷⁵⁶. В тот же день посланный на «зачистку» Миусского района отряд полковника Зурова расстрелял из артиллерии дома, где, «по указанию полиции», находилась боевая дружина (причем обстрел дома с «засевшей боевой дружиной» и задача «перестрелять всех бегущих» ставились экспедиции заранее)¹⁷⁵⁷. 15 декабря борьба войск с домами, из которых раздавались выстрелы в проходившие мимо патрули, продолжалась: был обстрелян ряд домов на Тверской и Садовой улицах, дом Брошкина на Рязанском проспекте¹⁷⁵⁸. 17 декабря была произведена настоящая канонада по ряду пресненских зданий¹⁷⁵⁹.

При этом обстрелу с легкостью могли подвергнуться дома, которые сложно было оценить как прикрытия для ведения «шквального огня». 16 декабря, во 2 участке Мещанской части, возвращавшийся из Сокольников отряд артиллерии и пехоты стал жертвой обстрела: на Краснопрудной улице из дома Бенуа раздался выстрел, которым были ранены два солдата. Военные приступили к классическим методам «зачистки»: по дому началась канонада, в

¹⁷⁵³ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 392. Л. 281 об.

¹⁷⁵⁴ Высший подъем... С. 703, 720, 725.

¹⁷⁵⁵ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 575. Л. 112 об.

¹⁷⁵⁶ Высший подъем... С. 705.

¹⁷⁵⁷ Там же. С. 725-726.

¹⁷⁵⁸ Там же. С. 706-707.

¹⁷⁵⁹ Там же. С. 709.

результате которой он был разрушен. «обвалился целый угол и совершенно уничтожены две лавки, железная и рыбная лавки Сапожниковых¹⁷⁶⁰.»

Как представляется, столь неоднозначное исполнение распоряжения генерал-губернатора было обусловлено следующими обстоятельствами.

Прежде всего, сами офицеры и солдаты, уставшие и озлобленные непосильной службой, привыкли к применению самых радикальных и жестких мер, что иллюстрируется вышеупомянутым инцидентом на Краснопрудной улице. О самовольных расправах с домами, из которых производилась стрельба, упоминает в своих мемуарах дежурный генерал штаба МВО М.С. Тюлин¹⁷⁶¹. Любопытно, что и гражданское начальство, когда речь шла об искоренении явной «крамолы», поддерживало столь радикальный способ борьбы с «мятежными» домами. Так, тот факт, что «на Бронной улице обстреливают безусловно дома, из которых стреляют революционеры» (хотя в своем волеизъявлении вице-адмирал говорил именно о «революционерах», ворвавшихся в дома мирных жителей и открывавших огонь по войскам и полиции), вызвал, согласно сообщению Крузенштерна Шейдеману 14 декабря, желание Медема направить против них «взвод артиллерии с прикрытием¹⁷⁶².» Следует также добавить, что само распоряжение Дубасова в силу своей неконкретности («незначительное число выстрелов») предоставляло выбор поведения в конкретной ситуации на усмотрение самих военных.

Кроме того, вследствие малочисленности, деморализации и нераспорядительности полицейского аппарата, его представителями явно невозможно было снабдить все «войсковые колонны» в городе. Так, никаких полицейских чинов в отряде во время обстрела дома Бенуа не было. Учитывая же озлобление самих полицейских против «мятежников», нетрудно предположить, что самые жесткие меры борьбы с ними вызывали у них одобрение.

¹⁷⁶⁰ Там же. С. 707.

¹⁷⁶¹ НИОР РГБ. Ф. 307. П. 1. Ед. хр. 4. Л. 15 об.

¹⁷⁶² РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 386. Л. 125.

Таким образом, механизм совместного действия войск и полиции в первые дни восстания был далеко не идеальным как в силу экстремальных условий, порожденных восстанием, так и наслонившихся на него непреодоленных кризисных явлений – отсутствие четко оформленного и исправно функционирующего руководства обеими силами на местах, проблемы с организацией полицейской службы, проявившиеся в ее малочисленности (а зачастую фактическом отсутствии в участках), деморализации и нераспорядительности. Плохое качество связи, неудовлетворительное взаимодействие администрации и военной власти, малая численность «сил порядка», а также успехи, которых добились в первые дни восставшие, приводили к тому, что образ действия войсковых нарядов стал более хаотичным, нацеленным на решение задачи ликвидации конкретного очага опасности (особенно поначалу), демонстрировавшим нескоординированность акций полиции и войск, а также порождавшим определенные негативные эксцессы (особенно расстрелы домов артиллерийским огнем), что в свою очередь вызывало недовольство населения. Подобный механизм вооруженной борьбы с восстанием, как известно, оказался в состоянии справиться с перспективой его успеха (если о таковой можно говорить при малочисленности и необученности повстанцев) и очистить от революционеров значительную часть центра города. Однако очаги «мятежа» на окраинах (прежде всего на Пресне) оказались для властей недостижимы. Все эти факторы вне могли, как представляется, вызвать удовлетворение генерал-губернатора Дубасова, стремившегося поставить действия военных под свой контроль. Однако предпринимаемые им до 14 декабря меры не приносили особого успеха. Говорить о превращении вице-адмирала в фактического «главнокомандующего» на данном этапе, несмотря на его авторитет, несомненное лидерство в московском руководстве и вмешательство в дела военных, на наш взгляд, нельзя.

Сотрудничество гражданской и военной власти в сфере вооруженного подавления восстания, безусловно, являлось ключевой стороной их

взаимодействия в данный период, однако далеко не единственной.

Помимо привлечения солдат к исполнению полицейских функций и участия военного руководства в снабжении гражданских властей оружием гражданская власть обсуждала с представителями командования МВО политические вопросы: 10 декабря, по воспоминаниям Джунковского, генерал-губернатор привлек барона Рауш фон Траубенберга для обсуждения вопроса о созыве совещания из представителей московских ведомств и общественности¹⁷⁶³.

Войска в период восстания выполняли и другие функции, так или иначе связанные с интересами гражданской власти. Генерал Малахов в отчете военному министру Редигеру от 20 декабря указывал, что 16 декабря свободные от поручений части «выполняли частные поручения по сопровождению денежных сумм, обозов, огнестрельных припасов, войсковой почты и конвоированию полиции при обысках¹⁷⁶⁴.» Надо отметить, что подобные поручения, причем даваемые им представителями гражданской администрации, войска выполняли и ранее. Так, имеются сведения о том, что казаки 12 декабря развозили почту по правительственным учреждениям¹⁷⁶⁵.

Таким образом, взаимодействие московской гражданской и военной власти охватывало множество областей. Анализ сотрудничества двух структур власти в этих сферах показывает, что, несмотря на эффективную в конечном итоге их работу, в силу плохой слаженности единого руководящего центра оно, особенно в области действия войсковых и полицейских подразделений против «мятежников», приводило к нежелательным эксцессам, явно не благоприятствующим оздоровлению обстановки в Москве.

В данной ситуации генерал-губернатору, стремившемуся выстроить наиболее удобный механизм подавления «мятежа», нужно было идти на более радикальные перемены. Они и последовали как в количественном (прибытие в

¹⁷⁶³ Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 115.

¹⁷⁶⁴ Высший подъем... С. 726.

¹⁷⁶⁵ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 575. Л. 145, 173.

Первопрестольную сильных армейских подкреплений) и качественном отношении (создание новой модели взаимодействия с высшим военным командованием).

14 декабря вечером в Кремле под председательством Дубасова состоялось первое заседание «Военного Совета¹⁷⁶⁶». Суть данного органа подробно раскрывает дневниковая запись В.Г. Глазова от того же числа – «общие совещания администр[ации] и полиции и военачальников¹⁷⁶⁷». Таким образом, новая «коллегия» должна была представлять собой объединение высших чинов гражданской и военной власти для координации их действий в деле подавления восстания.

Подобная мера не была новацией в истории первой русской революции: мы уже говорили об аналогичной системе совещаний администраторов и армейских командиров (причем охватывавшую уровни как центрального руководства, так и отдельных районов города), учрежденной в Петербурге Д.Ф. Треповым для борьбы с «беспорядками». В ноябре 1905 г. практика совещаний гражданской власти и военачальников, была возрождена (причем глава петербургской охраны А.В. Герасимов приписывал ее инициативу себе)¹⁷⁶⁸.

Не сыграли ли петербургские власти – управляющий МВД Дурново, с коим Дубасов был в постоянном контакте, или председатель Совета министров Витте (утверждавший в мемуарах, что в разговоре по телефону 13 декабря спросил генерал-губернатора, почему он не устраивает совещаний у себя¹⁷⁶⁹) – роли в том, что «главный начальник» Первопрестольной» к 14 декабря пришел к этой идее? Не отрицая возможности этого в принципе, мы считаем, что вице-адмирал сам убедился в необходимости «Военного Совета». Во-первых, данный орган был создан не сразу после начала стачки или восстания (а если

¹⁷⁶⁶Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве... С. 54.

¹⁷⁶⁷РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 10. Л. 348.

¹⁷⁶⁸Гурко В.И. Указ. соч. С. 512; Герасимов А.В. Указ. соч. С. 186.

¹⁷⁶⁹Из архива С.Ю. Витте. Т.2. Воспоминания... С. 302.

бы знавший кухню взаимодействия военных и полицейских в Петербурге Дурново стал бы советовать идею объединения, он бы высказал ее раньше). Во-вторых, докладывая о начале данных совещаний управляющему МВД по телефону 15 декабря, Дубасов (разумеется, в его собственной интерпретации) высказался так: «Вчера я сам участвовал в Военном Совете...С сегодняшнего дня ежедневные советы у меня¹⁷⁷⁰.» На наш взгляд, само построение этой фразы свидетельствует об инициативе самого генерал-губернатора, а не об отчете в выполненном поручении. В-третьих, свидетельства родственника вице-адмирала – А.А. Татищева – демонстрируют, что в практику совещаний с различными представителями местного гражданского и военного руководства он освоил еще во время командировки в Черниговскую и Курскую губернии¹⁷⁷¹.

Не устраивалось подобных совещаний до 14 декабря? Проанализировал все доступные на текущий момент материалы, мы пришли к выводу, что с высокой долей вероятности форум 14 числа был первым¹⁷⁷².

Надо сказать, что по поводу этой новации Дубасова в литературе возникло недоразумение: публикаторы дневника вице-адмирала, Ю.С. Воробьева и А.И. Калинин, в комментариях к нему «смешали» «Военный Совет» с «Гражданским» – совещаниями генерал-губернатора с представителями администрации и общественности. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют с уверенностью сказать, что это были два разных органа с различным составом участников и кругом обсуждаемых вопросов¹⁷⁷³.

Рассмотрим теперь состав, повестку дня и решения данных собраний, регулярно происходивших с 14 по 20 декабря (кроме 18 числа)¹⁷⁷⁴. Один из первых исследователей подавления Московского восстания, В.Н. Сторожев,

¹⁷⁷⁰ Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве...С. 56.

¹⁷⁷¹ См. подробнее: Алмазов М.Г. Ф.В. Дубасов и подавление Декабрьского восстания в Москве...С. 54-56.

¹⁷⁷² См. подробнее: *Он же*. «С сегодняшнего дня ежедневные советы у меня...». С. 76-77.

¹⁷⁷³ См. подробнее: Там же. С.78.

¹⁷⁷⁴ РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д.10. Л. 348-348 об., 365, 367, 369 об., 371, 372-373 об., 376; Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве...С. 54, 56.

приводя текст черновика с программой данного органа, написанный рукой Дубасова, иронически добавлял, что он был создан «как во время серьезной войны»¹⁷⁷⁵.» Ввиду обрисованной нами выше картины положения, представлявшегося весьма серьезным для московской власти, думается, подобную оценку можно оставить в стороне

Первое совещание подобного рода в офицерском собрании лейб-гренадерского Екатеринославского полка в Кремле в 10 часов вечера 14 декабря. Согласно дневнику Глазова, на нем присутствовали Дубасов, градоначальник Медем, исполнявший должность губернатора Джунковский, начальник охраны Москвы командир Яковлев, генералы Говоров и Крузенштерн, командиры отрядов для подавления мятежа генерал Дебеш, полковники Зуров и Симанский, командир 7 гренадерского Самогитского полка полковник Голосов и другие лица¹⁷⁷⁶.

Главным предметом обсуждения были результаты состоявшейся в тот же день экспедиции отряда полковника Зурова во 2 участок Суцевской части против дружинников, засевших в Промышленном училище и Миусском трамвайном парке. Перед солдатами ставилась цель оцепить район, уничтожить «мятежников» и произвести обыск в домах по указанию полиции. Итог предприятия был мало успешен: кучка революционеров, засевших в трамвайном парке, несколько часов выдерживала ружейный и артиллерийский огонь войск, а затем сумела успешно скрыться, оставив лишь четверых убитых¹⁷⁷⁷. Правда, после обстрела училища Зурову, произведшему там обыск, удалось захватить 46 человек из импровизированного отряда Красного Креста, а также 9 человек, «стрелявших в войска около училища»¹⁷⁷⁸.» Однако Дубасов, рассчитывавший на захват 2000 дружинников¹⁷⁷⁹ (опять налицо справедливость вывода С.И. Черномордика) был не в восторге от столь

¹⁷⁷⁵ *Сторожев В.Н.* Указ. соч. С. 86-87.

¹⁷⁷⁶ РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 10. Л. 348-348 об.

¹⁷⁷⁷ Там же. Л. 348 об.; *Яковлев Н.Н.* Указ. соч. С. 194-195; Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве... С. 54.

¹⁷⁷⁸ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 92. Л. 5-7; Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве... С. 54.

¹⁷⁷⁹ Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве... С. 54.

скромных результатов, сопровождавшихся, кроме того, серьезными издержками – артиллерийским обстрелом трамвайного парка и ряда домов. Поэтому генерал-губернатор «высказался категорически» против разрушения домов, не сопровождаемого выполнением практической задачи – истреблением «мятежников»¹⁷⁸⁰.

Далее обсуждался план действий войск на следующий день, что снова столкнуло генерал-губернатора с военными. По мнению последних, 15 декабря войскам следовало ограничиться занятием старого здания Университета и взятием Казанского вокзала, но при этом не предпринимать активных действий против таких важных очагов восстания, как Пресня, Казанская и Курская железные дороги. Генералов можно было понять: находившиеся в их распоряжении войска были малочисленны и «истомлены страшно»¹⁷⁸¹ для ведения широкомасштабных военных операций. Однако Дубасов, преследовавший политические цели, придерживался иного мнения, в результате чего «около 1 часа ночи» был «разозлен» генералом Яковлевым, «начавшим защищать дов[ольно] резко» первоначальный план». Кончилась дискуссия также не на миролюбивой ноте: вице-адмирал «заявил категорически», что на следующий день «в его распоряжение» должны прибыть генерал-лейтенант Г.К. Штакельберг и лейб-гвардии Семеновский полк¹⁷⁸², что, несомненно, было демонстрацией его грядущей независимости от московских генералов.

Впечатления от совещания генерал-губернатор сообщил на следующий день в разговоре с управляющим МВД: «...Система неверна и вне моего контроля...». Изложил он и свое видение борьбы с «мятежниками»: «Следует занимать отдельные кварталы и очищать. Они сняли ворота, мы восстановили. Уничтожить средства подвоза Москва-Казанская железная дорога. Ликвидировать ... Пресненская часть. Нельзя на каждый удар отвечать ударом ... Я ее всю уничтожу. Тверская очищена, Ильинка тоже. Надо вести борьбу не

¹⁷⁸⁰РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 10. Л. 348 об.

¹⁷⁸¹Там же. Л. 347 об.

¹⁷⁸²Там же. Л. 348 об.

с мертвыми зданиями, а с живыми людьми¹⁷⁸³.» Таким образом, Дубасов считал необходимым переход от ответных карательных акций к планомерному «зачищению» мятежных кварталов, взятию под контроль власти железных дорог. Также он сильно не одобрял, как мы уже выяснили, тактику неоправданного артиллерийского обстрела домов. В силу этого понятно, почему действия военных, с его точки зрения чересчур медлительные и приводившие к бессмысленным разрушениям, вызвали его неприятие. Однако переход к новой тактике оказался возможен лишь с прибытием подкреплений 15 декабря.

В тот день совещание началось в 9 часов вечера в доме генерал-губернатора. На нем, кроме упоминавшихся военных и администраторов, присутствовали начальник Московского железнодорожного узла И.Д. Сытенко, начальник товарной станции Московско-Казанской железной дороги И.А. Шабанов, жандармские чины¹⁷⁸⁴.

Повестка дня собрания была такова: «Обсуждали возможные действия на дороге, захвата главарей и очищения района Патр[иарших] Прудов (2 участка Арбатской части)». Кроме того, Дубасов вновь внушал военному руководству мысль «о бесполезности расстреливания зданий без захвата бунтовщиков¹⁷⁸⁵.»

В итоге совещание пришло к следующим результатам: было принято решение об «экспедиции в Люберцы» (речь идет о посылке отряда прибывших семеновцев в составе 6 рот пехоты, 2 пеших орудий и 2 пулеметов под командой командира 3 батальона полка полковника Н.К. Римана (с прикомандированным к нему 4 резервного железнодорожного батальона поручиком Костенко с «34 нижними чинами») для овладения Казанской дорогой до Коломны (при это ставилась цель ликвидировать грабителей, хулиганов и боевые дружины, восстановить «правильное» телеграфное и

¹⁷⁸³Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве... С. 56.

¹⁷⁸⁴РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 10. Л. 365.

¹⁷⁸⁵Там же.

телефонное сообщение), занятия ротами пехоты вокзалов, а также оцеплении района 2 участка Арбатской части (выполнение этой задачи возлагалось на оставшиеся роты Семеновского полка под командованием полковника Мина)¹⁷⁸⁶. Как видим, о захвате Пресни речь не шла, вопреки мнению Н.В. Шатиной¹⁷⁸⁷.

Согласно воспоминаниям дежурного генерала штаба МВО М.С. Тюлина, экспедиция на Пресню в тот день сорвалась из-за позиции прибывшего с Мином царского эmissара генерала Г.К. Штакельберга. Мин, по словам Тюлина, прибыв в Москву, не хотел участвовать ни в каких операциях, а занял для охраны Московский, Николаевский и Казанский вокзалы. На это барон Рауш, к которому он пришел, заявил, «что их не для этого ждали». Генерал Тюлин свидетельствует, что известие о малой численности гарнизона произвело сильное впечатление на полковника. Присутствовавшие при разговоре лица (в том числе Малахов с Дубасовым) решили было планировать экспедицию в мятежный район на следующий день, однако тут вмешался Штакельберг, заявивший, что «это не безопасно для Семеновск[ого] п[олка], и он не согласен, а надо ждать прибытия ладожцев». Завязался спор, в ходе которого барон «вынул бумагу с полномочиями ему распоряжаться и чтобы его слушались все». Это, по словам Тюлина, «страшно оскорбило» Малахова и Дубасова. Об экспедиции на Пресню не было больше речи¹⁷⁸⁸.

Следует также признать вывод В.Н. Сторожева о якобы устном распоряжении Дубасова (по мнению исследователя, единоличном) об отправке миссии Римана, сделанный на основании анализа документов, отложившихся в канцелярии московского генерал-губернатора, несостоятельным. Указания,

¹⁷⁸⁶Там же. Л. 366; Высший подъем... С. 729-730.

¹⁷⁸⁷*Шатина Н.В.* Указ. соч. С. 131 Очевидно, исследовательница опиралась на не совсем точные данные доклада состоявшего при генерал-губернаторе подполковника Генерального Штаба князя Волконского о действиях Семеновского полка на Пресне, где речь идет о постановке задачи захвата района именно на совещании 15 декабря (РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 428. Л. 9). Но, как мы видели, такие источники, как отчет Мина и дневник Глазова опровергают это представление. Правда, в дневнике Дубасова решение о снаряжении экспедиции против Пресни датировано 15 декабря, однако перед ним значится распоряжение оставшимся ротам семеновцев заняться обыском во 2 участке Арбатской части, а в составе пассажа об этом — помета: «Впоследствии измененное» (Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве... С. 56).

¹⁷⁸⁸НИОР РГБ. Ф. 307. П. 1. Ед. хр. 4. Л. 15.

каковые довел командир семеновцев до подчиненного, сначала были действительно устными, но получил он их именно на совещании¹⁷⁸⁹.

О заседании 16 декабря мы можем судить по куда менее информативному сообщению справки штаба МВО об артиллерийском обстреле Пресни на следующий день, поскольку главный «летописец» этих заседаний генерал Глазов на этот раз решил не ездить¹⁷⁹⁰. Состоялось оно, судя по дневнику, также в 9 часов вечера¹⁷⁹¹ и, согласно справке штаба, затянулось за полночь¹⁷⁹². В числе участников Глазов называет начальника МВО Рауш фон Траубенберга¹⁷⁹³, а справка – полковника Мина¹⁷⁹⁴. Кроме того, сообщается, что на совещание был приглашен начальник артиллерии гренадерского корпуса генерал-лейтенант В.И. Гиппиус, но не явился¹⁷⁹⁵.

На совещании обсуждался предстоящий штурм Пресни¹⁷⁹⁶ и, возможно, занятие Курской железной дороги (как следует из документа введенного в оборот В.Н. Сторожевым, 15 декабря обсуждение вопроса было отложено на следующий день¹⁷⁹⁷).

О совещаниях 17 и 19 декабря мы, к сожалению, не имеем сведений (про последнее Глазов сообщает только то, что там должны были обсуждаться «мелкие посылки» (очевидно, войск), поэтому он решил не ездить¹⁷⁹⁸). 20 декабря на «Совете» производилось расследование инцидента с вторичным открытием стрельбы по Прохоровской мануфактуре, а также обсуждение итогов экспедиции полковника Римана (при этом он делает вывод о расстройстве психики последнего)¹⁷⁹⁹.

Была сделана попытка наладить взаимодействие гражданской и военной

¹⁷⁸⁹Сторожев В.Н. Указ. соч. С. 156; Карательная экспедиция Римана // Красный архив. 1925. Т. 4-5 (11-12). С. 415, 416.

¹⁷⁹⁰РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 10. Л. 367.

¹⁷⁹¹Там же.

¹⁷⁹²РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 576. Л. 193.

¹⁷⁹³РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 10. Л. 367.

¹⁷⁹⁴РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 576. Л. 193.

¹⁷⁹⁵Там же.

¹⁷⁹⁶Там же.

¹⁷⁹⁷Сторожев В.Н. Указ. соч. С. 87.

¹⁷⁹⁸РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 10. Л. 371.

¹⁷⁹⁹Там же. Л. 372-373 об.

власти и на уровне конкретной разработки операций. Полковник Мин в рапорте об участии своего полка в «усмирении» Пресни сообщал, что первоначальный проект «зачистки» района Патриарших прудов он лично разрабатывал с градоначальником¹⁸⁰⁰.

Можно заключить, что Дубасову действительно удалось заставить начальство МВО принять свой план борьбы с «крамолой». Это явствует из определения на заседаниях 15-16 декабря в качестве целей действий войск Пресни и железных дорог, нейтрализацию которых генерал-губернатор считал чрезвычайно важной. Формально ему даже удалось убедить руководство МВО включить в приказ по артиллерии запрет стрелять по зданиям после бегства «мятежников»¹⁸⁰¹.» Однако следует отметить, что реализовать планы Дубасова в полной мере помогло появление в столице подкреплений, вместе с которыми явилась сила для претворения в жизнь задуманных операций.

Сам институт совещаний имел свои недостатки. Главным было позднее время, на которое они назначались: как мы видели, в среднем подобные заседания устраивались в 9-10 часов вечера, а заканчивались за полночь. Между тем, на них шло обсуждение операций на завтрашний день. Это, по справедливой оценке военных, приводило к плохой их подготовке¹⁸⁰². Так, Глазов комментировал подготовку экспедиций (в том числе пресненской) следующим образом: «Отряды составили не заблаговременно, а командировались в зависимости от решений на совещании у Ген[енерал].-Губ[ернатора], оканчивавшихся в 2 ч. ночи¹⁸⁰³.» Как увидим, это сыграло не последнюю роль в не удовлетворившем власти в полной мере исходе штурма района. Не последнюю роль в данной нестабильности играли частые смены планов самой властью: вечером 16 декабря проект оцепления силами семеновцев района 2 участка Арбатской части был отложен и срочно созвано

¹⁸⁰⁰ Высший подъем... С. 730.

¹⁸⁰¹ Штурм Пресни // Красный архив. 1925. Т. 4-5 (11-12). С. 393.

¹⁸⁰² РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 10. Л. 382; РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 576. Л. 193.

¹⁸⁰³ РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 10. Л. 382.

совещание по подготовке наступления на Пресню¹⁸⁰⁴. 18 декабря план посылки отряда Мина на Сахарный завод был принят без всякого обсуждения на таком форуме¹⁸⁰⁵.

Кроме того, несмотря на участие в выработке планов административно-полицейских чинов, они продолжали грешить неточностями. Полковник Мин докладывал, что 19 декабря долго не мог найти Сахарный завод, так как не был «совершенно знаком с местностью, которая совершенно не соответствовала изображенной на плане¹⁸⁰⁶.» Косвенным свидетельством плохой осведомленности полицейского начальства об обстановке в городе и его географии является признание Мина, что при составлении плана оцепления района Патриарших прудов ему пришлось «заниматься» с Медемом с первого часа до 5 часов вечера¹⁸⁰⁷.

Более того, на местном уровне слаженная работа военной и полицейской власти во время Пресненской экспедиции «провисала» еще сильнее из-за полной дезорганизации и неосведомленности полиции района. Конечно, глава отряда пытался наладить взаимодействие со служителями порядка: по свидетельству Бардина, по прибытии в Пресненскую часть полковник устроил совет с участием местного полицейского начальства, на котором был определен срок начала операции¹⁸⁰⁸. Однако очень скоро проявились «бреши» в сотрудничестве. Так, из-за незнакомства состоявших при отряде Мина чинов полиции с местностью наступление на сахарный завод 19 числа пришлось задержать до 7 часов утра (при том, что выступили части в 5 часов 30 минут)¹⁸⁰⁹. По словам начальника отряда, к действиям на заводе он привлек «всю имевшуюся при мне полицию», однако личность выявленных

¹⁸⁰⁴ Высший подъем...С. 730.

¹⁸⁰⁵ Там же. С. 694.

¹⁸⁰⁶ Высший подъем...С. 733.

¹⁸⁰⁷ Высший подъем...С. 732.

¹⁸⁰⁸ Декабрьское вооруженное восстание 1905 г. глазами сотрудников...С. 187. Правда, есть сомнения, к какой дате относится рассказ Бардина. Дело в том, что по документации Семеновского полка его прибытие на Пресню во главе с Мином произошло рано утром 17 числа (Высший подъем...С. 731, 742, 747; Из истории Московского вооруженного восстания...С. 114). Вполне вероятно, что речь идет о планировании действий 18 числа.

¹⁸⁰⁹ Высший подъем...С. 733, 739.

«мятежников» удалось выявить либо при помощи управляющего, либо сторожа Ватутина, «бывшего семеновца». Позднее та же ситуация повторилась на Прохоровской мануфактуре¹⁸¹⁰. Неслучайно в записке, составленной по итогам «зачистки» «мятежного» района, полковник требовал «большей деятельности» полицейских, изучения настроения обывателей, знания «подозрительных» и «опасных» домов, а также учреждения «тайной полиции» из рабочих на заводах¹⁸¹¹.

Наконец, посещение совещаний вовсе не было строгим. Как мы уже упоминали, Глазов несколько раз их пропускал. Иногда подобные непосещения оборачивались трагически: отсутствие генерал-лейтенанта Гиппиуса на заседании 16 декабря привело к тому, что до него так и не успели своевременно довести приказ по артиллерии на время операции по занятию Пресни¹⁸¹².

Таким образом, система военно-полицейских совещаний, несмотря на некоторое объединение действий военной и гражданской властей в пользу последней, была поспешно сформирована и страдала рядом организационных изъянов, на которые накладывались быстрые перемены обстановки и проблемы существовавшего административного аппарата. Наиболее трагическим образом они сказались в истории с повторным артиллерийским обстрелом Пресни 17 декабря.

Согласно плану, принятому совещанием и оформленному генерал-квартирмейстером Шейдеманом, отряд Мина должен был разрушать баррикады на Пресне и ликвидировать последние «очаги» «мятежа» только после проведения поддерживавшего артиллерийского обстрела батареями, расположенными у Ваганьковского кладбища. Особо отмечалось, что вторично открыть огонь артиллерия могла только после сношения с Мином и категорически воспрещалось стрелять по зданиям, если станет известно о

¹⁸¹⁰ Там же.

¹⁸¹¹ Из истории Московского вооруженного восстания... С. 51-52.

¹⁸¹² РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 576. Л. 193.

бегстве «мятежников». Однако окончание совещания, на коем обсуждалась Пресненская экспедиция, далеко за полночь обусловило ее плохую подготовку. Связи Мина с артиллерией, по недостатку времени, решили не устанавливать; не успели подготовить и тяжелую артиллерию. В результате обстрел утром 17 декабря велся из двух легких батарей, серьезного вреда революционерам не причинивших, – снаряды ложились в насыпь важнейшего оплота «крамолы» – Прохоровской мануфактуры. В результате во время последовавших боев отряда Мина с революционерами, особенно на Горбатом мосту, Дубасов через Штакельберга велел штабу округа возвратить батареи на прежнюю позицию. Прибывший в полдень в Николаевские казармы и ничего не подозревавший об изначальном приказе по артиллерии Гиппиус (командовавший первой стрельбой командир 2-го дивизиона 13-й артиллерийской бригады Н.А. Михайлов «упал в овраг и разбился») в половине второго дня самовольно принял решение вторично открыть огонь, не ставя в известность Мина. В результате начальнику отряда пришлось приостановить начатое было наступление. Впоследствии Гиппиус представил свою версию произошедшего, согласно коей вторичную стрельбу он открыл по прямому приказу из штаба округа. Однако, проанализировав доступные источники, мы пришли к выводу о крайней сомнительности данной трактовки событий¹⁸¹³.

Сложно отрицать, что вторичная бомбардировка Пресни в известной степени обезопасила семеновцев, сломив дух вооруженных «мятежников». Однако, произведенная без связи с отрядом Мина, она фатально задержала решающее наступление и позволила многим революционерам (включая Литвина-«Седого», Мазурина-«Володю», Соколова-«Медведя» и других) уйти¹⁸¹⁴.

Таким образом, очевидно, что система военно-полицейских совещаний при генерал-губернаторе, несмотря на позитивное зерно в идее ее создания, так и не смогла стать безупречным средством борьбы с «мятежом»,

¹⁸¹³ См. подробнее: Алмазов М.Г. «Огонь, само собой, должен вестись энергично» ...С. 20-26.

¹⁸¹⁴ Там же. С. 26.

объединить все звенья карательной машины.

Теперь рассмотрим вопрос о взаимодействии гражданской власти (генерал-губернатор Ф.В. Дубасов) и военных (штаб округа, командир Пресненского отряда Г.А. Мин) во время самого масштабного в «боевом» отношении эпизода Декабрьского восстания – штурма Пресни.

Командир Семеновского полка должен был регулярно отчитываться в своей деятельности, причем как генерал-губернатору, так и штабу МВО, о чем свидетельствуют его донесения в оба места¹⁸¹⁵.

Например, 18 декабря в 8 часов 20 минут вечера он отправил генерал-губернатору донесение, в котором, помимо рассказа о действиях вверенного ему отряда, просил «распоряжения вашего превосходительства» (т. е. генерал-губернатора) выслать к 8 часам утра 19 декабря «как можно больше полиции в мое (Г.А. Мина – М.А.) распоряжение», поскольку проведение обысков «деморализует войска¹⁸¹⁶». В тот же день депеша с аналогичной просьбой (но с гораздо менее содержательной информационной частью) была отправлена в штаб МВО. Интересно, что при отправке данного послания Мин преследовал цель не столько информировать военное руководство Москвы о проделанной его отрядом «работе», но получить содействие в удовлетворении своего ходатайства («Прошу поддержать мое ходатайство»)¹⁸¹⁷.

Общался Мин со своими кураторами с помощью коротеньких записок, передававшихся специальными гонцами¹⁸¹⁸. Примерно в таком же виде пересылались и приказания самому полковнику: начальник штаба МВО барон Рауш фон Траубенберг за 18-19 декабря выслал ему ряд записок¹⁸¹⁹. (Кроме них командиру отряда было отправлено еще одно официальное предписание

¹⁸¹⁵РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 386. Л. 262-262 об., 273-281 об., 283-326.

¹⁸¹⁶Сторожев В.Н. Указ. соч. С. 144-145.

¹⁸¹⁷РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 386. Л. 326-326 об.

¹⁸¹⁸Сторожев В.Н. Указ. соч. С. 141-153; РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 386. 262-262 об., 273-281 об., 283-326.

¹⁸¹⁹Из истории Московского вооруженного восстания... С. 51, 76.

от 18 декабря¹⁸²⁰.) 20-21 декабря Мин также получил несколько приказаний генерал-квартирмейстера Шейдемана, оформленных в виде таких же записочек¹⁸²¹. Посылал командиру Семеновского полка свои распоряжения и генерал-губернатор, причем значительная их часть содержалась в составе посланий барона Рауша¹⁸²². Часто эти записки целиком посвящались передаче распоряжения главного начальника Первопрестольной, как, например, экземпляр от 19 декабря: «Генерал-Губернатор приказал немедленно сообщить что сделано по отношению к фабрикам Прохорова и Мамонтова и что известно о самом Прохорове и его семье. Если не знаете, то сообщите, что вы знаете и в то же время потрудитесь узнать и сообщить посланы ли туда отряды? Сгорели ли фабрики? Спокойно ли там? (выделено в источнике – М.А.)¹⁸²³.» Предписания же Шейдемана, посланные в то время, когда восстание было разгромлено и на отряд Мина была возложена задача «зачистки» района, содержали в себе распоряжения от командующего войсками округа генерала Малахова¹⁸²⁴.

Данную систему связи нельзя назвать оперативной. Выполнить требование адресатов о посылке телеграмм ежечасно Мин оказался не в состоянии, в связи с колоссальной загруженностью в эти дни, о чем сообщил генерал-губернатору уже 18 числа¹⁸²⁵. В качестве иллюстрации приведем указание на время тех посланий, что были отправлены в течение 17-18 декабря. Первое было отослано в 9 часов 20 минут утра, второе и третье датировки не имеют, четвертое – в 4 часа 45 минут дня, пятое – в 5 часов 5 минут, более же за это число донесений не отправлялось. 18 декабря первое донесение было послано в 4 часа 45 минут, второе – в 8 часов 20 минут¹⁸²⁶.

19 числа, после получения в 10 часов 30 минут утра приказа Рауш фон Траубенберга, ситуация не сильно изменилась: хотя первые два послания

¹⁸²⁰Высший подъем...С. 692.

¹⁸²¹РГВИА.Ф. 2584. Оп. 1. Д. 2680.

¹⁸²²Из истории Московского вооруженного восстания...С. 51, 175-176.

¹⁸²³Там же. С. 176.

¹⁸²⁴РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 2680. Л. 1.

¹⁸²⁵Сторожев В.Н. Указ. соч. С. 144.

¹⁸²⁶Там же. С. 141-145.

за этот день были отправлены с интервалом в 15 минут (соответственно в 11 часов 45 минут и в 12 часов дня), третье было отослано только в 3 часа дня, четвертое – в 8 часов вечера, пятое так и осталось без даты. Значительная часть «рапортов» полковника была написана и даже подписана не им, а капитаном Генерального Штаба Колосовым, направленным в его распоряжение руководством МВО, а также корнетом Соколовым и даже полковым адъютантом подполковником Брюмом и командированным в распоряжение Мина подполковником Генерального Штаба Эйгелем¹⁸²⁷. Однако на оперативность доставки донесений это не особенно влияло.

Излишнюю сложность процессу установления связи между Мином с одной стороны и штабом МВО и генерал-губернатором — с другой придавал «человеческий фактор». В 8 часов 10 минут вечера 20 декабря Мин извещал Дубасова, что его последнее донесение не дошло до генерал-губернатора, так как «везший его драгун упал с лошади и донесение, которое было у него в фуражке, потерял». Поэтому полковнику частично пришлось эту депешу пересказать в новом послании. Предыдущее же донесение было отправлено только в 1 час дня, следовательно, практически целый день Дубасову приходилось довольствоваться сведениями, сообщаемыми по телефону из штаба округа¹⁸²⁸.

Естественно, такое положение вызывало беспокойство обеих сторон и желание его исправить. 18 декабря Мин, в упоминавшемся донесении говорил, что «весьма желательно было бы командировать в мое распоряжение еще одного офицера Генерального Штаба¹⁸²⁹.» В отправленной в скором времени диспозиции барон Рауш прореагировал на это сообщение, выслав в распоряжение командира пресненского отряда офицеров Генерального Штаба подполковника Эйгеля и капитана Черного¹⁸³⁰ (три сообщения 19 и 20 декабря

¹⁸²⁷Там же. С. 145-148.

¹⁸²⁸Там же. С. 150.

¹⁸²⁹Там же. С. 144.

¹⁸³⁰Высший подъем...С. 692.

было отправлено за подписью первого из них¹⁸³¹). Второй же в отправке донесений не участвовал, а занимался снятием планов Сахарного завода, Прохоровской и Мамонтовской фабрик¹⁸³², что, очевидно, должно было «разгрузить» «главного генштабиста» при отряде – капитана Колосова.

Предпринял Мин и собственные меры по «оптимизации» сообщения с московским начальством. По признанию полковника, вечером 18 и утром 19 декабря, за «большим расходом конницы», он мог посылать донесения лишь в одно место и выбрал штаб округа (однако с просьбой передавать отправляемые им сообщения генерал-губернатору). Образчиком подобных депеш может послужить послание за подписью корнета Соколова, в котором он за полковника Мина извещал руководство МВО о движении отряда к Сахарном заводу и его обложении, а также добавлял: «Донесения Генерал-Губернатору не посылаются. Просят донести Вам, передать Генерал-Губернатору¹⁸³³.»

Однако подобная практика вызвала недовольство Дубасова, несмотря на пересылку данного послания ему (очевидно, с задержкой). Посему в 7 часов 30 минут 19 декабря барон Рауш отправил Мину записку, которая гласила: «Ген[енерал]-Губ[ернатор] требует, чтобы донесения посылались ему. Если нет возможности послать и ему и мне, то посылайте только ему¹⁸³⁴.» С тех пор Мин возобновил посылку «отчетов» Дубасову, однако с их регулярностью, как мы уже видели, оставались проблемы. Наиболее ярко это проявилось с отправкой ответа на вышеприведенную записку Рауша: получил ее командир пресненского отряда в 10 часов 30 минут утра, а свое донесение отправил лишь в 9 часов вечера¹⁸³⁵.

Следует отметить одну деталь: приведенная история с порядком посылки донесений явно свидетельствует о том, что интересы гражданской

¹⁸³¹ *Сторожев В.Н.* Указ. соч. С. 146, 147, 150.

¹⁸³² Там же. С. 147; Из истории Московского вооруженного восстания...С. 52.

¹⁸³³ *Сторожев В.Н.* Указ. соч. С. 147.

¹⁸³⁴ Из истории Московского вооруженного восстания...С. 176.

¹⁸³⁵ *Сторожев В.Н.* Указ. соч. С. 147.

власти явно были признаны приоритетными в самом командовании МВО. Это было обусловлено следующими причинами. С одной стороны, Мин был послан царем «в распоряжение» Дубасова¹⁸³⁶. С другой, не стоит забывать зафиксированное Глазовым решение Малахова предоставить генерал-губернатору лидерство в борьбе с «мятежом».

Примечательный факт приводит В.Н. Сторожев. Он обнаружил экземпляр распоряжения Рауша Мину от 18 декабря (с изложением диспозиции и приказа посылать донесения как Дубасову, так и в штаб) среди бумаг секретного отдела канцелярии московского генерал-губернатора, причем, по его мнению, написанный рукой генерал-квартирмейстера Шейдемана. На нем стояла помета, сделанная рукой Дубасова: «18/XII¹⁸³⁷.» Данное обстоятельство свидетельствует, что генерал-губернатор проконтролировал исполнение штабом своего распоряжения.

Справедливости ради надо отметить, что с оперативностью отправки и доставки сообщений проблемы были и у канцелярии московского генерал-губернатора. По словам Мина, прошение рабочих Прохоровской фабрики о содействии войскам он получил от городского головы Н.И. Гучкова и губернского предводителя дворянства князя П.Н. Трубецкого и представил с прошением хозяина фабрики Н.И. Прохорова и своим заключением генерал-губернатору около 9 часов.¹⁸³⁸ Однако ответ полковнику был отправлен только в 1 час ночи, а получен им в 7 часов утра¹⁸³⁹. В ответ на запрос Мина о том, как лучше арестовать хозяина сахарного завода от 20 декабря, вообще вынужден был лично явиться на Пресню с разъяснениями от Дубасова исполняющий должность московского губернатора Джуновский¹⁸⁴⁰.

Нельзя не упомянуть и еще об одном альтернативном канале связи, который попыталось наладить руководство МВО. Сохранилась запись

¹⁸³⁶Письма Николая II к Дубасову // Красный архив. 1925. Т. 4-5 (11-12). С. 441.

¹⁸³⁷Сторожев В.Н. Указ. соч. С. 147.

¹⁸³⁸РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 428. Л. 16-17; Высший подъем... С. 732.

¹⁸³⁹РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 2651. Л. 1. Впрочем, в данном случае следует учитывать и ночное время, не благоприятствовавшее интенсивной переписке.

¹⁸⁴⁰Высший подъем... С. 734.

телефонных переговоров за 17-18 декабря между Колосовым и состоявшим при штабе МВО подполковником Никольским. Основными темами бесед были: перемещение отряда, доставка продовольствия, потери со стороны войск и «мятежников», наконец, действия самого Колосова, отчитывавшегося в действиях отряда перед генерал-губернатором¹⁸⁴¹. Однако не стоит переоценивать значение этих переговоров в общем механизме принятия и реализации решений по направлению действий пресненского отряда. Судя по тексту записей, они носили исключительно характер информирования.

Приводил ли недостаточно отлаженный механизм информирования сторон к эксцессам в практическом плане? Последствий, фатальных для подавления восстания он не породил, хотя и принес ряд осложнений.

Во-первых, приходящие с задержкой распоряжения военно-политического руководства вели к несовершенному их исполнению. Так, изложение задач отряда на 19 декабря было доставлено Мину лично генерал-квартирмейстером Шейдеманом только в 11 часов вечера, в результате чего подготовка велась очень поздно, и войска смогли выступить не в 5 часов утра, а в 5 часов 30 минут¹⁸⁴². Так же слишком поздно (в 11 часов 20 минут 19 декабря) Дубасов отправил через Рауша фон Траубенберга запрос о состоянии Прохоровской и Мамонтовской фабрик¹⁸⁴³. Выступивший в 5 часов 30 минут утра¹⁸⁴⁴ и выславший донесения только в штаб округа Мин сосредоточил все свои силы на Сахарном заводе, отправил на Прохоровскую мануфактуру лишь одну роту Ладожского полка, «обыска и опроса» там не проводилось¹⁸⁴⁵. Это способствовало тому, что, по признанию Эйгеля, часть «мятежников» смогла спастись еще утром 19 декабря¹⁸⁴⁶.

Во-вторых, невозможность частого информирования приводила к тому, что часто Дубасов узнавал о результатах действий Мина после их совершения.

¹⁸⁴¹Из истории Московского вооруженного восстания...С. 31-33.

¹⁸⁴²Высший подъем...С. 733.

¹⁸⁴³Из истории Московского вооруженного восстания...С. 176.

¹⁸⁴⁴Высший подъем...С. 733.

¹⁸⁴⁵Сторожев В.Н. Указ. соч. С. 146.

¹⁸⁴⁶Там же. С. 150.

Особенно ярко это проявилось при переговорах последнего с представителями Прохоровской мануфактуры, о чем будет сказано ниже. Весьма широко понимал Мин свои полномочия по части расстрела, хотя донесения о казнях дружинников встречали понимание генерал-губернатора. В ответ на донесение о расстреле Афанасьева Дубасов «приказал подтвердить» необходимость «пристреливать» «оказавших сопротивление и дерзость и взятых с оружием в руках» и распорядился «немедленно» выдать 500 рублей сторожу Сахарного завода, выдавшего дружинника¹⁸⁴⁷.

Каково было содержание донесений Мина и его помощников генерал-губернатору? В этих коротких записках довольно подробно излагались действия отряда: его расположение в разные моменты времени, боевые действия против «мятежников», обыски, расстрелы и выполнение прочих полицейских функций на Пресне и т. д., вплоть до сведений об остановках на ночлег¹⁸⁴⁸. Сопоставление данного источника с записками барона Рауша позволяет заключить, что некоторая часть этих сообщений служила ответом на конкретные распоряжения и запросы московского генерал-губернатора. Так, 19 декабря начальник штаба передал Мину просьбу Дубасова сообщить о судьбе фабрикантов Прохорова и Мамонтова и о состоянии их фабрик. Записка была отослана в 11 часов 20 минут, а уже в полдень командир пресненского отряда непосредственно докладывает генерал-губернатору, что Прохоровская мануфактура занята его войсками, а выполнение аналогичного действия в отношении Мамонтовской фабрики в его задачу не входило. Он также заявил, что о судьбе Прохорова ему «ничего не известно», но он высылает отряд на оба предприятия¹⁸⁴⁹. В 3 часа дня Мин сообщил, что с хозяином первой из фабрик и с его семьей все в порядке (хотя про второго «фигуранта» он позабыл)¹⁸⁵⁰.

Таким образом же отправлялись разнообразные просьбы и запросы,

¹⁸⁴⁷ Из истории Московского вооруженного восстания... С. 51; *Сторожев В.Н.* Указ. соч. С. 147-148.

¹⁸⁴⁸ *Сторожев В.Н.* Указ. соч. С. 141-153.

¹⁸⁴⁹ Из истории Московского вооруженного восстания... С. 176; *Сторожев В.Н.* Указ. соч. С. 146.

¹⁸⁵⁰ *Сторожев В.Н.* Указ. соч. С. 146.

адресованные генерал-губернатору. Каков был их предмет? О желании Мина получить в свое распоряжение больше полицейских мы уже писали. 17 декабря вечером он отправил Дубасову прошение рабочих Прохоровской мануфактуры о сдаче с собственным заключением, в котором выразил недоверие их обещаниям и предлагал выставить условия – выдачу оружия, главарей и боевых дружин, а также состава суда, приговорившего к смертной казни начальника сыскной полиции А.И. Войлошникова и околоточного надзирателя Сахарова¹⁸⁵¹ (как известно, убитых революционерами 14-15 декабря¹⁸⁵²).

В донесении от 8 часов 20 минут вечера 20 декабря содержался запрос: ввиду того, что задержанный накануне дружинник был готов выдать ряд своих товарищей, чьи адреса были ему известны, полковник интересовался у генерал-губернатора, должен ли он со своими подчиненными принимать участие в акциях обыска и задержания «при участии полиции» или эта задача будет возложена только на полицейских¹⁸⁵³. В том же послании, донося, что во дворе Прохоровской мануфактуры был найден предмет, похожий на бомбу, Мин просил генерал-губернатора командировать на следующий день «какого-либо специалиста»¹⁸⁵⁴.

В депеше от 9 часов 45 минут 21 декабря начальник штаба отряда капитан Колосов высказывал мысль, что при обыске Прохоровской мануфактуры «присутствие специалиста по подрывному делу все же желательно», очевидно, мотивируя этим задержку присланного для осмотра найденных «адских машин» техника дворцового управления капитана Колонтаева¹⁸⁵⁵.

Наконец, 21 числа Мин изложил в послании генерал-губернатору необычный план захвата бежавшей дружины Шмита – устроить провокацию,

¹⁸⁵¹РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 428. Л. 16 об.

¹⁸⁵²Высший подъем... С. 769-770.

¹⁸⁵³Сторожев В.Н. Указ. соч. С. 151.

¹⁸⁵⁴Там же.

¹⁸⁵⁵Там же. С. 152.

заставив Шмита написать «главарям» письма с извещением о том, что его везут на «вечное заключение или казнь» и арестовать дружинников во время попытки его освобождения. В этом же письме содержался ряд других запросов. Мин, «очень затруднявшийся в правильности порядка опроса арестованных на Прохоровской мануфактуре, просил «специалиста по этой части». Также он высказывал мысль, что сторожа, «бывшего семеновца», который дал показания о действиях дружинников в дни восстания (в докладе Мин приводит его фамилию – «Ватутин») «желательно не выдать и оградить от мести». Также командир отряда просил указаний, «куда следовать сегодня по окончании обыска». Остальные просьбы были стандартны: присылка специалиста для исследования найденных бомб, увеличение штата полиции для лучшего производства обысков, дача указаний, «куда сдать» арестованных, которые, по мнению полковника, были «еще нужны и под страхом смерти дадут нужные показания»¹⁸⁵⁶.

Анализ доклада Мина о действиях полка по начальству, позволяет считать, что до нас дошли далеко не все донесения командира семеновцев главному начальнику Москвы. 19 декабря он справился у Дубасова о желательной форме ареста хозяина Сахарного завода¹⁸⁵⁷.

Как видим, основное содержание просьб, отправлявшихся из отряда Мина Дубасову, составляли вопросы политического (увеличение штатов полиции, производство следствия и арестов, выдвижение условий желающим сдать рабочим, осмотр найденных предметов, розыск бежавших дружинников), а также военного характера, тем не менее, тесно связанные с задачами гражданской власти (передвижение отряда).

Теперь рассмотрим, каких тем касались распоряжения, отдаваемые Дубасовым Мину. Прежде всего речь шла, конечно, о политических «сюжетах»: выдвижении условий рабочим Прохоровской мануфактуры¹⁸⁵⁸,

¹⁸⁵⁶Высший подъем...С. 735-736.

¹⁸⁵⁷Там же. С. 732, 734.

¹⁸⁵⁸РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 2651. Л. 1-2 об.

содействии городскому голове Гучкову и губернскому предводителю дворянства Трубецкому в выводе женщин и детей с Пресни¹⁸⁵⁹, решении участи хозяина Сахарного завода и его управляющих¹⁸⁶⁰, о «порядке расправы» над дружинниками.

Однако, кроме чисто «гражданских» отдавал генерал-губернатор и военные приказы. 19 декабря Рауш обратился к Мину с запиской, которая гласила, что Дубасов «придает особое значение», чтобы части, свободные от обысков на 20 декабря, были «отпущены на отдых». Данное повеление давалось неспроста: из отпущенных надлежало сформировать отряд в составе «3 рот пехоты, 2-х орудий, ½-х эск[адронов] драгун», которому следовало приступить к обыску Комиссаровского училища под руководством подполковника Ермолова (то есть выполнить задачу, первоначально возложенную на Семеновский полк на «Военном Совете» 15 декабря)¹⁸⁶¹.

Более того, отдавал Дубасов и военные распоряжения касательно отряда Мина и командованию МВО. Глазов зафиксировал в дневнике рассказ начальника штаба Рауша, что 17 декабря Дубасов «находит необходимым» объединить роты семеновцев и ладожцев на Пресне в единый отряд под началом Мина¹⁸⁶².

Таким образом, можно заключить, что взаимодействие Дубасова и Мина касалось как политических, так и военных вопросов, кроме того, генерал-губернатор был в курсе почти всех действий отряда на Пресне. В рамках этих тем генерал-губернатор отдавал командиру пресненского отряда распоряжения. Следовательно, вице-адмирал к моменту Пресненской экспедиции превратился в фактического главнокомандующего.

Подтверждает это и тональность его обращений к Мину. В своем ночном послании 18 декабря о выдвижении условий Прохоровским рабочим генерал-губернатор прямо указывал Мину («Ответ на прошение пошлите такой») и

¹⁸⁵⁹ Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве...С. 67.

¹⁸⁶⁰ Высший подъем...С. 734.

¹⁸⁶¹ Из истории Московского вооруженного восстания...С. 176.

¹⁸⁶² РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 10. Л. 367 об.

далее излагал приемлемые, с его точки зрения, требования, которые надлежало предъявить рабочим (соглашаясь с предложениями Мина). Весьма показательной была и лексика документа: «пошлите», «допускать нельзя», «если это не будет сделано к такому-то часу..., то войска приступят к выполнению своей задачи» и т. д., т. е. имевшая приказной характер.

В то же время Дубасов отдавал решение ряда вопросов на откуп командиру пресненского отряда (например, назначение срока исполнения выдвигаемого в письме ультиматума) и только указывал, что он «думает» о желательности времени «не позднее 9 часов утра». Ряд распоряжений генерал-губернатора вообще был оформлен в виде простых рекомендаций: например, он находил «срок даже 9 часов» «опасным» и полагал, что «лучше объявить» о начале военных действий «с рассветом». Характерна и подпись письма, свидетельствующая по признанию статуса командира Пресненского отряда: «искренно преданный Вам Ф. Дубасов¹⁸⁶³.»

Аналогичный подход прослеживается в отношении, посвященном выводу женщин и детей из осажденного района: их «способ удаления» Дубасов «предоставлял избрать» самому Мину (однако тут же содержался пассаж приказного характера, что «эта мера должна быть распространена исключительно на женщин и детей»)¹⁸⁶⁴.

Черновик данного распоряжения показывает, что первоначально Дубасов хотел детально разработать план операции «наверху»: «Способ этого удаления (женщин и детей с Пресни — М.А.) будет выработан на сегодняшнем вечернем совещании Начальствующих лиц и Вам сообщен¹⁸⁶⁵.» То есть на первых порах генерал-губернатор рассчитывал разработать все тонкости предстоящей операции на «Военном Совете», а затем в форме приказа «спустить» Мину. Очевидно, что на отказ от обсуждения дела на «Военном Совете» повлияла боязнь отсрочки в случае несвоевременного получения

¹⁸⁶³РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 2651. Л. 1-2 об.

¹⁸⁶⁴Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве... С. 67.

¹⁸⁶⁵ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 90. Т. 1. Л. 37.

полковником нового постановления, а также трезвый расчет, что на месте акция будет разработана лучше. Следовательно, Дубасов предстает довольно гибким «главнокомандующим», способным при необходимости предоставить инициативу подчиненным. Видимо, теми же мотивами он руководствовался, составляя условия капитуляции «прохоровцев».

Насколько точно Мин исполнял данные генерал-губернатором поручения? Как представляется, все зависело от ситуации. Довольно оперативно он отреагировал на повеление Дубасова разработать план эвакуации женщин и детей: в приказе по отряду от 17 декабря о действиях на следующий день содержался пассаж, что каждой из намеченных для «прохождения» района колонн будут приданы «представители от Думы, снабженные визитными карточками городского головы за его подписью» для реализации данной акции. Предусматривались и меры в «случае неприбытия этих делегатов»: женщин и детей следовало тогда направлять по «приложенному списку¹⁸⁶⁶». Впрочем, реализация этой меры была весьма своеобразной: через кордоны, обыскивающие мирных жителей, проходили и мужчины, причем так удалось спастись довольно значительному числу революционеров (во многом это зависело от везения и настроения солдат, а Малая Грузинская улица вообще «оказалась свободной для движения»)¹⁸⁶⁷.

Однако так было далеко не всегда. Судя по докладу Мина, рабочие Прохоровской мануфактуры явились за ответом на свои предложения в 7 часов утра (что вызывает некоторые сомнения: если, как мы помним, в 7 часов утра был получен ответ генерал-губернатора, то, получается, он был мгновенно передан явившимся рабочим? Представляется, что большее доверие вызывает версия Мина, изложенная в его очередном донесении генерал-губернатору, согласно которой ответ рабочим был переслан им через некоторое время после получения. Само решение пролетариев датировано 10 часами 10 минутами

¹⁸⁶⁶Высший подъем...С. 691.

¹⁸⁶⁷Декабрь на Красной Пресне...С. 20; *Костицын В.А.* Декабрьское восстание 1905 г. ...С. 209-210; Декабрьские дни в Москве. Записки дружинника...С. 31.

утра¹⁸⁶⁸. В донесении полковник также указывал, что к требованиям, содержащимся в письме Дубасова, он прибавил необходимость разборки баррикад в Пресненском районе к 1 часу дня (что исключало претворение в жизнь рекомендации генерал-губернатора начать «действия войск» в 9 часов утра или тем паче с рассветом)¹⁸⁶⁹. Интересное свидетельство содержится в записи телефонного разговора капитана Колосова с подполковником Никольским. Капитан сообщал своему собеседнику, что требования «очистить весь пресненский рабочий район от баррикад» и срок до 1 часа дня 18 декабря были выставлены Мином еще «ночью» 17 декабря (хотя вполне возможно, что офицер решил обобщить известные ему факты)¹⁸⁷⁰. Более того, Мин впоследствии вел переговоры с делегацией рабочих до часу дня¹⁸⁷¹. Как видим, в любом случае полковник отнесся к поручению генерал-губернатора с учетом обстановки, как ему казалось, и с проявлением инициативы.

Особенно широко применял Мин практику бессудных расстрелов. Хотя ликвидацию дружинников Дубасов приветствовал, но убийство и сечение лиц, задержанных патрулями Семеновского полка в районе Пресни, слабо или вовсе не причастных к революционному движению¹⁸⁷², не вызвали восторга генерал-губернатора. По двум «эпизодам» расстрельной практики Мина и его подчиненных (особенно активное участие в процессе «судопроизводства», организованного на Прохоровской мануфактуре, принимали штабс-капитан Свечников и поручик Аглаимов) – убийствам студентов Григория Моисеева и Алексея Григорьева – Дубасов даже возбудил дознания¹⁸⁷³. Расследования, проводившиеся состоявшим при генерал-губернаторе подполковником Генерального Штаба князем Волконским и заключающиеся в проверке сохранившихся «расстрельных списков», составленных офицерами полка, и опросом свидетелей (включая высокопоставленных жандармских чинов),

¹⁸⁶⁸РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 428. Л. 18 об.

¹⁸⁶⁹РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 2651. Л. 1 об. - 2; Высший подъем...С. 732; *Сторожев В.Н.* Указ. соч. С. 143

¹⁸⁷⁰Из истории Московского вооруженного восстания...С. 31-32.

¹⁸⁷¹Там же; РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 10. Л. 66.

¹⁸⁷²РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 445. Л. 7-9; Д. 447. Л. 7-9 об., 21-21 об.

¹⁸⁷³Там же. Д. 445, 447.

выявили факты прямого произвола со стороны гвардейцев: студент Моисеев был расстрелян патрулем на льду Москвы-реки¹⁸⁷⁴, Григорьев, задержанный патрулем и доставленный на Прохоровскую мануфактуру, был лишен жизни в числе довольно большого числа «подозреваемых» после непродолжительного «судилища», устроенного офицерами Семеновского полка, на дворе этой фабрики (хотя в заключении осторожно указывалось, что прямых доказательств расстрела Григорьева не имелось, большая часть косвенных фактов указывала именно на такой финал)¹⁸⁷⁵. Подобные сведения вызвали возмущение Дубасова, который признавался Волконскому, что не знал о подобных расправах¹⁸⁷⁶. Это признание, скорее всего, соответствовало истине: первоначально генерал-губернатору был доставлен список из 20 дружинников, расстрелянных на Прохоровской мануфактуре и фабрике Мамонтова, причем в списке фигурировал «агитатор Григорьев»¹⁸⁷⁷ (именно отождествлением с ним пытался объяснить факт «возможного» расстрела студента Технического училища Григорьева поручик Аглаимов во время расследования Волконского¹⁸⁷⁸).

Следует отметить, что такие результаты «деятельности» офицерского корпуса гвардейского полка объясняются несколькими причинами. Первой было своеобразное представление обо всех пресненцах, как о потенциальных мятежниках. Подтверждением этого служит свидетельство смотрителя Пресненского полицейского дома Н. Бардина, вспоминавшего, что один из местных приставов обращался к Мину с просьбой пощадить «мирных жителей», на что полковник отвечал, что «мирных жителей» он «не признает»¹⁸⁷⁹.» Свою лепту внесли и потери при начале пресненского штурма, которые, по словам поручика А.К. Квашнина-Самарина, поразили Мина¹⁸⁸⁰. Примечательно, что сам факт проведения дознания оскорбил полковника,

¹⁸⁷⁴Там же. Д. 445. Л. 7-9.

¹⁸⁷⁵Там же. Д. 447. Л. 83.

¹⁸⁷⁶Там же. Д. 445. Л. 4.

¹⁸⁷⁷Там же. Д. 428. Л. 25.

¹⁸⁷⁸Там же. Д. 447. Л. 82-82 об. См. также о судьбе Григорьева и Моисеева: *Макаров К.О.* Указ. соч. С.55-68

¹⁸⁷⁹Декабрьское вооруженное восстание 1905 г. глазами сотрудников...С. 188.

¹⁸⁸⁰Из истории Московского вооруженного восстания...С. 140.

который обвинил Дубасова в нарушении слова не выдвигать никаких претензий к полку, а также откровенно заявлял, что «если даже Григорьев был праведник, то смерть его не искупила бы смерти трех моих славных семеновцев¹⁸⁸¹...»

Но сыграл свою роль еще один фактор – позиция гражданских властей. Дело в том, что в день грандиозного расстрела на Прохоровской мануфактуре (21 декабря), там находилось довольно много высокопоставленных деятелей политического сыска и юстиции (исполнявший должность начальника МГЖУ М.В. Куроедов, помощник начальника Охранного Отделения П.А. Фуллон, прокурор окружного суда А.М. Золотарев и даже видные чиновники Департамента полиции МВД Н.А. Макаров и П.И. Рачковский). Однако они, по сути, самоустранились от каких-либо действий, предоставив семеновцам приводить в жизнь вынесенный ими самими приговор (лишь Рачковскому удалось спасти некоторых от смерти)¹⁸⁸². Вероятно они, большинство из которых испытали немалый страх в дни восстания, тем самым «признавали правоту» Мина и его подчиненных, как это ранее сделал Бардин.¹⁸⁸³

Естественно, слухи о подобных методах судопроизводства не могли добавить популярности генерал-губернатору. Информация о расстреле Григорьева проникла в печать, что спровоцировало скандал¹⁸⁸⁴.

Инициативы полковника порой приводили к спорным результатам в чисто практическом плане. Мин фактически признал, что выдвинутое им требование разборки рабочими баррикад, а также проверка его исполнения привели к тому, что отряд так и не смог засветло начать действия¹⁸⁸⁵. А это, в свою очередь, во многом способствовало тому, что часть «агитаторов и дружинников» с Прохоровской мануфактуры скрылась в течение 18 – утра 19 декабря, т. е. до того момента, как Мин приступил к ее обыску¹⁸⁸⁶. Впрочем,

¹⁸⁸¹РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 428. Л. 1, 2 об.

¹⁸⁸²Там же. Д. 447. Л. 27, 73-74, 79.

¹⁸⁸³Декабрьское вооруженное восстание 1905 г. глазами сотрудников... С. 188.

¹⁸⁸⁴Климов Василий. Расправы и расстрелы... С. 49-53; РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 428. Л. 1-1 об.

¹⁸⁸⁵Высший подъем. С. 732-733.

¹⁸⁸⁶Сторожев В.Н. Указ. соч. С. 149.

значительную роль сыграл здесь и фактический срыв военных действий 17 декабря. Однако не стоит оценивать последствия этой инициативы прямолинейно. Ведь по сути дела, проигнорировав «советы» Дубасова о раннем начале операции и обеспечив исполнение одного-единственного своего требования – разборки баррикад – Мин обеспечил относительно мирную капитуляцию Пресни. Очевидно, заботясь о жизнях солдат своего полка, командир своим промедлением фактически спас многих рабочих от неминуемой гибели.

Надо также сказать, что Дубасов столкнулся с еще одним потенциальным «руководящим центром». Речь идет о генерал-лейтенанте Г.К. Штакельберге, прибывшем в Москву вместе с Мином 15 декабря¹⁸⁸⁷. Как, на наш взгляд, правильно предположил В.Н. Сторожев, он был отправлен с особой миссией от царя¹⁸⁸⁸.

В чем заключались функции генерал-лейтенанта, бывшего командира 1 Сибирского корпуса? Нельзя не согласиться с В.Н. Сторожевым, что в значительной степени их смысл раскрывается в письме Дубасова министру двора и командующему Императорской Главной квартирой барону В.Б. Фредериксу. Во-первых, генералу надлежало помогать генерал-губернатору «своими обширными военными знаниями и опытностью», т. е. исполнять функции военного советника. Более того, как свидетельствует Глазов, Штакельберг обсуждал с вице-адмиралом текущие военные действия против мятежников, в частности операции Мина на Пресне 18 декабря¹⁸⁸⁹. Во-вторых, выступил он и в роли аналитика, содействовавшего Дубасову в осознании пороков гражданского и военного управления Москвой и губернией и в разработке упоминавшегося проекта его преобразования¹⁸⁹⁰. Так, по словам того же Глазова, Штакельберг жаловался генерал-губернатору на отсутствие

¹⁸⁸⁷ Ф.В. Дубасов о Декабрьском восстании в Москве... С. 56.

¹⁸⁸⁸ Сторожев В.Н. Указ. соч. С. 176.

¹⁸⁸⁹ РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 10. Л. 368 об. - 369.

¹⁸⁹⁰ Сторожев В.Н. Указ. соч. С. 176.

«надлежащей связи» между отрядами и штабом округа¹⁸⁹¹.

Но, думается, дело этим не ограничивалось. Как явствует из писем Штакельберга, прилагаемых к докладу Мина по начальству, генерал-лейтенант выступал в роли дополнительного контролера действий командира Семеновского полка (а заодно и имевшей с ним дело местной администрации). Помимо вмешательства в планирование экспедиции на Пресню и в распоряжения Шейдемана в день обстрела Пресни он проявлял повышенный интерес к действиям отряда Мина.

17 декабря в 8 часов 42 минут утра Штакельберг послал полковнику предписание, в котором предлагал «обсудить способ действия против мятежников» в том случае, если они постараются завлечь отряд в «трущобы», а также рекомендовалось «обязательно» «обшаривать» дома вдоль улиц и прилегающие «задворки». В 12 часов 30 минут генерал-лейтенант выслал Мину второе послание, в котором информировал командира отряда о возвращении батарей Михайлова на позиции. Кроме того, в этом сообщении содержалось повеление Дубасова немедленно начать высылку ему ежечасных донесений.¹⁸⁹² 19 декабря в 7 часов 30 минут пришел приказ Штакельберга Мину охранять Шмита и арестованных рабочих Сахарного завода, поскольку «их надо представить Генерал-Губернатору туда, куда он прикажет». Кроме того, письмо содержало повеления прислать опросы Шмита и донесения о действиях отряда Мина за три дня (по всей видимости, на основании присланных полковником отрывочных записочек генерал-губернатор не мог составить себе ясной картины произошедшего). Распорядился Штакельберг и о содержании директора и управляющего Сахарным заводом «под строгим надзором впредь до особого распоряжения» (очевидно, данный приказ также отдал генерал-губернатор)¹⁸⁹³. Для инспекции частей Мина генерал 19 числа даже явился на Сахарный завод, где уже лично посоветовал взять хозяина последнего под стражу. Однако «затруднявшийся» Мин обратился за

¹⁸⁹¹ РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 10. Л. 369.

¹⁸⁹² Высший подъем... С. 864.

¹⁸⁹³ РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 428. Л. 14 об. - 15.

разъяснениями к генерал-губернатору, и приехавший на следующий день Джунковский избавил фабриканта от заключения¹⁸⁹⁴.

Согласно Глазову, были случаи, когда Штакельберг лично принимал участие в операциях по «зачистке» города от «мятежников»¹⁸⁹⁵.

Таким образом, генерал-лейтенант выполнял в Москве одновременно и миссию военного советника генерал-губернатора, и контролера действий гвардейского полка, и эпизодически – военачальника. Судя по всему, его полномочия были очень широки. Однако преувеличением будет вслед за авторами современной научно-популярной литературы считать, что именно он «направлял действия карателей»¹⁸⁹⁶.» Из вышеприведенного материала следует, что в большинстве случаев даже во взаимоотношениях с «поднадзорным» Мином, Штакельберг выполнял роль транслятора распоряжений Дубасова. Возможно, он оказывал влияние на появление некоторых из них (например, о посылке ладожцев на Пресню 17 декабря). Но факт остается фактом – официально последнее слово в принятии решений принадлежало именно вице-адмиралу, отношения с коим генерала в итоге вылились в конструктивное сотрудничество.

Следовательно, во время Пресненской операции Дубасов фактически превратился в главнокомандующего вооруженными силами Москвы. Он отдавал распоряжения не только политического, но и военного характера как полковнику Мину, так и штабу округа, его приказы транслировал прибывший в Первопрестольную генерал Штакельберг. Однако отсутствие должной связи и, видимо, стремление Мина к самостоятельности снижали возможности влияния Дубасова на ход событий, что порой вело к достаточно серьезным последствиям – например, к откладыванию решительного наступления на Пресне до 19 числа. Таким образом, быстро созданный механизм взаимодействия закономерно не обладал необходимой слаженностью, что

¹⁸⁹⁴ Высший подъем... С. 734.

¹⁸⁹⁵ РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 10. Л. 369 об.

¹⁸⁹⁶ Ильин С.В. Витте. 2-е изд. М., 2012. С. 391.

сказывалось на его эффективности.

Наконец, важной проблемой, возникающим при рассмотрении руководства Дубасовым военными операциями времен восстания, является степень вовлеченности в этот процесс управляющего МВД. Как мы говорили, П.Н. Дурново стремился активно вмешиваться в арестную политику в Первопрестольной, но не особенно преуспел в этом. Как обстояло дело с направлением стратегических планов московских подчиненных? Данный вопрос не является праздным – А.П. Бородин, приводя выдержки из дневника Дубасова с донесениями главе МВД, сделал вывод о безусловном руководстве со стороны последнего ходом подавления восстания¹⁸⁹⁷. Насколько это соответствовало истине?

Как мы уже говорили, Дурново вряд ли сыграл решающую роль в учреждении системы военно-полицейских совещаний, а вопрос о введении военного положения 11 декабря он, по-видимому, передоверил решить самому Дубасову¹⁸⁹⁸. Однако в планирование отдельных операций управляющий МВД активно вмешивался, отдавая распоряжения как генерал-губернатору, так и градоначальнику. Согласно докладу Трепова царю от 12 декабря, Дурново в ответ на сообщение Медема об укреплении «около 3000 мятежников» в Миусском парке, предложил его «окружить войсками и разгромить». Той же участи глава МВД присудил подвергнуть общежитие студентов на Бронной¹⁸⁹⁹.

Следующий зафиксированный случай вмешательства Дурново в планирование войсковых операций в Первопрестольной приходится на утро 16 декабря (изложенный Дубасовым по телефону план «зачистки» «мятежных» районов он, видимо, одобрил накануне). Однако к моменту нового сеанса связи генерал-губернатор изменил свое мнение: городской голова Гучков передал ему, что при условии помилования значительная часть рабочих

¹⁸⁹⁷ Бородин А.П. Указ. соч. С. 102

¹⁸⁹⁸ Высший подъем... С. 687

¹⁸⁹⁹ РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 10. Л. 35 об.

Пресни готова сложить оружие. Из-за неясности времени прибытия Ладожского полка и жесткой позиции Штакельберга Дубасов нашел данное предложение разумным и поделился им с управляющим МВД. Однако Дурново его оптимизма не разделял: напротив, «подтвердив...о необходимости действовать самым суровым образом», он «посоветовал» Дубасову избегать каких-либо соглашений с «бунтовщиками». Примечательно, что жесткая позиция бескомпромиссного поборника порядка, каковую все более решительно занимал Дурново, нашла полное понимание у царя, который начертал напротив этих слов в докладе: «Вполне одобряю данные вами указания¹⁹⁰⁰.»

Выдававший себя за чиновника канцелярии МВД некто С.Г. Ветлугин опубликовал в 1925 г. воспоминание о якобы имевшем место разговоре Дурново по телефону с генерал-губернатором во время штурма Пресни 17 декабря. Возмущавшийся бездействием Дубасова и Мина, Дурново, поддерживаемый находившимся тут же Витте, ультимативно потребовал у вице-адмирала перехода в наступление, в результате коего были разгромлены фабрики Прохорова и Кушнерева¹⁹⁰¹. Н.В. Шатина, полностью доверившаяся этому свидетельству, датировала его более реалистично – 18 декабря¹⁹⁰². Даже не говоря о ряде фантастических подробностей (никакого артиллерийского разгрома фабрики Кушнерева 18 декабря не было), воспоминание Ветлугина опровергается докладом Дурново Николаю II о событиях в Москве 18 декабря. О слишком самостоятельных действиях Мина управляющий МВД узнал к концу дня из телефонных разговоров с Дубасовым, Медемом и Рачковским (последний, явно выслуживаясь перед начальством, усиленно обвинял местную власть в инертности) и пришел к неутешительному выводу, что «сегодня ничего существенного сделано не было, что признает и сам Генерал-Губернатор». Ни о каком своем активном вмешательстве в московские дела Дурново не говорит (а учитывая упоминание о «подталкивании» Дубасова к

¹⁹⁰⁰ Там же. Л. 61 б.-61 б. об.

¹⁹⁰¹ Ветлугин С.Г. Указ. соч. С. 225-226.

¹⁹⁰² Шатина Н.В. Указ. соч. С. 125.

активными действиям 16 декабря, он не преминул бы это сделать)¹⁹⁰³.

Таким же сомнительным представляется свидетельство А. В. Герасимова, что Дурново под его диктовку отдавал по телефону приказы Мину: помимо субординационной неурядицы, надуманность сообщения обличает содержание распоряжения – недопущение собираться группами более троих человек (что, как мы помним, давно уже практиковалось в Москве) и приказы уничтожать все укрепления революционеров артиллерийским огнем (что так же с успехом предпринималось)¹⁹⁰⁴.

Вышеописанными случаями ограничивается установленное вмешательство главы МВД в направление военных операций против «мятежников». Он, конечно, был в курсе планов Дубасова, но, судя по всему, лишь выслушивал и одобрял их (например, проект занятия Сахарного завода 19 декабря)¹⁹⁰⁵.

Каковы были результаты указаний Дурново? Как уже говорилось, оцепление общежития на Бронной было вскоре проведено в жизнь. Операция была важной, однако говорить о ее решающем значении для судеб восстания было бы натяжкой. С «ликвидацией» дружинников в Миусском парке все обстояло сложнее: она была предпринята 14 декабря, через два дня после распоряжения управляющего МВД, причем Дубасов принял решение о ее проведении на основании доклада Медема, а не приказа Дурново (хотя он мог также иметься в виду). Оперативно этот наказ и не мог быть исполнен – на 13 декабря военное начальство уже наметило экспедицию на Садовую-Кудринскую и Большую Пресню. Надо полагать, что и без санкции Петербурга власть приступила к уничтожению этого «мятежного гнезда». Наконец, категорическое распоряжение главы МВД 16 декабря, видимо, сыграло свою роль в том, что Дубасов сразу после прибытия в Москву ладожцев затеял срочную экспедицию на Пресню. О том, с какими издержками была связана

¹⁹⁰³ РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 10. Л. 66-67.

¹⁹⁰⁴ Герасимов А.В. Указ. соч. С. 192.

¹⁹⁰⁵ РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 10. Л. 66 об., 79.

столь спешная ее подготовка, мы говорили выше.

Таким образом, можно обоснованно заключить, что Дурново, несмотря на свою активность, вряд ли внес существенный вклад в направление военных операций периода восстания. Предлагаемые им акции либо шли в общем русле «зачистки» «мятежных очагов», либо имели весьма противоречивые последствия (экспедиция на Пресню). Как представляется, на сроках и качестве исполнения его распоряжений, как и в случае с арестной политикой, сказывались недостатки административного и военного аппарата Первопрестольной (особенно это сказалась на операциях против миусских и пресненских «мятежников»). Кроме того, его предложения не носили системного характера, а были реакцией на донесения подчиненных (принципиальным можно только считать требование отказа от соглашений с революционерами). Это означает, что Дурново справедливо передал выработку военной стратегии властям Первопрестольной. Все данные факторы не позволяют вслед за А.П. Бородиным говорить о решающем вкладе управляющего МВД в разгром восстания.

Таким образом, в период стачки и восстания методом проб и ошибок создавалась новая система взаимодействия военной и гражданской власти. Первоначальные планы вооруженного противодействия «беспорядкам» пришлось отставить – вызов всего гарнизона с раздроблением войск мелкие отряды не давал эффекта и с крайним нежеланием реализовывался командованием МВО. Военному начальству, судя по всему, при участии гражданской власти пришлось избрать новую тактику – сосредоточение основных боеспособных сил в центре города с высылкой нарядов «оперативного реагирования» и запланированных экспедиций.

Взаимоотношения администрации и военных на данном этапе характеризовали две тенденции.

С одной стороны – упрощение и децентрализация вызова войсковых

нарядов местной полицейской властью (в некоторых случаях приставы свободно обращались к начальнику сводного отряда в центре города). При этом ввиду «дефицита» блюстителей «порядка» администрация пошла на расширение полномочий военных в наказании революционеров.

С другой стороны, гражданская власть во главе с генерал-губернатором Ф.В. Дубасовым стремилась к установлению контроля над силами МВО на уровне выработки общей стратегии и тактики борьбы с «мятежом». Апофеозом данного процесса явилось создание совещаний, включавших представителей администрации и войсковых начальников, разрабатывавших операции против «мятежников» на заключительном этапе восстания. Формально Дубасову во многом удалось поставить военных под свой контроль: «экспедиции» планировались согласно его представлениям, тактика также отвечала интересам администрации (прежде всего шла речь о запрете бессмысленного обстрела домов). Именно на местной власти лежала тяжесть разработки стратегии борьбы с восстанием: руководство МВД, очевидно, осознававшее невозможность «ручного контроля» из Петербурга, передоверило эту функцию московской администрации, лишь изредка отдавая в основном ситуационные распоряжения (не всегда сразу исполнявшиеся и подчас приводившие к неоднозначным последствиям). Во время «зачистки» Пресни отрядом полковника Мина Дубасов фактически являлся главнокомандующим вооруженными силами в Первопрестольной, принимая от последнего донесения и отдавая конкретные приказы военного характера (о составе действовавших сил и предстоявших им задачах). Однако процесс превращения генерал-губернатора в фактического распорядителя войсками в Первопрестольной не был одномоментным, вопреки мнению А.И. Куксина: материалы данной главы показывают, что вице-адмирал выстраивал новую модель отношений с военными постепенно и не без затруднений¹⁹⁰⁶.

В роли главнокомандующего Дубасов, как мы видели, был способен пойти на неожиданные для его крутого и властного характера маневры, если

¹⁹⁰⁶ Куксин А.И. Указ. соч. С. 131

последние диктовались сложившейся обстановкой. Решение ряда вопросов, связанных с ведением пресненской экспедиции, он предоставил на усмотрение Мина; утром 16 декабря допускал бескровную капитуляцию «мятежного района».

Однако, выстроенный в чрезвычайных условиях, механизм вооруженного подавления восстания отличался многими недостатками. Малочисленность войск и полиции, неудовлетворительные профессиональные качества последней затрудняли взаимодействие между двумя «силами порядка» и приводили к многочисленным эксцессам (задержке в оказании помощи воинскими подразделениями участковому начальству, замедлению операций против «мятежников» из-за незнакомства военных с местностью, проволочкам в разборке баррикад и т.д.). Более того, в силу дезорганизации гражданского аппарата администрация не могла обеспечить должного надзора за тактикой войск, что прежде всего проявлялось в так и не искорененной привычке последних обстреливать из артиллерии дома, откуда последовал хоть один выстрел. Участники импровизированных совещаний, устраивавшихся поздно, строго не посещаемых, были вынуждены в страшной спешке обсуждать предстоявшие операции в силу быстрого изменения обстановки. Это привело к закономерно плохой подготовке самой важной на завершающем этапе восстания пресненской экспедиции, что обусловило многочисленные проволочки при ее реализации, обернувшиеся бегством большинства «главарей мятежа» и недовольством населения страшными разрушениями района и расправами над лицами, слабо причастными к революционному движению. Да и при установлении своего лидерства в «руководящем штабе» восстания Дубасову несколько раз не удавалось справиться со своеволием генералитета (конфликты с Яковлевым и Штакельбергом).

Таким образом, история взаимодействия гражданской и военной власти Москвы в ходе подавления Декабрьского восстания продемонстрировала правоту Дубасова, выдвинувшего идею создания четко разработанного

единого механизма борьбы с «мятежом» под главенством генерал-губернатора.

*§4. История присылки подкреплений в Москву в период Декабрьского восстания.*¹⁹⁰⁷

Настоящий параграф посвящен сюжету, не получившему всестороннего освещения в историографии, – истории присылки в Москву подкреплений из Петербурга в период восстания, рассматриваемую до сих пор в историографии на основании опубликованных документов¹⁹⁰⁸. Наиболее подробную попытку сделать это предпринял А.И. Куксин, однако и у него позиции руководителей страны по вопросу присылки подкреплений в Москву не показаны в процессе развития событий, что сразу же оставляет вне внимания автора проблему непосредственного взаимодействия центральных ведомств при решении данного вопроса¹⁹⁰⁹. Исследователь Совета министров в 1905-1907 гг. Н.Г. Королева в разделе о карательной деятельности кабинета Витте назвала в числе участников принятия решения об отправке войск в Москву Витте, великого князя Николая Николаевича и Д.Ф. Трепова (очевидно, отдавая приоритет Витте) и впервые процитировала письмо премьера главнокомандующему ПВО от 17 декабря, в коем тот ставил вопрос о возвращении семеновцев в Петербург, однако сделала это вне контекста данной переписки¹⁹¹⁰.

Таким образом, цель данной главы – рассмотреть процесс принятия

¹⁹⁰⁷ При подготовке данного параграфа были использованы следующие публикации автора: Алмазов М.Г. Ф.В. Дубасов и подавление Декабрьского восстания в Москве // *Российская история*. 2020. №1. С. 51-74; Он же. Взаимодействие московского генерал-губернатора Ф.В. Дубасова и властей империи в ходе подавления Декабрьского вооруженного восстания 1905 г. // *Ключевские чтения-2018. Гражданская война и гражданский мир в исторической судьбе России*. М., 2019. С. 348-353.

¹⁹⁰⁸ Яковлев Н.Н. Указ. соч. 164-165, 178; Шатина Н.В. Указ. соч. С. 122, 126-127, 129; Первая революция в России... С. 371-372.

¹⁹⁰⁹ Куксин А.И. Указ. соч. С. 125-127.

¹⁹¹⁰ Королева Н.Г. Указ. соч. С.66

решений о присылке в Москву подкреплений и их возвращения в Петербург и выделить факторы, влиявшие на его ход.

Необходимость военной помощи стала очевидной для московских властей 2 декабря, когда во 2 гренадерском Ростовском полку вспыхнул вооруженный мятеж, а в ряде других частей – сильное брожение¹⁹¹¹. Поэтому генерал Малахов вечером того же дня направил рапорт военному министру Редигеру, в коем описывал события первого дня бунта, передавал слухи о возможном присоединении к «мятежникам» четырех полков и просил «ввиду крайней малочисленности московского гарнизона и возможной революционной пропаганды в войсках» «не менее двух гвардейских пехотных полков и одной артиллерийской бригады¹⁹¹².»

Согласно воспоминаниям Редигера, по получении рапорта он вызвал к себе начальника штаба войск гвардии и Петербургского военного округа генерала А.В. Брилевича для выяснения возможности отправки войск в Москву. Очевидно, генерал отнесся без особого энтузиазма к данному предприятию (по словам военного министра, «очевидно, это было трудно»), но согласился переговорить со своим начальником – великим князем Николаем Николаевичем.

3 декабря Редигер направил полученный рапорт Малахова царю. Резолюция Николая II гласила: «переговорить» с главнокомандующим войсками ПВО и предать военному суду с последующим расстрелом «зачинщиков» мятежа, что должно было «произвести потрясающее впечатление¹⁹¹³.» Очевидно, что царь фактически передал дело о присылке подкреплений на усмотрение Николая Николаевича, а повеление о казни «главарей», вне зависимости от желания императора, приобретало характер отписки и выдавало не очень внимательное ознакомление самодержца с представленным рапортом: сомнительно, чтобы командование округом решилось на осаду казарм Ростовского полка, сомневаясь в благонадежности

¹⁹¹¹Высший подъем... С. 609-610, 617-618.

¹⁹¹²Там же. С. 613.

¹⁹¹³Редигер А.Ф. Указ. соч. С. 516; РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 569. Л. 1.

гарнизона. Судя по всему, бунт ростовцев не произвел на Николая впечатления чего-то опасного: в дневнике его об этом нет ни слова¹⁹¹⁴, а в письме матери от 15 числа он называл возмущение «глупейшим»¹⁹¹⁵.»

Утром 4 декабря Редигер встретился с двоюродным дядей царя. Великий князь, обладавший на императора немалым влиянием¹⁹¹⁶, «нашел опасным» ослаблять гарнизон Петербурга командировкой полков в Москву, но предложил отправить в Первопрестольную шефа ростовцев – младшего брата императора великого князя Михаила Александровича. Однако Николай II на незапланированной аудиенции военного министра (состоявшейся в тот же день и зафиксированной самодержцем в дневнике¹⁹¹⁷) отклонил это предложение, ссылаясь на больное сердце брата (учитывая абсолютное безволие младшего отпрыска Александра III, логично было предположить, что от него вряд ли было бы много проку¹⁹¹⁸).

4 декабря командование Московского военного округа сумело справиться с мятежом своими силами (используя наметившийся раскол среди солдат Ростовского полка). По этому поводу Малахов направил Николаю II торжественную телеграмму, в коей уведомлял, что «люди кричат «ура» державному вождю»¹⁹¹⁹.» Очевидно, именно в силу этого, казалось бы, благоприятного исхода событий никаких решительных мер не было предпринято ни в Петербурге, ни в Москве: Малахов отправил военному министру телеграмму о ненужности подкреплений¹⁹²⁰. Столь же излишним (и даже, наверное, вредным) представилось военному начальству Первопрестольной предавать суду зачинщиков бунта. Очевидно,

¹⁹¹⁴Дневники императора Николая II...С. 73.

¹⁹¹⁵Переписка императора Николая II с матерью...С.595.

¹⁹¹⁶Киреев А.А. Указ. соч. С. 65, 107-108; Таубе М.А. Указ. соч. С. 43-44.

¹⁹¹⁷Дневники императора Николая II...С. 73.

¹⁹¹⁸Редигер А.Ф. Указ. соч. С. 517. В общих чертах история обсуждения посылки гвардии на подавление восстания в Ростовском полку приведена в работе Н.В. Шатиной, однако исследовательница не приводит решение Николая II по поводу рапорта Малахова (во многом поясняющее позицию ПВО в последующие дни) и не касается непосредственных итогов этой истории (Шатина Н.В. Указ. соч. С. 115). Мнение же Дж. Сандерса о разногласии Редигера и Николая Николаевича кажется надуманным: военный министр вовсе не горел идеей послать подкрепления в Москву (Sanders J. Op. cit. P. 710).

¹⁹¹⁹Революция 1905 года и самодержавие...С. 178.

¹⁹²⁰РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 388. Л. 73. Как уклончиво отметил Редигер в мемуарах, «относительно посылки войск в Москву тогда ничего не было решено» (по всей видимости, и император, и военный министр сочли это излишним (Редигер А.Ф. Указ. соч. С. 517).

удовлетворившись информацией о бегстве вольноопределяющихся Ивана Шаброва и Бориса Миловидова, считавшихся главными подстрекателями¹⁹²¹, генерал Малахов отдал распоряжение об обычном расследовании дела¹⁹²².

Между тем, положение было куда серьезнее, чем это казалось властям. Дело было не в солдатском движении как таковом: командованию округа действительно удалось с помощью разоружения и изоляции в казармах пресечь развитие протестных настроений в Несвижском и Перновском полках (хотя, как отмечалось выше, решительностью в первые дни всеобщей стачки поведение гарнизона не отличалось). Гораздо опаснее было воздействие возмущения военнослужащих на революционеров: как отмечалось, бунт в Ростовском полку и брожение в других частях создавали иллюзию (переходящую в умах некоторых радикалов в уверенность), что армия будет с «народом» в дни вооруженного восстания, которое в силу позиции войск из неопределенной перспективы превращалось в нечто вполне осуществимое в ближайшем будущем (это обстоятельство впервые наиболее четко было обозначено американским исследователем Дж. Бушнеллом)¹⁹²³. Как представляется, отсутствие внятной правительственной реакции – такой, как присылка в Первопрестольную элитных надежных частей и скорые репрессии против участников движения – должны были только укрепить подобные представления.

Интерес вызывает и позиция ведомства, ответственного за порядок в империи, – Министерства внутренних дел. Еще 27 и 28 ноября градоначальник Медем доложил в Департамент полиции соответственно о сходке нижних чинов 3 и 5 резервных саперных батальонов и 3 батальона Троицко-Сергиевского пехотного полка в столовой 3 батальона 26 числа и о повторном собрании там же на следующий день¹⁹²⁴. Первая телеграмма была 28 же ноября препровожден управляющим МВД Дурново Редигеру «на распоряжение», а 5 декабря глава правоохранительного ведомства представил

¹⁹²¹Высший подъем...С. 64.

¹⁹²²Там же. С. 619.

¹⁹²³Bushnell J. Op. cit. P. 127-128.

¹⁹²⁴Высший подъем...С. 609-610; Шатина Н.В. Указ. соч. С. 114.

военному министру подробный рассказ об обеих сходках¹⁹²⁵. Со столь же значительным опозданием до главы военного ведомства дошло отношение Дурново, повествующее о митингах во дворе Хамовнических казарм солдат Несвижского и Перновского полков¹⁹²⁶. Но вступать с Редигером какие-то переговоры по поводу бунта ростовцев Дурново не спешил. 2 декабря Медем донес ему, что части московского гарнизона находятся наготове на случай «военного бунта» с участием Невижского полка и сапер, поэтому градоначальнику приходится поддерживать порядок с помощью двух тысяч «измученных полицейских» и жандармского дивизиона. Куда большее внимание барона, как явствует из донесения, привлекали «пятьсот бастующих почтальонов¹⁹²⁷.» Как видно, глава московской полиции занимал по отношению к бунту ростовцев чисто ведомственную позицию: ставил свое начальство в известность об этом возмущении, но относился к нему как к подлежащему вниманию военного командования Первопрестольной. Более того, из данной телеграммы у управляющего МВД могло создаться впечатление, что генералы в Москве худо-бедно приготавились к возможному выступлению несвижцев и сапер.

Реакция Дурново была вполне в духе донесения – он отдал приказы об аресте почтальонов-зачинщиков и высылке остальных, о каких-либо мерах по случаю военного бунта не было ни слова¹⁹²⁸. По всей видимости, не пытался Дурново как-то повлиять и на Редигера: в деле Департамента полиции, посвященном беспорядкам в МВО, нет никаких следов обращения управляющего МВД к военному министру в эти дни¹⁹²⁹. Военные же лишь информировали главу внутриведомственного ведомства о ходе «бунта». Так, 5 числа Дурново была переслана вышеупомянутая телеграмма Малахова Николаю II; в тот же день московский градоначальник уведомил

¹⁹²⁵ГА РФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1905. Оп. 233 а. Д. 1877. Ч. 4. Л. 39, 42-43 об.

¹⁹²⁶Там же. Л. 44.

¹⁹²⁷Высший подъем... С. 614.

¹⁹²⁸Там же. С. 862.

¹⁹²⁹ГА РФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1905. Оп. 233 а. Д. 1877. Ч. 44.

управляющего МВД об окончании возмущения в Ростовском полку¹⁹³⁰. Об истории «мятежа» Дурново пост-фактум сообщал в своих докладных записках императору 5 и 7 числа, составленных на основе донесений Медема¹⁹³¹. Следовательно, роль органов МВД свелась к простому уведомлению военных о московских событиях и получении соответствующей информации из оборонного ведомства.

Нет никаких данных, фиксирующих осведомленность и какое-либо участие в деле с восстанием Ростовского полка другой ключевой фигуры гражданской власти – председателя Совета министров Витте. В мемуарах он ни словом не обмолвился об этом событии¹⁹³².

Конечно, позиция самодержца, Николая Николаевича и военного министра имела под собой основания. Согласно всеподданнейшим запискам Дурново, просматриваемым императором, страна в конце ноября – начале декабря 1905 г. находилась в крайне тяжелом положении: повсеместно происходили крестьянские беспорядки, сопровождавшие разгромами помещичьих имений, в городах регулярно устраивались демонстрации рабочих, продолжалась и почтово-телеграфная забастовка¹⁹³³. Кроме того, войска, малочисленные в Европейской России и недовольные тяготами службы, все чаще волновались и выдвигали требования к начальству¹⁹³⁴. Наиболее опасная ситуация сложилась в непосредственной близости от Петербурга – в Остзейском крае, где началась настоящая война крестьян – латышей и эстонцев – против помещиков-немцев, обернувшаяся повальным разгромом усадеб, насилием над их владельцами и неоднократными нападениями не только на станции и железнодорожные составы (что ставило под угрозу функционирование железнодорожной сети), но даже на войсковые части.¹⁹³⁵ Этот смерч войны селян против вековых противников сопровождался

¹⁹³⁰Там же. Л. 46.

¹⁹³¹Высший подъем...С. 60, 64.

¹⁹³²Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2...С. 298-302.

¹⁹³³Высший подъем...С. 52-73.

¹⁹³⁴Там же. С. 56, 59, 60, 64.

¹⁹³⁵Там же. С. 55-57, 63, 65, 71.

стачками и вооруженными демонстрациями рабочих в городах¹⁹³⁶. Венцом этого революционного шторма стал захват «мятежниками» 30 ноября города Туккума в Курляндской губернии, который, однако, 2 числа был отбит войсками¹⁹³⁷. Грозным для правительства последствием было проникновение «революционной заразы» в соседнюю с прибалтийскими Витебскую губернию, которая, по словам Дурново, в начале декабря также подошла к состоянию «полной анархии»¹⁹³⁸.

В самой столице положение было тревожным. Ноябрь 1905 г. тяжело дался Петербургу: в начале месяца вспыхнула всеобщая забастовка рабочих, направленная против предания участников Кронштадтского бунта солдат и матросов и объявления польских губерний на военном положении¹⁹³⁹; а в середине – забастовка почтово-телеграфных служащих¹⁹⁴⁰. В столице открыто действовал орган революционной власти – Совет рабочих депутатов, постоянно вмешиваясь в хозяйственную и общественную жизнь города¹⁹⁴¹. В его распоряжении была и вполне серьезная сила – вооруженные милиционеры¹⁹⁴². Беспокойство власть имущих вызывала и главная силовая опора режима – войска. Как и во всей империи, их численность в столице не была достаточной, о чем Редигер откровенно сообщил генералу Кирееву¹⁹⁴³. Более того, их моральное состояние было далеким от идеала¹⁹⁴⁴. В поле зрения властей то и дело попадали различные случаи революционной агитации в воинских частях: в гвардейском флотском экипаже¹⁹⁴⁵, в кавалергардском и даже одном из старейших подразделений царской гвардии – Преображенском полку¹⁹⁴⁶.

Однако следует согласиться с исследователями, считающими, что

¹⁹³⁶ Там же. С. 56, 57, 63, 65.

¹⁹³⁷ Там же. С. 71. См. также о событиях в Прибалтике: Куликов С.В. Указ. соч. С.384-387.

¹⁹³⁸ Высший подъем... С.71.

¹⁹³⁹ Там же. С. 47-48.

¹⁹⁴⁰ Там же. С. 122.

¹⁹⁴¹ Первая революция в России... С. 334-335; Герасимов А.В. Указ. соч. С. 184.

¹⁹⁴² Высший подъем... С. 49.

¹⁹⁴³ Киреев А.А. Указ. соч. С. 111.

¹⁹⁴⁴ Герасимов А.В. Указ. соч. С. 184; Гурко В.И. Указ. соч. С. 512.

¹⁹⁴⁵ Высший подъем... С. 49.

¹⁹⁴⁶ Герасимов А.В. Указ. соч. С. 183-184.

положение властей в Петербурге было куда прочнее, нежели в Москве¹⁹⁴⁷. Основная опора порядка – гарнизон и полиция – в столице были намного многочисленнее, чем в Москве (по словам осведомленного Киреева, общавшегося с Редигером, число солдат в Петербурге достигало 25 тысяч человек¹⁹⁴⁸). И дело было не только в арифметике, а в активности властей империи и города по поддержанию порядка, в том числе и в войсках. Так, за дополнительные наряды полиции по охране порядка городским выдавались вознаграждения (что, как мы помним, было не очень удачно взято на вооружение московскими властями)¹⁹⁴⁹. Об активности командования ПВО в контроле за настроениями своих солдат уже упоминалось выше. Не случайно на совещании представителей социал-демократов, эсеров и «Союза союзов», состоявшемся в самом начале декабря, его участники, несмотря на общий оптимизм относительно перспектив развития революционного движения, скептически оценивали возможность скоро присоединения к нему петербургского гарнизона¹⁹⁵⁰ (хотя на последнем перед арестом заседании Петербургского Совета рабочих депутатов 3 декабря и было сделано самоуверенные заявления о готовности войск поддержать революционеров, не получившее, впрочем, одобрения большинства¹⁹⁵¹). Не дремало и гражданское начальство: благодаря инициативе Дурново и Герасимова, правоохранительное ведомство было хорошо осведомлено о деятельности революционеров¹⁹⁵² и, хоть и не без колебаний, перешло к масштабным репрессиям (самой громкой, без сомнения, стал арест Петросовета 3 декабря)¹⁹⁵³.

Таким образом, ситуация в столице была много лучше, чем в Первопрестольной. Однако командование ПВО упорно придерживалось иного мнения: Николай Николаевич и его правая рука генерал Раух отказывались посылать войска не то что в Москву, но даже в Эстляндскую и Лифляндскую

¹⁹⁴⁷Там же. С. 359.

¹⁹⁴⁸Там же; *Киреев А.А.* Указ. соч. С. 122.

¹⁹⁴⁹ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 204. Д. 241. Л. 1.

¹⁹⁵⁰*Леонов М.И.* Указ. соч. С. 203.

¹⁹⁵¹Высший подъем... С. 441-442.

¹⁹⁵²Там же. С. 409, 424.

¹⁹⁵³Там же. С. 443.

губернии, входившие в состав подведомственного двоюродному дяде царя округа. Так, упоминая о беспокойстве и просьбах «немцев», служивших на руководящих постах в ПВО, послать подкрепления в Прибалтику для защиты их имений, Раух зафиксировал в дневнике: «Я положительно войск дать не могу¹⁹⁵⁴.» Согласно эмигрантским мемуарам генерала, Николай Николаевич принял решение о помощи западным губерниям своего округа после вмешательства Дурново¹⁹⁵⁵.

Между тем, потенциальная помощь от прибытия хотя бы одного полка в Москву (а не только от масштабной замены частей, на необходимость которой указывал А.И. Куксин¹⁹⁵⁶), стала ясна с началом всеобщей стачки. Как уже упоминалось выше, в ходе событий 7-9 декабря выявился катастрофический недостаток пехоты, что ознаменовало бессмысленность вызова всего гарнизона для предотвращения беспорядков. В этих условиях Дубасов, недавно приступивший к исполнению обязанностей генерал-губернатора, приступил к переговорам с Петербургом о присылке подкреплений.

В первую очередь он обратился к Николаю Николаевичу. 7 декабря Дубасов отправил великому князю телеграмму, повествовавшую о выявившейся «недостаточной численности» московского гарнизона и содержащую просьбу о присылке бригады пехоты¹⁹⁵⁷ (посылку телеграммы пришлось повторить 8 числа, так как в Петербурге не смогли ее расшифровать¹⁹⁵⁸). Тогда же генерал-губернатор телеграфировал одновременно Редигеру и Дурново о необходимости отправки в Первопрестольную батальона железнодорожных войск для поддержания порядка на единственной не забастовавшей дороге Московского узла – Николаевской.¹⁹⁵⁹ Доходили просьбы об отправке подкреплений в Петербург и по другим каналам: 8 же числа Рачковский доводил до Дурново желание московской администрации

¹⁹⁵⁴Дневник Г.О. Рауха...С. 84-85.

¹⁹⁵⁵ГА РФ. Ф. Р6249. Оп. 1. Д. 1. Л. 53.

¹⁹⁵⁶Куксин А.И. Указ. соч. С. 124.

¹⁹⁵⁷Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве...С. 42.

¹⁹⁵⁸ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 89. Т. 2. Л. 7,8.

¹⁹⁵⁹Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве...С. 42.

получить в свое распоряжение дополнительный войсковой контингент¹⁹⁶⁰.

11-13 декабря, в момент кульминации восстания, просьбы Дубасова о помощи стали особенно частыми и настойчивыми. 11 числа в Петербург полетела телеграмма, адресованная одновременно председателю Витте, Редигеру и Дурново, об отправке в Москву бригады пехоты¹⁹⁶¹. В тот же день Дубасов разговаривал с великим князем Николаем Николаевичем по этому вопросу по телефону. Затем он отправил главнокомандующему ПВО личное письмо (ввиду порчи «мятежниками» телеграфных проводов), в коем свидетельствовал о малочисленности гарнизона, активном строительстве баррикад и вновь запрашивал искомую бригаду¹⁹⁶². Пытался вице-адмирал добиться желаемого у августейшего военачальника и другими методами: вечером того же дня он просил управляющего МВД ходатайствовать о подкреплениях перед двоюродным дядей царя¹⁹⁶³. О постоянных звонках Дубасова главе правоохранительного ведомства вспоминал и Герасимов¹⁹⁶⁴. Кроме того, глава «объединенного правительства» Витте в мемуарах говорит и о звонках московского генерал-губернатора ему самому с просьбами о присылке дополнительных войск (точных дат экс-премьер не приводит, но по контексту можно понять, что речь идет не о времени после начала «беспорядков», как он пытается изобразить, а об 11-13 декабря)¹⁹⁶⁵. Наконец, 13 числа вице-адмирал обратился со своей нуждой к самому самодержцу¹⁹⁶⁶. Таким образом, видно, что Дубасов в своем стремлении получить желаемые войска постоянно обращался к различным членам центрального руководства страны..

Ту же линию проводило и военное начальство Первопрестольной. Находившийся в Петербурге и поддерживавший связь с Москвой по телефону Глазов 11 декабря специально посетил Редигера с просьбой об отправке

¹⁹⁶⁰ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1905. Оп. 233 а. Д. 1350. Ч. 26. Л. 82.

¹⁹⁶¹Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве... С. 48.

¹⁹⁶²РГИА. Ф. 1656. Оп. 1. Д. 89. Л. 1 об. - 2 об.

¹⁹⁶³Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве... С. 49.

¹⁹⁶⁴Герасимов А.В. Указ. соч. С. 192.

¹⁹⁶⁵Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т.2... С. 302.

¹⁹⁶⁶Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве... С. 53.

подкреплений в Москву¹⁹⁶⁷. Согласно письму Дубасова Николаю Николаевичу и ведомости о посылке корреспонденции, сохранившейся в канцелярии московского генерал-губернатора, Малахов также отправил «августейшему главнокомандующему» послание, в котором приводил цифры, свидетельствующие о крайней малочисленности войск в Москве (к сожалению, этот документ до нас не дошел)¹⁹⁶⁸. Наконец, телеграмму сходного содержания командующий войсками МВО послал на имя военного министра 11 декабря¹⁹⁶⁹. Следовательно, гражданское и военное начальство в своих просьбах к имперским властям действовали сообща.

Какова была ответная реакция Петербурга на мольбы о помощи, исходившие из Москвы?

Наиболее цельную в историографии вопроса картину дает А.И. Куксин. По его мнению, решительная позиция Николая Николаевича, имевшего якобы весомые основания (опасения за безопасность императора), препятствовала организации военной экспедиции в Первопрестольную непосредственно из Петербурга. В итоге император (имевший, по мнению автора, хорошее представление о ситуации в Москве благодаря донесениям управляющего МВД) внял уговорам Витте и распорядился в глубокой тайне организовать посылку семеновцев в Москву. Роль Военного министерства свелась к решению об отправке 12 декабря Ладожского полка из Варшавского военного округа и 3 железнодорожного батальона, расположенного между Тулой и Смоленском. После же подавления «мятежа» Николай II, беспокоившийся за порядок в Петербурге, настоял на возвращении Семеновского полка в столицу¹⁹⁷⁰. В самом общем приближении нарисованную картину можно признать верной, но возникает ряд вопросов. Из представителей гражданской власти один ли премьер ходатайствовал о посылке полка в Москву и какова была позиция Министерства внутренних дел? Насколько адекватно оценивали ситуацию царь и великий князь Николай Николаевич и какие факторы в целом

¹⁹⁶⁷РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 10. Л. 343.

¹⁹⁶⁸РГИА. Ф. 1656. Оп. 1. Д. 89. Л. 2; ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 90. Т. 1. Л. 3.

¹⁹⁶⁹РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2617. Л. 191.

¹⁹⁷⁰Куксин А.И. Указ. соч. С. 126-127.

определяли их взгляд? Каково было отношение столичных сановников к пребыванию семеновцев в Москве?

Наиболее развернутое повествование об истории посылки подкреплений в Москву содержится в воспоминаниях Витте, причем в опубликованных оригинальных рукописных заметках можно найти целых два рассказа на эту тему. В первом из них экс-премьер сообщает, что якобы вскоре после своего назначения его ставленник Дубасов сообщил ему по телефону, что войск в Москве мало и из опасения серьезных беспорядков он просит прислать подкрепления. В ответ Витте, по его словам, оперативно связался с Военным министерством, где его уведомили, что в Первопрестольную «послан полк из Царства Польского», а из Петербурга отправить ничего нельзя. Через некоторое время Дубасов позвонил премьеру опять и снова запросил помощь, сообщая, что на донесение в Царское Село ему не отвечают. Тогда Витте позвонил туда сам и попросил дворцового коменданта Трепова доложить о просьбе генерал-губернатора императору. Вечером того же дня премьер получил через Трепова распоряжение царя переговорить по этому поводу с великим князем Николаем Николаевичем. «Августейший главнокомандующий» ПВО в интерпретации Витте приводил те же аргументы, что в свое время Редигеру: войска нужны в Петербурге для охраны порядка и безопасности императора. Премьер при этом якобы доказывал Николаю Николаевичу, что никакого восстания в Петербурге не ожидается и что «у страха глаза велики». В разгар этого разговора из Царского Села прибыл фельдъегерь, доставивший записку от императора, содержащую приказ великому князю послать подкрепления в Москву¹⁹⁷¹.

Позже Витте вновь вернулся к этой истории. В новой интерпретации событий «через несколько дней» после своего назначения Дубасов вызвал его по телефону и попросил срочно прислать войска, указав, что уже обращался по этому поводу к военному министру и «министру внутренних дел» и что после его «настоятельной просьбы» ему выслали полк из Царства Польского,

¹⁹⁷¹ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания Т. 2...С. 302-303.

который, однако, не может вовремя прибыть в Москву. Далее рассказ в целом соответствует первому варианту¹⁹⁷².

Таким образом, вариации истории о посылке войск в Москву свидетельствуют об одном или о двух звонках Дубасова Витте с просьбой прислать войска. Разночтение могло быть вызвано состоянием памяти экс-премьера в различные моменты написания его заметок. Однако, как представляется, объяснение может быть и иным. Во второй версии отсутствует упоминание о звонке экс-премьера в Военное министерство (и его удовлетворении высылкой Ладожского полка) и о телеграмме Дубасова в Царское Село. Таким образом, при чтении первого фрагмента у читателя вполне может сложиться впечатление, что премьер после просьбы генерал-губернатора ограничился полумерами, что вынудило Дубасова обратиться к самому царю; второй же фрагмент, наоборот, демонстрирует, что в результате вмешательства Витте дело с посылкой подкреплений сразу же пошло на лад. Возможно, подобная трансформация текста произошла неосознанно, но факт остается фактом. Следует также отметить, что первый вариант, несмотря на ряд спорных моментов (например, мы не можем подтвердить, что Дубасов звонил Витте по поводу присылки войск), более точно отражает реальность (нам известно о телеграмме вице-адмирала, полученной премьером 12 декабря и о послании Дубасова в Царское Село).

Два фрагмента воспоминаний премьера объединяет характерная особенность – так называемая «спрессованность» времени. Витте дает понять, что обращение генерал-губернатора к нему произошло практически сразу после начала «беспорядков» в Москве (в первом фрагменте он пишет, что «несколько дней» прошло и с момента первого звонка вице-адмирала). Между тем, если наложить рассказ премьера на реальную временную «сетку координат», то получится, что Дубасов побеспокоил его дней через десять после своего отъезда из Петербурга и спустя 4-5 дней после начала «смуты». Это «сжатие времени» также могло быть порождено как ошибками памяти, так

¹⁹⁷² Там же. С. 401-402.

и сознательным стремлением автора показать, что он «держал руку на пульсе» событий с самого начала.

Премьер также упирал на безынициативность «силовых» ведомств – Военного министерства и МВД. И если о посылке Ладожского полка Витте еще обмолвился, то его оценка действий Дурново однозначна: «во всем деле восстания в Москве управляющий МВД П.Н. Дурново не принимал никакого участия¹⁹⁷³...»

Документы позволяют прийти к иному выводу. Получив 8 декабря сообщение Рачковского о желании московских властей добиться присылки бригады пехоты, Дурново в тот же день отправил ходатайство об этом военному министру¹⁹⁷⁴. Редигер в тот же день переправил отношение главы МВД исполнявшему должность начальника Главного штаба генерал-майору А.А. Поливанову¹⁹⁷⁵, который, в свою очередь, послал на следующий день копию с него начальнику Главного управления Генерального штаба (ведомства, ответственного за военные перевозки и дислокацию войск) генералу Ф.Ф. Палицыну¹⁹⁷⁶. В результате проведенных консультаций 11 числа Поливанов приказал Палицыну послать на следующий день Ладожский полк из Польши в Москву¹⁹⁷⁷. Таким образом, решающий импульс работе в Военном министерстве над подготовкой экспедиции в Москву дал именно Дурново, коего в данном случае полностью поддержал Редигер. Военный министр вообще проявлял большое внимание к посылке ладожцев. Очевидно, что ни МВД, ни Военное министерство не собирались бросать Дубасова на произвол судьбы.

Однако в дело вмешались объективные обстоятельства. Согласно рапорту командира Ладожского полка полковника П.И. Мельникова, приказ из штаба Варшавского округа застал его соединение в 6 часу вечера, когда оно грузилось в поезд, идущий ...на подавление беспорядков в Митаву. На этом

¹⁹⁷³Там же. С. 403.

¹⁹⁷⁴РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2617. Л. 184.

¹⁹⁷⁵Там же.

¹⁹⁷⁶Там же. Л. 184, 185.

¹⁹⁷⁷Там же. Ф. 2000. Оп. 4. Д. 2416. Л. 17.

проблемы не закончились: из-за забастовки железных дорог ладожцам пришлось почти четыре дня добираться кружными путями через Вильно и Лихославль и не удалось оперативно прибыть в Первопрестольную¹⁹⁷⁸.

С упомянутой командировкой 1 и 3 рот 3 железнодорожного батальона тоже не вышло: они смогли добраться соответственно до Вязьмы и Кубинки, в результате чего 12 декабря командир полковник М.И. Огановский принял решение о самовольном отправлении в первоначальный пункт назначения – Барановичи.¹⁹⁷⁹ Попытки управления военных сообщений ГУГШ вновь направить его в Первопрестольную успехом не увенчались¹⁹⁸⁰. Источники дают различные ответы о причинах данного решения командира. Судя по собственным объяснениям Огановского, он был вынужден поступить так ввиду малой численности находившихся под его началом людей, обусловленной этим невозможности двигаться вперед и решить поставленные задачи в Москве (почти все «специалисты»-машинисты были уволены в запас), боязни расхищения «ценного груза» (имущества, оружия и боеприпасов), а также начавшегося брожения в батальоне, результатом чего якобы могло стать «увеличение боевых дружин» в Первопрестольной¹⁹⁸¹. Согласно же обвинительному заключению по делу, полковник растерялся до такой степени, что допустил «сношения» собственных нижних чинов с забастовавшими рабочими железной дороги и под давлением солдат отказался от исполнения приказа управления военных сообщений¹⁹⁸².

Таким образом, объективные общегосударственные «болезни» – малочисленность войск, их занятость борьбой с повсеместными «беспорядками», железнодорожные забастовки и волнения солдат – фактически сорвали оказание помощи московским властям в начале десятых чисел декабря, несмотря на усилия МВД и Военного министерства.

Наиболее же логичное решение вопроса – присылка подкреплений из

¹⁹⁷⁸ Там же. Д. 2603. Л. 237-237 об.

¹⁹⁷⁹ Там же. Ф. 2000. Оп. 4. Д. 2416. Л. 28.

¹⁹⁸⁰ Там же. Л. 22, 35.

¹⁹⁸¹ Там же. Л. 75 об.

¹⁹⁸² Там же. Л. 99-99 об.

Петербурга по действовавшей Николаевской дороге – была невозможна из-за упрямой позиции Николая Николаевича, четко проявившейся в чеканном ответе начальника штаба ПВО и гвардии Брилевича Дубасову 8 декабря: «Петербурге свободных войск для посылки Москву нет¹⁹⁸³.» Не менялся взгляд «августейшего главнокомандующего» и после всех других обращений Дубасова. Раух, рассказывая в дневнике о принятии решения об экспедиции Семеновского полка, зафиксировал: «Уже несколько дней Дубасов просил, но мы все отказывали¹⁹⁸⁴.» Была ли эта позиция обоснованной? 8-9 и 12-13 декабря в городе прошли масштабные аресты революционеров, осуществленные под руководством Герасимова¹⁹⁸⁵, начавшаяся 8 декабря забастовка охватила далеко не все предприятия и проходила недружно, случаев колебания войск и присоединения их к стачечникам не было зафиксировано¹⁹⁸⁶. Экспедиция генерал-лейтенанта А.А. Орлова для наведения порядка в Прибалтике была довольно немногочисленной: лейб-гвардии Уланский полк, 2 эскадрона кирасир, 2-й гвардейский стрелковый батальон, 6 конных орудий, 2 пулемета, 2 ружья-пулемета и команда саперов¹⁹⁸⁷. Таким образом, явно не Петербург представлял собой «слабое звено» в империи, но Николай Николаевич упорно не хотел этого замечать¹⁹⁸⁸. Поневоле приходится вспомнить о таком качестве «августейшего главнокомандующего», отмечавшемся многими современниками, как истеричность и неуравновешенность¹⁹⁸⁹.

Сыграло свою роль в определении позиции военных и то, что в Петербурге не очень ясно представляли себе катастрофичность ситуации в московском гарнизоне. М.С. Тюлин и помощник командующего войсками

¹⁹⁸³Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве...С. 43.

¹⁹⁸⁴Дневник Г.О. Рауха...С. 90.

¹⁹⁸⁵Герасимов А.В. Указ. соч. С.191; Первая революция в России...С.355.

¹⁹⁸⁶Высший подъем...С. 457-505.; Первая революция в России...С. 355. Самой большой провинностью солдат Петербургского округа в декабре 1905 г. можно назвать отказ 6 роты 200 Ижорского пехотного полка заступать в караул в Медвежьем стане Санкт-Петербургского уезда 6 декабря (Высший подъем...С. 496).

¹⁹⁸⁷Дневник Г.О. Рауха. С. 90. По подсчетам С.В. Куликова, из ПВО в состав карательных экспедиций в Прибалтике всего было выделено 1 ¼ батальона пехоты, 8 эскадронов кавалерии, 6 конных орудий, 4 пулемета,, не считая 4 батальонов моряков с 4 орудиями и 8 пулеметами. (Куликов С.В. Указ. соч. С. 385).

¹⁹⁸⁸Из дневника Константина Романова ...С. 151; Дневник Г.О. Рауха...С. 92, 93.

¹⁹⁸⁹Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т.2... С. 280; Киреев А.А. Указ. соч. С. 107; Колоницкий Б.И. Указ. соч. С. 391.

МВО В.Г. Глазов свидетельствовали, что по прибытии в Москву Мин и Штакельберг были удивлены, что против революционеров действует всего около 1300 штыков¹⁹⁹⁰. Подобные настроения имели основания: по статистике Главного штаба на март 1905 г., только в 3 гренадерских дивизиях, дислоцированных в Москве, насчитывалось 23456 нижних чинов¹⁹⁹¹. Судя по всему, в Петербурге отдавали себе отчет в том, что с той поры состояние гарнизона Первопрестольной изменилось к худшему¹⁹⁹², но не представляли себе степени произошедших изменений. Более того, военное ведомство на первых порах решило воспользоваться войсками МВО для наведения порядка в Виленском военном округе: 8 декабря Малахов известил Дубасова о телеграмме из Главного штаба об отправке Ростовского полка для формирования специального сводного отряда и сообщил о своих переговорах с командиром 13 пехотного корпуса о посылке в Москву полка-«заместителя»¹⁹⁹³.»

Нам неизвестно ни о каких попытках со стороны управляющего МВД или военного министра повлиять на позицию великого князя. Редигер, судя по мемуарам, разделял взгляд Николая Николаевича на крайне взрывоопасную ситуацию в столице: в качестве иллюстрации этого он приводил случай, что 11 декабря к нему обратился глава «Союза русского народа» доктор А.И. Дубровин с известием о якобы готовящемся шествии питерских рабочих в Царское Село с явно не мирными намерениями. Для противодействия этому плану глава «черносотенцев» предлагал военному министру призвать «20 тысяч старообрядцев из Витебска»¹⁹⁹⁴.» Насчет Дурново можно предположить, что он пытался запросить великого князя о подкреплениях по телефону, однако

¹⁹⁹⁰НИОР РГБ. Ф. 307. П. 1. Ед. хр. 4. Л. 15; РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 10. Л. 365.

¹⁹⁹¹РГВИА. Ф. 400. Оп. 6. Д. 310. Л. 1-1 об.

¹⁹⁹²Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т.2...С. 302; Революция 1905 года и самодержавие...С. 32.

¹⁹⁹³ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 89. Т. 2. Л. 11, 12.

¹⁹⁹⁴Редигер А.Ф. Указ. соч. С. 516. Учитывая, что в это время «Николаша» принимал делегацию СРН в составе Дубровина, П.Ф. Булацеля и В.А. Майкова, то неудивительно, почему его беспокойство относительно ситуации в столице возрастало (Дневник Г.О. Рауха...С. 89-90). Принимая же во внимание подобное настроение военного министра, легко объяснимо, почему нам удалось обнаружить лишь один документ за его подписью, адресованный Николаю Николаевичу за эти дни, – отношение о необходимости ознакомления подведомственных великому князю военачальников с правилами о военном положении (которое по указу от 29 ноября могло быть объявлено местными губернаторами без санкции центральных властей в случае почтово-телеграфных и железнодорожных забастовок) (РГВИА. Ф. 2177. Оп. 1. Д. 409. Л. 10).

никаких подтверждений этому не найдено.

Изменить решение Николая Николаевича в Москву мог приказ только одного человека – императора. Каково было его мнение о желательных мерах борьбы с восстанием?

Судя по дневнику Николая II, он подключился к обсуждению борьбы с «мятежом» 10 декабря: тогда он записал в дневнике о приеме Трепова и о том, что «много занимался»¹⁹⁹⁵. Судя по всему, речь шла не о фиксации доклада дворцового коменданта, состоявшегося в 7 часов вечера, а об экстренном приеме последнего в полночь¹⁹⁹⁶. По всей вероятности, в столь поздний час речь шла о московских боях: в письме матери от 15 декабря Николай II упоминал о донесении из Москвы «в первую ночь» восстания¹⁹⁹⁷. Также известно, что дворцовый комендант 10 числа доставил Николаю II один из первых документов, знакомивших царя с событиями Московского восстания – доклад министра юстиции С.С. Манухина, в котором, на основании донесений прокурора Московской судебной палаты фон Клугена, рассказывалось об усилении забастовочного движения, столкновениях толп с полицией (в том числе и у дома генерал-губернатора), о строительстве первых баррикад, разгоне митинга в саду «Аквариум», осаде дома Фидлера и взрыве Охранного Отделения¹⁹⁹⁸.

11 декабря Николай занес в дневник запись о приеме Трепова и «Николаши». Согласно камер-фурьерскому журналу, аудиенция также была экстренной – она состоялась в 11 часов вечера¹⁹⁹⁹. Почти безошибочно можно сказать, что речь шла положении в империи и наверняка московские события должны были затрагиваться. Недаром сразу после упоминания аудиенции Николай II записал: «Вчера в Москве произошло настоящее побоище между войсками и революционерами. Потери последних большие, но не могли быть

¹⁹⁹⁵ Дневники императора Николая II...С. 75.

¹⁹⁹⁶ РГИА. Ф. 516. Оп. 219/2728. Д. 21. Л. 537.

¹⁹⁹⁷ Переписка императора Николая II с матерью...С. 569.

¹⁹⁹⁸ Высший подъем...С. 663.

¹⁹⁹⁹ РГИА. Ф. 516. Оп. 219/2728. Д. 21. Л. 538 об. Возможно, именно в этой беседе с великим князем царь одобрил посылку Ладожского полка в Москву, так как по утверждению Мельникова отправлялись они «по Высочайшему повелению» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2603. Л. 237).

точно выяснены²⁰⁰⁰.» Новая запись о московских событиях появилась 13 декабря: «В Москве после крупных столкновений начались мелкие стычки и нападения на войска. Потери все еще не выяснены²⁰⁰¹.» Наконец, на следующий день император скупно обмолвился об отправке Семеновского полка в Москву²⁰⁰².

Можно согласиться со С.В. Тютюкиным, что появление данной информации в дневнике Николая II свидетельствовало о его подлинной обеспокоенности московским «делом»²⁰⁰³. Император также в целом был в курсе происходившего в Первопрестольной, однако мнение А.И. Куксина о его «хорошей осведомленности» может быть поставлено под вопрос. В дневниковых записях самодержца речь идет не о крайней тяжести борьбы с поясами баррикад в условиях малочисленности войск и полиции, а исключительно о масштабности столкновений, больших потерях со стороны революционеров (правда, еще не выясненных) и их последующем переходе к партизанской войне. Не надо и говорить, что подобное восприятие отражало лишь одну сторону медали.

Но, может быть, на самом деле доводимая до сознания императора информация была намного разнообразнее, а он лишь выделил в дневнике наиболее взволновавшую его сторону? Главным источником ее было Министерство внутренних дел, узнававшее об обстановке в Москве от генерал-губернатора и градоначальника и доводившее полученные сведения в форме докладных записок и устных сообщений до доверенного лица самодержца – Трепова, которого Николай II в письме матери от 26 января 1906 года называл «незаменимым, своего рода секретарем»²⁰⁰⁴. К сожалению, таких донесений, фиксирующих события «московской смуты» до 12 декабря, носящих следы ознакомления с ними царя, не сохранилось, однако

²⁰⁰⁰ Дневники императора Николая II...С. 75. Хотя не исключено, что эта запись могла относиться к «сенсационному сообщению» Трепова, сделанному еще 10 числа (к нему мы вернемся ниже).

²⁰⁰¹ Там же.

²⁰⁰² Там же.

²⁰⁰³ Первая революция в России...С. 369.

²⁰⁰⁴ Переписка Николая II с матерью. С.588. Никаких личных докладов ни Дурново, ни Витте в период с 10 по 14 декабря камер-фурьерскими журналами не зафиксировано (РГИА. Ф. 516. Оп. 219/2728. Д. 21. Л. 536-554 об.

представленную ему информацию можно реконструировать по отчетным документам Департамента полиции, в том числе представлявшимся и Витте²⁰⁰⁵. Попытаемся на их основе воссоздать степень информированности императора о ходе «московской революции».

Упоминавшаяся нами справка Департамента полиции о событиях 9-10 декабря повествовала об успешном штурме училища Фидлера, (в ходе коего якобы была арестована «дružина партии социалистов-революционеров и, по всей видимости, «Совета рабочих депутатов»), взрыве Охранного Отделения говорилось лишь о тяжелых ранениях служителей), уличных боях (причем утверждалось, что артиллерия «к действиям не приступала»), «безупречном» поведении войск (о слухах о ненадежности части из них царю наверняка не доносилось)²⁰⁰⁶. 11 декабря император мог узнать о строительстве множества баррикад, которые были обстреляны «орудийным и артиллерийским огнем», что вызвало огромные жертвы среди «мятежников». Правда, под вечер революционеры усилили постройку баррикад, чтобы разобщить районы города, но у местной власти уже был готов на это ответ – приказ сжечь их ночью. Венчало это донесение, как мы помним, сообщение о намерении Дубасова объявить военное положение²⁰⁰⁷.

За 12 число мы располагаем уже докладной запиской, составленной Треповым со слов Дурново, с которой Николай точно ознакомился. В ней сообщалось как о конкретных эпизодах (разрушении типографии Сытина, брошенной в Богословском переулке бомбе), так и об общем положении в городе, которое якобы стало «сравнительно спокойнее». Эта фраза подразумевала следующее: отсутствие «открытых столкновений с войсками и полицией», нападения «мятежников» на отдельных солдат и полицейских, отказ революционеров от защиты выстроенных баррикад. И под конец

²⁰⁰⁵ ГА РФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1905. Оп. 233а. Д. 1350. Ч. 26. Л. 92, 93, Высший подъем...С. 687. Витте также получал донесения о происходящем в империи, в том числе в Москве, от прокуроров судебных палат (Высший подъем...С. 863, РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 65). Так что говорить о неосведомленности премьера о событиях в Первопрестольной до связи с Дубасовым нет оснований; другое дело, что его активности в деле помощи Москве документы не отображали.

²⁰⁰⁶ ГА РФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1905. Оп. 233 а. Д. 1350. Ч. 26. Л. 140-140 об.

²⁰⁰⁷ Высший подъем...С. 687.

сообщалось об упоминавшихся решительных распоряжениях Дурново в ответ на донесения градоначальника.²⁰⁰⁸

Наконец, 13 декабря дворцовый комендант представил императору записку об ограниченности новой железнодорожной забастовки, проектируемой как всероссийская, снятии баррикад в Москве при одновременном сохранении в руках «мятежников» вокзалов, кроме Николаевского. Содержал документ и сообщение от Витте, правда, совсем не о помощи Дубасову. Согласно Трепову, Витте просил доложить Николаю II, что конференция 29 железных дорог разослала по линиям телеграмму о необходимости прекратить забастовку²⁰⁰⁹.

Возможно, что царь ознакомился с содержанием докладной записки Дурново Витте от 12 декабря (в коей говорилось о строительстве баррикад, затруднительности производства арестов 11 числа, продолжении строительства баррикад, перехода революционеров к партизанской тактике, стремлении начать террор против администрации). Однако с уверенностью этого утверждать нельзя: экземпляра с пометами Николая II в фонде управления дворцового коменданта нет²⁰¹⁰.

Как легко увидеть, данные сообщения создавали картину трудной, порой напряженной борьбы московской власти со своими врагами, которая, однако, велась с возрастающим успехом. Единственные серьезные минусы ситуации в Первопрестольной, которые мог извлечь из содержания данных документов Николай II – малочисленность полиции и сложности в организации военного командования в ходе борьбы с восстанием (при условии, что именно эти записки были доведены до его сведения)²⁰¹¹. Напротив, о малочисленности

²⁰⁰⁸ РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 10. Л. 35-35 об.

²⁰⁰⁹ Там же. Л. 36.

²⁰¹⁰ Высший подъем... С. 677-678; РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 10.

²⁰¹¹ Возможно, что проблемы с командованием МВО, отложившиеся в его сознании в результате знакомства с данной запиской, Николай отразил в письме матери от 15 числа, говоря, что «гренадеры ведут себя молодцами, ...но военное начальство очень вяло, а главное – Малахов слишком стар» (Переписка императора Николая II с матерью... С. 569). Однако данную информацию царь мог сделать либо на основе собственных наблюдений (несмотря на благоприятные донесения, пришлось слать подкрепления в Москву; Малахова планировалось отправить в отставку еще в начале декабря) (*Редигер А.Ф.* Указ. соч. С. 517), либо на основании сообщения Витте. Последний, судя по его мемуарам, обсуждал с Дубасовым в ночь с 13 на 14 декабря нерешительность командиров МВО и дряхлость Малахова (14 декабря у него как раз был всеподданнейший

войск и предельной трудности для них контролировать большой город из данных донесений самодержец узнать не мог. Поэтому его основные впечатления, зафиксированные в дневнике, – напряженные уличные бои, сопровождавшиеся огромными жертвами со стороны революционеров и перешедшие постепенно в партизанские столкновения – в целом логично вытекают из поступавшей к нему информации.

Подобное заключение должны были подкрепить и «цифровые» данные, сообщаемые царю Треповым. И хотя дневник не содержит указаний на примерную численность погибших дружинников, в письме матери Николай II свидетельствует, что «в первую ночь восстания докладывали, что убиты до 10000 революционеров²⁰¹².» Ни разобранные выше записки, ни дошедшие до нас донесения Дубасова²⁰¹³ и агентов МВД из Москвы²⁰¹⁴ ничего не сообщают о конкретном числе уничтоженных «мятежников» (хотя не исключено, что сообщения, скажем, изрядно перетрусившего градоначальника Медема создавали почву для таких заключений). Более того, в нашем распоряжении есть свидетельства, позволяющие считать эту «конкретику» домыслами самого Трепова. Сестра исполнявшего должность московского губернатора, Е.Ф. Джунковская, состоявшая при великой княгине Елизавете Федоровне, пребывавшей в то время в Царском Селе, 14 декабря писала брату, что передает всем «его сведения». Однако Трепов «уверял в первые два дня», что в Москве «убито и раненых» 10 000, о чем ему якобы сообщил Дубасов²⁰¹⁵. О том, что за сведения передавал Джунковский, узнаем из дневника осведомленной Е.Л. Камаровской. Дядя ее подруги Марии Степановой, Михаил, служивший при дворе великой княгини Елизаветы, сообщал последней, что Трепов один раз доложил царю о 5 тысячах убитых и 3 тысячах арестованных за день. Обеспокоенный Степанов впоследствии выяснил у Е.Ф. Джунковской, что на самом деле в этот день было убито «до 50 ч[еловек]

доклад у императора) (Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. ...С. 303; РГИА. Ф. 516. Оп. 219/2728. Д. 21. Л. 556).

²⁰¹²Переписка императора Николая II с матерью...С. 569.

²⁰¹³Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве...С. 45-46, 48-49.

²⁰¹⁴ГА РФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1905. Оп. 233а. Д. 1350. Ч. 26. Л. 85, 87, 88.

²⁰¹⁵ Великая княгиня Елисавета Феодоровна. Документы и материалы. Т.1. 1905-1913 гг. М, 2018. С. 189.

революционеров и неск[олько] арестовано», причем в целом «положение очень опасно» и «войск мало». И хотя фраза придворного Елизаветы Федоровны «государь, говорят, знает о положении дел в России меньше, чем кто-либо» представляется сильно преувеличенной в целом, в плане представления о потерях революционеров в Москве с этим можно согласиться²⁰¹⁶.

Чем были продиктованы подобные «фантазии» Трепова? Прежде всего, на такое «округление» наводили вышеприведенные сводки, создававшие впечатление о чудовищных потерях революционеров. Вообще, «гигантомания цифр» была отличительной чертой восприятия действительности самими руководителями Москвы и подчиненным им полицейским аппаратом: маневренные действия быстро исчезающих дружинников порождали образ многочисленного и неуловимого врага. Не случайно отчеты приставов пестрят указаниями на толпы в несколько сот и даже тысяч человек, а вице-адмирал Дубасов на основании доклада Медема ждал захвата в Миусах 2000 дружинников²⁰¹⁷. Однако не следует забывать, что Джунковский, находившийся в постоянном контакте с Дубасовым, сообщал в Петербург другие сведения, да и за Дубасовым не было замечено сообщения цифровых сводок о потерях до 12 числа, когда он заявил в телефонном разговоре с Дурново, что «привести в известность» число убитых революционеров трудно²⁰¹⁸. Преувеличения, порожденные неведением, были присущи и другим представителям петербургского света (например, великому князю Константину Константиновичу, источником сведений коего были газеты²⁰¹⁹).

Но в вышеупомянутом письме Джунковской можно встретить более рациональное объяснение. Сообщая об эффекте от сообщений Трепова при дворе, она описывает реакцию приближенных царя: «все радовались такому количеству жертв, надеясь, что это напугает». Сам же комендант, по ее словам,

²⁰¹⁶ Записки графини Е.Л. Камаровской...С. 91. При этом подобные «подсчеты» он являл неоднократно и не только царю. А.А. Киреев записал в дневнике 16 декабря об уверениях дворцового коменданта, что «в Москве перебито до 10000 революционеров». Реакция генерала на подобные измышления была однозначной: «...несомненно, - вздор. Много - тысячи две» (Киреев А.А. Указ. соч. С. 116).

²⁰¹⁷ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 785. Л. 448, 449, 483; Высший подъем...С. 678; Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве...С. 53, 54.

²⁰¹⁸ Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве...С. 51.

²⁰¹⁹ Из дневника Константина Романова...С. 150.

«злорадствовал», приговаривая, что «доигрались земцы». Характеризовала она и общее настроение столичного общества: «Да, здесь не верят, что так худо у Вас – здесь тишина полная²⁰²⁰.» Очевидно, что такие речи были водой на мельницу сторонников «твердой руки» и беспощадного подавления революции, что неудивительно в свете сближения дворцового коменданта в этот период с Дурново, занимавшим, как мы видели, все более жесткую позицию²⁰²¹.

Однако, возможно, здесь прослеживался не только вопрос большой политики: указание на успешность открытой борьбы со «смутой» сильно било по человеку, курс коего на «заигрывание» с общественностью в правящих кругах все чаще рассматривали в качестве причины охвативших страну потрясений, – Витте. Эта предположение получит большее основание, если вспомнить о существовании, согласно указаниям ряда современников, кружка врагов премьера в составе В.Ф. Трепова, И.Л. Горемыкина, А.В. Кривошеина, орудием коего в борьбе за симпатии императора как раз выступал находившийся под их влиянием дворцовый комендант. В период «дней свобод» началось и успешное сближение данного центра «бюрократической оппозиции» против Витте и с Дурново²⁰²². В свете этого заявление об огромном числе истребленных в Москве революционеров должно было показать царю масштаб заговора, возникшего благодаря якобы попустительской политике Витте, и неэффективность «соглашательской» тактики (Сразу отметим, что это пока не более, чем гипотеза, которая может быть как подтверждена, так и опровергнута с помощью привлечения новых фактов).

²⁰²⁰ Великая княгиня Елисавета Феодоровна...С. 189. Свидетельства автора письма о спокойном настроении в столице и ее окрестностях подтверждают современники различного темперамента и политических взглядов (Из дневника Константина Романова...С. 149-150; Документальное наследие Ариадны Владимировны Тырковой. Дневники. Письма. М., 2012. С. 74).

²⁰²¹ Любимов Д.Н. Указ. соч. С. 313-314; Мемуары графа И.И. Толстого. С. 242, 259-261. Судя по всему, под «земцами» именовались участники Царскосельского совещания, посвященного вопросу о выборах в Государственную думу, от общественности – Д.Н. Шипов, А.И. Гучков, В.А. Бобринский, П.Л. Корф, разделявшие идею о всеобщем голосовании, против которой решительно выступали дворцовый комендант и управляющий МВД (Российская монархическая государственность...С. 172, 174).

²⁰²² Гурко В.И. Указ. соч. С. 399-400; Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни. Воспоминания. М., 2018. С. 183; Любимов Д.Н. Указ. соч. С. 313-314; Власть и реформы. С. 483-484.

В конце концов, управляющий МВД Дурново 15 декабря, после отправки войск в Москву, представил Николаю II скорректированную цифру убитых революционеров – 3000 человек, что также было весьма далеко от реальности; сообщал, вероятно, с подачи желавших представить себя в более выгодном свете московского градоначальника и иные фантастические данные: например, о гибели якобы всех революционеров, спрятавшихся в обстрелянном 14 числа артиллерией доме на Миусской площади²⁰²³.

Таким образом, можно убедительно предположить, сообщаемые царю огромные цифры о числе жертв среди революционеров не способствовали возникновению у него желания посылать в Москву части из Петербурга.

В формировании такого восприятия положения в столице немалую роль также сыграли руководители Первопрестольной и не в последнюю очередь – вице-адмирал Дубасов. Наряду с просьбами о помощи он представлял своему главному собеседнику – управляющему МВД Дурново – донесения совсем иного рода. Так, 10 декабря он сообщил последнему по телефону о победе в бою «пехотном и артиллерийском» на улицах Москвы, причем специально отметил, что «войска работают превосходно, с примерной стойкостью». Перспективы развития событий генерал-губернатор оценивал довольно радужно: «Полагаю, что все кончится полным поражением и все будет кончено», «доложите Государю Императору, что все обойдется благополучно²⁰²⁴.» И хотя вечером того же дня Дубасов уже не столь позитивно оценивал обстановку («Признаю более целесообразным дать сведения о положении завтра утром»²⁰²⁵), его донесения от 11 декабря явно не производят однозначного впечатления. Наряду с отчаянными просьбами о подкреплениях в час дня Дубасов заявлял в разговоре с Дурново, что хотя «баррикады на старых и новых местах» и «образуют их беспрепятственно», «они (т. е. дружинники — М.А.) считают свое дело проигранным²⁰²⁶.» Донесение же по телефону от 12 декабря вообще дышит бодростью: «работа

²⁰²³ГА РФ. Ф. 102. ДП.ОО. 1905. Оп. 233а. Д. 1350. Ч. 26. Л. 111; Высший подъем...С. 684.

²⁰²⁴Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве...С. 45-46.

²⁰²⁵ГА РФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1905. Оп. 233а. Д. 1350. Ч. 26. Л. 88.

²⁰²⁶Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве...С. 49.

идет очень деятельно», «стража работает превосходно, разобрала баррикад²⁰²⁷.» Как представляется, Дурново и Витте (который, очевидно, с 11 декабря находился в курсе событий, причем именно с подачи МВД), и без того обеспокоенные катастрофическим положением в стране (например, фактической анархией в Прибалтике и Сибири), чисто психологически «цеплялись» за положительные зерна в сообщениях Дубасова и не пытались убедить императора или Николая Николаевича пожертвовать какой-либо частью петербургского гарнизона для отправки в Москву, особенно в свете отправки ладожцев.

Что же все-таки послужило решающим фактором для императора в пользу решения оказать помощь Первопрестольной из Петербурга? Сначала царь ознакомился с телеграммой Малахова Редигеру, каковую военный министр представил ему 13 декабря после 11 часов, во время всеподданнейшего доклада²⁰²⁸. Из нее Николай II мог получить наглядные сведения о малочисленности московского гарнизона и его утомленности («26 рот 24-рядного состава» для участия в активных действиях, причем части кавалерии и артиллерии, согласно телеграмме, были заняты в наряде бессменно)²⁰²⁹. Видимо, данные известия произвели впечатление на царя: днем 13 декабря Военное министерство значительно активизировало усилия по присылке Ладожского полка в Первопрестольную. Согласно записке для памяти Поливанова, 13 декабря ему звонил начальник управления железных дорог инженер П.К. Шауфус, сообщивший, что кратчайший для подразделения путь в Москву – по Московско-Бресткой железной дороге, и прибавивший, что «сведения эти очень интересуют Военного Министра²⁰³⁰.»

Вечером Николай должен был получить телеграмму Дубасова о бедственном состоянии гарнизона Первопрестольной и невозможности Ладожского полка прибыть вовремя (к сожалению, точно сказать, когда она

²⁰²⁷Там же. С. 51.

²⁰²⁸РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2617. Л. 191; РГИА. Ф. 516. Оп. 219/2728. Д. 21. Л. 554; *Редигер А.Ф.* Указ. соч. С. 545.

²⁰²⁹РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2617. Л. 191.

²⁰³⁰Там же Л. 189.

пришла в Царское, неизвестно: на ней значится лишь время отправления – 9 часов 10 минут пополудни²⁰³¹).

Как отнестись к вышеприведенному рассказу Витте о его «дипломатии» в деле посылки войск? Можно сказать с уверенностью, что его утверждение об обращении в Царское днем маловероятно: в процитированном донесении Трепова от 13 декабря о данной просьбе Витте нет ни слова (вряд ли дворцовый комендант настолько погряз в интригах, чтобы утаить такую информацию), никакой телеграммы в резиденцию императора до 9 часов Дубасов не посылал, так что говорить о раздумьях царя и Трепова в течение долгого времени не приходится.

С ситуацией вечером и ночью того же дня вопросов больше: тот факт, что Витте действительно вел переговоры о подкреплениях с Николаем Николаевичем находит подтверждение в дневнике Рауха²⁰³². В то же время, согласно камер-фурьерскому журналу, последним человеком, коего Николай II принимал 13 декабря в 22 часа 30 минут, был Трепов, видимо, явившийся с экстренным донесением²⁰³³. Ввиду этих фактов можно предположить три сценария развития событий. Согласно первому, экстренная телеграмма Дубасова могла за час с небольшим прийти в Царское, Трепов – срочно доложить ее императору и получить распоряжение побудить Витте провести переговоры с великим князем (хотя в этом случае остается вопрос, почему к нему не обратились напрямую). По второму, обеспокоенный Дубасов действительно мог связаться с Витте, тот – с Треповым и добиться приказа об отправке подкреплений (как вариант – комендант сначала мог повторить премьеру старое распоряжения царя снести с главнокомандующим ПВО, затем переговорить с Николаем и убедить его принять новое решение). И третий гипотетический путь – Дубасов связался с Витте, который сразу же бросился к Николаю Николаевичу, где уже получил послание из Царского об

²⁰³¹ Революция 1905 года и самодержавие... С. 181.

²⁰³² Дневник Г.О. Рауха... С. 90. Правда, ни о каком фельдъегере из Царского здесь нет ни слова, хотя стоит учитывать, что Раух был вызван к великому князю уже после начала переговоров.

²⁰³³ РГИА. Ф. 516. Оп. 219/2728. Д. 21. Л. 554 об.

отправке полка из Петербурга²⁰³⁴. Несмотря на разнообразие возможных вариантов развития событий, нам представляется очевидным, что Николай II в любом случае принял решение после получения веских данных о неблагополучии «сил порядка» в Москве; тому равнодушию и колебаниям, каковые фактически приписывает ему Витте, не могло быть места. Человеком, который помог царю прийти к этому решению, однозначно был Трепов, так что можно предположить, что из троих организаторов экспедиции в Москву, названных Н.Г. Королевой, он сыграл ключевую роль.

Так или иначе, было принято решение послать Семеновский полк, экспедиция коего была подготовлена спешно и в глубокой тайне²⁰³⁵. В итоге он выехал в Первопрестольную на следующий день, увозя личное письмо царя Дубасову о переходе в распоряжение генерал-губернатора старейшего гвардейского полка и специального царского эmissара – генерал-лейтенанта Штакельберга.²⁰³⁶

После прибытия семеновцев в Первопрестольную 15 декабря важной задачей Дубасова и командования МВО было удержать их в Москве на возможно более длительный срок. Здесь Витте уже не выступал союзником генерал-губернатора. В письме великому князю Николаю Николаевичу от 17 декабря он заявлял, что события «в Москве приходят к концу», поэтому «оказавших молодецкую помощь» семеновцев можно будет отозвать после

²⁰³⁴ Дневник Г.О. Рауха...С. 90; ГА РФ. Ф. Р2649. Оп. 1. Д. 1. Л. 46 об. -47 об. В эмигрантских мемуарах Раух предпринял попытку доказать, что командование ПВО было весьма мало осведомлено о московских событиях, поэтому ничего не предпринимало. Решение же о посылке войск в Первопрестольную было принято так: Витте якобы получил от Дубасова письмо, свидетельствовавшее о малочисленности и ненадежности сил гарнизона, отправился с ним к Николаю II и сразу же получил от него повеление поехать к Николаю Николаевичу с собственноручно написанным самодержцем повелением отправить в Москву один из полков, представлявшихся императору на смотрах в Царском Селе. При этом Раух, естественно, обличает во лжи уже вышедшие на данный момент в печати воспоминания Витте (свои мемуары генерал писал в 1925 г.) и заявляет, что никаких звонков из Москвы премьеру не было и не могло быть в силу тяжести создавшегося положения, а было прислано на его имя письмо, которое якобы хранится в личном архиве Рауха, оставшемся в Петрограде (Там же. Л. 46 об., 46 а). В данной версии, по всей видимости, вымышлено все: возможность связываться из Москвы по телефону с Петербургом опровергается многочисленными свидетельствами, приведенными нами выше; в личном архиве Рауха, хранящемся в РГИА, отложилось лишь личное письмо Дубасова Николаю Николаевичу от 11 числа, полученное, по всей вероятности, 12 декабря. Очевидно, что просьбу о помощи, содержащуюся в нем, постигла участь предыдущих обращений. Судя по всему, данную версию следует отвергнуть.

²⁰³⁵ Дневник Г.О. Рауха...С. 90; ГА РФ. Ф. Р2649. Оп. 1. Д. 1. Л. 47 об.

²⁰³⁶ Письма Николаю II к Дубасову...С. 441.

прибытия в Первопрестольную Ладожского полка²⁰³⁷. Пикантность ситуации заключалась в том, что ладожцы появились в Москве уже 16 декабря²⁰³⁸, поэтому возникает дилемма – то ли Дубасов предоставил Витте неверные сведения, то ли премьер сознательно вводил в заблуждение великого князя, дабы продлить пребывание полка в Москве. Так или иначе, в тот же день главнокомандующий ПВО затребовал у Дубасова возвращения семеновцев в Петербург ввиду улучшения ситуации в Первопрестольной и необходимости «новых командирований» в Эстляндию (нетрудно заметить, что слова об изменении обстановки к лучшему вполне могли быть навеяны письмом премьера)²⁰³⁹. Вскоре к этим просьбам подключился и император: 21 декабря он запросил Дубасова о времени возвращения Семеновского полка и «попросил не задерживать» его в Москве²⁰⁴⁰.

Однако сдаваться вице-адмирал не собирался: получив справку из штаба МВО о малочисленности московского гарнизона до прихода подкреплений, он сначала в телефонном разговоре с Николаем Николаевичем, а затем в черновике письма к нему (неизвестно, было ли оно отослано) докладывал об этом и просил отсрочки в три дня²⁰⁴¹. В ответной телеграмме от 22 декабря Николаю II Дубасов убеждал самодержца в существенном ослаблении сил гарнизона в случае отзыва семеновцев и о необходимости оставить полк в Первопрестольной на праздники и «далее на необходимое время» или заменить его другим «в таком же составе»²⁰⁴². Роковую роль сыграла теперь уже вполне однозначная позиция Витте: 23 декабря он представил Николаю II докладную записку, в которой заявлял о желании «всех начальников» «удержать у себя» попавшую к ним «часть» при повсеместной малочисленности войск, ярким примером чего рисовалось стремление Дубасова. И хотя премьер признавал, что состав командования МВО неудовлетворителен, он полагал необходимым вернуть Семеновский полк в

²⁰³⁷ГА РФ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 23. Л. 1.

²⁰³⁸Высший подъем...С. 726.

²⁰³⁹Сторожев В.Н. Указ. соч. С. 172-173.

²⁰⁴⁰Революция 1905 года и самодержавие...С. 167.

²⁰⁴¹Сторожев В.Н. Указ. соч. С. 173-174.

²⁰⁴²Революция 1905 года и самодержавие...С. 186.

Петербург в преддверие годовщины «Кровавого воскресенья». Доводы главы «объединенного правительства» оказались решающими для императора: 25 декабря он наложил резолюцию о необходимости возвратить полк до 1 января 1906 г., а на следующий день отправил телеграмму этого содержания Дубасову²⁰⁴³.

Пример такого поведения Витте вовсе не единственный. Во второй половине декабря он неоднократно проявлял жесткость при обсуждении принимаемых мер против крамольников. Так, Раух отмечал в дневнике, что при переговорах о посылке семеновцев Николай Николаевич завел разговор об «энергичных» действиях лейб-казаков на Шлиссельбургском шоссе. Ответ Витте был весьма показателен: «Очень хорошо, побольше, ваше высочество, так, теперь нужна полная энергия²⁰⁴⁴.» В письме великому князю от 19 декабря премьер, рассказывая, что по слухам революционеры готовят взрыв Петропавловской крепости (что должно было соответственно подействовать на впечатлительного «августейшего главнокомандующего»), предлагал «положить на месте» тех из них, кого не удастся захватить²⁰⁴⁵. Таким образом, Витте явно пытался выставить себя в глазах императора и Николая Николаевича (бывшего его сильным союзником в октябре 1905 г.) жестким и распорядительным борцом с революцией. Это было объяснимо на фоне вышеупомянутых ширящихся обвинений Витте в попустительстве «крамольникам», из-за чего и стало возможным Декабрьское восстание. Его положение к концу декабря весьма сильно осложнилось: против него стал открыто выступать Дурново, поддерживаемый новым министром юстиции М. Г. Акимовым, активизировался кружок Треповых-Горемыкина-Кривошеина²⁰⁴⁶. О том же, что никакого восстания в Петербурге в конце декабря 1905 – начале января 1906 гг. в принципе невозможно, Витте был осведомлен не хуже Николая Николаевича: петербургский градоначальник В.А. Дедюлин помимо

²⁰⁴³ Там же. С. 34, 168. На доклад Витте ссылается его биограф С.В. Ильин, однако данный факт вырывается из контекста и решающая роль премьера в ослаблении тылов своего ставленника не просматривается (*Ильин С.В.* Указ. соч. С. 395).

²⁰⁴⁴ Дневник Г.О. Рауха... С. 90.

²⁰⁴⁵ ГА РФ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 23. Л. 2.

²⁰⁴⁶ *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 533; *Менделеев П.П.* Указ. соч. С. 183, 185-188.

Департамента полиции представлял ведомости о ходе забастовочного движения в столице, из которого можно было узнать о его затухании, и в Совет министров²⁰⁴⁷. Таким образом, скорый отзыв семеновцев из Москвы во многом стал отзвуком кулуарной борьбы Витте за укрепление своих позиций во власти. Р.Ш. Ганелин, характеризуя подобное поведение премьера, писал, что он «состязался» с самим императором в сфере карательной политики²⁰⁴⁸. На наш взгляд, его действия скорее говорили о состязании в данном деле с тем же Дурново в глазах императора. Однако, как известно, подобные эскапады производили обратное впечатление – у адресатов этих действий, включая царя, появлялось впечатление неискренности и фальши премьера²⁰⁴⁹. Не лучшего мнения были о премьере и в окружении Николая Николаевича, который откровенно заявлял Рауху, что будет поддерживать Витте исключительно до открытия Государственной Думы²⁰⁵⁰.

Генерал-губернатор в итоге смог лишь удержать в Москве до февраля 1906 г. Ладожский полк.²⁰⁵¹

Таким образом, взаимодействие московских и центральных властей империи по вопросу присылки подкреплений, как было выяснено в историографии, сильно осложнялось недостатком войск в Европейской России. Сюда же можно добавить такие объективные причины, как железнодорожные забастовки и волнения в частях, сорвавшие присылку подкреплений в начале десятых чисел декабря. Однако имелся еще целый ряд обстоятельств, почему военная помощь прибыла так поздно.

Прежде всего, в истории присылки подкреплений очень негативную роль сыграло отсутствие единства военной и гражданской власти. Вопрос об отправке гвардейских частей для борьбы с восстанием в Ростовском полку находился исключительно в ведении военных; во время Московского восстания Дурново и, возможно, Витте могли лишь обращаться к Редигеру и

²⁰⁴⁷Высший подъем...С. 503-504.

²⁰⁴⁸Власть и реформы...С. 468.

²⁰⁴⁹Переписка императора Николая II с матерью...С. 583.

²⁰⁵⁰Дневник Г.О. Рауха...С. 90, 91.

²⁰⁵¹Сторожев В.Н. Указ. соч. С. 205.

Николаю Николаевичу за помощью, а окончательные решения готовились и принимались учреждениями оборонного ведомства, не слишком обоснованно опасавшимися положением в Петербурге. Единственным лицом, компетентным поставить точку в данном вопросе, был император.

Здесь же существовали свои сложности. Помимо присущего Николаю II убеждения, что конкретными поручениями должны заниматься определенные лица (в результате чего вопрос о присылке подкреплений из Петербурга был фактически передан в руки страстного противника данной акции – великого князя Николая Николаевича), на позицию царя и его сановников большое влияние оказывала степень их осведомленности. А она была весьма специфичной: представляя в целом ход «смуты» в Первопрестольной, они явно не воспринимали ситуацию как нечто катастрофическое, имея весьма смутное представление о численности войск, действовавших в Москве и полагая, что местная администрация в целом удовлетворительно справляется с подавлением «мятежа». Во многом подобное настроение было обусловлено духом донесений в Петербург властей Первопрестольной, в том числе Дубасова, не только добивавшегося скорейшей присылки подкреплений, но и докладывавшегося о позитивных, на его взгляд, переменах в положении; сведения же градоначальника Медема вообще являли собой образец приукрашивания действительности. Масла в огонь подливали явно фантастические сведения о потерях врагов режима, главным автором и транслятором коих был дворцовый комендант Трепов, в то время – близкий и доверенный сотрудник императора (возможно, занимавшийся этим в интересах политической борьбы). В результате в высших сферах империи создавалось чрезмерно оптимистичное представление о ходе московских событий, что позволяет внести коррективы в традиционный советский взгляд о всеобщей панике в правительстве в декабре 1905 г.²⁰⁵² Все это привело к тому, что восстание в Москве не было вовремя предотвращено и смогло принять значительный размах.

²⁰⁵² Шатина Н.В. Указ. соч. С. 107.

В то же время, как мы видели, нет оснований говорить вслед за Витте о бездействии руководства МВД в данном деле – именно в результате настояний Дурново при благожелательном отношении Редигера было принято решение о посылке Ладожского полка из Польши, что не смогло осуществиться в силу объективных причин. Нет также особых причин записывать Витте в «главноуговаривающие» (как охарактеризовал его С.В. Тютюкин) – в лучшем случае премьер включился в этот процесс 12-13 числа и его роль не была решающей.

Наконец, в скором отзыве семеновцев из Москвы после подавления восстания помимо объективных надобностей поддержания порядка в Петербурге, сыграла свою роль внутриправительственная борьба, в ходе которой Витте стремился вернуть утраченный престиж.

Таким образом, объективные (малая численность войск, их деморализация, забастовки, недостаточная слаженность звеньев правительственного аппарата) и субъективные факторы (плохая осведомленность «высших сфер», страх главнокомандующего ПВО перед восстанием в Петербурге, интриги в правящих кругах) привели к чрезвычайно сложному процессу выделения подкреплений московской власти для борьбы с «мятежом».

*§5. Администрация, Дума и «мирное» население перед лицом восстания.*²⁰⁵³

Взаимодействие власти, населения, а также органа самоуправления его наиболее богатой, цензовой части — Московской Думой — является одним из

²⁰⁵³ Алмазов М.Г. Ф.В. Дубасов и подавление Декабрьского восстания в Москве // Российская история. 2020. № 1. С. 51-74; *Он же*. Московская администрация и Дума во время Декабрьского восстания // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2019. № 2. С. 44-62; *Он же*. Алмазов М.Г. Московская власть и городское самоуправление перед лицом революции // Традиции исторической мысли: материалы Научного семинара памяти профессора В.И. Злобина / Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова (отв. ред. Г.Р. Наумова и др.). Вып. 5-6. М., 2018. С. 188-209.

ключевых вопросов при изучении истории подавления Декабрьского вооруженного восстания. Мы уже показывали, что население далеко не однозначно воспринимало правительственные меры по борьбе с «крамолой» и их результаты. Как происходило в столь критический момент взаимодействие между администрацией и Думой и каковы были его результаты? В чем заключалась деятельность гласных за стенами Думы? Пытались ли представители населения обратиться к власти с какими-либо требованиями или проектами? На данные вопросы мы и попытаемся ответить в настоящей главе.

Надо отметить, что Дубасов сразу же по прибытии в Москву пытался наладить диалог с «благонадежным» населением и устроил 5 декабря прием чинов московской администрации и деятелей общественных организаций²⁰⁵⁴. На этом собрании новый хозяин Первопрестольной заявил о своей решимости бороться с крамолой, опираясь на содействие «лучших людей» Москвы²⁰⁵⁵. По воспоминаниям исполнявшего должность московского губернатора Джунковского, «большая часть уходила успокоенная, довольная, что наконец есть власть», хотя «другая же была сконфужена и, может быть, и недовольна, чувствуя себя не по себе после некоторых слов Дубасова, которые они не могли не принять по своему адресу²⁰⁵⁶». Примерно теми же красками рисует впечатление «верхов» Москвы от первого приема у адмирала Дубасова и директор лицея памяти цесаревича Николая Л.А. Георгиевский²⁰⁵⁷. На следующий день при благожелательном содействии генерал-губернатора состоялось организованные В.А. Грингмутом «патриотическая» манифестация и молебен на Красной площади по случаю тезоименитства царя. Сам Дубасов не только принимал депутацию «монархистов», подошедшую под балкон его резиденции на Тверской, но и по итогам мероприятия лично составил приветственную телеграмму Николаю II, каковую отослал вкупе с

²⁰⁵⁴Там же. Д. 47. Л. 12.

²⁰⁵⁵Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 108-109.

²⁰⁵⁶Там же. С. 109.

²⁰⁵⁷РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 456. Л. 2.

«выражением горячих верноподданнических чувств» собравшихся²⁰⁵⁸. Мероприятие было представительным, однако оценка современниками эффективности этой акции сильно разнится²⁰⁵⁹.

Но воспользоваться открывшейся возможностью сотрудничества с «благомыслящими» москвичами Дубасов не успел: уже на следующий день началась стачка, перешедшая в восстание. Как складывался диалог власти и москвичей в чрезвычайных условиях?

Начнем с рассмотрения взаимодействия Московской Городской Думы и власти в период восстания. Значительную работу проделала в этом направлении Ю.С. Воробьева, однако она не охватила все аспекты данного сотрудничества и практически не касалась практических его итогов²⁰⁶⁰.

К окончанию «дней свобод» Дума подошла условно разделенной на две противоборствующие «партии», которые, в свою очередь, в ряде ситуаций подразделялись на три лагеря - «правых», «центристов» и «левых»²⁰⁶¹.» Разгул революционной стихии в Москве и по всей стране несколько умерил преобразовательный пыл большинства «отцов города» (особенно ярко проявившийся в начале «дней свобод») ²⁰⁶². В середине ноября гласные даже отправили депутацию к председателю Совета министров С.Ю. Витте с просьбой сменить генерал-губернатора П.П. Дурново, неспособного обеспечить порядок. На этой встрече глава правительства заявил, что новый хозяин Первопрестольной будет работать «в согласии и представлять общественные интересы»²⁰⁶³.» Однако к событиям восстания состав Думы

²⁰⁵⁸ РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 448. Л. 2-2 об.

²⁰⁵⁹ Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 111; Дневник Л.А. Тихомирова...С. 168; На баррикадах Москвы...С. 35.

²⁰⁶⁰ Воробьева Ю.С. Н.И. Гучков – московский городской голова...С. 40-50.

²⁰⁶¹ ЦГА Москвы. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 18. Л. 54-55 об.

²⁰⁶² Там же. Л. 26 об.

²⁰⁶³ Там же. Л. 57-57 об.

подходил, имея значительный «крен влево»²⁰⁶⁴.»

Казалось бы, с назначением Дубасова сбывались обещания Витте: нетрудно заметить в его первой речи следование принципам, озвученным в ноябре премьером. Но начавшаяся «революционная буря» резко ухудшила возможности для этого.

Относительно характера отношения Московской Думы к администрации в период восстания в мемуарной литературе высказывались следующие мнения. Городской секретарь, член кадетской партии Н.И. Астров в очерке о товарище по Думе и партии М.Я. Герценштейне писал, что «среди гласных быстрые и глубокие изменения в настроениях... Дума охвачена реакцией... Ее Городской Голова — постоянный участник совещаний у Дубасова и ревностный исполнитель его предначертаний». По его оценке, «лишь горсть гласных сохранила свои прежние настроения», но от этой группы «влияние перешло к сторонникам нового Городского Головы»²⁰⁶⁵.» Иная точка зрения была высказана более консервативным гласным — неоднократно цитировавшимся Н.П. Вишняковым. Рассуждая об атмосфере в Думе, гласный отмечал: «Сегодня (15 декабря — М.А.) в 11 час. утра я был на заседании Думы. Это третье продолжение неоконченного заседания (подчеркнуто в источнике — М.А.), где все льются фонтаны красноречия и слезы гражданской скорби, а дела никакого не делается... Никакого мужества и энергии, одно безбрежное пустословие»²⁰⁶⁶.»

Обратимся непосредственно к журналам и стенографическим отчетам о заседаниях московского самоуправления.

Непосредственно во время декабрьских событий (7-19 декабря) состоялось одно собрание Думы, длившееся четыре дня²⁰⁶⁷. По объяснению, представленному городским головой Н.И. Гучковым, ранее заседание самоуправления не состоялось по той причине, что большинству гласных не

²⁰⁶⁴ Писарькова Л.Ф. Указ. соч. С. 409-410.

²⁰⁶⁵ Астров Н.И. М.Я. Герценштейн в Московской городской думе // Герценштейн М.Я. Статьи, переписка, воспоминания современников. СПб, 2017. С. 448.

²⁰⁶⁶ ЦГА Москвы. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 18. Л. 85 об.

²⁰⁶⁷ Там же. Ф. 179. Оп. 22. Д. 289.

удалось бы своевременно вручить повестки²⁰⁶⁸. (Учитывая крайне сложную обстановку, вызванную восстанием, подобная версия выглядит вполне правдоподобной). Еще одно собрание, на котором поднимались вопросы, связанные с «мятежом», прошло 20 декабря²⁰⁶⁹.

Инициатива созыва Думы принадлежала московским кадетам и входившему в состав партии гласному В.В. Пржевальскому, обратившихся к городскому голове со специальными обращениями по этому поводу. Оба документа (почти дословно) повествуют о фактической междоусобной войне в Москве, кровопролитии, попрании основных положений Манифеста 17 октября (в партийном обращении говорится и о притеснении существующей организации Красного Креста)²⁰⁷⁰. В числе подписантов кадетского требования были и некоторые гласные Думы – Н.М. Кишкин, С.А. Левицкий, В.В. Пржевальский²⁰⁷¹. Как видим, резко оппозиционное отношение кадетов к действиям власти по подавлению восстания прослеживается в этих документах довольно четко (Что неудивительно – на единственном заседании ЦК в декабре руководители главной либеральной партии, ругая революционеров за авантюризм, еще большему ostracismu подвергали власть)²⁰⁷².

Но и созыв собрания ненамного облегчил работу Думы. Низкая явка гласных инертность большинства пришедших привели к тому, что собрание стало ареной ожесточенной борьбы между условно правым (А.С. Шмаков, К.А. Казначеев, близок к ним был А.И. Гучков) и левым крыльями (Н.М. Кишкин, В.В. Пржевальский, М.В. Челноков, П.А. Столповский, Н.Н. Щепкин, С.А. Левицкий, М.Г. Комиссаров, в целом отстаивавшие линию кадетского ЦК) думцев. Как правило, большинство «центристов» (условно сторонников позиции «Союза 17 октября») придерживалось молчаливого нейтралитета, а городской голова стремился утихомирить споривших. Это порождало

²⁰⁶⁸ Там же. Л. 109.

²⁰⁶⁹ Там же. Л. 115.

²⁰⁷⁰ Там же. Оп.3. Д.2333. Л. 28, 30.

²⁰⁷¹ Там же. Л.29-29 об.

²⁰⁷² Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии...С. 45, 483.

постоянные дискуссии, итог коих был неутешителен: на первом заседании было сделано семь предложений, принято одно, обсуждение остальных отложено; на втором: выдвинуто – два, ни одного не принято и не отвергнуто; на третьем: выдвинуто – восемь, из них четыре принято, два отвергнуто, одно не поставлено на баллотировку, одно только обсуждалось; на четвертом – четыре принято, три отвергнуто, одно не поставлено на баллотировку (это при том, что заседания в среднем длились около 3 часов)²⁰⁷³. Таким образом, желчная оценка Н.П. Вишнякова не лишена оснований.

И все же Думе удалось наладить диалог с московской властью в деле ликвидации восстания и его наиболее тяжелых последствий для Первопрестольной. Главная заслуга в этом принадлежит городскому голове Н.И. Гучкову, по мере возможности смирившему накал страстей (например, он остановил бессмысленную дискуссию о задержке созыва думы при открытии первого заседания)²⁰⁷⁴. Однако при конфронтации, коей отличались позиции активно выступавших гласных, ему это удавалось далеко не всегда²⁰⁷⁵.

Периодически Н.И. Гучкова поддерживал ряд гласных, настроенных на конструктивную работу самоуправления по выходу города из переживаемого им кризиса: А.И. Геннерт, Н.М. Перепелкин, И.А. Шамшин, Н.П. Сальников. С.В. Пучков, В.С. Баршев, П.А. Дриттенпрейс²⁰⁷⁶. Так, на заседании 13 декабря гласному В.С. Баршеву удалось пресечь начинавшуюся дискуссию и фактически обеспечить принятие пакета мер, предложенных Н.И. Гучковым²⁰⁷⁷. Но деятельность этой группы далеко не всегда была удачна: 15 декабря Н.П. Сальников безуспешно пытался поставить вопрос о помощи мелким производителям Москвы, осуждая в то же время «пикирование правой и левой партий»²⁰⁷⁸.

Тем не менее ряд необходимых мер пусть и на бумаге, но был принят

²⁰⁷³ Там же. Оп. 22. Д. 289. Л. 109-111 об.

²⁰⁷⁴ Стенографические отчеты... С. 996-997.

²⁰⁷⁵ Там же. С. 1016-1036.

²⁰⁷⁶ Сразу же оговоримся, что «умеренными» мы признаем их не с точки зрения общественно-политических воззрений в целом, а в плане тактики в Думе по вопросу о восстании и об отношении к власти в связи с ним.

²⁰⁷⁷ Там же. С. 1005.

²⁰⁷⁸ Там же. С. 1049-1050.

Думой. Уже 13 декабря было единогласно поручено городской управе восстановить деятельность по оказанию помощи «беднейшему населению города», к «продолжению и развитию в возможно широких размерах» медицинской помощи, а городскому голове – обратиться к забастовавшим служащим Думы с просьбой приняться за работу, связанную с оказанием поддержки низшим слоям жителей и с санитарно-медицинским обслуживанием его²⁰⁷⁹. В этот же день «левые» гласные П.А. Столповский и В.В. Пржевальский поставили вопрос о мерах по снабжению жителей продовольствием в условиях продолжавшегося восстания, что было единогласно поручено городской Управе 15 декабря (хотя, по-видимому, это предложение больше носило политический характер: четкого «рецепта», как действовать, у гласных не было)²⁰⁸⁰. 16 декабря Дума одобрила большинством против двух голосов инициативу Н.М. Кишкина об образовании летучих отрядов Красного Креста для оперативного оказания медицинской помощи жителям²⁰⁸¹. Еще 13 декабря гласный П.А. Дриттенпрейс предложил представить генерал-губернатору о необходимости организовать совет «из представителей населения города» при его особе (но в тот день его предложение не было поставлено на баллотировку, равно как и 15 декабря, когда стало известно о создании Совета²⁰⁸²). После получения этого известия гласные приступили к выбору двух будущих членов совещания и двух кандидатов на их возможную замену (всего от городского самоуправления в состав этого органа должны были входить глава Думы и двое гласных)²⁰⁸³. С этого же числа избранные кандидаты («умеренные» А.И. Геннерт и Н.М. Перепелкин) приступили к работе в составе Совета.

Наконец, в заседании 20 декабря, Н.И. Гучков предложил выдать жалованье за время забастовки всем городским рабочим и служащим, «не вычитая времени прекращения занятий» во время забастовки. Одновременно

²⁰⁷⁹ЦГА Москвы. Ф. 179. Оп. 22. Д. 289. Л. 109 об.

²⁰⁸⁰Там же. Л. 109 об., 110.

²⁰⁸¹Там же. Л. 110 об.

²⁰⁸²Там же. Л. 109 об.

²⁰⁸³Там же. Л. 110.

было единогласно решено: «сознательные» забастовщики не имеют права на получение выплат²⁰⁸⁴.

Таким образом, Дума, несмотря на раздиравшие ее склоки, включилась в работу по ликвидации наиболее пагубных последствий вооруженного восстания и готова была в этом деле сотрудничать с администрацией. В то же время было бы ошибочно полагать, что самоуправление всецело встало на сторону власти: вернее будет определить позицию большинства гласных как нейтралитет (естественно, благожелательный по отношению к «силам порядка»), порождавший стремление к посредничеству между властью и «неблагонадежной» частью населения. Из всех постановлений, принятых Думой в эти дни, открыто провластным можно назвать лишь решение, инициированное А.И. Гучковым 16 декабря, о выделении в распоряжение управы 5000 рублей на «неотложные пособия» воинским и полицейским чинам, «пострадавшим при подавлении мятежа», а также их семьям, и о разработке Управой дальнейших мер в этом направлении. Однако подобное предложение было «уравновешено» одновременным выделением в распоряжение городской Управы также 5000 рублей для «нуждающегося населения». 20 декабря оба ассигнования были доведены Думой до 15000 рублей. Официально 15 декабря Дума приняла постановление о возложении ответственности за восстание на правительство, не проводшее вовремя реформы «в духе Манифеста 17 октября»²⁰⁸⁵.

Как относилась власть к принятым думским постановлениям? Все зависело от их содержания. Меры по материальной поддержке пострадавших

²⁰⁸⁴ Там же. Л. 115-115 об.; Оп.3. Д.2333. Л.299; Записки графини Е.Л. Камаровской...С .88; Воробьева Ю.С. Н.И. Гучков — московский городской голова...С.45.

²⁰⁸⁵ См. подробнее о позиции разных групп в составе Думы в декабре 1905 г.: Алмазов М.Г. Московская администрация и дума во время Декабрьского восстания...С. 44-62; Вдовин С.Е. Указ. соч. С. 181-183. Конечно, официально «буржуазные партии» заняли жесткую позицию по отношению к забастовке и восстанию. Например, после начала всеобщей стачки Умеренно-прогрессивная партия обратилась к «гражданам Первопрестольной столицы» с воззванием, осуждавшим «нашу бесхарактерность, наше легкомыслие и эгоизм» и грозившим «легкомысленной части населения» карами со стороны армии и крестьянства, верных престолу (Партии российских промышленников и предпринимателей. 1905-1906 гг. М., 2004. С.214-216). Однако поручение Думой управе, голове и избранным членам Совета при генерал-губернаторе принять на себя посредничество перед администрацией за рабочих, пожелавших сложить оружие, позволяет все же говорить об поддержке большинством даже «умеренной партии во главе с братьями Гучковыми» мер власти не столь однозначно (ЦГА Москвы. Ф. 179. Оп. 22. Д. 289. Л. 110 об.).

воинских и полицейских чинов встречали положительную реакцию администрации. Из документов видно, что власть, как правило, не вмешивалась в действия городской Управы и принимала к сведению представленные ведомости о выдаче денег²⁰⁸⁶. Впрочем, были случаи, когда генерал-губернатор распоряжался выдать пособия ряду чинов полиции от собственного имени (например, 1000 рублей семье убитого начальника сысской полиции Войлошникова вместо 300, отведенный Управой²⁰⁸⁷). Генерал-губернатор мог назначить выплаты и по представлению градоначальника, как это было с раненым 10 декабря околоточным надзирателем 2 участка Якиманской части Алексеевым²⁰⁸⁸. Всего к окончанию своей работы по этому делу в марте 1906 г. Управа выдала пострадавшим воинским и полицейским чинам 15156 рублей 50 копеек, что даже превысило отпущенное Думой ассигнование и составилось из сумм самоуправления и пожертвований населения²⁰⁸⁹.

В распоряжение же средствами, выделенными на помощь мирным жителям, генерал-губернатор не вмешивался. Данный капитал, согласно думским циркулярам от 24 декабря, предназначался для возмещения благотворительных расходов, произведенных городскими попечительствами о бедных, или для выдачи им «особых авансов» на эти цели²⁰⁹⁰. Такие выдачи действительно производились и порой бывали довольно значительны: так, 23 декабря главе попечительства 1 участка Пресненской части была ассигнована 1000 рублей²⁰⁹¹, а 5 января 1906 г. Управа постановила выдать этому же попечительству на содержание благотворительной столовой для пострадавших во время разгрома района²⁰⁹². Но учитывая тот факт, что до 2 января 1906 г. специальная Комиссия под председательством В.Ф. Джунковского, образованная 22 числа при Комитете, истратила на нужды пострадавших

²⁰⁸⁶ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 139. Д. 174. Т. 8. Л. 1,14, 16.

²⁰⁸⁷Там же. Л. 2.

²⁰⁸⁸Там же. Л. 44,45.

²⁰⁸⁹Там же. Л. 70.

²⁰⁹⁰Там же. Ф. 179. Оп. 57. Д. 894. Л. 7, 8.

²⁰⁹¹Там же. Л. 35-36.

²⁰⁹²Там же. Л. 32-32 об.

14000 рублей (а всего в ее распоряжении имелось свыше 100 000), становится очевидно, что ассигнование в 15000 рублей, сделанное Думой Управе и подлежащее для восполнения трат местных попечительств о бедных, вряд ли имело первенствующее значение в этом деле²⁰⁹³. Более того, подчас не желавшие тратиться (несмотря на обещанную помощь из Управы) главы попечительств стремились передать заявления от жителей об оказании денежной помощи указанной Комиссии, что порой порождало случаи бюрократических проволочек (красноречивый пример – дело потомственного почетного гражданина А.А. Варварского, лишившегося имущества во время обстрела Пресни и несколько месяцев обивавшего пороги попечительства 3 участка Рогожской части, куда его прошение с задержкой было перенаправлено из аналогичного учреждения 1 участка Пресненской²⁰⁹⁴).

Не всем решениям самоуправления «везло». Постановление о выдаче зарплаты «несознательным» городским служащим и рабочим вызвало, мягко говоря, непонимание управляющего МВД. 21 декабря он отправил московскому генерал-губернатору телеграмму следующего содержания: «Прошу Вас обсудить вопрос о выдаче жалованья городским рабочим за время забастовки и не следует ли постановление Думы отменить». На данном документе Дубасов наложил резолюцию: «...В Секретное Собрание для обсуждения» (что подразумевалось под этим «секретным совещанием», к сожалению, из имеющихся в нашем распоряжении источников понять невозможно)²⁰⁹⁵. Очевидно, совещание нашло обоснованным опасение П.Н. Дурново, так как градоначальник Медем на следующий день известил Н.И. Гучкова, что на основании ст. 83, 84 Городового Положения 1892 года он приостанавливает постановление Думы о выдаче жалованья забастовщикам, а посему просит отменить это решение²⁰⁹⁶. Чуть позже, по-видимому, уже сам барон проявил инициативу по «корректировке» решений, принятых Думой в дни восстания. 28 декабря он известил Н.И. Гучкова, что на основании тех же

²⁰⁹³ Там же. Л. 25.

²⁰⁹⁴ Там же. Ф. 179. Оп. 57. Д. 894. Л. 22-22 об.

²⁰⁹⁵ Там же. Оп. 237. Д. 90. Т. 1. Л. 123.

²⁰⁹⁶ Там же. Ф. 179. Оп. 3. Д. 2333. Л. 164.

статей он приостанавливает и передает на рассмотрение Особого по городским делам присутствия постановление городского самоуправления от 16 числа о сборе гласными сведений об эксцессах, произошедших в дни восстания, и передаче их голове²⁰⁹⁷. 31 декабря он и вовсе уведомил главу самоуправления об аналогичной судьбе решения Думы от 15 декабря о возложении ответственности за возникновение «мятежа» на правительство²⁰⁹⁸. Никаких практических последствий, кроме морального удовлетворения администрации, подобная мера иметь не могла; впрочем, привыкшему к громогласным сентенциям и показухе московскому градоначальнику дело, вероятно, представлялось иначе. Но особое по городским делам присутствие с ним не согласилось и 13 января «не усмотрело достаточных оснований» для исполнения воли Медема²⁰⁹⁹. Так или иначе, в этих шагах центральной и московской власти очевидно стремление нейтрализовать те меры Думы, в которых им виделось какое-либо осуждение администрации.

Интересно складывалась судьба думского постановления об организации летучих отрядов Красного Креста. Еще ранее подобный план, заключавшийся в создании широкой сети летучих отрядов, приемных покоев и лазаретов, разработал врач комендантского управления, почетный член Иверской общины Красного Креста В.Н. Штурм по поручению жены главы Первопрестольной — А.С. Дубасовой²¹⁰⁰. Однако проект 14-15 декабря не получил движения из-за отсутствия дальнейшей инициативы у супруги генерал-губернатора (формально она объясняла это Штурму отсрочкой заседания местного управления РОКК²¹⁰¹). В конечном счете местное управление Общества Красного Креста вернулось к своему плану только 19 декабря, когда им была образована Комиссия под председательством А.С. Дубасовой²¹⁰². На первом же ее заседании было решено обратиться к генерал-губернатору за указаниями, «какие виды помощи признавались бы в настоящее

²⁰⁹⁷Там же. Л. 203.

²⁰⁹⁸Там же. Л. 208.

²⁰⁹⁹Там же. Ф. 16. Оп. 140. Д. 13. Л. 3.

²¹⁰⁰РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 434. Л. 1-2 об.

²¹⁰¹Там же. Л. 1.

²¹⁰²Там же. Д. 438. Л. 1.

время наиболее желательными и целесообразными» (в свою очередь члены пытались получить одобрение идеи Штурма)²¹⁰³. Помимо образования комиссии, местное управление РОКК одобрило мысль об открытии в доме Е.П. Масловой приемного покоя и лечебницы под собственной эгидой (что предлагал ранее Штурм жене вице-адмирала). С ходатайством об этом сам Штурм в тот же день обратился к генерал-губернатору²¹⁰⁴. Дубасов, судя по протоколу заседания Комиссии РОКК от 20 декабря, распорядился открыть два приемных покоя, которые «при необходимости» можно было бы «развернуть» в несколько²¹⁰⁵. Не возражал генерал-губернатор и против организации приемного пункта в доме Масловой²¹⁰⁶. Данные учреждения решено было открыть 27 декабря²¹⁰⁷.

Участие же Думы в данном вопросе свелось к докладной записке Н.И. Гучкова Дубасову от 19 декабря, в которой глава Первопрестольной ставился в известность о принятии самоуправлением постановления от 16 числа и о необходимости организации официально действующей сети летучих отрядов РОКК, так как «существующими частными организациями помощь раненым не может быть оказана в должной мере с надлежащей быстротой». Генерал-губернатор заинтересовался этим предложением и в резолюции постановил объявить ему, по всей видимости, о конкретных планах в этой области²¹⁰⁸. Однако, в свете прошения Комиссии РОКК, инициатива городского головы осталась без последствий²¹⁰⁹. Таким образом, мы видим, что Дума опоздала с реализацией собственного постановления, принятого слишком поздно.

Теперь следует поговорить о внедумских действиях городского головы и гласных в период восстания. Н.И. Гучков был особенно активен в установлении деловых связей с Дубасовым и бароном Медемом для предотвращения наиболее разрушительных последствий «мятежа». С 9

²¹⁰³Там же. Л. 1-2.

²¹⁰⁴ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 139. Д. 174. Т. 7. Ч. 2. Л. 16.

²¹⁰⁵РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 438. Л. 2.

²¹⁰⁶ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 139. Д. 174. Т. 7. Ч. 2. Л. 16.

²¹⁰⁷РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 438. Л. 2 об.

²¹⁰⁸ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 139. Д. 174. Т. 7. Ч. 2. Л. 18.

²¹⁰⁹Там же.

декабря Гучков находился в постоянном контакте с генерал-губернатором и градоначальником, стараясь смягчить при личных встречах издержки при подавлении восстания. Так, 13 декабря городской голова вел с «главным начальником» Москвы и губернии переговоры, в ходе которых обсуждал положение в городе и добился удовлетворительного решения или получения информации по вопросам, поднятым на заседании Думы в тот же день²¹¹⁰.

14 декабря городской голова предпринял попытку избавить членов летучих санитарных отрядов, организованных Медицинским союзом, от обстрелов со стороны войск и информировал об их предстоящем переподчинении городскому самоуправлению²¹¹¹. 16 числа, после принципиального одобрения своего начинания Н.И. Гучков представил градоначальнику Медему формуляр удостоверения для членов данных санитарных отрядов²¹¹². Вскоре механизм их легализации заработал: 17 декабря Гучкову поступило заявление от организатора Московской Городской больницы имени князя А.А. Щербатова А.М. Остроухова о «легитимизации», по выражению самого просителя, перевязочного пункта возглавляемого им «Московского Трудового Братства», находящегося в доме Куманина по Ваганьковскому переулку²¹¹³. На следующий день Н.И. Гучков представил данное ходатайство Дубасову²¹¹⁴. В итоге никаких сложностей со стороны генерал-губернатора не последовало, и испрашиваемое удостоверение было выдано²¹¹⁵. Та же судьба ожидала ходатайства гласных С.А. Левицкого и Н.М. Кишкина²¹¹⁶, справку об организации коими летучих отрядов с адресами Н.И. Гучков представлял Дубасову еще 14 декабря²¹¹⁷.

16 декабря глава Думы обратился к «главному начальнику» Москвы с просьбой отдать приказ чинам полиции, дабы они не препятствовали

²¹¹⁰ЦГА Москвы. Ф. 179. Оп. 22. Д. 289. Л. 109 об.

²¹¹¹Там же. Ф. 16. Оп. 139. Д. 174. Т. 2. Л. 1-2.

²¹¹²Там же. Ф. 179. Оп. 3. Д. 2333. Л. 61.

²¹¹³Там же. Л. 63.

²¹¹⁴Там же. Л. 65.

²¹¹⁵Там же. Л. 66.

²¹¹⁶Там же. Л. 67, 68, 69, 72. 73.

²¹¹⁷Там же. Ф. 16. Оп. 139. Д. 174. Т. 2. Л. 1.

деятельности советов участковых попечительств о бедных²¹¹⁸.

Важной сферой деятельности головы стало смягчение репрессий власти. По его словам, он постоянно докладывал руководителям администрации Первопрестольной об «установленных злоупотреблениях» при подавлении «мятежа»²¹¹⁹. Одной из самых одной из самых ярких мер в этой области, предпринятых Н.И. Гучковым, было убеждение Дубасова в необходимости обеспечить эвакуацию с Пресни женщин и детей. В итоге, как уже говорилось, генерал-губернатор отправил командиру Семеновского полка полковнику Г.А. Мину предписание, в котором требовал не чинить препятствий миссии Гучкова и московского губернского предводителя П.Н. Трубецкого²¹²⁰. При этом им пришлось приложить немало усилий, чтобы предотвратить новый артиллерийский обстрел района, намечавшийся на 18 декабря (По воспоминаниям Гучкова, зафиксированным в дневнике Н.П. Вишнякова, ему и Трубецкому пришлось столкнуться с ярким сопротивлением Дубасова, который на первых порах был категорически против каких-либо отсрочек, аргументируя это малочисленностью войск в его распоряжении и заявляя, чтобы пресненцы пеняли на себя²¹²¹).

Пытался голова в заключительный период восстания и после него облегчить положение многочисленных арестованных. Прежде всего его внимание обращали на себя судьбы взятых под стражу коллег по городскому самоуправлению. Хорошо известно, что он ходатайствовал об освобождении

²¹¹⁸ Там же. Л. 102.

²¹¹⁹ Стенографические отчеты...С. 1006. Данный материал частично опубликован нами в статье: Алмазов М.Г. Московская администрация и Дума...С. 44-62.

²¹²⁰ Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве...С. 67. Мнение Ю.С. Воробьевой, что данное событие относится к вечеру 16 декабря, на наш взгляд, ошибочно: Гучков точно свидетельствует, что вначале он пытался решить вопрос с отсрочкой бомбардировки через полковника Мина, который находился у Горбатого моста, однако в ночь на 17 число командир Семеновского полка пребывал на совещании у генерал-губернатора; кроме того, в отличие от исследователя, сам голова итоги своей миссии оценивает позитивно: бомбардировку действительно удалось отложить, что как раз более соответствует реалиям 18 декабря. Представление Ю.С. Воробьевой о том, что вывод женщин и детей с Пресни также был предрешен в ночь с 16 на 17 число, опровергается свидетельством Е.Л. Камаровской, основанном на рассказе князя Трубецкого ее родственнице: упомянутый «пропуск» он и Н.И. Гучков получили на аудиенции у генерал-губернатора в 9 часов утра 17 декабря, то есть уже после начала первого артиллерийского обстрела Пресни (ЦГА Москвы. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 19. Л. 2-2 об; Воробьева Ю.С. Н.И. Гучков — московский городской голова...С. 44-45; Записки графини Е.Л. Камаровской...С. 87).

²¹²¹ ЦГА Москвы. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 19. Л. 2-2 об.; См. также: Воробьева Ю.С. Н.И. Гучков — московский городской голова...С. 44-45.

одного из самых радикальных гласных Думы – С.А. Левицкого²¹²², предпринял усилия для облегчения тюремного режима последнего: ему удалось добиться у Медема предоставления арестованному гласному права свиданий с женой²¹²³.

28 декабря голова запросил градоначальника о причинах ареста ряда городских служащих, бывших активистами забастовки и восстания – сотрудника управы П.В. Аверьянова, ветеринарных врачей городских боен Ф.А. Данилова, П.Н. Андреева, Н.Е. Попова, работников трамвая П.М. Щепетильникова, Е.Г. Эзопова, К.П. Малашонкова и М.В. Овсянникова – и «позволил себе» ходатайствовать «буде представится возможность» об их освобождении (это при том, что Щепетильников был активистом боевой дружины Миусского трамвайного парка)²¹²⁴. 16 января 1906 г. глава Думы вообще обратился к новому градоначальнику А.А. Рейнботу с извещением о готовности членов Управы Д.Д. Дувакина, В.Н. Григорьева, В.Ф. Малинина, М.И. Приклонского и городского секретаря Н.И. Астрова взять на поруки «партию» заключенных под стражу служащих Центрального городского управления – соответственно А.И. Быстрова, Н.М. Бычкова, В.Д. Воинова, А.Г. Михайловского и В.И. Массальского (причем Михайловский проходил в полицейских документах как товарищ председателя Исполнительного Комитета Рабочего правления, а Бычков, Быстров, Массальский и Воинов – как члены его бюро²¹²⁵). Арестованные лица зачастую исполняли функции, весьма важные для работы городского хозяйства, поэтому Гучков, несмотря на их отстранение от должностей, пробивал у градоначальника разрешения на свидания: Аверьянова – с членом управы В.Н. Григорьевым (с коим отставной генерал-майор должен был видаться «для получения сведений о работе, производившейся им по пересмотру цифр»), А.Н. Быстрова и Н.М. Бычкова – соответственно с членами Управы В.Н. Григорьевым и Д.Д. Дувакиным («для получения сведений о работах, производящихся ими в Городской Управе»)²¹²⁶.

²¹²²ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 871. Л. 17; Воробьева Ю.С. Н.И. Гучков — московский городской голова... С. 47.

²¹²³ЦГА Москвы. Ф. 179. Оп. 3. Д. 2333. Л. 145.

²¹²⁴Там же. Л. 214; Первая революция в России... С. 369.

²¹²⁵ЦГА Москвы. Ф. 179. Оп. 3. Д. 2333. Л. 302-302 об.; Ф. 16. Оп. 95. Д. 484. Л. 23 об.

²¹²⁶Там же. Л. 233, 350.

Попытался голова облегчить участь и одного из своих самых последовательных врагов – лидера Рабочего правления С.С. Красникова. 5 января 1906 г. он попросил Медема перевести «слабогрудого и предрасположенного к легочным заболеваниям» «крамольника» «в более сухое помещение» из сырого места заключения при Якиманской части²¹²⁷. Примечательно, что в собственной думской среде Н.И. Гучков старался выглядеть большим «ястребом». По свидетельству Н.П. Вишнякова, когда в конце января 1906 г. член Управы Д.Д. Дувакин (по инициативе своего коллеги В.Н. Григорьева) сделал попытку уговорить голову вступить за арестованных служащих, то получил следующий чеканный ответ: «Отнюдь не вступлюсь! Какое я имею право вступаться за людей, которые грозили мне казнью? ...Я могу только вступиться, когда Судебная власть выяснит их сравнительно мелкую виновность в беспорядках». И далее Н.И. Гучков окончательно дал волю чувствам: «Если бы, например, повесили Красникова, я бы против этого ничего не имел²¹²⁸». Как мы видели, голова тем не менее беспокоился за здоровье «висельника».

Обращал Н.И. Гучков внимание администрации и на тяжелое положение многочисленных арестантов в целом. 16 января 1906 г. он известил Рейнбота, что при арестных домах заключенные не пользуются баней и попросил о даровании им такой возможности²¹²⁹. Принял голова надлежащие меры и со своей стороны: по его инициативе городской Управой были сделаны распоряжения о доставке в «арестные помещения» умывальников и «прочей посуды в надлежащем количестве», а также кроватей, сенников и одеял²¹³⁰.

Таким образом, глава Думы во время своих контактов с властью старался сделать как можно больше для реального облегчения положения многочисленных арестантов, случайно или в результате собственных действий попавших под маховик административной «чистки» (даже, как это было в

²¹²⁷Там же. Л. 238.

²¹²⁸Там же. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 18. Л. 122 об.

²¹²⁹Там же. Ф. 179. Оп. 3. Д. 2333. Л. 301.

²¹³⁰Там же. Л. 310 об.

случае с Красниковым, «наступая на горло собственной песне»).

Нередко (особенно в заключительный период восстания и после него) Н.И. Гучков играл роль посредника между населением и администрацией, передавая главам последней прошения и жалобы ряда москвичей.

Случалось, что городской голова обращался к генерал-губернатору, испрашивая войсковой охраны для имущества предпринимателей. Так, 18 декабря Н.И. Гучков отправил прошение Дубасову об отдаче распоряжения Мину о командировании какой-нибудь части из вверенного ему Пресненского отряда для защиты фабрики братьев Мамонтовых от грабежа²¹³¹. Одновременно с подобной просьбой он обратился к самому командиру Семеновского полка²¹³².

Особенно часто городскому голове приходилось знакомить генерал-губернатора с заявлениями лиц, пострадавших от произвола солдат и полицейских при подавлении вооруженного восстания. Так, 19 декабря он представил Дубасову докладную записку, в которой повествовал об упоминавшемся столкновении с патрулем прапорщика Н. Гейнике, едва не закончившимся гибелью последнего по причине «решительного» приказа «начальника местного гарнизона». В виду этого городской голова просил генерал-губернатора об «однообразном» применении обязательных постановлений во всем городе или об извещении жителей «в случае исключений» «для определенных местностей²¹³³». Подобные примеры можно продолжать.

Передавались генерал-губернатору головой и просьбы более масштабного характера. Так, 20 декабря к Н.И. Гучкову обратилась группа представителей московских частных театров (директор театра Корша Ф.А. Корш, директор оперы Зимина С. Зимин, директор театра Солодовникова М. Кожевников, директор театра Эрмитаж Сабуров, директор Нового театра Ш. Омон, директор цирка Р. Труцци). Они «находили», что для стабилизации

²¹³¹РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 2704. Л. 1.

²¹³²Там же. Д. 2703. Л. 1.

²¹³³ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 90. Т. 1. Л. 81.

обстановки в Первопрестольной следует немедленно отменить режим чрезвычайной охраны, и в особенности обеспечить достойную встречу праздников, важным компонентом чего, по их мнению, были «театральные развлечения»²¹³⁴.» В итоге 22 декабря Н.И. Гучков подал генерал-губернатору докладную записку с приложением заявления театральных деятелей, и ходатайствовал об избавлении «многих тружеников сцены от нищеты»²¹³⁵.

Выступал городской голова и в роли своеобразного эксперта, дававшего оценки предложениям частных лиц, поступавших к генерал-губернатору. 19 декабря 1905 г., по приказанию Дубасова, управляющий канцелярией Воронин уведомил Н.И. Гучкова об инициативе московского домовладельца И.И. Бровкина предоставить оставшимся без крова в результате восстания жителям Москвы квартиры в ряде своих домов на срок до 1 февраля 1906 г. и просил проверить, пригодны ли данные здания для размещения людей. 31 декабря голова ответил, что заявленные квартиры «не могут быть использованы» для этой цели, так как Бровкин намерен был сдавать их без отопления и «в виду краткости срока»²¹³⁶.

Предпринимал глава самоуправления и действия по нормализации обстановки в столице непосредственно после восстания. 21 декабря Гучков обратился к Медему с просьбой разрешить беспрепятственное движение по городу «в любое время дня и ночи» для служащих водопровода (10 января 1906 г. он послал в градоначальство аналогичную просьбу относительно служащих городского трамвая)²¹³⁷. Вскоре голова запросил градоначальника о включении в сеть телефонов лиц и учреждений (Алексеевская водокачка, контора водопровода, водопроводные участки, заведующий службой водопровода и его помощник), ответственных за систему снабжения Первопрестольной водой²¹³⁸.

Сразу же после окончания восстания городской голова сделал попытку

²¹³⁴ ЦГА Москвы. Оп. 139. Д. 174. Т. 3. Л. 7-7 об.

²¹³⁵ Там же. Л. 6.

²¹³⁶ Там же. Оп. 139. Д. 174. Т. 7. Ч. 2. Л. 15, 19.

²¹³⁷ Там же. Ф. 179. Оп. 3. Д. 2333. Л. 159-159 об., 337.

²¹³⁸ Там же. Л. 166.

«разгрузить» Москву от желающих выехать безработных. 22 декабря Гучков «покорнейше просил» Медема выдать удостоверения «на право безнаказанного (имеется в виду бесплатного – М.А.) проезда до означенной станции» лицам, желающим покинуть город²¹³⁹. На следующий день голова повторил ходатайство, причем наряду с общей просьбой имелось конкретное пожелание помочь уехать в Казань некоему Л.Я. Кравцу с семьей²¹⁴⁰.

В свете приведенных фактов оценки Н.И. Гучкова, данные Н.И. Астровым («ревностный исполнитель предначертаний» генерал-губернатора) и Н.П. Вишняковым («... в этом турнире пустословия играет одну из главных ролей и не проявляет истинной председательской способности»²¹⁴¹), представляются не вполне справедливыми.

Однако не следует при этом впадать в иную крайность и превращать Гучкова в беспристрастного борца за права населения. При всем стремлении к компромиссу и сглаживанию «острых углов» городской голова был убежденным противником восстания и никогда не забывал об этом. Поручик А.А. Квашнин-Самарин записал со слов командира 1 батальона Семеновского полка полковника И.С. Эттера, что явившийся на Пресню для организации вывода мирного населения Н.И. Гучков (вместе со своим братом Александром, князем П.Н. Трубецким, Н.Н. Щепкиным и В.В. Пржевальским) весьма недвусмысленно заявил о помощи только «женщинам и детям, очутившимся без крова», а местным мужчинам, коих поголовно записывал в «бунтовщики», не выказывал ни малейшего сочувствия. Поэтому он «показался страшным консерватором» Эттеру²¹⁴². Когда от рабочих Прохоровской мануфактуры явились парламентары с просьбой прекратить обстрел фабрики и полковник решил отправить их вместе с Н.И. Гучковым к Мину, он заявил голове, что командир семеновцев вряд ли согласится на подобные условия, а потребует «выдачи главных агитаторов и всего оружия», с чем он солидаризировался.

²¹³⁹Там же. Л. 173.

²¹⁴⁰Там же. Л. 177.

²¹⁴¹Там же. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 18. Л. 85 об.

²¹⁴²Из истории Московского вооруженного восстания...С. 141.

Ответ Н.И. Гучкова не оставляет сомнений в его позиции: «Я бы тоже²¹⁴³.» И это вовсе не единичный эпизод. По воспоминаниям Гучкова, под конец восстания к нему явились представители железнодорожников с просьбой разрешить им воспользоваться телеграфом для отправки «по всем линиям» «приказа разбастовать». Голова поехал к Дубасову, который после донесения запросил мнение самого Гучкова. Брат лидера октябристов достаточно определенно заявил, что «нам никаким образом нельзя подчеркивать авторитет забастовочного комитета» и что сами рабочие сдадутся на следующий день «без всяких условий²¹⁴⁴.» Эта история в общем плане находит подтверждение в дневнике Дубасова и докладе Дурново Николаю II от 18 декабря²¹⁴⁵. Не особенно «мирволил» глава самоуправления и забастовщикам из числа служащих городского хозяйства. Н.И. Гучков полностью одобрял чистку самоуправления, затеянную Дурново и Дубасовым, неудачно попытавшись вступить лишь за судьбу троих служащих – И. Т. Тимофеева, А. К. Кузнецова и Г.М. Веницкого²¹⁴⁶. Таким образом, городской голова вовсе не был противником применения жестких мер и требований к явным (и даже потенциальным) повстанцам, и в некоторых случаях его позиция совпадала с воззрениями его решительного брата.

В дни восстания и другие гласные проявили себя за стенами Думы. По словам А.И. Гучкова, на «случайных переговорах» с «главным начальником» Москвы (возможно, речь идет о совещании у генерал-губернатора поздним вечером 9 декабря) он выступал за увеличение числа городских и ночных сторожей в столице (что, как мы знаем, составляло предмет особой заботы Дубасова)²¹⁴⁷. 13 декабря А.И. Гучков участвовал в переговорах с руководством санитарных отрядов Медицинского союза о переходе их под эгиду городского самоуправления²¹⁴⁸. Как уже отмечалось выше, вместе со своим братом он

²¹⁴³Там же. С. 142.

²¹⁴⁴ЦГА Москвы. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 19. Л. 5.

²¹⁴⁵Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве... С. 60; РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 10. Л. 64 об.

²¹⁴⁶ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 484. Л. 29, 30, 44.

²¹⁴⁷Стенографические отчеты... С. 1009.

²¹⁴⁸Там же. С. 1014.

прибыл на Пресню для согласования с военными вывода мирных жителей²¹⁴⁹. Создал он и добровольную охрану для самообороны банков на Ильинке²¹⁵⁰. О действиях Шмакова и ремесленного старшины И.А. Александрова мы уже говорили выше.

Не бездействовали и «левые» гласные. С.А. Левицкий и Н.М. Кишкин приняли деятельное участие в организации летучих отрядов и санитарных пунктов²¹⁵¹. В.В. Пржевальский и Н.Н. Щепкин отправились на Пресню вместе с братьями Гучковыми и князем Трубецким²¹⁵².

Теперь следует сказать несколько слов о шагах власти, предпринятых на пути к установлению диалога с городским самоуправлением. В целом Дубасов под влиянием изначальных инструкций Витте и под воздействием Думы (в особенности ее главы) пошел на некоторое смягчение принимаемых им мер. 13 декабря, как уже упоминалось выше, генерал-губернатор предписал войскам не отвечать огнем на одиночные выстрелы, 14 декабря согласился прекратить артобстрел «обывательских домов» и изменить в целом тактику войск (что и предпринял на военно-полицейских совещаниях). Был в эти дни решен и вопрос о создании совещательного совета, о чем речь пойдет ниже²¹⁵³.

Каковы были практические итоги этих переговоров? Несмотря на обещания Дубасова, изменение тактики войск и даже в определенной степени системы руководства ими, обстрелы домов и расправы с мирными жителями, как было показано, не прекратились (хотя и не всецело по вине вице-адмирала). Однако Совет, в который входили гласные Думы, действительно стал постоянно действующим органом при главе Первопрестольной.

Пошла администрация навстречу городскому голове и в деле обеспечения безопасности отрядов, организованных бюро Медицинского союза и взятых под «патронат» общественного управления, правда, с

²¹⁴⁹Из истории Московского вооруженного восстания... С. 141.

²¹⁵⁰Там же. С. 1018.

²¹⁵¹Там же. Ф. 16. Оп. 139. Д. 174. Т. 2. Л.9-10.

²¹⁵²Из истории Московского вооруженного восстания...С. 141-142. См. также *Алмазов М.Г.* Московская администрация и дума... С. 44-62.

²¹⁵³ЦГА Москвы. Ф. 179. Оп. 22. Д. 289. Л. 109 об.

некоторым опозданием. Только 21 декабря Джунковский от имени Дубасова отправил Медему отношение, в котором «предлагал .. сделать распоряжение» об оказании полицейскими «всяческого содействия» лицам, обладающим удостоверением от городской Управы, а также извещал об организации перевязочных пунктов с летучими отрядами Остроумовым, Кишкиным и Левицким²¹⁵⁴. Тогда же была разослана участковым приставам циркулярная телеграмма градоначальника о содействии как таким летучим отрядам в целом, так и указанным «подразделениям» в отдельности²¹⁵⁵. Как видим, занятые подавлением «мятежа» руководители Первопрестольной не особенно быстро реагировали на «второстепенные», с точки зрения стратегии, вопросы. Это, в свою очередь, сказывалось на деятельности подразделений Медицинского союза: 14 декабря, когда городской голова вел переговоры об их легализации, сотрудники перевязочного пункта, относившегося к организации медиков, во главе с врачом А.Л. Абрамовым были арестованы полицией 2 участка Мясницкой части²¹⁵⁶.

Дубасов в конечном итоге дал Н.И. Гучкову убедить себя в необходимости отложить бомбардировку Пресни 18 декабря (впрочем, вполне возможно, что на итоговое решение вице-адмирала повлияла просьба об отмене обстрела в обмен на разборку баррикад депутации рабочих Прохоровской мануфактуры, отправленной к нему Мином, к которому она была доставлена самими Гучковым и Трубецким²¹⁵⁷.) С помощью выданного им разрешения главе самоуправления и князю Трубецкому удалось организовать оперативное выселение многих пресненских женщин и детей 17 и в ночь с 17 на 18 декабря. При этом Гучков добился у городской Управы их размещения в ряде училищ и снабжения необходимой провизией (судя по справке о предоставлении временного убежища пресненским «беженцам», уже с 18 декабря для них «постоянно» готовились «обеда из двух блюд» и

²¹⁵⁴ Там же. Ф. 16. Оп. 139. Д. 174. Т. 2. Л. 10.

²¹⁵⁵ Там же. Ф. 475. Оп. 19. Д. 114. Л. 246.

²¹⁵⁶ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 870. Л. 228.

²¹⁵⁷ ЦГА Москвы. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 19. Л. 2 об.; Воробьева Ю.С. Н.И. Гучков – московский городской голова...С. 44-45; Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве... С.60-61; Высший подъем...С. 732.

«постоянно» имелся «горячий чай»). Кроме того, городской голова сумел добиться выделения в распоряжение Управы для этой же цели ряда иных помещений: «флигеля из 5 комнат» в доме графа Бутенева на Поварской, в доме 1-го Пятницкого дамского попечительства о бедных, в богадельне Мясницкого отделения подобного дамского попечительства, в доме Иваненко при пересечении Спиридоновки и Георгиевского переулка, в доме Шаблыкиной при пересечении Арбата и Денежного переулка, в доме Протопопова у Малого Каменного моста²¹⁵⁸. Генерал-губернатор и городской голова находили общий язык и при обсуждении и реализации карательных мероприятий²¹⁵⁹.

Многие инициативы Н.И. Гучкова по возвращению Москвы к мирной жизни также получили поддержку руководителей города. Градоначальник Медем поддержал ходатайство городского головы о помощи желающим отправиться домой и выдавал искомые удостоверения на проезд²¹⁶⁰. Администрация дала согласие на обеспечение арестантов баней и прогулками, на новые ассигнования Думы для улучшения их питания²¹⁶¹. Более того, в этой сфере сама московская власть выступила с инициативой (возможно, под влиянием того же Н.И. Гучкова): 12 января Медем по предложению Дубасова обратился к голове о предоставлении в его распоряжение помещения для перевода туда 400 арестантов, дабы разгрузить переполненные места заключения²¹⁶². И в конце января городская управа действительно постановила передать полиции здание для содержания 200 заключенных²¹⁶³.

Однако по некоторым вопросам ни Гучков, ни Дума в целом не добились понимания администрации. Так, 13 декабря городской голова докладывал на заседании Думы, что он просил администрацию о восстановлении действия

²¹⁵⁸Записки графини Е.Л. Камаровской...С. 88; Воробьева Ю.С. Н.И. Гучков — московский городской голова... С. 45; ЦГА Москвы. Ф. 179. Оп. 3. Д. 2333. Л. 299.

²¹⁵⁹ЦГА Москвы. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 18. Л. 122 об.; Д. 19. Л. 3.

²¹⁶⁰Там же. Ф. 179. Оп. 3. Д. 2333. Л. 177, 178.

²¹⁶¹Там же. Л. 310 об.

²¹⁶²Там же. Л. 261.

²¹⁶³Там же. Л. 310 об.

телефонов²¹⁶⁴. Того же числа группа гласных (А.П. Бруханский, П.А. Столповский, П.Д. Балакин, М.Я. Герценштейн и др.) обратилась к городскому голове с просьбой ходатайствовать перед московским градоначальником, чтобы им разрешили пользоваться телефонами²¹⁶⁵. Но в списки абонентов, подключенных к телефонной сети, они так и не попали, хотя 13 декабря в них была включена фамилия А.С. Шмакова²¹⁶⁶. Естественно, и вышеупомянутая просьба городского головы не получила поддержки власти (как мы помним, частные телефоны оставались выключенными до 23 декабря).²¹⁶⁷

Уже упоминалось о запрете Дубасовым действий санитарных отрядов, не имеющим удостоверения городского самоуправления²¹⁶⁸.

Неоднозначной была и реакция генерал-губернатора и на заявления мирных жителей, передаваемых ему городским головой вместе с собственными докладными записками. Некоторые из них вызывали ответные меры с его стороны. Так, в результате предоставления докладной записки о происшествии с Н. Гейнике, были предприняты следующие шаги: от имени генерал-губернатора Джунковский отправил копию с заявления Гучкова начальнику штаба МВО Раушу фон Траубенбергу «для распоряжения²¹⁶⁹.» Но никаких дальнейших следов развития этого дела ни в канцелярии генерал-губернатора, ни среди документов штаба Московского военного округа нам найти не удалось, за исключением лишь факта получения бумаги²¹⁷⁰. В случае же с заявлением театральных деятелей Дубасов вообще пошел на существенную корректировку своей политики: наложил резолюцию «разрешить» и выпустил 22 декабря обязательное постановление, разрешавшее «театральные зрелища» и прочие действия при условии, что они закончатся не позднее 11 часов вечера (Хотя следует отметить, что принципиальное решение по этому вопросу было принято «главным

²¹⁶⁴Стенографические отчеты...С. 1011.

²¹⁶⁵ЦГА Москвы. Ф. 179. Оп. 3. Д. 2333. Л. 4.

²¹⁶⁶Там же. Ф. 16. Оп. 139. Д. 174. Т. 1. Л. 18, 19.

²¹⁶⁷Там же.

²¹⁶⁸Там же. Д. 174. Т. 2. Л. 7.

²¹⁶⁹Там же. Оп. 237. Д. 90. Т. 1. Л. 82.

²¹⁷⁰РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 576. Л. 230.

начальником» Москвы и губернии еще 19 декабря по заявлению градоначальника).²¹⁷¹

Но не все инициативы Н.И. Гучкова заканчивались столь успешно. Так, на его докладную записку, повествующую о бесполезном и жестоком обстреле городскими домами в Оружейном переулке, была наложена резолюция «к сведению», не предполагавшая каких-либо дальнейших действий власти²¹⁷². На записке, препровождающей ряд новых заявлений (в том числе В.Н. Данишевского, рассказывавшего о расстреле дома Романова и обвинявшего в этом власть²¹⁷³) в канцелярии вообще поставили помету: «о. б. п. (оставить без последствий)²¹⁷⁴.» Как видим, администрация далеко не всегда считала нужным разбираться в сути эксцессов, произошедших при подавлении восстания.

Надо сказать, что даже в тех случаях, когда по заявлениям, переданным Н.И. Гучковым, генерал-губернатор назначал проведение дознания, результат был далеко не всегда в пользу обывателей. Так, 23 декабря почетный гражданин М.М. Беркган подал заявление, препровожденное городским головой генерал-губернатору, о том, что 13 декабря вечером он был ограблен в Александровском саду пьяными казаками²¹⁷⁵. 7 января чиновнику особых поручений действительному статскому советнику Княжевичу было поручено произвести расследование по этому делу²¹⁷⁶. Обратив внимание на противоречия и неточности в рассказе Беркгана («стемнело и не было возможности различать лиц...А потому Беркган не настаивает, что его обыскивали именно казаки» и т.д.) и на показания генерал-майора Дебеша и полковника Зурова, «следователь» в своем рапорте от 1 февраля 1906 г. пришел к выводу о недостоверности рассказа²¹⁷⁷. По итогам расследования в

²¹⁷¹ Там же. Оп. 139. Д. 174. Т. 3. Л. 4, 6.

²¹⁷² Там же. Оп. 237. Д. 90. Т. 1. Л. 91.

²¹⁷³ Там же. Л. 131-132.

²¹⁷⁴ Там же. Л. 128.

²¹⁷⁵ Там же. Л. 245.

²¹⁷⁶ Там же. Л. 246.

²¹⁷⁷ Там же. Л. 250.

канцелярии Дубасова было решено оставить дело без последствий²¹⁷⁸.

Сложно складывалась и судьба ходатайств Н.И. Гучкова об освобождении или смягчении участи конкретных арестантов. Прошение о вызволении Левицкого было успешным (правда, решающую роль, по всей видимости, сыграла просьба морского министра А.А. Бирилева)²¹⁷⁹. Но стремление головы изменить к лучшему судьбу ряда арестованных городских служащих потерпело фиаско. На его ходатайство об освобождении сотрудников городских учреждений от 28 декабря градоначальник Медем откликнулся 2 января 1906 г. отношением, в котором заявлял об аресте указанных лиц «в порядке Положения об охране» и о невозможности «разглашения» причины их взятия под стражу²¹⁸⁰. Более того, слухи о подобных просьбах Гучкова проникли в печать, что обратило на себя внимание управляющего МВД. В результате 5 января П.Н. Дурново отправил Дубасову телеграмму, в коей признавал «снисхождение» к этим «руководителям московских революционных попыток» «совершенно недопустимым²¹⁸¹.» В итоге ни облегчения участи С.С. Красникова, ни отпуска ряда служащих на поруки так и не произошло (переписка о последних была передана прокурору окружного суда, что означало возбуждение уголовного дела, хотя градоначальник Рейнбот и сделал «надлежащее сношение» об их освобождении)²¹⁸². Только 19 января 1906 г., «не добыв особых данных, свидетельствующих о их преступной деятельности», он уведомил Департамент полиции о принятии им решения об освобождении П.Н. Андреева, Ф.А. Данилова, Е.Г. Эзопова, М.В. Овсянникова и К.П. Малашонкова²¹⁸³. Таким образом, в деле облегчения участи арестованных возможности Н.И. Гучкова были весьма ограничены.

Не всегда удавалось голове добиться и содействия администрации в деле

²¹⁷⁸Там же. Л. 262.

²¹⁷⁹ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 871. Л. 80, 86.

²¹⁸⁰ЦГА Москвы. Ф. 179. Оп. 3. Д. 2333. Л. 229.

²¹⁸¹Там же. Ф. 16. Оп. 95. Д. 484. Л. 21.

²¹⁸²Там же. Ф. 179. Оп. 3. Д. 2333. Л. 347.

²¹⁸³ГА РФ. Ф. 102. ДП. Оп. 203. Д. 8. Ч. 34. Л. 85.

восстановления работы городского хозяйства. Нет никаких данных, что глава городской полиции пошел на удовлетворении просьбы Н.И. Гучкова о фактической отмене комендантского часа для служащих водопровода и трамвая. Очевидно, что малочисленность сил правопорядка и страх власти перед возможным нарушением с таким трудом достигнутой стабильности обусловили подобный итог ходатайств головы.

Таким образом, взаимодействие между Думой и администрацией в период восстания и ликвидации его последствий было весьма противоречивым. Вопреки мнению советских историков, позицию большинства «отцов города» трудно охарактеризовать как полную и безоговорочную поддержку власти (несмотря на неприятие вооруженной «смуты» и желание ее подавления). Значительная часть гласных во главе с Н.И. Гучковым стремилась дистанцироваться как от чересчур рьяной поддержки действий генерал-губернатора, так и от чрезмерно жесткой их критики, занимая своеобразную «центристскую позицию». Подобная точка зрения получила выражение как в малой активности на заседаниях, так и в стремлении к диалогу с властью, к принятию последней компромиссных мер, в чем особую роль сыграл Н.И. Гучков, выступавший с многочисленными инициативами и в ряде случаев (например, с прошением «стачечного комитета») фактически игравший роль советника Дубасова. В ряде сфер (организация медицинского обслуживания населения, эвакуация мирных жителей с Пресни, обеспечение работы участковых попечительств о бедных, облегчение положения заключенных, помощь неимущим лицам, желающим покинуть Москву) голове и поддерживавшей его «центристской партии» удалось добиться успеха.

Но как мы видели, далеко не все из этих начинаний оканчивались удачно: администрация оказалась бессильна прекратить обстрелы жилых домов, не всегда генерал-губернатор и его канцелярия давали ход многочисленным жалобам местных жителей, передаваемых через Н.И. Гучкова. С организацией помощи летучими отрядами РОКК самоуправление,

как мы видели, явно запоздало. В самой же Думе в условиях пассивности или отсутствия большинства гласных ведущую роль играли «крайние крылья» думцев (правое и левое), бесплодными дискуссиями затягивавшие обсуждение самых насущных вопросов. Да и после окончания уличных боев Гучкову удалось воплотить в жизнь далеко не все из своих идей. Жесткая позиция центральной и местной власти империи привела к тому, что администрация так и не пошла на предоставление испрашиваемых Н.И. Гучковым послаблений для арестованных городских служащих. В целом можно констатировать, что такие факторы как раскол в рядах русской общественности (что напрямую сказалось на ходе дискуссий в Думе), сама экстремальная обстановка восстания с уличными сражениями, утратой связи между районами, состояние властного аппарата (его слабость и малочисленность, загруженность его руководителей делами в ходе восстания), а также жесткая линия местной и центральной администрации на реализацию заявленных репрессивных мер, привели к тому, что Московская городская Дума не сыграла существенной и определенной роли в событиях декабря 1905 г. (а не в силу лишь собственной пассивности, как это фактически следует из работы А.С. Вальдина)²¹⁸⁴. Более того, эти обстоятельства осложнили ее деятельность и по нормализации городской жизни после восстания.

Городское самоуправление было важным, но отнюдь не единственным каналом взаимодействия администрации с общественностью. Другими такими способами «общения» власти и верхушки москвичей были Совет, созданный по инициативе генерал-губернатора и «отцов города», а также письменные обращения думцев и простых домовладельцев к главному начальнику Первопрестольной.

Обратимся теперь к деятельности совещания, созданного при вице-адмирале.

²¹⁸⁴ Вальдин А.С. С. Указ. соч. С. 200-201.

Ряд историков (А.С. Вальдин, Ю.С. Воробьева, С.В. Тютюкин) приписывает инициативу создания этого Совета исключительно думским деятелям²¹⁸⁵. Единственным исключением в общем хоре является Е.Д. Черменский, который на основании думских материалов воссоздавал ход переговоров делегации городской Думы с Витте в ноябре 1905 г. и сообщал о принятии им прошения гласных о создании совещательного Совета при генерал-губернаторе. Писал он и о желании премьера дать последнему указания действовать в согласии с большинством этого учреждения. Однако дальнейший процесс создания данного органа историк не показывает, сообщая лишь об организации Совета «после назначения Дубасова²¹⁸⁶». Между тем, источники демонстрируют, что местная администрация во главе с вице-адмиралом прилагала не меньшие усилия к его открытию, нежели гласные.

Действительно, при встрече с депутацией думцев 16 ноября (а не 15, как считал Е.Д. Черменский²¹⁸⁷) Витте озвучил идею создания Совета из общественных деятелей при новом московском генерал-губернаторе²¹⁸⁸, но инициатива в постановка данного вопроса принадлежала самим гласным (впрочем, эта идея вполне соответствовала взглядам самого премьера, стремившегося опереться на «благонадежную» часть русского общества²¹⁸⁹).

Но как развивался процесс реализации этой идеи, воплотившейся в жизнь только 15 декабря, на излете восстания? В начале декабря Витте уверял Гучкова, представлявшегося ему в качестве нового городского головы, что действительно рекомендовал Дубасову организовать подобный Совет, к чему последний отнесся «с полным сочувствием²¹⁹⁰». И генерал-губернатор на деле был верен своему обещанию. Еще поздно вечером 9 декабря, как мы упоминали, у Дубасова состоялось совещание с участием представителей администрации и общественности (Н.И. Гучкова, гласных А.И. Гучкова и Н.М.

²¹⁸⁵Там же. С. 200; Воробьева Ю.С. Н.И. Гучков — московский городской голова...С.42-43; Первая революция в России...С. 373.

²¹⁸⁶Черменский Е.Д. Указ. соч. С. 209.

²¹⁸⁷Там же.

²¹⁸⁸ЦГА Москвы. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 18. Л. 58.

²¹⁸⁹Стенографические отчеты...С. 1007; Российская монархическая государственность...С. 144.

²¹⁹⁰Стенографические отчеты...С. 1007.

Перепелкина, членов Управы В.Ф. Малинина и М.И. Приклонского, председателя Московского биржевого комитета Г.А. Крестовникова, главы Союза Русских Людей князя А.Г. Щербатова). На этом форуме обсуждались «крайние меры» для борьбы с восстанием (возможно, применение артиллерии на Страстной площади на следующий день и увеличение численности полицейских и ночных сторожей по почину А.И. Гучкова), а также проект создания добровольных дружин в помощь властям, выдвинутый князем Щербатовым²¹⁹¹. Но Дубасов вынашивал более масштабные планы. Согласно мемуарам Джунковского, 10 декабря у генерал-губернатора состоялось упоминавшееся выше совещание с участием Медема, Джунковского, управляющего канцелярией Воронина и начальника штаба МВО Рауш фон Траубенберга. На нем обсуждался вопрос о созыве «совещания из представителей всех ведомств, общественных и сословных учреждений», которое должно было информировать население о принимаемых мерах (а недостаток информации о мерах власти превратился в весьма острую проблему для администрации). После этого собрания Джунковский, по поручению Дубасова, даже составил список членов данного органа²¹⁹².

Однако «острая фаза» восстания (особенно 10-11 декабря) помешала его созыву. Но генерал-губернатор не забывал о своих планах. И когда 12 декабря Н.И. Гучков, в свою очередь, выдвинул перед ним идею создания Совета с участием представителей Думы, Дубасов заявил о своей готовности сформировать его как можно скорее, поскольку «рассчитывает на помощь» этого органа. По словам вице-адмирала, претворить этот замысел в жизнь ему как раз мешала занятость «усмирением мятежа»²¹⁹³.» Вечером 13 числа генерал-губернатор окончательно подтвердил городскому голове свое намерение «созвать Совет в самом непродолжительном времени»²¹⁹⁴.» В итоге первое заседание этого органа состоялось в 5 часов вечера 15 декабря в генерал-

²¹⁹¹ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 233. Д. 49. Л. 1; Высший подъем... С. 698.

²¹⁹²Там же. С. 115.

²¹⁹³Стенографические отчеты... С. 1007.

²¹⁹⁴Там же. С. 1016.

губернаторском доме²¹⁹⁵.

Как часто происходили заседания «Гражданского Совета» (как именуется он в дневнике Дубасова)²¹⁹⁶? Джунковский вспоминал, что подобные совещания устраивались каждый день²¹⁹⁷. Это утверждение без всякой критики приняла Ю.С. Воробьева²¹⁹⁸. На основании материалов канцелярии генерал-губернатора и сведений из газеты «Русский Листок» можно сделать вывод, что состоялись заседания 15, 21 и 22 декабря, то есть подобные собрания устраивались не ежедневно и по конкретным поводам²¹⁹⁹. Свидетельство Джунковского может быть объяснено ошибкой памяти и совмещением в «Гражданского» и «Военного» Советов, заседания которого действительно устраивались практически ежедневно.

Кто входил в состав этих совещаний? Наиболее подробный ответ на этот вопрос дают списки их участников, отложившиеся в фонде канцелярии московского генерал-губернатора. Согласно им, на заседаниях «Гражданского Совета» в разное время присутствовали: Медем, Джунковский, Воронин, Рауш фон Траубенберг, Малахов, Н.И. Гучков, гласные думы – Н.М. Перепелкин и А.И. Геннерт, председатели губернской и уездной земских управ Ф.А. Головин и Н.Ф. Рихтер, губернский и уездный предводители дворянства П.Н. Трубецкой и П.А. Базилевский, представитель купеческого (С.А. Булочкин, Г.П. Немчинов), старшины мещанского (И.А. Александров) и ремесленного (Онуфриев) сословий, Г.А. Крестовников, управляющий отделением Государственного банка Н.Я. Малевинский, управляющий казенной палатой С.И. Урсати, управляющий учебным округом В.Д. Исаенков, ректор Московского Университета А.А. Мануйлов, викарий Московской епархии епископ Трифон Дмитровский, председатель судебной палаты Ф.Ф. Арнольд и прокурор В.Ф. Клуген, неперменные члены по земским и городским делам

²¹⁹⁵Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве... С. 56.

²¹⁹⁶Там же.

²¹⁹⁷Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 127.

²¹⁹⁸Воробьева Ю.С. Федор Дубасов в декабре 1905 года... С. 364.

²¹⁹⁹ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 261. Л. 458-462 об.; Русский Листок. 18 декабря 1905 г. № 332; 23 декабря 1905 г. № 338; 24 декабря 1905 г. № 339.

присутствия М.Н. Оловянников и В.В. Петров, .старший советник губернского правления С.С. Перфильев, председатель съезда мировых судей Москвы С.В. Печкин, представитель пресненского попечительства о бедных Н.Н. Львов, председатель попечительства С.В. Ганешин, депутаты по выбору от дворянства (А.Д. Самарин, Е.М. Пржевальский и князь В.А. Голицын), Н.К. фон Мекк (как представитель великой княгини Елизаветы Федоровны), видные общественные деятели — А.И. Гучков, М.И. Приклонский, Д.Н. Шипов, Н.А. Хомяков²²⁰⁰.

Таким образом, Дубасов и Джунковский (по-видимому, на деле формировавший состав Совета, скорее всего, при участии Воронина, поскольку в отличие от нового генерал-губернатора они были хорошо знакомы с московской жизнью) включили в состав совещаний при особе «главного начальника» Первопрестольной широкий круг представителей различных государственных, сословных, финансовых, образовательных учреждений, органов городского самоуправления, что отвечало плану вице-адмирала, высказанному 10 декабря. Примечательно, что генерал-губернатор и его помощник ввели в состав Совета и убежденных консерваторов (А.Д. Самарин, В.А. Голицын, Н.К. фон Мекк), и умеренных (А.И. Гучков, Д.Н. Шипов, Н.А. Хомяков, П.Н. Трубецкой), и даже радикальных либералов (Ф.А. Головин и А.А. Мануйлов, правда, приглашенных на совещания благодаря занимаемым должностям). Таким образом, созданный форум представлял собой площадку для диалога власти и широких слоев «благонамеренной» московской общественности, что вполне отвечало замыслу Витте. Состав совещаний вовсе не был статичным: Д.Н. Шипов был приглашен для участия в Совете только 21 декабря вследствие рекомендации, данной ему губернским предводителем дворянства князем П.Н. Трубецким в письме правителю канцелярии Дубасова Воронину. Трубецкой представлял Шипова как опытного организатора благотворительной деятельности еще со времен работы в Красном Кресте в годы русско-японской войны, теперь же занятого этим «в качестве

²²⁰⁰ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 261. Л. 458-462 об.

председ[ателя] Союза 17 окт[ября]²²⁰¹.» Таким образом, Дубасов и его «команда» готовы были при формировании Совета прислушиваться и к рекомендациям «общественников».

Какова была конкретная деятельность данного органа – повестка заседаний и принятые решения? В.Ф. Джунковский в мемуарах охарактеризовал функции «Гражданского Совета» так: «...докладывались все принятые меры, выслушивались мнения представителей общественных учреждений, а также и доклады губернатора и градоначальника, после чего давались соответствующие директивы²²⁰².» Это свидетельство в точности воспроизвела в своей статье «Федор Дубасов в декабре 1905 года» Ю.С. Воробьева при описании работы данных совещаний²²⁰³. Реконструировать ход заседаний помогут материалы газеты «Русский Листок» и делопроизводственные документы (сохранившийся в фонде канцелярии генерал-губернатора протокол заседания Совета от 22 декабря; стенографические отчеты о собраниях городской Думы; письмо Дубасова московскому губернскому предводителю дворянства князю П.Н. Трубецкому от 21 декабря).

Согласно корреспонденту газеты «Русский Листок», на первом заседании 15 декабря Дубасов предложил членам «высказать свои мнения и сделать посильные указания о мерах прекращения тяжелых событий». Затем приглашенными был «обрисован целый ряд крупных и мелких случаев, относящихся к этим событиям» – эксцессов при претворении в жизнь изданных генерал-губернатором обязательных постановлений. На это Дубасов «подтвердил», что он «принял «все меры» к распространению объявлений об своих распоряжениях. После вице-адмирал поведал собравшимся о прибытии в столицу ряда новых воинских частей, о произведенном расширении штата полиции и о предстоящем увеличении ее кадров, а также о проекте найма новых ночных сторожей. Поскольку гласных очень заинтересовал вопрос о

²²⁰¹ Там же. Л. 456.

²²⁰² Джунковский В. Ф. Указ. соч. С. 127.

²²⁰³ Воробьева Ю. С. Федор Дубасов в декабре 1905 г. ... С. 364; РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 10. Л. 374 об.

создании добровольных дружин в помощь полиции (во многом благодаря упомянутому казусу Шмакова) Н.И. Гучков сделал запрос об организации, появившейся по инициативе князя Щербатова. Дубасов на это ответил, что подобные формирования представляют собой регулярное дежурство домовладельцев и квартирантов на улицах своего участка с целью охраны имущества под строгим контролем «местной полицейской власти», сформированное по принципу добровольной охраны горожан на коронационных торжествах (в том числе без оружия). Относительно же прожекта Шмакова генерал-губернатор, как упоминалось, выразил полное незнание. Ввиду приведенных выше сведений о дружинах искренность данных заявлений вице-адмирала вызывает сомнения. Ясно, однако, что вице-адмирал готов был в случае надобности представить информацию под выгодным ему углом зрения.

Был сделан запрос и касательно баррикад, не разобранных «в некоторых улицах города». В ответ градоначальник Медем обязался принять «немедленные меры к уборке всех баррикад».

Как уже говорилось, московское население было очень обеспокоено и раздражено массовыми расстрелами мирных жителей (зачастую без предупреждения) и насилием над ними со стороны военных (споры об этом заняли немалое место и в работе Думы)²²⁰⁴. Дубасов поспешил уверить собравшихся членов Совета в том, что «подобные случаи надо считать несчастными», проистекающими из «нервного настроения нижних чинов», и что приказ о недопустимости подобной практики уже отдан. Генерал-губернатор также подтвердил информацию об оказании в будущем властью содействия санитарным отрядам, взятым под патронат городского самоуправления.

Наконец, Н.И. Гучков передал вице-адмиралу желание ряда рабочих Пресни добровольно сложить оружие. Дубасов отнесся к этому заявлению «очень сочувственно», оставив у представителей города впечатление, что их

²²⁰⁴Стенографические отчеты...С. 1005.

посредничество будет удачным²²⁰⁵.

На следующем совещании, состоявшемся 21 декабря, вице-адмирал также знакомил собравшихся с «событиями последних дней²²⁰⁶.» Из дневника В.Г. Глазова, непосредственно общавшегося с участником заседаний Совета – командующим войсками МВО Н.Н. Малаховым – следует, что главным образом речь шла об экспедиции полковника Г.А. Мина на Пресню²²⁰⁷.

Однако окончание восстания ставило перед администрацией новую задачу – возвращение города к мирной жизни, в том числе и решение судьбы обязательных постановлений. В итоге Дубасов объявил об уже упоминавшемся решении возобновить театральные представления при окончании их в 11 часов вечера. Однако гвоздем обсуждения стал вопрос о судьбе предписания о введении «комендантского часа» и непременных обысков прохожих в вечерние часы (которые на деле, как мы помним, проводились в любое время суток). Представители общественности на первых порах настаивали на отмене данных правил. Примечательно, что Дубасов был готов полностью пойти им навстречу. Однако в ходе дискуссии уже сами «общественники» изменили свое мнение, приняв во внимание опасность со стороны наводнивших Москву грабителей и хулиганов. В итоге участники совещания пришли к компромиссу: «к праздникам» было решено сократить «комендантский час» до времени с 12 часов ночи до 7 часов утра. Дубасов при этом обязался «принять строгие меры» против грабителей и озаботиться увеличением «кадра» ночных сторожей (который, как мы помним, практически не пополнялся)²²⁰⁸.

Вышеприведенными сведениями ограничивается сообщение «Русского Листка» о заседании Совета 21 декабря. Однако на нем обсуждался еще один существенный вопрос, о котором можно узнать из письма генерал-губернатора губернскому предводителю дворянства князю П.Н. Трубецкому. В нем Дубасов

²²⁰⁵Русский Листок. 18 декабря 1905 г. № 332.

²²⁰⁶Там же. 23 декабря. № 338.

²²⁰⁷РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 10. Л. 374 об.

²²⁰⁸Русский Листок. 23 декабря 1905 г. № 338.

извещал о получении от императора 100 000 рублей для оказания помощи пострадавшим мирным жителям, в связи с чем планировал созвать в тот же день, 21 декабря, совещание для выработки «условий учреждения» Комитета по организации выдачи этих средств и сбора новых пожертвований²²⁰⁹. Никаких других собраний, кроме заседания «Гражданского Совета», у генерал-губернатора в тот день, насколько нам известно, не проводилось, следовательно, этот вопрос обсуждался там.

О заседании 22 числа мы осведомлены лучше, поскольку в нашем распоряжении имеется его протокол (возможно, лишь фрагмент). Согласно ему, перед членами встал вопрос о судьбе многочисленных арестованных – их учете и разборе дел. Выбор метода решения породил довольно оживленное обсуждение. К сожалению, на основании сохранившегося протокола нельзя понять, кто выдвинул предложение о создании специальной комиссии для выяснения положения арестантов. Однако градоначальник Медем сразу же выступил против подобной затеи, очевидно, опасаясь излишнего вмешательства этой институции в дела полиции. Князь П.Н. Трубецкой и Д.Н. Шипов, по всей видимости, предлагали создать новый орган для решения поставленной задачи. В свою очередь, Н.И. Гучков обратил внимание на уже существующую «комиссию для изучения нужд арестованных кроме политических», фактически не функционирующую. В итоге генерал-губернатор предложил передать обсуждаемый вопрос именно ей. Его мнение и восторжествовало, хотя Джунковский и выражал опасение, что введение в действие данного органа вызовет нарекания (по всей видимости, со стороны тюремной администрации). В конечном итоге было решено собрать комиссию и образовать справочные бюро для выдачи сведений об арестованных при градоначальнике и губернаторе, а инициатору привлечения наблюдательной комиссии к делу – Н.И. Гучкова – представить о них необходимые сведения²²¹⁰.

Не менее острой социальной проблемой, поставленной на этом

²²⁰⁹ЦГА Москвы. Ф. 380. Оп. 4. Д. 477. Л. 15-15 об.

²²¹⁰ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 261. Л. 457.

заседании Совета, стало упоминавшееся наводнение Москвы хулиганами и люмпенами вследствие стачки и восстания, что ставило под угрозу сохранение порядка в столице. В результате генерал-губернатор предложил учредить надзор за военнослужащими, возвращавшимися с Дальнего Востока с оружием в руках и могущими либо стать объектом нападений деклассированных элементов, либо пополнить ряды грабителей. Также он счел нужным учредить специальную комиссию для «разгрузки» города от безработных. В состав ее вошли: председатель столичного съезда мировых судей С.И. Печкин (на чьей кандидатуре настоял П.Н. Трубецкой), начальник полицейского резерва полковник В.Н. Золотарев, помощник московского уездного исправника И.И. Ландышев, член городского присутствия по разбору и призрению нищих дворянин В.Н. Глебов и камергер М.М. Иваненко²²¹¹. Таким образом, была создана достаточна представительная комиссия, которой и надлежало выработать программу борьбы с люмпенами.

В номере «Русского Листка» от 24 декабря, в заметке о совещании у генерал-губернатора, имеется информация о том, что на заседании Совета также разбирался вопрос о распределении 100 тысяч рублей, пожалованных императором для раздачи пострадавшим москвичам. Согласно данному сообщению, объявив собравшимся о таковой монаршей воле, Дубасов «признал желательным» создать для распределения суммы комиссию «из представителей разных учреждений и общественных организаций». Автор заметки дает понять, что там же произошло и формирование данной комиссии, в состав коей вошли и гласные Думы – С.В. Ганешин и А.А. Бахрушин.²²¹² Однако обращение к журналу заседания новообразованного Комитета, созданного на предыдущем совещании как раз для общего контроля за раздачей царского пожалования, убеждает в том, что газетчики просто смешали повестку дня двух разных учреждений при генерал-губернаторе. Именно здесь В.Ф. Джунковский, исполнявший председательские функции (а

²²¹¹ Там же.

²²¹² Русский Листок. 24 декабря 1905 г. № 339.

не Дубасов), сообщил собравшимся о поступлении сумм от императора и других жертвователей и была сформирована специальная комиссия, которой надлежало вести непосредственной раздачей средств и организацией новых пожертвований²²¹³. Очевидно, путанице поспособствовал и практически идентичный состав «Гражданского Совета» и Комитета для помощи пострадавшим²²¹⁴.

Таким образом, совещания при генерал-губернаторе стали форумом, на котором глава Первопрестольной более подробно знакомился с обстановкой в городе, представители общественности получали информацию (пусть и не всегда исчерпывающую) о мерах, принятых администрацией, вырабатывались действия по нормализации ситуации в Москве в заключительный период восстания и сразу после него (принятие посредничества Думы между администрацией и желающим приступить к работе пролетариями, обсуждение и смягчение обязательного постановления о введении «комендантского часа», образование Комитета для раздачи сумм пострадавшему населению, привлечение к делу надзора за местами заключения специальной наблюдательной комиссии, создание справочных бюро для доставления сведений об арестантах родственникам, формирование «комиссии о хулиганах»). Как мы видели, Дубасов допускал разнообразные запросы и свободное обсуждение ряда проблем, причем ведущую роль в ходе дискуссий и принятии решений сыграли именно «общественники». Но какими правами и степенью ответственности в целом был наделен «Гражданский Совет»?

В.Ф. Джунковский вспоминал, что председатель губернской земской управы кадет Ф.А. Головин, «по-видимому, не особенно сочувственно» относящийся к Совету, уже на первом заседании 15 декабря запросил Дубасова, несут ли члены совещания какую-либо ответственность за принятые решения «по усмирению восставших» или же «их приглашают, чтобы они были в курсе дел». Беспокойство главы управы вполне объяснимо:

²²¹³ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 139. Д. 174. Т. 4. Л. 13, 16.

²²¹⁴Там же. Л. 8-8 об.

ответственность за непопулярные действия администрации при подавлении восстания (например, за расстрелы прохожих по усмотрению местных военных командиров) вполне могли обернуться дискредитацией представителей левой общественности в глазах будущих избирателей в Государственную Думу. Генерал-губернатор ответил, что он вызывает членов совещаний, чтобы узнать «мнение каждого» и выяснить, что «происходит в подведомственном члену совещания учреждении», дабы в случае нужды этого органа в помощи обсудить меры для наиболее успешного оказания ее. В заключение вице-адмирал добавил: «...вы можете быть покойны, никто от вас ответа не потребует, за все неудачи я беру ответственность всецело только на себя, успех же, конечно, я разделю со всеми членами совещания»²²¹⁵...» Из вышеприведенных слов Дубасова вытекает картина исключительного благоприятствования для участников заседаний: полная безответственность при неудаче предложенных мер и, напротив, почет при их успешном воплощении в жизнь (заметим, что ни о каких хлопотах генерал-губернатора о награждении лиц, входящих в состав Совета, за их дельные предложения «главному начальнику» Первопрестольной, нам неизвестно). Сам Дубасов предстает исключительно в благородном свете, демонстрируя готовность единолично принять все упреки за издержки при подавлении восстания, что отметила и Ю.С. Воробьева²²¹⁶. Однако «честность и мужественность» генерал-губернатора в данном случае имела и другую сторону медали.

Командующий войсками МВО Н.Н. Малахов в рассказе В.Г. Глазову о ходе заседания 21 декабря упомянул, что Головин задал генерал-губернатору тот же вопрос об ответственности участников за меры власти (что приобретало особую актуальность в свете действий отрядов Мина и Римана. К сожалению, мы не имеем возможности проверить, был ли 21 числа сделан данный запрос повторно, или же Джунковский по ошибке отнес его к первому заседанию Совета). Последовавший ответ Дубасова на этот раз имел уже

²²¹⁵ Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 127.

²²¹⁶ Воробьева Ю.С. Федор Дубасов в декабре 1905 года...С. 364.

совсем иной смысловой и эмоциональный оттенок. Вице-адмирал «бросил очень резко, что раз гражд[анская] власть оказалась несостоятельной, дело перешло в руки воен[ной] власти, к войскам, за действия коих ответственен он один и никаких посредников не признает». Малахов также добавил, что «подобный ответ» получил еще один участник совещания, интересовавшийся обоснованность слухов о «массовых расстрелах без всякого суда»²²¹⁷.» Таким образом, Дубасов установил четкую грань, за которую критика и даже интерес приглашенных членов Совета не должен был переходить – вопрос о действиях войск при претворении в жизнь стратегических операций («чистка» Пресни) и преследовании лиц, чья виновность не вызывала у московского генерал-губернатора сомнений, тем паче, что вице-адмирал, по всей видимости, чувствовал именно себя ответственным за ход пресненской экспедиции. Так или иначе, можно заключить, что членам совещания, по мысли Дубасова, следовало обсуждать суть принятых властью мер лишь по его непосредственному дозволению.

Каковы были практические итоги деятельности «Гражданского Совета»? В историографии по этому поводу высказался А.С. Вальдин, заявив, что «о результатах деятельности этого совета никаких сведений не имеется»²²¹⁸.» Однако данные источников противоречат такому безапелляционному выводу.

Благодаря заседаниям Совета, общественность Первопрестольной (в первую очередь думская, а после возобновления выхода газет – и городская в целом) вкупе с грамотными слоями населения смогла получить информацию о мерах власти в желательном для последней ракурсе. И это действительно оказывало успокаивающее воздействие, например, на большинство членов Думы (что отмечал даже такой ее критик, как В.Ф. Джунковский).²²¹⁹

Активно претворялись в жизнь и мероприятия, спроектированные на заседаниях «Гражданского Совета». Уже 22 декабря генерал-губернатор «ослабил» действие обязательного постановления о комендантском часе,

²²¹⁷РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 10. Л. 375 об.

²²¹⁸Вальдин А.С. Указ. соч. С. 200.

²²¹⁹Стенографические отчеты...С. 1071; Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 127.

ограничив его временем с полуночи до 7 часов утра²²²⁰. Вкупе с другими послаблениями режима (например, объявленным на совещании 21 декабря разрешении театральных представлений или дозволении свободного передвижения по улицам в новогоднюю ночь) эта мера сыграла свою роль в изменении социально-психологического климата в Первопрестольной в пользу власти. Если при встрече Рождества, по свидетельству Л.А. Тихомирова, город был «очень пуст» и производил впечатление «какого-то всеобщего замирания после горячишного припадка»²²²¹, то встреча 1906 года, отличалась праздничным настроением, на что указывали такие разные по политическим взглядам очевидцы, как В.Ф. Джунковский («К 1 января Москва по приукрасилась»)²²²² и П.С. Бобровский («Встреча Нового, 1906 года была в Москве, по общим сведениям, на редкость веселая»)²²²³. Из воспоминаний последнего также фактически следует, что Дубасов (как мы помним, при активном участии «общественников») смог уловить ожидание населением «компенсации» за «только что пережитые испытания и ...лишения»²²²⁴.»

Оперативно власть приступила к организации благотворительной деятельности, главным образом, раздачи пожалованных императором 100 000 рублей. Как уже упоминалось, 22 декабря состоялось заседание Комитета для этой цели под руководством В.Ф. Джунковского (на следующий день после его учреждения) в составе, практически аналогичном «Гражданскому Совету»²²²⁵.» Открыв его, исполнявший должность губернатора от лица формального главы Комитета Дубасов заявил о поступивших суммах и предложил собравшимся образовать две комиссии – соответственно для организации сбора средств и их выдачи пострадавшему населению и оказания помощи раненым и убитым военным и полицейским и их семьям²²²⁶. Обращение к журналу этого заседания показывает, что возникшая дискуссия носила деловой характер

²²²⁰Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве...С. 63-64.

²²²¹Дневник Л.А. Тихомирова...С. 187.

²²²²Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 138.

²²²³ГА РФ. Ф. Р6400. Оп. 1. Д. 3. Л. 67.

²²²⁴Там же.

²²²⁵ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 139. Д. 174. Ч. 4. Л. 8.

²²²⁶Там же. Л. 13 об.

вполне в русле обсуждений вопросов в «Гражданском Совете»: выступавшие касались исключительно целесообразности выдвигаемых мер. Под статью ей были и решения: создание единственной комиссии (в качестве наиболее эффективного решения задачи) и привлечение к делу раздач денежной помощи и сбора информации о пострадавших осведомленных городских попечительства о бедных (при этом было также одобрено мнение о необходимости тесной связи Комиссии и с городской Управой)²²²⁷.

Деловой настрой первого заседания Комитета способствовал и дальнейшей оперативной работе администрации и общественности в деле выдачи пособий. Уже 23 декабря состоялось первое заседание образованной Комиссии, которая постановила обеспечить на следующий день, в канун Рождества, раздачу денег «неимущим» «в наиболее пострадавших районах». В итоге 24 декабря попечительства о бедных самых разоренных частей Москвы – 1, 2 и 3 участков Пресненской части, 1, 2 и 3 участков Суцевской части и Арбатским – была произведена «мелкими суммами» экстренная выдача средств наиболее нуждающимся, для чего Комиссией было передано попечительствам 9000 рублей²²²⁸. Остаток от этой суммы данные организации могли использовать для оказания дальнейшей помощи «особо неимущим – пострадавшим при беспорядках»²²²⁹.» Однако после реализации этого решения, имевшего не только социальный и хозяйственный, но, очевидно, и политический смысл (выдача понесшим наибольшие потери накануне Рождества), Комиссия во главе с Джунковским проявила определенную рачительность: учитывая, что многие потерпевшие нуждаются не в единовременной выплате, а в выдаваемых «до совершеннолетия» и даже пожизненных пенсиях, члены этого органа решили ограничить все предполагаемые выплаты сроком в два месяца, а потом провести более тщательное обследование положения лиц, нуждавшихся в долговременных

²²²⁷Там же. Л. 14-14 об., 16, 23. Правда, ведомственные трения преодолеть так и не удалось: председателю земской управы Ф.А. Головину удалось «отбиться» после жаркой дискуссии от ответственности за организацию общественных работ (Там же. Л. 17).

²²²⁸Там же. Л. 29 об.

²²²⁹Там же. Л. 30.

пособиях²²³⁰. Более того, в рассмотрение заявлений на разовую помощь также был «внесен известный систематический и планомерный порядок»: «наиболее важные прошения» изучались непосредственно членами Комиссии; убытки, нанесенные торговым заведениям, должны были обследовать специалисты по «делам учета»; случаи разрушения домов – соответственно по домовладению и «доходности недвижимых имуществ». Наконец, ходатайства о «незначительном» пособии отсылались в городские попечительства о бедных.

Несмотря на такое разнообразие привлекаемых инстанций, существовала четкая централизация в принятии итоговых решений: они были уделом лишь Комиссии²²³¹. Кроме того, был разработан специальный опросный лист, в числе пунктов которого особенно выделялось требование указать, «при каких условиях и обстоятельствах лицо или семья потерпели».²²³² Таким образом, Комиссией проектировалась весьма тщательная процедура проверки заявителей, явно предполагавшая отсеечение как легко пострадавших и просто желавших поживиться за казенный счет, так и лиц неблагонадежных, потерпевших убытки из-за своего в той или иной степени благожелательного отношения к революционерам.

Несмотря на вышеуказанные ограничения, деятельность созданной Комиссии отличалась размахом: уже с 24 декабря 1905 г. по 9 января 1906 г. ею было выделено 14 113 рублей, с 15 января по 1 февраля 1906 г. – 5060 рублей²²³³ (интересно сопоставить эти цифры с вышеприведенными суммами, выданными военным и полицейским чинам Городской Управой с декабря 1905 по январь 1906 г.).

Были предприняты и серьезные шаги по «разгрузке» города от деклассированных элементов. 27 декабря состоялось заседание образованной 22 декабря «комиссии о хулиганах». Ее состав изменился по сравнению с первоначальным, намеченным совещанием 22 декабря: на заседании не

²²³⁰Там же. Л. 23 об. - 24

²²³¹Там же. Л. 24.

²²³²Там же. Л. 24. 41.

²²³³Там же. Л. 25, 44.

присутствовали С.И. Печкин и В.Н. Глебов, но зато участвовали Н.И. Гучков и помощник градоначальника барон А.Р. Будберг, а председательствовал сам барон Медем. Комиссия разработала следующую программу для решения поставленной задачи: расширение работы городского присутствия по разбору и признанию нищих (в данном случае речь шла о «возможном усилении деятельности» Работного Дома и Дома Трудолюбия, находившихся в ведении этого органа, за счет организации общественных работ); активизацию деятельности полиции как по доставке нищих в Работный Дом, так и по задержанию нарушителей порядка; обращение в Главное Управление по делам местного хозяйства для «выяснения вопроса» о содействии при устройстве массового выезда безработных на родину (по поводу чего, как мы помним, часто обращался к Медему глава самоуправления)²²³⁴.

Вскоре были предприняты и определенные шаги по реализации этих решений. 10 января 1906 г. Медем рапортовал Дубасову об отдаче распоряжений по полиции как о доставке люмпенов в Работный Дом, так и о высылке их из Москвы по Положению об охране, сверх того, об обращении в Главное управление по делам местного хозяйства с просьбой об «упрощенно-скорой» выдаче бесплатных билетов желающим отбыть в родные края безработным (так как, пояснял глава московской полиции, выделенных для этого 10000 рублей явно нехватало для организации таких перевозок)²²³⁵.

Еще более деятельно велась работа по активизации работы присутствия по разбору и признанию нищих, в чем ведущую роль сыграл Н.И. Гучков (особенно в свете отказа земства от участия в деле организации общественных работ). 30 декабря под его председательством состоялось экстренное заседание присутствия, «усиленное» рядом членов Управы, мировыми судьями, представителями администрации учреждений, которые планировалась привлечь к делу, — Работного Дома и Дома Трудолюбия. В ходе этого совещания был намечен ряд мер по решению вопроса о маргиналах:

²²³⁴ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 550. Л. 4-4 об.

²²³⁵Там же. Л. 3.

выделение в распоряжение присутствия дополнительных средств на отправку нищих «на родину», достижение договоренности с подлежащими властями о применении репрессий к люмпенам, вернувшимся после такой отправки (административной высылки либо посылки к мировым судьям), расширение масштабов работы самого присутствия в данной области («самый разбор дел о нищих производить не 2 раза в неделю, а 3», увеличить состав органа на 11 человек), наконец, наем «добавочного помещения» для лучшего функционирования Работного Дома²²³⁶. В начале января 1906 г. городской Управой была намечена программа организации годовых общественных работ при указанных учреждениях – земляных по устройству конно-торговой площади у Калитникова кладбища, свайных для нового каменного Матросского моста на Яузе («с ограждением набережной»), выпрямления Яузы «близ Сокольничьего отделения Работного дома²²³⁷». А 31 числа Дума единогласно приняла решения о желательном увеличении состава присутствия по разбору и призрению нищих, ассигновании в его распоряжение 1000 рублей в случае не предоставления градоначальником бесплатных билетов, поручении Управе открыть временное отделение Работного Дома на 500 человек²²³⁸. Как видим, решение «Гражданского Совета» о создании «Комиссии о хулиганах» запустило масштабную работу по улучшению социальной обстановки в городе.

Вскоре, по свидетельству В.Ф. Джунковского, было создано и справочное бюро при нем для доставления сведений об арестованных, чем активно занялась наблюдательная комиссия мест заключения²²³⁹. Одновременно ее членам было поручено наблюдение за «политическими арестантами²²⁴⁰». Однако в данной сфере не все складывалось благополучно: проектируемое аналогичное бюро при градоначальнике, судя по недовольству городской Думы в январе 1906 г., так и не было оперативно создано (вероятно,

²²³⁶Там же. Ф. 179. Оп. 3. Д. 2333. Л. 317-320.

²²³⁷Там же. Л. 324-325.

²²³⁸Там же. Л. 372.

²²³⁹Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 133-134.

²²⁴⁰ЦГА Москвы. Ф. 474. Оп. 17. Д. 253. Л. 113.

в силу нераспорядительности барона Медема)²²⁴¹.

Таким образом, созданный на излете Декабрьского вооруженного восстания «Гражданский Совет» явился совместным детищем умеренно-либеральных кругов Думы во главе с Н.И. Гучковым и самого Дубасова, в данном случае исполнявшего инструкции Витте, желавшего найти общий язык с «благонадежной» общественностью и, по-видимому, опиравшегося на собственный опыт устройства масштабных совещаний во время командировки в Черниговскую и Курскую губернии. С самого начала восстания генерал-губернатор предпринимал деятельные шаги к созданию данного форума, однако занятость его усмирением «крамолы» не позволила этого сделать до 15 декабря. Эти совещания стали площадкой для взаимодействия власти и консервативной и умеренно-либеральной общественности Первопрестольной. Главными функциями «Гражданского Совета» стали информирование общественности Первопрестольной о сути принятых властью мер (смутное представление о них было важным фактором нарастания страстей в Думе и обществе) и выработка мероприятий по улучшению социальной обстановки в Москве. Хотя на сам ход восстания он, вследствие позднего срока создания, большого влияния не оказал, но зато смог внести некоторое успокоение по крайней мере в думские круги и выработать ряд важных мер, способствовавших преодолению эксцессов, возникших при подавлении «смуты»: смягчение режима чрезвычайной охраны, создание Комитета по распределению помощи пострадавшим, привлечение наблюдательной комиссии московских мест заключения к надзору за положением многочисленных арестантов и образование бюро при исполнявшем должность губернатора для выдачи справок об их положении, формирование специальной Комиссии по «очищению» города от деклассированных элементов. Справедливости ради нужно признать, что не все решения Совета были оперативно реализованы: оставался открытым вопрос о создании аналогичного справочного бюро (или «дежурства») при градоначальнике. Но

²²⁴¹ Там же. Ф. 179. Оп. 3. Д. 2333. Л. 311.

тем не менее, совокупность этих мер, в скором времени, как было показано, начавших воплощаться в жизнь, никак не позволяют согласиться с вышеприведенным мнением А.С. Вальдина о неясности результатов работы этого органа. Как мы видели, на заседаниях как его, так и образованных на нем учреждений (Комитета для раздачи пожертвований) Дубасов и его помощник Джунковский поощрительно относились к свободному обсуждению поставленных проблем и выдвижению разнообразных запросов при условии сохранения делового характера дискуссии. Приведенный материал демонстрирует, что очень активную роль как в ней, так и в реализации выработанных Советом мер сыграли «общественники» (особенно Н.И. Гучков). Но при этом генерал-губернатор ревностно пытался оградить действия своих подчиненных от критики, которая могла бы приобрести политический характер. Это очень ярко проявилось в его резкой реакции на запрос Головина об ответственности Совета и о достоверности слухов о массовых расстрелах при информировании членов совещания об итогах экспедиции Мина.

Таким образом, можно констатировать, что «Гражданский Совет» и образованные для исполнения его решений организации (Комитет и Комиссия для помощи пострадавшим, Комиссия для борьбы с хулиганами) стали довольно эффективной формой сотрудничества местной власти и умеренной общественности консервативного и либерального толка (примечательно, что такие крайние элементы с обоих флангов общественного движения, как А.Г. Щербатов, А.С. Шмаков, Н.М. Кишкин, П.А. Столповский, В.В. Пржевальский, Н.Н. Щепкин, С.А. Левицкий, не были в них представлены, в чем, видимо, следует видеть заслугу Джунковского, помогавшего Дубасову формировать состав совещаний, а отличившийся в думских дискуссиях А.И. Гучков, заинтересованный в наведении порядка в городе и повышении престижа своей партии, был настроен по-деловому). Следовательно, возможность осуществления проекта Витте была реализована на локальном уровне, тем паче, что ее претворение в жизнь не ассоциировалось с самим

непопулярным премьером и затрагивало кровные интересы московской верхушки. Кроме того, история «Гражданского Совета» и образованных по его постановлениям органов позволяет внести новые штрихи в портрет Ф.В. Дубасова как «кризисного администратора»: авторитарный по природе человек, он под воздействием советов Витте и Джунковского и текущих обстоятельств смог пойти на широкое сотрудничество с общественностью, в то же время удерживая ее в намеченных им рамках.

Важной областью сотрудничества московской администрации и общественности в период восстания и после него была благотворительная деятельность. Е.Д. Черменский обратил внимание, что генерал-губернатором было тайно получено через главу Московского биржевого комитета Г.А. Крестовникова 165 тысяч рублей от московских капиталистов²²⁴². Размер этой суммы помог Дубасову уже в период восстания развернуть широкомасштабную помощь «стражам порядка», выдавая им пожалования, поистине астрономические по сравнению с аналогичными выплатами Комитета и Комиссии для помощи пострадавшим. 13 декабря он извещал командующего войсками МВО Н.Н. Малахова о получении 16000 рублей от «лучших москвичей» для раздачи войскам, несущим службу²²⁴³. На следующий день штаб МВО получил эту сумму²²⁴⁴. Не оставил Дубасов вниманием и полицию: 13 декабря он выдал градоначальнику 10500 рублей для раздачи городовым и чинам пожарной команды, содействовавшим властям в разборке баррикад²²⁴⁵. С 14 декабря начались массовые раздачи денег чинам, служившим в различных участках: по 10 рублей – околоточным, по 3 рубля – городовым, состоявшим на службе до 12 декабря (когда было принято решение

²²⁴²Черменский Е.Д. Указ. соч. С. 210; ГА РФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 547. Л. 10-11. Правда, при этом ученый сделал ошибку, утверждая, что данную информацию почерпнул из письма Дубасова Джунковскому; на самом деле она содержится в письме вице-адмирала своему сменщику — генерал-лейтенанту С.К. Гершельману, копию с которого бывший глава Первопрестольной направил исполнявшему должность московского губернатора, почему она и отложились в фонде последнего.

²²⁴³Из истории Московского вооруженного восстания... С. 65.

²²⁴⁴ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 138. Д. 174. Т. 7. Ч. 1. Л. 1.

²²⁴⁵Там же. Д. 174. Т. 7. Ч. 4. Л. 2.

об увеличении штата полиции), и отдельным подразделениям пожарной службы (например, Мясницкой части, коим выдавали суммы от 2 рублей)²²⁴⁶. В 1 участке Хамовнической части полицейское начальство даже решило поддержать местных ночных сторожей, видимо, сильно отличившихся в борьбе с революцией: им было выдано по рублю²²⁴⁷. Как видим, благодаря щедрости московских капиталистов Дубасову удалось в тяжелый момент усталости воинских и полицейских чинов от непрестанной службы осуществить ту денежную поддержку, которой с малым успехом добивались его предшественник П.П. Дурново и барон Медем в предшествовавшие месяцы у управляющего МВД.

В последующее время генерал-губернатор на основе этих средств продолжал оказывать материальную поддержку служителей порядка. 25 декабря, по случаю Рождества, он согласился с просьбой генерал-квартирмейстера С.М. Шейдемана выдать 5775 рублей «наградных денег» «частям войск московского гарнизона и прибывших для подавления беспорядка» (т. е. семеновцам и ладожцам)²²⁴⁸. 27 числа последовал новый транш: 18000 – для «раздачи вновь» и 2000 – на ликвидацию «недостачи по числу нижних чинов, отпущенных для раздачи ранее²²⁴⁹.» Более того, 10 января 1906 г. Шейдеман затребовал у А.А. Воронина еще сумму от «7000 рублей до 8000 рублей», поскольку Дубасов вознамерился вознаградить нижних чинов два раза, при том, что разово все полкам надлежало выдать от 21500 до 22000 рублей. Следовательно, вся сумма должна была составлять 43-44 тысячи²²⁵⁰. Примечательно, что Дубасов не колеблясь согласился выдать требуемую награду, лишь повелел Воронину поинтересоваться, «чем объясняется столь крупная разница в суммах²²⁵¹.» Объяснение Шейдемана, что «отчеты доставляются только 3 раза в год», на основании чего невозможно

²²⁴⁶Там же. Л. 10, 11-13, 14-15, 16-18 об., 19, 20-21 об., 22-23, 24-25 об., 26-27 об., 28, 29, 30-31 об., 32, 33-33 об., 34, 35, 36-37, 40-41, 42-43 об., 45-45 об., 46-48, 49-50, 54-56 об., 58-60 об., 61-63, 64-65, 66-67 об., 77, 120-121, 132, 133.

²²⁴⁷Там же. Л. 57-57 об.

²²⁴⁸Там же. Д. 174. Т. 7. Ч. 1. Л. 2, 4.

²²⁴⁹Там же. Л. 5.

²²⁵⁰Там же. Л. 6.

²²⁵¹Там же. Л. 7-7 об.

точно высчитать точную сумму вознаграждения, его вполне удовлетворило²²⁵². Не остались «в обиде» и чины полиции: 25 декабря Дубасов передал Медему для выдачи по случаю Рождества 7863 рубля, а 31 декабря отметил «премией» в 1345 рублей отличившихся телеграфистов московского полицейского телеграфа²²⁵³. Размах расходов власти из этой суммы на своих защитников был весьма значителен: к апрелю было истрачено 119074 рубля 64 копейки (из них на нужды гарнизона – 55885 рублей, полиции и родственных учреждений – 30809 рублей)²²⁵⁴.

Механизм использования генерал-губернатором этой суммы раскрывает текст упомянутого письма Дубасова Гершельману. Судя по данному посланию, генерал-губернатор получил сведения о численности капитала (165 000 рублей) исключительно из «словесного заявления» главы Биржевого комитета. При этом Крестовников заявил о внесении суммы «в одно из кредитных учреждений» (скорее всего, один из лидеров московского торгово-промышленного мира так и не поставил генерал-губернатора в известность об этом). Поэтому распоряжение пожертвованиями также оставалось в руках Крестовникова: за получением нужных средств следовало специально обращаться к нему и лишь по распоряжениям главы Биржевого комитета запрашиваемые суммы для раздачи солдатам и городovým «по установленным чекам» выдавались казначею канцелярии главы Первопрестольной²²⁵⁵. Эта информация находит подтверждение в материалах управления генерал-губернатора: 13 декабря Дубасов затребовал у главы Биржевого комитета 30000 рублей²²⁵⁶, а 24 числа в его канцелярию доставили от того же распорядителя 50000²²⁵⁷.

Более того, Крестовников предпринял попытку контролировать целевое назначение пожертвованного капитала. Дубасов указывал в письме к

²²⁵² Там же. Л. 8.

²²⁵³ Там же. Д. 174. Т. 7. Ч. 4. Л. 2.

²²⁵⁴ Там же. Т. 5. Л. 119.

²²⁵⁵ ГА РФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 547. Л. 10-10 об.

²²⁵⁶ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 139. Д. 174. Т. 5. Л. 4.

²²⁵⁷ Там же. Л. 18.

Гершельману, что вскоре после подавления восстания, «когда от капитала оставался еще значительный остаток», Крестовников изъявил генерал-губернатору желание жертвователей передать его «на пособие городским в губерниях». Примечательно, что в данной ситуации Дубасов, по его словам, «конечно не сделал никаких возражений» против этого. Что произошло дальше, правда, не очень понятно: по свидетельству генерал-губернатора, «вопрос этот остался открытым», т. е. то ли сам глава Биржевого комитета не стал настаивать на своем предложении, то ли вице-адмирал, заинтересованный в солидных денежных средствах, не проявил особой распорядительности в данном деле. Так или иначе, Дубасов «по мере возникновения новых надобностей» продолжал запрашивать у Крестовникова новые суммы.²²⁵⁸

Характерно, что своему преемнику на посту «главного начальника» Первопрестольной Гершельману вице-адмирал настойчиво рекомендовал при определении «дальнейшего назначения» капитала запросить мнение главы Биржевого комитета и поступить согласно его воле (при этом подчеркивая, что не считает «себя неограниченным распорядителем» выделенной суммы)²²⁵⁹. Таким образом, Крестовников и прочие жертвователи чисто по-купчески распорядились судьбой своего «дара», контролируя процесс его расходования администрацией. Дубасов также считался с волей московских капиталистов, полностью приняв их условия. Следовательно, созданные в историографии образы раболепной московской буржуазии, готовой выдать «сухопутному адмиралу» любую сумму для потопления «мятежа» в крови, и самодурствовавшего диктатора Дубасова нуждаются в определенной корректировке.

Этот источник материальной подпитки воинских и полицейских чинов действовал очень долго: еще 19 декабря 1906 г. Джунковский обращался уже к С.К. Гершельману, с прошением выдать «новый аванс в размере одной тысячи

²²⁵⁸ГА РФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 547. Л. 10 об.

²²⁵⁹Там же. Л. 10 об. - 11.

рублей» из данного «пожертвования»²²⁶⁰.»

Делали пожертвования, правда, значительно более скромные, и другие представители московской буржуазии (например, директор торгово-промышленного товарищества «Преемник Алексея Рубкина А. Кузнецов и Ко» А. Владимиров выделил на нужды войск, полицейских, их семей и убитых во время восстания 3000 рублей²²⁶¹).

Приняло участие в пополнении «благотворительного фонда» генерал-губернатора и дворянство. 18 декабря в «экстренном заседании» собрания предводителей и депутатов московского благородного сословия (коим руководил один из соратников Дубасова и Гучкова в декабрьские дни губернский предводитель князь П.Н. Трубецкой) было решено ассигновать из средств корпорации 20 000 рублей на помощь лишившимся крова обывателям и потерявшим кормильцев семьям воинских и полицейских чинов, а также организовать подписку на сбор денег на эти цели²²⁶². Однако «первенствующему сословию» не удалось в данном деле сохранить пальму первенства: 20 декабря Трубецкой обратился с подобным предложением к Дубасову, а, как известно, на следующий день генерал-губернатор получил удовлетворение своего ходатайства на выдачу из казны 100 000 рублей в пользу пострадавших москвичей. В свете этого организация сбора средств самим дворянством теряла смысл – ей предстояло заняться Комитету, о чем вице-адмирал и уведомил князя 21 числа²²⁶³. Известная влиянием и общественной деятельностью семья Самариных также выделила 19 декабря в распоряжение Дубасова 5000 рублей «на нужды войск и чинов полиции, несущих самоотверженную службу в Москве», на помощь раненым и семьям убитых стражей порядка – еще 2500 рублей, наконец, на содействие «невинно пострадавшим» бедным жителям – 2000 рублей. При этом одним из лидеров семейного клана А.Д. Самариным было сделано условие, чтобы выделенные

²²⁶⁰ Там же. Л. 329.

²²⁶¹ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 139. Д. 174. Т. 5. Л. 25.

²²⁶² Там же. Ф. 380. Оп. 4. Д. 477. Л. 5.

²²⁶³ Там же. Л. 15.

деньги не поступили в распоряжение Думы, которую консервативные наследники знаменитого славянофила считали оплотом крамолы²²⁶⁴. Эти суммы наряду с прочими пожертвованиями от аристократии (10 000 от великой княгини Елизаветы Федоровны, 500 рублями в пользу пострадавших «должностных лиц» от графини А.А. Олсуфьевой, 1 376 рублями 85 копейками от Трубецкого) поступили в Комитет²²⁶⁵.

Примечательна судьба самого крупного пожертвования Самариных – 5000 рублей для солдат и полицейских. Образованная Комитетом Комиссия для раздачи средств, приняв в соображение, что «служба войск по охране» значительно сократилась после подавления «мятежа», постановила на первом своем заседании 23 декабря выдать выделенные деньги в качестве награды «наиболее самоотверженным» при исполнении своих обязанностей – соответственно 4000 войскам и 1000 – полицейским. По этому расчету предполагалось выделить 200 рублей на пехотный полк, 50 – на эскадрон и сотню, 650 – на артиллерию, сапер и военное училище. Однако при воплощении в жизнь этого плана возникли проблемы: выплаты оказались «крайне незначительными», особенно учитывая численность семеновцев и ладожцев. Обеспокоились военные и возможными аппетитами полицейского начальства, которые могли побудить последних потребовать для своих подчиненных равной с солдатами награды. В этой связи Шейдеман в феврале 1906 г. обратился в штаб МВО с ходатайством вновь прибегнуть к капиталу, выделенному биржевиками (который в это время, по подсчетам генерал-квартирмейстера, равнялся 66000), причем подобный план одобрили и члены Комиссии – Н.А. Хомяков, Е.М. Пржевальский, А.А. Бахрушин²²⁶⁶. В результате в марте 1906 г. Дубасов, «по представлению командующего войсками», согласился выделить отличившимся щедрые наградные: по 25 рублей – сверхсрочникам, по 10 – солдатам срочной службы²²⁶⁷.

²²⁶⁴Там же. Л. 2.

²²⁶⁵Там же. Ф. 16. Оп. 139. Д. 174. Т. 4. Л. 39-40.

²²⁶⁶РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 389. Л. 149-149 об.

²²⁶⁷Там же. Л. 213.

Таким образом, взаимодействие московской власти и общественности по благотворительным вопросам действительно увенчалось получением в распоряжение генерал-губернатора солидной материальной базы для поддержания сил и боевого духа нижних чинов войск и полиции. В данном деле Дубасов был склонен полностью принимать условия жертвователей (например, согласился с сохранением пожертвованной московскими капиталистами суммы в руках их представителя Г.А. Крестовникова). Как было показано, московская буржуазия и дворянство проявляли куда больше интереса к «спонсированию» своих непосредственных защитников – солдат и полицейских, что и послужило одним из факторов обращения Дубасова к императору о выдаче суммы для пожертвования пострадавшему мирному населению.

Мы рассматривали обращения Дубасова к московскому населению. Возникает вопрос: пытались ли сами москвичи «достучаться» со своими просьбами и проектами в период восстания до генерал-губернатора?

Прежде всего, общение их с администрацией осуществлялось в письменной форме – путем отправки главе Первопрестольной посланий и, как правило, наложения последним или управляющим его канцелярией Ворониным на них резолюций о дальнейшей судьбе документов и изложенных в них планов или просьб. Значительная часть этих записок была анонимной.²²⁶⁸ Следует отметить, что данные послания отправлялись не только лично генерал-губернатору, но доходили до него через градоначальника или городского голову²²⁶⁹.

Подобные обращения к генерал-губернатору можно условно разбить на четыре группы. Первая — поздравительные письма и телеграммы, связанные с

²²⁶⁸ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 294; Оп. 229. Д. 50; РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 505. Л. 42-43 об.

²²⁶⁹ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 139. Д. 174. Т. 3. Л. 1, 6.

успешным, по мнению обывателей, завершением борьбы администрации с «крамолой». По содержанию они, как правило, весьма однотипны, представляя выражение благодарности за спасение жизни и имущества «благонамеренных» москвичей. Характерным примером может послужить послание группы «коренных москвичей» – И. Герасимова, Н. Арбузова, П. Доронина, К. Андреева, П. Калашникова и др. В нем «граждане Москвы, издревле преданные вековым традициям единения со своим монархом», понимающие «смысл всякой работы только при свободе личности и соблюдении порядка согласно действующих на то законоположений» решительно осуждали «насильственные действия пришедших к нам людей», которые, по их мнению, могли привести «к разорению Отечества» и «к задержке созыва Государственной Думы». В то же время они выражали «искреннюю признательность» Дубасову за то, что «мятежный пожар» «благодаря Вашим твердым и решительным действиям к восстановлению порядка в городе» «не повлек за собой дальнейших жертв». Под конец письма авторы выражали надежду, что в дальнейшем под управлением вице-адмирала «обитатели» города «без различия своих убеждений» получат возможность добиваться законных прав только «силою своего разума» и будут ограждены от «насилий»²²⁷⁰.»

Значительно более разнообразную группу представляют письма, содержащие своего рода «позитивную программу» в деле борьбы с восстанием или ликвидации наиболее вопиющих издержек при его подавлении. Какие же вопросы в этой сфере интересовали московских обывателей?

Во-первых, москвичей беспокоили проблемы поддержания порядка и улучшения полицейской службы.

Первым предложением на эту тему стал «доклад» («докладная записка») московского предпринимателя М.Т. Зайцева-Попова, представленный сначала городскому голове Гучкову (а также ряду гласных и градоначальнику барону

²²⁷⁰РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 433. Л. 3-3 об.

Медему) 7 декабря и пересланный Дубасову на следующий день²²⁷¹. Описав сначала всю бесплодность и вредность предшествовавших попыток общественности организовать борьбу за порядок, Зайцев-Попов принимается за изложение собственной программы предотвращения «беспорядков». Прежде всего, он считал необходимой мерой обязательное увеличение штата дворников: домовладельцам следовало содержать двух дворников в «каждом владении», в случае же если «владение угловое, слишком растянутое или выходящее на 2 улицы», число негласных низших сотрудников полицейского аппарата надлежало довести до четырех. Хозяева домов должны были обеспечивать несение дворниками «круглосуточного дежурства у каждых ворот» «в двойном комплекте», по 6 часов каждый. Дворничья служба под пером Зайцева-Попова приобретала черты иерархически выстроенного аппарата: на каждые 10 «владений» создавались должности «2-х десятских, старших над дворниками». Их функции заключались в контроле за исполнением своих обязанностей дворниками и ночными сторожами также каждые 6 часов. Не исключал Зайцев-Попов и перспективы отмены института ночных сторожей, которые, по его мнению, всецело перешли в распоряжение не содержащих их домовладельцев, а полиции (в любом случае, следовало отменить сбор на их содержание). В результате дворники, «с помощью имеющих свисток», будут задерживать «буянов-хулиганов» и передавать их десятским, которые, в свою очередь, будут отправлять нарушителей в руки полиции²²⁷².

План Зайцева-Попова появился в канун восстания и в условиях открытого противостояния администрации и революционного движения не имел возможности для реализации. Однако идея укрепления полицейского аппарата, совершенствования методов его работы по-прежнему оставалась актуальной для обывателей Москвы, не сочувствовавших революционному движению.

²²⁷¹ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 230. Д. 108. Л. 1-4; Оп. 95. Д. 294. Л. 8.

²²⁷²ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 230. Д. 108. Л. 2-3 об.

10 декабря 1905 г., в первый день восстания, Дубасову было отправлено письмо от «мирного жителя и домовладельца г. Москвы». Описав в первой части послания неэффективность режима чрезвычайной охраны, он заявил, что администрации надлежит скорее восстановить нормальное течение жизни. И далее «мирный житель» излагал меры «действительной, а не бумажной охраны»: в каждом районе надо было иметь «отряд конницы», который мог бы оперативно прибывать на места беспорядков; «в случае скопления большой массы бунтовщиков» пехота и конница должны «требоваться из казарм». Улицы Первопрестольной круглосуточно надлежало патрулировать.

Давал автор советы и на случай разгона толп. По его мнению, если масса людей «стояла мирно», стрелять в нее не следовало, а «достаточно» было «разгонять ее лошадьми и нагайками». Если же «толпа действует» (бьет стекла, громит помещения), то нужно «прямо стрелять», но не пулями, а дробью. Первые же надлежало приберегать на случай выстрелов со стороны самих демонстрантов или кидания ими бомб.

Главными организаторами беспорядков «мирным жителем» признавались «кучки забастовщиков». Для борьбы с ними он предлагал увеличить число полицейских в «партикулярном платье».

Не оставлял автор вниманием и организацию наружной службы полиции. По его мнению, приставы и околоточные надзиратели («в сопровождении охраны из городских») обязаны как можно чаще совершать обходы своих участков, ибо «теперь их совсем не видно». Количество же ночных сторожей, фактических помощников полиции надлежало «утроить или учетверить» и добиться того, чтобы сторож состоял при каждом городском. Кроме того, их следовало вооружить револьверами. Сходные с предложениями Зайцева-Попова меры выдвигал «мирный житель» в отношении дворников: их штат также требовалось «удвоить, утроить или учетверить», а их самих снабдить свистками и револьверами. Последние должны были выдаваться им домовладельцами, в свою очередь получающими их от местного участкового пристава «за плату под расписку». Свистом или выстрелом в воздух дворник

должен был привлекать своих дежурных «коллег», ночных сторожей и городских, находящихся поблизости в радиусе примерно «1000 шагов». Автор указывал, что если количество забастовщиков «невелико», то дворники с городскими сами могут с ними «справиться» и отвести в участок, если же солидно – должны задерживать их до прибытия войскового наряда²²⁷³.

Предложение мер в области улучшения военно-полицейской охраны вообще было характерно для обращавшихся к Дубасову обывателей на протяжении всех дней декабрьской стачки и вооруженного восстания.

Масштабная программа действий войск и полиции по подавлению восстания содержалась в письме «домовладельцев и обывателей 1-го Арбатского участка (и других)» от 12 декабря. Констатируя факт самоустранения плохо вооруженной полиции от своих обязанностей и переход инициативы к войскам, плохо знакомым с местностью, авторы (Ф.П. Степанов, кн. В.Е. Голицын, П. Шамшев и др.) предлагали следующие меры для возрождения «сил порядка»: «вооружить и вообще привлечь к активной деятельности полицию», разбить город на «мелкие районы», которые надлежало оцепить с помощью войск и затем силами полиции «в сопровождении военного конвоя» произвести обыски, целью которых должно было стать обнаружение оружия (при этой операции следовало проверить паспорта у «всех живущих»). Только обследованный по такой методе район мог считаться «замиранным». Полицейским властям также вменялось в обязанность по совершении обыска ставить горожан в известность об обязательных постановлениях и воззваниях Дубасова²²⁷⁴.

Некоторые из авторов записок, адресованных генерал-губернатору, концентрировали свое внимание на усилении именно военной охраны Москвы. 8 декабря группа «мирных жителей города Москвы» потребовала у генерал-губернатора «усилить казачьи патрули днем и ночью на улицах

²²⁷³ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 294. Л. 15-17

²²⁷⁴Там же. Л. 22-22 об.

Москвы²²⁷⁵.» Домовладелец Н.А. Романов в письме от 19 декабря предлагал Дубасову из войск, возвращающихся с Дальнего Востока, «организовать отряды на каждую улицу», «сносное содержание» которых разложить на домовладельцев с расчетом, чтобы 15 квартир обеспечивали одного защитника, 50 – троих и т.д.²²⁷⁶

В среде обращавшихся к генерал-губернатору обывателей было неоднозначное отношение к созданию добровольной охраны порядка из самих горожан.

«Житель» Москвы, обратившийся с посланием к Дубасову 8 декабря, предлагал «набрать добровольцев» числом до 3000 «с жалованьем» в размере 30 рублей в месяц. Следовало создать целую сеть подобной стражи: «охотники» должны были быть организованы в отряды во главе с десятскими и сотскими. Вооружить «добровольцев» следовало револьверами или «другим каким либо (так — М.А.) оружием. Основной функцией сформированных отрядов должно было стать «преследование шаек забастовщиков». Размещать новую силу правопорядка предлагалось «вблизи вокзалов и мест наибольшего беспорядка». Завершался проект пассажем, что «расход в месяц 100 тысяч руб. на 3000 добровольцев» позволит «быстро...водворить порядок» без участия войск²²⁷⁷.

Но часть домовладельцев и обывателей Москвы относилась скептически к таким перспективам. Жители 1-го участка Арбатской части в своем послании, видимо, в ответ на проект создания вооруженной охраны, выдвинутый князем А.Г. Шербатовым в совещании у генерал-губернатора, указывали, что организация подобной силы в данный момент невозможна, поскольку «большинство людей, стоящих за порядок, до крайности терроризировано революционерами²²⁷⁸.»

Проскальзывали в обращениях к главе Первопрестольной и планы

²²⁷⁵ Там же. Л. 6 об.

²²⁷⁶ Там же. Л. 35.

²²⁷⁷ Там же. Л. 1а-1а об.

²²⁷⁸ Там же. Л. 22.

реорганизации службы секретного политического сыска. Н.А. Романов утверждал, что следует, по примеру «наипросвещеннейшей Англии», «добывать верные сведения» о грядущих беспорядках с помощью половых и «старших буфетчиков» в трактирах, подслушивающих разговоры посетителей²²⁷⁹.

Высказывалось и опасение по поводу почти бесконтрольной торговли и ввоза оружия. Это послужило темой письма от «московского обывателя», подписавшегося «ваш доброжелатель». Он выражал «мнение о передаче ее «в руки Военного ведомства» и производстве в казенных магазинах. Аргументировал «доброжелатель» необходимость этой меры тем, что данный товар «потребуется не все обывателям, а одним охотникам». Нынешнее состояние торговли оружием автора явно не удовлетворяло: «как игрушками торгуют всякому», «мальчишке продают». Также советовал «доброжелатель» строго следить за ввозом оружия из-за границы, «А то видимо вагонами возили и никто не видал²²⁸⁰.» Как видим, автор весьма адекватно оценил критическое состояние контроля администрации за торговлей оружием и меры по преодолению такого положения.

Надо сказать, что из всех посланий на эту тему выделяется анонимное письмо за подписью «рабочий», отправленное генерал-губернатору 8 декабря. Его автор, очевидно, участник молебна 6 декабря на Красной площади, «умолял» Дубасова распорядиться либо расклеить прилагаемое при обращении «объявление», либо созвать «всех рабочих» к своему дому «иди на красную площадь» «противостоять насилиям». Суть же «объявления» заключалась в призыве ко всем рабочим, «верным своему долгу войскам» и «всему благомыслящему населению Москвы» объединиться, «отвергнуть насильственные действия» и встать на работу 10 декабря. В случае же невозможности это сделать предлагалось «дать частые тревожные

²²⁷⁹Там же. Л. 32.

²²⁸⁰Там же. Л. 31.

свистки²²⁸¹.»

Второй излюбленной темой неофициальных «блюстителей порядка» было усиление степени ответственности революционеров за их действия. Значительная часть обращавшихся к генерал-губернатору требовала применения самых суровых кар по отношению к революционерам на всем протяжении декабрьских событий.

Упоминавшийся «мирный житель» Москвы в своем послании от 8 декабря советовал главе Первопрестольной «главарей движения высылать в Сибирь», а до этого задержанных «следовало бы содержать в холодных помещениях с отпуском хлеба и воды», ибо «было бы большой несправедливостью противу честных трудовых людей кормить за их счет крамольников и негодяев²²⁸².»

В заявлении «мирных жителей» от того же числа предлагался целый пакет репрессивных мер: немедленное «обуздание» органов печати, редакции коих «умышленно фабрикуют» «ложные известия», подстрекающие к «забастовкам и насилиям»; выпуск «немедленного распоряжения о задержании революционных стачечных комитетов», содержащихся за счет «Евреев, Поляков и Русских изменников, Армян»; арест и высылка по этапу «инициаторов забастовки»; необходимость этих же «подстрекателей» «судить по законам Военного Времени²²⁸³.»

Еще один «патриот Москвы» настоятельно рекомендовал Дубасову «произвести сыски в подозрительных домах», особенно населенных все той же «триадой народов» – евреями, поляками и армянами. Аргументировал он это тем, что в подобных жилищах обязательно «найдутся склады оружия и особых припасов».

С обострением обстановки в Москве страсти, естественно, накалялись. «Мирный житель и домовладелец города Москвы» 10 декабря высказывал мысль, что под тюрьмы в случае слишком большого размаха арестов можно

²²⁸¹Там же. Л. 165-166.

²²⁸²Там же. Л. 1а об.-2.

²²⁸³Там же. Л. 6-6 об.

«приспосабливать» «закрытые помещения», а арестованных, для экономии личного состава стражи, связывать их веревками друг с другом²²⁸⁴.

12 декабря свои предложения по обузданию «крамолы» отправил Дубасову Л.М. Кашецин, активно занимавшийся благотворительностью. Они заключались в немедленном введении смертной казни вместо арестов, что, по мнению автора, могло предотвратить ряд бедствий: превращение Москвы в «живую могилу» для бедноты, разорение обывателей, окончательное разложение войск и т. д.²²⁸⁵.

Наиболее резкий и развернутый проект борьбы с революционерами 15 декабря выдвинул Федор Иванович, младший из братьев Гучковых. Констатируя, что «мятеж» нельзя подавить «обычными средствами» «в виду крайнего недостатка войск и огромного количества бунтовщиков», он предлагал целый пакет мер: запрет холостой стрельбы, безвредной для революционеров и вызывающей «излишнюю тревогу» среди обывателей, немедленное введение военного положения и военного суда (по его мнению, обычные наказания баррикадных бойцов не испугают, а гражданский суд их оправдает за отсутствием «формальных улик»), радикальное увеличение масштаба арестов, возложение на Думу обязательства удерживать жалованье с бастовавших рабочих городского хозяйства и уволить лидеров забастовки согласно представленному администрацией списку (с возложением на самоуправление в случае отказа ответственности за «могущие произойти впредь забастовки»)²²⁸⁶.

На излете восстания мысль о предотвращении его в будущем (ключевым элементом чего должно было стать примерное наказание «бунтовщиков»), не покидала лиц, «стоящих за порядок». В тон Кашецину и другим «радетелям» Н.А. Романов предлагал захваченных с оружием в руках революционеров и «руководящих боевою дружиною и восстанием» казнить публично («как, наприм[ер], было при незабвенном Муравьеве в Вильно») на Красной

²²⁸⁴Там же. Л.16 об. - 17.

²²⁸⁵Там же. Л. 28-28 об.

²²⁸⁶Там же. Л. 37-38.

площади, ибо иначе нельзя сбить накал протестного движения²²⁸⁷. И в других посланиях данного периода встречались предложения военного суда и смертной казни для «крамольников»²²⁸⁸.»

Содержались в письмах обывателей и конкретные доносы. «Патриот Москвы» указывал на «крамольную» деятельность Н.П. Шмита и называл «революционные гнезда» – Строгановское училище на Рождественке и на типографию и редакцию газеты «Русское Слово»²²⁸⁹.» Обращавшийся к генерал-губернатору, видимо, на излете восстания автор просил «не попустить» осуждения «смутьянов» «революционным окружным судом», поскольку его члены принимали активное участие в забастовке, особенно «мерзавцы адвокаты» (М.Л. Мандельштам, М.М. Винавер, «поляк» С.А. Левицкий, «в последнее время» Ф.Н. Плевако, который «хотел скрыть у себя Шмита»). Советовал анонимный «страж порядка» Дубасову «обратить внимание» и на ряд гласных Думы, по его убеждению, «революционеров» (в их числе были названы бывший городской голова В.М. Голицын, Н.Н. Щепкин, В.В. Пржевальский, М.В. Челноков, Н.М. Кишкин, М.Я. Герценштейн и С.А. Муромцев). Этих лиц предлагалось «удалить» из Москвы. Автор «обращал внимание» генерал-губернатора также на молочную Чичкина, где, «говорят, находится много скрытого оружия». Кроме того, анонимный сторонник порядка рекомендовал Дубасову запретить торговлю печатной продукцией на улицах и закрыть «для поднятия Религии» «зараженные духом Революции театры»²²⁹⁰.»

Встречались в письмах к генерал-губернатору и предложения о проведении в жизнь конкретных запретительных мер. 19 декабря (считающийся последним днем Декабрьского восстания) к Дубасову поступило заявление домовладельцев и квартиронанимателей 1 участка

²²⁸⁷ Там же. Л. 33-33 об.

²²⁸⁸ РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 505. Л. 50; ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 229. Д. 50. Л. 71-72 об., 110.

²²⁸⁹ Там же. Оп. 95. Д. 294. Л. 7-7 об.

²²⁹⁰ Там же. Оп. 229. Д. 50. Л. 71-72 об. На «крамольную» адвокатскую группировку в Думе указывали Дубасову и коренные москвичи, однако подчеркивали ее ничтожность (РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 505. Л. 42-42 об.).

Хамовнической части, в коем последние требовали запретить народные гулянья на Девичьем поле на Святки ввиду опасения «стечения такой страшной массы народа²²⁹¹.»

Третьим крупным сюжетом, возникавшим в письмах, которые можно условно охарактеризовать как «верноподданнические», было предложение мер по смягчению эксцессов при подавлении восстания, а также по созданию условий для дальнейшего диалога администрации и населения.

Одним из важнейших требований обывателей было улучшение качества информирования населения о принимаемых властью мерах. Например, неизвестный автор письма от 14 декабря «покорнейше просил» генерал-губернатора распорядиться «отпечатать листки (Правило для мирных мирных жителей г. Москвы)» и распространить среди домовладельцев, которые ознакомили бы с их содержанием своих квартирантов²²⁹². И этот пример не был единичным²²⁹³.

Экстравагантный план «раскрытия истины» московскому «низшему и среднему сословию» выдвинул и Н.А. Романов. Поскольку «в настоящее время московских газет нет, а все ищут как либо (так – М.А.) прочесть, касающееся переживаемых событий», властям надо распространить по трактирам и партерным листовки («листки сжатого, ясного и убедительного содержания») о губительной для населения сути революционного движения²²⁹⁴.

Встречались в посланиях Дубасову и другие предложения по оздоровлению ситуации. Например, тот же Романов предлагал генерал-губернатору не брезговать получением анонимных писем, более того, оповещать авторов посланий, содержащих «хотя бы мало мальски (так – М.А.) дельный совет», о факте их прочтения главой Первопрестольной довольно оригинальным способом. Письма, по мысли Романова, должны были подписываться каким-либо условным именем, а генерал-губернатору

²²⁹¹Там же. Оп. 139. Д. 174. Т. 3. Л. 3.

²²⁹²Там же. Оп. 95. Д. 294. Л. 21.

²²⁹³ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 294. Л. 22 об.; РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 505. Л. 55-56.

²²⁹⁴ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 294. Л. 32.

следовало извещать об ознакомлении с анонимками «в полицейской газете» с указанием данного «псевдонима»²²⁹⁵.»

Несколько диссонирующая с общим боевым настроением письма мера предлагалась Ф.И. Гучковым: обещать немедленную амнистию («хотя и неполную») «мятежникам, которые добровольно выдадут своих главарей»²²⁹⁶.

Авторы некоторых писем проявляли себя большими ригористами, чем генерал-губернатор. Например, «высокочтущие и искренно полюбившие Вас Москвичи» «с ужасом узнали» о желании главного начальника Москвы и губернии создать «совет из земских и городских деятелей». Далее следовал призыв «не допускать этого» ввиду якобы революционности Думы. Единственным гласным, заслуживающим доверия состоять в Совете при генерал-губернаторе, авторами письма признавался А.С. Шмаков²²⁹⁷. Другой обыватель, «узнав из газет», что городской голова Н.И. Гучков ведет переговоры с «бунтовщиками», желающими сдать оружие, категорически заявлял, что никаких переговоров быть не может, а если они «раскаиваются», пусть «выдают зачинщиков и все оружия» и примут присягу перед Богом²²⁹⁸.

Таким образом, можно видеть, что планы, изложенные обывателями, условно относящимися к группе сторонников Дубасова и его методов борьбы с восстанием, в общих чертах сводятся к следующему: бескомпромиссная борьба со «смутой», которая должна выразиться во всемерном усилении военно-полицейских сил и применении к «главарям» (а часто и не только к ним) предельно жестких мер; однако в то же время авторы отдавали должное и средствам ликвидации наиболее негативных сторон процесса подавления восстания, главным образом преодолению неосведомленности населения о мерах власти.

Насколько реалистичным было видение обстановки обывателями? Учитывая тяжелое материальное положение власти, дезорганизованность

²²⁹⁵Там же. Л. 34-34 об.

²²⁹⁶Там же. Л. 38 об.

²²⁹⁷Там же. Оп. 229. Д. 50. Л. 63-63 об.

²²⁹⁸Там же. Л. 281.

административно-полицейского аппарата, забастовку почти всех типографий, катастрофически малое количество войск, отмечавшуюся самим обывателями «затерроризированность» населения, забастовку всех железных дорог Московского узла, кроме Николаевской, такие предложения, как создание «добровольной охраны» числом в 3000 человек с общим содержанием в 100 тысяч рублей в месяц, всемерное усиление воинских патрулей, немедленная высылка арестованных этапным порядком, распространение в широких масштабах обязательных постановлений были, несмотря на их безусловную полезность для стабилизации обстановки, трудно выполнимы (по крайней мере, на первых порах). Думается также, что введение военного положения и военных судов, предлагавшееся разными авторами с 15 декабря, т. е. дня прибытия Семеновского полка в Москву и в условиях постепенного затухания восстания, было довольно спорной мерой, которая могла способствовать и дискредитации власти. Такие предложения, как отказ от переговоров с желающими сложить оружие рабочими и арест ряда гласных Думы, должны были повести к новым жертвам (как показали события на Пресне) и политическим осложнениям.

Как генерал-губернатор реагировал на проекты не облеченных властью московских горожан? Занятый другими делами, он далеко не сразу ознакомился с поступавшими к нему письмами (тем более анонимными). Так, послание домовладельцев 1 участка Арбатской части, отправленное 12 декабря, было им прочитано, судя по помете и резолюции, только 16²²⁹⁹. По всей видимости, многие из рассмотренных выше посланий вообще не дошли до вице-адмирала, так как на них стоит помета только управляющего его канцелярией Воронина²³⁰⁰. Некоторые документы (например, проект Н.А. Романова) не содержат никаких помет (зато в самом тексте подчеркнуты данные о местожительстве домовладельца²³⁰¹). Анонимное письмо с советом не вступать в переговоры с рабочими, похоже, вообще было оставлено в канцелярии без

²²⁹⁹ Там же. Л. 22.

²³⁰⁰ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 294. Л. 27, 37.

²³⁰¹ Там же. Л. 33, 34 об.

внимания²³⁰². На прошении Л.М. Кашецина вообще стоит знакомая нам резолюция «о.б.п.» («Оставить без последствий»), наложенная, по всей видимости, рукой того же Воронина (хотя в самом тексте послания имеются пометы — подчеркнуты снизу и на полях упоминания об обязательных постановлениях Дубасова, признанных автором неэффективными)²³⁰³. (Возможно, о содержании записки управляющий канцелярией докладывал генерал-губернатору). Помет о просмотре не имеет проект о запрете частной торговли оружием, хотя в самом тексте кем-то выделено слово «необходимость»²³⁰⁴.» Буквально испещрен подчеркиваниями текст послания «патриота Москвы», рассказывающего о деструктивной деятельности Н.П. Шмита, студентов Строгановского училища и сотрудников редакции и типографии «Русского Слова» (в частности, отмечены биографические данные персоналий, о которых идет речь, места их жительства, предполагаемое количество революционных брошюр («сотни тысяч») и их возможные адресаты, чье возмущение могло быть весьма опасным для властей — «русский народ» и «войска», а также наименования «вредных», с точки зрения автора, национальностей)²³⁰⁵. Очень внимательно Дубасов (или Воронин) подошел к изучению письма «мирных жителей г. Москвы» от 18 декабря²³⁰⁶.

Некоторые письма вызвали особый интерес генерал-губернатора. Например, усеяно пометами анонимное послание от 14 декабря, посвященное широкому напечатанию и распространению обязательных постановлений. 16 декабря Дубасов начертал на нем резолюцию: «Печатать»²³⁰⁷.» Однако повлияло ли это письмо непосредственно на принципиальное решение об увеличении

²³⁰² Там же. Оп. 229. Д. 50. Л. 281.

²³⁰³ Там же. Л. 27, 28 об.

²³⁰⁴ Там же. Л. 31.

²³⁰⁵ Там же. Л. 7-7 об.

²³⁰⁶ В нем выделены слова «гг. революционеры», «разумно-строгие распоряжения» (характеристика действий Дубасова в дни восстания), «по освобождении» (революционеров), «вновь» (возобновление революционной деятельности), «смертной казни» (мера наказания для революционеров), «не повадно»), но никаких помет или распоряжений также не сделал, равно как и на «письме высокочтущих и преданных Вам москвичей (Там же. Оп. 229. Д. 50. Л. 63-64 об., 110).

²³⁰⁷ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 294. Л. 21. Все письмо дочери бывшего городского головы И.А. Лямина с предложением распространения постановлений и воззваний также буквально испещрено пометами Дубасова (РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 505. Л. 55-58). Как мы уже говорили, оно вполне могло оказать влияние на действия генерал-губернатора

количества экземпляров собственных распоряжений – мы точно сказать не можем (с большим основанием можно говорить об упоминавшемся письме С.И. Трухачевой). Возможно, пожелания адресантов стали лишь дополнительным аргументом для генерал-губернатора.

В некоторых случаях канцелярия главного начальника Москвы и губернии отправляла полученные документы для получения «экспертной оценки» органов сыска. Так, заявление жителей 3 участка Лефортовской части от 8 декабря 10 числа было направлено заведующим секретным отделением канцелярии генерал-губернатора Борденовым в Охранное Отделение²³⁰⁸. Но самое пристальное внимание властей вызвало заявление домовладельцев и обывателей 1 участка Арбатской части. На это послание Дубасов 16 декабря наложил резолюцию: «Градоначальнику²³⁰⁹.» Уже на следующий день, 17 числа, Джунковский за Дубасова запросил у Медема заключение по содержанию письма и сведения о подписантах²³¹⁰. Градоначальник представил 19 декабря свой ответ, в котором сообщал, что «на предложенные мероприятия» он согласен, а подписавшие документ лица известны ему лично и «заслуживают полного доверия²³¹¹.» Однако несмотря на благоприятный исход переписки, меры, предложенные обывателями 1 участка Арбатской части, фактически уже начали претворяться в жизнь без какого-либо специального решения по тексту их письма.

Наконец, 24 декабря Дубасов распорядился «доставить дополнительные сведения» относительно, вероятно, личности рабочего-монархиста, автора письма от 8 декабря и «объявления²³¹².» Однако ни к каким последствиям это также не привело.

Можно сделать вывод, что проекты лояльно настроенных обывателей изучались генерал-губернатором, его канцелярией и находили созвучие в мыслях и делах главы Первопрестольной. Однако приведенные материалы не

²³⁰⁸Там же. Оп. 95. Д. 294. Л. 4.

²³⁰⁹Там же. Л. 22.

²³¹⁰Там же. Л. 23.

²³¹¹Там же. Л. 59.

²³¹²Там же. Л. 165.

дают оснований считать, что они (во всяком случае, большая часть) принципиально повлияли на действия генерал-губернатора по борьбе с восстанием.

Но к Дубасову поступали и письма от жителей, в той или иной мере высказывавших критические замечания в отношении действий администрации по подавлению «мятежа». Какие же сюжеты затрагивались в этих посланиях и как реагировал на них генерал-губернатор?

«Критиков» вне зависимости от тональности их обращений к вице-адмиралу волновал вопрос об издержках при подавлении вооруженного восстания.

Автор письма, не имеющего даты и подписи (поскольку в начале речь идет об «отмененных новогодних поздравлениях», а в конце – о предстоящих рождественских праздниках, можно сделать вывод, что оно написано либо в финальный период восстания, либо сразу после него), обрушился с резкими замечаниями на действия военных и особенно полицейских, устраивавших грабежи имущества мирных горожан, особенно после артиллерийского обстрела домов. Особенно сильно он критиковал городских, закрывавших глаза на беззакония, а то и прямо участвовавших в разбойных действиях. Солдат, кроме того, он обвинял в совершенно бесцеремонной процедуре обыска женщин. Помимо этого, выставлялось требование ознакомления населения с содержанием распоряжений власти, незнание коих толкало неразумное население столицы на участие в «мятеже»²³¹³.

Еще более решительно предлагал Дубасову задуматься об унижительных обыска женщин и девушек адресант с красноречивой подписью «Ваш друг соц.-рев.», грозя ему персональной ответственностью. В случае же злоупотребления офицеров и солдат своими полномочиями, «друг» требовал незамедлительной отмены «военного положения» «от имени мыслящих людей». Если же генерал-губернатор «не в состоянии расстаться с этой прелестью», то единственным выходом для него, по мнению автора, являлась

²³¹³ Там же. Оп. 229. Д. 50. Л. 56-57.

отдача «немедленного распоряжения, что бы подобное обращение не случалось». При отказе от подобной меры Дубасову гарантировалась судьба «его предка Сережа (так – М.А.)²³¹⁴.»

Довольно жестко протестовал против методов обыска военными, в особенности нижними чинами, жителей Москвы полковник запаса Зеленый. Он требовал «поставить хоть офицеров при этих нижних чинах», будучи уверен, что «офицеры не посягнут на карман проходящего, для этого у них еще сохранилась совесть». Еще более решительно Зеленый обрушивался на залпы «по пустым улицам правильнее сказать по мирноспящим домам» (так – М.А.), которые совершали ночные разъезды солдат, «убивая ни в чем не повинных жителей вверенного Вам города». Заканчивалась эта филиппика сообщением, что отставной полковник едет «представляться Государю» и «просить возмещения убытков, которые потерпел благодаря Вашей милой распорядительности». В завершение он язвительно заявлял, что «не завидно» подавлять восстание «при помощи опоенных водкой солдат и офицеров²³¹⁵.»

Осуждались оппозиционно настроенными адресантами и некоторые меры генерал-губернатора, косвенно направленные на «водворение» порядка. Так, авторы анонимного письма стыдили Дубасова за опубликованное в газетах распоряжение антрепренерам московских театров о запрещении играть марсельезу. Они делали вывод, что подобная мера была предпринята не ради «искусства для искусства», а «вопреки основного права человека свободы слова, убеждений, запретили придерживаться передовому движению» (так – М.А.). Но подобные репрессии, по мнению авторов, явно запоздали, ибо «двуглавному орлу самодержавия крылья пообрезали». И завершали они свое письмо протестами против «поругания свободы арестами и т. п.», что должно привести Дубасова «к печальному результату²³¹⁶.»

Как видим, рассмотренные нами письма московских обывателей генерал-губернатору с критикой проводимых им мероприятий содержали лишь

²³¹⁴Там же. Л. 61-62.

²³¹⁵Там же. Оп. 237. Д. 90. Т. 1. Л. 202-203.

²³¹⁶Там же. Оп. 95. Д. 294. Л. 19.

требования отмены и осуждение определенной совокупности карательных мер (или какого-то одного мероприятия) и не выдвигали никакой более или менее позитивной программы (за исключением первого письма, автор коего рекомендовал вице-адмиралу ознакомить население с сущностью обязательных постановлений). Поэтому их ждала не самая приятная участь: на первом вообще не имеется никаких выделений, на втором – есть помета о прочтении, вероятно, сделанная рукой А.А. Воронина, на четвертом управляющий канцелярией поставил характерную помету: «О. б. п.²³¹⁷.»

Впрочем, письмом полковника Зеленого вице-адмирал заинтересовался лично, собственноручно поставив резолюцию «Справиться» и отправив 22 декабря запрос градоначальнику «о месте жительства и общественном положении» адресанта²³¹⁸. Однако сведений о дальнейшем ходе дела обнаружить не удалось.

Наконец, в качестве четвертой группы обращений московских обывателей к генерал-губернатору можно выделить прошения о преодолении конкретных эксцессов во время подавления восстания или предотвращении грядущих происшествий, а то и об удовлетворении частных просьб, имеющих значение для дела борьбы с «крамолой». В качестве примера можно привести прошение почетного опекуна Московского Вдовьего Дома тайного советника С.С. Перфильева от 19 декабря, который докладывал Дубасову, что накануне вечером в окна вверенного его попечению помещения попали пули, разбили стекла, повредили обстановку и ранили людей. Перфильев просил сделать распоряжение, чтобы войска «с возможно большей осторожностью и осмотрительностью относились» к Вдовьему Дому²³¹⁹.

Довольно необычная просьба поступила к генерал-губернатору от директора Московского Арнольдо-Третьяковского училища для глухонемых 16 декабря. Автор беспокоился за судьбу «1500» проживающих в Москве глухонемых, которые могут не услышать часовых и «не поднять руки для

²³¹⁷ Там же. Оп. 229. Д. 50. Л. 55, 61; Оп. 95. Д. 294. Л. 19.

²³¹⁸ Там же. Оп. 237. Д. 90. Т. 1. Л. 201, 202.

²³¹⁹ Там же. Л. 125.

обыска». В связи с этим директор Училища просил главу Первопрестольной принять меры для ограждения их жизни²³²⁰.

Подобные ходатайства генерал-губернатор склонен был удовлетворять. Так, на прошении Перфильева он наложил следующую резолюцию: «Флигель-Адъютанту Мин на распоряжение²³²¹.» В ответ на заявление директора Арнольдо-Третьяковского училища Дубасов распорядился выдать удостоверения глухонемым за подписью и печатью директора, причем должен быть указан недуг предъявителя²³²².

Уже говорилось выше, что порой к Дубасову обращались видные общественные деятели с прошениями, связанными с делом подавления восстания. Образчиком данного типа посланий может послужить письмо Е.Е. Нольштейна, выступавшего от имени правления Общества Московско-Казанской железной дороги. Он просил Дубасова о распоряжении кому-либо «из старших чинов, заведующих охраной Москвы» принять начальника товарной станции дороги И.А. Шибанова, который хочет сообщить «важные вести», но не имеет времени изложить их письменно²³²³. Резолюции Дубасова на этом письме нет, однако, согласно дневнику В.Г. Глазова, Шибанов был приглашен на военно-полицейское совещание к генерал-губернатору 15 декабря²³²⁴.

Таким образом, львиная доля писем, получаемых генерал-губернатором Дубасовым в период восстания и в ближайшие дни после него от московских жителей, принадлежала перу стоявших «за порядок» жителей города, стремившихся поздравить вице-адмирала с успешным подавлением «крамолы» или же донести до его внимания какие-либо предложения по оптимизации действий административного и военного аппарата в борьбе с восстанием. Речь заходила о таких вещах, как усиление войск и полиции, радикализация мер в борьбе с восстанием, преодоление его издержек, советы

²³²⁰Там же. Л. 39.

²³²¹Там же. Л. 125.

²³²²Там же. Л. 39, 41.

²³²³РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 446. Л. 1.

²³²⁴РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 10. Л. 365.

по поводу конкретных постановлений, проводимых в жизнь «главным начальником» Москвы и губернии. Однако нельзя сказать, чтобы в целом данные рекомендации принципиально влияли на действия Дубасова. Представляется, что объяснялось это как излишней радикальностью и прямолинейностью ряда проектов, так и чрезмерной загруженностью генерал-губернатора текущими делами, в силу которой он не успевал современно знакомиться с проектами. Относительно же малочисленные критики его распоряжений не удостоивались положительной реакции вообще. Ходатайства просителей по частным вопросам, тем не менее, связанным с ходом восстания, Дубасов старался удовлетворять.

Таким образом, взаимодействие генерал-губернатора с населением посредством письменного общения не было полномасштабным и не привело к установлению тесного контакта Дубасова с обывателями по политическим вопросам.

Кроме того, в период восстания и сразу после него имели место и частные контакты при личных встречах руководителя администрации и жителей (главным образом, относившихся к городской верхушке), во время которых последние высказывали свои жалобы, просьбы и пожелания, а должностные лица, по всей видимости, отдавали распоряжения. Носили они, в условиях опасности передвижения по улицам для жизни в острый период «смуты», спорадический характер, плохо документировались и потому мы осведомлены о них совершенно недостаточно. Можно перечислить несколько известных нам случаев таких встреч или обращений.

В.Г. Глазов упоминал в дневнике, что 18 декабря встретил у Дубасова одного из виднейших представителей консервативного мира России – редактора «Московских ведомостей» В.А. Грингмута, однако, естественно, не имел понятия, что составляло предмет встречи публициста и администратора²³²⁵. Возможно, что речь шла о печатании будущих объявлений генерал-губернатора или Дубасов хотел получить совет по поводу кадровой

²³²⁵РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 10. Л. 369 об.

политики, однако пока нам остается лишь принять этот факт к сведению.

Больше известно о встрече генерал-губернатора с начальницей Екатерининского института благородных девиц О.С. Краевской. Одна из классных дам рассказала Н.П. Вишнякову, что с ночи с 11 на 12 декабря институт находился под контролем дружинников, заставивших начальство заведения открыть ворота и ожидавших столкновения с войсками, в случае коего планировали укрыться в здании. После двух дней томительного ожидания (вследствие абсолютного бессилия местной полиции что-либо сделать), по всей видимости, 14 декабря О.С. Краевская решила обратиться к самому «главному начальнику» Москвы. Во время аудиенции начальница поставила жесткое условие: «если администрация московская бессильна защитить институт», то она обратится непосредственно к императору с просьбой перевести девиц в Петербург. В этом случае, скованный по рукам и ногам отсутствием достаточных военных и полицейских сил, Дубасов не вел себя, как хозяин положения. По словам классной дамы, зафиксированным Вишняковым, он просил Краевскую подождать, говоря «что хуже того, что было, не будет, и что он надеется, что через два дня все будет кончено²³²⁶».» Как видим, далеко не всегда вице-адмирал имел возможность проявить себя перед обывателями решительным и умелым администратором и был вынужден прибегать к уговорам и компромиссам.

Таким образом, частные контакты генерал-губернатора и верхушки населения в силу опасной ситуации в городе были спорадическими и не особенно успешными (как в случае с просьбой О.С. Краевской). Сложно установить подчас и сам предмет беседы Дубасова с визитером (как это видно в случае с приемом В.А. Грингмута). Так или иначе, можно утверждать, что генерал-губернатор был открыт для взаимодействия с московской общественностью по широкому спектру вопросов.

²³²⁶ ЦГА Москвы. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 18. Л. 84-85.

Рассмотренные выше сюжеты, на наш взгляд, дают основание утверждать, что и московская власть, и верхушка горожан, и даже широкие слои населения Первопрестольной в период Декабрьского восстания довольно активно стремились к взаимодействию. Естественно, что в первую очередь этот процесс затронул администрацию и «цензовую» общественность, однако, как мы видели, он получил выражение и в попытках диалога генерал-губернатора и широких кругов обывателей.

Большую роль в налаживании контактов с «благонамеренной» общественностью сыграла личная позиция генерал-губернатора Ф.В. Дубасова (также опиравшегося на указания Витте о сотрудничестве с верхушкой московского населения). Призвав «благомыслящее» население к поддержке своих начинаний во время первого своего публичного выступления, Дубасов постепенно расширял участие общественных деятелей консервативного и умеренно-либерального направления в обсуждении проектировавшихся им мероприятий. Это направление деятельности главы Первопрестольной нашло свое логическое завершение в образовании консультативного «Гражданского Совета» 15 декабря.

Но и «благонадежная» «цензовая» общественность Москвы также стремилась к сотрудничеству с властью, дабы поскорее справиться с революцией и в то же время не допустить эксцессов, могущих негативно повлиять на жизнь Первопрестольной, ее собственное благополучие и политический «имидж». Во главе этого течения, бесспорно, встал новый городской голова Н.И. Гучков, «брат по профессии» одного из лидеров нарождавшейся умеренно-либеральной «партии порядка» – «Союза 17 октября» (именно ее члены, вкупе с активистами «родственных» московских «буржуазных партий» вступили в деятельный контакт с Дубасовым). Деловой, жесткий и энергичный человек, безусловный враг революции, он в то же время был убежден в необходимости борьбы с негативными для мирного московского населения последствиями подавления восстания. В соответствии

с этими взглядами он старался обеспечить работу Думы и добиться принятия соответствующих мер генерал-губернатором. К подобному же сотрудничеству с властью активно стремились такие представители московской общественности, как А.И. Гучков (в отличие от брата более склонный к фразе и прожектерству), губернский предводитель дворянства князь П.Н. Трубецкой, глава Московского Биржевого комитета Г.А. Крестовников.

В результате данного сотрудничества стороны добились определенных успехов в преодолении эксцессов, возникавших при подавлении восстания, поддержании сил главных борцов с «мятежом» – полицейских и солдат (в чем особую роль сыграло крупное пожертвование московских капиталистов, распорядителем коего был Г.А. Крестовников) разработке и претворении в жизнь программы по возвращению города к мирной жизни (особенное значение в этом сыграл «Гражданский Совет»), смягчению режима содержания политических заключенных, многочисленных после подавления восстания. У генерал-губернатора в ходе этого взаимодействия наиболее тесные деловые отношения сложились с Н.И. Гучковым, который фактически играл роль неофициального советника «главного начальника» Первопрестольной не только по хозяйственным, но порой и по политическим вопросам (достаточно вспомнить обращение к нему вице-адмирала за консультацией насчет предложения бастовавших железнодорожников). При этом Дубасов, человек военный, вспыльчивый и жесткий, при контактах с «общественниками» зарекомендовал себя как достаточно гибкий и способный приспособиться к требованиям момента администратор. Наиболее ярко это сказалось при подаче им информации о действиях власти на первом заседании «Гражданского Совета», умении пойти на уступки просьбам Гучкова, выполнении всех требований Крестовникова при распоряжении полученным капиталом. Таким образом, московская власть и умеренная часть «цензовой» общественности в ходе восстания и при ликвидации его последствий продемонстрировали готовность к конструктивному сотрудничеству, причем не только на почве борьбы с «крамолой».

Однако были и факторы, создававшие определенные ограничения для данного взаимодействия. Сама чрезвычайная обстановка восстания (в принципе не благоприятствовавшая активным действиям «общественности»); острая политическая борьба в рядах московских «цензовиков», бывшая отражением всероссийской борьбы кадетов с их соседями справа и особенно деструктивно сказавшаяся на работе Думы, затрудняя или отсрочивая принятие ею необходимых решений; жесткая охранительная позиция администрации и лично Дубасова по ряду вопросов, приводившая к блокировке многих позитивных общественных инициатив (например, стремления Н.И. Гучкова прекратить расправы войск над самочинными санитарными отрядами); занятость администрации делами по подавлению восстания, не позволявшая ей своевременно знакомиться с поступающими предложениями и предпринимать планируемые акции (например, созыв «Гражданского Совета» в начале восстания); недостатки административного и военного аппарата, не обеспечивавшими контроль вице-адмирала над действиями своих подчиненных; стремление верхушки москвичей оказывать благотворительное содействие прежде всего своим защитникам – городским и полицейским – снижали эффективность этого сотрудничества. Как видим, здесь сыграли роль реалии общественно-политической жизни России в начале XX века – нетерпимость отдельных партийных группировок, ожесточение и произвольные действия администрации, недостатки местного управления, «взрыв» классового эгоизма.

Отношения же власти и широких слоев населения поддаются менее отчетливой характеристике.

Представители же разных слоев населения предпочитали обращаться к власти преимущественно в письменной форме (в связи с восстанием), личные же встречи генерал-губернатора с москвичами (в основном высокопоставленными) были редки. Главными темами писем (в значительном числе анонимных) были благодарность за подавление «крамолы», предложение собственных методов борьбы с ней, в редких случаях – критика

администрации, наконец, конкретные просьбы. Нужно констатировать, что в силу занятости генерал-губернатора и явного утопизма большинства предложений полноценного диалога не получилось. Недостатки административного аппарата, неготового к восстанию, и заставлявшие Дубасова обращать «все свои силы» на непосредственную борьбу с «мятежом», а также крайне низкий уровень политического сознания большинства обывателей сыграли свою роль.

Можно заключить, что в период Декабрьского вооруженного выступления налицо был весьма значительный потенциал для сотрудничества местной власти как с общественностью, так и с широкими слоями горожан, причем «диктатор» Дубасов немало сделал сам для практической постановки этого взаимодействия. Однако масштабные проблемы, породившие и усугубившие острый кризис начала XX века и его проявление в виде первой русской революции в целом и Московского восстания в частности — отсутствие нормального взаимодействия власти и общественности, социальная незащищенность «низов» горожан, архаичность местного аппарата власти, низкий уровень политической культуры населения — наложили негативный отпечаток на этот процесс и явно сигнализировали о необходимости их разрешения. Но данный опыт не был отрефлексирован ни в «верхах», ни в «цензовых» кругах, что и подтвердили политический кризис 1915-1917 годов и революция 1917 года, приведшие к крушению социально-политического строя.

Заключение.

Проведенный нами анализ действий московской власти в борьбе с революцией в период наивысшего развития протестного движения в 1905 г. позволяет прийти к ряду выводов о состоянии местного и центрального аппарата управления Российской империи.

Социально-политическая обстановка в Москве в течение всего рассмотренного периода оставалась крайней сложной: всплеск протестных настроений, сопровождавшихся ощущением наступившей «новой эры», многочисленные (в том числе недозволенные) политические форумы, митинги, попытка создания параллельных органов власти в виде Советов в «дни свобод» сменилась открытым противостоянием администрации и части общества в период Декабрьского восстания, сопровождавшимся утратой официальным руководством контроля над значительной частью города. Наконец, острая борьба в рядах московской общественности, особенно ярко проявившаяся в городской Думе, сильно осложнила ее конструктивную работу с администрацией не только в период «дней свобод», но и во время «мятежа». Но недовольство властью было далеко не всеобщим, а силы противников «порядка» – слишком неорганизованными. Казалось бы, администрация могла воспользоваться этими преимуществами и быстро справиться с протестным движением.

Однако самодержавие не было готово к революционному всплеску на всех уровнях. Малочисленность войск и полиции, острая потребность системы политического сыска в реформах, плохое финансовое положение, неудовлетворительный кадровый состав руководителей, отсутствие четко установленного взаимодействия с военным командованием, потребность в услугах коего все более нарастала, – с таким арсеналом встретила московская администрация начало «дней свобод» – того периода, когда от нее требовались наиболее энергичные и нетрадиционные действия. И во многих случаях эти недостатки были порождением серьезных проблем, в числе коих

первенствующее место занимали скарденность финансового ведомства при отсутствии единства государственного управления, недочеты военной реформы 1870-х годов (особенно низкое качество института запасных, лишившее московский гарнизон в годы русско-японской войны лучшей части состава), использование нижних чинов армии в хозяйственных целях при недостатке финансирования, устарелость законодательства о призыве войск на помощь администрации, в основном разработанное в 1870-х годах. Расширение же карательных полномочий в этих условиях к реальным успехам не приводило. Попытки импровизированного исправления данных «язв» в чрезвычайных условиях Декабрьского восстания могли дать только ограниченный эффект: создать новый штат профессиональных полицейских быстро не удалось, неформальный контроль генерал-губернатора над военными был далеко не всеобъемлющим и т.д.

Но не могла стать хорошим руководителем московской и центральная власть. Неразработанность важнейших реформ, возведенных в Манифесте 17 октября, растерянность ключевых фигурантов правительственной политики (особенно премьера «объединенного правительства») перед лицом совсем не благодарной общественной реакции, отсутствие четких распоряжений местным руководителям – таковая была реальность российской внутренней политики в «дни свобод». Постепенно в правящих кругах возрастала готовность к проведению репрессий, главным выразителем коей стал П.Н. Дурново. Однако данный процесс не был линейным: вплоть до начала декабря центральной власти (в том числе руководству МВД) были присущи колебания при «ликвидации» важнейших противников режима. В период самого восстания такие факторы, как недостаточное единство центральной власти, неудовлетворительное состояние московского административного аппарата, низкая осведомленность высших сфер о происходившем в Москве, сложная обстановка во всей стране (забастовки, волнения в войсках), наложившиеся на это придворные интриги резко снижали возможности Петербурга направлять события в Первопрестольной. В итоге распоряжения об арестах полностью не

выполнялись и были не всегда продуманными, а войсковые подкрепления, в коих столь сильно нуждалась московская власть, удалось прислать очень поздно. Петербург (в частности руководство МВД) благоразумно предоставил выработку стратегии вооруженной борьбы против «мятежников» администрации Первопрестольной; попытки же его вмешиваться в эту сферу либо не имели решающего значения, либо приводили к неоднозначным последствиям (вероятное ускорение плохо организованного наступления на Пресню).

Наконец, острая борьба в рядах московской общественности, особенно ярко проявившаяся в городской Думе, сильно осложнила, помимо объективных обстоятельств восстания и неудовлетворительной работы административного аппарата, взаимодействие власти с верхушкой населения Первопрестольной.

Проведенное исследование также показывает значимость личностного фактора руководителей власти в чрезвычайных условиях. Если градоначальник Г.П. Медем и особенно генерал-губернатор П.П. Дурново в «дни свобод» либо бездействовали, либо предпринимали паллиативные и запоздавшие меры, то новый глава Москвы Ф.В. Дубасов в период Декабрьского восстания зарекомендовал себя как энергичный и инициативный управленец. Не обладая административными навыками, он, тем не менее, сформировал собственную «команду», предпринял ряд энергичных мер по повышению эффективности гражданского аппарата, установил контроль над военными (апофеозом чего стали созданные им военно-полицейские совещания), смог наладить диалог с «благонадежной» частью общественности (личные контакты с городским головой Н.И. Гучковым, образование консультативного «Гражданского Совета» и впоследствии – ряда органов на основании его решений, взаимодействие с буржуазией по вопросам «спонсирования» «сил порядка»). Пытался вице-адмирал, памятуя о своем опыте «усмирения» крестьян в Черниговской губернии, совмещать репрессии с убеждением населения в пагубности революционного движения и

неминуемой победе власти, для чего лично работал над текстами специальных воззваний. Не боялся генерал-губернатор отстаивать собственную линию перед петербургским начальством, когда считал это нужным (например, в деле о применении военных судов). Однако значение личностного фактора не стоит абсолютизировать: ряд объективных обстоятельств Дубасов превозмочь не мог (например, окончательно свести к минимуму практику расстрела военными домов или добиться полной осведомленности москвичей об изданных им воззваниях и распоряжениях). Некоторые его проекты отличались полным утопизмом (например, резкое увеличение штатов полиции и ночных сторожей в условиях восстания), а составляемые воззвания смутно объясняли слишком очевидные факты насилия войск над нейтральным населением.

В результате в период «дней свобод» действия московской власти были либо паллиативными (применение плохо функционировавших обязательных постановлений, формальное запрещение митингов, попытка приостановить распространение оружия), либо нерешительными (аресты); взаимодействие же с военным начальством во многих случаях отличалось несогласованностью; отсутствие четкой линии по отношению к возможным союзникам – правым радикалам – привело к фактическому неиспользованию данного ресурса на протяжении конца октября – начала декабря 1905 г. и падению авторитета администрации как среди сторонников, так и среди противников. Итог был неутешителен – московское руководство, как и большинство «агентов правительства», воспринималось в революционной и леволиберальной среде как нечто слабое и реакционное одновременно, что вело к повышению «протестного духа» в этих кругах, несмотря на усиление репрессий к началу декабря. В период же новой всеобщей стачки и вооруженного восстания гражданской власти удалось действовать более энергично: мобилизовав все возможные ресурсы, установив в итоге контроль над военными, добившись присылки подкреплений она смогла подавить все «революционные очаги», произвести захват части своих противников, провести успешные мероприятия по возвращению города к мирной жизни. Но вышеуказанные факторы привели

к ряду издержек, сильно осложнивших процесс подавления «мятежа»: спасению значительной части революционных лидеров, насилию озлобленных и плохо контролируемых войск по отношению к населению, применению ими наиболее жесткой тактики, неосведомленности значительной части москвичей о постановлениях и воззваниях власти (что подчас оборачивалось трагедией), сложности реализации конструктивных и нацеленных на сотрудничество с властью решений городской Думы, наконец, циркуляции ряда слухов, далеко не благоприятных для руководства города и страны. Эти слухи, наряду с реальными неприглядными фактами, стали мощным оружием в руках противников режима. Недаром лидер кадетов П.Н. Милюков в докладе на II съезде партии в январе 1906 г. предлагал воспользоваться обывательским «страхом перед правительственным террором», тем, что «испугавшись революционеров, обыватель все-таки не поверил и правительству²³²⁷.»

Таким образом, московской и центральной власти удалось справиться со стоявшими перед ней задачами в самый напряженный период революции 1905-1907 гг. Однако этот процесс проходил тяжело и поставил перед аппаратом управления ряд задач, которые и предстояло решать впоследствии.

²³²⁷ Съезды и конференции конституционно-демократической партии...С. 69.

Список источников и литературы.

Источники.

Архивные материалы.

Государственный Архив Российской Федерации:

1. Ф. 59 (Московское Жандармское Полицейское Управление железных дорог).
2. Ф. 63 (Отделение по охране общественной безопасности и порядка в Москве при московском градоначальнике).
3. Ф. 102 (Департамент полиции Министерства внутренних дел).
4. Ф. 110 (Штаб Отдельного корпуса жандармов).
5. Ф. 671 (Великий князь Николай Николаевич).
6. Ф. 826 (В.Ф. Джунковский).
7. Ф. 1167 (Коллекция вещественных доказательств, изъятых жандармскими учреждениями при обысках редакций, газет и отдельных лиц).
8. Ф. Р 6249 (Г.О. Раух).
9. Ф. Р 6400 (П.С. Бобровский).

Научно-исследовательский Отдел Рукописей Российской Государственной библиотеки.

10. Ф. 307 (Тюлины).

Российский Государственный Архив Литературы и искусства.

11. Ф. 128 (Р.М. Хин-Гольдовская).

Российский Государственный Архив Военного-Морского флота.

12. Ф. 9 (Ф.В. Дубасов).

Российский Государственный Военно-Исторический архив.

- 13. Ф. 1 (Канцелярия Военного министерства).
- 14. Ф. 400 (Главный штаб).
- 15. Ф. 1606 (Штаб Московского военного округа).
- 16. Ф. 2000 (Главное управление Генерального штаба).
- 17. Ф. 2602 (12 гренадерский Астраханский полк).
- 18. Ф. 2584 (лейб-гвардии Семеновский полк).
- 19. Ф. 13495 (Московское Комендантское управление).

Российский Государственный Исторический архив.

- 20. Ф. 516 (Камер-фурьерские журналы (коллекция)).
- 21. Ф. 922 (В.Г. Глазов).
- 22. Ф. 935 (Н.П. Гарин).
- 23. Ф. 1276 (Совет министров).
- 24. Ф. 1282 (Канцелярия министра внутренних дел).
- 25. Ф. 1328 (Управление дворцового коменданта Министерства императорского двора).
- 26. Ф. 1393 (Ревизия сенатора Н.П. Гарина Московских установлений и учреждений Военного ведомства Московской губернии).
- 27. Ф. 1405 (Министерство юстиции).
- 28. Ф. 1622 (С.Ю. Витте).
- 29. Ф. 1656 (Г.О. Раух).

Центральный Государственный архив Москвы.

- 30. Ф. 16 (Управление московского генерал-губернатора).
- 31. Ф. 17 (Канцелярия московского губернатора).
- 32. Ф. 46 (Канцелярия московского градоначальника).

33. Ф. 179 (Московское городское общественное управление).
34. Ф. 212 (Старший инспектор книгопечатания и книжной торговли в Москве).
35. Ф. 380 (Канцелярия московского губернского предводителя дворянства).
36. Ф. 474 (Московская губернская тюремная инспекция).
37. Ф. 475 (Московская столичная полиция).
38. Ф. 1334 (Н.П. Вишняков).

Опубликованные материалы.

Законодательные материалы.

1. Полное Собрание Законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собрание 3-е. – СПб., Пг.: Государственная типография, 1886-1916.
2. Свод военных постановлений 1869 года: [Ч.1.] Военные управления: (По 1 янв. 1893 г.) Кн. 1. Кн. 2 Военное министерство и состоящие при нем особые учреждения Военно-окружные управления]. – СПб.: Государственная типография, 1893. – 317 с.
3. Свод Законов Российской империи. Т. II. СПб.: Государственная типография, 1892.

Официальная документация.

4. Адмирал Ф.В. Дубасов – палач или человек чести? // Московский архив. Историко-культурный альманах. Вып. 2. Вторая половина XIX – начало XX века. – М., 2000. – С. 468-474.
5. *Витте С.Ю.* Собрание сочинение и документальных материалов: В 5 т. Т.1. Пути сообщения и экономическое развитие России. Ч. 2, кн.1. – М.: Наука, 2004. – 647 с.

6. Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года. Ч. 1 / отв. ред. Л.М. Иванов // Революция 1905-1907 гг. в России. Документы и материалы. 50 лет. 1905-1955. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – XXIV, 778 с.

7. Высший подъем революции. Вооруженные восстания: ноябрь-декабрь 1905 года. Ч. 1 / отв. ред. А.Л. Сидоров // Революция 1905-1907 гг. в России. Документы и материалы. 50 лет. 1905-1955. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 650 с.

8. «Дежурные» дневники московского градоначальства 25 сентября 1905 года – 12 января 1906 года / Подг. Л.И. Лескова, Э.С. Коган // Материалы по истории революции 1905-1907 гг. Труды Государственного Исторического музея. Выпуск 41. – М.: Советская Россия, 1967. – С. 25-147

9. Из истории московского вооруженного восстания. Документы и материалы / Сост.: Г. Костомаров, В. Симоненко и А. Дрезен. – М.: Моск. Рабочий, 1930. – 232 с.

10. Отчет о деятельности московской городской управы за 1905 г. – М., 1906. – 698 с.

11. Партии российских промышленников и предпринимателей, 1905-1906 гг. Документы и материалы / Сост. В.Ю. Карнишин. – М.: РОССПЭН, 2004. – 248 с.

12. Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК, 1905-1915. В 2 тт.: Т.1, 1905-1907 гг. – М: РОССПЭН, 1996. – 408 с.

13. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3 т.: Т.1, 1905-1907. – М: РОССПЭН, 1996. – 686 с.

14. Письма Николая II к Дубасову // Красный архив. 1925. Т.4-5 (11-12). – С. 440-442.

15. Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. В 6 т.: Т.1. Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1905-1911 гг. – М.: Прогресс-Академия, 1994. – 528 с.

16. Революция 1905 года и самодержавие / Подгот. В. П. Семенников; предисл. А. М. Панкратовой ; примеч. М. И. Ахун, В. А. Петрова. – М, Л.: ГОС. Изд-во, 1928. – 284, [2] с.
17. Революция без ретуши. 17 документов из фондов Центрального исторического архива Москвы. Декабрь 1904 – май 1905 гг. // Московский архив. Историко-краеведческий альманах. Выпуск 2. – М.: Мосгорархив, 2000. – 693, [2] с.
18. Российская монархическая государственность на последнем этапе своей истории: 20 октября 1894 - 3 марта 1917 г.г.): сборник документов / Под ред. Н.Д. Ерофеева. – М.: Изд. центр Института российской истории РАН, 2014. – 605 (1) с.
19. Совет министров Российской империи, 1905-1906 гг. Документы и материалы / Отв. ред. Р.Ш. Ганелин. – Л: Наука, Ленингр. Отд-е, 1990. – 473, [3] с.
20. Стенографические отчеты о заседаниях Московской городской думы за 1905 г. : Янв-дек. – М., 1906-1907. – [LXXXVI]- 1147 с.
21. Съезды и конференции конституционно-демократической партии, 1905-1920. В 3 т: Т.1, 1905-1907 / Сост. О.В. Лежнева. – М.: РОССПЭН, 1997. – 742 с.
22. Царизм в борьбе с революцией 1905-1907 гг. - М.: Соц.-экон. Изд-во, 1936. - 259 с.
23. Штурм Пресни / Красный архив. 1925. Т. 4-5 (11-12). - С. 387-397.

Источники личного происхождения.

24. *Астров Н.И.* М.Я. Герценштейн в Московской городской думе // Жизнь и гибель Михаила Герценштейна. Публицистика, письма, воспоминания современников / Сост. В.В. Ведерников. – СПб: Нестор-История, 2016. С. 443-450.
25. *Бельгард А.В.* Воспоминания / Вступ. статья, подгот. текста Е.Н.

Андреевой, коммент. Г.М. Пономаревой, Т.К. Шор, Н.Г. Патрушевой. – М.: Новое Литературное обозрение, 2009. – 688 с.

26. Великая княгиня Елисавета Феодоровна. Документы и материалы 1905-1918 гг./ сост. Е.Ф. Ковальская. В 2-х т. Т.1. 1905-1913 гг. – М.: Никея, 2018. – 892 с.

27. Власть и общество в Первой российской революции 1905-1907 гг. Документальные свидетельства / Ред. и сост.: П.Ю. Савельев (отв. ред.) и др. – М.: РОССПЭН, 2017. – 461 с.

28. Воспоминания: из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи / Сост., подгот. текста, коммент. А.Б. Лихоманова. – СПб: Российская Национальная библиотека, 2009. – 228 с.

29. *Герасимов А.В.* На лезвии с террористами // «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска: в 2 т. Т. 2 / вступ. Ст., коммент. З.И. Перегудовой. – М., 2004.

30. *Горшков В.А.* Юность большевика // Москва в трех революциях. – М.: Советский писатель, 1959 г. – С. 11-19

31. Декабрь 1905 года на Красной Пресне. – М.; Пг.: Гос. изд-во, [1924]. – 187, [1] с.

32. Декабрьские дни в Москве: Записки дружинника. – СПб: Земля и воля, 1906. – 32 с.–

33. Декабрьские дни 1905 г. в Москве (Дневник очевидца). – [Б. м. и.г.] – 16 с.

34. Декабрьское вооруженное восстание 1905 г. глазами сотрудников московской полиции / Публ. И.В. Говорова // Новейшая история России. Междисциплинарный научно-теоретический журнал. 2012. № 2 (4). С. 182-190

35. *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. В 2 т. Т. 1: [1905-1915 гг.] – М.: Издательство имени Саабашниковых, 1997. – 733 (1) с.

36. Дневник Г.О. Рауха // Красный архив. 1926. Т. 6 (19). – С. 83-109
37. Дневник Л.А. Тихомирова 1905-1907 гг. / сост. А.В. Репников, Б.С. Котов; [автор предисл., коммент. и примеч. А.В. Репников]. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 599 с.: ил.
38. Дневники императора Николая II, 1894-1918 гг. / Отв. ред. С.В. Мироненко. В 2-х т.: Т. 2: 1905-1918 гг., ч. 1: 1905-1913 гг. – М.: РОССПЭН, 2013. – 823 с., [12]
39. Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания / Редкол. Б.В. Ананьич и др. – СПб, ДБ, 2003. – Т. 1, кн. 2: Рассказы в стенографической записи. – С. 1-526.
40. Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания / Редкол. Б.В. Ананьич и др. – СПб.: ДБ., 2003. – Т. 2, Рукописные заметки. Рассказы в стенографической записи. – 646, [3] с.
41. Из дневника Константина Романова // Красный архив. 1931. Т. 1 (44). С. 126-151.
42. *Киреев А.А.* Дневник 1905-1910 гг. /Сост., вступ. Ст. и коммент. К.А. Соловьев. – М.: РОССПЭН, 2010. – 470, [2] с.
43. *Костицын В.А.* Мое утраченное счастье...: воспоминания, дневники. В 2 тт.: т. 1.– М.: Новое Литературное обозрение, 2017. – 781 [2] с.
44. *Костицын В.А.* Мое утраченное счастье...: воспоминания, дневники. В 2 тт.: т. 2.– М.: Новое Литературное обозрение, 2017. – 435 [2] с.
45. *Левин К.Н.* Вооруженное восстание в Москве (Дни 7-19 декабря 1905 года). Отрывки из дневника // Декабрьское восстание в Москве 1905 г. Иллюстрированный сборник статей, заметок и воспоминаний. Под ред. Н. Овсянникова (Материалы по истории пролетарской революции. Сборник 3-й). – М.: Государственное издательство, 1920. – С. 232-261.
46. *Любимов Д.Н.* Русское смутное время, 1902-1906. По воспоминаниям, личным заметкам и документам / Вступ. статья и коммент. К.А. Соловьева. – М.: Кучково поле, Ретроспектива, 2018. – 560 с.

47. *Мицкевич С.И.* Революционная Москва. – М.: Гослитиздат, 1940. – 494 с.
48. Мемуары графа И.И. Толстого / Подгот. текста Л. И. Толстого; Коммент.: Р. Ш. Ганелин, А. Е. Иванов. – М.: Индрик, 2003. – 463 с.
49. Москва в декабре 1905 г. / предисл. и коммент. Л.В. Беловинского, 2-е изд. – М.: ГПИБ, 2018. – 283, [3] с.
50. На баррикадах Москвы. Сборник воспоминаний, документов и материалов / Сост. И. Угров, В.Величкина. – М.: Моск. Рабочий, 1975. – 368 с.
51. Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. Дневники. Письма / сост. Н.И. Канищева. – М.: РОССПЭН, 2012. – 1112 с.
52. *Никольский Б.В.* Дневник. 1896-1918. В 2 т. Т. 2: 1904-1918 /подгот. Д.Н. Шилов, Ю.А. Кузьмин. – СПб.: ДБ, 2015. – 656 с.
53. «Объезд сатрапа»: Записки А.А. Татищева о карательной экспедиции Дубасова в Черниговской губернии // Красный архив. 1935. Т. 2-3 (69-70). – С. 42-55
54. Переписка императора Николая II с матерью – императрицей Марией Федоровной. 1914-1917 гг. / Подготовка к изданию, перевод, коммент. Е.А. Чирковой. – 2-е изд. – М.: Индрик, 2018. – 1056 с.
55. *Половцов А.А.* Дневник. 1893-1909 / сост., коммент., вступ. сост. О.Ю. Голечковой. – СПб.:АНО: Женский проект: Алетейя, 2016. – 704 с.
56. Пресня в декабре 1905 г. // Красный архив, 1935. Т. 6 (73). – С. 204-209
57. *Редигер А.Ф.* История моей жизни: Воспоминания военного министра: В 2 т.: Т.1. – М.: Кучково поле, Канон-Пресс, 1999. – 574, [2] с.
58. *Ржанов И.Н.* Декабрьское Московское вооруженное восстание в 1905 г. (7-31 дек. 1905 г., из зап. листков очевидца и наблюдателя) / Изложил старый москвич И.Н. Ржанов — 2-е изд. – М.: тип. Имп. Моск. Ун-та, 1905. –

39 с.

59. Таубе М.А. «Зарницы» Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900-1917 гг.) / Подгот. текста, коммент. М.А. Волхонского, Ф.А. Гайды. – М.: Памятники исторической мысли, РОССПЭН. – 272 с.

60. Урусов С.Д. Записки. Три года государственной службы / Вступ. Статья, подгот. текста, коммент. Н.Б. Хайловой. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 856 с.

Материалы периодической печати.

61. Вечерняя Почта. – М., 1905

62. Климков Василий И. Расправы и расстрелы: (Письма, очерки и наброски спец. кор. газеты «Русь» («Молва»). – М.: тип. А.П. Поплавского, 1906. - 238, II с.: ил.

63. Московские ведомости. – М., 1905

64. Новости дня. – М., 1905.

65. Правительственный вестник. – СПб, 1905

66. Русский Листок. – М., 1905.

67. Русское Слово. – М., 1905

Литература.

Научные и научно-популярные издания

На русском языке:

1. 1905 год в Москве. (Ист.-рев. очерк. Ход событий и памятные места) / Общая ред. проф. Г.Д. Костомарова. – М.: Моск. рабочий, 1955. – 336 с.
2. *Айрапетов О.Р.* На пути к краху. Русско-японская война 1904-1905 гг. Военно-политическая история. М.: Алгоритм, 2015. – 496 с.
3. *Алмазов М.Г. Ф.В. Дубасов* и подавление Декабрьского восстания в Москве // Российская история. 2020. № 1. С. 51-74.
4. *Алмазов М.Г.* «С сегодняшнего дня ежедневные советы у меня»: к вопросу о роли военно-полицейских совещаний в период Декабрьского вооруженного восстания 1905 г. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2019. № 1. С. 75-84.
5. *Алмазов М.Г.* Московская администрация и Дума во время Декабрьского восстания // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2019. № 2. С. 44-62.
6. *Алмазов М.Г.* «Огонь, само собой, должен вестись энергично»: артиллерийский обстрел Пресни 17 декабря 1905 г. // Человеческий капитал. 2019. № 1. С. 20-26.
7. *Алмазов М.Г.* Судьба воззваний московского генерал-губернатора Ф.В. Дубасова к московскому населению в период Декабрьского восстания 1905 г. // Вестник Брянского государственного университета. 2019. № 4. С. 9-17.
8. *Алмазов М.Г.* Реализация обязательных постановлений

московской власти во время декабрьского вооруженного восстания // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. Сборник статей участников V Всероссийской научно-практической школы-конференции молодых ученых (9 ноября 2017 г.). – М., Институт российской истории РАН, 2018. – С. 149-156.

9. *Алмазов М.Г.* Взаимодействие московского генерал-губернатора Ф.В. Дубасова и полковника Г.А. Мина во время занятия Пресни (17-21 декабря 1905 г.) // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. Сборник статей участников Международной научно-практической школы-конференции молодых ученых (25 октября 2018 г.). – М.: Институт российской истории РАН, 2018. – С. 175-186.

10. *Алмазов М.Г.* Московская власть и городское самоуправление перед лицом революции // Традиции исторической мысли: материалы Научного семинара памяти профессора В.И. Злобина / Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова (отв. ред. С.А. Ермишина и др.). Вып. 5-6. – М.: МАКС ПРЕСС, 2018. – С. 188-209.

11. *Алмазов М.Г.* Взаимодействие московского генерал-губернатора Ф.В. Дубасова и властей империи в ходе подавления Декабрьского вооруженного восстания 1905 г. // Ключевские чтения-2018. Гражданская война и гражданский мир в исторической судьбе России / отв. ред. В.Е. Воронин. – М.: Издательство «Спутник+», 2019. – С. 348-353.

12. *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – 429 с.

13. *Базилевич К.В.* Очерки по истории профессионального движения работников связи. 1905-1906. – М.: изд. ЦК Союза связи. – 616, 98, XIV с.

14. *Бородин А.П.* Петр Николаевич Дурново. «Русский

Нострадамус». – М.: Алгоритм, 2013. – 445 [2] с.

15. *Брачев В.С.* Мастера политического сыска дореволюционной России. – СПб.: Нестор, 1998. – 109 [1] с.

16. *Булдаков В.П.* Красная Смута. Природа и последствия революционного насилия. – 2-е изд. – М.: РОССПЭН, 2010. – 960 с.

17. *Вальдин А.С.* Социально-политическая борьба накануне и во время Декабрьского (1905 г.) восстания: дис. ...канд. ист. наук. – М., 2000. – 277 с.

18. *Васильева Н.И., Гальперин Г.Б., Королев А.И.* Первая российская революция и самодержавие (Гос.-правовые проблемы) / Под общ. ред. проф. А.И. Королева. Л: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. – 151 с.

19. *Васин И.Н.* Декабрьское вооруженное восстание 1905 года в Москве. – М.: Знание, 1955. – 40 с.

20. *Вдовин С.Е.* Деятельность партийно-политических групп гласных Московской Городской Думы 1904-февраль 1917 г.: дис. ...канд. ист. наук. М., 2002. – 486 с.

21. *Власть и реформы. От самодержавной к советской России/* Отв. ред. *Б.В. Ананьич* – 2-е изд. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006. – 733 с.

22. *Воробьева Ю.С.* Федор Дубасов в декабре 1905 года // Вестник архивиста: Информационный бюллетень. 2001. № 4-5 (64-65): Июль-октябрь. – М.: 2001. – С. 360-368.

23. *Воробьева Ю.С.* Меж двух огней. Николай Гучков в декабре 1905 года // Муниципальная власть. 1998. № 2. – С. 96-98.

24. *Воробьева Ю.С.* Николай Гучков — московский городской голова: страницы биографии. – М.: У Никитских ворот, 2009. – 230 (1) с.

25. *Гернет М.Н.* История царской тюрьмы. В 5 т. Т. 1: Петропавловская крепость. – 3-е изд. – М.: Госюриздат, 1962. – 302 с.

26. *Голубева М.И.* Правовая культура // Очерки русской культуры. Конец XIX – начало XX века. Т.2. Власть, общество, культура – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012. – С.202-277.
27. *Гурьев В.И.* Московская полиция, 1881-1917 гг. – 2-е изд., доп. и перераб. – СПб: Нестор-История, 2014. – 258 [1] с.
28. *Давидович А.М.* Самодержавие в эпоху империализма/ Классовая сущность и эволюция абсолютизма в России. – М.: Наука, 1975. – 351 с.
29. *Дергачева Л.П.* Периодика // Очерки русской культуры. Конец XIX -начало XX века. Т.1.Общественно-культурная среда. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2011. – С.287-340.
30. *Дунаева А.Ю.* Реформы полиции в России начала XX века и Владимир Федорович Джунковский. – М.: Объединенная редакция МВД России, 2012. – 319 (1) с.
31. *Зырянов П.Н., Шелохаев В.В.* Первая русская революция в американской и английской буржуазной историографии. – М.: Б. И, 1976. – 184 с.
32. *Ерошкин Н.П.* Самодержавие накануне краха. – М.: Просвещение, 1975. – 160 с.
33. *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880-х годов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964. – 511 с.
34. *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX-XX столетий. 1881-1903. – М.: Мысль, 1973. – 351 с.
35. *Игрицкий И.Ю., Романовский Н.В.* Критика буржуазной историографии трех революций в России. – М.: Знание, 1975. – 64 с.
36. *Ильин С.В.* Витте. – 2-е изд., испр. – М.: Молодая Гвардия, 2012. – 511 с.

37. История Москвы. Т.5. Период империализма и буржуазно-демократических революций / Под ред. А.М. Панкратовой. – М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1955. – 817 с.
38. История СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. 1 серия. Том VI. Россия в период империализма/ Отв. ред. А.Л. Сидоров. – М.: Наука, 1968. – 854 с.
39. *Клюкин В.И.* Сергей Мицкевич. 1869-1944. – Киров: Волго-Вят. кн.изд-во. Киров. Отд-ние, 1980. – 110 с.
40. *Колесниченко Д.А.* Всероссийский Крестьянский Союз в 1905-1907 гг. – М.: Ин-т рос. Истории РАН, 2006. – 308 [2] с.
41. *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. – М.: Новое литературное обозрение. – 664 с.
42. *Королева Н.Г.* Первая российская революция и царизм: Совет министров России в 1905-1907 гг. – М.: Наука, 1982. – 184 с.
43. *Корелин А.П., Степанов С.А.* С.Ю. Витте – финансист, политик, дипломат. – М.: Терра, 1998. – 462 с.
44. Кризис самодержавия в России. 1895-1917/Отв. ред. В.С. Дякин – Л.: Наука. Ленингр. Отд-ние, 1984. – 664 с.
45. *Кружалова Ю.Н.* Московское городское самоуправление в 1905-1912 гг.: автореф. дис...канд. ист. наук – М., 1982. – 24 с.
46. *Куксин А.И.* Боеготовность русской армии и военно-окружной аппарат в начале XX века (1904-1913 гг.): По материалам Московского военного округа: дис. ...канд. ист. наук. – М., 2001 – 230 с.
47. *Леонов М.И.* Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. – М.: РОССПЭН, 1996. – 512 с.

48. *Макаров К.О.* «Мы жили убеждением, что никто причастный к мятежу не должен быть пощажен»: расстрелы студентов солдатами лейб-гвардии Семеновского полка в дни Декабрьского восстания 1905 г. в Москве //Петербургские военно-исторические чтения. Межвузовская научная конференция. С.-Петербург, 16 марта 2018 г. Сб. науч. ст. / Ред. кол.: А.Б. Николаев (отв. ред. и сост.), Д.А. Бажанов. – СПб., 2019. – С. 55-68.
49. *Марушкин Б.И., Иоффе Г.З., Романовский Н.В.* Три революции в России и буржуазная историография. – М.: Мысль, 1977. – 279 с.
50. *Медведев С.В.* Эксперимент Зубатова. Легализация рабочего движения в первые годы XX в. – М.: У-т Дмитрия Пожарского, 2018. – 375, [2] с.
51. *Мельников А.Б.* Революционное движение в войсках московского гарнизона в период Декабрьского вооруженного восстания // Исторические записки. Т.49. – М., 1954. – С. 265-298
52. *Невский В.И.* Советы и вооруженное восстание в 1905 году. – М.: Изд-во политкаторжан., 1932. – 428 с.
53. Очерки истории Московской организации КПСС. Кн. 1. – 1883 – ноябрь 1917. – М.: Моск. Рабочий, 1979. – 560 с.
54. *Панкратова А.М.* Первая русская революция. 2-е изд., доп. – М.: Госполитиздат, 1951. – 244 с.
55. Первая революция в России. Взгляд через столетие / Отв. ред. А.П. Корелин и С.В. Тютюкин – М.: Памятники исторической мысли, 2005. – 602 с.
56. *Овченко Ю.Ф.* Московская охранка на рубеже веков. 1880-1904 гг. – М.: ИНСОФТ, 2010. – 232 с.
57. *Овченко Ю.Ф.* Безопасность империи: (политический сыск

— средство обеспечения безопасности Российского самодержавия, 1880-1917 гг.). – М.: Техинформ, 2012. – 370 с.

58. *Островский А.В.* Россия. Самодержавие. Революция. В 2-х тт. Т.1. – М.: Издательство «КМК», 2020. – 714 с.

59. Первая русская революция: взгляд через столетие: материалы науч. конф. – М.: Изд-во Российского гос. социального ун-та, 2006. – 189 с.

60. Первый штурм царизма. – М.: Мысль, 1986. – 256 с.

61. *Перегудова З.И.* Политический сыск России (1880-1917). – М.: Политическая энциклопедия, 2000. – 430(1) с.

62. *Писарькова Л.Ф.* Городские реформы в России и Московская Дума. – М.: Новый хронограф: АИРО-XXI, 2010. – 752 с.

63. *Покровский М.Н.* 1905 год. М.: Моск. рабочий, 1930. – 112 с.

64. Революция 1905-1907 годов в России. – М.: Мысль, 1975. – 431 с.

65. Россия в начале XX века / Под ред. А.Н. Яковлева. – М.: Новый хронограф, 2002. – 744 с.

66. *Рыженко Ф.Д.* Декабрь 1905 – М.: Молодая Гвардия, 1980. – 192 с.

67. *Степанов С.А.* Черная сотня: что они сделали для спасения России? – М.: Яуза-Пресс, 2013. – 669, [2] с.

68. *Степанский А.Д.* Советская историография внутренней политики царизма в 1905-1907 гг.// Актуальные проблемы советской историографии первой русской революции. – М.: Наука, 1978. – С. 256-282.

69. *Сторожев В.Н.* Декабрьское вооруженное восстание (По архивным материалам) // Декабрьское восстание в Москве 1905 г.

Иллюстрированный сборник статей, заметок и воспоминаний. Под ред. Н. Овсянникова (Материалы по истории пролетарской революции. Сборник 3-й). – М.: Государственное издательство, 1920. – С.60-207.

70. *Таратута В.К.* 1905 год и Московское восстание. - М.; Л.: Госиздат, 1925 г. – 52 с.

71. *Федосов И.А., Долгих Е.И.* Российский абсолютизм и бюрократия // Очерки русской культуры XIX века. В 6 тт. Т. 2. Власть и культура. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. – С.10-101.

72. *Хохлов А.В.* Карательный аппарат царизма в борьбе против революции 1905-1907 гг.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1975. – 18 с.

73. *Чебарин А.С.* Москва в революции 1905-1907 гг. – М.: Госполитиздат, 1955. – 264 с.

74. *Черменский Е.Д.* История СССР. Период империализма (90 гг. XIX в. – март 1917 г.). – М.: Просвещение, 1965. – 567 с.

75. *Черменский Е.Д.* Буржуазия и царизм в первой русской революции. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Мысль, 1970. – 448 с.

76. *Черновский А.А.* Первая русская революция. – Л.: Изд-во Ленингр. губпрофсвета, 1926. – 38 с.

77. *Черномордик С.И.* Московское вооруженное восстание в декабре 1905 года – М.; Л.: Моск. рабочий, 1926. – 242 с.

78. *Черномордик С.И.* Декабрьское вооруженное восстание 1905 года // Исторические записки. Т. 18. – М.: Наука, 1946. – С. 3-41.

79. *Шацилло К.Ф.* Первая революция в России. 1905-1907: Кн. для учителя. – М.: Просвещение, 1985. – 223 с.

80. *Шатина Н.В.* Местный государственный аппарат самодержавия в борьбе с первой российской революцией: (На прим.

Москвы): дис. ...канд. ист. наук. – М., 1989. – 227 с.

81. *Шатина Н.В.* Местный государственный аппарат самодержавия в борьбе с первой российской революцией: (На прим. Москвы): автореф. дис....канд. ист. наук. – М., 1989. – 26 с.

82. *Шинджикашвили Д.И.* Министерство внутренних дел царской России в период империализма (Структура, функции, реакц. сущность, связь с другими м-вами). Учеб. пособие. – Омск: Омская высшая школа милиции, 1974. – 111 с.

83. *Шинджикашвили Д.И.* Сыскная полиция царской России в период империализма. – Омск: Омская высшая школа милиции, 1973. – 67 с.

84. *Яковлев Н.Н.* Вооруженные восстания в декабре 1905 года – М.: Госполитиздат, 1957. – 549 с.

85. *Ярославский Е.М.* Декабрьское восстание. – М.: Госиздат, 1925. – 257 с.

Литература на иностранных языках.

86. *Ascher A.* The Revolution of 1905. Russia in Disarray. In. 2 Vols. Vol. 1. – Stanford, CA: Stanford University Press, 1988. – 450 p.

87. *Bushnell J.* Mutiny amid Repression: Russian Soldiers in the Revolution of 1905-1906. – Bloomington, IN: Indiana University Press, 1985. – IX, 334 p.

88. *Engelstein L.* Moscow, 1905: Working-class organization a. Political Conflict. – Stanford, CA: Stanford University Press, 1982. – VIII, 308 p.

89. *Harcave S.* The Russian Revolution of 1905. – Springfield, OH: Collier, 1970. – 316 p.

90. Sanders J. The Uprising of December 1905. – N. Y.: Garland, 1987. – 886 p.

Справочные издания.

91. Петр Аркадьевич Столыпин: Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. – М.: РОСССПЭН, 2012. – 735 с.
92. Россия в 1905-1907 гг. Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Журавлев. – М.: РОСССПЭН, 2016. – 1196 с.

Учебно-методическая литература.

93. Источниковедение истории СССР XIX – начала XX в./ Отв. ред. И.А. Федосов. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1970. – 468 с.

Список сокращений.

- ГА РФ – Государственный Архив Российской Федерации
- ДП МВД – Департамент Полиции Министерства Внутренних Дел
- МОО – Отделение по охране общественной безопасности и порядка в Москве (Охранное Отделение) при московском градоначальнике
- МГЖУ – Московское Губернское Жандармское Управление
- МВД – Министерство внутренних дел
- МВО – Московский военный округ
- ОР РГБ – Отдел Рукописей Российской Государственной Библиотеки (г. Москва)
- Отд. – отделение
- 3 ПСЗ РИ – 3-е собрание Полного Собрания Законов Российской империи
- РГАЛИ – Российский Государственный Архив Литературы и Искусства
- РГА ВМФ – Российский Государственный Архив Военно-Морского Флота (г. Санкт-Петербург)
- РГВИА – Российский Государственный Военно-Исторический Архив (г. Москва)
- РГИА – Российский Государственный Исторический Архив (г. Санкт-Петербург)
- ст. – статья
- СВП 1869 г. – Свод Военных Постановлений 1869 года
- СЗ РИ – Свод Законов Российской империи
- ЦГА Москвы – Центральный Государственный Архив г. Москвы

